

2023 – № 2

СИБИРСКИЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Барнаул – Иркутск – Кемерово – Новосибирск – Томск

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в 2002 г. Выходит 4 раза в год

Сибирское отделение РАН
Институт филологии Сибирского отделения РАН
Алтайский государственный университет
Иркутский государственный университет
Кемеровский государственный университет
Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирский государственный университет
Томский государственный педагогический университет
Томский государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, проф. И. В. Силантьев (ИФЛ СО РАН) – главный редактор; д-р филол. наук, доц. И. Е. Ким (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора; канд. филол. наук А. А. Озона (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь

Д-р филол. наук, проф. Н. С. Болотнова (ТГПУ); д-р филол. наук, проф. Э. Вайда (Западно-Вашингтонский университет, США); д-р филол. наук, проф. Л. И. Горбунова (ИГУ); д-р филол. наук, проф. В. З. Демьянков (ИЯ РАН); д-р филол. наук, проф. М. Я. Дымарский (РГПУ им. А. И. Герцена); д-р филол. наук, доц. О. Д. Журавель (ИИ СО РАН); д-р филол. наук, проф. Л. Г. Ким (КемГУ); д-р филол. наук В. Л. Кляус (ИМЛИ РАН); канд. филол. наук А. М. Лаврентьев (Лионский университет, Франция); д-р филол. наук, проф. Э. Малэк (Лодзинский университет, Польша); д-р филол. наук, проф. Т. И. Печерская (НГПУ); д-р филол. наук, проф. Дж. Руей-Уиллоуби (Университет Кентукки, США); д-р филол. наук, проф. Е. К. Скрибник (Мюнхенский университет, Германия); канд. ист. наук, доц. С. Г. Суляк (Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Республика Молдова); д-р филол. наук, проф. Т. А. Трипольская (НГПУ); д-р филол. наук, доц. И. В. Тубалова (ТГУ); д-р философии по антропологии, проф. С. А. Ушакин (Принстонский университет, США); д-р филол. наук, проф. Л. Ю. Фуксон (КемГУ); д-р филол. наук, проф. Л. Харвилаhti (Финское литературное общество, Финляндия); д-р филол. наук, проф. Т. В. Чернышова (АлтГУ); д-р филол. наук, проф. М. А. Черняк (РГПУ им. А. И. Герцена); канд. филол. наук, доц. О. Н. Юрченкова (ТГПУ)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д-р филол. наук, проф. Т. Е. Автухович (Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Республика Беларусь); акад. РАН А. Е. Аникин (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, проф. Т. Бакчиев (ГУ «Национальная академия «Манас», Кыргызская Республика); д-р филол. наук, проф. Т. А. Демешкина (ТГУ); д-р филол. наук, проф. Л. И. Журова (ИИ СО РАН); чл.-корр. РАН, проф. Н. В. Корниенко (ИМЛИ РАН); д-р филол. наук, проф. Е. В. Лукашевич (АлтГУ); д-р филол. наук, проф. М. А. Осадчий (Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина); д-р филол. наук, проф. Л. Г. Панин (НГУ); д-р филол. наук, проф. С. Ж. Тажибаева (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан); канд. филол. наук, доц. М. Б. Ташлыкова (ИГУ); канд. филол. наук, доц. О. Г. Щеглова (НГУ)

Журнал индексируется в БД Scopus, Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI), Russian Science Citation Index (RSCI), Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-77938 от 04.03.2020

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
sibphilology@mail.ru

Официальный сайт журнала: <http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

Фольклористика

- Миндибекова В. В.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Обрядовый фольклор хакасов на рубеже XVIII–XIX веков: историографический аспект 9
- Прокопьева П. Е.** (Якутск, ИГиИПМНС СО РАН)
Песенные вставки в сказочном фольклоре лесных юкагиров 19
- Юша Ж. М.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Образ Амыр-Саны в анклавной традиции тувинцев Китая по современным записям 35

Литературоведение

- Васильева Г. М.** (Новосибирск, НГУЭУ)
Голос Гёте в романе А. Николева «По ту сторону Туль» 49
- Урюпин И. С.** (Москва, МПГУ)
Пушкинские «Цыганы»: об одном сюжетном прецеденте в рассказах М. Горького и И. А. Бунина 63
- Печерская Т. И.** (Новосибирск, НГПУ)
Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: два дополнения к комментарию одного эпизода (Хохлакова и Дмитрий Карамазов) 73
- Корниенко С. Ю.** (Новосибирск, НГПУ)
Образ Марины Мнишек в исторической репрезентации Д. Иловайского и поэтике М. Цветаевой: от исторических штудий к персональному мифу 85
- Горбенко А. Ю.** (Красноярск, КГПУ)
«Особый путь» литературы Сибири? (Опыт реконструкции историко-философских и литературно-критических источников сибирского областничества) 98
- Шумская Л. М.** (Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы)
Билютенко Е. И. (Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы)
Комарова И. К. (Гродно, Гродненский филиал БИП)
Гуманистические тенденции художественно-эстетической системы З. Н. Гиппиус в Петербургских дневниках 1914–1919 годов 112
- Пономарев Е. Р.** (Москва, ИМЛИ РАН; Санкт-Петербург, РХГА)
«Жизнь Бунина» и «Жизнь Арсеньева»: романские проекции биографии и вызванные ими ошибки 124
- Шестакова Е. Ю.** (Северодвинск, Филиал САФУ)
Тема «жизни и смерти человека» в рассказах о детстве И. С. Шмелева 1909–1911 годов 139
- Вахненко Е. Е.** (Иркутск, ИГУ)
Прасковья Семеновна Воробьева-Владимирова – екатеринодарский корреспондент и критик А. М. Ремизова 152
- Ковалева Т. И., Лоцилов И. Е.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
«Мстислава древний поединок...»: рассказ «Повести временных лет» в стихотворении В. Сосноры «Бой Мстислава с Редедей» (1959) 166

- Назаренко И. И.** (Томск, ТГУ)
Редукция ностальгии в сознании героев прозы русских младоэмигрантов 180

Языкознание

- Николаев Е. Р.** (Якутск, ИГиЛПМРС СО РАН)
Диалектные наименования мутовки в якутском языке (на материале лексикографических источников) 194
- Сундуева Е. В.** (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН)
Значения прилагательного *алаг* / *ала* в бурятском и хакасском языках (на примере эпических произведений) 208
- Власов С. В.** (Санкт-Петербург, СПбГУ)
Демидов Д. Г. (Тайбэй, Государственный университет Чжэнчжи)
Категория причастодетия в русском литературном языке XVIII века (на примере произведений сибирского цикла А. Н. Радищева) 221
- Кызласова И. Л.** (Абакан, ХГУ им. Н. Ф. Катанова)
Рефлектив в хакасском языке: структура и семантика 235
- Байыр-оол А. В.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Тувинские глагольные конструкции с фрустративной семантикой 247
- Кошкарева Н. Б.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Бакайтис И. И. (Новосибирск, НГУ)
Парадигма неизосемических высказываний с семантикой качественной характеристики как пример асимметрии синтаксического знака 258
- Плотников И. М.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Коммуникативная вариативность бытийной типовой синтаксической структуры в сургутском диалекте хантыйского языка 269
- Горбунова В. А.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Способы выражения сравнения в ульчском языке 286
- Шапошникова И. В.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Отражение этнополитических концепций и сценариев межэтнических отношений в психологических значениях абстрактных лексем 300
- Рабенко Т. Г., Горовая Я. О.** (Кемерово, КемГУ)
Креолизованность как жанрообразующий признак текстов естественной письменной речи (на материале жанра девичьего альбома) 312

Рецензии

- Камитова А. В.** (Ижевск, УФИЦ УрО РАН)
Марийский язык в памятниках письменности: новые интерпретации и реконструкции. Рецензия на книгу: Сергеев О. А. Язык памятников письменности марийского языка (конец XVII – XVIII вв.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. 422 с. 327

Научная жизнь

- Никитин О. В.** (Мытищи, ГУП)
Турчаненко В. В. (Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН)
Михайловские Пушкинские чтения – 2022: «История народа принадлежит поэту» 331

2023 – No. 2

SIBERIAN
JOURNAL
OF PHILOLOGY

Barnaul – Irkutsk – Kemerovo – Novosibirsk – Tomsk

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOLOGY

Founded in 2002. Published quarterly.

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Altai State University
Irkutsk State University
Kemerovo State University
Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk State University
Tomsk State Pedagogical University
Tomsk State University

EDITORIAL BOARD

Igor V. Silantev, Corresponding member of the RAS, Doctor of Philology, Prof., Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Editor-in-Chief*; Igor E. Kim, Doctor of Philology, Assistant Professor, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Deputy Editor-in-Chief*; Ayana A. Ozonova, Candidate of Philology, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Executive Secretary*; Nina S. Bolotnova, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation; Edward J. Vajda, PhD in Slavic Linguistics, Prof., Western Washington University, USA; Ludmila I. Gorbunova, Doctor of Philology, Prof., Irkutsk State University, Russian Federation; Valeriy Z. Demyankov, Doctor of Philology, Prof., Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russian Federation; Mikhail Ya. Dymarskiy, Doctor of Philology, Prof., Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation; Olga D. Zhuravel, Doctor of Philology, Institute of History of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Lidiya G. Kim, Doctor of Philology, Prof., Kemerovo State University, Russian Federation; Vladimir L. Klyaus, Doctor of Philology, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russian Federation; Aleksey M. Lavrentyev, Candidate of Philology, Lumiere University Lyon 2, France; Eliza Malek, Doctor of Philology, Prof., University of Lodz, Poland; Tatyana I. Pecherskaya, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation; Jeanmarie Rouhier-Willoughby, Doctor of Philology, Prof., University of Kentucky, USA; Elena K. Skribnik, Doctor of Philology, Prof., Ludwig Maximilian University of Munich, Germany; Sergey G. Sulyak, Candidate of History, Assistant Professor, Pridnestrovian State University, Moldova; Tatyana A. Tripolskaya, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation; Inna V. Tubalova, Doctor of Philology, Assistant Professor, Tomsk State University, Russian Federation; Sergey A. Oushakine, PhD in Anthropology, Prof., Princeton University, USA; Leonid Yu. Fukson, Doctor of Philology, Prof., Kemerovo State University, Russian Federation; Lauri Harvilahti, Doctor of Philology, Prof., Finnish Literature Society, Finland; Tatyana V. Chernyshova, Doctor of Philology, Prof., Altai State University, Barnaul, Russian Federation; Mariya A. Chernyak, Doctor of Philology, Prof., Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation; Oksana N. Yurchenkova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation

EDITORIAL COUNCIL

Aleksandr E. Anikin, Academician of the RAS, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Tatyana E. Avtukhovich, Doctor of Philology, Prof., Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus; Talantaaly A. Bakchiev, Doctor of Philology, Prof., Manas National Academy, Bishkek, Kyrgyz Republic; Tatyana A. Demeshkina, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State University, Russian Federation; Ludmila I. Zhurova, Doctor of Philology, Institute of History of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Natalya V. Kornienko, Doctor of Philology, Corresponding member of the RAS, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russian Federation; Elena V. Lukashevich, Doctor of Philology, Prof., Altai State University, Barnaul, Russian Federation; Mikhail A. Osadchiy, Doctor of Philology, Prof., Pushkin State Russian Language University, Moscow, Russian Federation; Leonid G. Panin, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State University, Russian Federation; Olga G. Schegllova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Novosibirsk State University, Russian Federation; Saule Zh. Tazhibaeva, Doctor of Philology, Prof., L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; Marina B. Tashlykova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Irkutsk State University, Russian Federation

Institute of Philology
Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
sibphilology@mail.ru
<http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php>

CONTENTS

Folklore

- Mindibekova V. V.**
Khakass ritual folklore at the turn of the 18th–19th centuries: historiographical aspect 9
- Prokopeva P. E.**
Song inclusions in the fairy-tale folklore of Forest Yukaghirs 19
- Yusha Zh. M.**
The image of Amyr-Sana in the enclave tradition of Tuvans of China according to modern records 35

Literature

- Vasilyeva G. M.**
Goethe's voice in the novel of Andrei Nikolev "Beyond Tula" 49
- Uryupin I. S.**
Pushkin's "The Gypsies": on a plot precedent in the stories of M. Gorky and I. A. Bunin 63
- Pecherskaya T. I.**
"The Brothers Karamazov" by F. M. Dostoevsky: two addendums to one episode commentary (Khokhlakova and Dmitry Karamazov) 73
- Kornienko S. Yu.**
The image of Marina Mniszecz in the historical representation of Dmitry Ilovaysky and the poetics of Marina Tsvetaeva: from historical studies to personal myth 85
- Gorbenko A. Yu.**
"Special Path" of Siberian literature? (Experience in the reconstruction of historiosophical and literary critical sources of Siberian regionalism) 98
- Shumskaya L. M., Bilyutenko E. I., Komarova I. K.**
Humanistic tendencies in the artistic and aesthetic system of Z. N. Gippius in her Petersburg Diaries of 1914–1919 112
- Ponomarev E. R.**
"The Life of Bunin" and "The Life of Arseniev": novel projections of biography and the mistakes they cause 124
- Shestakova E. Yu.**
The theme of "the life and death of a man" in the stories about the childhood of I. S. Shmelev 1909–1911 139
- Vakhnenko E. E.**
Praskovya Semenovna Vorobieva-Vladimirova – Ekaterinodar journalist and critic of A. M. Remizov 152
- Kovaleva T. I., Loshchlov I. E.**
"The ancient duel of Mstislav...": the story of "The Russian Primary Chronicle" in a V. Sosnora's poem "The battle of Mstislav with Rededya" (1959) 166
- Nazarenko I. I.**
Nostalgia reduction in the consciousness of the Russian young emigrants' prose heroes 180

Linguistics

- Nikolaev E. R.**
Dialect names of *mutovka* in the Yakut language (a case study of lexicographic sources) 194
- Sundueva E. V.**
Meanings of adjectives *alag* and *ala* in the Buryat and Khakas languages (a case study of epic works) 208
- Vlasov S. V., Demidov D. G.**
The category of *prichastodetie* (Gerundivum) in the Russian literary language of the 18th century (a case study of the works of the Siberian cycle by A. N. Radishchev) 221
- Kyzlasova I. L.**
Reflexive in the Khakass language: structure and semantics 235
- Bayyr-ool A. V.**
Tuvan verb constructions with frustrative semantics 247
- Koshkareva N. B., Bakaitis I. I.**
The paradigm of non-isosemic statements with the semantics of qualitative characterization as an example of the asymmetry of a syntactic sign 258
- Plotnikov I. M.**
Communicative variation of the typical existential syntactic structure in the Surgut dialect of Khanty 269
- Gorbunova V. A.**
Ways of expressing comparison in the Ulch language 286
- Shaposhnikova I. V.**
Reflection of ethnopolitical concepts and scenarios of interethnic relations in the psychological meanings of abstract lexemes 300
- Rabenko T. G., Gorovaya Ya. O.**
Creolization as a genre-forming feature of the texts of natural written speech (a case study of a girl's album genre) 312

Reviews

- Kamitova A. V.**
The Mari language in the monuments of writing: new interpretations and reconstructions. The book review: Sergeev O. A. The language of written monuments of the Mari language (late 17th – 18th centuries). Yoshkar-Ola, MarNIIYALI, 2021, 422 p. 327

Scientific Life

- Nikitin O. V., Turchanenko V. V.**
Mikhailovskoe Pushkin Readings – 2022: “The history of the people belongs to the poet” 331

Фольклористика

Научная статья

УДК 398 (=512.153) + 398.5

DOI 10.17223/18137083/83/1

Обрядовый фольклор хакасов на рубеже XVIII–XIX веков: историографический аспект

Валентина Виссарионовна Миндибекова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

mindibekova@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1093-3106>

Аннотация

Дается краткий обзор истории собирания, изучения и публикации обрядового фольклора хакасов. Особое внимание уделяется трудам немецких и финских исследователей XVIII–XIX вв., путешествовавших по территории Хакасско-Минусинского края. Рассматриваются образцы культовой поэзии, записанные Н. Ф. Катановым в 1878–1892 гг. Зафиксированные шаманские заклинания, благопожелания представляют ценные образцы обрядового фольклора хакасов. Хронологические рамки охватывают период активного бытования жанров обрядового фольклора. Проанализированы некоторые особенности жанра обрядовой поэзии.

Ключевые слова

обрядовый фольклор, алгас, благопожелания, благословения, шаманские тексты

Для цитирования

Миндибекова В. В. Обрядовый фольклор хакасов на рубеже XVIII–XIX веков: историографический аспект // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 9–18. DOI 10.17223/18137083/83/1

Khakass ritual folklore at the turn of the 18th–19th centuries: historiographical aspect

Valentina V. Mindibekova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

mindibekova@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1093-3106>

Abstract

In the traditional folklore culture of the Khakass, good wishes played an important role, with every custom or ritual accompanied by a verbal performance of good wishes. The Khakass

© Миндибекова В. В., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 9–18
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 9–18

people held the belief that the power of good wishes spoken aloud could bring a sense of well-being into one's life. Of great value for the study are the records of the ritual folklore made by N. F. Katanov. These records are accompanied by a complete ethnographic description of the performed rituals, attributes used in the rituals, actions performed by shamans, and their spells addressed to the deities and spiritual masters of the terrain. The rite is regarded as the interaction of word and action, ritual and verbal text. This work analyzes the texts of the algas published in Volume 9 of "Samples of folk literature of the Turkic tribes" compiled by V. V. Radlov (1907). N. F. Katanov recorded about 70 unique cult texts. Of particular interest are the examples of cult poetry, such as good wishes, shamanic incantations of ancestral spirits, worship of Mother Fire, texts related to the veneration of the master spirits of nature and terrain, and curses. The analysis has revealed two main thematic variants of the algas genre in the ritual poetry of the Khakass, with the first one including the texts functioning as calls and requests for help and assistance and the second one representing good wishes, blessings, and parting words

Keywords

ritual poetry, algas, good wishes, blessings, shamanic texts

For citation

Mindibekova V. V. Khakass ritual folklore at the turn of the 18th–19th centuries: historiographical aspect. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 9–18. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/1

Введение

Фольклор хакасов обладает уникальной поэтической культурой, музыкальностью, отличается яркостью и своеобразием народно-поэтического мышления. В самобытном фольклоре хакасов содержатся уникальные сведения о языке, истории и культуре народа. Хакасский фольклор отличается многообразием, жанровым богатством. Особое место занимает обрядовый фольклор. В хакасском языке слово *кибір* переводится как 'обычай, традиция' (ХРС, 2006, с. 158), *тадар кибірлері* – 'хакасские обычаи' (ИЭС, 2009, с. 41). Целью работы является систематизация обрядового фольклора, выявление особенностей функционирования, обобщение имеющихся результатов исследования по обрядовому фольклору хакасов.

Обрядовая поэзия – неотъемлемая часть обрядов и шаманских камланий. В них содержатся призывы и просьбы о помощи и содействии, благословения, напутствия. Божествам приносились жертвы, чтобы их умилоствить и получить защиту от болезней и злых духов. Исполнитель восхваляет высокого покровителя, затем описывает принесенную ему жертву.

В традиционной культуре хакасов обрядовая поэзия играет важную роль. Каждое событие сопровождается исполнением словесного текста благопожеланий. В молитвах-заклинаниях к высшим силам содержалась просьба о благополучии, счастье, изобилии, удаче. К культовой поэзии хакасов относятся благопожелания, шаманские заклинания, обращенные к духам-предкам, к *От-ине* 'матери огня', тексты, связанные с почитанием духов-хозяев природы. Люди верили, что благопожелания могут влиять на реальность. В них заложена возможность улучшать жизнь человека, способствовать его благополучию. В этом проявилась вера людей в силу слова. *Алгасы* представляют собой многофункциональное явление в хакасском фольклоре. В это понятие входят благословения, благопожелания, заклинания и моления.

Из истории собирания, изучения и публикации

В собирании и изучении фольклора хакасов выделяются три хронологических периода: I период – XVIII в., II период – XIX в., III период – XX – начало XXI в. В первой половине XVIII в. в историко-этнографических трудах немецких исследователей появились первые записи текстов этнографического и фольклорного содержания в качестве комментирующих материалов. В то же время эти тексты использовались в целях представления яркости и своеобразия народно-поэтического мышления. Во второй половине XVIII в. Хакасия становится объектом внимания участников «Второй Камчатской экспедиции». Немецкоязычные путешественники и исследователи обращались к образцам хакасского фольклора как к достоверному свидетельству их этнической истории, образа жизни и быта. В первой половине XIX в. стали появляться целенаправленные записи и публикации фольклора. В работу по собиранию фольклорных произведений включились широкие общественные круги. С первой половины XX в. происходит углубленное изучение исторического прошлого народа. Появляются новые исследования по истории и этнографии хакасов. Советский период характеризуется как период зарождения хакасской фольклористики.

В начале XXI в. начались планомерные научные исследования в области хакасской фольклористики. Благодаря фиксации народных произведений, их публикации и изучению хакасский фольклор вошел в активный научный оборот.

I. Историко-этнографические труды европейских исследователей

Исследование древней культуры народов Южной Сибири началось в XVIII в. В изучении хакасского фольклора в дореволюционный период принимали участие ученые Академии наук и Русского географического общества. Ценность их научного наследия заключается в публикации материалов по фольклору и этнографии.

По поручению Петра I Российская академия наук начала исследование Сибири. Немецкий ученый-энциклопедист *Даниил Готлиб Мессершмидт* (нем. *Daniel Gottlieb Messerschmidt*, 1685–1735) был руководителем первой научной экспедиции в Сибирь. Побывав в долине Енисея в 1721–1722 гг., он оставил сообщения о населении Хакасско-Минусинского края, об их языке и культуре. Записи были сделаны на немецком языке. Он впервые зафиксировал сведения о каменной бабе Хуртуях-тас – «...очень знаменитой у этих народов статуи Куртуяк» [2012, с. 132]. В дневнике он пишет, что татары-язычники с Есь-бельтира, поставившие ему лошадей, рассказали: «...слышали от своих предков, что эта Kurtujak была очень знатная матрона и Кайра-хан, или всемогущий бог, превратил ее в камень, поэтому они с давних пор чтят ее память...» [Там же, с. 133].

В течение десяти лет (с 1733 по 1743 гг.) под руководством русско-немецкого естествоиспытателя, ученого Петербургской академии наук *Герхарда Фридриха Миллера* (нем. *Gerhard Friedrich Muller*, 1705–1783) проводилась «Вторая Камчатская экспедиция». В 1735 г. Г. Ф. Миллер сделал записи у качинцев, кызыльцев, койбалов об их расселении и языке. Его полевой дневник, записи, фундаментальный труд «Описание Сибирского царства» (1750) были насыщены уникальными сведениями по истории коренных сибирских народов, их материальной и духовной культуре. Им собраны данные по этнографии, в том числе и по религиозным верованиям качинцев и сагайцев, составлен словарь хакасских диалектов.

В работе экспедиции приняли участие *И. Г. Гмелин*, швед *Я. И. Линденау* [1983, с. 147–148] и др., собравшие обширный историко-этнографический материал о народах Сибири и Северо-Востока.

К ранним записям относится работа немецкого ученого-естествоиспытателя *Иоганна Георга Гмелина* (нем. *Johann Georg Gmelin*, 1709–1755). В составе «Второй Камчатской экспедиции» он побывал в районах юга Сибири. В 1783 г. среди хакасов (тогда их называли татарами) он записал в кратком варианте *сыит* плач жены Чанар Хуса, а также два качинских тахпаха, к которым он сделал переводы на немецкий язык. Большую ценность представляет нотная расшифровка музыкальных мелодий [Gmelin, 1752].

Этнографические описания культуры и быта представил *Иоганн-Готтлиб Георги* в книге «Описание всех обитающих в российском государстве народов» [1799]. Важные сведения об этнической культуре хакасов, о происхождении хакасских родоплеменных групп представил немецкий ученый-энциклопедист, естествоиспытатель академик *Петр-Симон Паллас* (нем. *Peter Simon Pallas*, 1741–1811). В его работе «Путешествие по разным провинциям Российского государства» среди прочих образцов есть записи хакасских камланий. В 1772 г. П. С. Паллас объездил многие провинции России, побывал среди бильтыров и качинцев. Он дал краткие заметки о манере исполнения и особенностях песен, отметил наличие трехструнного музыкального инструмента *еттыгана* ‘чатхана’ [Паллас, 1788, ч. 3, с. 499–500].

Сбор и изучение произведений хакасского фольклора в XVIII в. немецкими путешественниками становится периодом накопления материала.

В 1845 г. в Петербурге было создано Императорское Русское географическое общество. С 1845–1849 гг. по поручению Санкт-Петербургской академии наук в Сибирь отправился финский лингвист и этнограф *Матиас Александр Кастрен* (*Matthias Alexander Castren*, 1813–1852). В ходе научного путешествия он изучал языки и культуру народов Сибири, знакомился с их историей, этнографией и фольклором. Его поездка в Ачинские и Минусинские степи состоялась летом 1847 г. Было отмечено бытование героического эпоса у койбал, дано толкование мифологических персонажей (*Худай*, *Эрлик-хан*, *айна*). М. А. Кастрен исследовал почти весь Север и всю Сибирь [Кастрен, 1999]. Собранный материал стал основой для научных исследований.

Таким образом, труды европейских ученых-путешественников оказались востребованными и подготовили почву для последующих исследователей.

2. Дореволюционный период

(труды В. В. Радлова, Н. Ф. Катанова, С. Д. Майнагашева)

В дореволюционный период началась активная целенаправленная работа по сбору и публикации образцов устного поэтического творчества.

В 1863 г. к «абаканским татарам» приезжает востоковед, тюрколог Василий Васильевич Радлов (нем. *Friedrich Wilhelm Radloff*, 1837–1918). Свой путь в Хакасию он начал с истоков Мадыра (ныне Матыр, или Матур) до Таштыпа и, следуя по течению Абакана, доехал до Минусинска. Он пишет: «Из Минусинска я проехал на лодке по Енисею до Красноярска» [Радлов, 1989, с. 10]. Он записывал фольклорные жанры на абаканских поднаречиях (сагайском, койбальском, качинском, бильтырском), а также кызыльском и чулымском (кюэрик) [Образцы..., 1868, с. 648–660]. Запись проводилась на основе разработанной им транскрипции для тюркских языков. В. В. Радлов описал много тюркских вариантов топонимов,

цветообозначений и этнонимов, есть описания татарских жилищ и их внутреннего убранства. Его книга «Письма из Сибири. Страницы из дневника» вышла в Лейпциге в 1884 г. в 2-х томах. Тексты опубликованы на немецком языке. К сожалению, отсутствуют сведения об исполнителях фольклора и не названы места записи. Записанные образцы хакасского фольклора способствуют целостному представлению фольклорной традиции хакасов.

В конце XIX в. выдающийся тюрколог Николай Федорович Катанов (1862–1922) записал почти все фольклорные жанры. По решению Российской академии наук и Географического общества он был командирован в Сибирь и Восточный Туркестан. В записях, собраниях и изданиях ученого богато представлен обрядовый фольклор хакасов. В период с 1878 по 1892 г. в Минусинском окр. Енисейской губ.¹ записал уникальные культовые тексты на бельтырском, сагайском и качинском наречиях абаканских татар:

- 1) в 1878–1844 гг. были записаны тексты у качинцев и сагайцев;
- 2) с 21 сентября 1889 г. по 12 января 1890 г. записаны благословения, проклятия со слов сагайцев, койбалов, качинцев и бельтиров;
- 3) с 10 мая по 9 июня 1890 г. записаны тексты у бельтиров, качинцев и сагайцев;
- 4) с 1 июля по 12 октября 1892 г. записаны тексты со слов сагайцев, бельтиров и качинцев.

Н. Ф. Катанов писал о шаманских камланиях-молениях духам: «Шаманы, несмотря на запрещения миссионеров, шаманят ежегодно в июне и июле (до 20 числа), притом в полных костюмах, во всех почти улусах и даже вблизи сел» [1897, с. 22].

Н. Ф. Катанов записал молитвы-благопожелания, которые произносились исполнителями обрядов. Особенно много записей представляют собой образцы обрядовой поэзии, связанной с жертвоприношениями духам стихий, покровителям-духам коней. У сагайцев были записаны благословения огню, называемому *Отине* ‘матерью дома’, несколько стихов, обращенных к *таг ээзи* ‘горному духу’, к *ызыхам* ‘покровителям коней’.

Среди огромного количества образцов обрядовой поэзии Н. Ф. Катановым записаны шаманские рассказы и молитвы со слов бельтиров, сагайцев и качинцев в Минусинском округе Енисейской губернии. У бельтиров записаны *алгасы*-благословения горного духа, водяного духа, духа-покровителя домашнего скота: коней, коров и овец. У качинцев зафиксированы благословения огня и воды. Со слов шаманов записаны молитвы-благопожелания и обращения к *Отине* ‘духу-хозяйке огня’, *таг ээзи* ‘духу-хозяину гор’, *суг ээзи* ‘духу-хозяину рек и воды’, *иб ээзи* ‘духу-хозяину дома, жилища’, *ызых* ‘священным духам-покровителям коней, овец и т. д.

Его первая этнографическая статья «Описание шаманского бубна и костюма сагайского племени» была опубликована в труде Н. Г. Потанина «Очерки Северо-Западной Монголии» (1882).

Во втором разделе «Образцов...» представлены шаманские молитвы-обращения к духам-хозяевам огня, воды, силам природы, описана культовая поэзия (жертвоприношение небу). Тексты снабжены этнографическим описанием проводимых ритуалов и атрибутов, используемых в обрядах, текстовыми заклинаниями

¹ По административной реформе 1822 г. хакасы вошли в состав Енисейской губ. (Ачинский и Минусинский окр.) (ИЭС, 2009, с. 431).

шаманов, обращенных к божествам и духам-хозяевам местностей. Обряды рассматривались в комплексе взаимодействия слова и действия, ритуала и вербального текста.

Культовая поэзия помещена в третий отдел «Образцов...». В нем содержатся обрядовые песни, жертвоприношения и благословения горе, воде, покровителям жертвенных коней, посвященных Ульгеню и другим духам стихий, священным коням, различные шаманские молитвы [Образцы..., 1907а; 1907б]. Архаические обряды как приношение жертвы духам и обращения через молитвы-заклинания к духам-покровителям с принесением в жертву коней определенных мастей давно ушли в прошлое.

Большой интерес представляет обрядовая поэзия, связанная с почитанием божеств и духов-хозяев природы и местности. При проведении обряда поклонения небу произносится обращение к божествам и духам-покровителям:

1. *Ўзилбес тамыр ўчўн,*
2. *Ўребес чурт ўчўн!*
3. *Улуғлар настаан кибірбинен,*
4. *Пір пазыбыспынан,*
5. *Ікі инібіспінен*
6. *Пазырынып-сўзўрўніп турбыс!*
[Образцы..., 1907а, с. 11]

1. Ради жизни, чтоб не прекращалась,
2. И жилища ради, чтоб не разрушалось!
3. Начатый старшими обычай,
4. Головы склоняя,
5. Плечи наклоняя,
6. Совершаем поклонение!
[Образцы..., 1907б, с. 16–17]

В данном обращении сказано о прагматичной цели поклонения и о том, что поклоняющиеся соблюдают обычаи предков. Ж. М. Юша описала компоненты тувинских обращений: «Композиция любого произведения обрядовой поэзии обусловлена его прагматическим характером, связью с ритуалом» [2009, с. 29].

На протяжении четырех лет экспедиционной работы был собран уникальный материал по языку и этнографии тюркских народов.

В начале XX в. ценные записи о представлениях тюрков сделал хакасский этнограф С. Д. Майнагашев (1886–1920) в ходе поездок по Минусинскому краю в 1913 и 1914 гг. [Майнагашев, 1915; 1916]. Также им собрана довольно обширная фотоколлекция. По его инициативе на 1-м Съезде коренного населения 6–7 апреля 1917 г. было принято постановление об общем для абаканских, ачинских, минусинских татар наименовании «хакасы» (ИЭС, 2009, с. 430).

В 1920–1930-е гг. большой вклад в собирание материалов по этнографии, языку и фольклору тюрков Саяно-Алтая в ходе экспедиционной работы в Горной Шории внесла Н. П. Дыренкова. В ее работе «Шорский фольклор» [1940] имеются образцы хакасского фольклора.

Таким образом, большое количество ценных фольклорных материалов было зафиксировано на рубеже XIX–XX вв., в период активного бытования фольклора.

3. Научные труды хакасских исследователей

Новый этап в изучении хакасского фольклора начинается с открытия в 1944 г. Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ). Сбором фольклора занимались научные сотрудники М. И. Боргояков, В. И. Доможаков, У. Н. Кирбижекова, В. Е. Майногашева, К. М. Патачаков, Т. Г. Тачеева, П. А. Трояков, Д. И. Чанков и мн. др.

Опубликована монография «Хакасское народное поэтическое творчество» В. Е. Майногашевой совместно с М. А. Унгвицкой, также занимавшейся составительской работой по обрядовому тому [Унгвицкая, Майногашева, 1972]. Сбором материала по обрядовому фольклору хакасов занималась В. Е. Майногашева [2000; 2009].

В. Я. Бутанаев собрал большую коллекцию образцов хакасского фольклора в ходе многолетних полевых исследований [Бутанаев, Бутанаева, 2001]. В «Хакасско-русском историко-этнографическом словаре» приведены статьи, характеризующие традиционное мировоззрение хакасов, описываются культы и шаманская практика (ХРИЭС, 1999). В работе «Традиционный шаманизм Хонгорая» рассматриваются древние культы и обряды, шаманские заклинания [Бутанаев, 2006].

Изучению культа тёсов посвящена монография В. А. Бурнакова «Фетиши-тёсы в традиционном мировоззрении хакасов» [2020].

В наши дни активизировался сбор полевого материала по обрядовому фольклору хакасов. Комплексное исследование осуществляется на основе полевых материалов, собранных новосибирскими фольклористами, этнографами и этномузыковедами в сотрудничестве с хакасскими коллегами.

Заключение

Изучение обрядового фольклора хакасов приобретает большую значимость в наши дни, что обусловлено потребностью общества актуализировать связь с национальными истоками. В силу устойчивости обрядового фольклора в нем сохранилась традиционная система ценностей, поддерживаются и функционируют определенные нормы поведения в отношении общества и природы, что служит культурно-нравственным ориентиром и для современного поколения.

За долгие годы бытования образцы обрядовой поэзии стали отточенными, поэтически выразительными, лаконичными по форме, но емкими по содержанию. В силу их популярности и продолжительного устного бытования образцы обрядовой поэзии обрели множество вариантов. Хакасский народ бережно хранит и почитает свои устно-поэтические традиции.

Список литературы

Бурнаков В. А. Фетиши-тёсы в традиционном мировоззрении хакасов (конец XIX – середина XX века). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. 188 с.

Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Хакасский исторический фольклор. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2001. 148 с.

Бутанаев В. Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2006. 254 с.

Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народностей. СПб., 1799. Ч. 2, 3

- Дыренкова Н. П.* Шорский фольклор. М.; Л.: АН СССР, 1940. 448 с.
- Кастрен М. А.* Путешествие в Сибирь (1845–1849) // Кастрен М. А. Соч.: В 2 т. Тюмень: Ю. Мандрики, 1999. Т. 2. 352 с.
- Катанов Н. Ф.* Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань, 1897. 104 с.
- Линденау Я. И.* Описание народов Сибири: I половина XVIII века. Магадан: Кн. изд-во, 1983. 175 с.
- Майногашев С. Д.* Загробная жизнь по представлениям турецких племен Минусинского края // Живая старина. СПб., 1915. Вып. 3. С. 277–292.
- Майногашев С. Д.* Жертвоприношение Небу у бельтиров // Сборник МАЭ. Пг., 1916. Т. 3. С. 93–102.
- Майногашева В. Е.* Хакасские сказители и певцы. Очерки, эссе о некоторых мастерах фольклора. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2000. 104 с.
- Майногашева В. Е.* Хакасская народная детская поэзия = Хакас чоннын палалар поэзиязы. Абакан: ДиалогСибирь, 2009. 100 с.
- Мессершмидт Д. Г.* Дневники. Томск – Абакан – Красноярск. 1721–1722. Научно-популярное издание. Абакан: Кооператив Журналист, 2012. 60 с.
- Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Собраны В. В. Радловым. СПб., 1868. Ч. 2: Поднаречия абаканские (сагайское, койбальское, качинское), кызыльское и чулымское (кюзрик). 710 с.
- Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. СПб.: Изд-во АН СССР, 1907а. Т. 9: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым: Тексты. 668 с.
- Образцы народной литературы тюркских племён, изданные В. Радловым. СПб.: Изд-во АН СССР, 1907б. Т. 9: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым: Переводы. 658 с.
- Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788. Ч. 3, кн. 1. 624 с.
- Радлов В. В.* Из Сибири. Страницы дневника / Пер. с нем. К. Д. Цивинной, Б. Е. Чистовой. М.: Наука, 1989. 740 с.
- Унгвицкая М. А., Майногашева В. Е.* Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан: Краснояр. кн. изд-во, Хакас. отд-ние, 1972. 310 с.
- Юша Ж. М.* Обрядовая поэзия тувинцев: структура и семантика. Новосибирск: Апельсин, 2009. 166 с.
- Gmelin I.* Reise durch Sibirien von dem Jahre 1738 bis zum Ende 1740. Vandenhoeck, Göttingen, 1752, III.

Список источников и словарей

- ИЭС – Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: ИД «Ист. наследие Сибири», 2009. Т. 3. 785 с.
- ХРИЭС – *Бутанаев В. Я.* Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Хакасия, 1999. 240 с.
- ХРС – Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

References

- Burnakov V. A. *Fetishi-tesy v traditsionnom mirovozzrenii khakasov (konets 19 – seredina 20 veka)* [Fetishes – tesy in the traditional worldview of the Khakas (late 19 – mid 20 century)]. Novosibirsk, IAET SB RAS, 2020, 188 p.
- Butanaev V. Ya., Butanaeva I. I. *Khakasskiy istoricheskiy fol'klor* [Khakass historical folklore]. Abakan, KhSU Publ., 2001, 148 p.
- Butanaev V. Ya. *Traditsionnyy shamanizm Khongoraya* [Traditional shamanism of Hongorai]. Abakan, KhSU Publ., 2006, 254 p.
- Georgi I. G. *Opisanie vsekh v Rossiyskom gosudarstve obitayushchikh narodnostey* [Description of all the peoples living in the Russian state]. St. Petersburg, 1799, pts. 2, 3.
- Gmelin I. *Reise durch Sibirien von dem Jahre 1738 bis zum Ende 1740*. Vandenhoeck, Göttingen, 1752, III.
- Dyrenkova N. P. *Shorskiy fol'lor* [Shor folklore]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1940, 448 p.
- Kastren M. A. *Puteshestvie v Sibir' (1845–1849)* [Travel to Siberia (1845–1849)]. In: Kastren M. A. *Soch.: V 2 t.* [Works: in 2 vols.]. Tyumen', Yu. Mandriki, 1999, vol. 2, 352 p.
- Katanov N. F. *Otchet o poezdke, sovershennoy s 15 maya po 1 sentyabrya 1896 goda v Minusinskiy okrug Eniseyskoy gubernii* [Report on the trip made from May 15 to September 1, 1896 in the Minusinsk district of the Yenisei province]. Kazan, 1897, 104 p.
- Lindenau Ya. I. *Opisanie narodov Sibiri: I polovina 18 veka* [Description of the peoples of Siberia: And half of the 18 century]. Magadan, Kn. izd., 1983, vol. 2, 175 p.
- Maynagashev S. D. *Zagrobnyaya zhizn' po predstavleniyam turetskikh plemen Minusinskogo kraya* [The afterlife according to the ideas of the Turkish tribes of the Minusinsk region]. In: *Zhivaya starina* [Living antiquity]. St. Petersburg, 1915, iss. 3, pp. 277–292.
- Maynagashev S. D. *Zhertvoprinoshenie Nebu u bel'tirov* [Sacrifice to the Sky at the Beltir]. In: *Sbornik MAE* [Collection of MAE]. Petrograd, 1916, vol. 3, pp. 93–102.
- Maynagasheva V. E. *Khakasskie skaziteli i pevtsy. Ocherki, esse o nekotorykh masterakh fol'klora* [Khakass storytellers and singers. Essays, essays about some masters of folklore]. Abakan, Khakas. kn. izd., 2000, 104 p.
- Maynagasheva V. E. *Khakasskaya narodnaya detskaya poeziya* [Khakass folk children's poetry]. Abakan, DialogSibir', 2009, 100 p.
- Messerschmidt D. G. *Dnevnik. Tomsk – Abakan – Krasnoyarsk. 1721–1722* [Diaries. Tomsk – Abakan – Krasnoyarsk. 1721–1722]. Scientific-popular edition. Abakan, Kooperativ Zhurnalist, 2012, 60 p.
- Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, izdannye V. Radlovym* [Samples of folk literature of Turkic tribes, published by V. Radlov]. St. Petersburg, AN SSSR, 1907a, vol. 9: Narechiya uryankhaytsev (soyotov), abakanskikh tatar i karagasov. Teksty, sobrannye i perevedennye N. F. Katanovym: Teksty [Dialects of Uryankhaians (Soyots), Abakan Tatars and Karagasses. Texts collected and translated by N. F. Katanov: Texts], 668 p.
- Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, izdannye V. Radlovym* [Samples of folk literature of Turkic tribes, published by V. Radlov]. St. Petersburg, AN SSSR, 1907b, vol. 9: Narechiya uryankhaytsev (soyotov), abakanskikh tatar i karagasov. Teksty, sobrannye i perevedennye N. F. Katanovym: Perevody [Dialects of Uryan-

khaians (Soyots), Abakan Tatars and Karagasses. Texts collected and translated by N. F. Katanov: Translations], 659 p.

Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoy Sibiri i Dzungarskoy stepi [Samples of folk literature of Turkic tribes, living in Southern Siberia and the Dzungarian plain]. Collected by V. V. Radlov. St. Petersburg, 1868, pt. 2: Podnarechiya abakanskie (sagayskoe, koybal'skoe, kachinskoe), kyzyl'skoe i chulymskoe (kyuerik) [Sub-speeches Abakan (Sagai, Koibal, Kachin), Kyzyl and Chulym (Kyuerik)], 710 p.

Pallas P. S. *Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva* [Traveling through various provinces of the Russian State]. St. Petersburg, 1788, pt. 3, bk. 1, 624 p.

Radlov V. V. *Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika* [From Siberia. Diary Pages]. K. D. Tsvina and B. E. Chistovaya (Transl. from German). Moscow, Nauka, 1989, 740 p.

Ungvitskaya M. A., Maynogasheva V. E. *Khakasskoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo* [Khakass folk poetic creativity]. Abakan, Krasnoyarsk. kn. izd., Khakass. otd., 1972, 311 p.

Yusha Zh. M. *Obryadovaya poeziya tuvintsev: struktura i semantika* [Ritual poetry of Tuvinians: structure and semantics]. Novosibirsk, Apel'sin, 2009, 166 p.

List of sources and dictionaries

Butanaev V. Ya. *Khakassko-russkiy istoriko-etnograficheskiy slovar'* [Khakas-Russian historical and ethnographical dictionary]. Abakan, Khakasiya, 1999, 240 p.

Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri [Historical Encyclopedia of Siberia.]. Novosibirsk, Izd. Dom "Ist. nasledie Sibiri", 2009, vol. 3, 785 p.

Khakassko-russkiy slovar' [Khakass-Russian dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p.

Информация об авторе

Валентина Виссарионовна Миндибекова, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
WoS Researcher ID L-4139-2018

Information about the author

Valentina V. Mindibekova, Candidate of Philology, researcher at the Department of folklore of the Siberian Peoples, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
WoS Researcher ID L-4139-2018

*Статья поступила в редакцию 20.04.2023;
одобрена после рецензирования 06.05.2023; принята к публикации 10.05.2023
The article was submitted on 20.04.2023;
approved after reviewing on 06.05.2023; accepted for publication on 10.05.2023*

Научная статья

УДК 398 (=554)

DOI 10.17223/18137083/83/2

Песенные вставки в сказочном фольклоре лесных юкагиров

Прасковья Егоровна Прокопьева

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
Якутск, Россия

pproe@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9413-6093>

Аннотация

Анализируются песенные вставки в сказочном фольклоре лесных юкагиров, их содержание, функции и генезис. В основном такие вставки наблюдаются в сказках о животных, о Сказочном Старике-людоеде, в бытовых сказках. Песенные эпизоды преимущественно репрезентируют монологи, реже – диалоги героев. Для них свойственно наличие лексических повторов. Песенные вставки характеризуются как магические песни, обращения к другому лицу, рассказы о себе или настоящей личной ситуации. Происхождение вставок связано с представлениями о шаманской силе, магических способностях и песенном типе рассказывания.

Ключевые слова

юкагирский фольклор, лесные юкагиры, сказочный фольклор, песенные вставки

Для цитирования

Прокопьева П. Е. Песенные вставки в сказочном фольклоре лесных юкагиров // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 19–34. DOI 10.17223/18137083/83/2

Song inclusions in the fairy-tale folklore of Forest Yukaghirs

Praskovya E. Prokopenva

Institute for Humanities Research and North Indigenous People Problems
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russian Federation

pproe@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9413-6093>

Abstract

This paper analyzes the song inclusions in the tales of Forest Yukaghirs, the content of such pieces, their purposes, and origin. Song segments are found in animal tales, including mythological ones, fairy tales about a Fabulous Old Man-eater, and everyday fairy tales. The song

© Прокопьева П. Е., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 19–34
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 19–34

inclusions mostly convey the monological speech of the characters and include lexical repetitions. The song inclusions considered are mainly the magical appeal of one hero to another, a personal story, or a real personal situation. Some of them can be characterized as personal songs. Characters endowed with supernatural powers use the song as a magical ritual. These characters include heroes with shamanic powers and the ogre giant, the Fabulous Old Man. The magical potential of the song, aimed at summoning and embodying something, can also be evoked by ordinary people, even unintentionally. Songs-appeals of some characters to others are performed in magical situations, facilitating their manifestation. The fairy tales provide indirect indications of the shamanic power of the singing characters. Alternatively, the songs addressed to other persons can be performed by ordinary characters, usually represented by animals. Songs as personal narratives or real personal situations can be found mainly in the tales about animals. The song inclusions are based on the representations of shamanic activity, magical abilities, and the song type of storytelling, as evidenced by the existence of both non-fairy and fairy tale Yukaghir prose.

Keywords

Yukaghir folklore, Forest Yukaghirs, fairy-tale folklore, song inclusions

For citation

Prokopenva P. E. Song inclusions in the fairy-tale folklore of Forest Yukaghirs. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 19–34. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/2

В составе юкагиров, одного из коренных малочисленных народов Севера, различают две локальные группы: лесные (самоназвание – *одул*) и тундровые (самоназвание – *вадул*). Лесные юкагиры компактно проживают в с. Нелемное Верхнеколымского улуса, тундровые – в с. Андрюшкино Нижнеколымского улуса Республики Саха (Якутия). Группы существенно отличаются друг от друга по языку, особенностям материальной и духовной культуры.

В устнопоэтической традиции юкагиров выделяются два вида повествовательного нарратива – несказочный и сказочный (*ньиэдьил* ‘рассказ’ и *чуульдьии* ‘сказка’ у лесных, *ньиэдьил* ‘рассказ’ и *караваал* ‘сказка’ у тундровых юкагиров). В тематико-содержательном плане фольклорные повествования двух групп юкагиров имеют свою специфику, связанную с дисперсностью их проживания, расселением в разных природно-географических зонах, различной хозяйственной деятельностью, влиянием фольклора соседних народов.

Многие аспекты сказочного фольклора юкагиров еще не изучены. В разной степени, преимущественно на материале лесных юкагиров, исследованы семантика конкретных образов (Ворон, Заяц, Сказочный Старик, образы первопредков и др.), отдельные сюжеты, чаще в контексте фольклорных связей и параллелей (например, создание и устройство мира) и др. [Жукова, 2012; 2015; 2017; Мелетинский, 1979; Прокопьева, 2009; 2011; 2018; 2021]. В части музыкального фольклора рассматривались интонационные особенности песенных / речитативных эпизодов в сказочных сюжетах [Игнатьева, 2005, с. 45–110].

В данной статье анализируется содержание песенных вставок в сказочной прозе одулов, их природа и назначение.

Вначале нужно сказать о том, какие повествования включает сказочный раздел. Деление повествований на рассказы и сказки в юкагирском фольклоре с точки зрения принятой классификации жанров достаточно условно, так как он характеризуется жанровым синкретизмом. Так, исторические предания, называемые *ньиэдьил*, рассказывая о достоверных событиях, отличаются гиперболизированностью; в бытовых рассказах имеются мифологические и волшебные элемен-

ты. Этиологические сказки о животных иногда содержат формулу, свойственную несказочной прозе – «во времена древних людей», и нередко, как следует из комментариев носителей фольклора, занимают пограничное положение между рассказом и сказкой: «рассказ был, в сказку превратился». Говоря о сказках одулов, мы исходим из жанровой принадлежности повествований, установленной устнопоэтической традицией, и из общих жанровых признаков, присущих двум фольклорным группам, основным из которых является их ориентированность или неориентированность на достоверность. В целом, к *чуульдьиш* относятся мифологические сказки, толкующие особенности облика и поведения представителей животного мира, сказки о животных, о людоедах, бытовые сказки.

Для повествовательного фольклора лесных юкагиров в общем характерна немногословность. Песенные вставки в их сказках встречаются нечасто, и этот факт актуализирует исследование их назначения. Из более чем 100 опубликованных в разное время сказочных повествований одулов, включая варианты и тексты с межжанровым статусом, мы насчитали 15 сказок с песенными включениями, еще в 2-х текстах указывалось на пение персонажей. Дополнительно нами учитывались 4 песенки, утратившие связь со сказочным нарративом, из которых 3 являются вариантами песен из сказок. Часть материала, в основном современного, зафиксирована на аудионосителях, что позволяет исследователям проводить изыскания этномузыковедческого характера (см.: [Игнатъева, 2005]).

Данные песенные эпизоды различны по объему, форме и музыкальному воплощению, в связи с чем возникает вопрос: что, собственно, подразумевать под ними?

Музыковед Т. И. Игнатъева пишет, что, «судя по текстам В. И. Иохельсона, у юкагиров существовала развитая система интонирования в нарративе, включающая “песенные” высказывания и особые типы звукоподдачи, основанные на разнообразных звукоподражательных приемах» [Игнатъева, 2005, с. 78]. Она приходит к выводу, что «стилистика речитативов в верхнеколымских сказках противопоставлена интонированию в песнях...» [Там же, с. 80]. Подобные неодинаковые виды песенных фрагментов характерны и для фольклора других народов. К примеру, «...в алтайской сказочной традиции наблюдаются две формы исполнения песенных вставок: 1) песенные тексты исполнителем проговариваются речитативом, то есть прозаическая речь в сказке чередуется со стихотворным текстом песни; 2) песни распеваются сказочником, то есть прозаическая речь перемежается с исполнением песни...» [Садалова, 2009, с. 51].

Рассуждая о происхождении песенных вставок в контексте соотношения сказки с другими жанрами алтайского фольклора, Т. М. Садалова справедливо замечает: «Присутствие песен в сказках восходит к древним синкретическим формам бытования сказки и песни», а «...речитативное проговаривание сказочниками песенных текстов не является свидетельством иной манеры их исполнения, а фиксирует вторичность подобной традиции как результат “забывания” песенной формы. В этом нас убеждают не только сохранность распевания песенных вставок у телеутов, но и выделение в сказках южных алтайцев начала песенного текста соответствующей ситуации фразой: *Мындый кожонды ол кожондой берди* ‘Такую песню он запел’» [Там же]. В фольклоре одулов речитативное изложение также приравнивается к песне, например, в сказке о трех братьях один из них в своей песне, которая определена как «речитатив» [Игнатъева, 2005, с. 81], «поет», что «его горло не идет, а то был бы певцом» [Иохельсон, 2005а, с. 62];

старшие братья, осуждая песню младшего, говорят, что это – «плохая песня» [ФЮВК, 1989, ч. 1, текст 21]. Здесь и в других сказочных текстах в отношении речитативов используется лексика, отражающая именно умение петь: *тунмул* ‘горло’ в значении ‘голос как способность петь’, *йахтэ* ‘песня’, *йахтаай* ‘запел’. Песнями в фольклоре считаются и очень короткие, в одно предложение, высказывания, которые из-за отсутствия звуковой записи невозможно определить как песенную или речитативную форму: *Укөйгидэгэ, пулундиэ тинтанг лунбугэ йафилгэ йахтаай: «Мэт кудэдэлбэн понгисьэньи, понгисьэньи!»* ‘Когда они вышли, старичок у края котла запел: «То, что я добыл, жирное, жирное!»’ [Там же, текст 20]. Таким образом, под песенными вставками в сказочных нарративах мы имеем в виду все поющие фрагменты (песенные, речитативные), которые по контексту трактуются как песня, осуществляют ее функцию.

Песенные сегменты обычно встречаются в сказках с элементами волшебства, о животных, в том числе этиологических. Содержательно они представлены следующими типами: 1) магическая песня; 2) обращение одного героя к другому; 3) краткий рассказ о себе или настоящей, текущей, личной ситуации. Рассмотрим их более подробно.

Магическая песня. Известно, что песни в магических целях применялись в обрядах и мифах [Пропп, 2000, с. 103, 203], и эти представления о магических возможностях песни нередко обнаруживаются в сказочной прозе, сохраняющей в разной форме и степени память о древних мифоритуальных практиках и синкретической природе фольклора. Так, в алтайских волшебных сказках среди форм действий героев с использованием песни указывается магическая формула или просьба героя к определенному персонажу совершить какие-либо действия [Садалова, 2009, с. 51–52].

Под типом «магическая песня» мы понимаем как песни персонажей, обладающих магической мощью (песни способствуют магическому результату, демонстрируют сверхъестественную природу поющих героев), так и простых людей, чье пение при определенных обстоятельствах приводит к магическому эффекту. Иначе говоря, герои фольклора посредством песни призывают и утверждают колдовскую силу, заявляют о ней. Выделяются такие герои: 1) наделенные шаманскими способностями; 2) великан-людоед Сказочный Старик; 3) обычные люди.

К героям с шаманскими возможностями, в частности, относится Старик-куропатка [ФЮВК, 1989, ч. 1, текст 33], который, собираясь на охоту и затем обратно, призывает северный и южный ветры; проглоченный лосем, убивает его изнутри с помощью ножа из чешуи карася; возвращается домой, летя на листе. В сказке не оговаривается, что призывание ветров пропевалось (*Пуйд илэйэ, кэлук, кэлук, / Лэллугут илэйэ, илэйэдэйк, илэйэдэйк!* ‘Южный ветер, приходи, приходи, / Северный ветер, подуй, подуй’), однако в ней содержатся еще две вставки (без магического содержания), представленные в тексте в столбчатом виде, которые благодаря повтору слов, как и упомянутое обращение героя к ветрам, ассоциируются с высказыванием в песенной или речитативной форме: *Пэмэн, пэмэн тоукэньэ льэлги, / Ноџии, ноџии мидьшиньэ льэлги, / Мидэдьэ, мидэдьэ пурикэльньэ льэлги* ‘Была у них вшивая, вшивая собака, / Был у них наперсток, наперсток с нартами, / Была [у них] игла, игла с остолом¹’; *Мэт кудэдэл*

¹ Шест для управления нартами.

чомоолбэн шоунбэньи, шоунбэньи, / Мэт кудэдэл чомоолбэн шоунбэньи, шоунбэньи! 'Я убил жирного, жирного лося, / Я убил жирного, жирного лося'. Говоря о смысле вставки, описывающей имущество Старика-куропатки и Старухи-лисицы, этнограф-юкагиrowед Л. Н. Жукова, записавшая текст, указывает, что это – песня [ФЮВК, 1989, ч. 1, с. 159]; приговаривание героя о добыче им жирного лося предваряется словами «так начал танцевать». Таким образом, призывание ветров логично относить к песенным вставкам.

Образ Старика-куропатки аналогичен образу старика *Лэмэ* (Вше) из другой сказки (известны 2 ее варианта), который тоже призывает ветры и улетает с ними или уносится ветром; также убивает лося, попав к нему в живот; силой мысли материализует челнок, чтобы увезти на нем добычу [Иохельсон, 2005а, текст 10; ФЮВК, 1989, ч. 1, текст 20]. Данные детали – вызывание ветра и добывание лося изнутри него – указывают на шаманский дар героя, об этом писала Л. Н. Жукова: «Согласно шаманским представлениям юкагиrow, шаман мог вызывать ветер» и «Известный в фольклоре народов Сибири шаманский прием добычи промыслового животного или борьбы с противником» [ФЮВК, 1989, ч. 1, с. 143–144].

Другим героем сказок, использующим песню, является гигантский людоед Сказочный Старик *Чуульдьиш пулут*, которого люди способны победить умом и хитростью. Проведенный нами анализ образа антропоморфного великана позволил высказать мнение о нем как о хтоническом существе, заключающем представление о первобытном хаосе [Прокопьева, 2009].

Одним из характерных признаков Сказочного Старика является его пение при охоте на людей: предчувствуя близость человека, людоед поет («когда они шли, сказочного старика пение стало слышно»; «напевая, идет»; «люди на пение сказочного старика побежали»; «послышалась его песня» [Иохельсон, 2005а, тексты 14, 20; ФЮВК, 1989, ч. 1, текст 27]).

В отдельных текстах содержится и сама песня. Так, приближаясь к своей гонимой ловушке, в которую угодил человек по имени *Доврэ*, *Чуульдьиш пулут* поет о том, что засушит людей в лабазе на бугре, находящемся на той стороне реки:

*Лилу-лилу*²,
Эймулаабэт шөлөн,
Пулутпэдиэлэк курулгэ киэльэшимэ,
Лилу-лилу!

Лилу-лилу,
На другой стороне [реки] роца,
Я старичков в амбаре сушу,
Лилу-лилу!

[ФЮВК, 1989, ч. 1, текст 27]

Роль данной песни в презентации ее исполнителя весьма показательна. В ней обозначено отношение великана к миру мертвых, находящемуся, согласно мировой мифологии, на противоположном берегу реки. Характеристика образа Сказочного Старика как людоеда поддерживается и следующим контекстом: он поет о том, что сушит людей на лабазе (в источнике переведено как амбар). В тради-

² Слова *лилу-лилу* являются непереводимыми. Заметим, что фонетически и мелодически они схожи со словами *илу-илу* из фольклорной песни о волке, ищущем своих волчат [ФЮВК, 1989, ч. 2, текст 56]. В ней поется и о Сказочном Старике, которого волк подозревает в похищении своих детей. В комментарии к тексту сказано: «илу, илу – звукосочетание, обозначающее, по словам исполнителя, неспешность, тоску и тревожное ожидание» [Там же, ч. 2, с. 80].

ционной культуре юкагиров эти высокие постройки на столбах применяли не только для хранения пищи, но и для погребения умерших, в целях уберечения от животных [Иохельсон, 2005б, с. 306].

Существование особой песни людоеда с запевными словами «лилу-лилу» подтверждали в 2000-х гг. и наши информанты. По сообщению А. Е. Шадринной, 1930 г. р., *Чуульдьиш Пулут* пел, когда шел кого-нибудь ловить, и тогда все пряталась. Песня, записанная от С. К. Спиридонова, 1923 г. р., по смыслу схожа с ранней записью, представленной выше:

<i>Лилу-лилу,</i>	<i>Лилу-лилу,</i>
<i>Тинг шөлэ йобулгэ</i>	На этом лесистом мысу
<i>Паайтэптиэлэк курунымэ,</i>	Девушек держу в амбаре ³ ,
<i>Танг шөлэ йобулгэ</i>	На том лесистом мысу
<i>Куөйтэптиэлэк курунымэ,</i>	Юношей держу в амбаре,
<i>Лилу-лилу.</i>	<i>Лилу-лилу.</i>

[Прокопьева, 2011, с. 19]

Сказочный Старик, прибегающий к песне как представлению своей потусторонней сущности и составной части охоты, которую осуществляет в том числе при помощи магических средств, обладает и другими чудесными возможностями: он гадает на собственной челюсти, посредством ее возвращает своих жертв, обрачивается какой-либо частью своего тела и обратно [Иохельсон, 2005а, текст 19], превращается в различные предметы [ФЮВК, 1989, ч. 1, текст 26].

Представления о сверхъестественной силе песни, особенно выраженной, если и ее исполнитель имеет сверхчеловеческую природу, ярко отобразились в повествовании, которое рассказчица А. В. Слепцова, 1930 г. р., назвала «Сказкой об Окуне» ⁴ [Прокопьева, 2009, с. 110–112]. Это история о трагедии семьи, приютившей на ночь путников с условием, что те поведают им какую-нибудь сказку. Гость предупреждает хозяев, чтобы те не заснули во время его рассказа. В начале своей сказки он говорит: «Давным-давно Окунь был человеком, Окунь-человек. Очень хороший человек был, сказки рассказывал хорошо, песни пел хорошо». Прошло два дня, а гость продолжал рассказывать: «Когда Окунь сказку рассказывал, человек в палку превращался, озеро в реку превращалось, окунь в озерную траву превращался, дома, в которых жили люди, в озеро или болото превращались». Рассказ был долгим, и хозяева, кроме их дочери, и спутники гостя заснули. Сказитель всё рассказывал об Окуне, и вдруг невесть откуда взявшаяся вода стала затоплять дом вместе с его обитателями, превращаясь в озеро, полное окуней. В итоге спаслась только дочь хозяев. В повествовании звучит и сама песня Окуня:

<i>...Пиччишгоот кудэтэйэ,</i>	...В птичку превращусь,
<i>Чуульдьишлэк пундунтмэ,</i>	Сказку расскажу,
<i>Полдьисья эт мэрэйтэйэ,</i>	Листком бы улететь,
<i>Шоромогоот кудэтэйэ,</i>	В человека превращусь,

³ Учитывая образ великана-людоеда и использование лабазной постройки в том числе для захоронения, слово *куруны* – 'держат в лабазе' можно также связывать с погребением.

⁴ Повествование, на наш взгляд, имеет выраженную связь с мифом, но здесь мы анализируем его в числе сказочных текстов, опираясь на определение, данное рассказчицей.

*Йумусьумэнгоот кудэтэйэ,
Йалъилгоот кудэтэйэ,
Ульэгэ молбо айдутэйэ.
Чэнчэ шаанбарньэйэ,
Чэнчэ анил оодьэ.*

В лебедя превращусь.
В озеро превращусь,
В озерной траве спрячусь,
Красивая у меня чешуя,
Красивая я рыба.

[Прокопьева, 2009, с. 110–112]

По словам А. В. Слепцовой, рассказчик, который тоже погиб, дважды напоминал своим слушателям, чтобы те не засыпали во время сказки. По ее мнению, трагическое превращение началось из-за нарушения запрета, и сотворил это Окунь [Там же, с. 112]. Представляется, что смысл повествования, как и истоки героя Окуня, следует искать в плоскости мифа, который требовал соблюдения определенных правил при его воспроизведении. Нарушение условия при исполнении сказки о всемогущей рыбе-человеке навлекло суровую кару на провинившихся⁵. В случившейся трагедии, когда реальность трансформировалась, помимо нарушения запрета, важную роль, по-видимому, сыграла и сама песня, в которой поется о метаморфозах Окуня. Как уточнила информантка, «не старик залил водой, а Окунь» [Там же].

В сказке магическую энергию песни способны вызвать и другие обычные люди, пусть непреднамеренно и по незнанию. В сказке о трех братьях, соревновавшихся в пении, младший брат поет о дырявых ветках (*Харбас хонжо кэсиик, / Анабускаа хонжо кэсиингик, / Эксиль хонжо кэсиингик!* ‘Принесите дырявый карбас, / Принесите дырявый стружок, / Принесите дырявую ветку’), что имеет печальные последствия: братья, приняв свой дом за вражеский, убивают домочадцев, а потом и друг друга [Иохельсон, 2005а, текст 16; ФЮВК, 1989, ч. 1, текст 21]. В комментариях к тексту Л. Н. Жукова отмечает, что «к хорошо поющему человеку относились как человеку, владеющему некой магической силой» и что после смерти рыбака с ним клали лодку, которую приводили в негодность, дырявя. Иначе говоря, младший брат песней о дырявых лодках как бы накликал беду [ФЮВК, 1989, ч. 1, с. 145]. В другом варианте сказки братья, разрушив свои дома, удивляются произошедшему и думают о присутствии мистики в этом: «Как так случилось? Шаман нас так сделал» [Прокопьева, 2018, с. 263–264].

Песня-обращение одного героя к другому. Песни, обращенные одними персонажами к другим, имеют разную основу. В одних случаях песня используется в магической ситуации, способствуя, очевидно, поддержанию ее чудесного проявления. Так, в сказке о трех сестрах младшие сестры улетают от старшей, ставшей людоедкой, сев на свои кроильные доски *нинбаа*:

*Этиэ, митул эл шартэйэк,
Чобулгэ эймулаабэт
Пулундиэ адуөрпэнгин
Мэ кэбэсьшили мит!*

Бабушка, нас не догонишь,
На ту сторону моря
К стариковым сыновьям
Уходим мы!⁶

⁵ При этом рассказывал сказку, казалось бы, обычный человек, во всяком случае намека на его необыкновенность нет, и, по объяснению А. В. Слепцовой, в старину был обычай – «кто приезжает, должен рассказать сказку вечером» [Прокопьева, 2009, с. 112].

⁶ Материалы автора (МА). Записано от А. Е. Шадринной, 1930 г. р., на русском и якутском языках в 2000 г. в с. Нелемное. В 1989 г. мы записывали эту сказку от нее на рус-

В фольклоре одулов есть другие примеры употребления кроильной доски как волшебного предмета: женщина чудесного происхождения превращает оленей в красивых девушек, ударяя их доской по лбу [Иохельсон, 2005а, текст 23]; *нин-баа* вместе с наперстком служит для Маленькой старушки, готовящейся к встрече с опасным людоедом, транспортным средством [Иохельсон, 2005б, с. 353–254]; больная женщина, улетая от непослушных детей, оборачивается кукушкой, при этом ей перьями для крыльев становятся кожаные покрышки жилища, хвостовым опереньем делается кроильная доска [ФЮВК, 1989, ч. 1, текст 21]. У юкагиров доска для кройки являлась атрибутом женщин-шаманок [Там же, ч. 1, с. 133]. По В. И. Иохельсону, жена шамана перед окончанием камлания ударяла мужа кроильной доской, «чтобы выгнать духов, которых вызвал шаман, так как они более не нужны» [Иохельсон, 2005б, с. 270].

О шаманской силе трех сестер свидетельствует ранний текст со схожим, но более сложным сюжетом [Иохельсон, 2005а, текст 94]. В нем упоминаются разные магические вещи: сестры имеют крылья, которые хранят в специальных футлярах; младшие на них улетают от старшей сестры-людоедки; та возвращает среднюю сестру, бросив вверх ножны; муж младшей сестры летает верхом на копьё. Говоря о крыльях сестер, Л. Н. Жукова пишет, что «способность летать указывает на их орнитоморфность и шаманскую потенцию» [Жукова, 2012, с. 262]. Известно, что у некоторых народов Севера, в том числе у юкагиров, шаманы для камланий надевали женский кафтан с бахромой, В. И. Иохельсон наблюдал у якутов использование обычного женского пальто [Иохельсон, 2005б, с. 273]. Исследователь предполагал, что «семейный шаманизм предшествовал профессиональному шаманизму» и что «первыми шаманами были женщины» [Там же, с. 271].

Сказочные герои без шаманского дара представлены животными.

У одулов распространена сказка об убегающем от своих человеческих опекунов Зайце, ранние версии которой состоят из мотивов подготовки людей в голодное время к съедению Зайца, поиска и поимки беглеца (см.: [Иохельсон, 2005а, текст 1; ФЮВК, 1989, ч. 1, тексты 13, 14]). В отдельных поздних вариантах эти мотивы утрачены, и герой бежит от стариков просто так, а не из страха быть съеденным. В последних записях, где Заяц иногда выставлен неблагодарным, имеется его песня.

А. Е. Шадрина, от которой в 1991 г. мы записали сказку о Зайце на русском языке [Жукова, Прокопьева, 1991, текст 17], в 2011 г., излагая ее на юкагирском языке⁷, спела песню героя, которая текстуально совпадает с песней сестер, улетающих от сестры-людоедки. Очевидно, что информантка ошиблась, вероятно, не только в силу преклонного возраста, но и по той причине, что песенные сегменты в указанных сказках, возможно, имели одну и ту же мелодию. Идентичность напевов в разных фольклорных повествованиях, более того, в текстах разных жанров, встречается в фольклоре других народов, например у алтайцев: «внутри одной локальной диалектной группы напевы песен в сказках совпадают с напевами песенных вставок в текстах героических сказаний, преданий» [Садалова, 2009, с. 51].

ском языке. В ранней записи девушки в песне обращались – «сестра», позднее информантка пропела «бабушка». О вероятной причине замены написано ниже.

⁷ Записано в с. Нелемное.

Восхитившись мужественным посланником, Царь велел шить Окуню лучшую одежду и разрешил ему жить в реке, озере и море.

Учитывая описанное выше повествование об Окуне-человеке, очевидно, что Окунь в юкагирском фольклоре маркировался как наделенный певческими способностями. В. Г. Шалугин, 1934 г. р., от которого была записана данная сказка, говорил, что есть выражение: *Адуөн кисьилгэт окулляа йахтэк пундук* 'Сэтого конца песню Окуня расскажи'¹², – которое намекает на искусство песнопения Окуня и предназначается болтливому человеку, говорящему одно и то же.

Песенки-обращения присутствуют также в коротких сказках о животных, где отсутствует сюжет как таковой (не исключено, что сюжеты утрачены). Песня Горностая, который, играя со своими друзьями, поет, что те не найдут его, включает звукоподражательные слова:

<i>...Мэтул эл нуктэймэт, Мэтул эл нуктэймэт, Мэ-э-тул, Чи-чи, чи-чи, чи-и, чи-и, Чи-чи, чи-чи, чи-и, чи-и. Йүргуу молбин шөулукэнэ, Мэтул, мэтул эл нуктэймэт...</i>	<i>...Меня не найдете, Меня не найдете, Ме-е-ня, Чи-чи, чи-чи, чи-и, чи-и, Чи-чи, чи-чи, чи-и, чи-и. Если я залезу в нору, Меня не найдете¹³...</i>
---	--

В варианте текста Горностай так смеется над Белкой, напевая, что она его нору не найдет и его детей не съест. Белка отвечает, что ее дом также недосягаем для Горностая:

<i>Мэт нумэ шаалгэй уйоой, Мэт нумэ пудэн Шаал будиэ оҕоой, өнмиэдиэгэ оҕоой, Мэт уөрпэ эл лэктэйэк, Мит пудэн лыйэли, Тэт эл арнайтэйэк, Чики-чики-чики [Демина, 2015, с. 33–34].</i>	<i>Мой дом на дереве сделан, Мой дом высоко На дереве, на лиственнице стоит, Моих детей не съешь, Мы высоко находимся, Ты не взберешься, Чики-чики-чики¹⁴.</i>
--	---

Вероятно, в этих сказках песни персонажей восходят к реальному песенному типу рассказывания у юкагиров, в существовании которого удостоверяет сказочная и сказочная проза. Так, в одном рассказе человек, будучи не в состоянии говорить по причине глубокой старости, общался с пришедшими людьми, напевая [Иохельсон, 2005а, текст 61]. В сказке о Петре Бэрбэкине герой рассказывал о себе в виде песни: «Однажды, рассказывая, говоря, про себя пел о том, как он ходил по средней земле. Рассказал, как безногим людям ноги делал. Говорил, как безруким руки делал. Все делал» [ФЮВК, 1989, ч. 1, текст 31]. Таким образом,

¹² МА. Записано в 2001 г. в с. Нелемное.

¹³ МА. Записано от Е. Н. Дьячковой, 1913 г. р., на юкагирском языке в 2005 г. в пос. Зырянка Верхнеколымского улуса.

¹⁴ Перевод сделан автором статьи.

можно говорить о пении как удобном способе передать мысли, чувства, переживания, сделать их доступными для слушателя. В позднем периоде в сказках о животных песни, собственно как и сами такие сказки, стали иметь преимущественно развлекательную функцию.

Песня как рассказ о себе или текущей личной ситуации. Подобные песни в сказках, вероятно, также тождественны песенному рассказыванию, которое, как показывает фольклор юкагиров, не обязательно предполагало наличие аудитории. Например, в рассказе тундровых юкагиров «Озеро Собаки» герой, оплакивая погибшую собаку, облакает воспоминания о ней и размышления о своей жизни в песенную форму [ФЮ, 2005, текст 59]. В сказке лесных юкагиров мужчина, потерявший жену, будучи один, поет: «Пока я искал свою жену, пришла к концу весна. Было бы прекрасно, если бы я мог сказать: “Двуногий человек, найдя мою жену, ведет ее ко мне”» [Иохельсон, 2005б, с. 367].

К такому типу повествования в сказочных нарративах можно отнести и упомянутую выше песню людоеда о содержании им в лабазе людей.

В этиологической сказке о войне рыб Каталка мечется, убегая от стрел, и поет, что река перегороджена ¹⁵:

<i>Унун шайдэ тобоой!</i>	Река поперек закрыта!
<i>Унун шайдэ тобоой!</i>	Река поперек закрыта!
	[ФЮВК, 1989, ч. 1, текст 6]

Любопытно, что в иной версии сказки [ФЮВК, 1989, ч. 1, текст 10] начальник рыб Окунь приказывает Каталке и Щуке прекратить драку, так как Каталка может пожаловаться человеку и тот сделает заездок, от которого все рыбы умрут. В сказке сказано, что Каталка является рыбьим шаманом.

Герой *Пэмэдиэ* (Вошка), чудесным образом добывший лося, хвалится, стоя на краю кипящего котла:

<i>Мэт кудэдэлбэн понгисьэньи,</i>	То, что я добыл, жирное, жирное!
<i>понгисьэньи!</i>	
	[ФЮВК, 1989, ч. 1, текст 20]

В другой сказке Росомаха, отвергнутый муж или жених, поет, что его не любят женщины и он, по разным песенным версиям, или пойдет грызть орешки, или отомстит, превратив в хлам веревки от нарт:

<i>Льэльэ-льу, льэльэ-льу.</i>	<i>Льэльэ-льу, льэльэ-льу</i>
<i>Паайтэ мэткэлэ ходиэт эриэльэм.</i>	Женщина меня почему возненавидела.
<i>Льэльэ-льу, льэльэ-льу.</i>	<i>Льэльэ-льу, льэльэ-льу,</i>
<i>Мэт ньутнэдангиль пэдьэньэл.</i>	У меня пупок пахнет.
<i>Пэдьэньэдэгэт эриэльэм.</i>	Из-за запаха возненавидела.
<...>	<...>

¹⁵ Очевидно, речь идет о преграждении загородью или сетью [ФЮВК, 1989, ч. 1, с. 133].

*Поньхо пиэ иисьэгэ
Арнайдэллэ, йахтасьиитэйэ.
Льэльэ-лью, льэльэ-лью,
Мэт кэбэсьэ, танэ-йо.
Шөльиэ молбо поньхо пиэгэ,
Шөльиэ лэгут, ходоотэйэ...*

На вершину белой горы
Забравшись, запою.
*Льэльэ-лью, льэльэ-лью,
Ухожу, танэ-йо.*
Среди стланика на белой горе,
Орешки грызя, лежать буду...
[Прокопьева, 2009, с. 127–128]

*Арнуйаак, арнуйаак,
Эльэ-лью дэ эльэ-лью.
Паайнэ лэмэнгоон эриэнунуй,
Льэдэгэ, пэдьэньэдэгэ,
Эриэлиэм, эриэлиэм,
Омосьэ паайнэ игэйэнтаа йо,
Хонруйэнтаа чуму лэйдэллэ,
Кэбэсьэ, кэбэсьэ,
Табудэ омосьшил.*

Росомаха, росомаха,
Эльэ-лью дэ эльэ-лью.
Женщины за что не любят,
Из-за запаха
Не любят, не любят.
Хороших женщин веревочки *йо*,
Тряпочки все съев,
Ухожу, ухожу,
Этим хорошо!
[Прокопьева, 2021, с. 650]

Зафиксирована также песенка не от лица Росомахи, а о ней, сюжет при этом утрачен:

*...Арнуйаадиэ льаль
Арнуйаадиэ льаль,
Арнуйаадиэ льаль,
Арнуйаа, арнуйаа,
Тэт нутнэл[дангил] пэдьэгэ,
Пэдьэнь, пэдьэньэй.*

Росомаха *льаль*,
Росомаха *льаль*,
Росомаха *льаль*,
Росомаха, росомаха,
Твой пупок плохо пахнет,
Пахнет, пахнет.
[Игнатьева, 2005, с. 120]

Песня определена как «обидная дразнилка, обращенная к росомахе» [Там же, с. 79].

Все указанные песни содержат повторяющиеся слова «льэльэ-лью», «эльэ-лью», «льаль», которые призваны живо обрисовать неуклюжего с виду жениха. Обрывистое «льаль» имеет звукоподражательный характер, так как, по пояснениям информантов, иллюстрирует походку животного – вразвалочку, с широко расставленными лапами [Прокопьева, 2021, с. 650]. В связи с данными песенками отметим, что у одулов существовала традиция музыкального описывания определенного человека, которое обычно представляло собой ритмически оформленную миниатюру. С их помощью описывали внешность, характер, особенности поведения того, о ком пели. К ним относятся не только детские пестушки *ишиши* (от *иши-иши* – ‘ласкать’), «интонируемые в манере, близкой к речитативным высказываниям из сказок» [Игнатьева, 2005, с. 96], но и посвященные взрослым людям миниатюры, которые не имеют специального термина в фольклоре.

Другие песенные вставки. К ним относим единичные образцы, например приведенную выше песенку о скарбе стариков Куропатки и Лисички, состоящем из вшивой собаки, наперстка с нартами и иглы с остолом [ФЮВК, 1989, ч. 1, текст 33]. «Смысл песни, – пишет Л. Н. Жукова, – очевидно, в том, что старик

и старушка жили очень бедно» [ФЮВК, 1989, ч. 1, с. 159]. На наш взгляд, песенное сообщение можно рассматривать двояко. Возможно, это дополнительная информация о незначительной величине героя (в схожих сюжетах он и вовсе зовется Вошью), который, по сказке, летит на охоту, сидя на листе, имеет нож из чешуи карася, танцует, радуясь пище, на краю котелка. Также данные детали могут служить подтверждением шаманской силы героя, о чем писали выше. Наперсток с нартами – вероятно, средство для перемещения, подобно кроильной доске с привязанным к ней наперстком, на которых передвигается Маленькая старушка, ожидающая прихода людоеда: «Она села на доску и запрягла в нее наперсток. Наперсток побежал и повез старушку к озеру» [Иохельсон, 2005б, с. 354]. Старушка, судя по тому, что использует в качестве транспорта магический предмет – кроильную доску, является не простым персонажем, продуманность ее приготовлений ассоциируется с последовательностью обрядовых действий. Иголка из песни, соответствующая остолу, как и наперсток и кроильная доска, относится к числу «женских» предметов, поэтому ее также можно расценивать как некий чудесный предмет. Кстати, В. И. Иохельсон, говоря о женском шаманизме, указывал в юкагирском фольклоре на другие женские предметы, которые употреблялись как имеющие сверхъестественные свойства. В частности, в предании о ламутском шамане, «когда коряк поранил руку шамана стрелой, тот взял передник своей жены и ударил по раненой руке передником, после чего рука исцелилась. Здесь, по-видимому, проступает представление о лечебной силе передника, потому что он принадлежит женщине» [Там же, с. 271].

Среди других песенных вставок, вне выделенных типов, есть те, что, казалось бы, не несут смысла и подтекста. Такова песенка из сказки о Лисе, где героиня танцует и поет, услышав из норы гармошку, на которой играют поставившие снаружи ловушку люди:

Гринг, гринг, гринг, гринг, гэлнисьэ!

Гринг, гринг, гринг, гринг, голнисе!
[ФЮВК, 1989, ч. 1, текст 16]

Лиса посылает одну за другой своих четырех дочерей посмотреть, что происходит, в конце выходит сама и также попадает в ловушку. Непереводимая звукоподражательная песенка Лисы как отклик на игру на гармошке в определенной степени объясняет, почему песнопение, музыка использовались в магических целях. Это инструмент привлечения того, к кому они обращены. В практическом плане пение, музыка приятны для слуха и способны вызывать переживания и сильный эмоциональный ответ, в иррациональном измерении песни, мелодия, ввиду их воздействия на чувства, воспринимаются как посыл некой энергии, положительно или отрицательно заряженной.

Таким образом, песенные вставки в сказочном фольклоре лесных юкагиrow встречаются в повествованиях разных жанров: в сказках о животных (с мифологической составляющей и без нее), о великане-людоеде, в бытовых сказках. Последние два вида сказок содержат волшебные элементы, что позволяет относить их к жанру волшебной сказки. Песенные эпизоды в своем большинстве передают монологическую, реже – диалогическую речь персонажей. Часто они содержат лексические повторы, в том числе звукоподражательные слова. Вставки можно распределить по следующим типам: 1) магическая песня; 2) обращение одного героя к другому; 3) рассказ о себе или настоящей личной ситуации.

В основе песенных сегментов лежат представления о шаманской деятельности, магических способностях и песенном типе рассказывания. Отдельные песенные вставки можно охарактеризовать как личные песни, в чем видится связь с собственно песенным фольклором лесных юкагиров, содержащим данный жанр.

Список литературы

- Демина Л. Н.* Литературнэй чунулэк: Хрестоматия. Якутск: Бичик, 2015. 88 с.
- Жукова Л. Н.* Очерки по юкагирской культуре: В 3 ч. Новосибирск: Наука, 2012. Ч. 2: Мифологическая модель мира. 360 с.
- Жукова Л. Н.* Юкагирско-китайские фольклорные параллели // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7-2 (49). С. 72–76.
- Жукова Л. Н.* Древнекитайский и юкагирский мифы о сотворении человека: сюжетное и структурное сходство // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 2 (19). С. 28–39.
- Жукова Л. Н., Прокопьева П. Е.* Фольклорные тексты юкагиров Верхней Колымы // Язык – миф – культура народов Сибири. Якутск, 1991. Вып. 2. С. 146–167.
- Игнатьева Т. И.* Музыкальный фольклор юкагиров // Фольклор юкагиров / Сост. Г. Н. Курилов. Москва; Новосибирск: Наука, 2005. С. 45–123. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 25)
- Иохельсон В. И.* Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005а. 272 с.
- Иохельсон В. И.* Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / Пер. с англ. В. Х. Иванова, З. И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005б. 675 с.
- Лунное лицо: Сказки юкагиров / Сост. и обраб. Л. Н. Жукова, О. С. Чернецов. Якутск: Кн. Изд-во, 1992. 128 с.
- Мелетинский Е. М.* Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. М., 1979. 230 с.
- Прокопьева П. Е.* Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре. Новосибирск: Наука, 2009. 143 с.
- Прокопьева П. Е.* О двух циклах в фольклоре лесных юкагиров (вопрос о сохранности и трансформации сюжетов) // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 14–23.
- Прокопьева П. Е.* Устная несказочная традиция юкагиров. Новосибирск: Наука; Изд-во СО РАН, 2018. 308 с.
- Прокопьева П. Е.* Образ Росوماхи в фольклоре лесных юкагиров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 3. С. 647–652.
- Пропт В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
- Садалова Т. М.* Сказки в системе жанров алтайского фольклора // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 1 (13). С. 50–53.
- Спиридонов В. К., Николаева И. А.* Букварь для 1 класса юкагирских школ (верхнеколымский диалект). СПб.: Просвещение, 1993. 127 с.
- ФЮ – Фольклор юкагиров / Сост. Г. Н. Курилов. Москва; Новосибирск: Наука, 2005. 594 с.
- ФЮВК – Фольклор юкагиров Верхней Колымы: В 2 ч. / Сост. Л. Н. Жукова, И. А. Николаева, Л. Н. Демина. Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та, 1989. Ч. 1. 161 с.; Ч. 2. 89 с.

References

- Demina L. N. *Literaturney chunulek: khrestomatiya* [Literary reading: textbook]. Yakutsk, Bichik, 2015, 88 p.
- Fol'klor yukagirov* [Folklore of the Yukaghirs]. G. N. Kurilov (Comp.). Moscow, Novosibirsk, Nauka, 2005, 594 p.
- Fol'klor yukagirov Verkhney Kolymy* [The folklore of the Upper Kolyma Yukaghirs]. L. N. Zhukova, I. A. Nikolaeva, L. N. Demina (Comps). Yakutsk, YSU Publ., 1989, pt. 1, 161 p.; 1989, pt. 2, 89 p.
- Ignat'eva T. I. Muzykal'nyy fol'klor yukagirov [Musical folklore of the Yukaghirs]. In: *Fol'klor yukagirov* [Folklore of Yukaghirs]. Moscow, Novosibirsk, Nauka, 2005, pp. 45–123. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]. vol. 25)
- Iokhel'son V. I. *Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge* [The materials for Yukaghir language and folklore study collected in the Kolymsky district]. Yakutsk, Bichik, 2005a, 272 p.
- Iokhel'son V. I. *Yukagiry i yukagirizirovannye tungusy* [The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus]. V. Kh. Ivanov, Z. I. Ivanova-Unarova (Transl. from English). Novosibirsk, Nauka, 2005b, 675 p.
- Lunnoe litso: Skazki yukagirov* [Moon Face: Tales of the Yukaghirs]. L. N. Zhukova, O. S. Chernecov (Comps). Yakutsk, Kn. Izd., 1992, 128 p.
- Meletinskiy E. M. *Paleoaziatskiy mifologicheskiy epos. Tsikl Vorona* [Paleoasiatic mythological epic. The Raven Cycle]. Moscow, 1979, 230 p.
- Prokop'eva P. E. Obraz Rosomakhi v fol'lore lesnykh yukagirov [Image of Wolverine in Folklore of the Forest Yukaghir]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2021, vol. 14, iss. 3, pp. 647–652.
- Prokop'eva P. E. *Otrazhenie mifologicheskogo myshleniya v yukagirskom fol'klore* [Reflection of mythological thinking in Yukaghir folklore]. Novosibirsk, Nauka, SB RAS Publ. House, 2009, 143 p.
- Prokop'eva P. E. *Ustnaya neskazochnaya traditsiya yukagirov* [The oral untold tradition of the Yukaghirs]. Novosibirsk, Nauka, SB RAS Publ. House, 2018, 308 p.
- Prokop'eva P. E. O dvukh tsiklakh v fol'klore lesnykh yukagirov (vopros o sohrannosti i transformatsii syuzhetov) [About two cycles in the folklore of forest Yukaghirs (the question of the preservation and transformation of plots)]. *Siberian Journal of Philology*. 2011, no. 3, pp. 14–23.
- Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [The historical roots of the fairy tale]. Moscow, Labirint, 2000, 336 p.
- Sadalova T. M. Skazki v sisteme zhanrov altayskogo fol'klora [Fairy tales in the system of genres of Altai folklore]. *The world of science, culture and education*. 2009, no. 1 (13), pp. 50–53
- Spiridonov V. K., Nikolaeva I. A. *Bukvar' dlya 1 klassa yukagirskikh shkol (verkhnekolymskiy dialekt)* [Primer for the 1st grade of Yukaghir schools (Verkhnekolymsky dialect)]. St. Petersburg, Prosveshchenie, 1993, 127 p.
- Zhukova L. N. Drevnekitayskiy i yukagirskiy mify o sotvorenii cheloveka: syuzhetnoe i strukturnoe skhodstvo [The ancient Chinese and the Yukagir myth of the creation of man: plot and structural similarities]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*. 2017, no. 2 (19), pp. 28–39.

Zhukova L. N. *Ocherki po yukagirskoy kul'ture: v 3 ch.* [Essays on Yukaghir culture: in 3 vols.]. Novosibirsk, Nauka, 2012, pt. 2: Mifologicheskaya model' mira [Mythological model of the world], 360 p.

Zhukova L. N. Yukagirsko-kitayskie fol'klornye paralleli [The Yukagir-Chinese folklore parallels]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2015, no. 7-2 (49), pp. 72–76.

Zhukova L. N., Prokop'eva P. E. Fol'klornye teksty yukagirov Verkhney Kolymy [Folklore texts of the Yukaghirs of the Upper Kolyma]. In: *Yazyk – mif – kul'tura narodov Sibiri* [Language-myth-culture of the peoples of Siberia]. Yakutsk, 1991, iss. 2, pp. 146–167.

Информация об авторе

Прасковья Егоровна Прокопьева, кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия)
RSCI Author ID 415334

Information about the author

Praskovia E. Prokopeva, Candidate of Pedagogy Sciences, Leading Researcher, Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation)
RSCI Author ID 415334

*Статья поступила в редакцию 01.04.2022;
одобрена после рецензирования 02.11.2022; принята к публикации 28.04.2023
The article was submitted on 01.04.2022;
approved after reviewing on 02.11.2022; accepted for publication on 28.04.2023*

Научная статья

УДК 398.21 (=512.156) (510)

DOI 10.17223/18137083/83/3

**Образ Амыр-Саны
в анклавной традиции тувинцев Китая
по современным записям**

Жанна Монгеевна Юша

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

zhanna-yusha@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4076-4553>

Аннотация

Рассматривается образ Амыр-Саны в анклавной традиции тувинцев Китая. В них, по сравнению с традицией российских тувинцев, образ Амыр-Саны раскрывается более полно, как с положительной, так и с отрицательной стороны; его образ в фольклоре китайских тувинцев является противоречивым. Амыр-Сану приравнивают к эпическому герою, признают его тувинцем, считают начинателем состязания в стрельбе из лука – национальной гордости китайских тувинцев. В то же время имеются и негативные характеристики Амыр-Саны как трусливого человека; хана, потерпевшего поражение, захотевшего стать правителем тувинцев. В отличие от материнского поля, нарративы на эту тему в анклаве до настоящего времени бытуют в репертуаре у молодых и пожилых людей, что показывает живучесть и преемственность фольклорной традиции. В текстах выявлены устойчивые мотивы ухода и возвращения Амыр-Саны в Китайский Алтай. В научный оборот введены новые, ранее не публиковавшиеся фольклорные материалы.

Ключевые слова

тувинцы Китая, анклавная традиция, материнское поле, тувинский фольклор, Амыр-Сана, устные рассказы, историческая память

Для цитирования

Юша Ж. М. Образ Амыр-Саны в анклавной традиции тувинцев Китая по современным записям // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 35–48. DOI 10.17223/18137083/83/3

© Юша Ж. М., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 35–48
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 35–48

The image of Amyr-Sana in the enclave tradition of Tuvans of China according to modern records

Zhanna M. Yusha

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
zhanna-yusha@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4076-4553>

Abstract

In the modern enclave tradition of Chinese Tuvans, a layer of oral stories dedicated to Amyr-Sana has been revealed. The narratives on this topic are still alive in the memory of young and elderly people, showing the continuity of folklore and the stability of historical memory. The collected materials of recent years indicate that compared to the maternal field, the image of Amyr-Sana among Chinese Tuvans is represented by various variants, showing his folklore image to be rather contradictory. On the one hand, the image of Amyr-Sana in the folklore of Chinese Tuvans embodies faith in freedom and independence. He is regarded as an epic hero, a Tuvanian, a founder of archery competition Tuvans. On the other hand, Amyr-Sana can be negatively characterized as a cowardly person, a khan who was defeated and wanted to become the ruler of the Tuvans. One of the specific features in the plot situation: “Amyr-Sana wants to become the ruler of Tuvans” has been found to be the obligatory presence of a poetic triplet/couplet conveying the essence of the main theme. It has been revealed that the departure and return of Amyr-Sana feature two stable motives expressing the idea of Amyr-Sana’s return to his native lands in a difficult time for the people. The fieldwork allowed us to establish that numerous respondents nowadays believe and wait for the return of Amyr-Sana, a striking indicator of the preservation of historical memory.

Keywords

Tuvans of China, enclave tradition, mother field, Tuvan folklore, Amyr-Sana, oral stories, historical memory

For citation

Yusha Zh. M. The image of Amyr-Sana in the enclave tradition of Tuvans of China according to modern records. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 35–48. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/3

В фольклорной традиции тувинцев, проживающих в России, Китае и Монголии, имеются предания и легенды, посвященные Амыр-Сане (в научной литературе встречаются также написания Амырсана, Амурсана, Амур-Сана), историческому персонажу, жившему в 1722–1757 гг. в Джунгарском ханстве. По историческим сведениям, он был правителем ойротских племен Джунгарии и совершил ряд удачных походов против Внешней Монголии, части Маньчжурии. С 1756 г. Амыр-Сана вместе с Ценгун-Джапом, руководителем восстания халхасцев, вел борьбу с маньчжуро-китайскими войсками [МЛПТ, 2010, с. 325]. В это же время Тува входила в состав Джунгарского ханства, когда «после смерти Галдан-Цэрена в 1745 г. в Джунгарии разгорелась борьба за ханский престол. Этим воспользовался императорский Китай и в течение 1755–1756 гг. сумел разгромить и уничтожить Джунгарское государство» [История Тувы, 2001, с. 190].

Отметим, что в тюрко-монгольском фольклоре Амыр-Сана является национальным героем фольклора бурят, монголов, ойратов, тувинцев, казахов, калмы-

ков, хакасов, алтайцев (см. [МЛПТ, 2010; НПА, 2011] и др.). Каждый из этих народов считает Амыр-Сану своим национальным героем и ждет его появления на своей территории в трудное для народа время.

Данная статья основана на новых полевых материалах автора, собранных в местах проживания тувинцев Китая в течение ряда полевых сезонов в 2010–2018 гг. В работе впервые вводятся в научный оборот фольклорные тексты, посвященные Амыр-Сане.

В фольклоре китайских тувинцев устные рассказы об Амыр-Сане до настоящего времени сохранились в исторической памяти носителей анклавной традиции. В них подробно обрисован только Амыр-Сана, а другие реальные персонажи, также сыгравшие большую роль в истории Джунгарского ханства не упоминаются, тогда как в материнском поле в нескольких фольклорных образцах присутствует образ Шуну – противника Амыр-Саны [МЛПТ, 2010, с. 216–217]. По сравнению с материалами российских тувинцев, в современных текстах китайских тувинцев образ Амыр-Саны раскрывается более многогранно, в разных ракурсах – с положительной и отрицательной сторон.

В первую очередь, в отличие от материнского поля, обращает внимание то, что в несказочной прозе китайских тувинцев имя Амыр-Саны представлено в двух вариантах: *Амыр-Санаа баатыр* (букв. Богатырь Амыр-Сана) и *Амыр-Санаа баатыр хунтайжи* (букв. Богатырь Амыр-Сана, имеющий титул хунтайжи). В них «прочитывается» положительная семантика: к имени добавляется слово *баатыр* «богатырь», которое в народной традиции принято употреблять по отношению к эпическим богатырям, которые стояли на страже своей родины. Во втором случае к антропониму добавлен титул наследного правителя – *хунтайжи* (вар. *хонтайжи*), который не зафиксирован в материнском поле.

В повествовательной традиции, прежде чем поведать об Амыр-Сане, исполнитель ссылается на того, от кого он слышал тот или иной рассказ. Эта особенность является одним из традиционных приемов передачи фольклорного произведения для определенной аудитории, поскольку рассказчик описывает события прошедших эпох, и в подтверждение своих слов, как правило, ссылается на пожилых людей, которые для современного поколения могут быть гарантией достоверности. Так, информанты в процессе повествования нарративов обязательно используют следующие устойчивые выражения: *улуглар хоочулап турар чүве* ‘взрослые рассказывали’, *бурунгу улуг амытаннар аайтырда* ‘пожилые люди рассказывали’, *бурун улус ынчап хоочулаар* ‘древние люди так рассказывали’, *мынчалдыр мен улуглардан дыңнадым* ‘я от пожилых людей такое слышал’. В некоторых случаях исполнители называют имена конкретных людей: *эмчи Чамбыл деп кижии ынчаар хоочуулаар* ‘врач Чамбыл так рассказывал’, *Чайсан деп кижии ынчап хоочулаар* ‘человек по имени Чайсан так рассказывал’, *мында бир Дажы аайтыр* ‘здесь некий Дажы рассказывал’. Если в устной традиции китайских тувинцев при описании мифологических персонажей информанты часто упоминают: *Улуглар хоочуулаар чүве, мен көрбээн мен* ‘Пожилые люди рассказывали, я не видел’ [Юша, 2018, с. 80], то при изложении рассказа про Амыр-Сану употребляют схожую фразу: *Амыр-Санааны бодум көрбээн мен, хоочузун дыңнаан мен* ‘Амыр-Сану я сам не видел, слышал про него рассказ’.

В нарративах об Амыр-Сане даже в пределах одного текста наблюдается взаимодействие и вкрапление исторических и мифологических мотивов в основной сюжет повествования, что создает его единую семантическую направленность. В некоторых случаях в них трудно выделить достоверные исторические

сюжеты, поскольку события, описываемые в повествованиях, подвержены народной «обработке», а передаваемые в них якобы исторические моменты, воспринимаемые носителями традиции как правдивые, не подкреплены реальными историческими материалами. Но бесспорным фактом, имеющим историческую подоплеку, можно считать огромную популярность среди китайских тувинцев образа Амыр-Саны как реального исторического персонажа, оставившего неизгладимый след в фольклорной памяти.

У тувинцев Китая предания об Амыр-Сане всегда имеют территориальную отсылку к местности, где происходили события. Обычно информанты связывают случившиеся события с родными местами. В южных селах Ак-Хава, Ханас, Хом личность Амыр-Саны ассоциируется с реальным топонимом – горой Болбаадай, где войско Амыр-Саны якобы потерпело сокрушительное поражение от маньчжуров. В народе считают, что именно из-за разгрома войск Амыр-Саны на рядом стоящей высокой горе ее стали называть *Болбаадай* (букв. «не получилось»), поскольку Амыр-Сана произнес слова, которые обозначали его неудачу в битве:

Бо улуг дагны Болбаадай деп аайтыр иргин. Бурун бир улуг баатыр кээн борада, Амыр-Санаа деп баатыр келгеш, чаалажыт тур дидир бо Ханаска. Чаалашкан кесте Амыр-Санааның шерии ол педик дагның Болбаадайның үстүнге турар керек дидир. Чаалашкандан соңгаар ол Амыр-Санааның шерии шала теликтинип калыр, күжү четпейн калган соңгаар “күжүм четпээди, болбаады ай, болбайн калды амдыы” дээн сөс. Ооң соңгаар мынаар өдөр иргин Европа дипе, Азия дипе. Ол Амыр-Санааның айыткан сөзү иргин: “Болбаады ай” деп ‘Эту большую гору называем Болбаадай. Давным давно сюда приезжал богатырь Амыр-Санаа, он воевал в этом Ханасе, говорят. Во время битвы войско Амыр-Саны стояло на вершине этой высокой горы Болбаадай, говорят. После битвы войско этого Амыр-Саны обессиленным оказалось. После того, как сил не хватило, [Амыр-Сана сказал]: «Сил не хватило, не получилось, ай, пока не получилось», – вот такие слова [произнес]. После этого [он] уходит в Европу и Азию. Это слово «не получилось» сказал Амыр-Сана, оказывается’ (зап. от Уурук, 1955 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2010 г.).

Подобная картина обязательного присутствия местной топонимики в сюжетных линиях рассказов об Амыр-Сане наблюдается и в материнском поле.

У носителей традиции сохраняется мнение, что на вершине горы Болбаадай с тех пор, когда войско Амыр-Саны оборонялось от маньчжуров, остался чугунный котел:

Бурунгу улуг амытаннар аайтырда, мынаар барса улуг пажы бар иргин дедир. Бис бырак бо карак биле көрбедик, дыңнаан сөс, шын бар бе, меге бе. Улуг паш бар иргин деп ынчаар. Шын бе, меге бе, билбес. Паш, былчынган паш дээш ындыг чүвелери бар деп ‘Раньше старые люди рассказывали, что если туда пойдете, то там есть его большой котел, так говорили. Мы не видели своими глазами, только слышали, и вправду есть ли, нет ли. Там есть большой котел, так говорили. Правда ли, ложь ли – не знаем. Поломаный котел и другие его вещи есть, так говорили’ (зап. от Уурук, 1955 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2010 г.).

В это же время исполнитель в конце приведенного нарратива сообщает о своих сомнениях насчет правдивости таких суждений, поскольку сакральная семан-

тика оставления котла воином-героем на горе носителями традиции уже не осознается.

Неуверенность местных жителей в достоверности сохранения артефактов, связанных с именем Амыр-Саны, показывает и следующий пример:

Бар болса казыр бо кыдат курун, бо кыдаттар шинчилеп үндүрүп каарик ‘Если [котел] там есть, то сейчас китайское государство, китайцы давно исследовали бы [его]’ (зап. от Уурук, 1955 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2011 г.).

Схожий мотив оставления котла народным героем на горе имеется и в тюрко-монгольской традиции. Котел – один из тех сакральных символов, необходимых атрибутов, которые характерны для воинской кочевой среды; он является выражением могущества, силы вождя и возглавляемого им объединения на протяжении веков [Джумабекова, Базарбаева, 2017, с. 114].

Тувинцы Кок-Догая и Тамыкы, расселенные вблизи границы с Монголией, имя Амыр-Саны связывают со скалой, находящейся неподалеку от современного села Тамыкы Или-Казахской области, где проживает тувинское население. По мнению тувинцев Кок-Догая и Тамыкы, в этой местности в 1857 г. произошло кровополитное сражение войск Амыр-Саны с маньжурами.

Как рассказывают местные жители, Амыр-Сана, после своего поражения оставшись один, оборонялся от противника на вершине труднодоступной скалы, поэтому в здешних краях с тех пор эту скалу стали называть скалой Амыр-Саны:

Амыр-Санаа Хавада чаалажып турган иргин маньчинен, Шиңгилде чаалашкан чери бар иргин. Эң соонда дескинип бо Көк-Догайның бо черин кежээ чер эмеспе, чаалап албас. Ийи ай аткылажып, дээ даштың үстүңге туруп алгаи, аргамчы ап алгаи кемнен суг ап ижип, чиир чүвеси калбайн үстүнен кушту өтпейн, кушту адып ‘Амыр-Санаа воевал с маньжурами в Хабе, в Шингиле тоже есть места сражений. Потом в конце, сделав круг, приехал в Кок-Догай, в самую труднодоступную местность. Два месяца отстреливался на вершине той скалы, с помощью аркана из реки брал воду для питья, когда не осталось еды, то не пропускал птиц, летящих над ним, отстреливал’ (зап. от Оргунчапа, 1954 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2011 г.).

В наши дни в Или-Казахской области скала Амыр-Саны пользуется популярностью в качестве «исторической достопримечательности» у китайских туристов, приезжающих в Синьцзянь. Местные туристические компании региона к этой скале устраивают пешие и конные экскурсии, хотя достоверность этих сведений по историческим данным не установлено.

Согласно устным рассказам, китайские тувинцы Амыр-Сану принимают за своего соплеменника, поэтому происхождение Амыр-Саны нередко связывают с тувинской родоплеменной группой *дорт сумун*, состоящей из четырех групп: *иркит*, *чаг-тыва*, *хөйүк*, *хойт* [Юша, 2018, с. 32]. Эту мысль о принадлежности Амыр-Саны к роду *дорт сумун* не только высказывают сами представители рода, но и подтверждают члены других тувинских родов:

Амыр-Санаа деп тегинде бо дөрт сумунуң бо нак кончуг, бо хонтайжи барыын-мурнуу чук чой барган ‘Амыр-Санаа на самом деле из рода *дорт сумун* самым лучшим был, этот *хонтайжи* в западно-южном направлении

уехал' (зап. от Серика, 1957 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2011 г.).

Возможно, утверждение о тувинском происхождении Амыр-Саны основано на следующих исторических фактах: «Амурсана не принадлежал к влиятельным слоям ойратов, хотя и происходил из аристократического рода “цаган туг хойт” (“хойт белого знамени”)» [Златкин, 1983, с. 286], поскольку в этническом составе китайских тувинцев, как мы указывали выше, имеется род *хойт*, который входит в объединенную группу *дорт сумун*.

Образ Амыр-Саны идеализируется современными тувинцами, поэтому они считают его неконфликтным человеком, далеким от разного рода распрей. Имеются нарративы, в которых сообщается, что Амыр-Сана жил на Китайском Алтае в то время, когда якобы сражались между собой родоплеменные группы *оорчаков* и *соянов*, поэтому, чтобы не видеть этого кровопролития, он сбежал в другое место:

Бо Хаваның суунуң ол чарыынга дурган иргин, бо оорчаг-соян билен кады. Унуун оорчаг-соян каккылажыыр орта Амыр-Санаа дезер иргин ‘Он жил на другой стороне реки Хавы, оказывается, с *оорчаг*, *соянами* вместе был. Когда *оорчаки* и *сояны* начали враждовать, то он сбежал’ (зап. от Кызыл-Боовея, 1939 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2011 г.).

В наши дни представители рода *оорчак*, соседствующие с тувинцами, идентифицируют себя с монголами, хотя они в совершенстве владеют тувинским языком, соблюдают традиционную обрядность и обычаи, присущие тувинцам. Среди материнского этноса род *ооржак* считает себя тувинцами [Юша, 2017, с. 106].

Народная любовь к Амыр-Сане выражается в наделении его разными положительными качествами и способностями, характерными для выдающейся личности. Встречаются тексты, в которых Амыр-Сану даже считают основателем тувинского государства. Очевидно, что в этих данных есть доля истины, так как, по мнению историков, «тувинцы в составе Джунгарии составляли отдельное ханство, платившее подати джунгарскому хану. Джунгарские правители высоко ценили боевые качества тувинских военных подразделений» [История Тувы, 2001, с. 189]. В следующем рассказе исполнитель считает Амыр-Сану основателем тувинского государства, обращает внимание на выкопанные им глубокие ямы, находящиеся в местности Теректиг, что, по его мнению, свидетельствует о его пребывании в этих местах:

Амыр-Санаа баатыр хунтайжи Теректигде казып каан үттери бар, чоруун черлериниң. Джунгода бо бистиң бир тыва күрүнүң курмакчысы. Бодунуң агасы иелеси докускаш таарышпайн. Манчының көвей шерии келгеш чеңгип калды. 1757-чи чылдарда Амыр-Санаа кээр мен деп киткен аан. Дедир келир мен деп киткен ‘Богатырь Амыр-Сана хунтайжи, в Теректиге, где он проезжал, есть норы, им выкопанные. В нашем Китае он является основателем тувинского государства. Со старшим братом вдвоем они не смогли найти общий язык. Многочисленное войско маньчжуров его победило. В 1757 году Амыр-Сана, «Еще вернись!» сказав, уехал’ (зап. от Бадырылты, 1970 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2011 г.).

Согласно нарративам, тувинцы Китая считают Амыр-Сану не только военачальником, но и своего рода культурным героем, ставшим основателем стрельбы из лука – одного из видов спортивных состязаний, национальной гордости тувинцев, сохранившейся до настоящего времени в обрядовой традиции новогоднего цикла. Например:

Бо баавыс Амыр-Санааның каап берген оюну дидир. Мынчалдыр мен улуглардан дыңнадым ‘Наша стрельба из лука – это игра начатая Амыр-Саной, – так говорят. Вот такое я слышал от старших’ (зап. от Кендинчапа, 1949 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2011 г.).

В фольклорной традиции китайских тувинцев существует и отрицательный образ Амыр-Саны. Бытуют рассказы о том, что Амыр-Сана после бегства от своих противников захотел стать правителем алтайских тувинцев (одно из самоназваний китайских и цэнгэльских тувинцев. – Ж. Ю.). Однако тувинское население не желало подчиниться ему, поэтому тувинцы решили прогнать его со своих земель. Об этом свидетельствует следующий текст:

Амыр-Санаа бо ойуктан дезип келгеш, дезип келген эвеспе. Маньчжуга кужу четпейн дезип келгеш, бо Алдайнын тываларын беглээр мен дээрге, Алдай тывалары беглетпес бис дээш ойладырга, ол кижси:

Бээн танываан мен мунгак мен,

Бээн танываан силер мунгак.

Албаты танываан мен мунгак мен, – дээш дезип чой барган.

‘Амыр-Санаа, с той стороны убегая, пришел сюда. Не хватило сил для маньчжуров, [поэтому] убегая, пришел сюда. Хотел стать бегом-правителем алтайских тувинцев, но алтайские тувинцы не захотели его [видеть] правителем, стали его прогонять, тогда тот человек [произнес]:

Меня, своего бега, не признали, я глуп,

Вы своего бега не признали, вы глупы.

Подданные меня не признали, я глупый, – так сказав, сбежал’ (зап. от Батыочура, 1986 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2012 г.).

Вышеприведенное трехстишие (вар. двустиие) у тувинцев Китая является одним из устойчивых поэтических строк в структуре устных рассказов про Амыр-Сану, который хотел стать правителем китайских тувинцев. Это изречение, авторство которого приписывают Амыр-Сане, передает трагизм сложившейся ситуации, когда он, потерпев поражение в борьбе с маньчжурской армией, искал себе союзников, готовых выступить против грозного врага – Цинской империи. Часто многие информанты среднего и пожилого возраста свой рассказ начинали с озвучивания этого стихотворного образца, а молодежь, которая не помнит текст целиком, в наши дни ограничивается декламированием данного трехстишия, популярного среди китайских тувинцев. Слово *муңгак* китайскими тувинцами используется в диалектном значении «глупый», тогда как это же слово в литературном языке означает «печальный».

Согласно другой версии вышеприведенного рассказа, Амыр-Сана после своего поражения захотел править только малой частью тувинцев – населением местности Ханас. В следующем примере он изображен трусливым человеком, который убегает при малейшей угрозе, что не подобает знаменитому полководцу:

Ол Амыр-Санаа келгештен бо Ханаска черлээр мен, бо черни аңги бодум башкарар мен деп, Амыр-Санаа хунтайжи кээп. Унуун соңгаар амдыы чүве билбес надаң-хара тыва амдыы саадактың огунга чаалажсыкай деп бичиштиң Амыр-Санааны. Ол чаштын чунуп олурадда, кыдыынга бир ок кээп дүжсер, саадактың огу. Алгаштан көрсе, амдыыгылар “чаалажыр бис, сени өлүрер бис” деп бичип каап тур. Ол улуг улустуң хоочусу. Онуун соңгаар амдыыгы:

Ээзин билбээн муңгак тыва,

Хаанын билбээн хара муңгак тыва” деп каргааш, Амыр-Санааның чурту бо Сай-Кежигнен ашкаш чой барган дидир. Тыва ынчап чаалаар мен дээрде, корткаш десе-ле барып-тыр ‘Этот Амыр-Сана, приехав, сказал: «Буду жить в Ханасе, этой землей сам буду править», – говорил Амыр-Сана. Потом ничего не знающие, не обученные тувинцы написали Амыр-Сане, что хотят с ним сразиться в стрельбе из лука. Когда он на улице сидел и мылся, то рядом с ним упала стрела, стрела лука. Открыв письмо, увидел, что тувинцы написали ему: «Мы с тобой сразимся, тебя мы убьем!». Это рассказ старых людей. После этого тот [Амыр-Сана] произнес:

«Хозяина своего не узнавшие глупые тувинцы,

Хана своего не узнавшие глупые тувинцы», – так проклиная, Амыр-Сана со своими людьми перевалил через перевал Сай-Кежиг. Когда тувинцы захотели с ним сразиться, то он сбежал от испуга. Он сказал: «Хозяина своего не узнавшие глупые тувинцы, хана своего не узнавшие глупые тувинцы», – так он спел и, поплавав, уехал, оказывается. Он приехал, чтобы быть хозяином Ханаса, оказывается. Тувинцы Ханаса с ним перестреливались, кажется’ (зап. от Биликти, 1927 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2010 г.).

Как видно из текста, в форме двустипшия присутствует то же устойчивое выражение о неузнавании тувинцами Амыр-Саны, якобы высказанного им самим.

Негативное отношение к Амыр-Сане проявляется и в других случаях. Так, в народе бытуют рассказы о том, что Амыр-Сана рассорил семь *кожуунов* (кожуун – административно-территориальная единица), куда входили тувинские и монгольские племена, расселенные на Китайском Алтае, которые затем во время господства Маньчжурской династии были сгруппированы в две большие области: Зуунгар (букв. «Правая рука») и Баруунгар (букв. «Левая рука») [Namkamidog, 2009; Zhengchun, 2016].

В представлении тувинцев, Амыр-Сана даже воевал со своими соплеменниками из *дорт сумун*:

Бодунуң дөрт сумун, чеди кожууну билен аткылажып-аткылажып оон соонда чоруунан кедээр Болбаадай деп ат каап каан ‘Со своими дорт сумун и семью кожуунами перестреливался. Когда он уехал, то гору стали называть Болбаадай’ (зап. от Серика, 1957 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2011 г.).

Возможно, в этом рассказе отражено реальное историческое событие, когда в начавшейся междоусобной борьбе за ханский престол, как свидетельствуют носители традиции, некоторые монгольские и тувинские племена были на стороне соперников Амыр-Саны.

Независимо от территориально-родовой принадлежности у китайских тувинцев устные рассказы об Амыр-Сане имеют единую концовку, в которой подробно

объясняется его **уход** с территории проживания тувинцев и **будущее его возвращение** в Китайский Алтай. Так, уход и возвращение Амыр-Саны обычно представлены двумя устойчивыми мотивами: 1) Амыр-Сана обещает вернуться к тувинцам в Китайский Алтай в описанное им конкретное время; 2) Амыр-Сана совершает акциональное действие – срезает верхушки тополя / деревьев. Указанные мотивы являются устойчивыми, но в текстах они не имеют строгой последовательности.

Отметим, что мотив «срезание верхушки тополя / деревьев» встречается только в анклавной традиции, а в материнском поле он ни разу не зафиксирован. Возможно, семантика этого мотива у китайских тувинцев восходит к одной из древних форм описания ритуала принятия какой-либо клятвы, существовавшей в тюрко-монгольском мире.

По мнению жителей Ак-Хавы, Амыр-Сана, когда уезжал, то, срезав верхушку тополя, обещал вернуться:

Амыр-Санаа ынчан ыяштың бажсын кескеш чой барган. Ол шагда бо Амыр-Санаа хоңтайжи айыткан: “Очалаңның үстүнге ала-шаакайның бажы долганда, ыт тура сиктээр шагда, бодумнуң кожуунумну тып аар мен” дээн Амыр-Санаа ‘Амыр-Сана срезал верхушку тополя. В то время Амыр-Санаа хонтайжи говорил: «Когда во Вселенной будет много [людей] в разноцветной обуви, когда собака стоя будет писать, свой кожуун я найду», – сказал Амыр-Санаа’ (зап. от Серика, 1957 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж.М. Юша, 2011 г.).

В данном примере присутствуют вышеописанные мотивы: 1) акциональное действие – срезание верхушки тополя Амыр-Саной; 2) описание времени своего возвращения к тувинцам в родной кожуун.

В следующем рассказе также упоминается акциональный компонент – срезание верхушки тополя, совершенное Амыр-Саной, и клятва вернуться при определенных условиях:

Ол амытаннар аайтырда, бир ыяшты ээй тырткаш, шеттиң бажсын одура хаккаш: “Ала аттың кудуруу черге дээн шагда, моон кээп бир тывар мен” деп ынчаап таңгырак аайыткаш барган дедир ий ‘Люди рассказывали, что он, одну из верхушек дерева склонив, отрубив его верхушку [он сказал]: «Когда хвост пегого коня достанет земли, в то время сюда приехав, буду [вас] искать», – так он, клятву проговорив, уехал, так говорят’ (зап. от Биликти, 1927 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2011 г.).

В период сбора материала по несказочной прозе, мы не раз сталкивались с утверждениями информантов о том, что время прихода Амыр-Саны уже пришло, поскольку он обещал в определенное время вернуться в Китайский Алтай. Как считают носители традиции, в настоящее время уже появились приметы прихода Амыр-Саны.

Например, об этом свидетельствует следующий рассказ:

Амыр-Санаа келир мен дээн деп айыткан дедир, бурунгу улуг кижилер аайтыр иргин. Мынаар бо чүкте бир ыяштың бажсын мынчап кескен дедир. Көвей хоюг-хоюг ыяштарның бажсын төдүн мынчап дескилеп, чаагай кескен дедир. Улуг кижилер хоочулаар: “Ол ыяштың бажы четчиин шагда, чер-көктү бо очалаңның бо кырын, кыдаттың бо шаакайы хаптаан

шагда” деп аайтып тур. “Бо шагда мен истеп келир мен” деп айыткан дедир, “истеп келир мен”. Шаакай ресинке, ол шагда мындыг ресинке шаакай кетпес эмесе ол шагда. Тыва төдү эдик кедер, былгаар инектиң кезинен эдик кедер эмесе ол шагда, мындыг ресинке шаакайлар болбас ‘Амыр-Сана сказал, что вернется, так говорили старые люди. Вон на той стороне верхушку одного дерева срезал, говорили. Верхушки многих деревьев так подровняв, красиво срезал, говорили. Старые люди рассказывали: «Когда верхушки тех деревьев расцветут, когда землю-листву на Вселенной истопчет китайская обувь, – так говорил. – В это время я найду [вас] и приду», – так [он] говорил, оказывается. «Я найду и приду», – так говорил. В то время не носили такую резиновую обувь. Тувинцы в то время все носили обувь из коровьей шкуры, такой резиновой обуви не было’ (зап. от Урук, 1955 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2010 г.).

Как следует из данного текста, признаками возвращения Амыр-Саны являются: многочисленность китайцев в мире, ношение резиновой обуви, производимой китайцами. Примечательно, что информант дал свое видение этой ситуации, из которой следует, что в прошлом, во время ухода Амыр-Саны, тувинцы носили традиционную обувь, а резиновой обуви у них и не было.

Согласно историческим источникам, Амыр-Сана в период распада Джунгарского ханства, после своего поражения в 1757 г., бежал в Россию, и в этом же году он умер от оспы в Тобольске. Для освидетельствования смерти его тело было увезено в Кяхту и погребено [Кузнецов, 1983, с. 70–72]. В фольклорной традиции китайских тувинцев бегство Амыр-Саны описывается в различных вариантах. Имеются нарративы, в которых Амыр-Сана уезжает не только в разные страны – Россию, Казахстан, но и на другие континенты – например, в Америку. Здесь мы видим образец того, как исторические предания, содержащие аспект достоверности, осмысливаются несколькими поколениями, которые вносят свою лепту в изменение фольклорного текста, не соответствующее действительности.

Частотны нарративы, в которых описана правдивая ситуация – Амыр-Сана уезжает в Россию. В подтверждение этому в тексте указывается реальный топоним – Уральские горы (рассказчик называет их Оральскими горами):

Амыр-Санаа ол бо Хаваның ол чарынан дескештен Орал даг деп черге хонаштанган дидир. Ол Орал дагга барган соонда орус база дыш бербес иргин, ойлалдыр иргин ону ‘Амыр-Сана, сбежав из Хавы, на горе Орал ночлег устроил, говорят. На горе Орал ему не дают покоя и русские, они стали его гнать [оттуда]’ (зап. от Кызыл-Боовея, 1939 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2011 г.).

Нередко встречаются тексты, в которых Амыр-Сана уезжает в Казахстан, где и находит свой последний приют: *Маньчу-кыдаттан чеңгилгештен Казакстан черинге баргаш өлүр* ‘Понеся поражение от маньчжуров-китайцев, в Казахстан приехав, он там умирает’ (инф. Бадырылты, зап. в 2011 г.). Возможно, выбор Казахстана связан с близостью государственной границы к местам проживания китайских тувинцев в наше время. Однако в таких рассказах имеется и доля правды, поскольку, как свидетельствуют исторические факты, Амурсана, потерпев ряд поражений, 28 июля 1757 г. явился в Семипалатинск, но 31 июля он оттуда был отослан в Тобольск [Златкин, 1983, с. 301–302].

По некоторым рассказам, Амыр-Сана после своего поражения уезжает в Европу:

Амыр-Санаа моон үнгеш Европа дип чоруур иргин дедир ‘Амыр-Сана, уехав из этой местности, в европейский материк отправился, говорят’ (зап. от Уурук, 1955 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2010 г.).

Имеются примеры, где он отправляется в Америку:

Мен Амыр-Санааны бодасам бо тегинде медилдиг, кончуг медилдиг амытан бо, Америка дээр бис, ынаар чой барган-дыр ий ‘Я думаю, что Амыр-Санаа на самом деле был умный, очень умный человек, мы говорим Америка, [он] туда в Америку уехал’ (зап. от Серика, 1957 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2011 г.).

В большинстве случаев для китайских тувинцев отъезд Амыр-Саны в Европу и Америку ассоциируется с тем, что страны, расположенные в этих континентах, для них олицетворяют свободомыслие, они отличаются инаковостью государственной структуры, возможностью выразить свое мнение и отстаивать свою точку зрения, что соответствует статусу Амыр-Саны – в представлениях тувинцев, вольнодумца и борца против иноземных захватчиков.

Несмотря на наличие рассказов, описывающих бегство Амыр-Саны в разные страны и континенты, в то же время существуют нарративы о том, что в настоящее время останки Амыр-Саны находятся в Пекине, поскольку китайскому правительству позволили забрать его останки из России. Этот мотив противоречит реальным фактам, поскольку, по историческим сведениям, после смерти Амурсаны маньчжурские власти настаивали на выдаче его тела, но российская сторона решительно отклонила это требование [Златкин, 1983, с. 303]:

Ол орустуң Ак-хааны: “Кижигерниң сөөгүн алып силер, Амыр-Санааның” дээр иргин. Онуун бо Чин өкүметти оларны эккеп алган, ол Бээжиңде дидир Амыр-Санааның сөөгү. Эккеп алган дидир ‘Тот Белый царь сообщил: «Заберите останки своего человека Амыр-Саны», – так [он] сказал, говорят. Потом китайское правительство забрало его останки, теперь в Пекине находятся останки Амыр-Саны, так говорят. Привезли, так говорят’ (зап. от Кендинчапа, 1949 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2011 г.).

В данном примере обращает на себя внимание употребление китайскими тувинцами архаичного словосочетания *белый царь* в значении «русский император», которое встречается в фольклорных произведениях тюркских народов Южной Сибири – алтайцев, тувинцев, хакасов, шорцев.

В наши дни нередко у пожилых людей бытуют представления, что Амыр-Сана, когда он бежал в Россию, увел с собой часть китайских тувинцев, которые остались в стране Советов, т. е. в Туве:

Амыр-Санаа былаап алгаиш чоруй барган бистиң тываны. Амыр-Санааның уруглары силер силер аан, ынаар чой барган, Советке барган. Чеди кожуун десең эки кижини чуртту бирлештирип турган кижини эмесе* ‘Амыр-Санаа, [часть] наших тувинцев взяв с собой, ушел. Вы дети Амыр-Саны, он ушел туда, в страну Советов. Семь разрозненных *кожуунов* он

объединял, хорошим человеком был' (зап. от Эресан, 1952 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2010 г.).

Из этого текста видно, что личность собирателя тоже играет немалую роль в фиксации полевого материала, поскольку рассказчик каждый раз заново воспроизводит текст, интерпретируя свой материал в зависимости от слушающей его аудитории. В ходе экспедиционной работы бывали случаи, когда таким же способом объясняли малочисленность китайских тувинцев, поскольку носителями традиции эти тексты воспринимаются как достоверные источники.

Таким образом, в современной анклавной традиции китайских тувинцев выявлен пласт устных рассказов, преданий и легенд, посвященных Амыр-Сане. В отличие от материнского поля, нарративы на эту тему до настоящего времени живы в памяти молодых и пожилых людей, что показывает преемственность устной фольклорной традиции и устойчивость исторической памяти. Собранные материалы последних лет свидетельствуют, что образ Амыр-Саны у китайских тувинцев, по сравнению с материнском полем, представлен различными вариантами и версиями, в которых его фольклорный образ довольно противоречив.

С одной стороны, Амыр-Сана в фольклоре китайских тувинцев до сих пор олицетворяет веру в свободу и независимость, его приравнивают к эпическому герою – *баатыру*, воспринимают как тувинца и своего соплеменника, считают даже культурным героем, начинателем состязания стрельбы из лука среди тувинцев. С другой стороны, встречаются негативные характеристики Амыр-Саны – как трусливого человека; хана, потерпевшего поражение и захотевшего стать правителем тувинцев. В нарративах сюжетной ситуации «Амыр-Сана желает стать правителем тувинцев» одной из специфических особенностей анклавной традиции является обязательное присутствие поэтического трехстишия / двустишия, передающего суть основной тематики повествования. Выявлено, что в рассказах уход и возвращение Амыр-Саны содержат два устойчивых мотива, передающих идею возвращения Амыр-Саны в родные края в трудное для народа время. В процессе полевой работы установлено, что в наши дни многие респонденты верят и ждут возвращения Амыр-Саны, что является ярким показателем сохранения исторической памяти на протяжении нескольких столетий.

Список литературы

Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А. О символике металлических котлов в культуре кочевников // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, № 2 (19). С. 114–116.

Златкин И. Я. История Джунгарского ханства 1635–1758. 2-е изд. М.: Наука, 1983. 330 с.

История Тувы: В 3 т. / Под общ. ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск: Наука, 2001. Т. 1. 367 с.

Кузнецов В. С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1983. 132 с.

МЛПТ – Мифы, легенды, предания тувинцев / Сост. Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша. Новосибирск: Наука, 2010. 373 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 28)

НПА – Несказочная проза алтайцев / Сост. Н. Р. Ойноктинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30)

Юша Ж. М. Тувинцы Китая в XXI веке: веки истории и современное состояние // Новые исследования Тувы. 2017. № 1. С. 101–117.

Юша Ж. М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века: Структура. Семантика. Прагматика. Новосибирск: Наука, 2018. 400 с.

Namkamidog. 新疆 图瓦人社会文化田野调查 与研究 (Xinjiang Tuwaren shenuiwenhua tianyediaocha yu yanjiu). Beijing, 2009. 294 с.

Zhengchun S. 图瓦语 和 图瓦人 的 多语 生活 (Tuva Language and the multi-lingual life of the Tuvinian people in China). Beijing, 2016. 348 p.

Список источников

Образцы фольклора, зафиксированные от китайских тувинцев, в населенных пунктах и чабанских стойбищах Алтайского аймака Или-Казахской области СУАР КНР.

Полевые дневники автора во время экспедиций в СУАР КНР в 2010–2018 гг.

References

Dzhumabekova G. S., Bazarbaeva G. A. O simbolike metallicheskih kotlov v kul'ture kochevnikov [On the symbolics of metal cauldrons in the culture of Nomads]. *Samara Journal of Science*. 2017, vol. 6, no. 2 (19), pp. 114–116.

Istoriya Tuvy: V 3 t. [History of Tuva in 3 vols.]. S. I. Vaynshteyn, M. Kh. Mannayool (Eds.). Novosibirsk, Nauka, 2001, vol. 1, 367 p.

Kuznetsov V. S. *Tsinskaya imperiya na rubezhakh Tsentral'noy Azii* [The Qing Empire on the borders of Central Asia]. Novosibirsk, Nauka, 1983, 132 p.

Mify, legendy, predaniya tuvintsev [Myths, legends, tales of Tuvans]. N. A. Alekseev, D. S. Kuular, Z. B. Samdan, J. M. Yusha (Comps.). Novosibirsk, Nauka, 2010, 373 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]; Vol. 28).

Namkamidog. 新疆 图瓦人社会文化田野调查 与研究 [A field survey and study of Tuvinian people and culture in Xinjiang]. Beijing, 2009, 294 p.

Neskazochnaya proza altaytsev [The non-fairy prose of the Altai people]. N. R. Oynotkinova, I. B. Shinzhin, K. V. Yadanova, E. E. Yamaeva (Comps.). Novosibirsk, Nauka, 2011, 576 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]; Vol. 30).

Yusha Zh. M. *Fol'klor i obryad tuvintsev Kitaya v nachale 21 veka: Struktura. Semantika. Pragmatika* [Folklore and ritual of Tuvans at the beginning of the 21st century. Structure. Semantics. Pragmatics]. Novosibirsk, Nauka, 2018, 400 p.

Yusha Zh. M. Tuvintsey Kitaya v 21 veke: vekhi istorii i sovremennoe sostoyanie [Tuvans of China in the 21st century: milestones of history and current state]. *The New Research of Tuva*. 2017, no. 1, pp. 101–117.

Zhengchun S. 图瓦语 和 图瓦人 的 多语 生活 [Tuva Language and the multi-lingual life of the Tuvinian people in China]. Beijing, 2016, 348 p.

Zlatkin I. Ya. *Istoriya Dzhungarskogo khanstva 1635–1758* [History of the Dzungar Khanate 1635–1758]. 2nd ed., Moscow, Nauka, 1983, 330 p.

List of sources

Obraztsy fol'klora, zafiksirovannyye ot kitayskikh tuvintsev, v naseleennykh punktakh i chabanskikh stoybishchakh Altayskogo aymaka Ili-Kazakhskoy oblasti SUAR KNR

[Samples of folklore recorded from Chinese Tuvinians in settlements and shepherds' camps in the Altai aimag of the Ili-Kazakh region of XUAR, PRC].

Polevye dnevniki avtora vo vremya ekspeditsiy v SUAR KNR v 2010–2018 gg. [Field diaries of the author during expeditions to XUAR PRC in 2010–2018.].

Информация об авторе

Юша Жанна Монгеевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Scopus Author ID 57202400847

WoS Researcher ID 9856-2020

Information about the author

Zhanna M. Yusha, Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Scopus Author ID 57202400847

WoS Researcher ID 9856-2020

Статья поступила в редакцию 16.04.2023;

одобрена после рецензирования 05.05.2023; принята к публикации 10.05.2023

The article was submitted on 16.04.2023;

approved after reviewing on 05.05.2023; accepted for publication on 10.05.2023

Литературоведение

Научная статья

УДК 82.09: 821.112

DOI 10.17223/18137083/83/4

Голос Гёте в романе А. Николева «По ту сторону Тулы»

Галина Михайловна Васильева

Новосибирский государственный университет экономики и управления
Новосибирск, Россия

vasileva_g.m@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6928-1096>

Аннотация

Исследована полигенетичность образов и мотивов в романе Николева (Егунова), «фаустовский код», позволяющий постичь традицию европейской словесности. Егунову оказалась близкой морфология культуры Гёте, который выводил организующий принцип в мире из развития биологических форм. Восприятие трактуется в романе как респираторная проблема. Повествование построено таким образом, что сдерживает активность тем, связанных с образом «кулака» (Faust). Оно превосходит их одним смыслом – творчества как естественного состояния человека. Поиск предельно универсального представления о «человеке поэтическом» выступает в качестве исходного смысла для той формы событий, которую они обрели в романе.

Ключевые слова

И.-В. Гёте, ткань, эсхатологическая реальность, энтомологические метафоры, категория рода, человек поэтический, травестия как прием

Для цитирования

Васильева Г. М. Голос Гёте в романе А. Николева «По ту сторону Тулы» // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 49–62. DOI 10.17223/18137083/83/4

Goethe's voice in the novel of Andrei Nikolev "Beyond Tula"

Galina M. Vasilyeva

Novosibirsk State University of Economics and Management
Novosibirsk, Russian Federation

vasileva_g.m@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6928-1096>

Abstract

The paper examines the polygenetic nature of images and motives in the novel by Andrei Nikolev (Egunov), with particular attention on the "Faustian code", which allows one to comprehend the European literary tradition. The writer is known to have been exceptionally pas-

© Васильева Г. М., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 49–62
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 49–62

sionate about Goethe's works. He was close to the morphology of Goethe's culture that drew the organizing world principle from the development of biological forms. Goethe's ideas about the relationship between the cellular tissue of organisms and the expressive tissue of culture were a text-forming force in Egunov's creativity. Goethe's context covers a wide range of meanings: from the eschatological category of the transformation of phenomena and the world's transformation to the farce, for example, in the story about the Hamelin piper. Nikolev's novel has two realities overlapped without being autonomous and separate. Against the backdrop of the flickering plot of "Faust," a plot twist appears: instead of a bet and a contract, one can see a convergence of the themes of Faust and Mephistopheles. Perception is interpreted as a respiratory problem. The narration is structured in such a way as to restrain the activity of themes associated with the image of the "fist" (Faust), transcending them with one meaning: creativity as the natural state of man. The search for the ultimate universal representation of the "poetic person" serves as the original meaning for the shape of events acquired in the novel. The mode of being that defines the poet possesses no categories of gender.

Keywords

J. W. Goethe, fabric, eschatological reality, entomological metaphors, gender category, poetic man, travesty as a method

For citation

Vasilyeva G. M. Goethe's voice in the novel of Andrei Nikolev "Beyond Tula". *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 49–62. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/4

В статье актуализирован неизученный материал, который позволит дополнить историю русского гётеанства и представления о литературном процессе 1920-х гг. Суть проблемы: доказать, что гётевский контекст охватывает большой диапазон значений – от эсхатологической категории превращения явлений и преобразования мира до балагана, как, например, в истории о гамельнском дудочнике. В русско-европейском сюжете Николеву оказалась близкой идея морфологии культуры Гёте.

Цель исследования – проанализировать выстраиваемый в романе микросюжет, связанный с творчеством Гёте, прежде всего с трагедией «Фауст».

Цель определила задачи:

- раскрыть слова-понятия, этимологически и фонетически выделенные, образующие в романе артикуляционно-акустическую материю и ассоциативную валентность;
- рассмотреть, как образ художественной ткани становится сферой миграции семантических превращений, осуществления единства;
- прокомментировать игру на со- и противопоставлении персонажей романа, выявить сквозные образы-доминанты;
- доказать, что поиск универсального представления о «человеке поэтическом» выступает в качестве исходного смысла для той формы событий, которую они обрели в романе.

Научная гипотеза исследования. В романе Николева возникает полиморфная ткань существования. На фоне мерцающего сюжета «Фауста» проступает поворот темы: дьявольский мир, миф о договоре уступает место светлой «демониаде». Мир демонический соприкасается с творческой, музыкальной стихией. Именно так, следуя античным представлениям, понимал его Гёте.

Эстетико-аксиологический метод позволяет понять ценностно-смысловую роль сочинений Гёте в творчестве Николева. Для анализа изменений в принимающем произведении применяется метод культурного трансфера.

Пропущенная глава в гётеведени

Роман «По ту сторону Тулы» был опубликован в 1931 г. Его автор А. Н. Егунов (1895–1968) скрылся за гетеронимом «Николев», фамилией второстепенного писателя Екатерининской эпохи Н. П. Николева, в чем проявилась любовь к «осмнадцатому веку».

Труд автора, извлеченный из культурного архива, вернулся в читательский обиход благодаря репринтному изданию 1993 г. Имя Егунова упоминается в историко-литературных обзорах, например, в качестве одного из участников содружества ученых-эллинистов [Васильев, 2000] или автора монографии о Гомере. Можно говорить о «референтной группе», сложившейся из друзей-единомышленников и учеников писателя. Им принадлежит несколько мемуарных фрагментов и некрологических очерков (Доватур, 2014).

В разделе «Русский Гёте» имя Николева никогда не упоминалось. Об этом свидетельствуют энциклопедический словарь русской литературы В. Казака [1996] и сравнительно новое издание из книжной серии «Pro et contra. Русский путь» (И. В. Гёте..., 2015). Таким образом, отдельные наблюдения над романом не развернуты в целостный анализ. Он нуждается в системном изучении.

Егунов подчеркивал предельную степень вовлеченности в переживание «старых истин» Гёте (Выбранные места..., 2000, с. 162). В творчестве Егунова текстообразующей силой, своего рода текстильным «клеем» явились представления Гёте – поклонника Линнея – о соотношении клеточной ткани организмов и выразительной ткани культуры, модель ветвления нитей (по схеме филогении в биологии).

Гёте не дал определения морфологии, полагая, что отвлеченные идеи разрушают конкретный мир. В его толковании она соответствовала родству созвучий и соцветий, естественному событию, открытому чувствам. Поэтика текста также основана на культурной органичности в биологическом смысле слова: протяженный во времени процесс его разрастания претерпевает генез, метаморфозы. Николев испытывал интерес к сенсорике и акустическому компоненту. Он разделял античную идею, развитую Гёте: вследствие духовного становления человека совершенствуются его произносительные органы (см.: [Meуer-Kalkus, 2016, S. 533, 549]).

В тайном круге

Действие романа происходит в историко-культурном локусе, имеющем топографические контуры: Куликово Поле и Ясная Поляна. Образ из батальной сцены – бранное поле Куликово – становится частью военной идиомы и обретает обогащенный смысл.

Сергей Сергеевич, 26-ти лет, служащий в петергофском музее, приехал в гости к приятелю Федору Стратилату. Сергей оказывается очарованным посетителем «волшебного села Мирандино» (Николев, 1993, с. 172)¹. Данный комоним имеет внутреннюю латинскую форму (*mirandus*, ‘достойный удивления’; *miratus*, ‘изумленный’). Образованный согласно русскоязычной модели, он не обособлен от ономастикона повседневности, но в то же время создает сверхъестественный план

¹ Далее все цитаты приводятся по этому изданию, в круглых скобках указывается страница.

повествования. Мирандино является пунктом следования, станцией. Это место обитания, неродное для действующих лиц, вспоминающих свои палестины. Номадический отпечаток указывает на тектонический слом традиций (см.: [Wexler, 2017]).

События приурочены к хронониму: трое суток величественного августа 1929 года (с. 53, 119). Сияющие дни похожи на рай, а летний зной повторяет ад: «жарища адова», «езде жарко» (с. 27, 32). Помимо суточного цикла, структуру художественного времени определяет тысячелетний исторический цикл². На август приходится три великих Спаса. Лето как аллегория полнокровной жизни переходит в неумирающее время.

Сергей взял в поездку «только три» книги.

Одна очень страшная, там говорится, что земля надвигается. Другую вы знаете, третья – русский перевод (с. 46).

«Другую» – «немецкую книжку» «Фауст» – он носит с собой как карманный оракул: «(Гроссерцог Вильгельм-Эрнст⁷ Аусгабе, в желтой коже)» (с. 129). Третью книгу – перевод трагедии Гёте – он привез по просьбе Федора (с. 118). Возникает феномен странного чтения. В нем можно выделить несколько примечательных свойств.

Во-первых, неоднократные упоминания о материальной форме книги на немецком языке, ее осязаемом облике и цвете. Обсуждается не сам текст, а ценность издания и традиции книгопечатания на Западе. В соответствии с теорией синестезии (цветного слуха), разработанной Гёте, желтый «сплошной кожаный переплет» «Фауста» определил цветовую матрицу в романе. Оптическая метафора передает искажение образа: от золота, несоизмеримого с красками, – к желтухе (с. 178).

Во-вторых, «желтенькая, маленькая» книжечка как текст и вещь стала эмоциональным переживанием героев. Но чтение трагедии редуцируется до фатического кода, актуализируется по нескольким деталям. В романе приводятся словарная дефиниция *Фауст*, имя Маргариты (с. 178). Упоминается песня Гретхен «Es war ein König in Thule» (с. 13–14) и дается аллюзия на сцену из трагедии («Маргарита на соломе», с. 29). Образ Маргариты появляется в контексте народного христианства, обретает фольклорную коннотацию как аналог-инвариант ситуации женской доли: «Маргариту до слез жалко <...>» (с. 46). Он делает насущной идею страдания, а вместе с нею – раскаяния и прощения.

В-третьих, «Фауст» оказывается в ряду с «одной очень страшной» книгой. Вероятнее всего, это собрание древнескандинавских мифов, в которых излагалась история о дне Рагнарёка, конца света. В 1920-е гг. в России особенно остро осознавалась связь морфологии культуры с эсхатологической реальностью. После всех потрясений важным компонентом духовного ландшафта становятся идеи Шпенглера, автора историософского сочинения «Закат Западных земель. Очерки морфологии мировой истории» (1918–1922). За рассказами о том, как «земля надвигается» (с. 46), скрывалась мысль Шпенглера: каждая культура осознавала себя с нового взгляда на близкий конец света. Именно тогда родилась фаустовская душа западных стран (Spengler, 1990, S. 815–816).

² Гёте также питал интерес к календарной мифологии и «рифмам», совпадениям дат (см.: [Boyle, 2016, p. 298]).

Имя как микротекст и переключка голосов в системе образов

В субъектной структуре романа выделяются три основных персонажа: Сергей, Федор и его мать. Зеркальные упоминания³, симметричные построения выступают как тема и принцип поэтики. Они предполагают потаенную связь импровизированного дружеского союза.

В стилевом соответствии находится игра автора и героев с именами. Сергей Сергеевич обозначается гетеронимативами. Релятивная номинация, указывающая на родство героя, оказывается неопределенной. Герой является обладателем некоей титулованной фамилии. Оппозиция природы и культуры выражается иронически: на детях гениев природа отдыхает.

– А вот Лёв Николаич в Ясной Поляне наплодил детей кучу, и все талантливых, прямо хоть плачь (с. 23).

Право на доступ в мир элиты дается по родословной линии, либо генеалогия компенсируется «избирательным сродством». Версификационный эксперимент («Ну-ка, брат, читай свой стих») должен стать «рукоположением», указать на родовой признак, делающий человека достойным происхождения.

Сергей определяет самоидентичность по топонимическому признаку и особенностям своего пребывания в культурном универсуме: «коренной петергофец» (с. 81), «ведь я с севера» (с. 57). Петергофский сюжет представляет собой не только географический фон, здесь сталкиваются цивилизации и культурные типы (с. 211).

Астионим «Петергоф» является медиальным звеном между персонажами романа и трагедией Гёте. Именно там приятели читали ее в оригинале (с. 178). Топонимическая метафора отсылает к культурной мифологии. Судьба человека разыгрывалась на величественной сцене многоликого Севера. «Северным гостем» называл себя Гёте (Goethe, 1989, Bd. 1, S. 167). Север – родное пространство Мефистофеля. В сочинениях Шпенглера север сопровождается определением «фаустовский» (Spengler, 1990, S. 289). Север соответствовал представлению о среде обитания поэта. Уроженец северной столицы Игорь-Северянин, прибегая к вторичной реминисценции, тоже явил себя «северным бардом». Сергей выдает за «свои стихи» «Викторию Регия» из «шампанского цикла» Игорь-Северянина (с. 101). Северянин – «потомок того, великого» (с. 23), в жилах которого «струится кровь Карамзина» (Северянин, 2014, с. 367).

Лингвопсихологическое размышление. Сергей переживает «творческое» сновидение в сцене убийства мухи, укусившей его (с. 112). Энтомологическая метафора означает мгновение откровения, как в «Смерти мухи» и в «Мусагетах» Гёте. Герой погружается в грёзу; из области соматического опыта «всплывает» размышление.

Петергофские жители обычно раз в неделю брили волосы у себя на теле, их руки становились похожими на женские, но только увеличенного размера и покрепче. По-немецки же кулак называется «Фауст», «die Faust» – удивительно, что это слово женского рода (с. 113).

³ Семантика слова *mirandus* отразилась также в корнях слов *mirror* (англ.) и *miroir* (фр.) – ‘зеркало’.

Бытовой сюжет перелagается на абсурдистский – «обэриутский» – язык из-за утрированного физиологизма соматической лексики. Читатель может почувствовать эмбриональную «шерстью», на атавистическом уровне, темную образность поэзии. Но она требует объяснения и понимания. От несообразного начала сна совершается переход к стройности сочетаний. Мероприятия петергофцев по культуре волосяного покрова высвобождают лингвистическую ассоциацию.

Мотив страдания от кровососущих насекомых в Мирандино, превентивных атак на них и усилий по их «разоружению» включает морфологически сходный мотив «кулака». Нарушение родовой корреляции и феминизация существительного *die Faust* приводит к этической ревизии привычной лексики, становится аналогом превратностей жизни. «Чуть-чуть, муть, на одиннадцатой пути...» (с. 159). Автор использует контекстуальные синонимы понятия *Faust*. Его лексическую семантику – ‘кулак’ – трудно помыслить без разительного физического или идейного жеста. Родовая принадлежность – составляющая культурного опыта человека – является прототипом мужественности и женственности.

Фонетическое рассуждение. Второй персонаж – Федор Стратилат – предстает соименником Феодора Стратилата, канонизированного в лике великомученика. «Псевдонимовидная» фамилия «кого-то» из грузинских «прапрадедов» (с. 55) обладает историческим ореолом: *stratos* (др.-греч. Στράτος), ‘войско в походе’. Она подчеркивает вневременную соотнесенность героя. В фамилии сочетаются христианское родословие, жизнь как ратоборство, учительный указующий перст.

Ономастические розыгрыши представляют собой частный случай любви Федора к истории языка, изыскам в области артикуляционной материи. Федор выделяет из своего имени заглавную букву. Она выступает в роли звуко-смысловой доминанты и способна к приращению смыслов. Федор обращается к матери:

Файгиню, не противься злу <...> Недаром меня зовут Федором. Я от тебя вообще унаследовал букву «ф», а Фингал, конечно, тоже из нашей фамилии (с. 68).

Рассуждение Федора воспринимается в пандан морфологическому размышлению Сергея. Звук, чуждый славянскому языку, выражался через ферт и фиту. Фонема иконически разъединяет имя «Федор» на «Faust» и «Faland». Происходит двойное отождествление – с Фаустом и Мефистофелем. Демоним Valand / Faland («лукавец») в немецкой культуре обозначает Сатану, Противоречащего. Мефистофель в «Фаусте» предстает и как женское демоническое существо Форкиада.

Упоминание о походе Федора, как у «неприкаянного ангела» (с. 70, 157), отсылает к образу повелителя мух, демона Вельзевула, который до падения был ангелом-серафимом. В романе нагнетаются аксиологические знаки-прагмемы. Федор чертит «чуть что не всю ночь» (с. 19). Текст содержит аллюзию на трагедию Гёте. Мефистофель проник в кабинет Фауста, перешагнув через неудачно начертанную у входа пентаграмму.

За матерью Федора имя не закреплено. Она чувствует себя жертвой языковой одержимости сына. Варианты смыслового, «увлажняющего» прозвища «Лямер», данного ей Федором, можно свести к двум семантическим полюсам. Во-первых, оно анаграммирует слова «Гомер» и «море», является знаком духовной навига-

ции⁴. Образ морской стихии переносит читателя в сферу эмоций (взволнованность, музыкальные «волны»). Он связан с понятиями «беспредельности» / «запредельности» и вводится в эсхатологический контекст. Во-вторых, он имеет также отношение к гуморальной сфере организма: *humor* (лат.), ‘влага’, ‘жидкость’, ‘юмор’. Немецко-французская огласовка еще одного прозвища матери – Файгиню – показательна для ономастических приемов писателя. Коннотация редкого окончания мотивирована созвучием с названием актерского амплуа «кинженю», представляет его гомеотелевт⁵. Он совпадает с *Feige* (нем. ‘инжир’, ‘смоква’, ‘фига’). Синоним лексемы *фига* – ‘кукиш’, ‘кука’, ‘кулак’, – являясь грубым, выражает готовность к игре с мифологическими ожиданиями [ШЭСРЯ, 2004].

Взаимные характеристики и самохарактеристики персонажей, порожденные ироничным взглядом на себя и других. В описаниях персонажей повторяется один и тот же эмоциональный комплекс: малость, инфантильность. В искренней самоаттестации Сергей утрирует маргинальность даже в университетской сфере. Занятия древнеисландской литературой предполагают, на его взгляд, элитарно-лимитирующий характер интересов: «Если б еще по норвежской, было б легче, Норвегия страна крестьянская <...>» (с. 78). Чудак пользуется репутацией дурака, у которого «мухи в голове». Отзыв, даваемый ему Федором, подчеркивает несоответствие принятым нормам: «хватит этих финтифлю» (с. 54). Характеристика на букву «ф» входит в круг имен с идентичной морфологической структурой, соответствует прозвищу «Файгиню».

Сергей называет себя «восьмым чудом света» (с. 78): нечто неизвестное нейтрального рода, как Сфинкс, ставший(ая) элементом петербургской культуры. Сергей исполняет должность «пишбарышни» в музейном сообществе. Именование человека по роду занятий, обозначающее сугубо женский вид деятельности, является непарным: «Я машинист» (с. 77). Как и в слове *Faust*, естественный (биологический) род и грамматическая категория лица не сочетаются. Другие персонажи, говоря о Сергее, без всяких разумных оснований обозначают его с помощью фемининативов (с. 85). Это обостряет маркированность женского пола: образ травестируется и осложняется.

Подобно античному роета *humilis* (скромный поэт), ему сопутствует топос самоумаления. Примеры творчества не приводятся, лишь упоминается о безыскусных стихах. Имитация демистифицирующего взгляда сообщает сочинениям героя экспрессивный ореол наивности.

Федор также усугубляет собственную малость. Он переживает соблазн детства из «художественных соображений». Генетическая граница между возрастами исчезает, происходит внезапное и тотальное преобразование. «Как ты, Файгиню, стесняешь индивидуальность ребенка, – пищал Федор, уходя» (с. 144). К нему применяют номинации младенца, «детеныша» (с. 152), существа, ведомого и опекаемого. Неправильная детская речь является аудиальным кодом возраста, имитирует инфантильное мышление. Для наивного стихотворчества Федора в «стиле бебе» (с. 92, 182) характерны кумулятивные способы поэтической техники. Галлицизм *bébé* (‘ребенок’, ‘малютка’) имеет общий род (мальчик или девочка) и означает вид куклы. Он также представляет собой галлицизированный диминутив от имени Варвара.

⁴ Ср. *mere* (фр.) – ‘мать’, и *mere* (др.-англ.) – ‘озеро’, ‘море’.

⁵ Ср. модифицированное слово Хармса *кухаркю*.

В романе подчеркивается декламационность речи Федора, форсированный гротескный стиль. Приводятся глаголы, маркеры стилистической высоты: «голосивший изо всех сил» (с. 47). Нивелирование звучания мужской и женской мелодики голоса приводит к гендерно неоформленным мелоделоголовым особенностям. Образ и интонация противоречат друг другу, разобщаются возрастные миры. Инфантилизирующее остранение отсылает к диминутиву *гомункулус* (лат. ‘человечек’). Гомункула создал, согласно рецепту идеальной личности, Вагнер при участии Мефистофеля. Дьявол с его экспансией диминутивов хотел обратить существа в «малых сих»: человек мал перед властью и силой. В 1920-е гг. требовалось соединить несовместимые контексты: маленький масштаб чувств с форсированием голоса, с новой звуковой эстетикой. Дитя своего времени должно было выражать его черты: отсутствие точного эха, искажение акустических волн. Проблема заключалась в культурной вмняемости голоса.

В образе матери Федора детское и взрослое тоже меняются местами, что выражается в имитации форм общения (мимика, интонации), в семиотике костюма. Платье «бебе» копирует фасон одежды для ребенка. Героиня постулирует молодость. Границы между прожитыми возрастами сглажены, и Лямер свободно перемещается во времени (с. 84).

Эстетическая рефлексия, направленная на творчество, императивность призвания. При сохранении исходного напряжения общим качеством трех персонажей является призвание, *орег* (лат. ‘труд’). Детскость восполняется силой, энергией. В границах творческого поведения Сергея объединяются литота и гипербола. Он является служителем музея – пантеона муз. Музейная работа имеет эсхатологическую проекцию: помощник Мнемозины хранит непрерывность памяти. Прибегая к зоометафоре, Сергей соотносит себя с тонкой плотью насекомого-эфемериды. Порхающую бабочку или альва (эльфа) с крыльями бабочки надеяли тайноведением. Как и мухе, неказистой подруге, ей не положена долгая жизнь. Сергей обладает перископическим глазом, фасеточным зрением мухи. Мушинные зигзаги отождествляются с пластичностью мысли, с ее зрительными и осязательными, силовыми и двигательными свойствами. В романе жужжит цитатная полифония, реминисценции сплетаются и перетекают друг в друга. Сергей сочиняет в соответствии с «теорией бесконечно малых», в форме миньонет. «Теорией авантюра» (с. 50) он называет событие как переживание мгновения. В таком восприятии хранится традиция христианской мысли: постижение ценности «малых сих». Кенотизм являет собой суть творчества Сергея Сергеевича и противостоит размаху мегаломании.

Говоря о слабости сил и трате бумаги, Сергей тем не менее описывает процесс сочинительства как демонический⁶. Инсценировка рассчитана на зрителя: «От всех этих упражнений ему стало жарко». При упоминании «лимончика» и «жаркой атмосферы сицилийских померанцевых рощ» (с. 107) возникает аллюзия на песенку Миньоны «Kennst du das Land» с рефреном «Dahin! Dahin!». Героиня Гёте – девочка-подросток – называла себя мальчиком. Так выражалась дихотомия мужского и женского рода, *altra ego*. Поэт предстает как существо всеполюе, внеполюе, восприимчивое к женственной душе мира. Основу культуры составляет средний, нейтральный грамматический род относительно противо-

⁶ Ср. запись Эккермана от 2 марта 1831 г. о «демоническом» в представлении Гёте (Эккерман, 1986, с. 404). Гёте отказывал Мефистофелю в качествах демона из-за отсутствия в нем светлой, «дневной», продуктивной стихии.

поставления мужской / женский ⁷. Модус бытия, определяющий человека поэтического, не имеет категорий рода.

Эсэс «мыслит» стихии и является поэтом сущности поэзии. Лямер спрашивает Сергея, узнав о его профессии «машиниста»: «Скажите, с вами не опасно ездить?» (с. 78). В романе повторяется эпизод с лошадью, которой он пытается управлять (с. 62–63). Перемещение в пространстве придает сюжетам Сергея кинетическую силу, как мальчику-вознице Эвфориону из «Фауста». Образ архетипического поэта – хронократора и космократора – уравнивает пейоративные характеристики Сергея как человека неравного, «миноритарного».

Федор также исполняет медиумическую роль, совмещая в одном лице служащего и служителя муз. Он назван «пиэрийской» душой, что предполагает «музыкальное» безумие и причастность к женственному миру дочерей Пиера. Федор занимается землеустроительным проектированием: делает чертеж, затем на буровых скважинах устраивают шурфы – дудки. Технический объект имеет то же название, что музыкальный инструмент. Рудознатец и стратиграф овладевает стихиями и пространством ⁸. С аподиктическим жаром он претендует на исполнение некоего эсхатологического замысла. Ему принадлежит отчеканенная максима: «Вся страна запоет». Подобно Фаусту второй части трагедии, Федор – «энтузиаст современности» – преобразует мир. Слова «В Начале было Дело» выступают в синтезе с идеей полезного труда, навеянной толстовством.

В высказываниях матери о Федоре присутствует ряд провоцирующих несопадений. Она подчеркивает, что Федор не наделен музыкальным даром. Однако его внутренний слух имеет музыкальную природу. Федор, человек с походкой как у «неприкаянного ангела», обнаруживал твердую смысловую почву: «уверенно гнал лошадь в темноту» (с. 55).

Мать Федора представляет классическую музыку. Певческий голос примадонны воплотил в себе канон усовершенствованной природы, использование тесситуры как средства выразительности. Лямер предстоит премьеры: исполнение партии Маршалыши в комической опере Р. Штрауса «Кавалер розы» (1911).

Надо быть легкой, с легким сердцем, легкими руками держать и брать, держать и отдавать... Октавиан... Бишетт... (с. 83).

С упоминаемой Марией Розой Радзивилл, по прозвищу Бишетт, связана фаустовская тема. Ее предшественницей по роду была Барбара Радзивилл; из-за этой «польской» Елены начались распри в королевской семье. В замке Несвиж «польский» Фауст – пан Твардовский – вызвал для вдовствующего короля Сигизмунда II Августа тень покойной королевы.

Лямер извлекает внутреннюю форму слова *вдохновение*: ‘дышать’ и ‘вдох’. Дыхание помогает определить генетический код голоса, порождающий ритм. Оно родственно походке, ходьбе, для которой важны, кроме структуры поверхности, рефлекторность и нерасчетливость. Предикаты действия (брать, отдавать) обретают в контексте семантику предикатов говорения: Слово – Дело. Слово, утверждающее значимость человеческих связей, становится поступком. Совместное чтение Сергеем и Федором «Фауста» в Петергофе создало предпосылку резонанса

⁷ *Neuter* (лат.), ‘ни то, ни другое’.

⁸ Известные стратиграфы в культуре – Гёте и Новалис – открыли горизонты для символических толкований: вертикальное, до кромешной глубины (*de profundis*), и горизонтальное расширение поэтического космоса [Schindewolf, 1970, S. 18–19].

и конспирации (*co-spirare*), означающей ‘общее дыхание’: «<...> всегда полезно читать вслух, это развивает легкие» (с. 115). Мерой истинности является ритм дыхания, придающий материалу форму.

В сторону Фуле: *in via veritas*

В романе названа песня Гретхен «*Es war ein König in Thule...*», лейтмотив которой интонационно близок народным темам. «Кладоискатель» Гёте являлся автором баллады о золотом кубке короля: через подземные хранилища открывалась воля сверхъестественных сил. Туле сравнивали с Исландией, где извержения вулканов сталкиваются с полюсом холода. В «Фульском короле» скрыт образ кубка Грааля. Испытание авантюрой составляло смысл искателей Грааля.

Федор становится протагонистом придуманных приятелем сюжетов с внезапными поворотами. В воображаемых историях эсхатологический сценарий преодолевается в момент последнего усилия. Противостояние, падение, убийство внешне сменяются мирволением и согласием:

Кулак дружелюбно протянул бы Сергею кулак и помог бы подняться с земли (с. 161).

Здесь сдерживается активность тем, связанных с образом «кулака». Творчество как естественное состояние человека превосходит их.

Сергея просят написать «роман из здешней жизни». Но он не смог придумать никакого сюжета: «Материя была, как говорят портные, узкой» (с. 202). Любимый Сергеем домик Марли в Петергофе (фр. ‘марля’), Фуле – не только хоронимы, но и ткань. Фуле – холст саржевого плетения – долго сохраняет тепло. Смыслообразовательной продуктивностью обладает эпизод с бескрылыми платяными блохами в лоскутном одеяле (с. 107–108). Он оказывается в той же морфологической позиции, что и происшествие с двукрылой мухой, укусившей Сергея. Признаками насекомых являются атомарность, бессчетное количество, подвижная множественность. Из пестрых кусочков составлена лоскутная мозаика: свод эмоциональных событий, отдельные строки, образы. Двойственность лексического смысла слова *Фуле* определяет мир романа: чертеж заменяется космогоническим женским рукоделием. Эмфатический повтор звука «ф» создает контекст резонирующих слов: финтифлю, фрачник, фокстрот, флейта, Фауст, Федор, Файгино, Фингал, Фильдекос (фр. ‘пряжа’) и т. д. Фонетическая связь создает квазисемантическую близость и родство.

Взгляд, очищенный от сакраментального пафоса. В романе травестия как художественный прием включает широкий временной и географический диапазон. Утраченное сокровище Туле возвращается в форме «тульского самовара» (с. 14) – принадлежности быта. Норвежская литература оборачивается «норвежскими селедками» (с. 90). Мистический накал дезавуируется возможностью каламбурного прочтения слов, фигурой иронии, снижающей пафос разговоров о вдохновении.

Сергей обыгрывает пристрастие человека к атрибутам жреческой власти: тайне, чуду и авторитету. Он использует маску демона, противоположную устоявшемуся представлению о наивном человеке.

История Федора вплетается в ткань балаганного действия. Мы полагаем, что Николев откликнулся на сюжет о гамельнском дудочнике. Ему посвящена баллада Гёте «Крысолов» (1802). В «Фаусте» Мефистофель представляет его как своего

старинного друга. Брат Гретхен, Валентин, именует Дьявола «проклятым крысоловом» (Goethe, 1989, S. 117). Гёте не назвал струнный инструмент, на котором играет музыкант. Николев возвращает Федору исходный духовой инструмент – дудку. Федор обслуживает «сто пять дудок» (с. 39). Лицедейство – надевание личин, звукоподражание, изменение голоса – было связано с торгом, с теми, кто промышляет плясками, песнями и шутками. В фольклоре и в народном сознании оно ассоциировалось с мастерством дудочника. Игра на дудочке требует не только технической беглости пальцев. Она приводится в действие дыханием, оказывается звучащей душой: нужно попасть в резонанс.

Вы знаете, Федор, это глупо, но я не могу отделаться; вы говорите: дудки настроены, выходит, что это музыкальный инструмент. – Что же! Мы на них и заиграем скоро (с. 14).

В тектонически и органически измененном мире «гуманный» тоталитаризм требует чувств, к которым все присоединятся и разделят их⁹. Но возникает компретирующий подтекст, «дудки-с» (с. 101).

Лямер также теряет маску, предполагаемую оперным сценарием. В танцевально-плясовом ритме она исполняет «Костромскую» для Елены Троянской (с. 185). Обе героини, подобно софистам, носят желтую повязку на голове (чтобы мысли не разбежались). «Фауст» служит опорой для эпизода, решенного в утрированно-лубочной эстетике. Гетерохронное событие романа – прибытие Сергея вместе с Еленой – создает ситуацию, невозможную в прагматическом плане. Семантический ореол легендарной героини элиминирован, происходит инфантилизация объекта описания.

Елена спускается с вершин мировой культуры к поселянам, в низ сельского просторечия. «Одомашненная» Елена предстает в стихии, окрашенной псевдонародным колоритом. Слышится ее «небесный голос», «шалашный возглас» (с. 184). «Приезжую» поселили «опричь», в шалаше (с. 184), который означает временное жилье в странствии. Своеобразная вигилия основана на контроле и надзоре. В «состав» вечной женственности проникают охранники («опричники») в образе «румяных садовников» (с. 184). Фамилия одного из них – Мускобойлов – состоит из двух корней: *musca* (*mosca*, ‘муха’ в романских языках) и *бойло* (др.-рус. ‘драка’). Ясно выраженная звуковая характеристика имени и «мусийские» порывы воспринимаются как трагикомические.

Выводы

На взгляд Егунова, культура органична в биологическом смысле слова. Она живет мыслью, воодушевлением и телесно-мышечным усилием. Как в биологии, в ней между полиморфными множествами возникают изоморфные отношения, негомфилетические (некровнородственные) сходства. Душу человека воплощает голосообразование в качестве биологической и культурно преобразованной способности.

Параллельное голосоведение, сеть психологических проекций создают эффект сложной сонорной ткани. Николев объемлет все голосовые регистры: от архаических фольклорных традиций до оперы. Творчество приобщает мириады недолговечных жизней к нетленности единого и возвращает «всё преходящее – только

⁹ О «душевности» социализма и «теплоте» коллективизма, см.: [Flatley, 2008, p. 173].

подобие» к вечному первообразу. В сознании Егунова этот сюжет поддерживался идеями Гёте и другими источниками, аналогиями и контекстами.

Николев прибегает к дискурсу отвоевания европейских ценностей. Сопротивление энергии кулака предполагает телесную неприкосновенность, гиперонимическую номинацию (человек, лицо, персона). Оно определяет культурно-исторический ландшафт произведения. Имена персонажей введены в хронологическую ткань культуры, истории. Лингвистические категории, этимологические связи обретают мифологизированный смысл.

Николев наследует секулярный проект Просвещения. Универсальный Разум выражается в общем роде, предполагает нейтральное пространство для свободно-го обсуждения разных идей.

Список литературы

Васильев А. Н. Аристид Иванович Доватур. Документальное наследие ученого в архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 178 с.

Казак В. Лексикон русской литературы XX века / Пер. с нем. М.: Культура, 1996. 491 с.

ШЭСРЯ – Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / Сост. Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. М.: Дрофа, 2004. URL: <https://russ-etymologi-cal-dict.slovaronline.com/> (дата обращения 05.10.2021).

Boyle N. What really happens in «Die Wahlverwandtschaften» // *German Quarterly*. 2016. Vol. 89, no. 3. P. 298–313.

Flatley J. *Affective mapping*. Cambridge: Harvard Uni. Press, 2008. 272 p.

Meyer-Kalkus R. Goethe als Vorleser, Sprecherzieher und Theoretiker der Vortragskunst // *Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte*. Stuttgart: J. B. Metzler Verlag, 2016. Bd. 90. S. 529–565.

Schindewolf O. *Stratigraphie und Stratotypus*. Mainz: Verlag der Akademie der Wissenschaften, 1970. 134 S.

Wexler J. *Violence without God. The rhetorical despair of Twentieth-Century writers*. New York; Oxford et al.: Bloomsbury, 2017. 204 p.

Список источников

Выбранные места из переписки друзей-филологов: А. И. Доватур – А. Н. Егунов – Я. М. Боровский / Публ. А. К. Гаврилова, В. В. Зельченко // *Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России*. СПб.: Алетейя, 2000. Вып. 2. С. 162–186.

Доватур А. И. Устные воспоминания / Подгот. текста и примеч. Л. Л. Ермаковой // *Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и в России*. СПб.: Алетейя, 2014. Вып. 5. С. 177–224.

И. В. Гёте: pro et contra. Антология / Сост., вступ. ст., коммент. Р. Ю. Данилевского, Е. С. Роговера, Г. В. Стадникова. СПб.: Изд-во РХГА, 2015. 946 с.

Николев А. (Андрей Н. Егунов). *Собрание произведений* // *Wiener Slavistischer Almanach* / Под ред. Г. А. Морева и В. И. Сомсикова. Wien, 1993. Sonderband 35. 372 с.

Северянин И. В. *Полное собрание сочинений в одном томе*. М.: Альфа-книга, 2014. 1242 с.

Эккерман И. П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / Пер. с нем. Н. С. Ман, вступ. ст. Н. Н. Вильмонта; коммент. и указ. А. А. Аникста. М.: Худож. лит., 1986. 669 с.

Goethe I. W. von. Werke: In 14 Bd. / Textkritisch durchges. und komm. von E. Trunz. München: Verlag C. H. Beck, 1989. Bd. 3: Dramatische Dichtungen. 776 S.

Spengler O. A. G. Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München: Verlag C. H. Beck, 1990. 1250 S.

References

Boyle N. What really happens in “Die Wahlverwandtschaften.” *German Quarterly*. Philadelphia, 2016, vol. 89, no. 3, pp. 298–313.

Flatley J. *Affective mapping*. Cambridge, Harvard University Press, 2008, 272 p.

Kazak V. *Leksikon russkoy literatury 20 veka* [The lexicon of Russian literature of the 20th century]. Transl. from German. Moscow, Kul'tura, 1996, 491 p.

Meyer-Kalkus R. Goethe als Vorleser, Sprecherzieher und Theoretiker der Vortragskunst. In: *Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte*. Stuttgart, J. B. Metzler Verlag, 2016, bd. 90, S. 529–565.

Schindewolf O. *Stratigraphie und Stratotypus*. Mainz, Verlag der Akademie der Wissenschaften, 1970, 134 S.

Shkol'nyy etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. Proiskhozhdenie slov [School etymological dictionary of the Russian language. The origin of words]. N. M. Shanskiy, T. A. Bobrova (Comps.). Moscow, Drofa, 2004. URL: <https://rus-etymological-dict.slovaronline.com/> (accessed: 05.10.2021).

Vasilyev A. N. *Aristid Ivanovich Dovatur. Dokumenta'noe nasledie uchenogo v arkhive Sankt-Peterburgskogo filiala Instituta rossiyskoy istorii RAN* [Aristid Ivanovich Dovatur. Documentary heritage of the scientist in the archive of the St. Petersburg branch of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2000, 178 p.

Wexler J. *Violence without God. The rhetorical despair of Twentieth-Century writers*. New York, Oxford et al., Bloomsbury, 2017, 204 p.

List of sources

Eckermann J. P. *Razgovory s Gete v poslednie gody ego zhizni* [Conversations with Goethe in the last years of his life]. N. S. Man (Transl. from German), N. N. Vil'mont (Intr. art.), A. A. Anikst (Comm., index). Moscow, Khudozh. lit., 1986, 669 p.

Dovatur A. I. Ustnye vospominaniya [Verbal memories]. L. L. Ermakova (Prep. of the text, notes). In: *Drevniy mir i my. Klassicheskoe nasledie v Evrope i v Rossii* [Ancient world and we. Classical heritage in Europe and Russia]. St. Petersburg, Aleteyya, 2014, iss. 5, pp. 177–224.

Goethe I. W. von: pro et contra. Antologiya [Goethe I. W. von: pro et contra. Anthology]. R. Yu. Danilevskiy, E. S. Rogover, G. V. Stadnikov (Comps., intr. art., comment.). St. Petersburg, RCHA Publ., 2015, 946 p.

Goethe I. W. von. *Werke: In 14 Bd.* E. Trunz (Textkritisch durchges. und komm.). München, Verlag C. H. Beck, 1989, bd. 3: Dramatische Dichtungen, 776 S.

Nikolev A. (Andrey N. Egunov). *Sobranie proizvedeniy* [Nikolev A. (Andrey N. Egunov). Collected Works]. G. A. Morev & V. I. Somsikov (Eds.). *Wiener Slavistischer Almanach*. Wien, 1993, Sonderband 35, 372 S.

Severyanin I. V. *Polnoe sobranie sochineniy v odnom tome* [Complete works in one volume]. Moscow, Al'fa-kniga, 2014, 1242 p.

Spengler O. A. G. *Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte*. München, Verlag C. H. Beck, 1990, 1250 S.

Vybrannye mesta iz peregiski družey-filologov: A. I. Dovatur – A. N. Egunov – Ya. M. Borovskiy [Selected Passages from the Letters of Friends-Philologists: A. I. Dovatur – A. N. Yegunov – Ya. M. Borovsky]. In: *Drevniy mir i my. Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii* [The Ancient World and Us. Classical heritage in Europe and Russia]. A. K. Gavrilov, V. V. Zel'chenko (Publ.). St. Petersburg, Alethea, 2000, iss. 2, pp. 162–186.

Информация об авторе

Галина Михайловна Васильева, доктор филологических наук, профессор кафедры мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Galina M. Vasilyeva, Doctor of Philology, Professor at the Department of World Economy, International Relations and Law of the Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 09.10.2021;
одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 15.11.2021
The article was submitted on 09.10.2021;
approved after reviewing on 15.11.2021; accepted for publication on 15.11.2021*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/83/5

Пушкинские «Цыганы»: об одном сюжетном прецеденте в рассказах М. Горького и И. А. Бунина

Игорь Сергеевич Урюпин

Московский педагогический государственный университет
Москва, Россия

isuryupin78@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9080-9505>

Аннотация

В широком историко-культурном контексте рассматривается нравственно-философский, этико-эстетический потенциал поэмы А. С. Пушкина «Цыганы», явившейся идейно-смысловым первоисточником всех последующих «цыганских текстов» русской литературы, переосмысливших мотивы, восходящие к романтическому сюжету о трагической любви Алеко и Земфиры, ставшему прецедентным в творчестве писателей рубежа XIX–XX вв., изучается феномен «цыганской семиосферы» на разных уровнях текстопорождения. В свете концепции А. Ф. Лосева о символе в реалистическом искусстве анализируется образ костра как семиотического маркера в развертывании прецедентного сюжета о «горящем сердце» в рассказах М. Горького «Макар Чудра» и И. А. Бунина «Костер».

Ключевые слова

А. С. Пушкин, «Цыганы», прецедентный феномен, сюжетный прецедент, М. Горький, «Макар Чудра», И. А. Бунин, «Костер», концепт, художественный образ

Для цитирования

Урюпин И. С. Пушкинские «Цыганы»: об одном сюжетном прецеденте в рассказах М. Горького и И. А. Бунина // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 63–72. DOI 10.17223/18137083/83/5

Pushkin’s “The Gypsies”: on a plot precedent in the stories of M. Gorky and I. A. Bunin

Igor S. Uryupin

Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russian Federation

isuryupin78@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9080-9505>

Abstract

The paper considers the moral, philosophical, ethical, and aesthetic potential of Pushkin’s poem “The Gypsies” in the vast historical, cultural, and literary context. This potential served as the ideological, semantic, and artistic-eidetic source of all subsequent “gypsy texts” of Russian literature reinterpreting the motifs, images, narratives, mythologemes, and archetypes stemming from the romantic story of the tragic love of Aleko and Zemfira. The focus is on the transformation poetics of the plot under study and its motif-image structure in the prose of the early 20th century. Following the methodological principles of cognitive literary criti-

© Урюпин И. С., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 63–72
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 63–72

cism, the phenomenon of the “gypsy semiosphere” is studied in the stories of M. Gorky, “Makar Chudra,” and I. A. Bunin, “Bonfire,” at different levels of textual creation using historical-genetic, structural-semantic, systemic, and holistic research methods. The study has revealed a system of concepts and narrative schemes coming from “The Gypsies” and having a constant character enriched by the life and historical experience of Russian writers of the Silver Age. The ethnographic exoticism of the gypsy world in Russian literature proved to actualize the exceptional feelings and spiritual intensity of the internal processes of human existence subject to the power of the “passions of the fatal.” The love theme in its gypsy national-cultural nuance acquires a stereotypical character in the literature of the late 19th early 20th centuries. The image of the bonfire as a semiotic marker is analyzed through the artistic creation of the precedent “burning heart” plot by M. Gorky and I. A. Bunin.

Keywords

A. S. Pushkin, “The Gypsies,” precedent phenomenon, plot precedent, M. Gorky, “Makar Chudra,” I. A. Bunin, “Bonfire,” concept, artistic image

Для цитирования

Угупин И. С. Pushkin’s “The Gypsies”: on a plot precedent in the stories of M. Gorky and I. A. Bunin // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 63–72. DOI 10.17223/18137083/83/5

Размышляя «о “Цыганах” Пушкина» в статье, специально написанной в 1908 г. для очередного тома «Библиотеки великих писателей» под редакцией С. А. Венгерова, Вяч. И. Иванов одним из первых обратил внимание на то, что сюжет поэмы о «мирной вольности полудиких кочевий, величавой в своем смирении, невинной и радостной в первобытной простоте», нарушенной избалованным «сыном городов», обострившим противоречие природы и цивилизации «до трагического конфликта “роковых страстей”» [Иванов, 1987, с. 299], сразу же стал литературной универсалией. Образная система пушкинского произведения, изображавшего нравы непокорных ромалов, явилась эталоном для художественного воплощения экзотического цыганского мира, его незыблемых духовных основ и вековых обычаев, представлявшихся современникам поэта рудиментом архаичного бытия, к которому тяготел романтизм, превозносивший национальный колорит и воспевавший всё необычное и таинственное. «Самобытный синтез внутренних опытов полудикой общины, отделенной от мира чужих идей и выработавшей исключительно из условий своего обособленного существования собственный нравственный закон и собственное абсолютное представление о нерушимой и неприкосновенной свободе человека» [Там же, с. 309–310], оказался идеализирован в искусстве. В европейской культуре сформировался образ цыган как носителей мятежного духа, стихийных душевных порывов и иррационального мировосприятия, породив особый «цыганский мифотекст» [Волкова, 2020, с. 12], получивший статус прецедентного.

«За каждым прецедентным текстом, – как справедливо утверждает Г. Г. Слышкин, – стоит своя уникальная система ассоциаций» [2000, с. 49], возникающих в индивидуальном и коллективном сознании субъекта исторического бытия в ходе его духовно-интеллектуального опыта познания и освоения микро- и макрокосма. Факты и события «мира идей» и «мира вещей», конденсируясь в культурной памяти человечества, в его семиосфере, начинают с известной регулярностью воспроизводиться в общественной жизни, порождая прецедентные феномены. Прецедентность как литературно-языковое явление реализуется через аллюзии и реминисценции, выступающие идейно-содержательными скрепами, связывающими различные по своей когнитивной природе тексты в единый текст нацио-

нальной культуры. Таким культурогенным текстом-первоисточником всех последующих «цыганских текстов» русской литературы стала поэма А. С. Пушкина «Цыганы» (1824). После нее цыганская тема в творчестве С. П. Шевырева, А. И. Полежаева, Е. П. Ростопчиной, Н. М. Языкова, А. Н. Апухтина, Я. П. Полонского, И. С. Тургенева, А. Н. Островского, Н. С. Лескова и даже П. Мериме, непременно окрашиваясь пушкинскими коннотациями, в свернутом или развернутом виде содержала мотивно-образную партитуру романтической поэмы об Алеко и Земфире, более того, приобрела прецедентный характер и перешла в ряд «вечных» [Козлова, 2020, с. 26].

Вольная жизнь цыган, архаичная в бытовом укладе, гармонично резонирующая с ритмом природных стихий, чуждая земной укорененности и устремленная «за горизонт», не признающая никаких социальных, нравственных пределов и ограничений, получив в поэме А. С. Пушкина художественное осмысление, уже в XIX в. подверглась литературной стереотипизации. Герои поэмы и ее сюжет явились объектом творческой рефлексии писателей, представлявших в своих произведениях ментально-психологическое столкновение «цивилизованного» современника с миром первозданного в своей естественной простоте природного человека. Концептуальный инвариант мотивно-архетипической матрицы пушкинских «Цыган» оказался чрезвычайно востребован в русской литературе рубежа XIX–XX вв., обратившейся к феномену импульсивной цыганской души, которую пытались постичь А. А. Блок и М. И. Цветаева, Н. С. Гумилев и В. Хлебников. Художественный миробраз «Цыган», преодолев свою имманентную «герметичность», сгенерировал мощное смысловое поле цыганского текста, все структурно-семантические элементы которого вступают в имплицитно-эксплицитный диалог с поэмой А. С. Пушкина. Эйдетические и нарративные схемы пушкинских «Цыган» с разной степенью выраженности тиражируются в произведениях русской литературы, актуализируя комплекс проблем морально-этического характера. «Цыганский вопрос», поднятый и художественно разрешенный А. С. Пушкиным, – это вопрос о ценности человеческой свободы и человеческой жизни, о нерасторжимом единстве природно-космического и психологического бытия цыгана, о метафизике пути / дороги, о скитании (в пространственном и экзистенциальном измерении) как божественном призвании и наказании одновременно.

В русской литературе рубежа XIX–XX вв. пушкинская модель цыганского мира нашла отражение в произведениях писателей, тяготевших к разным идейно-стилевым направлениям и течениям, но неизменно ориентированным на диалог с классической традицией, продолжая ее магистральный вектор в новых исторических и социокультурных обстоятельствах. Так, развернутая экспозиция поэмы, рисующая мирное пристанище цыганского табора в степи, остановившегося на ночлег, была реализована в рассказах М. Горького «Макар Чудра» (1892) и И. А. Бунина «Костер» (1902–1932), в каждом из которых был воплощен пушкинский сюжетный прецедент, получивший свое индивидуально-авторское переосмысление и развитие. Мотивно-образный комплекс пушкинской поэмы, обладающей в силу ее жанрово-родовой модальности органической способностью наполнять событийно-вещественный пласт повествования эмоционально-медитативной интенциональностью, в начале XX в. оказался трансформирован и преосуществлен в прозе особого художественного регистра (ритмической у М. Горького и экспрессивной у И. А. Бунина), для которой была характерна повышенная лирическая суггестивность, актуализированная через систему аллюзий и реминисценций. Завязка цыганского текста в русской литературе, непременно

«связанная с мотивом дороги» [Вьюшкова, 2009, с. 49], судьбоносным для кочевого племени и константным для его репрезентации в словесном искусстве, вводит в таинственный мир гордых степных скитальцев чуждого им «пришлеца»: Алеко и лирического героя поэмы А. С. Пушкина, собеседника Макара Чудры в рассказе М. Горького и автора-повествователя в рассказе И. А. Бунина. Все они, свернув «с большой дороги» (Бунин, 2006, с. 456) (в буквальном и иносказательно-философском смысле), находят недолгий приют у цыганского очага, вкусив сладость гостеприимства и изведав горький урок жизни, доверяя его старому цыгану, выступающему душеприказчиком и резонером:

В шатре одном старик не спит;
Он перед углями сидит,
Согретый их последним жаром,
И в поле дальнее глядит,
Ночным подернутое паром
(Пушкин, 1984, с. 116).

Образ старика цыгана, хранителя легенд и преданий, национально-культурного опыта древнего народа ромов, веками живущего в соответствии с неписаными законами «естественного права» «природного человека» на жизнь во Вселенной, в поэме А. С. Пушкина и рассказах М. Горького и И. А. Бунина выступает медиатором между миром суровой прагматичной реальности и миром романтических порывов духа, между «царством необходимости и царством свободы». «Кто скажет, зачем он живет?», – вопрошал горьковский Макар Чудра, – разве «он родился затем, что ли, чтоб поковырять землю, да и умереть, не успев даже могилы самому себе выковырять? Ведомо ему воля? Ширь степная понятна? Говор морской волны веселит ему сердце?» (Горький, 1949, с. 10). Онтология свободы / природной воли, поэтизируемая писателем, определяет мироощущение и жизнепереживание героя, которое он раскрывает собеседнику, исповедуя перед ним «символ веры», моральное кредо своего народа, выступая его «адвокатом» и его «персонификатором». Отсюда особую значимость приобретает портрет старика как выразителя цыганского духа, на котором фокусирует свой взгляд автор. В самом внешнем облике героя угадывается его твердый, независимый характер: «Не обращая внимания на то, что холодные волны ветра, распахнув чекмень, обнажили его волосатую грудь и безжалостно бьют ее, он полулежал в красивой, сильной позе, лицом ко мне, методически потягивал из своей громадной трубки, выпускал изо рта и носа густые клубы дыма...» (Горький, 1949, с. 9). В фигуре бунинского цыгана, напоминающей Макара Чудру, также подчеркивается его самодостаточность, степенность и поразительное внутреннее достоинство: «Ноздри у него были вырезаны резко, борода доходила до самых глаз. И в этих черных глазах, в черных жестких волосах, густо вьющихся из-под шапки, в жесткой, кудрявой бороде – во всем чувствовалась дикость и внимательность степного человека» (Бунин, 2006, с. 456).

Будучи нравственным авторитетом, воплощая народную мудрость и выступая гарантом самого цыганского бытия в чуждом и враждебном мире, старый цыган не случайно изображается А. С. Пушкиным, М. Горьким и И. А. Буниным в ореоле огня, представлявшегося древним народам сакральным источником «жизненной энергии» [Бидерманн, 1996, с. 185]. «Непременным элементом кочевого быта цыган, – замечает В. В. Мароши, – был постоянно горящий или тлеющий костер» [2019, с. 59], с которым ассоциировалась «огненная» природа цыганского харак-

тера, испепеляюще жгучего и ослепительно яркого, мерцающего инфернальным, адским блеском. «Пламя костра, пламя костра» (Гумилев, 1999, с. 398) как наваждение преследует лирического героя баллады Н. С. Гумилева «У цыган» (1920), попавшего в плен любовной страсти, навеянной красавицей цыганкой, оказавшейся источником невыносимой муки: «Сердце крылатое в груди косматой // Вырви, вырви сердце и растопчи» (Гумилев, 1999, с. 399).

Образ костра, ставший атрибутом цыганского мира, является центральным и в рассказе И. А. Бунина «Костер». Уже в самом его заглавии писатель актуализировал комплекс смыслов, который во всей полноте, по утверждению А. Ф. Лосева, вмещает только символ. «Он содержит в себе всегда какую-то идею, которая оказывается законом всего его построения» (курсив А. Ф. Лосева. – И. У.) [1976, с. 41]. Такой идеей, художественно концентрированной в образе костра, представляется идея огненной любовной страсти, сюжетообразующей в поэме А. С. Пушкина и в рассказах И. А. Бунина и М. Горького. Символический потенциал интегрального концепта *КОСТЕР*, определяющего мотивно-образную систему рассказа И. А. Бунина, последовательно реализуется в нарративной и композиционной структуре произведения, обеспечивая его смысловое единство на всех уровнях текста – от синтагматики и парадигматики до имманентной логики и аксиологии.

«Костер горел ярко, и, чем ближе я подъезжал к нему, – замечал бунинский герой, – тем все резче отделялось пламя от нависшего над ним мрака» (Бунин, 2006, с. 456), знаменуя внутреннюю метаморфозу, связанную с душевно-духовным преображением, которое было суждено пережить ему, оказавшись в цыганском таборе. В свете костра он увидел красавицу цыганку, к которой невольно испытал тайное желание, подобно языку пламени, озарившему его сердце. Но в отличие от пушкинского Алеко, окунувшегося в пучину любовной страсти к Земфире, презревшего «неволю душных городов» (Пушкин, 1984, с. 120), променявшего свой привычный дворянско-мещанский мир на романтически-идеализируемый им мир цыганского табора («Он хочет быть как мы цыганом» (Пушкин, 1984, с. 117)) и жестоко обманувшегося, разочаровавшегося в земном счастье, бунинский герой не нашел в себе воли отказаться от своей городской, цивилизованной жизни и буквально убежал от самого себя, подавил пробуждающееся чувство к прекрасной цыганке, которую не мог, да и не хотел увести с собой, несмотря на томный взгляд ее «печально-призывных глаз необыкновенной красоты» (Бунин, 2006, с. 457), моливших о победе, о вольной любовной неге. Сюжетный потенциал пушкинской поэмы с ее неизбежной трагической развязкой в рассказе И. А. Бунина ушел в глубокий подтекст, но сохранил свой драматический импульс. Если в поэме А. С. Пушкина герой из ненавистного города бежит в цыганский табор, но не может стать его органичной частью, испытывая духовный диссонанс, то в рассказе И. А. Бунина бежать в город хотела бы за своим возлюбленным героиня, однако автор не допускает такой побег, учитывая «зеркальный» опыт Алеко, осознавая невозможность счастья между людьми, разделенными социальной, культурной, духовно-интеллектуальной пропастью (подобный сюжетный ход, но уже не на цыганском, а на крестьянском материале И. А. Бунин развернет в рассказе «Темные аллеи» (1938), открывающем одноименный цикл: герой не сможет / не захочет в силу разных обстоятельств увести с собой полюбившуюся ему Надежду и уже, по сути, на закате дней случайно встретит ее на большой дороге хозяйкой трактира).

Судьба юной цыганки, оставленной героем «у костра», в ее привычном мироукладе, вдруг очень явственно представилась автору, когда он «еще раз глянул за костер», который слепил его «своим ярким мерцанием»: он увидел «толстую цыганку в лохмотьях, кормившую грудью полуголого ребенка» (Бунин, 2006, с. 457). Эта участь неминуемо ожидала пятнадцатилетнюю девочку, очарованную приезжим баринном, который так и не смог забыть ее влюбленный взгляд. Спустя годы «еще ярче, чем у костра», вспомнились ему ее «черные волосы, нежно-страстные глаза, старое серебряное монисто на шее...» (Бунин, 2006, с. 457), и тогда, как замечает автор, его охватило «уже новое чувство – томящее, непонятное, говорящее о какой-то невознаградимой потере...» (Бунин, 2006, с. 457). Так, образ костра в рассказе И. А. Бунина, сконцентрировав в себе философско-онтологический и экзистенциальный смысл раздумий художника о любви, озаряющей крошечную тьму человеческой жизни, в полной мере реализует функцию «сюжетной мотивировки и акцентуации кульминации» [Зеленцова, 2013, с. 171], преодолевая композиционную дискретность, свойственную реалистическому пейзажу.

Ту же художественную природу имеет образ костра и в рассказе М. Горького «Макар Чудра». В самом начале произведения писатель на фоне романтического пейзажа, изображающего «слева – безграничную степь, справа – бесконечное море», представляет костер, в который «влажный, холодный ветер» бросает «сморщенные, желтые листья», «раздувая пламя» (Горький, 1949, с. 9), иносказательно уподобляя разгорающемуся огню чувства Лойки Зобара и красавицы Радды. Трагический исход любовной страсти героев, о которых поведал автору старый цыган, в финале рассказа сопровождается образом «угасающего костра» (Горький, 1949, с. 20). Более того, костер в рассказе М. Горького выступает не только лейтмотивом, но и катализатором сюжета, как и в поэме А. С. Пушкина «Цыганы». Неукротимый чувственный порыв свободолюбивой Земфиры, полюбившей молодого цыгана и изменившей Алеко, подобен вспышке пламени, озарившей ночной мрак жизненной рутины. Не случайно сама героиня словами старинной песни, что «поется меж людей», кочующих «на степях Кагула» (Пушкин, 1984, с. 123), призналась названному мужу: «Я тверда; не боюсь / Ни ножа, ни огня» (Пушкин, 1984, с. 122), спровоцировав его на страшное преступление – убийство, погасившее костер ее яркой жизни. После свершившегося злодеяния «настала ночь», «огня никто не разложил» (Пушкин, 1984, с. 132), и тьма охватила оцепеневший в ужасе табор цыган.

Точно такой же эффект произвела на собеседника Макары Чудры история об убийстве Радды ее возлюбленным Зобаром в рассказе М. Горького. Своенравную дочь старика Данилы покорил молодой цыган Лойко, по силе и храбрости которому не было равных. С восхищением описывает его рассказчик: «очи, как ясные звезды, горят, а улыбка – целое солнце, ей-богу!» (Горький, 1949, с. 13). В образе Зобара автор подчеркивает его огненную природу, актуализируя солярный мифопоэтический код [Урюпин, 2019]. А потому неудивительно, что герой всё время представлен на фоне костра, выступающего и элементом пейзажа, и маркером душевно-духовного состояния персонажа: «Остановился у костра»; «стоит весь, как в крови, в огне костра и сверкает зубами, смеясь» (Горький, 1949 с. 13); «когда собрались все мы вечером вокруг костра, пришел и Лойко» (Горький, 1949, с. 19). Его сердце пылало любовью: «Радда там живет только – и все тут!» (Горький, 1949, с. 19). Образ любящего сердца, горящего огнем, в творчестве М. Горького оказался семантически многомерен, вобрав в себя широчайший духовный потенциал от жертвенной любви к людям Данко в рассказе «Старуха Изергиль»

до испепеляющей страсти и непрестанных мучений автобиографического героя «Рассказа о безответной любви» и рассказа «О первой любви». «Цыганская» любовь Зобара, бескомпромиссная и безусловная (несмотря на очевидный парадокс: условие Радды – поклониться ей «в ноги перед всем табором» (Горький, 1949, с. 18) и поцеловать ее правую руку), – тоже жертвенная, но это особая сакральная жертва, которую совершает герой и которую осознает принимающая смерть от ножа возлюбленного героя: «Прощай, Лойко! я знала, что ты так сделаешь!.. – да и умерла...» (Горький, 1949, с. 20). Между прочим, в поэме А. С. Пушкина совершившееся преступление тоже преподносится как жертвенный акт:

Алеко
Умри ж и ты!
Поражает ее.
Земфира
Умру любя...
(Пушкин, 1984, с. 130).

На сюжетный параллелизм рассказа «Макар Чудра» и поэмы «Цыганы» в начале XX в. сразу же обратила внимание литературная критика: Н. Я. Стечкин признавался, что при чтении горьковского произведения «невольно перед мыслями встает пушкинская цыганская любовная драма: вся – жизнь, вся – огонь, вся – страсть» [Стечкин, 1997, с. 490]. Оба текста в культурном сознании современников, проецируясь друг на друга, актуализировали цыганский миф – миф об анархистской кочевой вольнице отрицателей социальных законов и норм буржуазной морали, «проповедников индивидуалистического “несогласия”» с существующим миропорядком [Келдыш, 1986, с. 24]. Цыганская мятежная душа, опоэтизированная М. Горьким, оказалась выразительницей возвышенно-героического революционного духа эпохи.

Бунтарско-волюнтаристский дух цыган, на протяжении веков культивировавших в себе чувственную аффектацию и пребывавших «по ту сторону добра и зла» (так, кстати, назвал свою книгу 1886 г. великий немецкий философ-иррационалист), оказался для М. Горького, испытавшего на рубеже XIX–XX вв. сильнейшее идеологическое влияние Ф. Ницше, оправданием сверхчеловеческого имморализма, жизненную формулу которого художественно угадал А. С. Пушкин в своих «Цыганах». Однако, по замечанию О. В. Богдановой, «имморализм Ницше, с одной стороны, привлекал юного Горького, с другой – останавливал его и требовал осмысления и переоценки представлений, сложившихся под влиянием русской классики» [Богданова, 2018, с. 315]. Пушкинская трактовка цыганской воли, предвосхищая ницшеанскую концепцию тотальной «воли к жизни», получила художественную реализацию в поэме «Цыганы», где в духе романтической эстетики абсолютизировалась свобода любовного чувства-аффекта, несовместимая с традиционно-христианской моралью-долгом. Так, отец Земфиры стал жертвой своеволия Мариулы, которая «звездой падучею мелькнула», «брося маленькую дочь» (Пушкин, 1984, с. 127) и его самого на произвол судьбы, влюбившись в цыгана из чужого табора, но герой не смеет осуждать свою подругу: «Кто в силах удержать любовь?» (Пушкин, 1984, с. 127). Несмотря на свою обиду-муку и страдания ребенка («Госкуя, плакала Земфира, / И я заплакал» (Пушкин, 1984, с. 127)), цыган был вынужден отпустить Мариулу, поскольку не подвергал сомнению священную ценность воли, а «воля, – как утверждал Ф. Ницше, – есть не только комплекс чувств и мышления, но прежде всего еще и *аффект*» (курсив Ф. Ниц-

ше. – И. У.) [2012, с. 30]. Повинуясь аффекту, бессознательному влечению, на протяжении своей тысячелетней истории скитаются по миру цыгане – «вольные птицы», как называл их в начале XX в. Н. А. Александров, для них не существует моральных законов: они не хотят «ни сеять, ни жать и не собирать житниц», но предпочитают жить «обманом, воровством, грабежом и мошенничеством» [Александров, 1901, с. 9].

Амбивалентность цыганского бытия и цыганского национального характера оказывается и в самом деле «по ту сторону добра и зла» (Ф. Ницше). Стихийная страстность, природное буйство жизненной энергии, презрение к посюстороннему утилитарно-прагматическому существованию человечества вплоть до полного неприятия социальных и политических норм и законов, устремленность к потусторонним, иррациональным целям и ориентирам – всё это в европейском культурном сознании эпохи романтизма приписывалось цыганам и наделялось исключительной мифосуггестивной силой. Цыганский мирообраз, созданный А. С. Пушкиным, стал художественным эталоном, прецедентным феноменом, с которым так или иначе соотносился и верифицировался конкретно-эмпирический, этнографический материал. Поэма «Цыганы», аккумулируя ментально-психологический, исторический опыт кочевого народа, его обычаи и предрассудки, являлась источником «цыганской семиосферы», генератором смыслов и идей, транслировавшихся на все последующие «цыганские тексты». Концептуально-мотивная система, нарративная структура пушкинских «Цыган» была воспринята М. Горьким и И. А. Буниным, мечтавшими на рубеже XIX–XX вв. о преодолении абсолютной антиномичности любви и воли.

Список литературы

- Александров Н. А.* Степи. Вольные птицы. Цыгане (фараоново племя). М.: Издание книгопродавца А. Я. Панафидина, 1901. 33 с.
- Бидерманн Г.* Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996. 335 с.
- Богданова О. В.* Ревизия Ницше в «Старухе Изергиль» М. Горького // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19, № 4. С. 306–318.
- Волкова А. А.* Феномен цыганской культуры в контексте концептуального осмысления диалога культур XIX–XX вв.: социально-философский анализ. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2020. 35 с.
- Вьюшкова И. Г.* Цыганские мотивы в поэзии Я. П. Полонского второй половины XIX века // XIX Ершовские чтения: Межвуз. сб. науч.-метод. ст. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2009. С. 48–49.
- Зеленцова С. В.* Сюжетно-композиционная функция пейзажа в рассказах И. А. Бунина (на материале произведений до 1917 года) // Учен. зап. Орлов. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 2 (52). С. 166–172.
- Иванов В. И.* Собр. соч. Брюссель, 1987. Т. 4. 800 с.
- Келдыш В. А.* Начало творческого пути («Макар Чудра») // Наследие М. Горького и современность. М.: Наука, 1986. С. 20–28.
- Козлова Г. А.* «Цыганская тема» в контексте диалога русской и зарубежной литератур // Евразийский союз ученых. 2020. № 7-3 (76). С. 25–28.
- Лосев А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 367 с.
- Мароши В. В.* Люди огня: к символике цыганского мифа в русской и европейской литературе XIX века // Сибирский филологический журнал. 2019. № 3. С. 53–66. DOI 10.17223/18137083/68/5

Ницше Ф. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Культурная революция, 2012. Т. 5: По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. Случай «Вагнер». 480 с.

Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.

Стечкин Н. Я. Максим Горький, его творчество и его значение в истории русской словесности и в жизни русского общества // Максим Горький: pro et contra. Личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей. 1890–1910 гг. Антология. СПб.: РХГИ, 1997. С. 464–617.

Урюпин И. С. Солярный и лунарный код в мифосемантике рассказа М. Горького «Макар Чудра» // Acta eruditorum. СПб.: Изд-во РХГА, 2019. Вып. 31. С. 121–123.

Список источников

Бунин И. А. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Воскресенье, 2006. Т. 1: Стихотворения (1888–1911); Рассказы (1892–1901). 576 с.

Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М.: ГИХЛ, 1949. Т. 1: Повести, рассказы, стихи. 1892–1894. 512 с.

Гумилев Н. С. Лирика. Минск: Харвест, 1999. 480 с.

Пушкин А. С. Поэмы. М.: Сов. Россия, 1984. 192 с.

References

Aleksandrov N. A. *Stepi. Vol'nyya ptitsy. Tsygane (faraonovo plemya)* [Steppes. Free birds. Gypsies (Pharaonic tribe)]. Moscow, Published by book dealer A. Ya. Panafidin, 1901, 33 p.

Bidermann G. *Entsiklopediya simbolov* [Encyclopedia of symbols]. Moscow, Republic, 1996, 335 p.

Bogdanova O. V. Reviziya Nitsche v “Starukhe Izergil” M. Gor'kogo [Revision Nietzsche in “Old Woman Izergil” by M. Gorky]. *Journal of the Russian Christian Academy for the Humanities*. St. Petersburg, 2018, vol. 19, no. 4, pp. 306–318.

Ivanov V. I. *Sobr. soch.* [Complete works]. Brussels, 1987, vol. 4, 800 p.

Keldysh V. A. Nachalo tvorcheskogo puti (“Makar Chudra”) [The beginning of the career (“Makar Chudra”)]. In: *Nasledie M. Gor'kogo i sovremennost'* [The legacy of M. Gorky and modernity]. Moscow, Nauka, 1986, pp. 20–28.

Kozlova G. A. “Tsyganskaya tema” v kontekste dialoga russkoy i zarubezhnoy literatur [“Gypsy theme” in the context of dialogue between Russian and foreign literature]. *Eurasian Union of Scientists*. 2020, no. 7-3 (76), pp. 25–28.

Losev A. F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The problem of the symbol and realistic art]. Moscow, Iskusstvo, 1976, 367 p.

Maroshi V. V. “Lyudi ognya”: k simvolike tsyganskogo mifa v russkoy i evropeyskoy literature 19 veka [“People of fire”: to the symbolism of the gypsy myth in Russian and European literature of the 19th century]. *Siberian Journal of Philology*. 2019, no. 3, pp. 53–66. DOI 10.17223/18137083/68/5

Nietzsche F. *Poln. sobr. soch.: V 13 t.* [Complete works: in 13 vols.]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2012, vol. 5: Po tu storonu dobra i zla. K genealogii morali. Sluchay “Vagner” [On the Other Side of Good and Evil. To the Genealogy of Morality. The Case of Wagner], 480 p.

Slyshkin G. G. *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretседentnykh tekstov v soznanii i diskurse* [From text to symbol: linguistic and cultural concepts of case texts in consciousness and discourse]. Moscow, Academia, 2000, 128 p.

Stechkin N. Ya. Maksim Gor'kiy, ego tvorchestvo i ego znachenie v istorii russkoy slovesnosti i v zhizni russkogo obshchestva [Maxim Gorky, his work and its significance in the history of Russian literature and in the life of Russian society]. In: *Maksim Gor'kiy: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Maksima Gor'kogo v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley. 1890–1910 gg. Antologiya* [Maksim Gorky: pro et contra. The personality and work of Maxim Gorky in the assessment of Russian thinkers and researchers. 1890–1910 Anthology]. St. Petersburg, RCHI, 1997, pp. 464–617.

Uryupin I. S. Solyarnyy i lunarnyy kod v mifosemantike rasskaza M. Gor'kogo "Makar Chudra" [Solarny and the lunar code in the mythosemantics of the race-tale M. Gorky "Makar Chudra"]. *Acta eruditorum*. 2019, no. 31, pp. 121–123.

V'yushkova I. G. Tsyganskii motivy v poezii Ya. P. Polonskogo vtoroy poloviny 19 veka [Gypsy motifs in the poetry of Y. P. Polonsky in the second half of the 19th century]. In: *19 Ershovskie chteniya: Mezhvuz. sb. nauchno-metod. st.* [19 Yershovs readings: an inter-university collection of scientific and methodical articles]. Ishim, ISPI im. P. P. Ershova, 2009, pp. 48–49.

Volkova A. A. Fenomen tsynganskoy kul'tury v kontekste kontseptual'nogo osmysleniya dialoga kul'tur 19–20 vv.: sotsial'no-filosofskiy analiz [The phenomenon of gypsy culture in the context of the conceptual understanding of the dialogue of cultures of the 19th–20th centuries: socio-philosophical analysis]. Abstract of Cand. philos. sci. diss. Moscow, 2020, 35 p.

Zelentsova S. V. Syuzhetno-kompozitsionnaya funktsiya peyzazha v rasskazakh I. A. Bunina (na materiale proizvedeniy do 1917 goda) [The plot and composition function of the landscape in the stories of I. A. Bunin (based on works until 1917)]. *Scientific notes of Oryol State University. Humanities and Social Sciences*. 2013, no. 2 (52), pp. 166–172.

List of sources

Bunin I. A. *Poln. sobr. soch.: V 13 t.* [Complete works: in 13 vols.]. Moscow, Voskresnie, 2006, vol. 1: Stikhotvoreniya (1888–1911); Rasskazy (1892–1901) [Poems (1888–1911); Stories (1892–1901)], 576 p.

Gor'kiy M. *Sobr. soch.: V 30 t.* [Complete works: in 30 vols.]. Moscow, 1949, vol. 1: Povesti, rasskazy, stikhi. 1892–1894 [Novels, Stories, Poems. 1892–1894], 512 p.

Gumilev N. S. *Lirika* [Lyrica]. Minsk, Harvest, 1999, 480 p.

Pushkin A. S. *Poemy* [Poems]. Moscow, Sov. Rossiya, 1984, 192 p.

Информация об авторе

Игорь Сергеевич Урюпин, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия)

Information about the author

Igor S. Uryupin, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Russian Literature of the 20th – 21st centuries of the Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 27.09.2021;

одобрена после рецензирования 08.01.2022; принята к публикации 08.01.2022

The article was submitted on 27.09.2021;

approved after reviewing on 08.01.2022; accepted for publication on 08.01.2022

Научная статья

УДК 821.161.1 + 070

DOI 10.17223/18137083/83/6

**Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»:
два дополнения к комментарию одного эпизода
(Хохлакова и Дмитрий Карамазов)**

Татьяна Ивановна Печерская

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

ptatiana9@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8829-823X>

Аннотация

Статья посвящена анализу эпизода главы «Золотые прииски» романа Достоевского «Братья Карамазовы». Предметом наблюдений являются маркеры проявления полемической адресации эпизода и специфика его повествовательной техники. В первой части вводится ряд внесюжетных сведений, расширяется контекст и интерпретация эпизода, делается вывод о том, что ведущим полемическим приемом является пародирование фигуры Салтыкова-Щедрина, «агентом» которого выступает госпожа Хохлакова. Во второй части проанализирована повествовательная техника эпизода в рамках микрофрагмента («благословение» Дмитрия на поездку в Сибирь). Эксплицированы детали, позволяющие увидеть аллюзии к роману «Преступление и наказание». Рассматривается техника совмещения и «расщепления» сюжетных ситуаций в разнонаправленных проекциях – комической и драматической, благодаря чему в неявном виде вводится сюжет преступления, универсальный в творчестве писателя. Как прием, запускающий механизм сюжетного удвоения, рассматривается сюжетное автопародирование.

Ключевые слова

«Братья Карамазовы», Достоевский, Салтыков-Щедрин, комментарий текста, сюжетная автопародия

Для цитирования

Печерская Т. И. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: два дополнения к комментарию одного эпизода (Хохлакова и Дмитрий Карамазов) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 73–84. DOI 10.17223/18137083/83/6

© Печерская Т. И., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 73–84
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 73–84

**“The Brothers Karamazov” by F. M. Dostoevsky:
two addendums to one episode commentary
(Khokhlakova and Dmitry Karamazov)**

Tatyana I. Pecherskaya

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

ptatiana9@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8829-823X>

Abstract

This paper analyzes in detail the episode in the chapter “Gold Mines” of “The Brothers Karamazov” by F. M. Dostoevsky. The focus is on the markers of the polemically addressing the episode to Saltykov-Shchedrin and the specifics of his narrative technique. Firstly, the methods of researchers to the background of the polemic originating in the 1860s are reviewed, the necessity of expanding the context of the episode is motivated, and new extra narrative information is introduced completing the picture and deepening the episode's interpretation. Parody has been found to be the leading mode of polemic, with Mrs. Khokhlakova as its “agent,” the absurdity of her statements providing a channel for the transmission of the polemical reference “over and above” the text. A similar function is given to Turgenev, who is semantically close to Saltykov in his parody function in context of the heroine's reasoning. Secondly, the narrative technique of the episode is analyzed within the framework of a micro-fragment in which Khokhlakova “blesses” Dmitry Karamazov for his trip to Siberia. The details are explicated, allowing the allusions to the novel “Crime and Punishment” to be seen, suggesting other pairs of characters: Raskolnikov and the money-lender, Raskolnikov and Sonya. The technique of combining and “splitting” the plot situations in multidirectional projections is considered (comic and dramatic), which implicitly introduces a multidimensional plot of the crime, universal in the work of the writer. The plot auto-parody is considered as a technique triggering the plot-doubling mechanism.

Keywords

“The Brothers Karamazov”, Dostoevsky, Saltykov-Shchedrin, commentary, plot auto-parody

For citation

Pecherskaya T. I. “The Brothers Karamazov” by F. M. Dostoevsky: two addendums to one episode commentary (Khokhlakova and Dmitry Karamazov). *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 73–84. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/6

Предметом наблюдений являются два небольших фрагмента, относящиеся к одному эпизоду главы «Золотые прииски» романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»¹, в котором Иван Карамазов в поисках трех тысяч приходит к госпоже Хохлаковой. Цель комментария состоит в расширении контекстного поля эпизода за счет привлечения ряда внетекстовых сведений, позволяющих дополнить существующее истолкование полемической подоплеку эпизода, адресованной М. Е. Салтыкову-Щедрину, а также в исследовании повествовательной техники Достоевского с последующей экспликацией в рамках микрофрагмента текста. Задача анализа определяется стремлением понять, каким образом на уровне повествовательной структуры устойчивые законы художественной системы Достоевского связаны и взаимодействуют с ситуативными публицистическими

¹ Часть третья, книга восьмая.

инвективами, непосредственно затрагивающими динамичный «фон» полемики, актуальной для писателя, «в режиме реального времени».

I

Салтыков-Щедрин, Тургенев и госпожа Хохлакова

История изучения отношений Достоевского и Салтыкова-Щедрина основательно изучена литературоведами². Писатели не сходились ни по одному мировоззренческому и литературному вопросу, в публицистике и творчестве полемизировали друг с другом с 1860-х гг. до конца жизни. Роман «Братья Карамазовы» как значимое звено длящейся полемики также привлекал внимание исследователей и комментаторов. В дальнейшем мы будем двигаться в фарватере ценных наблюдений, пытаясь дополнить их некоторыми своими.

Обратимся к анализу эпизода и напомним его контекст и события, значимые в перспективе комментария. В день убийства отца Дмитрий ищет, у кого бы занять три тысячи, необходимые ему именно сейчас. Он планирует увезти Грушеньку и не мыслит начала новой жизни без того, чтобы освободиться от вины перед бывшей невестой, Катериной Ивановной (иначе «я карманный вор, подлец»). Выбор падает на госпожу Хохлакову, прочившую в женихи Катерины Ивановны брата Ивана, и, по мысли Дмитрия, её могла бы обрадовать мысль о его разрыве с невестой.

Фрагмент первый.

Не сразу поняв цель визита, Хохлакова, как всегда, болтлива, и «к слову», мимоходом высказывает Дмитрию свои взгляды по самым актуальным общественным вопросам, Дмитрию же советует отправляться на золотые прииски за обогащением. В квазипублицистическом задоре она упоминает Салтыкова-Щедрина, привлеченного для подтверждения ее прогрессивных мыслей о женском вопросе. Дмитрий, отчаявшись, решает прямо сказать, почему ему срочно нужны деньги, и начинает сбивчиво рассказывать о Катерине Ивановне и Грушеньке. Все эти подробности Хохлакову, по всей видимости, мало интересуют:

– Оставьте всё, Дмитрий Федорович! – самым решительным тоном перебила госпожа Хохлакова. – Оставьте, и особенно женщин. Ваша цель – прииски, а женщин туда незачем везти. Потом, когда вы возвратитесь в богатстве и славе, вы найдете себе подругу сердца в самом высшем обществе. Это будет девушка современная, с познаниями и без предрассудков. К тому времени как раз созреет теперь начавшийся женский вопрос, и явится новая женщина...

– Сударыня, это не то, не то... – сложил было, умоляя, руки Дмитрий Федорович.

– То самое, Дмитрий Федорович <...> Я вовсе не прочь от теперешнего женского вопроса, Дмитрий Федорович. Женское развитие и даже политическая роль женщины в самом ближайшем будущем – вот мой идеал. У меня у самой дочь, Дмитрий Федорович, и с этой стороны меня мало знают. Я написала по этому поводу писателю Щедрину. Этот писатель мне столько указал, столько указал в назначении женщины, что я отправила ему

² Укажем некоторые значимые для данного исследования работы: [Никольский, 1921; Борщевский, 1956; Рак, 2007; Туниманов, 2013; Строганова, 2017].

прошлого года анонимное письмо в две строки: «Обнимаю и целую вас, мой писатель, за современную женщину, продолжайте». И подписалась: «мать». Я хотела было подписаться «современная мать» и колебалась, но остановилась просто на матери: больше красоты нравственной, Дмитрий Федорович, да и слово «современная» напомнило бы им «Современник» – воспоминание для них горькое ввиду нынешней цензуры... (Достоевский, 1976, т. 14, с. 350).

В комментарии к роману В. Е. Ветловская отсылает к истории давней полемики Достоевского, развернувшейся в журнале «Время», затем в «Эпохе» с Салтыковым-Щедриным, сотрудничавшим в «Современнике» в 1860-е гг. Резюмируя предшествующие версии исследователей, она истолковывает «выпад» Достоевского против Щедрина как «поздний отголосок ожесточенной полемики журналов» [Ветловская, 1976, с. 574]. Комментируя отклик Салтыкова-Щедрина, последовавший вскоре за публикацией главы «Золотые прииски»³ в статьях «Первое ноября» и «Первое декабря»⁴ из цикла «Круглый год», П. С. Рейфман и Д. М. Климова выражают сходную позицию, добавляя, что «остается невыясненным», почему Достоевский решил предпринять такой ход [Рейфман, Климова, 1972, с. 775], действительно, довольно отдаленный во времени.

Указанные В. Е. Ветловской обстоятельства, относящиеся к 1860-м гг., бесспорно, приходят в голову в первую очередь. Тем более, что действие романа, как установлено по ряду внутритекстовых деталей, развивается в 1866 г. (При этом нельзя не заметить и некоторое временное противоречие: «Современник» закрыли в 1866 г., а Хохлакова говорит, что письмо «отправила ему прошлого года».) Быстрый ответ Салтыкова-Щедрина невольно актуализирует в реальном времени, хотя и спустя тринадцать лет, историю, связанную с «Современником». В частности, реагируя на упоминание своего имени в связи с письмом Хохлаковой, Салтыков-Щедрин заявляет, что письма от Хохлаковой не получал, а о назначении «современной женщины» писал менее всего. Что правда, поскольку в женском вопросе он был по большей части консервативен, и это явно не его тема ни в «Современнике», ни далее в «Отечественных записках»: «...об этом-то именно предмете всего менее и писал» (Салтыков-Щедрин, 1972, т. 13, с. 774–775). По всей видимости, он демонстрирует, как и последующие комментаторы, непонимание целей, с какими Достоевский затрагивает его. Тип Хохлаковой Салтыков-Щедрин называет неудачно заимствованным у Гоголя, утрированным «до степени полумия», к тому же отягощенным «какими-то полемическими целями» (Салтыков-Щедрин, 1972, т. 13, с. 776).

Справедливости ради заметим, что приписывание «женского вопроса» Салтыкову-Щедрину не так уж безосновательно, Салтыков-Щедрин в 1870-е гг. высказывался об этом «предмете». Например, в очерке «По части женского вопроса»⁵, где он имитировал обмен мнениями либералов, в ходе которого обнаруживаются их лицемерие и ханжество. Собственная позиция была так неявно выражена, что обвинения автора в консерватизме тут же раздались со всех сторон⁶. В другой

³ Русский вестник. 1879. № 10.

⁴ Отечественные записки. 1879. № 12 (отд. «Современное обозрение»).

⁵ Отечественные записки. 1873. № 1. Очерк вошел в цикл «Благонамеренные речи».

⁶ А. В. Белова отмечает: «На основе этого текста невозможно установить отношение самого Салтыкова к “женскому вопросу” ввиду особой стилистической манеры его письма, известной в современной интернет-культуре как троллинг» [Белова, 2016, с. 13].

статье, «Светлов, его взгляды, характер и деятельность», Салтыков-Щедрин сочувственно отзывался о романе И. В. Омулевского «Шаг за шагом», связывая начинающего автора с новым поколением писателей, «с полной добросовестностью относящихся к насущным вопросам современности» (Салтыков-Щедрин, 1970, т. 9, с. 417). Снисходительно относясь к недостаткам изображения героев романа, он, в частности, положительно оценивает попытку изобразить новую героиню: «Женщину, ищущую для себя самостоятельного места на жизненном пире, изобразить, конечно, труднее, нежели женщину, обманывающую своего мужа и за всем тем живущую на его содержании» (Салтыков-Щедрин, 1970, т. 9, с. 417). Это всё, конечно, не является основанием для благодарности Хохлаковой. Но вот для наших наблюдений интересна первая часть рецензии, где речь идет о Достоевском в контексте внимания современной литературы к разработке положительных типов. Назвав роман «Идиот» в качестве положительного примера, далее Салтыков-Щедрин «перечеркивает» похвалу, отмечая, что писатель «сам подрывает свое дело, выставляя в позорном виде людей, которых усилия всецело обращены в ту самую сторону, в которую, по-видимому, устремляется и заветнейшая мысль автора». Речь идет о насмешках над «так называемым нигилизмом», что отражает «слишком непосредственное и поверхностное понимание жизни и ее явлений» (Салтыков-Щедрин, 1970, т. 9, с. 413). Тема понимания или непонимания современной жизни писателем остается сквозной в полемике и еще раз всплывает в связи с упоминанием Салтыкова-Щедрина.

Форму письма, особенно в отношении подписи, как считается, Достоевский взял из письма, адресованного ему самому неизвестной восторженной дамой, которая горячо благодарила за февральский «Дневник писателя» 1876 г.⁷ Главным образом он был посвящен делу об истязании малолетней девочки отцом – громкому делу Кронеберга. Почитательница пишет: «Если бы можно было сейчас, сию минуту очутиться возле Вас, с какой радостью я обняла бы Вас, Федор Михайлович, за Ваш февральский “Дневник”. Я так славно поплакала над ним и, кончив, пришла в такое праздничное настроение духа, что спасибо Вам. Мать» (Достоевский, 1981, т. 22, с. 309). На наш взгляд, эта версия может быть косвенно подтверждена первыми вариантами черновой рукописи.

Очевидно, что для сохранения подписи Достоевский должен был ввести дополнительную мотивировку. В реальном письме речь шла о ребенке, и здесь подпись «мать» понятна. «Женский вопрос» с этой темой напрямую не связан, и Достоевский вставляет упоминание о Лизе («У меня у самой дочь»), дальше именно в этом контексте идет слово «современная», ведущее к «Современнику». Вот как выглядит «подводка» в черновой редакции:

Тогда вы найдете любимую особу, я знаю, что вы её найдете. Это будет девушка со всеми совершенствами, кротка и нежная... Я вовсе не прочь от теперешнего женского вопроса, Дмитр<ий> Фед<орович>, женское развитие и даже политическая роль женщины. Это мой идеал. Я написала Щедрину по этому поводу, этот писатель мне столько указал, столько ука-

⁷ Е. Н. Строганова высказывает и другое предположение. Она допускает, что Достоевскому до публикации «Первого октября» было известно содержание рукописи. В статье Салтыковым-Щедриным в пародийном стиле приводятся письма читателей, часть которых принадлежит и читательницам. «В таком случае не исключено, – замечает исследовательница, – что “письмом” Хохлаковой Достоевский пародирует Салтыкова, как будто провоцируя его на ответные реплики» [Строганова, 2017, с. 98].

зал в назначении женщины. Знаете, я ему отправил анонимно письмо в две строки: обнимаю и целую вас, мой писатель, за *современную* женщину.

– Я не прочь от женского вопроса, но с этой стороны меня мало знают. У меня дочь, Дмитр<ий> Ф<едорови>ч, и я имею всё право требовать развития жребия женщины.

– Я хотела было подписаться: «*Современная мать*» – и колебалась, но остановилась на «Матери» просто: внушительнее и поэтичнее. А «*Современная мать*» напомнит им, сверх того, «*Современник*» – воспоминание для них горькое, Дм<итрий> Ф<едорови>ч, при нынешней цензуре (курсив мой. – Т. П.) (Достоевский, 1976, т. 15, с. 281–281).

Вернемся к Хохлаковой. Почему же именно Салтыкову-Щедрину Достоевский навязывает тему «современности»? Если мы воспринимаем отсылку к «Современнику» как отсылку к его закрытию в 1866 г., то не вполне понятно, почему Хохлакова, гордящаяся тем, что она в курсе всех новостей, апеллирует в связи с «Современником» к Салтыкову-Щедрину, которого уже два года как не было в журнале. В 1864 г. он оставляет журнал и уходит опять на государственную службу в провинцию⁸. Куда же она писала? К тому же это был трехлетний период литературного молчания писателя.

Без учета внесюжетного контекста трудно уяснить или истолковать все противоречия, коими наполнена речь героини. Аргумент насчет дани прежней ожесточенной вражде кажется недостаточным и Е. Н. Строгановой. Она исследует проявления полемики, не прекращавшейся между писателями, на материале не только журнальных статей, но и произведений обоих писателей, написанных в интересующий нас период конца 1870-х гг. Полемические выпады рассмотрены ею на всём протяжении публикации романа. Другими словами, появление имени Салтыкова-Щедрин в интересующем нас фрагменте рассматривается в динамическом контексте. К его деталям мы еще вернемся, здесь приведем общий вывод исследовательницы, касающийся полемического языка писателей, сложившегося в 1860-х гг.: «Новый виток обострения отношений между писателями не просто возвращал к предшествующим разногласиям, но возрождал образный ряд, сложившийся в полемике 1863–1864 годов, текст которой помогает обнаружить смысл лейтмотивных образов в их диалоге 1879 года» [Строганова, 2017, с. 105]. Надо отметить, что устойчивый полемический язык сформировался у Достоевского и относительно Тургенева, неприязнь к которому, мировоззренческая и личная, также имеет долгую историю. В данной временной точке претензии к обоим сошлись. И здесь пора ввести имя Тургенева в контексте рассуждений Хохлаковой.

Доказывая надежность плана с приисками, Хохлакова говорит: «О, я теперь реалистка, Дмитрий Федорович. Я с сегодняшнего дня, после всей это истории в монастыре, которая меня так расстроила, совершенная реалистка и хочу броситься в практическую деятельность. Я излечена. Довольно! Как сказал Тургенев» (Достоевский, 1976, т. 14, с. 349). (Речь идет о слухе, что «старец провонял». До этого Хохлакова была исполнена веры в его святость и полна мистических идей.) Слово «довольно», как и в тургеневском тексте (его жанр определить трудно), будет звучать рефреном и дальше: «Довольно, Дмитрий Федорович, сказано и сделано, – отрезала госпожа Хохлакова с целомудренным торжеством благодете-

⁸ В 1864 г. Салтыков-Щедрин был назначен управляющим Пензенской казённой палатой, через два года служил в той же должности в Туле, а в 1867 г. был переведен в Рязань.

тельницы <...> Довольно, Дмитрий Федорович, довольно – настойчиво прервала госпожа Хохлакова» (Достоевский, 1976, т. 14, с. 349).

На первый взгляд использование слова «довольно» в качестве маркера тургеневского «Довольно. Отрывок из записок умершего художника», как и в случае привлечения Салтыкова-Щедрина в единомышленники, в речи Хохлаковой выглядит абсурдно. Текст, опубликованный впервые в собрании сочинений Тургенева в 1865 г., потребовался, как кажется, ради этого слова в названии. Смысл его в тургеневском контексте совершенно иной и к Хохлаковой не имеет отношения. Названное критиками элегией, прощанием с читателем, личной исповедью, исполненной пессимистической мистической философии, сочинение по смыслу не соответствует теперешним настроениям Хохлаковой. Слово совершенно не впопад используется для выражения противоположного – решимости, оптимизма, знаменует поворот «к реальности действительной жизни», разочарование в мистических настроениях, отказ от «ретроградных поползновений на чудеса» (Достоевский, 1976, т. 14, с. 347). Однако своего рода абсурдность Хохлаковой и в этом случае обеспечивает канал передачи полемической отсылки «поверх» текста. В этом смысле Тургенев оказывается пародийным «контрагентом» Салтыкова-Щедрина.

Использование названия – «Довольно» – главным образом отсылает не столько к тексту, сколько к пародии на Тургенева-Кармазинова в «Бесах»: на вечере «великий писатель» должен прочитать «свою последнюю вещь, еще никому неизвестную», в качестве прощания с публикой (Достоевский, 1974, т. 10, с. 236). Именно темы и приемы «Довольно» были главным объектом пародии в кармазиновском рассказе «Merci»⁹. Основа пародируемых идей, включая «потугинские идеи», окончательно рассорившие Достоевского и Тургенева после встречи в 1867 г. в Баден-Бадене и разговора о романе «Дым», в утрированном виде выстраивается на западнических убеждениях Тургенева о жалкой судьбе России вне Европы, о ненависти таких, как он, к России, и атеизме, роднящим либералов с поклонниками Чернышевского¹⁰. А. С. Долинин отмечает, что в изображении Достоевского скептицизм Тургенева-Кармазинова, демонстрирует «нищенскую скудость духа» и является следствием «старческого безверия» [Долинин, 1989, с. 184].

Те же претензии выдвигает Достоевский к Салтыкову-Щедрину. В упомянутой работе Е. Н. Стругановой «Роман М. Е. Салтыкова-Щедрина “Современная идиллия”. Диалог с современниками и предшественниками» проанализированы статьи Салтыкова-Щедрина 1879 г. – «Монрепо-усыпальница» («Убежище Монрепо») и очерк «Первое апреля – Первое мая» из цикла «Круглый год», где вновь после «затишья» произошел «переход на личности», получивший отклик Достоевского в главах, предшествующих рассматриваемой нами главе «Золотые прииски»¹¹.

⁹ См. подробнее о пародийном изображении Тургенева в «Бесах» и рассказе Кармазинова «Merci»: [Долинин, 1989, с. 163–187].

¹⁰ Достоевский пишет А. Н. Майкову: «Он сам говорил мне, что главная мысль, основная точка его книги состоит в фразе: “Если б провалилась Россия, то *не было бы* никакого ни убытка, ни волнения в человечестве”. Он объявил мне, что это его основное убеждение о России» (А. Н. Майкову от 16 (28) августа 1867 г.) (Достоевский, 1985, т. 28, кн. вторая, с. 210).

¹¹ Вторая часть романа с четвертой, пятой и шестой книгами была опубликована в «Русском вестнике» в 4–6 и 8 номерах 1879 г.

Ничего, кроме проявления либеральной «заскорузлой ненависти к России»¹², Достоевский по-прежнему не видит в идеях Салтыкова-Щедрина и его единомышленников. Во многом выразителями идей безверия и ненависти к России являются в романе отец Карамазов, Смердяков, Ракитин. В пародийном смысле переход на сторону «реалистов» демонстрирует и Хохлакова, разочаровавшаяся в Зосиме.

Каким образом полемика с Щедриным и прочими критиками проявляется в этом случае? По мере того, как книги «Братьев Карамазовых» публиковались из номера в номер в «Русском вестнике», появлялись и отзывы критиков. Таким образом, к концу романа Достоевский имел представление о предварительном впечатлении от своего романа. В качестве косвенного обоснования своего предположения насчет упоминания Салтыкова-Щедрина, коснусь одного документа. Достоевский в черновом варианте письма редактору «Русского вестника» (письмо было опубликовано в декабрьском номере) объяснял задержку окончания романа в частности, тем, что хотел вступить в полемику с некоторыми рецензентами по ходу написания романа в самом романе. Как установлено, Достоевский хотел «отвести упреки» Салтыкова-Щедрина и «Молвы», обвинявших автора в мистицизме и искаженном, «эпилептически судорожном» восприятии действительности, особенные нарекания вызывала «средневековая» фигура Зосимы с его религиозной проповедью [Кийко, 1976, с. 487–513]. Щедрин не был одинок в такой критике, по сути он солидаризировался с позитивистской демократической частью критики. Достоевский пишет, что отказался от намерения разъяснить «некоторым критикам» свои идеи, но раздумал в надежде, что «Русское слово» еще предоставит ему эту возможность на своих страницах (Достоевский, т. 30, кн. первая, с. 135). Можно предположить, что, отказавшись от прямой полемики, Достоевский не отказал себе в пародийном делегировании Хохлаковой ожидаемых от него изменений, заключавшихся в освобождении от мистицизма. Реализм же, о котором теперь твердит Хохлакова, тоже ведь был своего рода знаменем «Отечественных записок», пропуском в современную жизнь, как его называет Достоевский в «Дневнике писателя». Писатель Щедрин здесь – не только тенденция, но и персональный адрес, введенный не прямо, но через каскад бессмыслицы, как и Тургенев. (Заметим, что в упомянутых статьях из цикла «Круглый год», Щедрин выступает перед некоей реакционной Комиссией по искоренению литературы и в некоторых из статей полемизирует с неким Феденькой, выразителем крайне религиозных взглядов.)

Закljučая раздел, отметим пародийность как ведущий прием ведения полемики с современниками. Как известно, Достоевский использовал его неоднократно по отношению к фигурам Салтыкова-Щедрина и Тургенева с 1860-х гг. В рассмотренном фрагменте через Хохлакову, почти абсурдного персонажа, утрированного, по справедливому замечанию Салтыкова-Щедрина, «до степени полумия», отсылки «поверх» текста, бессмысленные в речах персонажа, достигают цели, удваивая язвительность Достоевского-полемиста, поскольку оскорбительно обесмысливают адресата, что подтверждается раздраженной реакцией Салтыкова-Щедрина, казалось бы, на нелепые суждения Хохлаковой, к которым он неоднократно возвращался и позже.

¹² В письме А. Н. Майкову Достоевский пишет и о направлении журнала «Отечественные записки» в целом (письмо А. Н. Майкову от 18 февраля (1 марта) 1868 г. (Достоевский, 1985, т. 28, кн. вторая, с. 257).

II

Госпожа Хохлакова и Дмитрий Карамазов

В следующем фрагменте того же эпизода, крайне драматическом для героя, Дмитрий, по сути, является лицом второго плана. Центр эпизода – госпожа Хохлакова, комическая старуха по театральному амплуа. Госпожа Хохлакова не так проста, как кажется, ее функция далеко не ограничивается полемическими задачами писателя. С помощью ее действий образована двойная сюжетная конструкция, обнажающая повествовательную технику Достоевского. Пародийная природа персонажа использована здесь для введения своего рода сюжетной автопародии. В результате выстраивается «просвечивающая» повествовательная структура с далеко не комической функцией.

Прокомментируем следующий фрагмент.

Пообещав помочь («...эти три тысячи все равно что у вас в кармане, и не три тысячи, а три миллиона <...> в самое короткое время!» (Достоевский, 1976, т. 14, с. 349)), Хохлакова затевает разговор о золотых приисках в Сибири, куда Дмитрий должен незамедлительно поехать и там-то обогатиться. Он не сразу понимает, что Хохлакова не собирается давать ему деньги, и разговор о приисках поддерживает из вежливости, что дается ему с трудом¹³.

Вопрос: едете вы на прииски или нет, решились ли вы вполне, отвечайте *математически*. – Еду, сударыня, потом... Я поеду, куда хотите, сударыня, но теперь... – Подождите же! – крикнула госпожа Хохлакова, вскочила и бросилась к своему великолепному *бюро* с бесчисленными *ящичками* и начала *выдвигать один ящик за другим*, что-то отыскивая и ужасно торопясь. – «*Три тысячи!* – подумал, замирая, Митя, – и это сейчас, безо всяких бумаг, без акта...» – Вот! – вскрикнула в радости госпожа Хохлакова, возвращаясь к Мите, – вот что я искала! – Это был крошечный *серебряный образок на шнурке*, из тех, какие *носят иногда вместе с нательным крестом*. <...> – *Позвольте мне самой вам надеть на шею и тем благословить вас на новую жизнь и на новые подвиги*. – И она действительно накинула ему образок на шею и стала было вправлять его. <...> – Вот теперь вы можете ехать! – произнесла госпожа Хохлакова, торжественно сядя опять на место. <...> – Сударыня, – вскочил наконец Митя, складывая пред ней руки ладонями в бессильной мольбе, – вы меня заставьте заплакать, сударыня, если будете откладывать то, что так великодушно... – И поплачьте, Дмитрий Федорович, поплачьте! Это прекрасные чувства... *вам предстоит такой путь!* Слезы облегчат вас, потом возвратитесь и будете радоваться. Нарочно *прискачете ко мне из Сибири, чтобы со мной порадоваться...* (Достоевский, 1976, т. 14, с. 349–350).

Аллюзии в фарсовом ключе высвечивают неожиданно «провидческую» роль госпожи Хохлаковой относительно Сибири и тяжелого пути, который, однако, приведет к воскресению. Провидческими способностями относительно Дмитрия до этого обладал лишь Зосима. Выясняется, что это не так: «...что бы вы ни сказали, я все знаю наперед. Я давно взяла вашу судьбу в соображение, Дмитрий Федорович, я слежу за нею и изучаю ее» (Достоевский, 1976, т. 14, с. 347). Фраза двусмысленна еще и потому, что частотное у Достоевского слово *математически*

¹³ Ниже курсивом выделены фрагменты, которые будут прокомментированы далее.

всегда маркирует героев-рационалистов, уверенных в своей идее по расчету. Кроме провидения, здесь угадывается, будто проступает другая решающая встреча – Раскольникова и Сони – благословение на крестный путь. В то же время некоторые детали указывают и на другую пару – Раскольников и процентщица (эпизод пробы, в котором Раскольников с замиранием сердца слушает, как старуха отпирает комод и выдвигает ящики, а позже и сам проделывает это в надежде найти деньги). Комод стилистически заменен здесь на бюро, более подходящее даме. В этом эпизоде, кроме того, отсылка к убийству процентщицы дана почти буквально. Серебряный образок фигурирует в разговоре с Соней. Если в эпизоде убийства упоминается старухин финифтяный образок: его вместе с кипарисным и медным крестами на шнурке видит Раскольников на мертвой старухе, то в эпизоде передачи креста, когда Соня рассказывает о том, что отдала Лизавете свой образок и взяла ее медный крестик, Раскольников говорит: «Я знаю тоже подобных два креста, *серебряный* и образок. Я их сбросил тогда старушонке на грудь» (Достоевский, 1974, т. 6, с. 402).

Не менее интересны и три тысячи, вокруг которых завязывается убийство в «Братьях Карамазовых». Три тысячи – центральная денежная сумма и в «Преступлении и наказании», своего рода лейтмотив. Марфа Петровна, Свидригайлов, Разумихин, Дуня, Лужин прямо связаны с этой суммой. Три тысячи как дьявольское искушение, рационалистическая идея преуспевания, средство манипуляции волей другого, этический выкуп за совершенное преступление, мгновенное и чудесное освобождение от нужды – словом, средство, позволяющее начать новую жизнь. Эти смысловые вариации связывают всех без исключения героев. Подвести значение трех тысяч под один знаменатель вряд ли возможно. Общим условием является только их внезапное появление в жизни персонажа, способность нарушить ее порядок, иллюзия управления этим самым порядком вещей¹⁴.

Расщепление сюжетной ситуации в разнонаправленных проекциях – комическая ситуация неудачной попытки Дмитрия занять деньги у Хохлаковой насыщается драматическими элементами событий, связанных с Раскольниковым, и в неявном виде высвечивает смысл всеохватывающего и многомерного сюжета преступления, аллегорично отсылающего читателя к предшествующим произведениям. Благодаря совмещению элементов из разных сюжетных ситуаций – комической и драматической – стилистически разные, но семантически синонимичные элементы сюжетной ситуации образуют общий топос вариантов в границах общего поля романов Достоевского. В данном случае сюжетное автопародирование становится тем приемом, который позволяет запустить этот механизм и совместить несовместимое.

Список литературы

Белова А. В. Салтыков-Щедрин и женский вопрос в России XIX века // Щедринский сборник: Сб. ст. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та дизайна и технологии, 2016. Вып. 5. С. 211–220.

Борщевский С. С. Щедрин и Достоевский: история их идейной борьбы. М.: Гослитиздат, 1956. 392 с.

Ветловская В. Е. Комментарий // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, Т. 15. 1976. С. 393–619.

¹⁴ См. подробнее: [Печерская, 2017].

Долинин А. С. Тургенев в «Бесах» // Долинин А. С. Достоевский и другие: статьи и исследования о русской классической литературе. Л.: Худож. лит., 1989. С. 163–187.

Кийко Е. И. Комментарий // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 15. С. 487–513.

Никольский Ю. Н. Тургенев и Достоевский (история одной вражды). София: Рос.-болг. книгоизд-во, 1921. 108 с.

Печерская Т. И. Заклад Достоевского: три тысячи в романе «Преступление и наказание» // Критика и семиотика. 2017. № 2. С. 97–108.

Рак В. Д. Достоевский и Салтыков-Щедрин в 1876 году // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2007. Т. 18. С. 102–114.

Рейфман П. С., Климова Д. М. Комментарий // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. лит., 1972. Т. 13. С. 774–776.

Строганова Е. Н. Роман М. Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия». Диалог с современниками и предшественниками. М.: Наука, 2017. 200 с.

Туниманов В. А. Достоевский и Салтыков-Щедрин (1856–1863) // Туниманов В. А. Лабиринт сцеплений: избранные статьи / В. А. Туниманов, С. Н. Гуськов (отв. ред.); сост. Н. Л. Сухачев; вступ. ст. Н. Л. Сухачева, М. В. Отрадина. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. С. 92–113.

Список источников

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. лит., 1965–1977.

References

Belova A. V. Saltykov-Shchedrin i zhenskiy vopros v Rossii 19 veka [Saltykov-Shchedrin and the women's question in Russia of the 19th century]. In: *Shchedrinskiy sbornik: sbornik statey*. [Shchedrin collection: collection of articles]. Moscow, Izd. Mosk. gos. univ. dizayna i tekhnologii., 2016, iss. 5, pp. 211–220.

Borshchevskiy S. S. *Shchedrin i Dostoevskiy: Istoriya ikh ideynoy bor'by* [Shchedrin and Dostoevsky: the history of their ideological struggle]. Moscow, Goslitizdat, 1956, 392 p.

Dolinin A. S. Turgenev v "Besakh" [Turgenev in "The Devils"]. In: Dolinin A. S. *Dostoevskiy i drugie: stat'i i issledovaniya o russkoy klassicheskoy literature* [Dostoevsky and others: articles and research on Russian classical literature]. Leningrad, Khudozh. lit., 1989, pp. 163–187.

Kiyko E. I. Kommentariy [Commentary]. In: Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [The complete works: in 30 vols.], Leningrad, Nauka, 1976, vol. 15, pp. 487–513.

Nikol'skiy Yu. N. *Turgenev i Dostoevskiy: (istoriya odnoy vrazhdy)* [Turgenev and Dostoevsky: (the story of one animosity)]. Sofiya, Ros.-bolg. Knigoizd, 1921, 108 p.

Pecherskaya T. I. Zaklad Dostoevskogo: tri tysyachi v romane "Prestuplenie i nakazanie" [Dostoyevsky's pawn: three thousand at the novel "Crime and Punishment"]. *Critique and Semiotics*. 2017, no. 2, pp. 97–108.

Rak V. D. Dostoevskiy i Saltykov-Shchedrin v 1876 godu [Dostoevsky and Saltykov-Shchedrin in 1876]. In: *Dostoevskiy. Materialy i Issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Research]. St. Petersburg, Nauka, 2007, vol. 18, pp. 102–114.

Reyfmán P. S., Klimova D. M. Kommentariy [Commentary]. In: Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochineniy: v 20 t.* [Collected works: in 20 vols.]. Moscow, Khudozh. lit., 1972, vol. 13, pp. 774–776.

Stroganova E. N. *Roman M. E. Saltykova-Shchedrina "Sovremennaya idilliya". Dialog s sovremennikami i predshestvennikami* [The novel by M. E. Saltykov-Shchedrin "Modern idyll". Dialogue with contemporaries and predecessors]. Moscow, Nauka, 2017, 200 p.

Tunimanov V. A. Dostoevskiy i Saltykov-Shchedrin (1856–1863) [Dostoevsky and Saltykov-Shchedrin (1856–1863)]. Tunimanov V. A. *Labirint stsepleny: izbrannye stat'i* [Labyrinth of clutches: selected essays]. V. A. Tumanov, S. N. Gus'kov (Eds.), N. L. Sukhachev (Comp.), N. L. Sukhacheva, M. V. Otradina (Introd. art). St. Petersburg, Pushkinskiy dom, 2013, pp. 92–113.

Vetlovskaya V. E. Kommentariy [Commentary]. In: Dostoevskiy F. M. *Poln. sobr. soch.: V 30 t.* [Complete works: In 30 vols.]. Leningrad, Nauka, 1976, vol. 15, pp. 393–619.

List of sources

Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [The complete works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka, 1972–1990.

Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochineniy: v 20 t.* [Collected works: in 20 vols.]. Moscow, Khudozh. lit., 1965–1977, 1965–1977.

Информация об авторе

Татьяна Ивановна Печерская, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Tatyana I. Pecherskaya, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Russian and Foreign Literature, Literary Theory and Methods of the Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 07.12.2022;

одобрена после рецензирования 25.01.2023; принята к публикации 25.01.2023

The article was submitted on 07.12.2022;

approved after reviewing on 25.01.2023; accepted for publication on 25.01.2023

Научная статья

УДК 821. 161.1

DOI 10.17223/18137083/83/7

**Образ Марины Мнишек
в исторической репрезентации Д. Иловайского
и поэтике М. Цветаевой: от исторических штудий
к персональному мифу**

Светлана Юрьевна Корниенко

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

sve-kornienko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1256-683X>

Аннотация

Статья посвящена генеалогическим исследованиям Марины Цветаевой, значению в конструировании ею образа Марины Мнишек трудов ее сводного деда – известного историка Д. И. Иловайского (1933), чьему образу она делегирует немало личностных черт: свободу от партий и тенденций, радикальный индивидуализм и идеализм, неукорененность в физическом мире вплоть до трансгрессии. Историческое письмо Иловайского становится для нее чрезвычайно привлекательным: обилие каузальных конструкций, резко расширяющих область фантазийного и допустимого, обилие живописных деталей и побочных сюжетов в исторических трактатах Иловайского вполне корреспондируют со «словесным гомеризмом» (безмерностью) самой Цветаевой.

Ключевые слова

Цветаева, Иловайский, самозванство, Марина Мнишек, авторская идентичность, персональный миф

Для цитирования

Корниенко С. Ю. Образ Марины Мнишек в исторической репрезентации Д. Иловайского и поэтике М. Цветаевой: от исторических штудий к персональному мифу // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 85–97. DOI 10.17223/18137083/83/7

© Корниенко С. Ю., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 85–97
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 85–97

**The image of Marina Mnischech
in the historical representation of Dmitry Ilovaysky
and the poetics of Marina Tsvetaeva:
from historical studies to personal myth**

Svetlana Yu. Kornienko

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

sve-kornienko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1256-683X>

Abstract

This paper investigates the genealogical research by Marina Tsvetaeva. The focus is on how the works of her step-grandfather, the famous historian Dmitry Ivanovich Ilovaysky, contributed to Tsvetaeva's image of Marina Mnischech. Tsvetaeva's lyric poetry reveals her passion for her Polish genealogy, with an ekphrastic portrait of her Polish grandmother reflecting the Polish cultural stereotype: aristocratism and musicality, Polish pride, and a tendency to revolt. Studying the cultural background is essential for understanding Tsvetaeva's historical texts, for example, her step-grandfather's textbooks, which she claimed to learn history from. His image is embodied in the essay "The House at the Old Pimen" (1933). Tsvetaeva delegates many personal traits to "grandfather Ilovaysky": freedom from parties and trends, radical individualism and idealism, and unrootedness in the physical world, up to and including transgression. The same essay points to an artifact, Ilovaysky's book, which she keeps in her émigré library. The work by Ilovaysky depicts Marina Mnischech in the spirit of tendencies characteristic of the conservative historical narrative. When young, Tsvetaeva was far from the political views of her grandfather. However, it is his historical way of writing that becomes extremely attractive to her. The abundant causal constructions dramatically expanding the realm of fantasy and permissible and plenty of pictorial details and side plots in historical treatises by Ilovaysky fully correspond with the "verbal homerism" of Tsvetaeva herself.

Keywords

Tsvetaeva, Ilovaysky, imposture, Marina Mnischech, author's identity, personal myth, metapoetics

For citation

Kornienko S. Yu. The image of Marina Mnischech in the historical representation of Dmitry Ilovaysky and the poetics of Marina Tsvetaeva: from historical studies to personal myth. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 85–97. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/7

В мифотворческих и житнетворческих практиках модерна большую роль играют генеалогические исследования, позволяющие художнику артикулировать параметры собственной поэтической идентичности. Нередко для таких построений художнику необходимо выйти за границы собственного рода и подвергнуть своеобразной поэтической «колонизации» (буквально – освоению и присвоению) чужие поэтические души. Такой универсальной «душой», идеальным (модельным) поэтом, в которого модернисты вчитывали собственную творческую личность, абсолютно естественно стал А. С. Пушкин, чья протеическая природа способствовала подобным операциям. Взяв за основу популярный среди модернистов ориентальный вектор пушкинской генеалогии («Пушкин – русский поэт-негр»), М. И. Цветаева выводит из него базовые аспекты собственной версии поэтического мифа, в котором – в антитезу аполлоническому Пушкину – поэт артикулирует

дионисийскую составляющую («страстность», «дикость», «неистовость», «бунташность» и пр.). Ту же роль, что в пушкинском случае выполняла африканская генеалогия (иноприродность / «заморскость» гения)¹, в метапоэтических построениях Цветаевой начинает играть польская идентичность.

В нашей статье будет установлен контекст цветаевского детского чтения, определивший как параметры ее польского мифа, так и облик некоторых возводимых к этому мифу литературных персонажей – бесчисленных цветаевских самозванцев лирики 1916–1921 гг. Другая составляющая авторских исторических познаний о польско-русских взаимоотношениях и бурных временах Смуты, попавшая в область нашего исследовательского интереса, – современный ей школьный канон (учебники так называемых «либеральных гимназий», указанные и демонстративно отвергаемые цветаевской автобиографической героиней). Обращение к реальному, нередко стихийному кругу чтения² юной Цветаевой, принятым и отринутым текстам дает сложную картину читательских предпочтений и стратегий, принципов конвертации исторического факта в художественный текст.

В цветаевской лирике 1910–1920-х гг. увлеченность собственной польской генеалогией найдет лишь косвенное отражение в исторических штудиях, связанных с историей семьи. Польско-немецкое происхождение матери – Марии Александровны Цветаевой (в девичестве Мейн) – стало для Цветаевой благодатной почвой как для генеалогических изысканий, так и для формулирования констант собственного персонального мифа, позднее отлитых в максимы в записной книжке 1933 / 1934 гг.:

Иногда прадед с правнуком говорят по прямому проводу, вне промежуточной инстанции (станции, стоянки) родителей.

От деда Александра Даниловича Мейна у меня педантизм и деспотизм (просвещенный).

От Марии Лукиничны Бернацкой польский нос и мятеж.

От матери Марии Александровны Цветаевой все это, усугубленное, + «мужицкие вкусы» от кормилицы.

От отца И. В. Цветаева – воловья жила (труда и тьфу! тьфу! здоровья) и крайний демократизм *тела*.

—
От самой себя – ? – (Цветаева, 2001, с. 419)³.

¹ Ср. с «иномирными» образами других значимых поэтов в текстах Цветаевой: Кузмин – «француз с Мартиники – XVIII-го», Бальмонт – «заморский гость» и пр. Сюжет конвертации «прозы жизни» воображаемых предков в «поэзию слова» их последнего потомка (поэта) – тема М. Кузмина (стихотворение «Мои предки» открывает его первую книгу стихов «Сети», 1908).

² См. характеристику цветаевского письма и страстного чтения в письме ее отца И. В. Цветаева к А. А. Иловойской, жене историка Д. И. Иловайского: «Муся же пишет и по-русски правильнее и литературнее 5–6-классников в гимназиях. Экия дарования Господь ей дал! И на что они ей! После они могут принести ей больше вреда, чем пользы. **Любознательность в чтении у нее так велика**, что в пансионе должны были бороться, особенно когда окулист дал ей страшные очки и сказал, что у нее такая галопирующая близорукость, которая может к 20 годам кончиться и... слепотою» [Жупикова, 2015, с. 46]. Письмо от 26 июня 1903 г. Здесь полужирный шрифт в цитатах наш. – С. К.

³ Здесь и далее полужирный шрифт наш, курсив Цветаевой. – С. К.

Портрет упомянутой «мятежной» польской бабушки висел в доме Цветаевых в Трехпрудном переулке. Экфразистическое представление именно этого портрета найдет отражение в стихотворении «Бабушке» (1914), в «продолговатый и твердый овал» которого Цветаева максимально впишет польский культурный стереотип: аристократизм и музыкальность («руки, которые в залах дворца / Вальсы Шопена играли»), специфически польскую гордыню – *gonog* («ледяное лицо», «темный, прямой и взыскательный взгляд», «надменные губы») ⁴ и, наконец, «...этот жестокий мятеж / в сердце моем», образующий связь молчаливой польской бабушки с ее поэтической наследницей.

Формулу самопрезентации, отлитую в стихотворении «Бабушке», Цветаева будет неоднократно воспроизводить в текстах разных дискурсивных установок. Существенной составляющей этой формулы («мятеж в сердце») станет генеалогическая привязка. В письме к В. В. Розанову, написанном в том же году, что и стихотворение, ближайшим носителем мятежности как печати рода называется мать: «Ее измученная душа живет в нас, – только мы открываем то, что она скрывала. Ее мятеж, ее безумие, ее жажда дошли в нас до крика» (Цветаева, 2012, с. 181). В письме другому адресату – С. М. Волконскому – в формуле самоописания («жестокий мятеж в сердце») акцентируется ранее имплицитная польская составляющая: «Но как вы – сразу – легкой оговоркой – усмиряете весь мой польский мятеж еще до вспышки» (Цветаева, 2012, с. 390) ⁵.

Поэтическая фантазия, выстроенная вокруг образа, в эстетических построениях Цветаевой нередко опережает исторические изыскания. Молодая Цветаева лично не знала своих польских предков. «Юная бабушка», Мария Бернацкая, чей портрет был воспет в стихотворении 1914 г., умерла через три недели после рождения дочери – Марии Мейн, будущей матери поэта. Тема польских предков была во многом фантазийна, вплоть до 1933–1934 гг., когда Цветаева неожиданно знакомится со своими «польскими бабушками», что становится импульсом для изучения подлинной, а не воображаемой истории собственной семьи. Во время встречи с родственниками Цветаева узнает подробности участия своей бабушки в восстании Костюшко, что найдет отражение в письме Вере Буниной от 28 августа 1933 г.:

Да! Было у меня на днях разочарование: должна была ехать с С. М. Волконским к своим бабушкам-полячкам, п. ч. оказывается – он одну из них: 84-летнюю! девятилетним мальчиком венчал – с родным братом моей бабушки. (Эта старушка жена брата моей бабушки.) <...> Но, узнав что *моя бабушка 12 лет* вместе с сестрами 14-ти и 16-ти **во время польского восстания в Варшаве прятала повстанческое оружие** (прадед был на рус-

⁴ Тартуская исследовательница И. Рудик обращает внимание на расхождение аксиологии в польской и русской картинах мира: «Гордыня или “гонор” – стереотипная черта поляков в восприятии русских. Сначала гордыня и заносчивость приписывались шляхтичам, в дальнейшем эти признаки были перенесены на всю польскую нацию. Цветаева делает намек на “польский гонор” еще в стихотворении “Бабушке” (ср. холодность и надменность героини). В польском языке “гонор” – лексема с положительными коннотациями и означает “честь, достоинство”. Это слово, пришедшее из латыни (*honor*), сохранило свое исходное значение, например, во французском и английском языках, тогда как в русском языке в лексеме “гонор” заложена негативная коннотация» [Рудик, 2014, с. 130].

⁵ Письмо от 28 марта 1921 г. Этот текст будет переписан Цветаевой в беловую творческую тетрадь, что, безусловно, подчеркивает значимость образов и идей, в нем отраженных (Цветаева, 1997а, с. 14).

ской службе и обожал Николая I), **узнав себя – в них**, их в себе – утешилась и в С<ергее> М<ихайловиче> и во всем другом. Об этом, Вера, только Вам. Это моя тайна (– с теми!) (Цветаева, 2016, с. 120).

В цветаевских текстах самой разной эстетической природы облик исторической самозванки, возможно, самой знаменитой полячки в русской истории, также несет след генеалогических изысканий, связанных с параметрами собственной «польскости». Цветаева, как широко известно, была убеждена и неоднократно транслировала через тексты самой различной природы, что была названа матерью в честь знаменитой спутницы трех исторических самозванцев, самой знаменитой польской мятежницы – Марины Мнишек. В большинстве исследований, посвященных польской теме и образу Марины Мнишек в поэзии Цветаевой (см. [Мейкин, 1997; Шевеленко, 2002; Рудик, 2014; Орловский, 2016] и др.), отмечается контристоричность и даже антиисторичность ее эстетической позиции, что, безусловно, легко объясняется приоритетом художественных задач и выбранной ею лирической формой высказывания. Известная исследовательница творчества Цветаевой И. Шевеленко отмечает, что «...узнаваемый исторический сюжет – история Лжедмитрия и Марины Мнишек – используется Цветаевой вовсе не для исторических ассоциаций. В истории ее интересует то, что можно деисторизовать, универсализировать: характеры героев. Разумеется, прежде чем стать интересными автору, характеры эти “доводятся” до эпической очерченности...» [Шевеленко, 2002, с. 115–116].

Традиция подобного прочтения была заложена в классической работе М. Мейкина, справедливо указавшего в качестве «сильного текста», по отношению к которому Цветаева выстраивает свою версию самозваного сюжета, пушкинского «Бориса Годунова», чья историософская и историческая концепция опирается, в свою очередь, на «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина. Американский исследователь представляет образ Марины Мнишек в развитии – от стихотворений 1916 г., позднее вошедших в книгу стихов «Версты. Вып. 1» (1922) до «Ремесла», включающего цикл «Марина» (1921), с аллюзиями к теме революции и Гражданской войны (В. Швейцер), а также ассоциированностью со «Стихами к Блоку» (И. Кудрова). Особенностью прочтения Цветаевой этой темы – на фоне сложившегося литературного канона (К. Ф. Рылеев, А. С. Пушкин, А. К. Толстой) является, по его мнению, «антиисторическое (или неисторическое) прочтение унаследованных источников» [Мейкин, 1997, с. 153], первейшими из которых по праву «сильных текстов» являются пушкинская и карамзинская интерпретации.

Однако верификация такого консенсусного в цветаеведении вывода через другие вероятностные исторические источники, осмысление сложившихся к началу XX в. историографических и исторических нарративов, описывающих бурное Смутное время, дает более сложные и многомерные результаты. Немалое значение в этом осмыслении играет понимание культурной среды, в которой росла Цветаева. В частности, ее сводным дедом⁶ был известный российский историк Д. И. Иловайский, автор популярных учебников по российской истории, по которым, как неоднократно подчеркивала сама Марина Цветаева в текстах разной природы, она изучала историю. Образ знаменитого деда будет облачен в привлекающий ее культурный архетип «дон-кихота», заблудившегося во времени и пре-

⁶ Дмитрий Иловайский был отцом В. Д. Иловайской, первой жены И. В. Цветаева, а также родным дедом старшего брата и сестры поэта – Андрея и Валерии.

вращенного в анахронизм благородного чудака (этот же культурный тип с некоторыми коннотациями – С. Волконский в эссе «Кедр», Дж. Казанова в пьесе «Феникс», М. Кузмин в обращенном к нему письме и эссе «Нездешний вечер»). В некотором смысле анахронизм своих любимых героев (Дж. Казановы, Д. Иловайского, С. Волконского) Цветаева осмысляет в логике своей ахронности, ведущей к единственности / эксклюзивности, трагическому несовпадению во времени с воображаемым идеальным читателем, который ждет ее в будущем, через гипнотические и превышающие пределы человеческой жизни «100 лет»⁷. В эссе «Дом у Старого Пимена» (1933) художественность «живой истории» по Иловайскому парадоксально противопоставляется тенденциозности исторических нарративов «либеральных гимназий»⁸:

Один вопрос нам с Асей, впрочем, прибавился, даже целых два. «В гимназии учишься?» – «Да». – «По какому учебнику?» – «По Виноградову». (Вариант: Випперу.) Недовольное: «Гмм...» Но Иловайский мне на экзаменах послужил, и не раз. Однажды, раскрыв его учебник, я попала глазами на следующее, внизу страницы, булавочным шрифтом, примечание: «Митридат в Понтийских болотах потерял семь слонов и один глаз»⁹. Глаз – понравился. Потерянный, а – остался! Утверждаю, что этот глаз – художественен! Ибо что же все художество, как не находенье потерянных вещей, не увековечение – утрат?

Стала читать дальше, – и раньше, и после, и древнюю, и среднюю, и новую, и вскоре убедилась, что всё, что он пишет – вижу, что у него всё – *глаз*, тогда как неизбывная «борьба классов» наших Потоцких, Алферовских и т. д. либеральных гимназий – совсем без глаз, без лиц, только кучи народа – и все дерутся. Что тут *живые* лица, живые цари и царицы – и не

⁷ См. один из многочисленных примеров такой хронометрии, совпадающей, кстати, с обычным циклом канонизации, окончательным закреплением поэта в пантеоне классиков: «И – главное – я ведь знаю, как меня будут любить (читать – что!) через сто лет!» (Цветаева, 2013, с. 77) (Письмо О. Е. Колбасьиной-Черновой от 17 октября 1924 г.).

⁸ Эссе «Дом у Старого Пимена» тяжело проходило горнило предпечатной подготовки в журнале «Современные записки». В переписке с редактором Рудневым обсуждалась репутация ее сводного деда (редактор отмечает, что проблема с публикацией очерка связана не столько с «одиозностью» ее персонажа, сколько с малой значительностью, настаивая на смещении акцентов с личности историка на «описание старого московского интеллигентского быта»). Цветаева услышит пожелание редактора, заменив первоначальное название произведения «Дедушка Иловайский», но сохранив при этом многомерную сложность – вплоть до пугающей монструозности – своего героя: «Очень рада, что мой Иловайский Вас не утратил, т. е. м. б. и утратил, но иначе. (Он, по-моему, *должен* утрачивать, и мой, семейный, еще больше, чем тот, общественный)» (Марина Цветаева... 2005, с. 30–31).

⁹ Прямая отсылка в цветаевском тексте к учебнику Древней истории (примечание «булавочным шрифтом») ведет читателя в никуда. У Иловайского понтийский царь Митридат первый раз упоминается, действительно, в примечании, но совершенно в другом контексте (разделы «Помпеи и Красс», «Сулла»). А вот эффектные детали – потерянный в болотах, но не в Понтийских, а в тосканских («по долине Арно, затопленной весенним разливом»), глаз – «от вредных испарений и ночного бдения», а также беспрерывно падающие в альпийские пропасти неисчислимыя слоны связаны с совершенно другим героем, жившим в другую эпоху, – великим карфагенянином полководцем Ганнибалом и его походом в Италию [Древняя история, 1867, с. 227–228]. Понтийские болота близ Аппиевой дороги, ведущей в Рим, образовались в самом начале I в. н. э., уже после смерти как Ганнибала (247–183 гг. до н. э.), так и Митридата (132–63 гг. до н. э.).

только цари: и монахи, и пройдохи, и разбойники!.. «Вы отлично подготовлены. По каким источникам вы готовились?» – «По Иловайскому». Либеральный педагог, ушам не веря: «Как? Но ведь его учебники совершенно устарели! (Пауза, наполненная всяческими размышлениями). Во всяком случае, вы прекрасно осведомлены. И, несмотря на некоторую односторонность освещения, я вам ставлю...» – «Пять», – мысленно подсказываю я. Эту шутку я повторяла в каждой гимназии, куда поступала, а поступала я постоянно. Так, столь ненавистный стольким школьным поколениям «Иловайский» – источник не одной моей, школьницы либеральных времен, пятерки (Цветаева, 1997б, т. 5, кн. 1, с. 109).

В учебнике Р. Виппера, скептически оцененном Иловайским – героем цветаевского эссе, культура допетровской Руси рассматривается в синхронии с культурами Европы (такой же компаративистский подход представлен в трудах упомянутого Цветаевой П. Виноградова). Основной проблемой, препятствующей синхронному описанию исторических процессов, является, по мнению этих ученых, догоняющий тип русской цивилизации: замедление исторических процессов, источником которого стали «нашествия варваров» (монголо-татарское иго) и модель правления Ивана IV. В частности, Виппер указывает, что явления, аналогичные западной Реформации XVI в., наступают в России лишь в середине XVII в.; смена абсолютизма демократией в России запаздывает, сравнительно с Западом, «на 100–150 лет» [Виппер, 1928, с. 4]¹⁰. События конца XVI – начала XVII в. рассматриваются в главе «Век Реформации», причем главными причинами смут, охвативших русское государство, называются Ливонская война и «беспокойная опричнина», подорвавшая ткань государства, а также процесс закрепощения крестьян [Там же, с. 115–117]. В логике известного историка самозванство, возникшее в донских степях и на землях Украины, становится реваншем – ответом вытесненной опричниной за пределы собственного государства подлинной Руси – на произвол боярства: «С прекращением династии Рюриковичей казачество и Украина стали выдвигать своего царя, “народного”, в противоположность московскому, боярскому» [Там же, с. 117].

Для исторического письма Р. Виппера характерен концептуально-прогрессивистский (позитивистский) подход и стилистическая сдержанность: ход истории рассматривается в контексте смены формаций и стадий развития государства и общества (Средневековье – Реформация – Просвещенная монархия – Демократия / Конституционная монархия). При таком доктринальном подходе личная история или какие-либо детали приобретают значение, когда непосредственно влияют на смену общественных формаций. Любопытно, что и либеральный ученый Виппер, и ультраконсервативный Иловайский отмечают важность процессов неудачной Реформации в соседней Речи Посполитой, пусть и противоположно оценивая этот исторический процесс.

Исторический антураж сценки со сдачей экзамена необходимо прояснить. Трюк с произнесением имени ультраправого Иловайского в стенах «либеральных гимназий»¹¹ показывает отнюдь не партийную закреплённость ее позиции (гим-

¹⁰ Эмигрантское переиздание популярного дореволюционного учебника.

¹¹ В письме редактору В. Рудневу Цветаева проговаривает словесные триггеры, представленные в эссе, среди которых самим автором отмечаются «либеральные гимназии»: «Не понимаю политического подхода Милюкова к явлению, данному явно в области жизненной, человеческой и даже мистической. (Ведь мой Иловайский – жуток! Эту жуть,

назистка Цветаева, как известно, грезил революцией и мечтала умереть за русскую конституцию), а скорее демонстрирует отношение юного поэта к носителям символической власти, идеологическому давлению, усиленному сюжетной ситуацией экзамена. Поэт, намного опередивший свое время, конструирует образ знаменитого, но «совершенно устаревшего» сложноустроенного деда, максимально проявляя в его портрете собственные черты: свободу от легитимных партий и тенденций, неприятие жестких политических и идеологических конвенций, радикальный индивидуализм и идеализм, неукорененность в физическом мире вплоть до трансгрессии: «Иловайский же, кроме любви к России, знаменуемой для него ненавистью к инородцам, любви к монархии вплоть до суда над монархом, ничего не знал и не хотел знать» (Цветаева, 1997б, т. 5, кн. 1, с. 121).

В этом же эссе Цветаева указывает на артефакт, проверить подлинность которого пока не представляется возможным: «...есть у меня на память о нем, с собой, его книга о моей соименнице, а отчасти соплеменнице Марине, в честь которой меня и назвала мать» [Цветаева, 1997б, т. 5, кн. 1, с. 136]¹². Однако библиография Дм. Иловайского не содержит ни отдельной монографии, ни даже статьи, посвященной знаменитой неистовой полячке. Но именно эта фикциональная отсылка позволяет с большим вниманием отнестись к профилю образа Марины Мнишек в исполнении именно этого историка.

В многотомной «Истории России» Иловайского, которую усердно штудировала Цветаева-гимназистка, события Смутного времени представлены достаточно подробно, занимая изрядную часть пятого тома. Фигура Марины Мнишек осмысливается Иловайским в духе тенденции, характерной для ультраконсервативного исторического нарратива. Современный историк А. В. Юдин в фундаментальной статье «Марина Мнишек глазами русских историков XVIII – начала XX века» указывает на эпизодичность образа Марины Мнишек в трудах Иловайского, а также характерность представления этого персонажа в консервативном дискурсе, где главные причины Смуты объяснялись интригами «чужих» (поляков и католиков). В такой логике «Марина казалась не более, чем жалким орудием в руках заклятых врагов Москвы» [Юдин, 2016, с. 85], – отмечает Юдин, подчеркивая, что

в истории его жен и детей, в их смертях – усилию.) Очень жду Вашего ответа. Если были бы маленькие, чисто-словесные, загвоздки (там есть одно место насчет “либеральных гимназий”) – отметьте сразу, если дело в словах и этих слов немного – пошла бы на уступки. Но на *мой* взгляд – все приемлемо, если только не оттолкнет *имя*, которого ни изменить, ни заменить не могу» (Марина Цветаева..., 2005, с. 29). См. образ «либеральных гимназий» в письме Вере Буниной: «Не бойтесь, ни Надю, ни Олю не дам и не давала *затворницами*. Есть хуже затвора, по себе знаю, когда училась в “либеральных” интернатах: “Можешь дойти до писчебумажного магазина “Надежда” но *не дальше*”. Я эти полу-, четверть-свободы! – ненавидела! Дозволенные удовольствия, даже – соизволенные. “Поднадзорное танцевание”...» (Цветаева, 2016, с. 116).

¹² Возможно, речь идет о книге из библиотеки Дм. Иловайского, ему принадлежавшей, но не им написанной. Контекст высказывания, впрочем, скорее говорит о втором. В эссе «Дом у Старого Пимена» Цветаева называет две детские книги из библиотеки Иловайских, подаренные Марине и Асе второй женой историка – А. А. Иловайской. Этот факт верифицируется письмом девочки-Цветаевой, в котором она благодарит Александру Александ ровну за один из подобных подарков: «Какая это прекрасная книга, как дивно сделаны рисунки! Мы страшно любим книги, и у нас скопилась порядочная библиотека. Ваша чудная книга доставила нам огромное удовольствие. Я как раз учу историю и “Царь Иоанн Грозный” пришелся мне как нельзя более кстати» ([Жупикова, 2015, с. 109]; письмо от 8 января 1906 г.).

ее образ не представляет особого интереса для сочинения Иловайского. По мнению исследователя, для консервативного пула историков характерен «патриархальный профиль» репрезентации этого образа, конвенции которого не предполагают какую-либо субъектность и личностную автономию исторического персонажа, если он является женщиной.

Обратимся непосредственно к источникам. В начале очерка Д. Иловайского «Смутное время Московского государства» феномен самозванства, ставший генератором невероятной «игры престолов» бурного первого десятилетия XVII в., прямо возводится к враждебной Речи Посполитой, ее польской и «ополяченной западнорусской аристократии». Иловайский утверждает, что анархическая среда соседней страны со «своевольным панством и хищным украинским казачеством» способствовала возникновению этого феномена, так как Речь Посполитая уже имела опыты «выставлять самозванцев для соседей» [Смутное время..., 1894, с. 2]. Удачность трансплантации явления – буквального «заражения» самозванством русских земель – в консервативно-охранительной логике связана с одновременно флюидным и фронтирным характером Западной Руси, органически близкой Московии, но подверженной внешним неблагоприятным влияниям.

В образе самого первого самозванца Иловайский также подчеркивает религиозную флюидность (его идентичность конструируется в поле напряжений между православием, католицизмом, протестантством и арианством), а также авантюрный строй личности:

Кто был первый самозванец, принявший на себя имя царевича Димитрия, может быть, со временем объяснится какою-нибудь счастливою находкою, а может быть, навсегда останется тайною для истории. <...> Можем только заключить, что, по разным признакам, **это был уроженец Западной Руси и притом шляхетского происхождения. В какой религии он был воспитан, трудно сказать: может быть, в православной; а возможно, что он принадлежал к Реформации и даже к столь распространенному тогда в Литовской Руси арианству.** Во всяком случае, на историческую сцену молодой Самозванец выступил из среды бедного шляхетства, которое наполняло дворы богатых польских и западнорусских панов, нередко переходя на службу от одного из них к другому. **Это был хотя и легкомысленный, но несомненно даровитый, предприимчивый и храбрый человек, с сильно развитой фантазией и склонностью к романтическим приключениям** [Там же, с. 3].

Историк Иловайский отвергает карамзинско-пушкинскую генеалогию самозванца, его самозванец – точно не Григорий Отрепьев, названный в годуновских грамотах, происхождение героя исторического очерка – непосредственно дом Мнишеков за границами Московии, а не расположенный в абсолютном центре государства Чудов монастырь. Если общие охранительные конвенции, не предполагающие возможности самозарождения самозванства внутри Российского государства, вполне историком соблюдаются, то образ неистовой Марины всё же частично выходит за границы конвенций, предписываемых патриархальным дискурсом:

Сдается нам, что и самый толчок к столь отчаянному предприятию, самая мысль о самозванстве явилась у него не без связи с романтическими отношениями к Марине, дочери Сендомирского воеводы, у которого некоторое время он, по-видимому, находился на службе. **Возможно, что кокет-**

ливая, честолюбивая полька, руководимая старым интриганом-отцом, вскружив голову бедному шляхтичу, **сама внушила ему эту дерзкую мысль. Как бы то ни было**, сие столь обильное последствиями предприятие, по нашему крайнему разумению, получило свое таинственное начало в семье Мнишеков и было ведено с их стороны весьма ловко [Смутное время..., 1894, с. 3].

Этот фрагмент достаточно показателен. С одной стороны, Марина Мнишек ожидаемо предстает как орудие в руках «интригана-отца», с другой – Иловайский несколько выходит за границы консервативного дискурса, для которого характерна аксиоматичность мужского характера власти, акцентируя неординарный «честолюбивый» характер героини, а также способность внушать и доносить «дерзкие мысли». В его логике невозможно допущение самозванства как родовой «хронической болезни русского государства», причиной которой является абсолютность монархии, провоцирующая бесконечные покушения на «бессмертное родовое тело короля»¹³.

В пушкинском «Борисе Годунове» Марина Мнишек становится катализатором изначальных устремлений честолюбивого Григория Отрепьева: герой является к ней как подлинный царевич Димитрий, обнажая миметичность своей природы в порыве страсти и пароксизме любовного доверия. Напряженный диалог в знаменитой сцене у фонтана ведет к перерождению героя, к стиранию грани в шекспировском духе между «быть» и «казаться»¹⁴, окончательному снятию границы между ролью и статусом, положением и происхождением¹⁵, а само движение к московскому престолу обретает любовную мотивировку. Однако в исторической драме, и это существенно для пушкинской историософии, идея самозванства приходит в голову героя не в польском доме сендомирского воеводы, а непосредственно в русском Чудовом монастыре, тесно связанным с московским престолом и находившемся под особым покровительством рода Годуновых. В случае Иловайского исторический факт полностью подчиняется идеологическому паттерну, поэтому высокую роль в его дискурсе начинают играть метаконструкции условности и допустимости («сдается нам», «возможно», «как бы то ни было»), через которые продвигается идея об исключительно иностранной (польской) генеалогии этого исторического явления – опасной инфекции, занесенной извне, а не хронической болезни, возникшей в результате системного кризиса русского государства.

Свободолюбивая и эмансипированная юная Цветаева, желавшая «умереть за русскую конституцию», была бесконечно далека от политических взглядов своего экзотического деда. Однако именно его историческое письмо становится для нее чрезвычайно привлекательным: обилие метатекстовых конструкций, резко расширяющих область фантазийного и допустимого, обилие живописных деталей (в духе упомянутого в «Доме у Старого Пимена» «Митридата в Понтийских болотах», потерявшего «семь слонов и один глаз») и побочных сюжетов вполне корреспондируют со «словесным гомеризмом» (безмерностью) самой Цветаевой,

¹³ См. такое позиционирование в работе И. Калинина [2016, с. 442].

¹⁴ См. у Шекспира «Он грань хотел стереть меж тем, чем был и чем казался». В таком переводе эта цитата из шекспировской «Бури» (реплика Просперо) актуализирована в работе И. Калинина [2016, с. 448].

¹⁵ В исследовании И. Калинина эти черты указываются в качестве эстетической «подводки» к самозванству.

реализуемым ею уже в области художественного творчества. Вероятно, свойственная ей «безмерность в мире мер» побуждает автобиографическую героиню использовать учебник Иловайского в качестве подходящего «орудия», направленного против школьной догмы (физического воплощения «мира мер»).

Анархической поэтической душе Марины Цветаевой парадоксальным образом окажется близок образ прекрасной и неистовой соименницы, стихийный характер которой был ярко представлен в работе известного историка. Отмеченная автобиографической героиней в «Доме у Старого Пимена» «художественность» подачи исторического материала, свойственная историческому нарративу Иловайского, снимает творческую проблему трансплантации исторического образа в художественный текст, перевода языка исторической науки на язык поэтического высказывания. Однако все черты исторических персонажей – Лжедмитрия и Марины Мнишек, восходящие к польскому культурному стереотипу, усвоенные юным поэтом и негативно представленные консервативным историком: выраженная «инородность», «гордыня», «бунташный» и флюидный характер – в аксиологии Цветаевой радикально перечитываются (со сменой оценочных полюсов) и кладутся в основу собственной поэтической мифологии.

Список литературы

Виппер Р. Учебник истории. Новое время. Рига: Изд. Общ. Вальтере и Рапа, 1928. 473 с.

Древняя история. Составил Д. Иловайский. Изд. 6. Распространенное в объеме курсов средних учебных заведений. М.: Тип. Грачева и Коми, 1867. 342 с.

Жутикова Е. Ф. Иловайские и Цветаевы. М.: Новый хронограф, 2015. 256 с.

Калинин И. «Он грань хотел стереть меж тем, чем был и чем казался»: Рабы, самодержцы и самозванцы (диалектика власти) // НЛЮ. 2016. № 6. С. 441–464.

Мейкин М. Марина Цветаева: поэтика усвоения. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1997. 312 с.

Орловский Я. Польский миф в поэтическом мире М. Цветаевой. 2016 // URL: <https://www.chitalnya.ru/work/1642703/?ysclid=laouy1tgxe449142335> (дата обращения 10.10.2022).

Рудик И. Русская тема в сборнике Марины Цветаевой «Версты. Стихи. Выпуск 1» Tartu: Tartu Ülicoolu Kurjastus, 2014. 166 с.

Смутное время Московского государства. Соч. Д. Иловайского. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1894. 343 с.

Шевеленко И. Д. Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. М.: НЛЮ, 2002. 464 с.

Юдин А. В. Марина Мнишек глазами российских историков XVIII – начала XX века // Шаги. 2016. Т. 2, № 4. С. 60–95.

Список источников

Марина Цветаева. Вадим Руднев. Надеюсь – сговоримся легко. М.: Вагриус 2005. 208 с.

Цветаева М. И. Записные книжки: В 2 т. М.: Эллис Лак, 2001. Т. 2. 544 с.

Цветаева М. И. Письма. 1905–1923. М.: Эллис Лак, 2012. 792 с.

Цветаева М. И. Письма. 1924–1927. М.: Эллис Лак, 2013. 760 с.

Цветаева М. И. Письма. 1933–1936. М.: Эллис Лак, 2016. 816 с.

Цветаева М. И. Сводные тетради. М.: Эллис Лак, 1997а. 640 с.
Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. М.: Terra, 1997б.

References

- Drevnyaya istoriya* [Ancient history]. D. Ilovayskiy (Comp.). 6th ed. Produced for the secondary school courses. Moscow, Tip. Gracheva i Komi, 1867, 342 p.
- Kalinin I. “On gran’ khotel steret’ mezh tem, chem byl i chem kazalsya”: Raby, samodержzhtsy i samozvantsy (dialektika vlasti) [“He wanted to erase the line between what he was and what he seemed”: Slaves, autocrats and impostors (dialectics of power)]. *New Literary Observer*. 2016, no. 6, pp. 441–464.
- Meykin M. *Marina Tsvetaeva: poetika usvoeniya* [Marina Tsvetaeva: the poetics of assimilation]. Moscow, Dom-muzey Mariny Tsvetaevoy, 1997, 312 p.
- Orlovskiy Ya. *Pol’skiy mif v poeticheskom mire M. Tsvetaevoy* [Polish myth in the poetic world of M. Tsvetaeva]. URL: <https://www.chitalnya.ru/work/1642703/?ysclid=laoyultgxe449142335> (accessed 10.10.2022)
- Rudik I. *Russkaya tema v sbornike Mariny Tsvetaevoy “Versty. Stikhi. Vypusk 1”* [The Russian theme in the collection of Marina Tsvetaeva “Milestones. Poetry. Iss. 1”]. Tartu, Tartu Ülicoolu Kurjastus, 2014, 166 p.
- Shevelenko I. D. *Literaturnyy put’ Tsvetaevoy: Ideologiya – poetika – identichnost’ avtora v kontekste epokhi* [The literary path of Tsvetaeva: Ideology – poetics – author’s identity in the context of the epoch]. Moscow, NLO, 2002, 464 p.
- Smutnoe vremya Moskovskogo gosudarstva*. Soch. D. Ilovayskogo [Time of troubles of the Moscow state. Writings of D. Ilovaiskiy]. Moscow, Tip. M. G. Volchaninova, 1894, 343 p.
- Vipper R. *Uchebnik istorii. Novoe vremya* [History Textbook. New time]. Riga, Izd. Obshch. Val’tere i Rapa, 1928, 473 p.
- Yudin A. V. *Marina Mnishek glazami rossiyskikh istorikov 18 – nach. 20 vv.* [Marina Mnishek as seen by Russian historians of the 18 – early. 20 centuries]. *Steps*. 2016, vol. 2, no. 4, pp. 60–95.
- Zhupikova E. F. *Ilovayskie i Tsvetaevy* [Ilovaiskiys and Tsvetaevs]. Moscow, Novyy khronograf, 2015, 256 p.

List of sources

- Marina Tsvetaeva. Vadim Rudnev. Nadeyus’ – sgovorimsya legko* [Marina Tsvetaeva. Vadim Rudnev. I hope we can talk easily]. Moscow, Vagrius, 2005, 208 p.
- Tsvetaeva M. I. *Pis’ma. 1905–1923* [Letters. 1905–1923]. Moscow, Ellis Lak, 2012, 792 p.
- Tsvetaeva M. I. *Pis’ma. 1924–1927* [Letters. 1924–1927]. Moscow, Ellis Lak, 2013, 760 p.
- Tsvetaeva M. I. *Pis’ma. 1933–1936* [Letters. 1933–1936]. Moscow, Ellis Lak, 2016, 816 p.
- Tsvetaeva M. I. *Sobr. soch.: V 7 t.* [Collected works: in 7 vols.]. Moscow, Terra, 1997b.
- Tsvetaeva M. I. *Svodnye tetradi* [Summary notebooks]. Moscow, Ellis Lak, 1997a, 640 p.
- Tsvetaeva M. I. *Zapisnye knizhki: V 2 t.* [Notebooks: in 2 vols.]. Moscow, Ellis Lak, 2001, vol. 2, 544 p.

Информация об авторе

Светлана Юрьевна Корниенко, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)
SPIN 2160-4775

Information about the author

Svetlana Yu. Kornienko, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor at the Russian and Foreign Literature, Literary Theory and Methods of the Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)
SPIN 2160-4775

*Статья поступила в редакцию 29.11.2022;
одобрена после рецензирования 30.12.2022; принята к публикации 30.12.2022
The article was submitted on 29.11.2022;
approved after reviewing on 30.12.2022; accepted for publication on 30.12.2022*

Научная статья

УДК 821.161.1 + 82.95

DOI 10.17223/18137083/83/8

**«Особый путь» литературы Сибири?
(Опыт реконструкции историософских
и литературно-критических источников
сибирского областничества)**

Александр Юрьевич Горбенко

Красноярский государственный педагогический университет
имени В. П. Астафьева
Красноярск, Россия

al_gorbenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7610-6659>

Аннотация

Предпринята попытка реконструкции историософских и литературно-критических источников эстетики «старших» областников. Особое внимание уделяется статье Г. Н. Потанина «Роман и рассказ в Сибири». Показано, что важнейшими источниками построений Потанина стали идеи, высказанные в русской литературной критике и историософской мысли первой трети XX в. Потанин относился к литературе метрополии как к конституирующему Другому и декларировал «особость» пути развития литературы Сибири, опираясь при этом на сочинения Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, П. Я. Чаадаева и – шире – встраиваясь в сформированную в тот период отечественной интеллектуальной истории парадигму.

Ключевые слова

Потанин, Ядринцев, Карамзин, Пушкин, Чаадаев, сибирская литература, областничество, историософия, форсированная модернизация

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), Правительства Красноярского края и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20-412-243001

Для цитирования

Горбенко А. Ю. «Особый путь» литературы Сибири? (Опыт реконструкции историософских и литературно-критических источников сибирского областничества) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 98–111. DOI 10.17223/18137083/83/8

© Горбенко А. Ю., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 98–111

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 98–111

“Special Path” of Siberian literature? (Experience in the reconstruction of historiosophical and literary critical sources of Siberian regionalism)

Alexander Yu. Gorbenko

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev
Krasnoyarsk, Russian Federation

al_gorbenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7610-6659>

Abstract

An attempt is presented to reconstruct the historiosophical and literary-critical sources of Grigory Potanin’s article “A novel and a story in Siberia.” This article is key to the literary criticism of the “senior” regionalists. Consideration is given to two phenomena: 1) the Russian literature of the 19th century, regarded as “incorrect” as it was forced to evolve rapidly due to the lagging in its development (the consequence of the forced modernization of Russia), and 2) Western European literature, regarded “normal” and supplying the Russian literature with forms seen as models. These two phenomena were reproduced several decades later on a more local scale though less consistently: 1) Russian literature, having become “normative” for the Russian reader by the 1870s, and 2) the literature of Siberia lagging in its development compared to Russian literature. The leaders of Siberian regionalism would speak about the “specialness” of Siberia when comparing it both with Russia and Europe, with this “specialness” requiring a special representation. Considering criticism as an institution that “supervises” literature, Potanin, as his associate and friend Yadrintsev, suggested a radical thesis about the absence of literature in Siberia in his article. At the same time, relying on Karamzin’s article “Why are there few author talents in Russia?” and the first “Philosophical Letter” by Chaadaev, Potanin joins the discourse of the “shortage” of literature generated by several Russian critics of the first third of the 19th century. Potanin’s thought follows the paradigm formed in literary criticism and historiosophical discourse of this period.

Keywords

Potanin, Yadrintsev, Pushkin, Karamzin, Chaadaev, Siberian literature, regionalism, historiosophy, belated modernity

Acknowledgments

The research was funded by RFBR, Krasnoyarsk Territory and Krasnoyarsk Regional Fund of Science, project no. 20-412-243001

For citation

Gorbenko A. Yu. “Special Path” of Siberian literature? (Experience in the reconstruction of historiosophical and literary critical sources of Siberian regionalism). *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 98–111. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/8

В 1986 г. Г. С. Морсон писал о том, что русская литература классического периода осознавалась и создавалась ее творцами как «неправильная» по сравнению с «нормальными» западноевропейскими литературами, формируясь как антитрадиция по отношению к ним [Morson, 1986]. По его словам, «облик дореволюционной истории русской литературы можно описать как восходящую спираль всё более экстенсивных нарушений “западных” эстетических норм и всё более крайних определений литературы как антилитературы или металитературы» [Ibid., p. 25].

Морсон, пожалуй, отчетливее других историков русской культуры сформулировал мысль о «неправильном» («особенном», форсированном и т. д.) развитии

русской литературы по сравнению с западноевропейскими, хронологически более ранними образцами (делая акцент на писательских авторефлексии и самоописании, а также на закономерно появлявшихся рецептивных «зазорах» между «своим» и усваиваемым «чужим»¹). Однако он не был ни единственным, ни даже первым, кто писал об этом. Два десятилетиями ранее Ю. М. Лотман говорил о том, что «[р]усская литература XVIII в. находилась в состоянии повышенного динамизма», продолжая эту мысль в компаративном ключе: «Если сопоставить его с темпами культурной динамики европейских литератур того же столетия, то скорость ее покажется кинематографической, хотя и литературы Запада в это время переживали бурное развитие» [Лотман, 1997а, с. 157]. Позднее М. Л. Гаспаров начал одну из своих работ тезисом «Русская культура со времен Петра I должна была развиваться ускоренными темпами, нагоняя западную» [Гаспаров, 1997, с. 434]. Вместе с тем именно Морсон наиболее отчетливо высказал идею о «неправильности» русской литературы², о ее стремлении сделаться «антилитературой или металитературой».

Обозначив эту методологическую и концептуальную рамку наших рассуждений, в дальнейшем мы будем исходить из того, что пара явлений 1) запаздывающая в своем развитии, вынужденная развиваться ускоренными темпами (что стало одним из следствий форсированной модернизации, вестернизации России), поэтому «неправильная» русская литература XIX в. (особенно первой его половины), и 2) «нормальные» западноевропейские литературы, поставившие отечественной словесности формы, понимавшиеся как каноны, несколько десятилетий спустя была воспроизведена в более локальном масштабе: 1) русская литература, к 1870-м гг. ставшая во многом «нормативной» для отечественного читателя³ и ориентиром для многих ведущих западноевропейских литераторов, и 2) запаздывающая в своем развитии по отношению к русской литературе литература Сибири.

Принципиально важно, что в обоих случаях такая компаративная перспектива была фактом самосознания отечественных литераторов, размышлявших и об «отсталости» «своей» литературы, и о ее «неправильности». По словам А. Щербенка, отчасти опирающегося на положения Морсона, отчасти же оспаривающего их, «русская литературная традиция не просто предстает как антитрадиция в результате типологического сравнения с западной: она конституируется как таковая с самого начала», «постоянно наруша[я] те жанровые, повествовательные и прочие литературные конвенции, с которыми сама себя соотносит» [Щербенок, 2005, с. 8, 9]⁴.

Сопоставление «своей» литературы с «другой» литературной системой, на фоне которой выявляется собственный дефицит («нормальной» жанровой системы,

¹ О последнем см.: [Лотман 1997б].

² Лотман, скажем, делал акцент на том, что «новая русская литература мыслила себя не сателлитом той или иной <...> литературы, а в качестве европейской <...>» [Лотман, 1997а, с. 158].

³ Ср. слова Потанина о роли «Тургенева, Гончарова, гр. Толстого, Островского, Писемского и т. д.» (ЛНС, т. 7, с. 229). Далее ссылки на эту статью приводятся с указанием страницы в круглых скобках.

⁴ Повторим: на наш взгляд, «сибирский» материал дает все основания рассмотреть соотношение литературы Сибири с канонизирующейся столичной литературой в качестве изоморфных тем, которые, как это убедительно показал Морсон, связывали последнюю с ее западноевропейскими предшественницами.

фикциональной литературы вообще, литературной критики или всех этих слагаемых литературного процесса), и попытки его восполнения, так или иначе связанные с движением по некоторому «особому пути», в обоих случаях были важнейшими элементами языка самоописания и столичных, и сибирских литераторов.

Лидеры сибирского областничества регулярно говорили об «особости» Сибири по сравнению и с Россией, и с Европой⁵. Так, размышляя в письме Н. М. Ядринцеву от 1 августа 1872 г. об устройстве общины, Г. Н. Потанин вопрошал: «Не понимаю, почему мы должны проходить тот же путь с Европой? Почему старый кирпич не может пригодиться в новом здании?.. Я так думаю, что этот кирпич можно рекомендовать вставить в алюминиевый дворец» (Письма..., 1987, с. 120)⁶. Рассуждения об «особенных условиях, в которых живет сибирское общество», диктующих дефицит сибирской литературы, составляют одно из ключевых мест потанинской статьи «Роман и рассказ в Сибири» (далее – *РРС*). А в написанной три десятилетия спустя брошюре «Областническая тенденция в Сибири» (1907) Потанин утверждал, что в силу географических и экономических «обстоятельств сибирское население не могло не чувствовать, что оно живет в стороне от русского мира, на отбросе. В этом чувстве отдаленности от центра и заключалось для простого сибирского обывателя сознание его обособленности» (Потанин, 1907,

с. 10). Тема особости Сибири оказалась центральной и в «Нуждах Сибири». Приведем один из множества имеющихся в ней ярких примеров: «Если физические условия Сибири те же, что в Европейской России, то сибирская культура и сибирское искусство должны создать тождественные произведения с произведениями Европейской России, но если эти внешние влияния другие, то и творческая деятельность сибирского ума и воображения должны пробить особое русло» (Потанин, 1908, с. 262).

Логично, что неустанно декларируемая по самым разным поводам «особость» региона нуждалась, по мнению Потанина и Ядринцева, в специфической, «нормативной» репрезентации⁷.

В 1876 г. в газете «Сибирь» вышла программная статья Потанина *РРС*. В этой статье, оказавшейся главным манифестом вообще слабо систематизированных литературно-критических воззрений «старших» областников, Потанин предложил читателю анахронистический историко-литературный нарратив, игнорирующий весь предыдущий «сибирский» беллетристический опыт: «Зная состав сибирского общества, можно было предвидеть, что на сибирской почве может обильно развиться тот род беллетристики, который посвящен описанию народного быта; но так как этот род в европейской России возник только в недавнее время, то понят-

⁵ Насколько нам известно, областники не использовали словосочетания «особый путь». В этом смысле перед нами ситуация, идентичная той, что сложилась в рамках важнейшей для истории дискурса «особого пути» в России полемики 1836 г. (к которой мы обратимся ниже), когда «[с]амо словосочетание “особый путь” участниками дискуссии не употреблялось, однако концепция “особого пути” или метафорика “пути” в дебатах явно присутствовала» [Атнашев, Велижев, 2018, с. 15].

⁶ Ср., однако, гораздо более позднее утверждение Потанина: «Так как в жизни искусства Россия пошла по пути Европы, то и артистическая жизнь Сибири построится, вероятно, по европейскому типу» (Потанин, 1908, с. 292).

⁷ Эта тема достаточно подробно исследована в сибиреведении. См. прежде всего: [Чмыхало, 1992; Анисимов, 2005].

но, почему и Сибирь до последнего времени не принимала никакого участия в создании русской беллетристики» (с. 220).

Необходимо сделать отступление и вспомнить, что взгляды Потанина на феномен фикциональной литературы вообще и сибирской литературы в частности, в конструировании которого он принял участие и как критик, и как литератор, существенно менялись со временем. В «Воспоминаниях» Потанин свидетельствовал о своих мечтах «сделаться сибирским романистом» (ЛНС, т. 6, с. 186), пришедшихся на время учебы будущего литератора в Сибирском кадетском корпусе. Затем, в начале 1860-х гг. Потанин уже презрительно отзывался о «беллетристике» как о «бесплодном труде», «груде потраченной бумаги» и «усыпляющем средстве» [Серебренников, 2007, с. 90]. Десятилетием позднее он дошел до взгляда на фикциональную словесность как на «действенную форму сибирского самосознания, способную организовать “патриотов”, прежде всего местную интеллигенцию» [Чмыхало, 1992, с. 144, 147].

«Старшие» областники исходили из отношения к критике как к институту, «курирующему» литературу. Эта функция критики, которую А. В. Вдовин называет «моделированием литературного развития» [2011, с. 12], в отечественной традиции вышла на первый план в 1830–1860-е гг. Русские авторы усвоили такое понимание центральной задачи литературно-критического дискурса из работ немецких романтиков 1800-х гг. [Там же, с. 10]. В этом смысле сибирские областники с характерным запаздыванием «подхватили» способ работы своих старших столичных коллег, соединяя его с более хронологически близким методом «реальной критики»⁸.

В поздние годы лидер «сибирских патриотов» вернулся к пессимистическому взгляду на вопрос о сибирской литературе, в 1910 г. вновь диагностировав отсутствие в Сибири литературы (Потанин, Васильева, 2004, с. 281–282).

Радикальный тезис об отсутствии в Сибири литературы разделял с Потаниным Ядринцев. Ограничимся одним примером – из статьи «Спящая красавица» (1882), начинающейся с утверждения «Искусство, художество, как и поэзия, не есть еще достояние нашего Востока, оно еще не создано здесь <...> ему некогда было создаться» (ЛНС, т. 5, с. 70). Причиной такого положения дел, по мнению публициста, является абсентеизм: «Художество, как и наука, поэзия, музыка и образование, абсентеируются и вывозятся из Сибири» (ЛНС, т. 5, с. 70).

Вернемся к *РРС*. Показательно, что редакция «Сибири» сочла необходимым «сделать оговорку» («Автор, очевидно, относит начало беллетристики в Сибири к нашему времени. Но это ошибка»), приводя ряд примеров, призванных обосновать ошибочность построений Потанина (с. 219). Очевидно, что взгляды Потанина и редакции «Сибири» на критерии «сибирской беллетристики» различались. Однако статья Потанина была уязвимой для критики и в силу других содержащихся в ней системных противоречий. В начале статьи автор объясняет свое обращение к произведениям, часть которых «появил[а]сь уж лет пять тому назад», тем, что «должно высказаться об этих первых опытах сибирских беллетристов» (с. 219–220). Но уже в середине статьи он отказывается романам Кушневского и Омуревского в статусе «первых опытов сибирских беллетристов» (с. 228). В другом месте статьи Потанин помещает в пределах одного абзаца два разных тезиса: о «бедности» литературы Сибири и о ее отсутствии (с. 220). Но эта непоследовательность не может быть объяснена, скажем, небрежностью автора, и нуждается во внима-

⁸ О близости Потанину подхода «реальной критики» см.: [Чмыхало, 1992, с. 152].

тельном анализе. Такой анализ дает возможность увидеть механизмы конструирования региональной литературной традиции, уточнить, как именно областники, поставив перед собой задачу сегрегировать литературное субполе Сибири внутри общенационального поля литературы, пробовали сконструировать фигуры писателя и читателя, которые отвечали бы ряду требований. Писатель должен был предложить читателю «нормативную», адекватную сибирскому материалу его репрезентацию, решающую набор идеологических задач. Читатель же, «правильно» восприняв такого рода фикциональный текст, должен был изменить свою жизнь, подчинив ее «нуждам Сибири».

Статья Потанина имеет несколько важнейших источников в отечественной литературной критике и историософском дискурсе, на которые прежде не обращалось внимания и которые мы постараемся реконструировать.

Доказывая, что действие романа Кушевского происходит в Сибири, Потанин поясняет смещение фокуса своего внимания в сторону от вопросов поэтики и эстетики так: «Это маленькое судебное следствие <...> нам было нужно в интересах нашей задачи, – рассмотреть вопрос, отчего нет беллетристов в Сибири» (с. 227). Слова «отчего нет беллетристов в Сибири», перекликающиеся с цитированным началом *PPC*, почти дословно повторяют название статьи Н. М. Карамзина «Отчего в России мало авторских талантов?» (1802). Карамзин, напомним, диагностировал дефицит отечественных «авторских талантов», сопоставляя русскую словесность с европейскими литературами: «У нас, конечно, менее авторских талантов, нежели у других европейских народов, но мы имели, имеем их, и следовательно природа не осудила нас удивляться им только в чужих землях» (Карамзин, 1964, с. 184).

Ответ на вынесенный в заглавие статьи вопрос, по мнению Карамзина, следует искать «[н]е в климате, а в обстоятельствах гражданской жизни россиян <...>» (Карамзин, 1964, с. 184). Идентичный ответ дает и Потанин, согласно которому причина отсталости литературы Сибири крылась в «особом строении сибирского общества», где не было дворянства, роль которого быть «движущей силой в умственном отношении» играло чиновничество. При этом «только часть его, и то, собственно, мелкое чиновничество, не отличающееся высоким образованием, вполне принадлежало местному населению по своему происхождению; остальная часть была слишком удобоподвижна и так слабо привязана к краю, что не могла в отношении его играть ту же роль, какую играло в провинциях европейской России прочно привязанное к своим усадьбам дворянство» (с. 220)⁹. По мнению Потанина, «[п]ока в европейской России беллетристика не захватывала низших слоев общества и описывала только жизнь “дворянских гнезд”, – трудно было ожидать появления беллетристики в Сибири» (с. 220).

Кроме того, выявляемый обоими критиками дефицит обнаруживается на фоне имеющих более длительную историю и более развитых на текущий момент литературных систем: Карамзин сравнивает русскую литературу с европейской, Потанин же выбирает в качестве камертона для сибирской беллетристики столичную словесность.

В нашем распоряжении нет прямых доказательств того, что Потанин читал карамзинскую статью, однако ее внимательное сопоставление с *PPC* оставляет мало сомнений на этот счет. Кроме того, Потанин вообще был хорошо знаком с насле-

⁹ Это тем более показательно, если учесть, что вообще Потанин «подчерк[ивал] исключительное значение климата» Сибири [Анисимов, 2009, с. 112].

дием Карамзина. В «Воспоминаниях» он писал о том, что уже во время пришедшей на 1840-е гг. учебы в кадетском корпусе читал «Историю государства Российского». «У Карамзина меня особенно интересовали примечания. Я их перечитывал по нескольку раз и делал из них длинные выписки». Более того, именно с работой над карамзинскими примечаниями Потанин связывал обнаружение у себя «больш[ой] склонност[и] к кропотливой работе, роющейся в мелочах» (ЛНС, т. 6, с. 41).

В более широкой перспективе статья Потанина встраивается в парадигму, сформированную крупнейшими русскими литературными критиками и философами первой трети XIX в. Речь идет о литературно-критическом дискурсе, который можно назвать дискурсом дефицита. Его стержневым элементом стали варьировавшиеся на разные лады утверждения о неразвитости (недостаточной развитости) русской литературы, ее «ничтожестве» или полном отсутствии. Помимо Карамзина на эту тему рассуждали В. А. Жуковский¹⁰, Н. И. Гнедич¹¹, А. С. Пушкин, А. А. Бестужев¹², И. В. Киреевский¹³, В. Г. Белинский¹⁴ и др.¹⁵

Пушкин в 1824 г. утверждал: «У нас еще нет ни словесности, ни книг, все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке; просвещение века требует важных предметов размышления для пищи умов, которые уже не могут довольствоваться блестящими играми воображения и гармонии, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись – метафизического языка у нас вовсе не существует; проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены *создавать* [здесь и далее курсив принадлежит цитируемым авторам. – А. Г.] обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных <...>» (Пушкин, т. 7, с. 14).

К этой пушкинской оценке очень близок один из тезисов Потанина – с той разницей, что место «книг иностранных» у него занимает литература метрополии. «Потребность в чтении в Сибири, – утверждал областник, – удовлетворялась произведениями Тургенева, Гончарова, гр. Толстого, Островского, Писемского и т. д.

¹⁰ «Критика – но, государи мои, какую пользу может приносить в России критика? Что прикажете критиковать? <...> Критика и роскошь – дочери богатства; а мы еще не Крезы в литературе!» («Письмо из уезда к издателю», 1808) (Жуковский, 2012, с. 178).

¹¹ Размышляя о причинах «малых успехов нашей словесности», Гнедич задавался вопросом, «отчего при таком множестве книг мы так мало видим хороших сочинений, даже хороших переводов, даже выборов для них хороших?» («Рассуждение о причинах, замедляющих успехи нашей словесности», 1814) (Критика..., 2002, с. 193).

¹² Напомним, что в 1825 г. Бестужев заявлял: «...у нас есть критика и нет литературы, мы пресытились, не вкушая, мы в ребячестве стали брюзгливыми стариками!» (Бестужев, 1991, с. 117). Одна из причин такого положения дел, по мнению критика, состояла в том, что «мы воспитаны иноземцами. Мы всосали с молоком безнародность и удивление только к чужому» (Бестужев, 1991, с. 117). На это ему возражал А. С. Пушкин, вопрошавший в частном письме: «Где же ты это нашел? именно критики у нас и недостает» (Пушкин, т. 10, с. 114).

¹³ «Наша литература – ребенок, который только начинает чисто выговаривать» («Обозрение русской словесности 1829 года», 1830) (Киреевский, 1984, с. 80).

¹⁴ Морсон заметил, что тезис «У нас нет литературы» стал рефреном дебютной статьи Белинского «Литературные мечтания» (1834) [Morson, 1986, p. 22].

¹⁵ Эта тема полностью не ушла с критической повестки и в последующие десятилетия XIX в. См., например, статью М. А. Антоновича «Причины неудовлетворительного состояния нашей литературы» (1878).

Этих же авторов читала и та часть сибирского общества, которая состояла из местных уроженцев: других писателей и другого чтения у них не было» (с. 229). Это рассуждение уязвимо с точки зрения истории и социологии литературы – хорошо известно, что сибирские читатели получили возможность знакомиться с сочинениями своих земляков задолго до появления статьи Потанина. Более того, эти произведения вышли за пределы Сибири, читались представителями литературного центра и становились объектами их критики.

Литературно-критический дискурс «ущербности» русской литературы коррелировал с более масштабным дискурсом «отсталости» России и связанной с последним идеей ее «особого пути». Можно предположить поэтому, что утверждение «Сибирь до последнего времени не принимала никакого участия в создании русской беллетристики» восходит к первому «Философическому письму» П. Я. Чаадаева. Разумеется, суждения Чаадаева носили более универсалистский характер, нежели тезисы Потанина, однако их соотношение вполне укладывается в обозначенную схему: Западная Европа – Россия / Россия – Сибирь.

Потанин писал о том, что «сибирские интересы еще мало затронуты; мы не знаем собственных наших потребностей; мы не знаем, за что приняться, если внутренний голос и зовет нас на доброе дело. Хорошие, честные личности, появляющиеся в нашей среде, не умеют еще полнее жить местной жизнью, местными умственными интересами. Прибавьте к этому, что мы воспитываемся всегда вдали от своей родины, и сделается понятно, что мы являемся дома отголосками чужого голоса, утратив свою оригинальность и самостоятельность» (с. 226). Здесь бросается в глаза целый набор «чаадаевских» мотивов. Ср.: «Взгляните вокруг. Разве что-нибудь стоит прочно? <...> Ни у кого нет определенной сферы деятельности, нет хороших привычек, ни для чего нет правил, нет даже и домашнего очага, ничего такого, что привязывает, что пробуждает ваши симпатии, вашу любовь; ничего устойчивого, ничего постоянного; все течет, все исчезает, не оставляя следов ни во-вне, ни в вас. В домах наших мы как будто определены на постой; в семьях мы имеем вид чужестранцев; в городах мы похожи на кочевников, мы хуже кочевников, пасущих стада в наших степях, ибо те более привязаны к своим пустыням, нежели мы к нашим городам» (Чаадаев, 1991, т. 1, с. 323–324).

Кроме этих системно значимых совпадений на уровне идей, оформленных подчас в почти идентичных словесных конструкциях, догадка о «чаадаевском» подтексте статьи Потанина имеет прочную источниковедческую опору. Известно, что автор *PPC* был хорошо знаком с «Философическими письмами» – менее чем за год до публикации своей статьи Потанин высоко отзывался о предложенных в них «обобщениях» (Письма..., 1988, с. 154). Кроме того, имя Чаадаева прямо, хотя и по второстепенному поводу, упоминается в *PPC*.

Наконец, необходимо учесть, что Чаадаев в своих «письмах» активно опирался на западноевропейский интеллектуальный контекст. Как показал М. Б. Велижев, ключевые идеи первого «Философического письма», используемую в нем «систему аргументации», а также «целые языковые конструкции» Чаадаев почерпнул в созданных в первой четверти XIX столетия сочинениях французских католических философов-традиционалистов и немецких философов первой половины XIX в. [Велижев, 2015, с. 72 и сл.].

В таком случае картина становится более многомерной и вместе с тем обретает еще больший изоморфизм. Лидер сибирских «патриотов» Потанин говорит об «особости» сибирского материала, требующего особой же репрезентации. В свои рассуждения об этом он имплицитно, среди прочего, конструкции Чаадаева, ко-

торый, говоря о «выпадении» России из западноевропейского пути исторического развития, опирался на сложившуюся в западноевропейской мысли традицию.

Подчеркнем, что Потанин не просто эксплуатирует отдельные элементы литературной критики и историософской рефлексии первой трети XIX в.; его мысль движется в русле парадигмы, сформированной именно в эти десятилетия. При этом в сочинениях лидера сибирского областничества сохраняется парадоксальность, свойственная русской общественной мысли того периода, когда были созданы историософские источники его статьи. Вспомним, что в основе дискурса «особого пути» России, как это было показано целым рядом историков идей, лежала немецкая концепция «Sonderweg».

Реконструкция источников *PPC* позволяет увидеть нетривиальный эффект, порождаемый этой статьей и демонстрирующий невыполнимость потанинской программы «культурного сепаратизма», невозможность создать литературу Сибири, в сущности, ex nihilo, отвергая одновременно и средства литературы центра, и ресурсы региональной словесности. Автор декларирует «особость» пути развития литературы Сибири и отношение к литературе метрополии как к «конституирующему Другому» (И. Нойманн), но делает он это с помощью средств, заимствованных из общероссийского дискурсивного репертуара¹⁶.

Как отмечает М. Л. Майофис и А. Р. Курилкин, «[в] центре литературно-критических дискуссий на протяжении всей первой четверти XIX в. была одна проблема – строительство национальной литературы. Отсюда вытекали болезненные вопросы о “народности” в литературе и средствах передачи национального колорита, о выборе литературных ориентиров в европейской культуре и их соотносительности с российской поэтической традицией» (Критика..., 2002, с. 22). Рассуждения «старших» областников воспроизводят (конечно, менее отчетливо и систематически) эту парадигму. Качество литературы, которое можно определить как «сибирскость» (хотя сами сибирские интеллектуалы этим понятием не оперировали) – то, что должно было сделать литературу Сибири областнической, – выступило в их сочинениях структурным и функциональным аналогом «народности». Вместе с тем эта «сибирскость» всё же была более определенным и менее эссенциалистским понятием, нежели «народность» – категория, доминировавшая в русской литературной критике «в разных значениях на протяжении пятидесяти лет – в 1820–1860-е гг.» [Вдовин, 2011, с. 16]. Как показал К. В. Анисимов, поначалу «[к]лючевым критерием *областнической* литературы становится <...> патриотизм», однако вскоре, осознав, что его легко имитировать, Потанин и Ядринцев постарались «абстрактную идеологему <...> наполнить конкретным содержанием, например, превратить в показательный *сюжет*» [Анисимов, 2005, с. 173, 174], основанный на мотиве возвращения интеллектуала-сибиряка на родину с тем, чтобы принести ей пользу¹⁷.

Зачастую отмеченные выше рассуждения Потанина и Ядринцева об «особости» Сибири были связаны с их анализом колониального положения Сибири. А. В. Ремнев писал, что «народнический дискурс, в рамках которого областники действовали и размышляли, включал идею отсталости России как своего рода

¹⁶ Анисимов отмечал, что областники, стигматизировав «многолетн[ую] традици[ю] произведени[й], которые только бы “били” “на эффекты” местной жизни и “нимало” не задевали “горькой действительности”», встали перед ключевым вопросом: «Тогда из какой же “плоти” создавать местную литературу?» [Анисимов, 2005, с. 179]. Ответом на него и стал отмеченный эффект.

¹⁷ Подробнее об этом «биографическом сюжете» см.: [Там же, с. 176–197].

преимущества перед дряхлеющим Западом», а «[к]ультурное развитие благодаря естественным богатствам и простору может <...> в Сибири <...> явиться пышнее и богаче», нежели в метрополии Российской империи [Ремнев, 2013, с. 241]. В этом смысле лидеры сибирского областничества, исходившие из того, что «неправильность» развития и временная «отсталость» Сибири могут стать существенным ресурсом для ее будущего, снова воспроизводили сформировавшуюся в русской культуре к концу 1830-х – началу 1840-х гг. модель, согласно которой «главное преимущество России состояло в ее отсталости», а носители этой логики (в частности Чаадаев) «предсказали своей стране трансформационный прорыв, который однажды поможет ей возглавить всемирное содружество держав» [Зорин, 2018, с. 45].

Как известно, выстраивание историко-литературной генеалогии зачастую мотивировано идеологически и легко обретает черты (авто)мифотворчества. Это правило работает и в данном случае. Перед нами механизм, любопытным образом связанный с разнообразными сценариями «изобретения традиций», которые, как показал Э. Хобсбаум, наводнили Европу в период между 1870 и 1914 гг. [Hobsbawm, 1983]. Исходя из сибирефильской установки Потанин элиминирует реально существовавшие литературные факты и тем самым изобретает скорее не традицию, а ее отсутствие – в этом отношении жест критика коррелирует с практикой его столичных предшественников, заявлявших об отсутствии русской литературы.

Характеризуя литературное самосознание Потанина и Ядринцева, К. В. Анисимов справедливо отмечал, что «[к]лючевым деятелям областнического движения было свойственно ощущение, что сибирская словесность начинается непосредственно с них <...>» [Анисимов, 2005, с. 176]. Вместе с тем решение Потанина «задержать» «начало беллетристики в Сибири» нуждается в дополнительном объяснении. Безусловно, этот ход понадобился Потанину и для решения более общей задачи – масштабирования идеологического значения сибирского областничества, деятели которого стремились к формированию культурно-социальной среды Сибири. Одним из ключевых средств решения этой задачи для Потанина, наряду с публицистикой и научным дискурсом, была именно фикциональная литература¹⁸.

В этом смысле статья Потанина коррелирует с первым «Философическим письмом» Чаадаева не только на уровне семантики, но и в том, что касается прагматики. По словам М. Б. Велижева, «за содержательной полемикой по вопросам историософии», спровоцированной скандальным чаадаевским сочинением, «скрывается чисто политическая проблематика, связанная с интерпретацией вопроса, кому надлежит вести Россию к “светлому будущему”» [Велижев, 2018, с. 108]. Сходной прагматикой была наделена и статья Потанина, с той оговоркой, что он и его единомышленники решали вопрос о том, «кому надлежит вести к “светлому будущему”» Сибирь.

¹⁸ См.: [Чмыхало, 1992; Анисимов, 2005]. По справедливому замечанию Чмыхало, во взглядах Потанина начала XX в. «первостепенную важность приобрел момент саморазвития “сибирской литературы”, ее особых исторических путей и особой миссии. <...> на нее возлагались надежды на идеологическое обеспечение все более политизирующегося областнического движения» [Чмыхало, 1992, с. 164].

Список литературы

Анисимов К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. 304 с.

Анисимов К. В. Климат как «закопснелый сепаратист». Символические и политические метаморфозы сибирского мороза // НЛЮ. 2009. № 99. С. 98–114.

Атнашев Т., Велижев М. «Особый путь»: от идеологии к методу // «Особый путь»: от идеологии к методу / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев, А. Зорин. М.: НЛЮ, 2018. С. 9–35.

Вдовин А. В. Концепт «глава литературы» в русской критике 1830–1860-х годов. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. 238 с.

Велижев М. Язык и контекст в русской интеллектуальной истории: первое «философическое письмо» Чаадаева // НЛЮ. 2015. № 135. С. 71–87.

Велижев М. «Особый путь» развития России в 1830-е годы: Sonderweg, государство и образованное общество // «Особый путь»: от идеологии к методу / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев, А. Зорин. М.: НЛЮ, 2018. С. 106–140.

Гаспаров М. Л. Антиномичность поэтики русского модернизма // Гаспаров М. Л. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 2: О стихах. С. 434–455.

Зорин А. «Особый путь России» – идея трансформационного прорыва в русской культуре // «Особый путь»: от идеологии к методу / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев, А. Зорин. М.: НЛЮ, 2018. С. 36–51.

Лотман Ю. М. Литература в контексте русской культуры XVIII века // Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб.: Искусство-СПБ, 1997а. С. 118–167.

Лотман Ю. М. «Езда в остров любви» Тредиаковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII века // Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб.: Искусство-СПБ, 1997б. С. 168–175.

Ремнев А. В. «Короткий» XIX век Сибири: сибирское время и пространство // Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия / Под ред. Е. Вишленковой, Д. Сдвижкова. М.: НЛЮ, 2013. С. 229–250.

Серебрянников Н. В. О ситуации в областниковедении // Сибирский текст в русской культуре: Сб. ст. / Под ред. А. П. Казаркина, Н. В. Серебрянникова. Томск: Изд-во ТГУ, 2007. Вып. 2. С. 86–94.

Чмыхало Б. А. Молодая Сибирь: регионализм в истории русской литературы. Красноярск: Изд-во КГПИ, 1992. 200 с.

Щербенок А. Деконструкция и русская классическая литература: от риторики текста к риторике истории. М.: НЛЮ, 2005. 232 с.

Hobsbawm E. Mass-Producing Traditions: Europe, 1870–1914 // The Invention of Tradition / Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 1983. P. 263–307.

Morson G. S. Introduction: Literary History and the Russian Experience // Literature and History: Theoretical Problems and Russian Case Studies / Ed. by G. S. Morson. Stanford, California: Stanford Uni. Press, 1986. P. 1–30.

Список источников

Бестужев А. А. Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов // Декабристы: эстетика и критика / Сост., вступ. ст. и коммент. Р. Г. Назарьяна, Л. Г. Фризмана. М.: Искусство, 1991. С. 116–127.

Жуковский В. А. Письмо из уезда к издателю // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: ЯСК, 2012. Т. 12. С. 176–185.

Карамзин Н. М. Отчего в России мало авторских талантов? // Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л.: Худож. лит., 1964. Т. 2. С. 183–188.

Киреевский И. В. Обзорение русской литературы за 1831 год // Киреевский И. В. Избранные статьи / Сост., вступ. ст. и коммент. В. Котельникова. М.: Современник, 1984. С. 80–92.

Критика первой четверти XIX века / Сост., вступ. ст., преамбулы и примеч. М. Л. Майофис, А. Р. Курилкина. М.: Олимп; АСТ, 2002. 520 с.

ЛНС – Литературное наследство Сибири: В 8 т. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1969–1988.

Письма Г. Н. Потанина / Сост. А. Г. Грумм-Гржимайло, С. Ф. Коваль, Я. Р. Кошелев, Н. Н. Яновский. 2-е изд., перераб., доп. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. Т. 1. 280 с.

Письма Г. Н. Потанина / Сост. А. Г. Грумм-Гржимайло, С. Ф. Коваль, Я. Р. Кошелев, Н. Н. Яновский. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1988. Т. 2. 344 с.

Потанин Г. Н. Областная тенденция в Сибири. Томск: Паров. типолитограф. Сиб. Тов-ва Печатн. дела, 1907. 64 с.

Потанин Г. Н. Нужды Сибири // Сибири, ее современное состояние и нужды: Сб. ст. / Под ред. И. С. Мельника. СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1908. С. 260–294.

Потанин Г. Н., Васильева М. Г. «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью»: Переписка / Сост. Н. В. Васенькин, Г. И. Колосова. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. 418 с.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л.: Наука, 1977–1979.

Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избранные письма: В 2 т. М.: Наука, 1991.

References

Anisimov K. V. *Problemy poetiki literatury Sibiri 19 – nachala 20 veka: Osobenno-sti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of the poetics of the literature of Siberia of the 19th – early 20th centuries: Features of the formation and development of the regional literary tradition]. Tomsk, TSU Publ., 2005, 304 p.

Anisimov K. V. *Klimat kak “zakosnelyy separatist”*. Simvolicheskie i politicheskie metamorfozy sibirskogo moroza [The climate is like a “stubborn separatist”. Symbolic and political metamorphoses of the Siberian frost]. *New Literary Observer*. 2009, no. 99, pp. 98–114.

Atnashev T., Velizhev M. “Osoby put’”: ot ideologii k metodu [The “Special path”: from ideology to method]. In: “*Osoby put’*”: ot ideologii k metodu [The “Special path”: from ideology to method]. T. Atnashev, M. Velizhev, and A. Zorin (Comps.). Moscow, NLO, 2018, pp. 9–35.

Chmyhalo B. A. *Molodaya Sibir’: Regionalizm v istorii russkoy literatury* [Young Siberia: Regionalism in the history of Russian literature]. Krasnoyarsk, KGPI, 1992, 200 p.

Gasparov M. L. Antinomichnost’ poetiki russkogo modernizma [Antinomy of the poetics of Russian modernism]. In: Gasparov M. L. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, LRC Publishing House, 1997, vol. II. O stikhakh [About poetry]. pp. 434–455.

Hobsbawm E. Mass-Producing Traditions: Europe, 1870–1914. In: *The Invention of Tradition*. E. Hobsbawm, T. Ranger (Eds.). Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1983, pp. 263–307.

Lotman Yu. M. “Ezda v ostrov lyubvi” Trediakovskogo i funktsiya perevodnoy literatury v russkoy kul'ture pervoy poloviny 18 veka [“Riding to the island of love” by Trediakovsky and the function of translated literature in Russian culture in the first half of the 18th century]. In: Lotman Yu. M. *O russkoy literature* [About Russian literature]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB, 1997a, pp. 168–175.

Lotman Yu. M. Literatura v kontekste russkoy kul'tury 18 veka [Literature in the context of Russian culture of the 18th century]. In: Lotman Yu. M. *O russkoy literature* [About Russian literature]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB, 1997b, pp. 118–167.

Morson G. S. Introduction: Literary History and the Russian Experience. In: *Literature and History: Theoretical Problems and Russian Case Studies*. G. S. Morson (Ed.). Stanford, California, Stanford Univ. Press, 1986, pp. 1–30.

Remnev A. V. “Korotkiy” 19 vek Sibiri: sibirskoe vremya i prostranstvo [The “Short” 19th century of Siberia: Siberian time and space]. In: *Izobretenie veka. Problemy i modeli vremeni v Rossii i Evrope 19 stoletiya* [Invention of the century. Problems and models of time in Russia and Europe in the 19th century]. E. Vishlenkova, D. Sdvizhkov (Eds.). Moscow, NLO, 2013, pp. 229–250.

Shcherbenok A. *Dekonstruktivnaya i russkaya klassicheskaya literatura: ot ritoriki teksta k ritorike istorii* [Deconstruction and Russian classical literature]. Moscow, NLO, 2005, 232 p.

Serebrennikov N. V. O situatsii v oblastnikovedenii [On the situation in regional studies]. In: *Sibirskiy tekst v russkoy kul'ture: Sb. st.* [The Siberian text in Russian culture: Coll. art.]. A. P. Kazarkin, N. V. Serebrennikov (Eds.). Tomsk, TSU Publ., pp. 86–94.

Vdovin A. V. *Kontsept “glava literatury” v russkoy kritike 1830–1860-kh godov* [Concept “the head of literature” in Russian criticism of 1830–1860s]. Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011, 238 p.

Velizhev M. “Osobyi put’” razvitiya Rossii v 1830-e gody: Sonderweg, gosudarstvo i obrazovannoe obshchestvo [Russia’s “Special path” in the 1830s: Sonderweg, the state, and educated society]. In: *“Osobyi put’”: ot ideologii k metodu* [The “Special Path”: from Ideology to Method]. T. Atnashev, M. Velizhev, and A. Zorin (Comps.). Moscow, NLO, 2018, pp. 106–140.

Velizhev M. Yazyk i kontekst v russkoy intellektual'noy istorii: pervoe “filosoficheskoe pis'mo” Chaadaeva [Language and context in Russian intellectual history: the first “philosophical letter” of Chaadayev]. *New Literary Observer*. 2015, no. 135, pp. 71–87.

Zorin A. “Osobyi put’ Rossii” – ideya transformatsionnogo proryva v russkoy kul'ture [“Russia’s Special Path” – the idea of a transformational breakthrough in Russian culture]. In: *“Osobyi put’”: ot ideologii k metodu* [The “Special Path”: from Ideology to Method]. T. Atnashev, M. Velizhev, and A. Zorin (Comps.). Moscow, NLO, 2018, pp. 36–51.

List of sources

Bestuzhev A. A. Vzgl'yad na russkuyu slovesnost' v techenie 1824 i nachale 1825 godov [A look at Russian literature during 1824 and early 1825]. In: *Dekabristy: estetika i kritika* [Decembrists: aesthetics and criticism]. R. G. Nazaryan, L. G. Frizman (Comp., intr. art., comm.). Moscow, Iskusstvo, 1991, pp. 116–127.

Chaadaev P. Ya. *Poln. sobr. soch. i izbrannye pis'ma: V 2 t.* [Complete works and selected letters: In 2 vols.]. Moscow, Nauka, 1991.

Karamzin N. M. Otchego v Rossii malo avtorskikh talantov? [Why are there few author talents in Russia?]. In: Karamzin N. M. *Izbr. soch.: V 2 t.* [Selected works: In 2 vols.]. Moscow, Leningrad, Khudozh. lit., 1964, vol. 2, pp. 183–188.

Kireevskiy I. V. Obozrenie russkoy literatury za 1831 god [A review of Russian literature over 1831]. In: Kireevskiy I. V. *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. V. Kotel'nikov (Comp., intr. art., comm.). Moscow, Sovremennik, 1984, pp. 80–92.

Kritika pervoy chetverti 19 veka [Criticism of the first quarter of the 19th century]. M. L. Mayofis, A. R. Kurilkin (Comp., intr. art., pref. and footnotes). Moscow, Olimp, AST, 2002, 520 p.

Literaturnoe nasledstvo Sibiri: V 8 t. [Literary heritage of Siberia: In 8 vols.]. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izd., 1969–1988.

Pis'ma G. N. Potanina [Letters of G. N. Potanin]. A. G. Grumm-Grzhimaylo, S. F. Koval', Ya. R. Koshelev, N. N. Yanovskiy (Comps.). 2nd edition, revised, extended. Irkutsk, ISU Publ., 1987, vol. 1, 280 p.

Pis'ma G. N. Potanina [Letters of G. N. Potanin]. A. G. Grumm-Grzhimaylo, S. F. Koval', Ya. R. Koshelev, N. N. Yanovskiy (Comps.). Irkutsk, ISU Publ., 1987, vol. 344 p.

Potanin G. N. Nuzhdy Sibiri [Needs of Siberia]. In: *Sibir', ee sovremennoe sostoyanie i nuzhdy: Sb. st.* [Siberia, its current state and needs: collection of works]. I. S. Mel'nik (Ed.). St. Petersburg, Publ. House of A. F. Devrien, 1908, pp. 260–294.

Potanin G. N. *Oblastnicheskaya tendentsiya v Sibiri* [Regional trend in Siberia]. Tomsk, Parov. tipo-litogr. Sibirskogo T-va Pechatn. Dela, 1907, 64 p.

Potanin G. N., Vasil'eva M. G. "Mne khochetsya sluzhit' Vam, odet' Vas svoey lyubov'yu": *Perepiska* ["I want to serve you, dress you with my love": Correspondence]. N. V. Vasen'kin, G. I. Kolosova (Comps.). Tomsk, TSU Publ., 2004, 418 p.

Pushkin A. S. *Poln. sobr. soch.: V 10 t.* [Complete works: In 10 vols.]. 4th ed. Leningrad, Nauka, 1977–1979.

Zhukovskiy V. A. Pis'mo iz uezda k izdatelyu [A letter to the editor from the county]. In: Zhukovskiy V. A. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t.* [Complete works and letters: In 20 vols.]. Moscow, LRC Publishing House, 2012, pp. 176–185.

Информация об авторе

Александр Юрьевич Горбенко, кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева (Красноярск, Россия)

Information about the author

Alexander Yu. Gorbenko, Candidate of Philology, Docent at the Department of World Literature and Methods of its Teaching of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 05.06.2022;

одобрена после рецензирования 06.08.2022; принята к публикации 06.08.2022

The article was submitted on 05.06.2022;

approved after reviewing on 06.08.2022; accepted for publication on 06.08.2022

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 2
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2

Научная статья

УДК 821. 162.1

DOI 10.17223/18137083/83/9

**Гуманистические тенденции
художественно-эстетической системы З. Н. Гиппиус
в Петербургских дневниках 1914–1919 годов**

Лилия Михайловна Шумская¹

Елена Ивановна Билютенко²

Ирина Константиновна Комарова³

^{1,2} Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
Гродно, Беларусь

³ Гродненский филиал «БИП – Университет права
и социально-информационных технологий»
Гродно, Беларусь

¹ akay2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9626-9538>

² elenabilutenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2036-5168>

³ kom-ik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9760-1288>

Аннотация

Петербургские дневники З. Н. Гиппиус («Синяя книга», «Черные тетради», «Черная книжка», «Серый блокнот») фиксируют позицию автора по отношению к происходящим событиям, связанным с историческими потрясениями в России начала XX в. В условиях пересмотра привычного уклада жизни, поиска новых представлений о свободе личности и ее выборе в эпоху исторических катаклизмов писательница утверждает принципы новой духовности, позволяющей не только противостоять великим потрясениям эпохи, но и достигать истинной свободы, обретаемой в Боге как гаранте гармоничного развития личности.

Установлено, что решение этой проблемы в дневниках писательницы связано с осмыслением судьбы России во время Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций 1917 г., а также с поиском новых гуманистических идеалов. З. Н. Гиппиус осуждает разрушительное начало революции, ведущее к утрате нравственных идеалов, и призывает современников создать «совершенный синтез» личного и общественного через утверждение необходимости сохранения святынь и истинной свободы, обретенной в Боге.

Ключевые слова:

З. Н. Гиппиус, литературный дневник, Богопознание, судьба России, революция, интеллигенция, свобода, художественное сознание

Для цитирования

Шумская Л. М., Билютенко Е. И., Комарова И. К. Гуманистические тенденции художественно-эстетической системы З. Н. Гиппиус в Петербургских дневниках 1914–1919 годов // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 112–123. DOI 10.17223/18137083/83/9

© Шумская Л. М., Билютенко Е. И., Комарова И. К., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 112–123

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 112–123

Humanistic tendencies in the artistic and aesthetic system of Z. N. Gippius in her Petersburg Diaries of 1914–1919

Lilya M. Shumskaya¹, Elena I. Biliutenka², Iryna K. Komarova³

^{1,2} Yanka Kupala State University of Grodno
Grodno, Belarus

³ BIP-University of Law and Socio-informational Technologies, Grodno Branch
Grodno, Belarus

¹ akay2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9626-9538>

² elenabilutenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2036-5168>

³ kom-ik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9760-1288>

Abstract

The Petersburg diaries (“Blue Book,” “Black Notebooks,” “Black Book,” and “Gray Note-pad”) document the attitude of Z. N. Gippius to the events related to the historical upheavals in Russia in the early 20th century. Searching for new ideas about personal freedom and choice in the epoch of historical cataclysms, the writer asserts the principles of new spirituality allowing one withstand the great upheavals of the era and achieve true freedom, found in God as a guarantor of the harmonious personality development. This study has established that the writer solves the problems suggested in the diaries by comprehending the fate of Russia during the First World War and the February and October revolutions of 1917 and searching for new humanistic ideals. She condemns the destructive nature of the revolution that causes the loss of moral ideals. Of particular relevance to the writer is the assertion of a specific, effective and practical humanism that takes into account the moral component of human life, approves the moral way of life, and combines practical actions with a focus on the individual as the ultimate goal. For Gippius, the ideal is embodied in the Russian intelligentsia with humanistic ability to sympathy, compassion, sacrifice, and sanctity and potential to withstand the political cataclysms of Russia. The aesthetic findings of Gippius in her Petersburg diaries embrace the inclusion of various associative chains into the forms of auto-documentary literature, enrichment of particular historical images with universal symbols, and synthesis of lyrical self-expression and an epic worldview.

Keywords

Z. N. Gippius, literary diary, knowledge of God, the fate of Russia, revolution, intelligentsia, freedom, artistic consciousness

For citation

Shumskaya L. M., Bilyutenko E. I., Komarova I. K. Humanistic tendencies in the artistic and aesthetic system of Z. N. Gippius in her Petersburg Diaries of 1914–1919. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 112–123. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/9

Социально-исторические изменения, происходящие в начале XX в., приводят к глубокой трансформации философско-эстетического сознания и образного мышления. В этих условиях представители религиозно-философского Ренессанса стремятся осмыслить тот факт, что личность в истории выполняет роль со-творчества Богу, а Вселенную пытаются представить пребывающей в состоянии постепенного одухотворения, преображения, творения новой природы социального субъекта, который включен в целое замысла Божия.

В художественном сознании эпохи начинает доминировать субъективное, личностное начало, что не способствует развитию эпических жанров. Большую популярность приобретают различные формы автодокументальной литературы.

Особое место принадлежит дневнику, который, как замечает Н. А. Богомолов, становится свидетельством соответствия духовного пути человека некоему предначертанному идеалу, изменяющемуся в процессе жизни [Богомолов, 1999, с. 204]. В нем отражается ежедневное самопознание, осмысление связи опыта личной судьбы с опытом и судьбой мира. Происходит превращение дневника в самостоятельный жанр литературы, который остается при этом и непосредственно документом эпохи. Героем подобного произведения оказывается сам автор с его оригинальным мировосприятием. Ведущим мотивом дневника становится борьба за пространство духовно-мировоззренческой свободы, стремление уйти от всех предписаний, последовательности, закономерности. В центре внимания писателя находится личность в ее сложных взаимоотношениях с обществом, главными становятся вопросы свободы и выбора во времена исторических испытаний. Глубину корреляции идей религиозной философии в условиях противостояния личного и общественного в России начала XX в. иллюстрирует художественно-эстетическая система З. Н. Гиппиус, которая с наибольшей полнотой воплотилась в ее Петербургских дневниках 1914–1919 гг.

О своеобразии эстетического мышления Гиппиус пишут современные литературоведы, которые возводят художественное мышление писательницы главным образом к символистской эстетике [Полонский, 2011, с. 231]. Так, Е. М. Криволапова в монографии, посвященной исследованию художественного мироздания Гиппиус, отмечает, что неотъемлемым атрибутом ее индивидуальной творческой манеры являются как «внешние и внутренние антиномии, так и ее религиозно-философские построения» [Криволапова, 2006, с. 21]. Исследуя художественное сознание писательницы, Л. А. Колобаева также подчеркивает его амбивалентность: «Тайна, чудо, желание соприкоснуться с недоступным, загадочным, невидимым, закрытым для разума миром <...>, с одной стороны, и трезвая сила, ясность, рационалистическая прозрачность – с другой» [Колобаева, 2000, с. 19]. Принципы художественно-эстетической системы Гиппиус нашли отражение и в ее Петербургских дневниках.

Большинство исследований дневниковой прозы посвящено не только Гиппиус. А. Н. Руцкой обращается к творчеству И. А. Бунина, в фокусе внимания Л. М. Пивоваровой – дневниковое наследие А. С. Суворина. Собственно поэтика жанра дневников писательницы исследовалась в работах А. М. Новожиловой, К. Д. Гордович, И. А. Едошиной.

В свете вышесказанного представляется научно значимым более глубокое исследование Петербургских дневников писательницы («Синей книги», «Черной тетради», «Черной книжки», «Серого блокнота»), написанных в 1914–1919 гг., поскольку именно в них З. Н. Гиппиус наиболее полно выразила свои взгляды на роль творческой личности в судьбе Родины в период исторических потрясений. Именно форма дневника позволяет ей как автору выразить и личное, и общественное отношение к происходящим событиям, воспроизвести сюжеты драматической картины жизни, проникая одновременно в глубинные слои культуры и человеческой души.

Гиппиус пытается решить проблему противостояния личности и общества в период социальных катаклизмов уже с самого начала творчества, когда пишет о сущности этого конфликта «в виде постоянного присутствия Трех начал, неразделимых и неслиянных, всегда трех – и всегда составляющих Одно»¹ [Гиппиус,

¹ Здесь и далее сохраняется орфография, пунктуация и графика оригинала дневников.

2000, с. 175]. Личное и общественное находятся в постоянном противоречии. Уйти от этой антиномии, по ее мнению, можно только путем утверждения себя и всех в третьем высшем соединяющем начале – «Боге». О трех началах, где «1 означает личность («я»), 2 – любовь к другому «я», 3 – множественность», Гиппиус пишет также в воспоминаниях о Д. С. Мережковском [Гиппиус, 1991а, с. 246].

Отсюда одна из ключевых проблем, волнующих писательницу во время создания Петербургских дневников, – судьба интеллигенции в период Первой мировой войны и двух революций. Гиппиус открыто выступает против Ф. К. Сологуба, А. И. Куприна, Л. Н. Андреева, приветствующих будущую победу России в войне. В докладе на заседании Религиозно-философского общества в 1914 г. она называет эту войну осквернением человечества, а в Петербургских дневниках – препятствием в движении к Царству «Третьего Завета»: «<...> всякая война, кончающаяся полной победой одного государства над другим, носит в себе зародыш новой войны <...>, отдаляет нас от того, к чему мы идем, от “вселенскости” <...>, нет истории, нет движения, нет свободы, нет Бога» [Гиппиус, 1982, с. 101].

Писательница приходит к выводу об очень высоком статусе художника как творческой личности в условиях, когда ломаются прежний уклад жизни и традиционная система духовных ценностей. По ее мнению, творческие люди, старательно ищущие выход, – это «совесть и разум России», «единственное слово и голос России» [Там же, с. 3]. Такое понимание статуса творческой личности коррелирует с мнением Н. А. Бердяева, который видит предназначение национальной интеллигенции в приверженности и творческом развитии «русской идеи, соответствующей характеру и призванию русского народа <...>, религиозного по своему типу и своей душевной структуре» [Бердяев, 2008, с. 266].

К 1917 г. появляется предчувствие будущей катастрофы, а уже в марте тревога и беспокойство сменяются взрывом восторга. В это время спасение видится только в революции. З. Н. Гиппиус вместе с Д. С. Мережковским, Д. В. Filosoфoвым, А. Ф. Керенским и Б. В. Савинковым обсуждает политические, религиозные, социальные и философские проблемы, без постижения которых невозможна эстетически значимая оценка исторического прошлого и настоящего, рассуждает об идеале человека, творящего историю, преодолевающего испытание революционной эпохи в своем движении к созданию идеального общества будущего. Эти рассуждения лежат в основе написанного ею манифеста Временного правительства, а Февральскую революцию в Петербургских дневниках она воспринимает как очищение, свободу, «чудо», «светлую, первую влюбленность», которая позволит по-настоящему покончить с войной [Гиппиус, 1982, с. 4]. От этой революции писательница ждет пробуждения творческих революционных сил интеллигенции, способных слить воедино созидательное и разрушительное начала. Первое является средоточием всех упований революции, второе же – чем-то «гибло-ужасным» и «бесплодным». Преобразование их в «творческую революционную Россию» позволит установить мир свободы, любви, равенства [Там же, с. 7].

Мечтают о демократии, обновлении, развитии России и другие представители творческой интеллигенции. С. П. Каблуков в первой половине марта удовлетворенно констатирует: «Должно признать, что революция прошла без особых жертв и кровопролития и без особых эксцессов»². А. А. Блок, под напором событий Февральской революции возвратившийся к своему дневнику после трехлетнего

² РО РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 43. Л. 227–230.

молчания, за два месяца до Октября «решительно» видит «будущее во Временном правительстве» [Блок, 1989, с. 252].

Но к августу главным мотивом дневников писателей становится крушение всех надежд, связанных с Февральской революцией и Временным правительством. Гиппиус приходит к выводу, что революция вырождается из-за политических ошибок ее лидеров. В начале октября она уже предвидит новое революционное потрясение: «Готовится “социальный переворот”, самый темный и грязный, какой только будет в истории. И ждать его нужно с часу на час» [Гиппиус, 1982, с. 266]. О своем полном разочаровании и антигуманном характере происходящего пишет в сентябре и Блок: «Давно нет желания записывать. Все разлагается... Просветов нет. Наступает голод и холод. Война не кончается, но ходят многие слухи, личная жизнь превратилась в одно унижение» [Блок, 1989, с. 254]. Каблуков в это же время с болью констатирует, что «пять месяцев революции без Бога и любви» превратили его любимый прекрасный город в грязный, загаженный «Чертоград»³.

Отношение к Октябрю 1917 г. неоднородно. Большинство представителей творческой интеллигенции видит в Февральской революции единственно возможный выход из кризиса, зато Октябрьская становится для них Апокалипсисом. Для Гиппиус Октябрь 1917 г. – зримое пришествие «Царства Антихриста», которое привело Россию к абсолютной утрате нравственных ориентиров, уничтожению культуры, способной противопоставить тоталитарному подавлению личности истинную свободу, обретенную в Боге [Гиппиус, 1982, с. 77]. Необходимое религиозное преобразование мира она рассматривает как продолжение художественного творчества, в основе которого – любовь, равенство, свобода, считая ответственность за свои взгляды и поступки, совесть, честь, достоинство основными атрибутами творческой личности.

За Октябрьской революцией, по мнению писательницы, наступает кризис: «Противные, черные, страшные и стыдные дни!», «Бежать некуда. Родины нет» [Там же, с. 273]. А Каблуков в конце 1917 г. использует в дневнике вырезку из газеты, где революционная Россия сравнивается с «Бесами» Достоевского, «со всей обнаженностью страстей, подлости, неверия, лжи и преступлений», подтверждая свой вывод о том, что «десять месяцев русской революции» погубили Россию при участии русской интеллигенции⁴.

Для И. А. Бунина Октябрьская революция – это «сумасшедший дом в аду», где царят «ужас, боль, бессильная ярость», «озверение» [Бунин, 1990, с. 111], «оргии смерти» и «дьявольского мрака» [Бунин, 1991, с. 70]. Происходящее в Советской России писатель воспринимает как апокалиптический «конец времен» – экспансию времени чужеродного прежней устойчивой культуре [Там же, с. 156]. При этом он видит будущую Россию страной, способной оставаться верной своему высшему Божественному предназначению. Такая позиция приводит его к закономерному стремлению утвердить значимость вековых традиций, питающих русскую духовность: «Я смотрел на удивительное зеленое небо над Кремлем, на старое золото его древних куполов... Великие князья, терема, Спас-на-Бору, Архангельский собор – до чего все родное, кровное, и только теперь как следует прочувствованное, понятное!» [Там же, с. 34].

³ РО РНБ. Ф. 322, Ед. хр. 47. Л. 77.

⁴ Там же. Ед. хр. 50. Л. 110.

В то же время Блок, уставший от ненависти к прежнему «страшному миру», принимает Октябрьскую революцию и призывает всем сердцем слушать ее музыку. На настойчивое предложение участвовать в антибольшевистской газете «Час», издание которой затевается Б. В. Савинковым при активной поддержке Мережковских еще до Октября, он отвечает отказом [Блок, 1989, с. 255].

В результате осмысления революционных событий Октября 1917 г. формируется система взглядов Гиппиус, не позволяющая ей простить ту часть интеллигенции, которая приняла революцию и определила суть своей жизни целесообразностью, необходимость подстраиваться под изменившиеся условия и социальную систему (неприятие позиции А. Блока, А. Белого, С. Есенина и др.).

Таким образом, Петербургские дневники Гиппиус создаются в атмосфере противостояния личности и общества, выбора индивидуумом своей политической и гражданской позиции. Идеинная направленность определяет своеобразие эстетики этих дневников как художественного целого, являющегося соединением лирического выражения собственного Я с эпическим восприятием мира, которое проявляется в последовательном развитии действия, исторической значимости содержания, обобщенности охвата действительности, участником которых является автор. Гиппиус повествует о революции, последствия которой непредсказуемы: «С каждым днем неоспоримее: “НЕ РЕВОЛЮЦИЯ У НАС, А ТА ЖЕ ВОЙНА! <...> Спешите, спешите с миром, Европа! Еще год войны, содрогнутся и твои здоровые народы, приблизятся к тому же безумному вихревому ПРОДОЛЖЕНИЮ ВОЙНЫ ПОД МАСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ”» [Гиппиус, 1991а, с. 66].

Не менее значимо и лирическое повествование (размышления, ассоциации, обращения к прошлому, переживания трагического настоящего), которому в Петербургских дневниках отводится важнейшее место. Автор рассуждает обо всем от собственного имени, но эти высказывания о жизни не являются окончательными решениями или утверждениями неоспоримых истин: «Теперь, когда живы еще многие свидетели тех же событий, – даже участники, – они всегда могут, с указанием на то или иное искажение действительности, содействовать восстановлению его подлинного образа» [Гиппиус, 1982, с. 380]. Она делится с читателем своими рассуждениями о судьбе России и интеллигенции. Таким образом, Петербургские дневники становятся воплощением «эпической лирики». Об этом свидетельствует сочетание мотивного эпического ряда (война, революция, безумие, Россия) и основных мотивов лирического плана (ложь, борьба, страдание): «Ощущение лжи вокруг – ощущение чисто физическое. Как будто с дыханием в рот вливается какая-то холодная и липкая струя», – пишет Гиппиус в «Черной книжке» [Там же, с. 30].

Писательница не только размышляет о революции, ответственности личности за судьбу России, но и обосновывает свое отношение к истинному герою в эпоху социальных потрясений. Гиппиус пишет, что хотела запечатлеть не только социальные катаклизмы, произошедшие в России, но и «каждого человека, его образ, личность, роль в той громадной трагедии» [Там же, с. 7]. Герои Петербургских дневников – русские интеллигенты, необходимые писательнице для реализации своей концепции. Для Гиппиус важно изобразить способность героя противостоять политическим катаклизмам России военного и революционного времен, жить в новом обществе. При этом она стремится и показать саму личность, ее исторический масштаб, и выразить свое отношение к герою.

Отсюда берет начало своеобразие портретных характеристик (умение отобразить основную деталь в портрете, выделить главную черту характера, подчеркнуть

профессиональные качества). Анализируя поступки персонажей и их деятельность, писательница объясняет их непосредственные реакции, достигая тем самым портретной целостности образа: «Дмитрий, конечно, сел на своего “грядущего” Ленина, принялся им Керенского во всю пугать, говорит, что и Керенский от Ленина тоже в панике, бегал по кабинету, хватался за виски: “нет, нет, мне придется уйти”» [Гиппиус, 1982, с. 199].

Любопытна динамика оценок этих героев на страницах дневника. Сначала Гиппиус поддерживает Керенского, с его лидерством в революционном правительстве связывает большие надежды. Но в апреле 1917 г. возвращается в Петроград Савинков. Писательница хорошо знает его («сильный, сжатый, властный индивидуалист», «личник», грешит «аристократизмом», но до сих пор был только «разрушителем») [Там же, с. 201]. Она поддерживает Савинкова в масштабной и амбициозной политической игре, связанной с противостоянием Корнилова и Керенского, и видит в нем реального претендента на полноту диктаторской власти в стране.

Под влиянием Савинкова Гиппиус еще больше отдаляется от Керенского. Целостный образ героя начинает распадаться, теперь ему оказываются свойственны замкнутость сознания на себе самом, излишняя рациональность, оторванность от жизни и действия, неспособность к истинному творчеству, и это отражается на страницах дневника: «Началась “вольница”, дезертирство. Керенский <...> должен создать систему <...>, а он не сможет, остановится, испугается» [Там же, с. 43].

Постепенно он превращается для Гиппиус в символ наступающей катастрофы, «ходячий абсурд», у которого «все <...> туманно, болезненно и <...> преступно» [Там же, с. 185].

В галерее политиков и государственных деятелей революционной эпохи особо выделяется личность Корнилова. Писательнице оказываются близки его прямолинейность и конкретность. Она вводит в текст дневника строки из стихотворения «На поле чести»: *Открой, Господь, поля озаренные / Душе убитого на поле чести*, которые звучат как торжественный гимн Корнилову, готовому к самой большой жертве в борьбе с большевизмом, воплощающим метафизическое зло [Гиппиус, 1991б, с. 54]. Такой прием служит мифологизации генерала Корнилова, имя которого у Гиппиус обретает святость и бессмертие, становится прорывом в вечность. Ее восхищает жертвенность русского героя, ставшего символом России, преобразованной под знаком Царства «Третьего Завета».

Значимость и стремительная динамика событий, зафиксированных автором дневника, обусловили расширение пространственно-временного аспекта, локальный и континуальный типы времени [Егоров, 2003, с. 59]. Позиция автора, которая проявляется в отборе материала и его оценке, позволяет говорить также о психологическом хронотопе. Основные события локализованы главным образом в охваченном революцией Петрограде: «Нынче мимо нас шла двухверстная толпа с пением и флагом – “да здравствует совет рабочих депутатов”» [Гиппиус, 1982, с. 178]. Но постепенно Гиппиус начинает писать о фактах, не связанных локально непосредственно с Петроградом, что позволяет автору расширить повествовательное пространство: «В Кронштадте и Гельсингфорсе убито до 200 офицеров <...>. Балтийский флот, как боевая единица, не существует. <...> Поехали депутаты. Когда они выходили с вокзала, а Непенин шел к ним навстречу, ему всадили в спину нож» [Там же, с. 180].

Локальный хронотоп отображает исторически достоверное время. В границах локального пространства дневника изображены в точном времени события, свидетелем которых был сам автор, что говорит о фактической достоверности дневникового материала. Действительное время представлено описаниями тягот петербургской жизни, которые, по мнению писательницы, сводятся к заботе «о хлебе насущном».

Континуальность пространства, предполагающая определенную субъективность в отборе фактического материала и мифологизацию действительности, связана с событиями революции, свидетелем которых сам автор не является: он узнает о них из газет, от знакомых, по слухам. Так, Корниловский мятеж Гиппиус представляет как «загадочную картину»: «Утопая в куче противоречивых фактов <...>, я пытаюсь слепить из кусочков образ того, что произошло на самом деле» [Гиппиус, 1982, с. 237]. Постоянные слухи она называет «легендами», что еще раз указывает на мифологичность времени. При этом писательница подчеркивает функциональность слухов для революционного времени: «Я веду эту запись <...> для усиленной передачи атмосферы, в которой живу» [Там же, с. 279].

Художественное своеобразие повествования Петербургских дневников проявляется также в использовании автором различных типов наррации, которые организованы по принципу иерархии. Как замечает Н. А. Кожевникова, при такой организации «разные типы повествования отличаются друг от друга степенью своей самостоятельности и конструктивной значимости в произведении: одни из них, сколь бы малое место ни занимали, организуют текст в целом, другие закрепляются за его фрагментами. Таким образом, разные типы повествования оказываются явлениями разных уровней, стоящими на разных ступенях внутренней иерархии произведения» [Кожевникова, 1994, с. 3]. В дневниках Гиппиус происходит постоянное столкновение различных точек зрения, свободный переход от настоящего времени к прошедшему, попытки предугадать будущее. Это придает повествованию смысловую вариативность: «Правительство о войне <...> молчит. А Миллюков на днях заявил <...>, что России нужны проливы и Константинополь. “Правдисты”, естественно, взбесились. Я ни секунды не останавливаюсь на том, нужны ли эти чертовы проливы нам. Роковое непонимание момента <...>» [Гиппиус, 1982, с. 198].

Созданию ассоциативных цепочек служат, как правило, эпитеты и метафоры: «Порою кажется, что история идет с быстротой обезумевшего аэроплана», «Россия – большой сумасшедший дом», «На улицах – гробовое молчание», «Мы в бесповоротном мешке». Ассоциативные цепочки возникают также на основе художественной детали. Организуя композицию, интерьерная или пейзажная деталь, дополненная рядом эпитетов, становится частью исторического, культурного фона: «<...> стоял не на кафедре, а за длинным зеленым столом. Кафедра была за нашими спинами, а за кафедрой, на стене, висел <...> портрет Николая II» [Там же, с. 141]. Подчас деталь нужна автору дневника как элемент характеристики персонажа. Подобными характеристиками автор концентрирует внимание на идее дневника и придает образу символическое значение. Так, для Гиппиус фигура Протопопова, которого она называет «министром-шалунешкой», становится символом наступающей катастрофы.

Изображение в дневниках Гиппиус исторических событий, связанных с войной и революцией, дополняют пейзажные зарисовки. Описания состояния природы коррелируют по настроению с ощущением неотвратимости исторической катастрофы: «Летом дни катились один за другим, кругло щелкая, словно черепа.

Катились, катились – вдруг сморщились, точно молоденькие яблочки <...>. Неужели <...> уже нет спасения?» [Гиппиус, 1982, с. 70].

Автор дневников мастерски передает ритм времени и придает своему повествованию более широкий контекст, используя пространственную деталь, которая, соединяясь с предметной, объединяет бытовой и культурно-временной контексты [Колядич, 1998, с. 19]. В повествование Петербургских дневников вводятся «общие места», организуемые посредством сходных временных деталей. Например, Гиппиус пишет о «гидре войны» и «гидре революции», сравнивает политиков с «пауками в банке», и одновременно вводит политические реалии, связанные с бытовыми проблемами: «Дров нет ни у кого <...>. В квартирах <...> – от 4 тепла до 2 мороза» [Гиппиус, 1982, с. 63].

Деталь в дневниковой прозе Гиппиус играет важную роль в создании образа, который возникает «при движении от данного единичного к обобщающей мысли <...>» [Гинзбург, 1999, с. 32]. Так, рисуя образ России, писательница характеризует путь, по которому катится Россия-дом: «Россия – очень большой сумасшедший дом. Если сразу войти на какой-нибудь вечер безумцев – вы, не зная, не поймете этого. А они все безумцы» [Гиппиус, 1982, с. 139]. Предметные детали («дом», «путь») становятся символами, передающими состояние катастрофичности происходящего в России: «Бедная Россия! Да опомнись же! Бедная земля моя, очнись!» [Там же, с. 140]. Призывы «опомниться» и «начать путь» воспринимаются как обращение к интеллигенции.

Все вышесказанное позволяет нам сделать следующие выводы:

- Петербургские дневники Гиппиус 1914–1919 г. – документ эпохи, отражающий судьбу России в период исторических потрясений. Дневники являются также манифестом писательницы, которая осуждает разрушительное начало революции, ведущее к утрате нравственных идеалов, и призывает современников создать «совершенный синтез» личного и общественного через утверждение необходимости сохранения святынь и истинной свободы, обретенной в Боге;
- в Петербургских дневниках находит выражение поиск идеала, который преобразует деструктивное и созидательное начала революции в «творческую революционную Россию», способную сделать ее свободной. Воплощением этого идеала для писательницы является русская интеллигенция с ее открытостью сознания, готовностью к действию, способностью к истинному творчеству, святостью, умением противостоять историческим потрясениям, произошедшим в России, уничтожающим всех и всяческих кумиров, несущим духовную пустоту;
- в процессе осмысления происходящих в России событий особое значение для Гиппиус приобретает конкретный, действенно-практический гуманизм, который признаёт многомерность человека; учитывает нравственную составляющую человеческой жизни как при определении целей, так и при выборе способов и путей их достижения; сочетает практические социальные действия с ориентацией на человека как на конечную цель;
- эстетическими находками З. Н. Гиппиус в Петербургских дневниках являются включение в формы автодокументальной литературы различных типов наррации, организованных по принципу иерархии; разного рода хронотопов (локального, континуального, психологического); разнообразных ассоциативных цепочек; обогащение конкретно-исторических образов универсальными символами; синтез лирического выражения собственного Я с эпическим восприятием мира, что позволяет переосмыслить сложные взаимоотношения личности с обществом.

Список литературы

- Бердяев Н. А.* Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 318 с.
- Блок А. А.* Дневник. М.: Сов. Россия, 1989. 512 с.
- Богомолов Н. А.* Дневники в русской культуре XX века // Русская литература первой трети XX века: портреты, проблемы, разыскания. Томск: Водолей, 1999. С. 201–212.
- Бунин И. А.* Дневники. 1881–1953 // Бунин И. А. Лишь слову жизнь дана... М.: Сов. Россия, 1990. 365 с.
- Бунин И. А.* Окаянные дни. Дневники. Рассказы. М.: Молодая гвардия, 1991. 335 с.
- Гинзбург Л. Я.* О психологической прозе. М.: Intrada, 1999. 415 с.
- Гиппиус З. Н.* Петербургские дневники (1914–1919). Нью-Йорк: Орфей, 1982. 296 с.
- Гиппиус З. Н.* Живые лица. Воспоминания: В 2 т. Тбилиси: Мерани, 1991а. Т. 2. 384 с.
- Гиппиус З. Н.* Черные тетради // Звенья: Исторический альманах / Отв. ред. Н. Г. Охотина. М.: Прогресс, 1991б. С. 20–173.
- Гиппиус З. Н.* Автобиографическая заметка // Русская литература XX века (1890–1910): В 2 кн. / Под ред. С. А. Венгерова. М.: XXI век – Согласие, 2000. Кн. 1. С. 171–175.
- Егоров О. Г.* Русский литературный дневник XIX века: история и теория жанра. М.: Флинта; Наука, 2003. 280 с.
- Кожевникова Н. А.* Типы повествования в русской литературе XIX–XX веков. М.: ИРЯ, 1994. 333 с.
- Колобаева Л. А.* Русский символизм. М.: Изд-во МГУ, 2000. 296 с.
- Колядич Т. М.* Воспоминания писателей: проблемы поэтики жанра. М.: Мегатрон, 1998. 278 с.
- Криволапова Е. М.* «Преодолеть без утешенья»: Зинаида Гиппиус и ее время. Орёл: Орлик, 2006. 241 с.
- Полонский В. В.* Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX–XX веков: история, поэтика, контекст. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 472 с.

Список источников

- Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (РО РНБ). Ф. 322. Ед. хр. 43, 47, 50.

References

- Berdyayev N. A. *Russkaya ideya* [Russian idea]. St. Petersburg, Azbuka-klassika, 2008, 318 p.
- Bogomolov N. A. *Dnevniki v russkoy kul'ture 20 veka* [Diaries in Russian culture of the XX century]. In: *Russkaya literatura pervoy treti 20 veka: portrety, problemy, razyskaniya* [Russian literature of the first third of the 20 century: portraits, problems, research]. Tomsk, Vodoley, 1999, pp. 201–212.
- Bunin I. A. *Dnevniki. 1881–1953* [Diaries]. In: Bunin I. A. *Lish' slovu zhizn' dana...* [Only a word life is given...]. Moscow, Sov. Rossiya, 1990, 365 p.

Bunin I. A. *Okayannye dni. Dnevnik. Rasskazy* [Cursed days. Diaries. Stories]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1991, 335 p.

Egorov O. G. *Russkiy literaturnyy dnevnik 19 veka: istoriya i teoriya zhanra* [Russian literary diary of the 19th century: the history and the theory of the genre]. Moscow, Flinta, Nauka, 2003, 280 p.

Gippius Z. N. *Avtobiograficheskaya zametka* [Autobiographical note]. In: *Russkaya literatura 20 veka (1890–1910): V 2 kn.* [Russian literature of the 20 century (1890–1910): in 2 bks.]. S. A. Vengerov (Ed.). Moscow, XXI vek – Soglasie, 2000, bk. 1, pp. 171–175.

Gippius Z. N. *Chernye tetrady* [Black notebooks]. In: *Zven'ya: Istoricheskiy al'manakh* [Links: historical almanac]. N. G. Okhotina (Ed. in Ch.). Moscow, Progress, 1991b, pp. 20–173.

Ginzburg L.Ya. *O psikhologicheskoi proze* [About psychological prose]. Moscow, Intrada, 1999, 415 p.

Gippius Z. N. *Peterburgskie dnevniky (1914–1919)* [Petersburg diaries (1914–1919)]. New York, Orfey, 1982, 296 p.

Gippius Z. N. *Zhivye litsa. Vospominaniya: V 2 t.* [Alive faces. Memories: In 2 vols.]. Tbilisi, Merani, 1991a, vol. 2, 384 p.

Kolobaeva L. A. *Russkii simvolizm* [Russian symbolism]. Moscow, MSU Publ., 2000, 296 p.

Kolyadich T. M. *Vospominaniya pisateley: problemy poetiki zhanra* [Memoirs of writers: problems of the poetics of the genre]. Moscow, Me-gatron, 1998, 278 p.

Kozhevnikova N. A. *Tipy povestvovaniya v russkoy literature 19–20 vekov* [Types of narration in Russian literature of the 19th–20th centuries]. Moscow, IRYa, 1994, 333 p.

Krivolapova E. M. *“Preodolet' bez utshen'ia”*: Zinaida Gippius i ee vremia [Overcome without consolation: Zinaida Gippius and her time]. Orel, Orlik, 2006, 241 p.

Polonskiy V. V. *Mezhdru traditsiey i modernizmom. Russkaya literatura rubezha 19–20 vekov: istoriya, poetika, kontekst* [Between tradition and modernism. Russian literature at the turn of the 19th–20th centuries: history, poetics, context]. Moscow, IMLI RAN, 2011, 472 p.

List of sources

Rukopisnyy otdel Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (RO RNB) [Manuscript Department of the Russian National Library], coll. 322, items 43, 47, 50.

Информация об авторах

Лилия Михайловна Шумская, кандидат филологических наук, доцент кафедры современных технологий доуниверситетского образования Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь)

Елена Ивановна Билютенко, кандидат филологических наук, доцент кафедры современных технологий доуниверситетского образования Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь)

Ирина Константиновна Комарова, кандидат философских наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных и лингвистических дисциплин Гродненско-

го филиала Учреждения образования «БИП – Университет права и социально-информационных технологий» (Гродно, Беларусь)

Information about the authors

Lilya M. Shumskaya, PhD (Philology), Associate Professor of the department of modern technologies of pre-university education, Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Belarus)

Elena I. Biliutenka, PhD (Philology), Associate Professor of the department of modern technologies of pre-university education, Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Belarus)

Iryna K. Komarova, PhD (Philosophy), Head of the department of social, humanitarian and linguistic disciplines, BIP-University of Law and Socio-informational Technologies, Grodno Branch (Grodno, Belarus)

*Статья поступила в редакцию 19.10.2021;
одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 01.02.2022
The article was submitted on 19.10.2021;
approved after reviewing on 01.02.2022; accepted for publication on 01.02.2022*

Научная статья

УДК 821.161.1, 82-43

DOI 10.17223/18137083/83/10

«Жизнь Бунина» и «Жизнь Арсеньева»: романные проекции биографии и вызванные ими ошибки

Евгений Рудольфович Пономарев

Институт мировой литературы имени А. М. Горького
Российской академии наук
Москва, Россия

Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского
Санкт-Петербург, Россия

eronomarev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5508-6532>

Аннотация

Статья предлагает параллельное чтение романов В. Н. Муромцевой-Буниной «Жизнь Бунина» и И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева». Многочисленные совпадения позволяют говорить о важной роли романских цитат в структуре биографии – иными словами, о «перекодировке» романского нарратива в биографический. Использование романа в качестве источника для биографии Бунина привело к ряду ошибок, касающихся юношеских лет жизни писателя. Некоторые из них не исправлены до сих пор.

Ключевые слова

Жизнь Бунина, Жизнь Арсеньева, Бунин, Муромцева-Бунина, биография, романский нарратив

Благодарности

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-01340 «Полное собрание сочинений В. Н. Муромцевой-Буниной: архивное исследование, комплексное изучение, издание»).

Для цитирования

Пономарев Е. Р. «Жизнь Бунина» и «Жизнь Арсеньева»: романские проекции биографии и вызванные ими ошибки // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 124–138. DOI 10.17223/18137083/83/10

© Пономарев Е. Р., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 124–138

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 124–138

“The Life of Bunin” and “The Life of Arseniev”: novel projections of biography and the mistakes they cause

Evgeny R. Ponomarev

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky
St. Petersburg, Russian Federation

eponomarev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5508-6532>

Abstract

The paper offers a parallel reading of the book “Zhizn’ Bunina” (“The Life of Bunin”) by Vera Muromtseva-Bunina and the novel “Zhizn’ Arsenieva” (“The Life of Arseniev”) by Ivan Bunin. Numerous correspondences allow us to show the crucial role of the novel quotations in the biography composition. Detailed analysis of the text of the first chapter of “Zhizn’ Bunina” reveals all the sources of the biography: the autobiographical synopsis written by Bunin, sketches preserved in the archive after the writer’s death, oral stories by Bunin and his relatives, preserved in the memory of Muromtseva-Bunina, letters of the young writer published in the USSR, extremely rare extended autobiographical notes, the writer’s diaries, and, finally, the novel “The Life of Arseniev”. The autobiographical outline and the novel are recognized as major sources. Referring to the text of the novel, the biography “recodes” the novel narrative into a biographical one. The compilation structure of “Zhizn’ Bunina” is examined: the insertions of Muromtseva-Bunina’s “own text” are found to have an exclusively connecting character for different types of “other texts.” However, using the novel as a source for Bunin’s biography has resulted in a number of mistakes concerning the writer’s adolescent years. This paper provides a typology of mistakes and corrects the most important of them, as some of them continue to affect the scholarly narrative and biographical publications.

Keywords

Life of Arseniev, Life of Bunin, Ivan Bunin, Muromtseva-Bunina, biography, novel narrative

Acknowledgements

This study was conducted at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the support of the Russian Science Foundation, project no. 22-28-01340 “Complete works by Vera Muromtseva-Bunina: archive research, complex examination, publication”

For citation

Ponomarev E. R. “The Life of Bunin” and “The Life of Arseniev”: novel projections of biography and the mistakes they cause. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 124–138. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/10

Хорошо известно, как бывал недоволен И. А. Бунин, если критики называли роман «Жизнь Арсеньева» автобиографическим, ибо, опираясь на факты собственной жизни, писатель создавал «историю современника» – «отчужденного» героя. Иными словами, биография Бунина послужила основой для биографии Арсеньева, но была существенно переработана – вычищена, ужата (особенно в последней, пятой книге: события шести лет бунинской жизни пролетают у Арсеньева за два года), переосмыслена. В дальнейшем же, по иронии истории, вышло так, что «Жизнь Арсеньева», в свою очередь, послужила одним из главных источников биографии Бунина, написанной вдовой писателя, ибо это был самый подробный источник сведений о жизни Бунина, из всех доступных в эмигрантском Париже.

Официальным источником для книги В. Н. Муромцевой-Буниной послужил так называемый «Автобиографический конспект» (реконструкция документа выполнена автором этих строк и опубликована в 2022 г. [Бунин, 2022]). Писатель начал составлять его в 1930-е гг., еще обдумывая возможное продолжение «Жизни Арсеньева», а завершил в середине 1940-х гг., как бы направляя будущего биографа. Конспект 1930-х гг., похоже, вырос из набросков романа: писатель стал вспоминать события своей жизни, последовавшие за расставанием с Варварой Пашенко, чтобы наметить сюжетные повороты шестой книги «Арсеньева»¹. Для романа эти наброски не понадобились (роман было решено завершить пятой книгой), но проделанная работа оказалась ценной сама по себе. Листочки Бунина сохранил (ненужные наброски он уничтожил), и они получили новое автобиографическое значение. Этот конспект упомянут В. Н. Муромцевой-Буниной в предисловии к книге «Жизнь Бунина» – наряду с устными рассказами самого Бунина и воспоминаниями его родных, которые Вера Николаевна хранила в памяти. Роман в качестве источника не упомянут, однако он очевидно присутствует в тексте биографии – в виде прямых цитат. Не так бросаются в глаза цитаты косвенные – пересказанные страницы романа или эпизоды, построенные на основе романного повествования. Их не меньше, чем прямых цитат. Не говорим уже об указанной выше генетической связи конспекта с романным нарративом. Таким образом, приходится признать: «Жизнь Арсеньева» существенным образом повлияла на «Жизнь Бунина» и послужила причиной ряда ошибок, часть из которых не исправлена в бунинских биографиях до сего дня.

Мы будем читать книгу «Жизнь Бунина», отмечая ее совпадения как с «Автобиографическим конспектом», так и с романом «Жизнь Арсеньева», следя за механизмами «перекодировки» романа в биографию и исправляя ошибки, вызванные текстом романа.

1. Роман и биография в параллельном развертывании

Отсылки к роману «Жизнь Арсеньева» начинаются практически со второй страницы первой главы. Сразу после сообщения о переезде семьи Буниных из Воронежа на хутор Бутырки сказано:

Однажды летом, когда мы жили с Иваном Алексеевичем в Васильевском после 1907 года, в имении его двоюродной сестры, Софьи Николаевны Пушешниковой, мы с ее сыном Колей и с Юлием Алексеевичем ездили туда, где был хутор Бутырки, на месте которого колосилось, действительно, «море хлебов»... Иван Алексеевич все же указал место дома, варка, сада... Он с грустным видом долго слушал полевою овсяночку и неожиданно воскликнул: «Да это не Босфор, не Дамаск, не Италия и даже не Васильевское! Это мое грустное детство в глуши!..» А мне эта глушь несказанно понравилась тишиной и простором [Муромцева-Бунина, 1989, с. 27–28].

«Море хлебов», как и грусть «в великой глуши» – цитата из II главы первой книги романа:

¹ См. прилож. 1 к автобиографическому конспекту [Бунин, 2022, с. 611–612].

В самом деле, вот хотя бы то, что рос я в великой глуши. Пустынные поля, одинокая усадьба среди них... Зимой безграничное снежное море, летом – море хлебов, трав и цветов... [Бунин, 1952, с. 10]².

Это цитирование сразу же соединяет «Жизнь Бунина» с «Жизнью Арсеньева», предполагая параллельное развертывание двух текстов в дальнейшем. Так и оказывается. Практически следом идут еще две отсылки к роману – изложение необычных для ребенка желаний (плыть на облаке, поиграть со звездой) со специальным указанием: «как он пишет в “Жизни Арсеньева”» [Муромцева-Бунина, 1989, с. 28] – и описание первой поездки в Елец с многочисленными цитатами из романа. Этими цитатами подготовлено и не прямое цитирование, которое впервые обнаруживается в рассказе о матери Бунина:

Мать имела характер меланхолический. Она подолгу молилась перед своими темными большими иконами, ночью простаивала часами на коленях, часто плакала, грустила. Все это отражалось на впечатлительном мальчике.

А тревожиться и горевать у нее уже были основательные причины: долги все росли, дохода с хутора было мало, а семья увеличивалась – было уже пять человек детей [Муромцева-Бунина, 1989, с. 31].

Ср. в романе:

И не раз видел я, с каким горестным восторгом молилась в этот угол мать, оставшись одна в зале и опустившись на колени перед лампадкой, крестом и иконами... О чем скорбела она? И о чем вообще всю жизнь, даже и тогда, когда, казалось, не было на то никакой причины, горевала она, часами молилась по ночам, плакала порой в самые прекрасные летние дни, сидя у окна и глядя в поле? О том, что душа ее полна любви ко всему и ко всем и особенно к нам, ее близким, родным и кровным, и о том, что все проходит и пройдет навсегда и без возврата, что в мире есть разлуки, болезни, горести, несбыточные мечты, неосуществимые надежды, невыразимые или невыраженные чувства – и смерть... [Бунин, 1952, с. 36].

Отметим разные причины скорби матери в биографии и романе: если Арсеньев как бы заимствует у матери ощущение неисповедимой тайны земного бытия, которую в дальнейшем будет воплощать в творчестве, то в биографии сняты метафизические смыслы и добавлены бытовые: начинается разорение семьи, а мать не знает, что с этим делать. Такой прием трансформации текста романа в текст биографии мы увидим и в дальнейшем: романский текст будет освобождаться от философского подтекста и выступать в прямом, нередко бытовом значении.

Продолжает параллелизм двух текстов рассказ о том, как герой впервые ощутил смерть: пастушок, сорвавшийся вместе с лошадью в Провал, есть и в романе, и в биографии. Запоминающиеся ребенка слова «мертвое тело» выделены и там, и там. Упоминания гумна и каретного сарая имеют соответствия в романе, однако в романе эти локусы большого двора существуют сами по себе, в биографии они становятся декорациями детской дружбы с сестрой Машей. Приятельские отношения с крестьянскими детьми представлены как проведение времени в компании «пастушат» [Муромцева-Бунина, 1989, с. 32]. Это слово повторяется несколько

² Роман цитируется по последнему прижизненному изданию – наиболее полному и точному тексту.

раз в первой главе биографии («пастушата» идут вслед за родными и слугами в списке тех, кого мальчик научился «различать» [Муромцева-Бунина, 1989, с. 30]), создавая легкий пасторальный колорит, – и восходит, вероятно, к истории пастушка, сорвавшегося в Провал. Эпизод романа, когда Арсеньев и его маленькая сестра Оля объелись белены, повторяется и в биографии.

Романные эпизоды биограф дополняет отдельными зарисовками, обнаруженными в архиве Бунина, – записями, иногда очевидно биографического характера (желание лгать, которое напало на мальчика; фраза «у меня горя мало»³, картавость в детстве⁴), но большей частью художественными набросками из деревенского быта, которых немало среди сохранившихся в архиве Бунина. Дочитав первый раздел первой главы до конца, заключаем, что рассказ о самом раннем детстве компилятивен и строится от цитаты к цитате. Его основу составляют пересказы – в несколько измененном виде – эпизодов «Жизни Арсеньева», в качестве дополнения используются отдельные наброски Бунина о деревне, детстве, родных (вероятно, предназначавшиеся для художественных произведений, но так и не использованные в них⁵).

Очень похоже выстроен и следующий раздел биографии, охватывающий жизнь Бунина догимназического периода. Второй раздел первой главы рассказывает о Николае Осиповиче Ромашкове – воспитателе и первом учителе Вани, готовившем мальчика к поступлению в гимназию. Изложение во многом опирается на страницы романа, иногда заменяя некоторые подробности, иногда разворачивая одну из них. Так, в романе сказано, что мальчик учился читать по русскому переводу «Дон Кихота», в биографии к роману Сервантеса добавлена еще и «Одиссея» (переводчик не указан, но, вероятно, подразумевается: это В. А. Жуковский, т. е. сын дворянина Бунина, как любил напоминать писатель во всех автобиографических записках). Список книг и журналов, прочитанных с первым учителем и разбудивших воображение, практически совпадает с тем, какой есть в романе. Несколько бытовых анекдотов о Ромашкове (например, кличка «Парик», данная ему, – и утраченный «головной убор» во время половодья) и рассказ о Гоголе, которого он однажды видел, разбавляют романский дискурс. То и другое, вероятно, почерпнуто из устных источников.

Смерть сестры Саши, поразившая юного Бунина, во многом дана по роману (показательна повторяющаяся в обоих текстах деталь: топочущие крепкие ножки). Однако вместо звучащего в романе «потрясающего слова» «кончается» [Бунин 1952, с. 58], рифмующегося с сочетанием «мертвое тело» из главы о гибели пастушка, в биографии приведена развернутая запись взрослого Бунина о своих детских впечатлениях от смерти сестры. Любая автобиографическая запись, сделанная по поводу ключевых событий детства, позволяет уйти от текста романа. Проблема в том, что таких записей практически нет.

Вдове-биографу приходится вновь и вновь возвращаться к тексту «Жизни Арсеньева» и перестраивать эпизоды так, чтобы они не повторяли роман один к одному. Если в повествовании о Ромашкове романские детали усиливаются допол-

³ См. рассказ о ней в полном тексте дневников: [Бунин, 2022б, с. 436].

⁴ Заимствовано из записной книжки: [Бунин, 2022в, с. 568–569].

⁵ Запись о жеребце «бунинской породы» взята из записной книжки писателя [Бунин, 2022в, с. 523]; запись о покойниках, которые приходят к своим домам погреться, – из набросков на деревенскую тему [Бунин, 2019, с. 161]. Рукописные наброски Бунина о деревне сохранились в его архиве на нескольких листах с отобранными (переписанными набело) заготовками для дальнейшей работы.

нительными подробностями, то в ряде случаев используется противоположный прием – свергывание подробностей в эпизодах, которые знакомы читателю по «Жизни Арсеньева». Это, например, поездки в церковь в село Рождество (оно в романе не поменяло название), посещения усадьбы бабушки, увлечение житиями святых после смерти сестры, юношеская любовь к Пушкину и Гоголю.

Третий прием перестройки эпизодов, общих для романа и биографии, – это небольшие вставки, актуализирующие неизвестные моменты семейной хроники (реакция отца на убийство Александра II, смерть бабушки, ее чудовищная полнота в старости).

Следующий раздел начинается поступлением Ивана в гимназию. Несмотря на появляющийся с этого момента новый источник – записи автобиографического конспекта (впрочем, гимназические годы в нем даны крайне скудно), роман – по-прежнему основа сведений для биографии. Цепочка романских мотивов (прощание с семьей, экзамены, пошив формы и покупка фуражки, фраза отца про амаликитян, пугающая разлука с семьей и предвкушение новой жизни, охота с отцом; дорога в город – ворон, по словам отца, видевший Мамаю, Становая и легенда о разбойниках, мещанский дом и другой мальчик, тоже поступивший в гимназию, «русскость» хозяина дома, поэзия Никитина и Кольцова) лишь изредка разбиваются дополнительными деталями (жалость к Ромашкову, с которым Ваня разлучался, прогулки с братом Юлием). Основной источник сведений хорошо виден по атрибуции легенды о вороне – через «Жизнь Арсеньева»: «<...> и отец сказал, очень поразив этим мое воображение, что вороны живут по несколько сот лет и что, может быть, этот ворон жил еще при татарах...» [Бунин 1952, с. 75]. В «Автобиографической заметке (Письмо к С. А. Венгеру)» (1915) Бунин утверждал, что миф о воронах, живущих по несколько сот лет, был рассказан ему не отцом, а матерью: «<...> ворон, все прилетавший к нам на ограду и поразивший мое воображение особенно тем, что жил он, как сказала мне мать, еще, может, при Иване Грозном...» [Бунин, 1915, с. 323]. Однако автобиографические заметки Муромцева-Бунина практически не использует, хотя иногда на них и ссылается (см. отсылку к «Автобиографическим заметкам», напечатанным в первом томе Собрания сочинений «Петрополиса», в разделе 6 второй главы – рассказ о посещении писательницы Шабельской). Отметим еще, что вся фраза мещанина Бякина: «Надо, барчук, ко всему привыкать, мы люди простые, русские, едим пряники неписанные, у нас разносолов нету...» – полностью повторяет фразу мещанина Ростовцева из романа.

Рассказ о первом гимназическом утре вновь построен по канве, заданной романом: солнце, подробное описание гимназического мундира, новые впечатления (существенно сокращенные, по сравнению с романом) от коридоров, классов и учителей. Следующие абзацы об учении первого года представляют собой краткий конспект отдельных моментов романа (приезды родителей, церковные службы, на которые водили гимназистов) с добавлением деталей – вероятно, из устных источников (плакал после отъезда родителей, два раза падал в обмороки на всеобщих).

Первый существенный отход от текста романа отмечаем в конце раздела 3: это рассказ о летних каникулах. Подробности семейной жизни Буниных, вероятно, были известны Вере Николаевны по рассказам мужа и его близких. Раздел 4 опирается уже не на роман, а на записи автобиографического конспекта – как не дошедшие до нас (о сыне Бякина, нравящейся ему девушке и порнографической карточке), так и сохранившиеся (о приятеле Юлия Иордане, с которым брат вне-

запно бежал из Ельца; о гимназистке Юшковой⁶). Довольно много сведений почерпнуто, вероятно, из устных источников – иногда непосредственно от Бунина (например, сообщение о том, что юноша в этот раз был отдан на жительство не к Бякину, а к кладбищенскому скульптору, и на елецком кладбище есть черепа и кости, изваянные будущим писателем). Раздел 5 равным образом комбинирует в качестве источников краткую запись автобиографического конспекта, текст романа (провода брата Георгия на вокзале), устные семейные истории, а также художественный набросок Бунина о воре по прозвищу Ткач, привязанный Верой Николаевной (как рассказ бывшего дворового бабушки) именно к этому периоду⁷.

Продолжение раздела – женитьба брата Евгения. Изложение здесь большей частью построено на устных преданиях семьи, рассказах самого Ивана Алексеевича и записях автобиографического конспекта (тем более что в роман не взята история влюбленности Вани в младшую сестру невесты Дуню, а в конспекте эта история представлена⁸), но некоторые подробности, вероятно, почерпнуты и из романа:

Он в новом гимназическом мундире надевал туфельку невесте, положил туда золотой, ехал с ней в карете с образом к венцу, а потому чувствовал себя одним из действующих лиц [Муромцева-Бунина, 1989, с. 54].

Ср. с текстом романа:

<...> когда я, затянутый в новый блестящий мундир, в белых перчатках, с сияющими глазами и напомаженный, надевал белую атласную туфельку на ее ногу в шелковом скользком чулке, а потом ехал с ней в карете на могучей серой паре в Знаменье [Бунин, 1952, с. 130].

В событиях следующей осени уже практически не видно переработки романа, тем более что Арсеньев все четыре года гимназической жизни проводит у мещанина Ростовцева, а Ваня Бунин переезжает уже во второй раз – теперь на квартиру к своей двоюродной сестре Вере Аркадьевне, поселившейся в Ельце. Весь рассказ о ее богемном образе жизни не имеет параллели в «Жизни Арсеньева» – следовательно, основан на иных источниках. Но одна деталь – которая очень важна в поэтике романа – вдруг вставлена и в этот отрывок: «При въезде в город его на этот раз поразили ворота монастыря, на створах которых во весь рост были написаны два высоких святителя в епитрахиях. Утро было серое, на душе у него – грусть» [Муромцева-Бунина, 1989, с. 55]. Вызывает некоторые сомнения мотивировка: юноша уже несколько лет ездит мимо ворот, но поразили они его именно сейчас. В романе герой замечает святителей на воротах, когда бродит по городу, переживая арест брата. Глядя на них, он испытывает религиозное откровение и начинает истово молиться. Таким образом, органичная романная деталь ощущается внутри

⁶ Ср. в автобиографическом конспекте [Бунин, 2022а, с. 596].

⁷ Этот эпизод сохранился на систематизированных листах с отдельными набросками на деревенскую тему. Рядом с этим рассказом о Ткаче – переписанный В. Н. Муромцевой-Буниной значительно выше, в разделе 1 первой главы, рассказ об обычае разводить костры у своих изб под Рождество, чтобы покойники погрелись [Бунин, 2019, с. 162].

⁸ Забавно, что рассказ о том, как Ваня первый раз поцеловал Дуню, предваряется ремаркой: «рассказывал мне Иван Алексеевич» [Муромцева-Бунина, 1989, с. 54]. На самом деле это не рассказ, а запись «Автобиографического конспекта», переданная почти слово в слово (чуть развернута в первых ее предложениях). Ср.: [Бунин, 2022а, с. 597].

биографии неудачно вырванной из контекста. Появилась она здесь из автобиографического конспекта: «Серое утро, ворота монастыря при въезде в Елец» [Бунин, 2022а, с. 597].

Шестой раздел первой главы практически полностью построен на цитировании дневниковых записей об Э. В. Фехнер⁹. Седьмой раздел, по-видимому, опирается на рассказы Ю. А. Бунина, записи И. А. Бунина, далее идет стихотворение «На хуторе» и запись о песне, которую пел отец, из записной книжки писателя [Бунин, 2022в, с. 572–573]¹⁰. Таким образом, к концу первой главы текст биографии почти освобождается от романного нарратива, переключившись на цитирование дневников и отдельных записей. Однако эпизод смерти Алексея Николаевича Пушешникова (в «Жизни Арсеньева» – Писарева) вновь возвращает повествование к роману: он снова нужен как источник деталей (заодно заимствуется и бунинская «красочность» текста). Ср. следующий текст биографии:

Все были уже на крыльце, чтобы сесть в экипажи, как в воротах увидели сходящего с дрожек Петю.
– Вы к нам? – спросил он.
– Да...
– Как нельзя вовремя, – медленно в нос, немного нараспев по своей манере, продолжал он, – Алексей Иванович приказал долго жить, – сегодня утром вошел в спальню сестры, поздоровался, упал, и дух вон... [Муромцева-Бунина, 1989, с. 70] –

с текстом романа:

Мы все собрались ехать в Васильевское и уже вышли садиться в тарантас, как вдруг в воротах показалась лошадь, за ней беговые дрожки, а на них наш двоюродный брат Петр Петрович Арсеньев.

– Христос Воскресе, – сказал он, подъезжая, с каким-то преувеличенным спокойствием. – Вы в Васильевское? Как нельзя более вовремя. Писарев приказал долго жить. Проснулся нынче, вошел к сестре, сел вдруг в кресло – и каюк... [Бунин, 1952, с. 140].

Будто бы вдохновившись энергией романного нарратива, биография и в начале следующей (второй) главы постоянно цитирует «Жизнь Арсеньева» – и напрямую и скрыто (ср., например, пассажи о снах героя в первую ночь и шок от крышки гроба наутро в романе и биографии; рассказ о том, как Ваня пешком ушел в Озёрки после отъезда Эмили). Таким образом, использование романа не прекращается и в повествовании о юношестве писателя.

Здесь, пожалуй, можно остановить медленное чтение с подробным разбором источников «Жизни Бунина» и перечислением используемых приемов «перекодировки» романа в биографию. В отличие от других произведений, написанных В. Н. Муромцевой-Буниной, эта книга создавалась с опорой на чужой текст; компиляция разнородных бунинских отрывков формирует ее структуру. Бунинские цитаты берутся из дневников, автобиографического конспекта и романа «Жизнь Арсеньева». Текст «от себя» выполняет связующую функцию, осуществляя переход от одной цитаты к другой, а также нередко замещает собой цитату – переска-

⁹ Ср. эти записи в опубликованном полном тексте дневников [Бунин, 2022б, с. 14–15].

¹⁰ Запись о песне в записной книжке короче, чем ее изложение в «Жизни Бунина». Можно предположить, что в распоряжении Веры Николаевны был несколько более подробный вариант записи этой песни.

зывает ее, чтобы текст романа, и без того обширно представленный в книге, не подавил биографического повествования. Эта техника компиляции была отработана Муромцевой-Буниной в ходе ее предшествующего труда – во время соединения отдельных записей мужа в книгу «О Чехове»¹¹.

Отметим, что использование текста романа и его «перекодировка» – явление, характерное не только для первых глав книги. Текст романа используется в «Жизни Бунина» вплоть до конца третьей главы – рассказа о тяжком переживании Буниным бегства Варвары Пашенко (того самого момента, которым завершается автобиографическая канва «Жизни Арсеньева»). См. в XXX главе пятой книги романа пассаж о нищете родительской жизни, Арсеньеве-отце, который лучше всех понимал, что на душе у сына, и своеобразный плач по отцу, соотносимый с «оплакиванием» матери из начала романа. В «Жизни Бунина» в сокращенном виде повторяются все составляющие этого пассажа:

Легче всего было Ивану Алексеичу с отцом, который без всяких слов умел его успокаивать, иногда брал гитару и тихонько напевал приятным голосом старинные русские песни. Только раз он сказал ему: «Помни, нет больше беды, чем печаль...» И в последние месяцы перед своей кончиной Иван Алексеич очень мучился о последних годах жизни отца. Он представлял, в каких условиях он жил и в каких условиях застала его смерть среди снегов, без медицинской помощи <...> [Муромцева-Бунина, 1989, с. 142].

Размер статьи не позволяет перечислить все случаи использования романа в биографии, а также все элементы структуры «Жизни Бунина». Мы укажем лишь на новые приемы создания биографических значений, появившиеся в последующих главах, а также на ошибки, вызванные использованием романа в качестве биографического источника.

2. Мистификации и ошибки

Начало поэтического творчества (середина второй главы) дано в книге следующим образом: сначала речь идет о смерти С. Я. Надсона (использована большая выписка из романа); затем сказано о том, что эта смерть побудила юношу писать стихи еще более рьяно; сообщается, что он поддался уговорам брата и послал стихотворение в столичный журнал – однако вслед за характерной бунинской мистификацией (еще в дореволюционные годы Бунин напрочь забыл о стихотворении «Над могилой С. Я. Надсона» и называл первым напечатанным стихотворением «Деревенского нищего» – это стихотворение упомянуто как первое и в автобиографическом конспекте [Бунин, 2022а, с. 597]) сообщает, что было послано и напечатано стихотворение «Деревенский нищий». Вслед за тем биограф добавляет от себя, что это был не лучший текст из написанных в юные годы, можно было отправить что-нибудь иное, – и полностью приводит текст стихотворения «Шире грудь, распахнись для принятия...». Точно так же в зрелые годы думал и сам Бунин: именно этим стихотворением он в 1915 г. открыл свое «Полное собрание сочинений» (раздел «Юношеские стихотворения»), поместив «Деревенского нищего» с подзаголовком «Первое напечатанное стихотворение» третьим номером. Получение журнала со стихотворением повторяет автобиогра-

¹¹ Подробнее о том, как формировалась книга «О Чехове» см. [Пономарев, 2014, с. 8].

фическую заметку 1915 г. и текст романа (в романе чуть больше подробностей – все они попадают и в «Жизнь Бунина»). Таким образом, помимо следования за романом, книга Муромцевой-Буниной повторяет (возможно, неосознанно – Вера Николаевна могла и не знать, что дело обстоит иначе) автобиографические мистификации Бунина.

Другой принципиальный момент формирования биографического текста: при подготовке книги Вера Николаевна не различала записи Бунина, относящиеся к собственной жизни, и наброски к «Жизни Арсеньева» (как видно из автобиографического конспекта, два типа набросков соединял и сам писатель – это свойство бунинского мышления повлияло и на биографию Бунина). Например, в конце раздела 4 второй главы цитируется запись «Я рос одиноко. Всякий в юности к чему-нибудь готовится...», обнаруженная Верой Николаевной среди бунинских бумаг. Эта запись, как мы теперь знаем, – один из многочисленных набросков не к автобиографии, а к роману¹². Это совершенно ясно при сравнении с другой, несколько более развернутой записью (дублирующей первую) из той же группы набросков: там упомянут брат Николай, т. е. использовано романное, а не реальное имя старшего брата [Бунин, 2019, с. 221]. Такие случаи не единичны. Типологически они сопоставимы с (представляющими собой единый комплекс зарисовок) деревенскими набросками Бунина, приведенными Верой Николаевной по отдельности в нескольких разделах биографии.

В рассказе о первом крымском путешествии использован новый вид источника – длинное письмо Ивана к родным, опубликованное А. К. Бабореко в 1958 г. в сборнике «На родной земле». Полный текст письма включен в «Жизнь Бунина». Это письмо удачно разбивает череду романских цитат – прямых и косвенных. В дальнейшем повествовании будут цитироваться и другие письма Бунина, прочитанные по этой публикации. Длинные письма к Юлию Бунину, полные подробностей отношений с Варей Пашенко, Вера Николаевна предпочитает, как и роман, пересказывать – чтобы не превращать биографию в сборник цитат.

Поездка юного Бунина из Орла в Смоленск, Витебск (по Риго-Орловской железной дороге), а затем в Москву дана кратко – и по роману. Лакмусовой бумажкой оказывается Полоцк, до которого, очень вероятно, Бунин в реальности не доехал, а Арсеньев в романе посетил. Дело в том, что Арсеньев поехал из Витебска в Петербург – по этому маршруту следовало непременно ехать через Полоцк (с пересадкой в Динабурге на поезда Петербурго-Варшавской железной дороги). Бунин же из Витебска, однодневное пребывание в котором отразилось и в творчестве, и в биографических источниках (а возможное пребывание в Полоцке не отразилось никак), отправился в Москву. Чтобы попасть из Витебска в Москву, надо было вернуться в Смоленск и там пересечь с поезда Риго-Орловской железной дороги на поезд Московско-Брестской железной дороги. В автобиографическом конспекте Бунин сразу после Витебска, не упоминая Полоцк, записал: «Москва через Смоленск?» [Бунин, 2022а, с. 598]. Но Вера Николаевна в данном случае, выбирая источник, предпочла конспекту роман. По этой причине посещение Полоцка (даже без вопросительного знака и какого-либо сомнения) попало во все биографии Бунина, включая научные [Летопись..., 2011, с. 65]¹³.

¹² См. [Бунин, 2019, с. 227]. Помимо этой записи на отдельном листе бумаги находится еще несколько набросков, тематически близких «Жизни Арсеньева».

¹³ На этой странице «Летописи» (в любом случае) следовало бы еще раз упомянуть Смоленск как пересадочную станцию на пути в Москву.

Однако единственный источник, сообщающий нам о поездке Бунина в Полоцк, – это роман «Жизнь Арсеньева».

Другая ошибка «Жизни Бунина» вызвана наложением конспекта на роман. Она касается начала полтавского периода в жизни писателя. Бунин и Пашенко, согласно биографии, едут в Полтаву вместе – точно так же, как Арсеньев и Лика (XVIII глава пятой книги):

Путь в Полтаву вместе с *нею* был одним из самых счастливых в его жизни, – ведь он еще верил в будущее, радовался, что та, которую он любит, решила делить с ним жизнь, – прекратилась, как ему казалось, его вечная мука [Муромцева-Бунина, 1989, с. 124].

В реальной жизни всё было не так просто. Бунин впервые приехал в Полтаву к переселившемуся туда брату в конце февраля 1892 г. один, без Пашенко. В середине апреля он уедет из Полтавы в Орёл, всё лето проведет в неопределённости, попытается получить место в Харькове, наконец, в августе вновь отправится (и опять один) в Полтаву, где через некоторое время при помощи Ю. А. Бунина устроится на службу в Статистическое бюро Полтавской губернской земской управы. В. В. Пашенко приехала в Полтаву осенью, тогда и началась их совместная с Буниным жизнь [Летопись..., 2011, с. 130–150].

Поддержку изложенной в «Жизни Арсеньева» версии на сей раз можно увидеть и в автобиографическом конспекте:

Харьков, вечер, поцеловала мне руку от счастья.
Полтава, Новое Строение. Спали на полу [Бунин, 2022а, с. 599].

Получается, что Бунин и Пашенко, счастливые, вместе едут в Полтаву (в Харькове нужно было делать пересадку с орловского поезда на поезд до Полтавы), затем они вместе спят на полу в Новом Строении (название небольшого района). Вера Николаевна так и расшифровала записи конспекта:

Юлий Алексеевич снял квартиру, место называлось Новое Строение, дом Волошиновой, снял без мебели и по своей беспомощности не мог один обставить ее даже самым необходимым. Первые ночи пришлось спать на полу [Муромцева-Бунина, 1989, с. 125].

Однако здесь тоже кроется ошибка. «Спали на полу» – как и проживание в Новом Строении – характеризует пребывание Бунина в Полтаве в феврале – апреле 1892 г., когда он жил у брата и вынужден был спать на полу (это видно из писем, которые Иван Алексеевич пишет Варваре Пашенко, – их текст В. Н. Муромцевой-Буниной был неизвестен). К приезду Пашенко братья сняли квартиру по другому адресу – в центре города, значительно более удобную. Воспоминание же о вечере в Харькове, отразившееся в конспекте, относится, надо думать, к более поздним (в 1893 или 1894 г.) переездам Бунина и Пашенко из Полтавы в Елец или в обратном направлении. «Летопись жизни и творчества И. А. Бунина» уверенно исправляет все эти и некоторые другие ошибки и накладки, связанные с жизнью Бунина в Полтаве.

Третий тип ошибки построен на бытовом «домысливании» автора биографии (основой для самостоятельных домыслов вновь послужил текст романа). Так, в автобиографическом конспекте сказано:

Поездка на отправку переселенцев с Зверевым. Написал «На край света» (когда?). Напечатали в «Нов<ом> слове» в октябре [Бунин, 2022а, с. 600].

Бунин ошибочно отнес эти события к 1895 г., произошли же они в 1894 г. – еще до разрыва с Пашенко, на что указывает и текст романа, в котором отразилась поездка на отправку переселенцев, и авторская дата рассказа «На край света». Вера Николаевна верно перенесла эту поездку в 1894 г., но несколько перестроила текст:

Статистик Зверев пригласил его поехать с ним на переселенческий пункт, откуда чуть ли не все село отправлялось в Уссурийский край [Муромцева-Бунина, 1989, с. 140].

Этот странный в данном контексте «переселенческий пункт», появившийся, вероятно, благодаря знакомству автора со статьями о переселении крестьян в Сибирь (переселенческие пункты организовывались по пути следования крестьян, здесь же речь идет о самом начале пути – отправке крестьян Полтавской губернии из своего села), перешел во все биографии писателя, включая «Летопись» [2011, с. 177]. В романе сказано значительно точнее:

Однажды мы с Вагиным ездили в Казачьи броды, старинное село в Поднепровье, были на проводах переселенцев, отправлявшихся в Уссурийскую область [Бунин, 1952, с. 363].

Да и текст рассказа «На край света» не оставляет сомнения в том, что это был не переселенческий пункт, а то самое село, откуда началось движение переселенцев: в рассказе, к слову, сказано, что село опустело наполовину, – это, надо думать, значительно точнее, чем в биографии.

Незначительная ошибка с переселенческим пунктом становится системной, если заглянуть в более ранние разделы биографии. Видимо, предваряя это важное событие 1894 г. (рассказ «На край света», по сути, принес Бунину широкую известность как прозаику), биограф добавляет «предысторию». Описывая Полтавское земство, Вера Николаевна сообщает: два статистика, которых Иван особенно полюбил в Харькове, «перекочевали» вместе с Юлием из Харькова в Полтаву – один был Зверев, фамилию второго она забыла [Муромцева-Бунина, 1989, с. 126]. Получается, что Бунин был давно знаком со Зверевым – по крайней мере, с 1891 г. Однако это никак невозможно: Дмитрий Иванович Зверев – статистик известный; в 1892 г. (когда Бунин впервые появился в Полтаве) он начинал земскую службу в Нижегородской управе, прославился там во время борьбы с голодом победой над местными чиновниками и удостоился благодарности В. Г. Короленко. Эта абберация вызвана романом «Жизнь Арсеньева»: в нем статистик Вагин, для которого Зверев послужил прототипом, действительно, сначала живет в Харькове, а потом переезжает в Полтаву.

Следующая часть «предыстории» служит в тексте биографии переходом к событиям 1894 г. Отнесен этот пассаж к 1892 г. – сразу после него идет сообщение о встрече 1893 г.:

Иногда статистик Зверев брал с собой молодого писателя, когда объезжал села и деревни для опросов, и это было большим наслаждением для него [Муромцева-Бунина, 1989, с. 132].

Эти сведения перекочевали из «Жизни Бунина» и в «Летопись жизни и творчества И. А. Бунина» с той же датировкой – конец 1892 г. [Летопись..., 2011, с. 151]. Однако это тоже маловероятно. В составе Статистического бюро Зверев указан только в адрес-календаре Полтавской губернии на 1895 год. Судя по этой

детали, он начал службу в Полтаве в 1894 г. (адрес-календари на следующий год обычно составлялись в конце предыдущего). В 1895 г. Зверев переехал в Барнаул, где продолжил службу по земству. Таким образом, в Полтаве он служил недолго. Не исключено, что поездка со Зверевым в село Великий Перевоз, отразившаяся в рассказе «На край света», была для Бунина единственной в своем роде. Частые разъезды Бунина по губернии – сведения, извлеченные Муромцевой-Буниной из романа (в других источниках биографии ничего об этом нет). В XXIII главе пятой книги сказано, что первая поездка Арсеньева случилась летом, его взял с собой Вагин, который зачем-то был отправлен в Шишáки (местечко Миргородского уезда Полтавской губернии). Из Шишак герои едут в большое село за излучиной Псёла. Но это село, если посмотреть на географическую карту, и есть Великий Перевоз (расположено вверх по течению реки к северу от Шишак), упомянутый в рассказе «На край света». Вторая, кратко описанная поездка Арсеньева с Вагиным (глава XXIV пятой книги), – поездка в село Казачьи броды (выдуманный топоним, замещающий село Великий Перевоз) на проводы переселенцев. Ни о каких других поездках Арсеньева с Вагиным роман не сообщает. Исходя из этих наблюдений, можно задать вопрос: часто ли молодой Бунин сопровождал Д. И. Зверева в его поездках или это случилось всего один раз летом 1894 г. и произвело настолько сильное впечатление на молодого Бунина, что практически сразу вылилось на бумагу?

Это основные ошибки «Жизни Бунина», спровоцированные «Жизнью Арсеньева». Они нисколько не умаляют значимости книги В. Н. Муромцевой-Буниной: примерно на полвека она стала главной биографией писателя, незаменимым источником сведений для всех буниноведов. Однако сегодняшнее буниноведение идет вперед, и на нынешнем этапе критическое отношение к первой посмертной биографии писателя необходимо. Кроме того, необходим и новый взгляд на книгу Муромцевой-Буниной: «Жизнь Бунина» следует рассматривать не как академическое сочинение, а как образец биографической прозы первой волны эмиграции – с характерной компилятивной структурой и «поэтикой ностальгии».

Список литературы

Бунин И. А. Автобиографическая заметка. Письмо к С. А. Венгеру // Бунин И. А. Полн. собр. соч.: В 6 т. Пг.: А. Ф. Маркс, 1915. Т. 6. С. 320–332.

Бунин И. А. Жизнь Арсеньева. Юность. Первое полное издание. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952.

Бунин И. А. <Автобиографический конспект>. Предисловие, подготовка текста и примечания Е. Р. Пономарева // Литературное наследство. Т. 110. И. А. Бунин. Новые материалы и исследования. Кн. 2 / Ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов; ред. Т. М. Двинятина, Е. Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2022а. С. 591–631.

Бунин И. А. Дневники 1885–1953 гг. Предисловие, подготовка текста и примечания Т. М. Двинятиной, О. А. Коростелева, С. Н. Морозова // Литературное наследство. Т. 110. И. А. Бунин. Новые материалы и исследования. Кн. 2 / Ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов; ред. Т. М. Двинятина, Е. Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2022б. С. 5–441.

Бунин И. А. Записные книжки. Предисловие, подготовка текста и примечания Е. Р. Пономарева // Литературное наследство. Т. 110. И. А. Бунин. Новые материалы и исследования. Кн. 2 / Ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов; ред. Т. М. Двинятина, Е. Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2022в. С. 442–590.

Бунин И. А. наброски. Предисловие, подготовка текста и примечания Е. Р. Пономарева // Литературное наследство. Т. 110. И. А. Бунин. Новые материалы и исследования / Ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 132–322.

Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. Сост. С. Н. Морозов. Том 1. 1870–1909. М.: ИМЛИ РАН, 2011.

Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. 1870–1906. Беседы с памятью / Сост., предисл. и примеч. А. К. Бабореко. М.: Сов. писатель, 1989. 507, [2] с.

Пономарев Е. Р. Предисловие // «Когда переписываются близкие люди...». Письма И. А. Бунина, В. Н. Буниной, Л. Ф. Зурова к Г. Н. Кузнецовой и М. А. Степун (И. А. Бунин. Новые материалы. Вып. 3) / Сост., подгот. текста, науч. аппарат Е. Р. Пономарева, Р. Дэвиса, сопроводительные статьи Е. Р. Пономарева. М.: Русский путь, 2014. С. 5–22.

References

Bunin I. A. Avtobiograficheskaia zametka. Pis'mo k S. A. Vengerovu [Autobiographic note. A letter to S.A. Vengerov]. In: Bunin I. A. *Poln. sobr. soch.: V 6 t.* [Complete works: in 6 vols.]. Petrograd, 1915, vol. 6, pp. 320–332.

Bunin I. A. Avtobiograficheskiy konspekt [Autobiographical note]. E. R. Ponomarev (Preface, prep. of the text and notes). In: *Literaturnoe nasledstvo. T. 110. I. A. Bunin. Novye materialy i issledovaniya. Kn. 2* [Literary Heritage, vol. 110. I. A. Bunin. New materials and research. Bk. 2]. O. A. Korostelev, S. N. Morozov (Eds., Comps.), T. M. Dvinyatina, E. R. Ponomarev (Eds.). Moscow, IMLI RAS, 2022a, pp. 591–631.

Bunin I. A. Dnevnik 1885–1953 gg. [Diaries of 1885–1953]. T. M. Dvinyatina, O. A. Korostelev, S. N. Morozov (Preface, preparation of the text and notes). In: *Literaturnoe nasledstvo. T. 110. I. A. Bunin. Novye materialy i issledovaniya. Kn. 2* [Literary Heritage, vol. 110. I. A. Bunin. New materials and research. Bk. 2]. O. A. Korostelev, S. N. Morozov (Eds., Comps.), T. M. Dvinyatina, E. R. Ponomarev (Eds.). Moscow, IMLI RAS, 2022, pp. 5–441.

Bunin I. A. Nabroski [Sketches]. E. R. Ponomarev (Preface, prep. of the text and notes). In: *Literaturnoe nasledstvo. T. 110. I. A. Bunin. Novye materialy i issledovaniya. Kn. 1* [Literary Heritage, vol. 110. I. A. Bunin. New materials and research. Bk.1]. O. A. Korostelev, S. N. Morozov (Eds., Comps.). Moscow, IMLI RAS, 2019, pp. 132–322.

Bunin I. A. Zapisnye knizhki [Notebooks]. E. R. Ponomarev (Preface, prep. of the text and notes). In: *Literaturnoe nasledstvo. T. 110. I. A. Bunin. Novye materialy i issledovaniya. Kn. 2* [Literary Heritage, vol. 110. I. A. Bunin. New materials and research]. O. A. Korostelev, S. N. Morozov (Eds., Comps.), T. M. Dvinyatina, E. R. Ponomarev (Eds.). Moscow, IMLI RAS, 2022v, pp. 442–590.

Bunin I. A. *Zhizn' Arsen'eva. Yunost'. Pervoe polnoe izdanie* [Life of Arseniev. Youth. The first full edition]. New York, Chekhov Publishing House, 1952, 388 p.

Letopis' zhizni i tvorchestva I. A. Bunina [The Chronicle of life and creative activity of Ivan Bunin]. S. N. Morozov (Comp.). Moscow, IMLI RAS, 2011, vol. 1: 1870–1909.

Muromtseva-Bunina V. N. *Zhizn' Bunina: 1870–1906. Besedy s pamiatiu* [The Life of Bunin: 1870–1906. Conversations with Memory]. A. K. Baboreko (Comp., foreword, and notes). Moscow, Sov. Pisatel', 1989, 507, [2] p.

Ponomarev E. R. Predislovie [Foreword]. In: *“Kogda perepisyvayutsya blizkie lyudi...” Pis'ma I. A. Bunina, V. N. Buninoy, L. F. Zurova k G. N. Kuznetsovoy i M. A. Stepun (I. A. Bunin. Novye materialy. Vyp. 3)* [“When the close friends are wrtining to each other...”. The letters of I. A. Bunin, V. N. Bunina, L. F. Zurov to G. N. Kuznetsova and M. A. Stepun (I. A. Bunin. New materials. Vol. 3)]. E. R. Ponomarev and R. Davis (Comp., prep. of the text, scientific apparatus)]. Moscow, Russkii put', 2014, pp. 5–22.

Информация об авторе

Евгений Рудольфович Пономарев, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела русской литературы конца XIX – начала XX века Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия); профессор Русской христианской гуманитарной академии имени Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия)

Information about the author

Evgeny R. Ponomarev, Doctor of Philology, Leading Researcher at the Department of Russian Literature of Late 19th and Early 20th Centuries of A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Professor of Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky (St. Petersburg, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 25.02.2022;
одобрена после рецензирования 12.04.2022; принята к публикации 12.04.2022
The article was submitted on 25.02.2022;
approved after reviewing on 12.04.2022; accepted for publication on 12.04.2022*

Научная статья

УДК 82(091)

DOI 10.17223/18137083/83/11

**Тема «жизни и смерти человека»
в рассказах о детстве И. С. Шмелева 1909–1911 годов**

Елена Юрьевна Шестакова

Филиал Северного (Арктического) федерального университета
имени М. В. Ломоносова в Северодвинске
Северодвинск, Россия

shestakova.lena2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5764-0576>

Аннотация

Раскрывается своеобразие художественного решения темы «жизни и смерти человека» в рассказах о детстве русского писателя первой половины XX в. Ивана Сергеевича Шмелева. Для анализа избраны произведения «Полочка», «На морском берегу», «Пряник (рассказ доктора)» и «Звезды», созданные в 1909–1911 гг. В рассказах писатель обращается к онтологическому осмыслению вопросов смысла человеческой жизни, смерти и страданий. Раскрытие темы бытийных основ существования человека сопровождается природным фоном, вступающим в неразрывные отношения с героями. Обретение человеком сущностных ориентаций, базовых константных определений бытия происходит через книгу и чтение, осмысляющихся непреходящими духовными сокровищами. Процесс творчества включается в общую онтологическую проблематику, смыкающуюся с феноменами, определяющими целостность и уникальность каждой человеческой судьбы, – жизнью и смертью.

Ключевые слова

И. С. Шмелев, тема «жизни и смерти человека», рассказы о детях, образ ребенка, творчество

Для цитирования

Шестакова Е. Ю. Тема «жизни и смерти человека» в рассказах о детстве И. С. Шмелева 1909–1911 годов // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 139–151. DOI 10.17223/18137083/83/11

**The theme of “the life and death of a man”
in the stories about the childhood of I. S. Shmelev 1909–1911**

Elena Yu. Shestakova

The Branch of the Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov in Severodvinsk
Severodvinsk, Russian Federation

shestakova.lena2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5764-0576>

Abstract

This paper deals with the artistic solution of the theme of “the life and death of a man” in the stories about the childhood of the Russian writer, Ivan Sergeevich Shmelev. The analysis co-

© Шестакова Е. Ю., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 139–151
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 139–151

vers the works created in 1909–1911 that have not been investigated so far, indicating the novelty of the study. Archival materials and little-known texts of Shmelev are introduced into scientific circulation. The stories “Shelf,” “On the Seashore,” “Gingerbread (the doctor’s story),” and “Stars” ontologically address the issues of the purpose and meaning of human life and death. The theme of human existence is disclosed in the works concerned, accompanied by the natural background entering into an inseparable relationship with the characters. The spiritual antithesis principle – the semantic dominant of the stories – highlights the outcome of earthly and postmortem human existence. The antinomy of ideal and reality is interpreted as heroes’ aspiration for the “world of God.” Human powers and opportunities addressed to the harmonization of reality, overcoming the tragedy of earthly life, relief of suffering, confrontation of disease and death are comprehended by the sacred gifts of God. The image of books and reading, allowing one to acquire the basic constant definitions of being, takes a special place in the texts considered. Artistic creativity becomes a part of the general ontological problematics, close to the phenomena determining the integrity and uniqueness of each human destiny – life and death. The originality of the verbal and linguistic structure of the stories reveals the brightness and originality of Shmelev’s talent.

Keywords

I. S. Shmelev, the theme of “life and death of a person”, stories about children, the image of a child, creativity

For citation

Shestakova E. Yu. The theme of “the life and death of a man” in the stories about the childhood of I. S. Shmelev 1909–1911. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 139–151. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/11

Творчество русского писателя первой половины XX в. Ивана Сергеевича Шмелева (1873–1950), его оригинальный художественный талант, «огромное литературное мастерство» требуют «подробного и тщательного изучения» [Федоров, 2009, с. 101]. Это позволяет раскрыть «глубокий, интересный, подлинный творческий лик» писателя, показать специфику его творческой манеры, мировидения и мировосприятия, выявить стиливое своеобразие произведений «большого художника-мастера» [Там же, с. 100, 110].

Творческий путь И. С. Шмелева начинается с глубокого и пристального интереса к теме детства и образу ребенка. В произведениях, посвященных детству, писатель выступает «настоящим художником», который «не “занимает” и не “развлекает”»: он овладевает и сосредотачивает» [Ильин, 1996, с. 13]. Основной задачей автора становится художественное раскрытие читателю-ребенку вопросов, с которыми тот неизбежно столкнется в настоящей и будущей жизни. Так, в рассказах «Полочка» (1909), «На морском берегу» (1910), «Пряник (рассказ доктора)» (1910) и «Звезды» (1911) «дело идет не более и не менее, как о человеческой судьбе, о жизни и смерти, о последних основах и тайнах земного бытия» [Там же]. Несомненно, духовно-воспитательное содержание произведений, их ценностно-смысловое наполнение определяется спецификой авторского видения, индивидуального понимания онтологических основ существования человека.

Рассказ «Полочка», содержащий личностный характер повествования и написанный от первого лица, построен ретроспективно: взрослый рассказчик вспоминает события собственного детства. Мировидение девятилетнего героя-ребенка становится преобладающим в произведении, дискурс повествователя ориентируется на передачу его чувств и мыслей. Читатель, вслед за мальчиком Шурой,

впервые входит в дом дяди¹, окутанный ореолом таинственности. Загадочность жилища определяется слухами, исходящими из семьи: Михаил Васильевич слышит «странным и “книжным” человеком», который «слишком много тратит на какие-то никому не нужные вещи» [Шмелев, 2000, с. 95]. Для взрослого читателя становится понятным, что в кругу родственников дядя оказывается изгоем, презираемым человеком, чудаком, впустую тратящим свое время на чтение книг. Прием духовной антитезы, используемый автором при расстановке персонажей, обостряет необходимость личного выбора маленького героя. Ему предстоит занять позицию либо прагматичных родных, либо дяди – «книжного человека».

В детском восприятии атмосфера погруженного в полумрак дома Михаила Васильевича уподобляется «тихой, торжественной обстановке церкви» [Там же, с. 96]. Мальчик попадает в своеобразный храм, посвященный книгам и знанию, наполненный благоговейным трепетом перед этими духовными сокровищами. Одиночество хозяина, «неподвижно сидящая под потолком сова» [Там же, с. 96], усиливают робость ребенка, считающего, что он попал к сказочному страшному волшебнику. Образ совы, «символизирующей мудрость» [Кирло, 2007, с. 399] и знание, в глазах маленького героя придает пространству библиотеки особое очарование. Передача Михаилом Васильевичем совы в дар племяннику означает преемственность его любви к чтению и книге.

Образ-мотив книги, осмысляемый «сакральным предметом, несущим благоговейные чувства» [Соболев, 2018, с. 150], появляется в начале произведения: маленький герой поражается многочисленности «стройных рядов» книжных полок, «точно их собрали сюда со всего света» [Шмелев, 2000, с. 96]. Основным предметом разговора дяди с племянником становится чтение, в результате выясняется, что мальчику в семье не позволяют читать, а то, что ему всё-таки удалось прочесть, является пустой, никчемной литературой, оторванной от важных жизненных проблем. С этого момента взгляды Шуры меняются, благодаря Михаилу Васильевичу он входит в мир серьезного чтения, знакомится с книгами, «говорящими о жизни», где каждая – «часть сердца человека, которого называют писателем» [Там же, 2000, с. 97].

Исследователями прочитывается евангельский контекст в произведении. Дядя, «словно апостол, несущий Благою весть» [Соболев, 2018, с. 150], выдвигает важный критерий хорошей книги: «Она должна указывать людям, как надо и как не надо жить» [Шмелев, 2000, с. 99]. Это требование относится и к сказкам: первой книгой, подаренной Михаилом Васильевичем племяннику, стали «Сказки Андерсена», положившие начало библиотеке маленького героя.

Благотворное влияние дяди распространяется и на дворника Степана, такого же любителя чтения, как и Шура. Михаил Васильевич выполняет важную функцию «просветителя народа» [Любомудров, 2009а, с. 228]. Простой крестьянский парень впервые познакомился с «Записками охотника» И. С. Тургенева, открыл для себя красоту слога и глубину изображения характеров людей из народа. Примечательно, что данный сборник очерков И. С. Шмелев «очень высоко ценит, считая это произведение лучшим из всего созданного И. С. Тургеневым» [Сосновская, 2016, с. 337]. Книга потрясла Степана, что выразилось в благоговейном отношении к подарку: она лежала на чистом полотенце, к страницам не допускалось прикасаться пальцами, чтобы не испачкать.

¹ Прототипом образа героя стал дядя писателя Павел Иванович Шмелев, родной брат отца.

В образе дяди «Шмелев воплощает идею преображающего мир слова, восходящую к евангельской традиции» [Соболев, 2018, с. 150]. Чтение серьезной, глубокой литературы, знакомство с жизнью и творчеством больших русских писателей способствует быстрому духовному росту героя-ребенка. Чувствуя это, дядя начинает ставить перед мальчиком важнейшие онтологические вопросы, одним из которых является вопрос о жизни и смерти человека. Наставник стремится побудить юного воспитанника задуматься о смысле человеческой жизни и неизбежности смерти, а также о том, что каждый человек оставит после себя. В качестве примера он обращается к творческому наследию великих писателей, они продолжают жить в своих произведениях, «говорить» с читателем о ключевых проблемах бытия. Для Михаила Васильевича эти «беседы» давно стали основой существования, книги превратились в верных, надежных друзей, позволяющих открыто, смело делиться самыми сокровенными мыслями и переживаниями.

Смерть дяди стала сильнейшим эмоциональным потрясением для Шуры, впервые столкнувшись с тайной, в полной мере непостижимой, с величайшей трагедией, входящей в земное бытие каждого человека. Мальчик с радостным удивлением узнает, что дядя тоже остался «жить» в своих творениях – журнальных статьях, посвященных размышлениям о книгах. Еще одним открытием для Шуры явилось знакомство с наследником Михаила Васильевича, оставшимся совершенно равнодушным к книгам из любимой дядиной библиотеки, без сожаления распродавшим их торговцам. В результате книги «вывезли на рынок, и они разбились по уголкам и полкам», «попали на чердаки и в подвалы, на непокрытые столы, на которых никогда не лежало книги» [Шмелев, 2000, с. 106]. Сначала мальчик сильно огорчается, но по мере взросления понимает, что дядины книги выполняют свое главное предназначение – «они ходили из рук в руки и говорили так, как они могут говорить, – мыслями, втиснутыми в черные строки» [Там же]. Книга призвана самим фактом своего существования просвещать, облагораживать человеческую душу, заставлять задуматься, вызывать добрые чувства.

Столкновение со смертью в нежном детском возрасте становится ключевым, кульминационным событием в сюжетном развитии шмелевского рассказа «На морском берегу». Тема детства задается в начале произведения, когда взрослый повествователь любит играть на бульваре ребятами. Рассказчик с умилением наблюдает за «шумными и веселыми маленькими людьми», их «оживленными лицами» и «звонкими голосками» [Шмелев, 2010, с. 297]. В тексте преобладает «голос» взрослого повествователя, ориентированный на передачу воспоминаний о воспитаннике Жоржике – «задумчивом мальчугане лет семи, с бледным лицом и ясными большими глазами» [Там же].

Ретроспективный взгляд рассказчика рождает ностальгическую интонацию, открывающую произведение и отчетливо звучащую в финале. Отметим, что о «некоторой склонности к сентиментальному лиризму» [Ильин, 1996, с. 11], характерной для первого творческого периода И. С. Шмелева, писал И. А. Ильин. Рассказ предельно искренен, интимен, задушевен, читатель ощущает, словно «при нем что-то происходит, и ему, вот, случайно посчастливилось присутствовать: не то подслушать чужой рассказ о бывшем событии или о потоке событий, не то услышать взволнованную исповедь незнакомого ему человека» [Там же, с. 14]. Автор достигает эффекта «присутствия, чувства включенности» [Там же] читателя в развитие действия.

Через картины-воспоминаний, проходящих перед глазами читателя, предвещает встречу повествователя с «рослым и коренастым, словно вылитым из меди»

дядей Жоржика – капитаном «с обветренным, свежим лицом и седеющими подстриженными усами» [Шмелев, 2010, с. 297–298]. Желая подготовить «слишком изнеженного парнишку» к встрече с будущими жизненными трудностями, он просит воспитателя выработать в мальчике «выдержку, волю и характер» [Там же, с. 298]. Повествователь соглашается, но не спешит следовать данным указаниям, считая, что «мягкость» и «чувствительность» [Там же] детского сердца – важнейшие качества, которые человеку следует сохранить в процессе взросления.

Ребенок постепенно постигает окружающий мир, который открывается перед ним с неприглядной стороны. Жоржика отличает доброта и сострадание к тем, кто попал в тяжелую ситуацию, мучается, сталкивается с трудностями. Так, он кормит бедных «мужиков с мешками» на «большой станции» [Там же, с. 300], без промедления отдав им деньги, данные накануне дядей. Мальчика ужасает тяжелый труд углекопов, вынужденных работать в полной тьме, на большой глубине, куда не проникает солнечный свет. «Светлые», «ясные» [Там же] детские глаза отражают чуткую душу, способную любить и сочувствовать.

При своей внешней хрупкости и утонченности («нежное, бледное личико», «тонкая, слабая ручонка» [Там же]), Жоржик обладает твердым характером. Он смело заступает за выгнанного дядей повара Архипа, вынужденного, вероятно, голодать или идти «копать уголь» [Там же, с. 301]. Ничего не сказав своему воспитателю, мальчик ранним утром отправляется спасать черепах, обреченных дядей на смерть, выкидывает их из ямы и отпускает на свободу. Жоржик стремится восстановить справедливость в окружающем мире, наполнить его добрыми, бескорыстными поступками, напомнить взрослым о необходимости милосердия и прощения.

В окружении мальчика, живущего сердцем, оказываются «люди чувства», «не расщепленные рефлексией» [Ильин, 1996, с. 30]. В воспитателе, «интеллигентном и культурном человеке», «рефлексия рассудка не сломала и не развела чувства» [Там же, с. 30]. Дядя лишь стремится казаться холодным и жестким человеком, но его поведение во время происшествий, описанных в рассказе, свидетельствует о доброте и склонности к сентиментальности. Старый грек Димитраки привлекает внимание Жоржика и становится его другом благодаря умению любить людей и животных.

Бедность Димитраки, его отшельнический образ жизни, близость к природе (черепаха является его домашним животным) ассоциативно связывается Жоржиком с рассказами о святых. Старик сохраняет твердую веру в Бога, доброту, «ясное <...> чистое сердце» [Шмелев, 2010, с. 309], несмотря на страшные испытания, выпавшие на его долю: потеря близких, родины, дома, полное одиночество, нищета. На взгляд повествователя и маленького героя, такое отношение к жизненным испытаниям должно быть нормой для каждого человека. Более того, Димитраки оказывается способен на самопожертвование: он получил благодарность от «начальника» за спасение пяти тонувших людей. Старый грек – человек «острого, тонкого и непосредственного чувства, простец сердца» [Ильин, 1996, с. 30]. Он «живет как бы с открытым или обнаженным сердцем», «выстрадавая себе свет и постижение» [Там же, с. 31]. Повествователь и Жоржик остро ощущают «его духовность, те скрытые благие и живые силы души, без которых немислимо существование человека на земле» [Там же, с. 32].

Мальчика особенно привлекает в старике его любовь к природе, умение понимать и общаться с животными. «Нора» грека расположена в живописнейшем мес-

те, напоминающем рай: «<...> здесь было так много солнца, так благодушно по-чвокивали где-то неподалеку дрозды, звонко-весело гремели цикады, пышно разросся по склону холма дикий чеснок, и снежные каперсы так чудесно сияли атласными, нежными цветами» [Шмелев, 2010, с. 309]. «Ученая черепаха» ежедневно приходит в убогое жилище Димитраки и, «проявляя большую сообразительность», «просит» [Там же] хозяина накормить ее. По сути, животное является единственным живым существом, помогающим старику преодолеть тоску одиночества. Грек смиренно благословляет каждый свой прожитый день, и вслед за ним благодарственную молитву возносит повествователь: «Да благословен Тот, Кто дал его, Кто дал нам глаза, чтобы видеть чудесную жизнь под солнцем! И это море. <...> Да благословен Тот, Кто дал жизнь! Черепахи, маленькие каменные черепахи! И вам дана жизнь, и мошкам, и былинке <...>» [Там же, с. 330].

Димитраки становится примером достойной жизни и стойкости при встрече со смертью. Гибель семьи не озлобляет его и не приводит в состояние крайнего отчаяния. Напротив, старик находит в себе силы жить дальше, творить добро и благодарить Бога за всё, что Он послал ему. Тема смерти, входящая в текст вместе с образом Димитраки, получает продолжение и развитие в изображении судьбы Жоржика. Время, запечатленное в произведении, является переломным моментом в жизни маленького героя: он находится в тягостном ожидании развития болезни мамы, горячо надеясь на ее выздоровление, но сталкивается со смертью самого близкого и родного человека.

Жоржик, ощущая сильную эмоциональную связь с матерью, сквозь огромное расстояние чувствует изменения в состоянии ее здоровья и настроения. Внутренние мысли и переживания ребенка соотносятся с природным окружением. О. Н. Сорокина особое внимание обращала на «удивительное ощущение русского пейзажа», составляющего «художественную силу писателя Шмелева» [Сорокина, 2009, с. 62]. Если маленький герой грустит, то небо предстает «в нежном освещении вечера», а «морской куличок одиноко стоит на бережку» [Шмелев, 2010, с. 337]. Весть об опасном ухудшении здоровья мамы Жоржика сопровождается морской бурей, заставляющей «шуметь деревья в саду», «наползать тучи» и «играть светлы молний» [Там же, с. 340]. В изображаемой писателем природе «нет мертвого, безразличного, “немого” и “глухого”» [Ильин, 1996, с. 29], всё в ней сочувствует, сопереживает человеку.

В рассказе «На морском берегу» писатель воссоздает образ мира, наполненного неизбежными страданиями и скорбями. Не случайно И. А. Ильин называл И. С. Шмелева «поэтом мировой скорби», ведущим своих героев «от страдания к очищению, просветлению и радости» [Там же, с. 54, 56]. Крестник и внучатый племянник И. С. Шмелева Ивистион Жантийом-Кутырин, вспоминая о своих детских впечатлениях, отмечал: «Тетя Оля читала мне рассказы мужа, созданные для детей. Некоторые из них вызывали у меня слезы: “Мэри”, “На морском берегу” <...>» [Жантийом-Кутырин, 2010, с. 353].

Жоржик, пережив смерть матери, испытывает «тяжелое потрясение», но продолжает свой жизненный путь, осознавая его как неизбежное крестное страдание. Образ-символ креста, появляющийся в финале произведения, становится воплощением негибкости духа человека, мужественно «смотрящего горю в лицо» [Шмелев, 2010, с. 325].

«Лучшее, доброе и светлое, присущее душе человека» [Дунаев, 2009, с. 176], в шмелевском рассказе противостоит тяжелой и неприглядной действительности. Эти ценнейшие сокровища человеческого духа помогают примириться и преодо-

леть страдания, несправедливость, зло. Вместе с тем герои рассказа охвачены чувством острой тоски по миру идеальному, прекрасному, отличному от земной реальности, которая их окружает. В мечтах Жоржика воплощением такого идеального мира становится образ «голубой страны», где «всё голубое: небо, земля и воздух» [Шмелев, 2010, с. 343]. У жителей ее «светлы лица», «нет там ни горя, ни тусклых глаз, ни черных, скоробленных рук», «не дрожит от ударов жизни старая голова, не гнутся спины» [Там же]. И, конечно, полностью отсутствует смерть, а жизнь длится вечно. В этом образе заключена «тоска героев по “миру Божьему”, <...> “горнему”» [Любомудров, 2009а, с. 230], небесному раю, где все живы, счастливы и нет места смерти и страданию.

Тема смерти и цели человеческой жизни становится главным предметом художественного изображения в рассказе И. С. Шмелева «Звезды». Ведущим в произведении является уже отмеченный нами выше прием духовной антитезы, определяющий специфику изображения «взрослых» героев. Расчетный чиновник Никольский Михаил Иванович, многодетный отец, живет сиюминутными земными заботами. Его главной целью становится не соблюдение благочестия, в чем его с горечью упрекает мать (нельзя в рождественский пост есть до первой звезды), а угождение столоначальнику, пожелавшему в Сочельник посетить подчиненного и «сыграть в преферансик»². Для этого случая накрывается стол, уставленный разнообразными кушаньями. Гости, приглашенные в дом в предрождественский вечер, оказываются под стать хозяину: столоначальник Иван Васильевич, канцелярский чиновник Гвоздьков, помощник бухгалтера играют в карты, без меры опиваются, а предметом их разговоров является наследство, полученное сослуживцем, размер «наград» и зарплата.

Совсем иное духовное устройство свойственно свояченице Михаила Ивановича, которая приехала из села навестить родственников. Она работает учительницей, несмотря на небольшую зарплату, щедро одаривает племянников. Ее умение ладить с детьми, ласковость, терпеливость с удивлением отмечается Михаилом Ивановичем: «Как с детьми умеет обращаться. <...> А у меня гам-содом всегда»³. Однако случайно подслушанный рассказ учительницы о звездах, преподанный детям, вызывает в нем сильнейшее негодование и возмущение. Девушка облекает в доступную детскому пониманию сказочную форму христианское представление о смерти и воздаянии, получаемом человеческой душой после окончания земного пути.

Образ звезды в произведении многозначен. Она осмысливается обычным небесным светилом: учительница «смотрела на звезды, <...> они мерцали, играли в морозной далекой-далекой синеве»⁴, и одновременно Вифлеемской звездой, ознаменовавшей Рождество Христово. Метафорически-сказочные образы звезд воссоздаются в ночном рассказе учительницы, адресованном племянникам. Образ «усатой <...> большой» звезды, на которой «терпеливые живут», становится прообразом рая, где «всё зеленое <...> травка, цветы <...> и солнышко всегда-всегда»⁵. На «голубой» звезде «будут жить, кто в подвалах живет <...> все бедные, грязные <...>, у кого платья нет»⁶. Посмертным воздаянием нищих станут

² НИОР РГБ. Ф. 387. Карт. 6. Ед. хр. 10. Л. 1.

³ Там же. Л. 1 об.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 2 об.

⁶ Там же.

«бриллиантовые серебряные платья» и «хрустальные башмачки»⁷. Образ райского Эдема, полного «садов роскошных», музыки и поющих цветов, получает воплощение на звезде, собирающей «самых ласковых, <...> которые никогда не ругались, обладали даром смирения и кротости: «<...> их ругали, а они сами не ругались»⁸. Особое место отведено «всем злым, нехорошим, ворам, обманщикам, дурным людям, которые бедным не помогают», они помещаются на «черную звезду», где «ничего нет, а всё в темноте, <...> и они будут плакать»⁹. Сюжет о преображении мира, данный в Откровении Иоанна Богослова¹⁰, в рассказе учительницы связывается с образом «новой большой бриллиантовой звезды»¹¹. Этот образ воплощает представление о единении всех людей в Христовой любви, а также о прощении Богом всех грехов: «Всех на радостях Бог простит»¹².

Если дети воспринимают повествование тети с абсолютным доверием, то Михаил Иванович с возмущением называет его «ложью» и «враньем»¹³. В рассказе автор обнаруживает «умение тонко индивидуализировать персонажей с помощью их речи» [Черников, 1995, с. 105]. «Неповторимый, присущий одному (герою. – *Е. Ш.*) язык» [Там же, с. 106] помогает выявить различия духовных устремлений. Так, говоря о детях, Никольский прибегает к бранным, грубым словам и выражениям («рощу болванов», «в башку вколачивать», «в башке кашу носит»¹⁴), а нарочитое переиhrание стихотворной строчки Н. А. Некрасова свидетельствует о невежестве героя. Напротив, вежливое и мягкое обращение к племянникам («Как тебе не стыдно, Миша», «Как нехорошо», «Надо уметь терпеть, ждать», «Танечка, надо платочком»¹⁵), дословное воспроизведение некрасовской строчки («Сейте разумное, доброе, вечное. <...> Сейте!»¹⁶) характеризует учительницу как человека думающего, тонкого, хорошо образованного.

Суть конфликта Михаила Ивановича и свояченицы вербализирована, выявлена в диалоге, где преобладающим является мнение хозяина дома. Герой твердо убежден в необходимости каждого человека быть укорененным в практичных, земных заботах, ему представляется непозволительным и даже стыдным витать в облаках и устремляться к бесплодным мечтам. Звезда в его восприятии не может иметь ничего общего с посмертным воздаянием, она является «наградой», приносящей материальный достаток и успех в карьере. Из этого вытекает понимание Михаилом Ивановичем процесса воспитания детей, которое должно не умягчать и возвышать душу («А то какой мармалад! Стихи разные им <...> и трогательно»), а учить «зубы вострить», чтобы в будущем они могли «за глотку – так за глотку»¹⁷. Гвоздьков, поддерживая хозяина дома, также опошляет представление о звезде: «Ты послушай как до звездочки пьют. <...> Знаете? Все кругом мис-

⁷ НИОР РГБ. Ф. 387. Карт. 6. Ед. хр. 10. Л. 2 об.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ «И видех небо ново и землю нову: первое бо небо и земля преидоша, и моря несть к тому» (Откр. 21:1).

¹¹ НИОР РГБ. Ф. 387. Карт. 6. Ед. хр. 10. Л. 2 об.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 4 об.

¹⁵ Там же. Л. 1 об.

¹⁶ Там же. Л. 4.

¹⁷ Там же. Л. 4 об.

ки и из нее хлебают чашками, по череду <...> и отваливаются. <...> И вот получается звезда, ногами в чашку»¹⁸.

Детское миропонимание в рассказе «Звезды» становится основным духовно-нравственным критерием в вопросе о человеческой жизни и смерти. Ребенок воспринимает христианские истины сердцем, интуитивно ощущая их правоту. В рассказе «Пряник (рассказ доктора)» герои-дети также являются нравственно-ценностным центром, определяющим основные, ключевые проблемы текста. Произведение изобилует детскими образами, главный «взрослый» персонаж – земский доктор Николай Васильевич – оказывается постоянно окружен детьми. С поздравлениями в честь его двадцатипятилетней службы приходят школьники под руководством учителя, девятилетняя дочка Таша внимательно слушает рассказы отца. Образ сытых крестьянских детей из деревни Большие Ветлы, которые «шныряли <...> с громадными дымившимися ломтями <...> хлеба», «объедались им и закусывали лепешками», гармонирует с образами «золотых полей в море яркого солнца», полных «медового жара» и «густого аромата»¹⁹. Встречающие приехавших врачей ребята уподобляются «кучам крикливых воробьев, которым выкинули горсть зерен», и они «прыгали вокруг, вздымая тучи золотившейся на солнце пыли»²⁰. С детьми связан смысл труда и жизни доктора.

Композиционная структура произведения двухчастна, в начале рассказа возникает образ «довольной и покойной деревни» Большие Ветлы. Сквозной образ золотого цвета («Стоял среди золотых волн», «<...> шли в золотом море в золотых лучах <...> земли», «Как золото сверкала переливающаяся на ветерке полная рожь»²¹) пронизывает описываемое пространство, наполняя его идиллическими мотивами. Перед читателем возникает образ благодатного Божьего мира, осененного Его пристальной заботой и благословением. В деде Антоне, изба которого стала временным пристанищем доктора, видится рассказчику «что-то библейское, патриархально спокойное и простое»²². Старик полон веры в особое Божие благоволение к его дому и потомкам: «И на каждом слове у деда Антона был – Господь. <...> Дед Антон рассказывал нам про травы, и его <...> глаза светились такой детской радостью, в них было так много тихого света и доброты, что казалось, и в нем пребывал Господь»²³.

Однако Бог посылает старику тяжкие испытания – неурожай, голод, смерть внуков. Тема страданий человека и в этом рассказе становится основной. Дед Антон проходит путь ветхозаветного Иова, теряющего дом, семью, материальное благополучие. Венцом страданий ветхозаветного праведника явилась гибель детей: «<...> Внезапу ветер велик найде от пкстыни и коснеся четырем углом храмины. И паде храма на дети твоя и скончаша. <...> Тако услышав Иов, востав растерза ризы своя и остриже власы главы своея и посыпа перстию главу свою <...>» (Иов 1:18–20). Глаза деда Антона после мучительной смерти маленьких внуков от голодного тифа перестали излучать радость и довольство, в них появились растерянность, страх и страдание: «И первое слово, которое я услышал от него, <...> были: – Вот, баринок, <...> погибаем»²⁴. Этот взгляд настолько потрясает докто-

¹⁸ НИОР РГБ. Ф. 387. Карт. 6. Ед. хр. 10. Л. 5.

¹⁹ Там же. Карт. 5. Ед. хр. 5. Л. 2–3.

²⁰ Там же. Л. 2.

²¹ Там же. Л. 2–3.

²² Там же. Л. 3 об.

²³ Там же. Л. 4 об.

²⁴ Там же. Л. 6 об.

ра, что он решает во что бы то ни стало спасти Микешку – единственного оставшегося в живых внука старика, находящегося в крайне тяжелом состоянии. Ребенок становится для доктора воплощением всего самого светлого, чистого, доброго, того будущего, которое необходимо сохранить, может быть, ценой собственной жизни. С этого момента в рассказе на первый план выходит важная для всего творчества И. С. Шмелева тема – «глубочайшей любви и сострадания человеку» [Любомудров, 2009а, с. 228; 2009б, с. 12].

Произведение пронизано пафосом человеческого труда и самоотверженности, идея об огромных возможностях, талантах и способностях, которые вложены в человека Богом, является преобладающей в тексте. Все полученные, накопленные знания, опыт, силы и энергию доктор отдает для спасения жизни мальчика: «<...> я напряг всё, что было в моей власти, <...> что-то сказало во мне. Ты должен его спасти. <...> Казалось мне, что если я спасу Микешку, я всё сделаю <...> в Микешке воплотилось для меня всё страдающее и потрясенное»²⁵. Господь вкладывает в сердце врача страстное желание вылечить ребенка, вместе с тем он сам прикладывает большие усилия для того, чтобы победить болезнь мальчика. В итоге доктор с полной уверенностью утверждает: «<...> я спас Микешку. Да, спас я его»²⁶. Этот случай, произошедший в начале профессионального пути, стал для Николая Васильевича определяющим. Врач, ежедневно сталкивающийся с решением вопроса о жизни и смерти человека, должен все свои усилия направить на то, чтобы жизнь победила смерть. Отсюда исходит понимание большой ответственности доктора за процесс и результат своего труда. Образ пряника, вынесенный в заглавие рассказа, обретает важное символическое значение прежде всего для самого героя. Черный, черствый, состоящий в основном из горькой травы «пряник», который ели дед Антон и Микешка во время страшного голода, много лет хранится в доме Николая Васильевича. Для доктора он является напоминанием о том, что в самой безвыходной ситуации нельзя опускать руки, сомневаться в своих силах и возможностях, но необходимо самоотверженно трудиться и бороться.

Таким образом, для рассказов И. С. Шмелева 1909–1911 гг., посвященных теме детства, характерно обращение к важнейшим вопросам бытия – смысла и цели человеческой жизни, неизбежности смерти и правильном ее восприятии. В исследуемых произведениях темы детства, жизни и смерти неразрывно связаны с темой страдания, включенной в христианский контекст. Образ страдающего человека, стойко переносящего все невзгоды и беды, но не теряющего веры в Бога, любви к жизни и людям, становится ключевым в рассказах. Образ природы в произведениях поэтизируется, включается в общую эмоционально-духовную жизнь с человеком. Образ книги, вопрос о важности, необходимости чтения для духовного становления личности ребенка смыкаются с темой жизни и смерти человека. Процесс творчества осмысливается художественным актом, дарующим бессмертие. Прием духовной антитезы, используемый автором в рассказах, обнажает проблему понимания героями цели человеческого существования, представления об итогах земного и посмертного бытия человека. Противопоставление идеала и действительности, намеченное в произведениях, трактуется как тоска героев по «миру Божьему», иной духовной реальности, исключающей страдание, муки и смерть. Человеческие силы и возможности интерпретируются как дары Господа, исполь-

²⁵ НИОР РГБ. Ф. 387. Карт. 5. Ед. хр. 5. Л. 7.

²⁶ Там же. Л. 7 об.

зубаемые для гармонизации реальности, преодоления трагических основ бытия, облегчения страданий, борьбы с болезнью и смертью. Стилизовое и языковое своеобразие рассказов, индивидуализация речи персонажей позволяют говорить о яркости и самобытности таланта писателя.

Список литературы

- Дунаев М. М. Духовный путь И. Шмелева // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. М.: Сибирская Благовонница, 2009. С. 352–369.
- Жантйюм-Кутырин Ив. Мой крестный: воспоминания об Иване Шмелеве. Письма И. Шмелева. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2010. 174 с.
- Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М.: Русская книга, 1996. Т. 6, кн. 1. 560 с.
- Кирло Х. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории. М.: Центрполиграф, 2007. 525 с.
- Любомудров А. М. Богоищущая душа // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. М.: Сибирская Благовонница, 2009а. С. 225–282.
- Любомудров А. М. Иван Сергеевич Шмелев. Биография // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. М.: Сибирская Благовонница, 2009б. С. 9–20.
- Соболев Н. И. Динамическая поэтика рассказа И. С. Шмелева «Полочка» (от рукописи к печатному тексту) // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16, № 2. С. 140–156.
- Сорокина О. Н. Творческий путь И. С. Шмелева в эмиграции // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. М.: Сибирская Благовонница, 2009. С. 60–87.
- Сосновская О. А. Образ книги в ранней прозе И. С. Шмелева // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 14. С. 333–345.
- Федоров Н. И. Судьба Шмелева // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. М.: Сибирская Благовонница, 2009. С. 101–111.
- Черников А. П. Проза И. С. Шмелева: концепция мира и человека. Калуга: Калуж. обл. ин-т усовершенствования учителей, 1995. 341 с.
- Шмелев И. С. Полочка // Шмелев И. С. Собр. соч.: В 5 т. М.: Русская книга, 2000. Т. 8 (дополнительный). Рваный барин. Рассказы. Очерки. Сказки. С. 95–107.
- Шмелев И. С. На морском берегу // Детям: Сборник. М.: Дет. лит., 2010. С. 297–343.

Список архивов

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 387. Карт. 5. Ед. хр. 5. Шмелев И. С. Пряник (рассказ доктора); Карт. 6. Ед. хр. 10. Шмелев И. С. Звезды.

References

- Chernikov A. P. *Proza I. S. Shmeleva: kontseptsiya mira i cheloveka* [I. S. Shmelev's prose: the concept of the world and man]. Kaluga, Kaluzh. obl. in-t usovershenstvovaniya uchiteley, 1995, 341 p.
- Dunaev M. M. *Dukhovnyy put' I. Shmeleva* [The Spiritual Path of I. Shmelev]. In: *Dukhovnyy put' Ivana Shmeleva: stat'i, ocherki, vospominaniya* [The Spiritual Path of

Ivan Shmelev: articles, essays, memoirs]. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa, 2009, pp. 352–369.

Fedorov N. I. Sud'ba Shmeleva [The fate of Shmelev]. In: *Dukhovnyy put' Ivana Shmeleva: stat'i, ocherki, vospominaniya* [The spiritual path of Ivan Shmelev: articles, essays, memoirs]. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa, 2009, pp. 101–111.

Il'in I. A. *Sobr. soch.: V 10 t.* [Collected works: In 10 vols.]. Moscow, Russkaya kniga, 1996, vol. 6, bk. 1, 560 p.

Kirilo Kh. *Slovar' simvolov. 1000 statey o vazhneyshikh ponyatiyakh religii, literatury, arkhitektury, istorii* [Dictionary of symbols. 1000 articles on the most important concepts of religion, literature, architecture, history]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2007, 525 p.

Lyubomudrov A. M. Boguishchushchaya dusha [The God-seeking soul]. In: *Dukhovnyy put' Ivana Shmeleva: stat'i, ocherki, vospominaniya* [The spiritual path of Ivan Shmelev: articles, essays, memoirs]. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa, 2009a, pp. 225–282.

Lyubomudrov A. M. Ivan Sergeevich Shmelev. Biografiya [Biography]. In: *Dukhovnyy put' Ivana Shmeleva: stat'i, ocherki, vospominaniya* [The spiritual path of Ivan Shmelev: articles, essays, memoirs]. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa, 2009b, pp. 9–20.

Shmelev I. S. Na morskom beregu [On the seashore]. In: *Detyam: sbornik* [For children: collection]. Moscow, Det. lit., 2010, pp. 297–343.

Shmelev I. S. Polochka [Shelf]. In Shmelev I. S. *Sobr. soch.: V 5 t.* [Collected works: In 5 vols.]. Moscow, Russkaya kniga, 2000, vol. 8 (additional). Rvanyy barin. Rasskazy. Ocherki. Skazki. [A ragged gentleman. Stories. Essays. Fairy tales], pp. 95–107.

Sobolev N. I. Dinamicheskaya poetika rasskaza I. S. Shmeleva "Polochka" (ot rukopisi k pechatnomu tekstu) [Dynamic Poetics of I. S. Shmelev's short story "The Shelf" (from the manuscript to the printed text)]. *The Problems of Historical Poetics*. 2018, vol. 16, no. 2, pp. 140–156.

Sorokina O. N. Tvorcheskiy put' I. S. Shmeleva v emigratsii [I. S. Shmelev's creative path in emigration]. In: *Dukhovnyy put' Ivana Shmeleva: stat'i, ocherki, vospominaniya* [The spiritual path of Ivan Shmelev: articles, essays, memoirs]. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa, 2009, pp. 60–87.

Sosnovskaya O. A. Obraz knigi v ranney proze I. S. Shmeleva [The image of the book in the early prose of I. S. Shmelev]. *The Problems of Historical Poetics*. 2016, no. 14, pp. 333–345.

Zhantiyom-Kutyryn Iv. *Moy krestnyy: vospominaniya ob Ivane Shmeleve. Pis'ma I. Shmeleva* [My Godfather: memories of Ivan Shmelev. Letters of I. Shmelev]. Moscow, Izd. im. Sabashnikovoykh, 2010, 174 p.

List of sources

In: *Nauchno-issledovatel'skiy otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki. Fond. 387. Kart. 6. Ed. khr. 10. L. 6* [Research Department of the Russian National Library Fund 387, Card 6, Storage unit 10, Sheet 6]. Shmelev I. S. Zvezdy [Stars]; *Kart. 5. Ed. khr. 5. L. 8* [Research Department of the Russian National Library Fund 387, Card 5, Storage unit 5, Sheet 8]. Shmelev I. S. Pryanik (rasskaz doktora) [Gingerbread (the Doctor's story)].

Информация об авторе

Елена Юрьевна Шестакова, кандидат филологических наук, Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова в г. Северодвинске (Северодвинск, Россия)

Information about the author

Elena Yu. Shestakova, Candidate of Philology, Humanitarian Institute of the branch of the Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov in Severodvinsk (Severodvinsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 19.04.2021;
одобрена после рецензирования 18.05.2021; принята к публикации 18.05.2021
The article was submitted on 19.04.2021;
approved after reviewing on 18.05.2021; accepted for publication on 18.05.2021*

Научная статья

УДК 882-054.72 (092) Ремизов
DOI 10.17223/18137083/83/12

**Прасковья Семеновна Воробьева-Владимирова –
екатеринодарский корреспондент и критик А. М. Ремизова**

Екатерина Евгеньевна Вахненко

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

katy250579@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2728-7465>

Аннотация

Рассматривается оценка журналиста и критика П. С. Воробьевой-Владимировой творчества А. Ремизова 1910-х гг. Выявлены и проанализированы аналитические статьи о творчестве писателя, опубликованные на страницах екатеринодарской газеты «Кубанский курьер». Рассмотрена специфика восприятия художественного наследия Ремизова в контексте редакционной политики издания на основе кратких сообщений и заметок, обзорных статей, посвященных новейшим произведениям отечественной словесности. Также описаны подходы и интересы корреспондентов этого печатного проекта в освещении особенностей современного литературного процесса, представлена сфера профессиональных интересов П. С. Владимировой как ведущего сотрудника, обозревателя журнального мира центральной России, критика. На основе корпуса писем, до настоящего времени не введенных в научный оборот, раскрывается специфика личных и творческих контактов Владимировой и Ремизова в их начальный период.

Ключевые слова

критика, периодическая печать, А. М. Ремизов, П. С. Воробьева-Владимирова, «Кубанский курьер»

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00007, <https://rscf.ru/project/20-18-00007/>, ИРЛИ РАН

Для цитирования

Вахненко Е. Е. Прасковья Семеновна Воробьева-Владимирова – екатеринодарский корреспондент и критик А. М. Ремизова // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 152–165. DOI 10.17223/18137083/83/12

© Вахненко Е. Е., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 152–165
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 152–165

Praskovya Semenovna Vorobieva-Vladimirova – Ekaterinodar journalist and critic of A. M. Remizov

Ekaterina E. Vakhnenko

Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation

katy250579@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2728-7465>

Abstract

The paper explores the assessment of Alexey Remizov's works of the 1910s by a journalist and critic, Praskovya Semenovna Vorobieva-Vladimirova. Some analytical articles about the writer's work published on the pages of the Ekaterinodar newspaper "The Kuban Courier" have been identified and analyzed. The specifics of the perception of Remizov's artistic heritage in the context of the editorial policy of this newspaper is considered in brief reports, notes, and review articles devoted to the latest works of Russian literature. The paper also describes the approaches and interests of the correspondents of "The Kuban Courier" in covering the features of the modern literary process. Attention is also paid to the professional interests of Vorobieva-Vladimirova as a leading collaborator, observer, and critic of Central Russia magazines. The analysis of a collection of letters for the first time introduced into scholarly circulation revealed the specifics of early personal and creative contacts between Vorobieva-Vladimirova and Remizov. A significant part of the letters reveals the interest in the literary personality and legacy of Remizov. Also, they unveil the attempts of a provincial correspondent already recognized in professional circles and known among readers in southern Russia to enter the St. Petersburg world of the daily press and establish creative contacts with writers. Such cooperation between a writer and a critic based on meaningful epistolary dialogue is a rare example in the history of literary relations.

Keywords

criticism, periodicals, A. M. Remizov, P. S. Vorobieva-Vladimirova, "Kuban Courier"

Acknowledgments

The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 20-18-00007, <https://rscf.ru/project/20-18-00007/>, IRLI RAN

For citation

Vakhnenko E. E. Praskovya Semenovna Vorobieva-Vladimirova – Ekaterinodar journalist and critic of A. M. Remizov. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 152–165. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/12

Прасковья Семеновна Воробьева (в замужестве Владимирова), по профессии учитель, свою литературно-критическую деятельность начала в 1901 г. в Тифлисской газете «Новое обозрение», с 1906 г. сотрудничала с екатеринодарскими периодическими изданиями: «Кубань», «Новая заря», «Кубанский курьер», в которых неизменно вела литературные рубрики и являлась одним из самых известных и почитаемых журналистов и литературных критиков в газетном мире юга России (десятилетний юбилей ее профессиональной деятельности отмечался 24 апреля 1911 г. редакцией «Кубанского курьера» и был воспринят как «праздник газеты», поздравления прислали редакторы и корреспонденты многих региональных изданий). Также она печаталась в литературно-публицистическом отделе ежемесячного журнала «На Кавказе». Сотрудники изданий и коллеги отмечали психологическое чутье, точность в передаче мыслей, «глубокие и трезвые аналитические статьи». Помимо официальных поздравлений в газете «Кубанский курьер» были размещены стихотворные посвящения юбиляру (Ив. Муратова (Р. Северова)

«Цветы», присяжного поверенного Н. М. Рындина «Сирень цветет...»¹). Кроме непосредственно литературной работы Владимирова занималась общественной деятельностью: она является организатором Майкопской публичной библиотеки².

С газетой «Кубанский курьер» она связывала свой профессиональный рост и журналистский путь, сотрудничала со дня ее основания (первый номер вышел 10 сентября 1908 г.). Выступая с аналитическими статьями о классической русской и зарубежной литературе, о поэтах и беллетристах современности³, П. С. Владимирова обращалась и к обзорным статьям, объясняющим читателю суть и значение художественной литературы в формировании общественной мысли, писала о новых веяниях в отечественной словесности, о «подлинной» и «мнимой» художественности и особенностях литературно-критической мысли современных публицистов⁴. Пристальное внимание критика было сосредоточено на личности и творчестве популярных прозаиков и драматургов современности: Л. Андреева и Ф. Сологубе, которым посвящался основной корпус ее статей; также внимание читателя юга России было обращено к наследию И. Рукавишников, И. Бунина, В. Винниченко.

Литературная политика газеты «Кубанский курьер» была ориентирована преимущественно на столичную интеллектуальную жизнь: кроме корреспонденций Владимировой на страницах издания в рубриках «Литературные заметки», «Библиография» публиковались рецензии и отзывы местных корреспондентов на произведения петербургских авторов: Л. Андреева, М. Арцыбашева, А. Куприна, А. Блока, Л. Зиновьевой-Аннибал, М. Кузмина, В. Каменского, Ф. Сологуба, К. Чуковского, Е. Чирикова, Б. Зайцева, А. Н. Толстого, В. Муйжеля и др.⁵ Литературные интересы журналистов и критиков «Кубанского курьера» регулярно подкреплялись московскими и петербургскими публикациями – страницы екатеринодарской газеты наполнялись перепечатками заметок и статей из авторитетных повременных изданий: «Биржевые ведомости», «Огонек», «Речь», «Новая Русь», «Раннее утро», «Голос Москвы»; из «Руля» и «Сатирикона» размещались юмористические рассказы А. Аверченко. С газетой сотрудничали петербуржцы:

¹ См. номера за 1911 г.: № 765, 23 апр. С. 3–4; № 768, 27 апр. С. 3–4.

² Информация взята из юбилейного слова (см. выше).

³ За весь период сотрудничества с изданием Владимирова опубликовала более сорока работ.

⁴ См. статьи 1908 г.: «О значении русской художественной литературы», «Зуд писательства»; «Не боги горшки обжигают» (1909); «Погребение русской литературы» (1910), «1912 год» (1913).

⁵ См., например, публикации: Новый рассказ Леонида Андреева (1908. № 17, 28 сент.); 1909 г.: *И. М. О-въ*. «Проясняющиеся горизонты» <Кузмин, Сологуб, Зиновьева-Аннибал, Блок> (№ 266, 6 авг.; № 267, 8 авг.; № 268, 9 авг.), *И. Б-ко*. «Навь чары». (Вторая часть) (№ 106, 21 янв.); *Розанов Н.* Литературные заметки <Горький, Амфитеатров, Чириков> (№ 454, 31 марта); *А. Т. В.* Муйжель (№ 517, 18 июня); *А. Т.* Корней Чуковский (№ 519, 20 июня); *Рокотов С.* Сумерки духа <о романе Арцыбашева «У последней черты»> (№ 610, 10 окт.); *Муриш Л.* «Анфиса» Леонида Андреева (№ 438, 11 марта) и «Мелкий бес» Ф. Сологуба (№ 458, 4 апр.); *А. Т. Ф.* Сологуб. Собрание сочинений Т. IV изд. «Шиповник» (№ 524, 26 июня) и «Сологуб. Собрание сочинений Т. VIII изд. «Шиповник»» (№ 527, 1 июля); 1913: Новый роман А. И. Куприна <б. п.> (№ 1274, 23 янв.); *Надеждин Л.* «Заложники жизни» (№ 1268, 16 янв.), «Литературные заметки. («Профессор Сторицын» – пьеса Леонида Андреева <...>» (№ 1278, 27 янв.).

Тэффи, А. Вергежский (наст. имя А. В. Тыркова-Вильямс), Н. Архипов (наст. имя Н. А. Бенштейн)⁶.

С 1909 г. на страницах газеты стали появляться статьи, посвященные периодическим и непериодическим изданиям, выходящим в центральной России. В публикациях П. С. Владимировой отразились не только взгляд автора на содержание журналов, сборников и альманахов, но и позиция редакции газеты, ориентированной на новейшие тенденции в современной литературе. Выразив надежду на возрождение толстых журналов в России, она сосредоточила внимание на отделах критики и беллетристики старейших и авторитетных изданий («Русское богатство», «Русская мысль», «Вестник Европы», «Современный мир», «Современник»), констатируя факт отсутствия высокой художественной мысли среди избыточного количества журналов, «занимающихся подлогом и выдающих пародию на литературу за подлинную литературу» [П. С. (Владимирова), 1911а, с. 2]. Жесткой иронической критике подвергся первый номер журнала «Современник» под редакцией В. Ф. Боцяновского за строгость проводимой политики (выступления редакции против модернистов и мистического элемента в литературе) и несовпадение содержания с читательскими интересами⁷. Эта тема неоднократно поднималась Владимировой в статьях о писателях-реалистах, отрицающих эстетику модернизма и влияние символистов на формирование литературной парадигмы, самоценность искусства для автора⁸.

Творчеству Ремизова журналисты и критики газеты уделяли сдержанное внимание, руководствуясь выбранным программным курсом на освещение творческих импульсов модернистов. В начале апреля 1908 г. в петербургском издательстве «Еос» вышел роман «Часы», на который в «Кубанском курьере» последовал отклик корреспондента, ведущего библиографический отдел: произведение уже заявившего о себе в литературном мире писателя⁹, признанного «мастером слова и властителем стиля», было определено как «черновые наброски, подготовка к большому, которое, быть может, он <Ремизов> подарит нам» [Этурнель, 1908].

Оценки сотрудников газеты произведений Ремизова не отличались единством и глубиной. С 1908 по 1911 г. включительно в екатеринодарском издании о творчестве писателя не было напечатано ни одной аналитической статьи, развернутой рецензии или содержательного отзыва, которые позволили бы читателю понять специфику его художественного мира. Спорадические заметки не только не давали целостного представления о сути мастерства писателя, но и определенным образом дискредитировали его в глазах читателя. Так, в 1909 г. в номере от 7 ноября (№ 339, с. 2) появилась миниатюра, перепечатка из «Голоса Москвы», посвящен-

⁶ См.: рассказы Тэффи в номерах 1908 г.: № 39, 26 окт.; № 50, 8 нояб.; 1909 г.: № 239, 5 июля; очерки А. Вергежского «Петербургские письма» (1909. № 347, 17 нояб.; 1910. № 402, 26 янв.); рассказы Н. Архипова в июньских номерах 1909 г. (№ 217–219, 224).

⁷ См.: П. С. (Владимирова). Новый журнал «Современник» // Кубанский курьер. 1911. № 751, 3 апр. С. 4.

⁸ См. статьи 1911 г.: «Литературные заметки (В. Винниченко. “Честность с собой”. Пятый сбор. “Земля”», «Литературные заметки. (Иван Рукавишников и его роман “Проклятый род”»)» (№ 920, 4 нояб. С. 3).

⁹ К этому времени Ремизов был известен в читательской среде произведениями крупной жанровой формы: романом «Пруд» (1905), книгами легенд и апокрифов «Лимонарь сиречь: Луг духовный» (1907), сказок «Посолонь» (1907), рассказов и поэм «Чортов лог и Полунощное солнце» (январь 1908).

ная сну «Клей-синдетикон» из цикла «Бедовая доля», опубликованному в «Русской мысли». Автор этого «шедевра», В. И. Голиков, подписавшийся псевдонимом *Wega*, в своеобразной иронической манере представил отношения Ремизова с редакцией журнала, признавшей свою непрогрессивность и некомпетентность перед писателем-модернистом, экспериментирующим со словом и смыслом¹⁰. В январском выпуске 1911 г. ведущий критик газеты Л. Надеждин продолжил тему абсурда в творчестве Ремизова, проанализировав сказку «К Морю-Океану: Волк-Самоглот», которая вышла в февральском номере «Всеобщего журнала науки, искусства и литературы». Произведение автора было названо лишенным смысла, «сплошной болтовней». Подробно пересказав сказку с целью обнаружить в ней логику и смысл, автор в заключение с негодованием восклицает: «Что же это такое, наконец? Если это сказка для детей, то зачем она так написана, что и черту не понравится, и зачем она напечатана в журнале для взрослых? Если это предназначено для взрослых, то за кого же, наконец, принимает г. Ремизов своих читателей? Какого он о них мнения? И что думал “Всеобщий журнал”, печатая эту белиберду? Интересно знать!» [Надеждин, 1911, с. 3]¹¹.

Также и мнение П. С. Владимировой о произведениях Ремизова формировалось в русле общих представлений о его творчестве, в контексте редакционной программы «Кубанского курьера». Впервые о писателе она упоминала в аналитической статье 1909 г., посвященной содержанию октябрьских номеров журналов «Русское богатство» и «Русская мысль». Рассказ Ремизова был приведен в качестве примера неинтересного художественного контента, наполняющего страницы ведущих изданий: «В “Русской мысли” беллетристика производит еще более безотрадное впечатление. Нет ни одной вещи, на которой можно было остановить внимание. Есть переводные романы, – нынче ведь мода на переводы, есть и оригинальное, но все это – увы! мало представляет интереса. Например, “Таинственный зайчик” А. Ремизова – прямо-таки детский лепет» [П. С. (Владимирова), 1909].

Однако в 1911 г. взгляд Владимировой на творчество Ремизова стал более позитивным, что было связано с изменением редакционной программы «Русской мысли», в частности с отбором авторов и произведений для публикации: с осени 1910 г. литературно-критическим отделом журнала стал заведовать В. Брюсов, значительно реформировавший его¹². Критик «Кубанского курьера» утверждала, что журнал под началом Брюсова стал почти образцовым. Владимирова также отметила изменение художественного контента, назвав имена авторов, увлекающих читателя, и произведения, действительно интересные современникам: рассказ М. Пришвина «Птичье кладбище», повесть Б. Савинкова «Двуглавый орел», стихи Брюсова, Сологуба, Блока, Гумилева. В этот же ряд был поставлен и Ремизов: «Хорош рассказ А. Ремизова “Чертыханец”. Жуть охватывает вас при чтении

¹⁰ См.: *Wega* <Голиков В. М.>. Рассказы <...> 3) Алексей Ремизов и «Русская Мысль» // Голос Москвы. 1909. № 247, 28 окт. С. 2.

¹¹ Также см. поверхностный неинформативный отзыв о рассказе <sic!> «Неуемный бубен»: А. Т. Альманах для всех кн. 1 изд. «Нового журнала для всех» 1910 г. // Кубанский курьер. 1910. № 496, 22 мая. С. 3.

¹² Подробнее см.: *Никитина М. А.* «Русская мысль» // Русская литература и журналистика начала XX века, 1905–1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 38–46; вступительную статью А. Н. Михайловой к публикации: В. Я. Брюсов. Письма к П. Б. Струве // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения / Под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л., 1960. Т. 5. С. 257–345.

краткой повести о жизни одного помещика, поминающего за каждым словом черта. Нет ему жизни, нет ему радости и утешения: черт не сходит с языка “Чертыханца”. Даже жена бежит от него, – так гадок и страшен он. Стиль рассказа напоминает Достоевского, но без его страсти и истерики, без того огня боли за человека, обреченного на такую жизнь» [П. С. (Владимирова), 1911б, с. 3].

С начала 1912 г. Владимирова заинтересовалась художественным миром писателя и, вероятно, с помощью И. С. Соколова-Микитова¹³ положила начало творческой переписке. Профессиональные контакты с Ремизовым установились буквально с первого письма, на которое он откликнулся и отправил тома Собрания сочинений, вышедшие к этому времени в издательстве «Шиповник»:

Извините, не знаю Вашего имени и отчества. Посылаю Вам III, IV и V т. I и II-ого сейчас у меня нет, я их Вам пришлю. Напишите мне Ваш Екатеринбургский адрес. Пришлю Вам VI и VII, – выйдут к марту. С уважением. А. Ремизов (РО ИРЛИ РАН. Р. III. Оп. 2. № 321–333. Л. 1)¹⁴.

Выпуск восьмитомного Собрания сочинений стал не только промежуточным итогом для писателя, но и событием в профессиональной и читательской среде, вызвал пристальное внимание публицистов и критиков¹⁵.

Из всех произведений, вошедших в Собрание сочинений, которое писатель в конце февраля, сразу после выхода VI и VII томов, отправил Владимировой, творческий интерес корреспондентки вызвала повесть «Крестовые сестры», увидевшая свет повторно в составе пятого тома в ноябре 1911 г. Впервые она была опубликована в сентябре 1910 г. в Литературно-художественном альманахе издательства «Шиповник» и, судя по многочисленным неравнодушным откликам¹⁶, произвела фурор в литературном мире. Л. Шестов восторженно писал Ремизову:

Но прежде поздравлю тебя с успехом твоих «Крестовых Сестер». Видел я в «Речи» и в «Р<усских> В<едомост>ях» – страсть хвалят. Верно и другие газеты не отстают (Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым, 1992, с. 92).

В обращении к Ремизову от 2 марта Владимирова, сообщив о намерении приступить к написанию статьи, просит разъяснить смысл названия повести, ранее привлекавшей ее внимание:

Не можете ли мне объяснить, почему Ваша повесть «Крестовые сестры» названа так? Не потому ли, что большинство женщин в ней несли по истине <sic> крестовые страдания? Повесть эта мне очень понравилась и тогда, когда она была напечатана впервые и при вторичном чтении теперь (ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 78. Л. 1).

¹³ О знакомстве с литературным учеником Ремизова Соколовым-Микитовым и его попытках содействия Владимирова неоднократно упоминает в письмах.

¹⁴ Начальное обращение Владимировой отсутствует в корпусе сохранившейся переписки, но его содержание определяется по ответному письму, в котором Ремизов в своей фамилии ставит ударение на первый слог, вероятно, исправляя написание адресанта.

¹⁵ См. отклики и рецензии, зафиксированные в Библиографии писателя (сост.: Е. Е. Вахненко, Е. Р. Обатнина) в структуре электронного научного проекта «Наследие А. М. Ремизова в литературном процессе XX–XXI вв.». URL: <http://pushkinskijdom.ru/remizov/Bibliografiay/index.html>

¹⁶ См.: Там же (Ч. II, 1910, 1911).

В ответном письме от 10 марта Ремизов раскрывает смысл заглавия повести, акцентирует внимание на концепте судьбы, на специфике отношений героев с действительностью:

Обыкновенное значение названия Крестовых Вы знаете: те, у кого одна мать крестная или один отец крестный. / Мое заглавие понимать можно так: / I) одна судьба наделила (крестила) крестной долей описываемых мною лиц и души их – сестры крестовые / II. Относительно героя повести Маракулина все другие описываемые лица, одной судьбой с ним крещенные <sic!>, сестры крестовые (РО ИРЛИ РАН. Р. III. Оп. 2. № 321–333. Л. 3).

Авторское толкование отвечало и пониманию названия отдельными представителями интеллектуальной общественности, в частности трактовке Иванова-Разумника, который, прочитав повесть до публикации, высказал свои соображения Ремизову и вскоре отразил их в статье¹⁷:

<...> заглавие – «Кр<естовые> с<естры>» – хорошее и говорящее <...> И ведь дело не в одной Вере – Верочке – Верушке и в их крестовых сестрах, а во всякой изнасилованной душе человеческой – а в таком случае заглавие «Крест<овые> сестр<ы>» является требующим пояснения, <т.> е. что и Маракулин и др. – тоже «крестовые сестры» (Письма Р. В. Иванова-Разумника..., 1998, с. 39).

Подобный подход критика, выступившего в роли корреспондента писателя, является редким примером в истории литературных отношений и в данном случае свидетельствует о глубоком интересе Владимировой не только к наследию, но и к самому автору как литературной личности. Следует отметить, что подобный эпистолярный диалог Владимировой пыталась установить, судя по содержанию писем Ремизову, и с Ф. К. Сологубом, посвятив его творчеству несколько отдельных статей, опубликованных на страницах «Кубанского курьера»¹⁸.

Для Владимировой повесть «Крестовые сестры» стала своеобразным ключом к пониманию творчества Ремизова, с которым с начала 1912 г. установилась интенсивная переписка, со временем переросшая в теплые доверительные отношения¹⁹. Основным мотивом для сближения с писателем становится желание критика представить взгляд стороннего публициста, далекого от столичной литературной жизни, на творчество Ремизова, охватив его целиком, выделив ключевые моменты и тенденции.

¹⁷ См.: «Бурков двор» (Русские ведомости. 1910. № 213, 17 сент. С. 2–3). Также см. работу К. Чуковского «Для чего мы живем. («Крестовые сестры», повесть А. Ремизова <...>» (Речь. 1910. № 264, 26 сент. С. 2–3), с которой Иванов-Разумник был категорически не согласен и выступил с ответной статьей «Между “Святой Русью” и обезьяной: Творчество Алексея Ремизова» (Речь. 1910. № 279, 11 окт. С. 2–3).

¹⁸ См. письма от 2 марта, 17 ноября, 20 декабря 1912 г.; публикации: «“Творимое” Сологуба» (1909. № 286, 2 сент. С. 3; № 287, 3 сент. С. 3), «“Победа смерти” и другие пьесы Федора Сологуба» (1912. № 1024, 14 марта. С. 3), «Литературные заметки (“Заложники жизни”). Пьеса Ф. Сологуба. 18-я кн. альманахов “Шиповника”» (1912. № 1241, 11 дек. С. 3); «1912 год» (1913. № 1256, 1 янв. С. 4); «Литературные заметки (Собрание сочинений Федора Сологуба. 12 т.)» (1913. № 1323, 23 марта. С. 3).

¹⁹ Так, из текста письма от 18 мая понятно, что Ремизов обратился с личной просьбой к Владимировой, пообещавшей ее исполнить (ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 78. Л. 2).

В течение полугода продолжалась работа над объемной статьей, посвященной художественному миру писателя, и 17 сентября Владимировна извещает Ремизова о завершении работы и попытке пристроить рукопись в журнал «Новая жизнь» при содействии И. С. Соколова-Микитова, имевшего дружеские связи с его сотрудниками. Желание критика поместить свою работу о Ремизове в петербургском журнале выглядит неоднозначно: в 1911 г. она категорически выступила против выпуска изданий, подобных «Новой жизни», «Всеобщему журналу», «Синему журналу», назвав их «литературной трухой» [П. С. (Владимировна), 1911а, с. 3]. Вероятно, изменение отношения к изданию объясняется надеждой на благосклонный отклик Н. А. Архипова (наст. имя М. Л. Бенштейн), уроженца Екатеринодара, который в 1909 г. кратковременно сотрудничал с «Кубанским курьером»²⁰, в 1910–1911 гг. был редактором-издателем «Новой жизни», а в 1912 г. – ее авторитетным сотрудником.

Обращение Владимировой в столичный печатный орган было вызвано непростыми отношениями, сложившимися с новой редакционной коллегией екатеринодарской газеты²¹ и желанием прекратить с ней деловые контакты, о чем она откровенно пишет Ремизову:

Предложение Ив<ана> Серг<еевича> мне было приятно во многих отношениях, а главное оно освобождало меня от той газеты, в которой я работала, ставшей в последнее время по некоторым причинам неподходящей для людей, смотрящих серьезно на печать. Много в ней, т. е. в газете, было грязи и подлости, травли и инсинуаций в отношении бывшего редактора той газеты. Вся эта история – личная, злая месть. / Противно. И если мне придется появиться на страницах этой газеты, то это будет сенсация. Но что делать? Не печататься не могу, а печататься больше негде <...> (ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 78. Л. 4–5).

В этом же послании Владимировна сообщает о непростых отношениях, сложившихся с конторой газеты (с середины марта она не публиковалась на ее страницах). Владимировна просит писателя узнать в редакции журнала о судьбе статьи. Ремизов с 1908 г. находился в переписке с Н. А. Архиповым, редактором-издателем «Нового журнала для всех» (в 1909 и 1910 гг. публиковался в нем), с 1911 г. состоял в числе сотрудников «Новой жизни», поддерживал творческие контакты с Бенштейном²². Поставленный в неловкое положение обращением своей корреспондентки, он вынужден был ответить корректным отказом, сославшись на при-

²⁰ См. примечание 6 наст. статьи.

²¹ С июня 1912 г. редактором-издателем «Кубанского курьера» стал Л. С. Надеждин (Ямпольский), ранее сотрудничавший с газетой как литературный критик и журнальный обозреватель, сменив на этом посту М. А. Асланова. Редакционный курс стал более демократичным, изменился и состав журналистов. Отношения Владимировой с редакцией газеты уже в 1909–1910 гг. были неровными: с декабря 1909 г. по третью декаду ноября 1910 г. на страницах екатеринодарского издания не появилось ни одной ее работы; в это время критик сотрудничала с журналом «На Кавказе», в котором она опубликовала три статьи, посвященные творчеству Л. Андреева, традиционному обозрению журналов и сборников, памяти А. П. Чехова.

²² См. указания на списки сотрудников журнала в 1911–1912 гг., а также обращение редакционной коллегии к Ремизову с просьбой подписать резолюцию (ввиду отсутствия на собрании) о прецедентном споре А. И. Куприна с Н. А. Бенштейном и о судьбе издания (ОР РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 48. Л. 12 – 12 об.).

страстное отношение к себе Н. Я. Абрамовича, автора двух неодобрительных отзывов о его творчестве ²³:

Многоуважаемая Прасковья Семеновна! / Как мне в Нов<ую> Жизнь пойти, неловко это. Если бы статья не обо мне, дело другое. / Ко мне относятся там, в этой «Нов<ой> Ж<изни>» даже очень плохо: критик такой там есть Н. Кадмин (Н. Абрамович) не выносит имени моего. Не сердитесь на меня, я рад бы сделать, да нельзя, неловко и попусту (РО ИРЛИ РАН. Р. III. Оп. 2. № 321–333. Л. 7).

Следует отметить, что в это время Ремизов надеялся увидеть на страницах «Новой жизни» свои сказки из цикла «Докука и балагурье», которые вышли в последнем номере журнала за 1912 г.

Судьба статьи вскоре разрешилась отказом редакции «Новой жизни» ее опубликовать. Послания писателю от 9 и 17 ноября содержат эмоциональные разъяснения Владимировой, раскрывающие причины этого события, сообщенные И. С. Соколовым-Микитовым:

В «Нов<ой> жиз<ни>» ее нашли и длинной и сухой и потому не напечатали. Предложили сократить. И потом странно: высказали, что я как сотрудник желательна. Бог с ними. Слишком с большой меркой они подошли ко мне. Себя они меряют значительно меньшей меркой (ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 78. Л. 6);

Статья, оказывается, «суха, скучно-логична, без блесков неожиданных мыслей и написана провинциально». Я ответила, что как кому. Измайлов, какой-нибудь Боцяновский, Львов-Рогачевский, они далеко не блещут и, однако, их печатают. Меня, вероятно, сравнивали не с ними, а с Михайловским, Писаревым, Белинским. Мне большая честь. Думаю, что их смутило, что я из провинции. Это своего рода жупел, которого все еще боятся жители столиц. Ну, и бог с ними (ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 78. Л. 7).

В октябре Владимирова вернулась в екатериндарскую газету и разместила на ее страницах аналитическую статью, в которой попыталась разъяснить современникам специфику художественного мира Ремизова. Несомненно, Владимировой были известны многочисленные отклики рецензентов и критиков, содержащие противоречивые, часто негативные оценки творческого метода писателя ²⁴, поэтому своей основной задачей она определила возможность раскрыть как профессиональному, так и массовому читателю причину этого неприятия и непонимания через два ключевых аспекта – своеобразие языка и стиля автора и его подход к изображению героев.

Заключив, что в самобытном языке, за который Ремизов «имеет право называться национальным, народным писателем», «отражается целое народное мироощущение» [П. С. (Владимирова), 1912а, № 1193], Владимирова раскрыла и суть

²³ О творчестве Ремизова Н. Я. Абрамович писал в других изданиях в частности под псевдонимом Н. Арский, см.: «Стихийность молодой поэзии (К. Бальмонт, В. Брюсов, Ф. Сологуб, Вяч. Иванов, А. Блок, С. Городецкий, А. Ремизов, Л. Семенов, А. Белый, И. Бунин и др.)» (Образование. 1907. № 11. С. 1–29), в 1909 г. эта работа была включена в «Литературно-критические очерки» (СПб., 1909, с. 169–204), «О венках и славах» (Руль. 1910. № 268, 2 янв. С. 2).

²⁴ См. примечание 16 наст. статьи.

героев его произведений, которые совершенно не похожи на литературные типы, они индивидуальны в своих отношениях с действительностью, но едины в ее переживании: «Их не смешашь. Все они говорят своим языком. Все они живут своим особым миром, у всех у них своя особая психология. Каждый из них по своему воспринимает мир и реагирует на него. И в то же время у всех у них глаза потерянные – бродячей Святой Руси, все они болеют одной тоской» [П. С. (Владимирова), 1912а, № 1193]. Особое внимание критик уделила женским персонажам, сравнив их с врубелевскими образами: «Они полны мистики, полны предчувствия какой-то страшной беды. Ни тянут к себе, и оторвать взор от них невозможно» [Там же]. Рассуждая о маленьких людях в творчестве писателя, несущих крест страдания, незаметных в своей обыкновенности, Владимирова приводит читателя к утверждению, что Ремизову удалось, изображая повседневность и обыденность, увидеть и обозначить «великую русскую трагедию». Это, утверждает автор статьи, «наша трагедия: это – наперекор блеску и шуму врывающейся к нам европейской культуры, наперекор завоеваниям науки и торжеству человеческого разума, остаться самим собой и сохранить свою национальную сущность» [П. С. (Владимирова), 1912а, № 1194].

В данном контексте лучшим произведением Ремизова критик назвала «Крестовые сестры», где герои олицетворяют мистический страх смерти как ключевую национальную черту: «Русский человек боится смерти не как уничтожения. Он боится умереть не узнавшим, зачем он жил и страдал и куда пойдет в смерти своей» [Там же]. Назвав персонажей повести гордыми и смиренными индивидуалистами, способными познать правду жизни, «вещное знание» о ней, Владимирова, следуя авторской трактовке заглавия, данной в одном из первых писем, определяет это произведение как знаковое для читателя, раскрывающее тайну творчества и глубину взгляда Ремизова на мир и человека в нем: «В этой повести Ремизов достигает вершин творческой интуиции в выявлении ноумена русского человека и психологической правды о нем, а в языке такой сжатости и чистоты в смысле русской речи, такой певучести, такой мистически красивой образности, где уже пребывают одни символы скорби и печали, смирения и проникновения в “миры иные”, что перед вами встает во весь свой рост Святая Русь, призванная в страданиях своих открыть людям высший смысл жизни...» [Там же].

Несомненно, эта работа для Владимировой представлялась особенно важной, так как возможность личного общения с Ремизовым и его мнение являлись своеобразным «гарантом» ее слова, вселяли уверенность в правильном понимании художественного мира писателя и верно выбранном критическом ракурсе. Поэтому ответ Ремизова от 12 ноября 1912 г., в котором он писал, что статья понравилась, а также информировал о выходе восьмого тома Собрания сочинений в издательстве «Шиповник» и переходе в новое издательство «Сирин»²⁵ (РО ИРЛИ РАН. Р. III. Оп. 2. № 321–333. Л. 5), стал для Владимировой своеобразным стимулом к продолжению как эпистолярного диалога со своим корреспондентом, так и к дальнейшей творческой работе. В послании от 17 ноября она сообщала:

²⁵ Издательство «Сирин» организовано в первой декаде октября силами Ремизова и семьи известного мецената М. И. Терещенко. Его открытие состоялось в середине ноября 1912 г. Подробнее об участии Ремизова в этом предприятии см. его дневниковые записи и вступительную статью А. В. Лаврова: «Сирин». Сирин птица / Публ. и примеч. А. В. Лаврова // Алексей Ремизов: Исследования и материалы: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. М. Грачева, А. д'Амелия. СПб.; Салерно, 2003. С. 233–248; Лавров А. В. «Сирин» – дневниковая тетрадь А. Ремизова // Там же. С. 229–232.

Прочла Вашу «Пятую язву» и «Заложников жизни» <Ф. Сологуба>. Буду писать скоро о них ²⁶ (ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 78. Л. 7 об.).

20 декабря на страницах «Кубанского курьера» вышла вторая пространная статья Владимировой о творчестве Ремизова, посвященная повести «Пятая язва», увидевшей свет в середине октября в Литературно-художественном альманахе издательства «Шиповник» (кн. 18, с. 109–201). В этот же день она была отправлена адресату с просьбой: «неприменно написать мне: понравилась ли она» (ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 78. Л. 8).

Повесть была названа началом нового этапа, особой «эпохой в творчестве Ремизова». Критик отметила эволюцию художественного мира писателя, которая проявилась в новом подходе к изображению мира и человека – в простоте представления героев, глубоком погружении в психологию: «Ремизов вообще интересуется только судьбой своих героев, ее только и наблюдает он в людях, но только не всегда ему удавалось выявить это свое устремление с такой ясностью и с такой неизбежностью, как в этой повести». Характер, жизнь и судьба следователя Боброва стали предметом анализа Владимировой, которая отметила обретенный автором художественный такт, позволивший ему спокойно и ясно, без трагического надрыва, показать смерть героя: «И как рассказана смерть, как написана! Без внешних эффектов, без лишних слов, с тем величавым спокойствием, с каким совершается все трагическое в жизни. Едва ли нужно говорить о силе впечатления, – оно потрясающее. / Совершилось нечто великое, непоправимое, неизбежное, – какие же еще нужны слова? Совершившееся говорит само за себя, но требуется огромный художественный такт, чтобы не соблазниться “благодарной темой” и не наговорить лишних слов. Ремизов в большой мере обладает этим художественным тактом <...>» [П. С. (Владимирова), 1912б, № 1249].

Отклик Ремизова был отправлен 26 декабря и содержал не только отражение благоприятного впечатления, полученного от статьи, но и небольшое замечание:

Многоуважаемая Прасковья Ивановна! <sic!> / Получил статью Вашу, спасибо. Мне она понравилась. Только почему в перечислении на последнем столбце: Мать Боброва, Лизавета Ивановна – в «Крестовых сестрах», князь и т. д. Женю ²⁷ Вы пропустили – мать Маракулина (РО ИРЛИ РАН. Р. III. Оп. 2. № 321–333. Л. 10).

В обзоре, посвященному литературному процессу 1912 г., Владимировая назвала «Пятую язву» «крупным вкладом в нашу словесность, одним из самых лучших произведений Ремизова, раскрывшего нам в лице его автора большое трагическое дарование» [П. С. (Владимирова), 1913]. Примечательно, что в эмиграции, когда Ремизов будет осмыслять свой творческий путь, он напишет в книге воспоминаний «Петербургский буерак» о непонятой критиками идее произведения: «В одном из следующих альманахов “Шиповника” появилась моя повесть “Пятая язва”, Человек среди человекообразных <...> После “Крестовых сестер” эта повесть

²⁶ Один из первых откликов на произведения писателей появился в «Русских ведомостях» 31 октября 1912 г., его автор – редактор-издатель газеты И. Игнатов: «Литературные отголоски (Ф. Сологуб «Заложники жизни». – Алексей Ремизов «Пятая язва»). Также см. примечание 19 наст. статьи.

²⁷ В тексте произведения имя матери главного героя имеет официальную форму – Евгения Александровна.

ничего не прибавила к моему имени. Были казенные отклики...» [Ремизов, 2003, с. 200].

Конечно, для Ремизова работы Владимировой также представляли определенный интерес, прежде всего как выражение взглядов критика, беспристрастного в суждениях, далекого от столичной литературной среды и не зависящего от редакционной программы авторитетных изданий. Писатель был заинтересован во взгляде со стороны на свое творчество, поэтому поддерживал интенции корреспондентки к подобным выступлениям в повременной печати, оповещая об ожидаемых к выходу произведениях и регулярно отправляя в Екатеринодар уже опубликованные сочинения. Так, в последнем декабрьском письме он информировал собеседницу:

В феврале пришлю Вам мою новую книгу, туда войдут рассказы: Петушок, Пятая язва, Покровенная и т. д. / Изд. "Сирин"²⁸ (РО ИРЛИ РАН). Р. III. Оп. 2. № 321–333. Л. 10).

Владимирова, в свою очередь, стремилась обогатить опыт журналистской деятельности сотрудничеством с петербургскими изданиями, поэтому мнение столичных литераторов и возможное их содействие были для нее чрезвычайно важны. В эпистолярном диалоге с Ремизовым критик неоднократно высказывает желание установить профессиональный контакт с известными писателями, дорожит их вниманием и мнением о своей работе. В частности восхищается восторженным отзывом О. Форш, высказанным по поводу первой статьи о творчестве Ремизова, ее волнует мнение Ф. Сологуба, воздержавшегося от личной переписки, ценным представляется приглашение А. Рославлева к публикации в критическом альманахе и отмечается постоянная поддержка И. С. Соколова-Микитова.

Весной 1913 г. завершился екатеринодарский период журналистской деятельности Владимировой. В конце марта на страницах «Кубанского курьера» увидела свет ее последняя публикация, посвященная выходу Собрания сочинений Ф. К. Сологуба. Многолетнее сотрудничество с газетой было прекращено в связи с переездом семьи Владимировых в Петербург, где начался новый этап критико-публицистической работы Прасковьи Семеновны, укрепились творческие связи с Ремизовым и на долгие годы установились дружеские отношения с С. П. Ремизовой-Довгелло.

Список литературы

- Надеждин Л.* Ультра-«модное» писательство // Кубанский курьер. 1911. № 698, 28 янв. С. 3.
- П. С. (Владимирова).* Журнальное обозрение. («Русское богатство» и «Русская мысль» – октябрь) // Кубанский курьер. 1909. № 355, 27 нояб. С. 3.
- П. С. (Владимирова).* Журналомания // Кубанский курьер. 1911а. № 778, 8 мая. С. 2–3.
- П. С. (Владимирова).* Наши журналы // Кубанский курьер. 1911б. № 924, 9 нояб. С. 2–3.
- П. С. (Владимирова).* Алексей Ремизов // Кубанский курьер. 1912а. № 1193, 12 окт. С. 3; № 1194, 13 окт. С. 3.

²⁸ Речь идет о книге «Подорожие: Рассказы» (СПб.: Сирин, 1913).

П. С. (Владимирова). Литературные заметки. («Пятая язва». Повесть Алексея Ремизова. 18-я кн. альманахов «Шиповника») // Кубанский курьер. 1912б. № 1249, 20 дек. С. 3.

П. С. (Владимирова). 1912 год // Кубанский курьер. 1913. № 1256, 1 янв. С. 4.

Ремизов А.М. Собрание сочинений / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом); подгот. текста, ст., указ., коммент. А. М. Грачевой, О. А. Линдеберг. М.: Рус. книга, 2003. Т. 10: Петербургский буерак. 592 с.

Этурнель. А. Ремизов. «Часы». Изд. «Eos», СПб., 1908 г. // Кубанский курьер. 1908. № 19, 1 окт. С. 4.

Список источников

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 634. Оп. 1. № 78. Владимирова-Воробьева П. С. Письма А. М. Ремизову. 2 марта – 20 дек. 1912; Ф. 634. Ед. хр. 48. Л. 12 – 12 об. Архипов (Бенштейн) Н. А. Письма А. М. Ремизову. 16 ноября 1908 – 15 ноября 1911.

Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И. Ф. Даниловой, А. А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 4. С. 92–133.

Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908–1944 гг.) / Публ. Е. Р. Обатиной, В. Г. Белоуса, Ж. Шерона; вступ. заметка и коммент. Е. Р. Обатиной, В. Г. Белоуса // Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1998. Вып. 2. С. 19–122.

Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ РАН). Р. III. Оп. 2. № 321–333. Ремизов А. М. Письма Воробьевой Прасковии Семеновне 19 января 1912 – 27 декабря 1919.

References

Eturnel'. A. Remizov. "Chasy." St. Petersburg, Izd. "Eos," 1908 g. [A. Remizov. "Watch." St. Petersburg, "Eos" Publ., 1908]. *Kubanskiy kur'er*. 1908, 1 October, no. 19, p. 4.

Nadezhdin L. Ul'tra-"modnoe" pisatel'stvo [Ultrafashionable writing]. *Kubanskiy kur'er*. 1911, 28 January, no. 698, p. 3.

P. S. (Vladimirova). 1912 god. *Kubanskiy kur'er*. 1913, 1 January, no. 1256, p. 4.

P. S. (Vladimirova). Aleksey Remizov. *Kubanskiy kur'er*. 1912, 12 October, no. 1193, p. 3; 13 October, no. 1194, p. 3.

P. S. (Vladimirova). Literaturnye zametki. ("Pyataya yazva." Povest' Alekseya Remizova. 18-ya kn. al'manakhov "Shipovnika") [Literary notes. ("The Fifth Ulcer." The story of Alexei Remizov. 18th book of the almanacs "Rosehip")]. *Kubanskiy kur'er*. 1912, 20 December, no. 1249, p. 3.

P. S. (Vladimirova). Zhurnal'noe obozrenie. ("Russkoe bogatstvo" i "Russkaya mysl'" – oktyabr') [Journal review. ("Russian Wealth" and "Russian Thought" – October)]. *Kubanskiy kur'er*. 1909, 27 November, no. 355, p. 3.

P. S. (Vladimirova). Zhurnalomaniya [Magazine obsession]. *Kubanskiy kur'er*. 1911, 8 May, no. 778, pp. 2–3.

P. S. (Vladimirova). Nashi zhurnaly [Our magazines]. *Kubanskiy kur'er*. 1911, 9 November, no. 924, pp. 2–3.

Remizov A. M. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. A. M. Gracheva, O. A. Lindeberg (Prep. of texts and comm.). Moscow, Rus. kniga, 2003, vol. 10: Peterburgskiy buerak, 592 p.

List of sources

Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki [Department of Manuscripts of the Russian National Library]. Fund 634, Inventory 1, Item number 78. Vladimirova-Vorob'eva P. S. Pis'ma A. M. Remizovu [Vladimirova-Vorobeva P. S. Letters to A. M. Remizov]. March 2 – Dec. 20, 1912.

Perepiska L. I. Shestova s A. M. Remizovym [Correspondence L. I. Shestov with A. M. Remizov]. Danilova I.F., Danilevsky A.A. (Publ., pref., comments). *Russkaya Literatura*. 1992, no. 4, pp. 92–133.

Pis'ma R. V. Ivanova-Razumnika k A. M. Remizovu: (1908–1944 gg.) [Letters to R. V. Ivanov-Razumnik to A. M. Remizov: (1908–1944)]. Obatnina E. R., Belous V. G., Sheron Zh. (Publ.); Obatnina E. R., Belous V. G. (Pref., comments). In: *Ivanov-Razumnik: Lichnost'. Tvorchestvo. Rol' v kul'ture* [Ivanov-Razumnik: Personality. Oeuvre. Role in culture]. St. Petersburg, 1998, no. 2, pp. 19–122.

Rukopisnyy otdel Instituta russkoy literatury (Pushkinskiy Dom) RAN [Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS]. P. III, Inventory 2, Item number 321–333. Remizov A. M. Pis'ma Vorob'evoy Praskovii Semenovne [Remizov A. M. Letters to Praskovia Semyonovna Vorobieva]. January 19, 1912 – December 27, 1919.

Информация об авторе

Екатерина Евгеньевна Вахненко, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии, иностранных языков и массовых коммуникации Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

Information about the author

Ekaterina E. Vakhnenko, Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Russian and Foreign Literature of the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication of the Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 28.09.2022;
одобрена после рецензирования 17.11.2022; принята к публикации 17.11.2022
The article was submitted on 28.09.2022;
approved after reviewing on 17.11.2022; accepted for publication on 17.11.2022*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/83/13

**«Мстислава древний поединок...»:
рассказ «Повести временных лет» в стихотворении В. Сосноры
«Бой Мстислава с Редедей» (1959)**

**Татьяна Ивановна Ковалева¹
Игорь Евгеньевич Лоцилов²**

^{1,2} Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ tkv1@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7165-3186>
² loshch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3642-2590>

Аннотация

Рассматривается стихотворение В. Сосноры «Бой Мстислава с Редедей» (1959), в основе которого выявляется рассказ «Повести временных лет» под 6530 (1022) г., посвященный событию, вынесенному в заглавие стихотворения. Обращаясь к названному рассказу, а также и к другим рассказам «Повести», и к «Слову о полку Игореве», Соснора строит лирический сюжет. Он интерпретирует (по его самоопределению, «перефантазирует») событие древнерусской истории, расставляя свои смысловые и ритмические акценты в соответствии с замыслом – приблизить его к современному читателю, как бы предлагая фантастическую реконструкцию одной из песен Бояна.

Ключевые слова

древнерусская литература, литература Нового времени, историзм, поэзия XX века, Виктор Соснора, Повесть временных лет, стихотворение «Бой Мстислава с Редедей»

Для цитирования

Ковалева Т. И., Лоцилов И. Е. «Мстислава древний поединок...»: рассказ «Повести временных лет» в стихотворении В. Сосноры «Бой Мстислава с Редедей» (1959) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 166–179. DOI 10.17223/18137083/83/13

© Ковалева Т. И., Лоцилов И. Е., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 166–179

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 166–179

**“The ancient duel of Mstislav...”:
the story of “The Russian Primary Chronicle”
in a V. Sosnora’s poem “The battle of Mstislav with Rededya” (1959)**

Tatyana I. Kovaleva¹, Igor E. Loshchilov²

^{1,2} Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ tkv1@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7165-3186>
² loshch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3642-2590>

Abstract

This paper deals with the poem by V. Sosnora, “The Battle of Mstislav with Rededya” (1959). The poem is based on the story of “The Russian Primary Chronicle” under 6530 (1022) devoted to the event mentioned in the title. According to the poet, when writing his “historical” poems, he “re-imagines” the material of ancient Russian monuments and brings it closer to the modern reader. The poet’s creative method was often misunderstood by critics and satirists who referred to his “irreverent” treatment of history. In terms of literary criticism, “re-imagining” implies using a rich palette of poetic means of allusions and associations, a deliberate mixture of ancient and modern, and others. Addressing the named story of “The Russian Primary Chronicle,” as well as to other chronicle stories and “The Song of Igor’s Campaign,” Sosnora creates a poetical plot. This plot emphasizes the dynamics of the duel of chronicle characters, marks individual features of their appearance, hides by default an important detail for the chronicle narrative (knife), and introduces a dialogue (an expressive squabble before the battle of the title characters), reworking the chronicle event to give the battle scene “visual”, “cinematic” effect. This could not be the case in Old Russian narration subordinated to literary etiquette. By arranging the semantic and rhythmic accents under his idea, the poet seems to offer a fantastic reconstruction of one of the Boyan’s songs.

Keywords

Old Russian literature, modern literature Viktor Sosnora, historicism, poetry of the 20th century, The Russian Primary Chronicle, poem “The battle of Mstislav with Rededya”

For citation

Kovaleva T. I., Loshchilov I. E. “The ancient duel of Mstislav...”: the story of “The Russian Primary Chronicle” in a V. Sosnora’s poem “The battle of Mstislav with Rededya” (1959). *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 166–179. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/13

В предисловии к первому сборнику стихов Виктора Сосноры «Январский ливень» (1962) Николай Асеев отметил два значимых для «древнерусского» цикла «За Изюмским бугром» источника: «Повесть временных лет» (далее – ПВЛ) и «Слово о полку Игореве» [Соснора, 1962, с. 6]. В настоящей работе речь пойдет о стихотворной переработке рассказа ПВЛ, ставшего основой для стихотворения «Бой Мстислава с Редедей» [Соснора, 1969, с. 22–24].

Оно было создано в 1959 г. [Там же, с. 26] и напечатано в первом сборнике поэта, «Январский ливень» [Соснора, 1962, с. 74–44]. В древнерусский раздел его второй книги, «Триптих» (1965), оно не вошло. Начиная с третьей книги, «Всадники» (1969), «Бой Мстислава с Редедей» неоднократно воспроизводился в сборниках поэта [Соснора, 1969, с. 22–24; 1989, с. 33–35; 2003, с. 22–24; 2006, с. 14–15; 2010, с. 29–31; 2018, с. 32–33]. Интересующее нас стихотворение при-

сутствует в двух из трех известных нам ранних машинописных редакций цикла по мотивам древнерусской словесности («Голь перекатная»; архивные фонды поэтессы Майи Борисовой¹ и Лили Брик²). При первой публикации [Соснора, 1962, с. 80] стихи «Мстислав до мизинцев улыбкою заслан»³, «Вспотевшая пыль», «и побежали» читались: «Мстислав сокрушенной улыбкою заслан», «Огромная пыль», «и вспять побежали» (в машинописных редакциях – «и вдаль побежали»). Двукратно встречающиеся в тексте стихи «Мудрец Ярослав и молва не напрасно / прозвали Мстислава маститого Храбрым» в «Январском ливне» и в машинописных редакциях дважды были оформлены в виде 4 строк («горизонтальные строки с отбитым краем» [Гаспаров, 2022, с. 380]): «Мудрец Ярослав и молва / не напрасно / прозвали Мстислава маститого / Храбрым».

Название стихотворения указывает на соответствующий рассказ ПВЛ под 6530 (1022) г. – о единоборстве тмутараканского князя Мстислава Владимировича Храброго, сына Владимира Красное Солнышко, крестителя Руси, с касожским⁴ князем Редедей.

Уверенный в своих силах Редедя предложил Мстиславу, выступившему войной против касогов, сразиться между собой, чтобы не губить дружину. Победителю доставались владения проигравшего. Мстислав согласился. Когда князь начал бороться, он не мог справиться с богатырем Редедей. Однако, взмолившись о помощи Богородице и обещая построить церковь в ее честь, Мстислав тотчас одолевает противника: «И се рекъ удари имь о землю. И вынзе ножь, и зарѣза Редедю» [ПВЛ, 1950, ч. 1. с. 99]. После этого касоги стали данниками и вассалами тмутараканского князя, а в честь этой победы в Тмутаракани была заложена богородичная церковь. Упоминание момента поражения Мстиславом Редеди – отголосок одной из недошедших до нашего времени песен Бояна – есть и в прологе «Слова о полку Игореве»: «Тогда пущашеть 10 соколов на стадо лебедѣй; который дотечаше, та преди пѣснь пояше – старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожскими»⁵ [Слово о полку Игореве, 1950, с. 9].

В письме к Д. С. Лихачеву от 29 января 1962 г. Н. Н. Асеев по поводу стихотворения «Бой Мстислава с Редедей» пишет: «Соснора первый, кто без формальной точности, но с удивительным чувством строя языка приблизил к читателю великое “Слово” <Речь идет о Слове о полку Игореве. – Т. К., И. Л.>. Причем он вовсе не следует за всем развертыванием свитка времени, угадывая самые его значительные эпизоды. <...> Особенно это ясно в эпизоде битвы Мстислава с Ре-

¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-607 (М. И. Борисова). Оп. 1. Д. 567. Л. 40–43.

² РГАЛИ. Ф. 2577 (Л. Ю. Брик, В. А. Катанян). Оп. 1. Ед. хр. 1548. Л. 4–6.

³ Здесь и далее цитаты из стихотворения приводятся по: [Соснора, 1969, с. 22–24]

⁴ «Касоги – народность, жившая к северу от Кавказа. Потомками древних касогов считаются адыги (черкесы)» [ПВЛ, 2012, с. 334]. Этноним пишется по-русски вариативно (касого, косоги, косаги); далее в цитатах написание следует за оригиналом.

⁵ «Тогда напускал десять соколов на стадо лебедей: какую лебедь настигали, та первой и пела песнь старому Ярославу, храброму Мстиславу, что зарезал Редедю пред полками касожскими» [Слово о полку Игореве, 1950, с. 53]. Д. С. Лихачев обстоятельно обосновал мысль о знакомстве автора «Слова о полку Игореве» с ПВЛ, откуда он черпал сведения о событиях истории XI в. Так, по мнению ученого, «сходство выражений между “Словом” и “Повестью временных лет” (“зареза” “предъ пълкы”) заставляет предположить, что здесь, как и в некоторых других случаях, автор “Слова” проявил свое знакомство с “Повестью”» [ПВЛ, 1950, ч. 2, с. 369].

дедей, о которой в самом “Слове” сказано-то всего две фразы. А Соснора воспроизводит самую битву с удивительной экспрессией и красочностью» (цит. по: [Лихачев, 1980, с. 273–274]). В поэтическом переложении пролога к «Слову о полку Игореве» Соснора точно следует за автором «Слова»: сюжет о сражении Мстислава с Редедой упомянут первым среди тем бояновых песен:

Первый кречет
кричит победно
песню-здравицу в честь Мстислава,
что прирезал Редедю⁶
пред полками косога бравых.
[Соснора, 1969, с. 54].

Соснора как бы предлагает фантастическую реконструкцию одной из песен Бояна: на основании ПВЛ создает развернутую поэтическую «сноску» к краткому упоминанию Мстислава и Редеди в «Слове о полку Игореве»⁷.

Обращаясь к древнерусским сочинениям, Соснора, по его самоопределению, «перефантазирует»⁸, т. е. «обновляет» события древнерусской истории, приближая их к современному читателю (одна из ранних машинописных редакций «древнерусского» цикла, из архивного фонда Н. Н. Асеева, названа «Слово о полку Игоревом» в современном звучании)⁹. В критических отзывах и пародиях¹⁰ на стихи Сосноры, в том числе и на «Бой Мстислава с Редедой», нередко отмечалось «непочтительное» обращение поэта с историей. В обвинениях критиков прослеживается незнание ими древнерусских памятников и непонимание творческого метода работы Сосноры с ними¹¹.

⁶ При первой публикации этот стих читался по-другому: «что прирезал косога Редедю» [Соснора, 1962, с. 86].

⁷ М. Н. Тихомиров, отрицавший использование какой-либо летописи в качестве источника «Слова о полку Игореве», считал, что его автор пользовался свидетельствами Бояна. Об этом говорит в том числе и самое раннее «припоминание» автора «Слова», касающееся XI в., – рассказ о победе храброго Мстислава над касожским богатырем Редедой (1022). Этому событию посвящена песня Бояна, что сообщается в прологе к «Слову». М. Н. Тихомиров отмечает связь Бояна с Черниговом, считая его песнотворцем Святослава Ярославича Черниговского, изобразившим в своем произведении события, происходившие между 1022 и 1093 гг. и нашедшие отражение в «Слове» [Тихомиров, 1950]. Эти мысли М. Н. Тихомирова близки поэтическому видению Сосноры.

⁸ Об этом он сообщает, например, в одном из ранних радиоинтервью, см.: *Маграчев Л. Е.* Рабочий-поэт (1960): [Радиоочерк]. URL: <http://staroeradio.ru/audio/36279>.

⁹ РГАЛИ. Ф. 28 (Н. Н. Асеев). Оп. 1. Ед. хр. 333. 68 л.

¹⁰ См., например, в достаточно плоской пародии М. И. Глазкова: «– Ты дурак, балда, кретин и оборванец, / Сковородкой по башке б тебя, поганец! / Рожа, харя, и – намордник тебе впору! / ...На пятнадцать суток свел Кончак Соснору» [Глазков, 1975, с. 77]. Ср. также в неопубликованной пародии поэта Анатолия Коршунова (1931–2001) «Ой, дуда»: «Я с Бояном, с Редедой дружу. / Слово гну, выгибаю в дугу» (ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-213 (Редакция журнала «Аврора» издательства Ленинградского Обкома КПСС. Ленинград). Оп. 3. Д. 361. Л. 7, 14).

¹¹ Так, по поводу рассматриваемого стихотворения критик И. Михайлов писал: «Менее удачным представляется нам стихотворение “Бой Мстислава с Редедой”. Дело здесь не только в пресловутой “голой описательности”. Мстислав показан традиционным сказочным богатырем: безоружный, он идет на косога, “кулаками по воздуху тыча, один – против армии в несколько тысяч” и обращает ее в бегство» [Михайлов, 1963, с. 189].

Показательно в этом смысле критическое суждение В. Портнова: «В “Повести временных лет” о храбром князе Мстиславе сказано: “Бѣ же Мстиславъ дебелъ тѣлом, чермень лицом, великыма очима”. Отзыв этот дает основания и для того, чтобы изобразить Мстислава красавцем, как сделал покойный Антонин Ладинский в своем романе “Анна Ярославна”¹², и для такого изображения, какое находим у Сосноры. Мстислав у него “пучеглаз”, а лицом “солнцелик. Но не ясен, а красен”. Могло быть и так. Но вот поэт передает разговор князя с Редедей перед боем: “Рявкнул Редедя: ~ опять нализался!”

Между тем, если судить по летописи, все было куда достойней: “И ставшема обѣма полкома противу собѣ, и рече Редедя къ Мьстиславу: ‘Что ради губивѣ дружину межи собою? Но снидеве ся сама бороть. Да аще одолѣши ты, то возмеша имѣние мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою. Аще ли азъ одолѣю, то възму твое все’. И рече Мьстиславъ: ‘Тако буди’”.

Конечно, право поэта – отойти от истории. Да к добру ли это у Виктора Сосноры в подобных случаях? Меры он не знает» [Портнов, 1963, с. 259]. В 1970 г. эту претензию почти дословно повторил Александр Прокофьев: «По свидетельству летописи, разговор Редеди с Мстиславом был их историческим поединком, был сдержанным и достойным. А у Сосноры Редедя говорит: “Вы руссы... ~ ...и харя вдобавок”» [Прокофьев, 1970, с. 16].

Комизм перебранки в стихотворении Сосноры усиливается на фоне высокопарных речей из соответствующего эпизода единственного, кажется, в русской словесности поэтического описания битвы Мстислава и Редеди – «думы» Кондратия Рылеева «Мстислав Удачный» (1822) («Историческая основа думы – летописное предание в изложении Карамзина» [Рылеев, 1975, с. 237])¹³: «Иди, Мстислав, сразись со мною: / И кто в сей битве победит, / Тому владеть врага страну / Или отдать ее на щит!» [Там же, с. 37–38].

В трагедии Александра Сумарокова «Мстислав» (1774) и в «богатырской повести в четырех песнях» Александра Востокова «Светлана и Мстислав» (1802) сражение героя с Редедей не описывается и не упоминается. В истории русской словесности, однако, с Мстиславом Удачным связана не только историческая баллада-дума Рылеева, но и неосуществленный замысел Пушкина. В эпилоге поэмы «Кавказский пленник» (1820–1821) о Музе автора говорится, что она

Расскажет повесть дальних стран,
Мстислава древний поединок,
Измены, гибель россиян
На лоне мстительных грузинок
[Пушкин, 1977, с. 101].

Авторское примечание к имени Мстислава гласило: «Мстислав, сын св. Владимира, прозванный *Удалым*, удельный князь Тмутаракана (остров Тамань). Он воевал с косогами (по всей вероятности, нынешними черкесами) и в единоборстве одолел князя их Редедю. *См. Ист. Гос. Росс. Том II*» [Там же, с. 105]. Сохранившийся план поэмы о Мстиславе не был осуществлен, как отметил в комментарии

¹² Речь идет о последнем романе писателя-«возвращенца», поэта и прозаика Антонина Петровича Ладинского (1995–1961) «Анна Ярославна – королева Франции» (1961).

¹³ Ср., с другой стороны, обращенную к Солдату комическую брань Предков в поэме Николая Заболоцкого «Торжество Земледелия» (1929–1930): «Сволочь, дылда, старый мерин, / недоносок рыжей клячи» [Заболоцкий, 2014, с. 156] (в поздней редакции: «Дурень ты и старый мерин, / Недоносок рыжей клячи» [Там же, с. 486]).

Б. В. Томашевский, «вероятно, потому, что новая поэма напоминала бы слишком “Руслана и Людмилу”» [Пушкин, 1977, с. 433]. Нерешенным остается вопрос – лежит ли у истоков пушкинского замысла упоминание поединка в «Слове» («Бой Мстислава с Редедей, поминаемый в “Слове о полку Игореве”, привлек внимание Пушкина потому, что произошел на севере Кавказа, в местах, которые посетил он в 1820 г.» [Томашевский, 1956, с. 473], или его интерес связан с другими источниками (Карамзин, летописи, былины, предания) (см.: [Закруткин, 1941, с. 123; Кошелев, 2003, с. 90]).

В случае Сосноры связь со «Словом» представляется несомненной, а имена Редеди и Мстислава в двух разных стихотворениях («Гусли Бояна» и «Бой Мстислава с Редедей») создают одну из многочисленных значимых перекличек внутри «Всадников».

Батальное стихотворение Сосноры как бы вступает в полемические отношения с ироническим отказом от описания сражений у Пушкина. Томашевский писал: «В одном месте плана он ограничивается простой цитатой из “Орлеанской девственницы” Вольтера: “<...> Сражение – de grands combats et des combats encore” <“большие сражения и снова сражения” (фр.)>. Это – цитата из XV песни поэмы Вольтера, где говорится о военных эпизодах как обязательном украшении эпических поэм <...> Только ироническим отношением к обязательным атрибутам эпических поэм, как волшебства, пророчества, сражения, можно объяснить цитату из пародической поэмы Вольтера» [Томашевский, 1956, с. 477].

Вернемся к размышлениям о творческом методе поэта. Д. С. Лихачев в предисловии к книге «Всадники» (1969) писал о нем как филолог-исследователь: «Соснора поэтически домысливает летописные сказания, “Слово о полку Игореве”, “Сказание о граде Китеже”, “Задонщину”, былины, – как бы продолжает их. Напрасно было бы требовать от Сосноры исторической точности во всем: он поэт, а не источниковед» [Соснора, 1969, с. 6–7]¹⁴. Рассмотрим, каким образом, «реконструируя» песню Бояна, Соснора работает с рассказом ПВЛ.

В интересующем нас рассказе описание внешности князя отсутствует, но дано в некрологе Мстиславу под 6544 (1036) г.: «Бѣ же Мстиславъ дебелъ тѣломъ, чермень лицом, великыма очима» [ПВЛ, 1950, ч. 1, с. 101]. Видимо, оно и взято поэтом за основу для поэтического изображения князя (та же конструкция – имя героя и краткое прилагательное: пучеглаз, солнцелик, красен лицом > дебелъ, чермень). В переводе Д. С. Лихачева и Б. А. Романова «чермень» – «румян» [Там же, с. 301], но «чермень» имеет и значения «красный, рыжий» [Фасмер, 1987, с. 344], с большой вероятностью они были известны поэту, проявлявшему внимание к переводу древнерусских слов и работавшему со словарями. В отличие от этикетной характеристики образа князя в летописи, Соснора останавливает внимание на отдельных чертах внешности героя, придающих его образу некоторую индивидуальность: например, «Закрученный ус у Мстислава торчит».

В ПВЛ Мстислав по силам уступает Редее, который был «великъ и силенъ», «нача изнемогати» под натиском соперника [ПВЛ, 1950, ч. 1, с. 99]. В стихотворении, напротив, много деталей, заранее намекающих на победный исход поединка

¹⁴ В рецензии критика А. Чернякова сформулирована мысль, созвучная идее Д. С. Лихачева: «Прошлое поэт рисует как свидетель и очевидец, словно минуя огромную дистанцию времени. Отсюда некоторая ироничность его стихов. Есть, скажем, в летописи рассказ о поединке Мстислава с Редедей. “И сказал Редедя Мстиславу “Не оружием сразимся, но борьбою””. А у В. Сосноры: “Летят в лопухи ~ Кулачная схватка!” Поэтическое зрение В. Сосноры остро современно» [Черняков, 1963, с. 31].

для Мстислава. Отметим сравнение с грабом¹⁵: Мстислав же «плечами / устойчивой граба». Граб имеет широкую крону, твердую и прочную древесину (если представить это дерево, может возникнуть ассоциативная переключка с «дебель телом»). «Устойчивости» Мстислава в стихотворении противоположно описание падения Редеди: «Вот вскрикнул Редедя – / и замертво рухнул <...> Он рухнул, как ствол под секирою грубой». Сразу намекает на победу Мстислава перебранка заглавных персонажей, отсутствующая в летописном рассказе. Это неотъемлемый элемент героического эпоса (русских былин и скандинавских саг – материал, которым Соснора интересовался). Перебранка используется в функции вступления к бою, чтобы раззадорить себя и противника (см. об этом: [Казаков, Петров, 2011, с. 92]). Мотив воинской перебранки летописных персонажей, которым, «чтобы вызвать столкновение, пришлось, как героям Гомера, поднять боевой задор злословием», отмечен А. С. Орловым в рассказах ПВЛ под 6524 (1016) и 6526 (1018) гг., посвященных сражениям за Киевский престол между Ярославом Мудрым и Святополком Окаянным. Они предшествуют рассказу о поединке Мстислава и Редеди [Орлов, 1945, с. 15]¹⁶. Несмотря на то что в летописи столь экспрессивной перебранки, подобной вымышленной поэтом, не могло быть, ее рассказы вполне могли повлиять на идею использования этого приема в стихотворении. Традиционно «победа в поединке достается тому, кто отвечает на оскорбления и обвинения противника, а не тому, кто перебранку начинает» [Казаков, Петров, 2011, с. 95]. Мстислав отвечает. Его поведение отличает самоуверенность: «Мстислав ухмыльнулся, / Мстиславу забавно, / Мстислав сокрушенной улыбкою / застлан: / “О витязь Редедя, / опять нализался!”». В редакции «Всадников» поэт доводит это свойство до гротескного апогея, меняя строку «Мстислав сокрушенной улыбкою / застлан» [Соснора, 1969, с. 23] на «Мстислав до мизинцев улыбкою застлан». Бахвальство присуще обычно начинающему перебранку, а не отвечающему. Однако эта деталь может указывать на поэтическую трактовку образа Мстислава, приближенного к современному читателю.

Пожалуй, самый значимый момент в летописном рассказе о поединке – убийство Мстиславом касожского князя с помощью ножа. Появление этой детали в повествовании обычно вызывает вопрос у современных читателей, поскольку

¹⁵ В составе сравнений (*граб, ствол под секирой*) и при изображении пространства (*роща, осока, бор, ели, лопухи*) стихотворение пронизывает вегетативная образность: недаром на победный пир Мстислав созывает именно близких к природе и растительной жизни *крестьян*.

¹⁶ «Узнав о злодеяниях Святополка, Ярослав выступил против него с тысячью варягов и сорока тысячами новгородцев. В свою очередь, Святополк “пристроив без числа вой, Руси и Печенег, и изыде противу ему к Любичю”. Войска стали “оба полы Днепра и не смяху ни си онех, ни они сих начати и стояша месяца три противу собе”. <...> “И воевода нача Святополчь, езда возле берег, укаряти Новгородцев, глаголя: что придосте с хромцем симь (по скандинавским сагам, Ярослав был хром), а вы плотници суще? а приставим вы хоромов рубити наших”. Рассерженные новгородцы на утро перевезлись через Днепр, оттолкнули лодки от берега и загнали Святополка с дружиною на лед озера. Лед обломился, Ярослав одолел Святополка, и тот бежал в Польшу (“в Ляхы”). Такой же стилистический мотив военной перебранки применен и далее, когда Святополк с Болеславом Польским стали против Ярослава у Буга, “кормилец и воевода именем Буды нача укаряти Болеслава, глаголя: да то ти прободем трескою черево твое тольстое! Бе бо Болеслав велик и тяжек, яко и на коне не могы седети, но бяше смыслен; и рече Болеслав к дружине своей: аще вы сего укора не жаль, аз един почыну. Всед на конь, въбрете в реку, и понемь вои его. Ярослав же не утягну исполчится, и победи Болеслав Ярослава”» [Орлов, 1945].

речь в начале рассказа идет о рукопашной схватке. Исследователь А. В. Гадло устраняет сомнения в правомерности использования Мстиславом в единоборстве холодного оружия указанием на «акт ритуальной передачи верховной власти над всем касожско-зихским объединением, как решение вопроса о власти путем “божьего суда”» [Гадло, 1988, с. 202]. В не рассчитанном на зрелищность древнерусском повествовании «нож» знаменует победу, одержанную Мстиславом, по воле Высших сил (по его молитве Богородице), а не «физическую» расправу над соперником (деяния князей в ПВЛ осуществляются исключительно по Высшей воле). Обращает на себя внимание, что, в отличие от летописного рассказа, в стихотворении Сосноры «нож» скрыт умолчанием. О нем может быть известно читателю, знакомому с ПВЛ. Также на него намекает описание момента поражения Редеди: «Он рухнул, как ствол под секирою грубой». Попробуем объяснить отсутствие значимой детали в стихотворении. Вводя в его название, помимо имен героев, слово «бой», поэт акцентирует процесс поединка. Минус-прием подчеркивает динамику и зрелищность сцены. Читатель, вовлеченный в нее Соснорой в качестве наблюдателя, из-за скорости сменяющихся действий как бы не успевает заметить удар ножом, а видит уже рухнувшего Редеду, причем достаточно близко (в стихотворении акцентированы «черноволосые руки»), т. е. Соснора буквально приближает событие к читателю.

Для стихотворения Сосноры характерны как авторские смысловые и ассоциативные акценты, так и ритмические.

Несмотря на разнообразие в графическом оформлении (длинные и короткие строки, строки, состоящие из одного фонетического слова, «косые ступеньки» [Гаспаров, 2022, с. 382], сдвинутые столбцы), основная часть стихотворения написана урегулированным размером (четырёхстопный амфибрахий с женскими окончаниями), двустушиями. Сдвиги столбца, «лесенка», разбивка на полустушия и однословные подстишия осложняют «схватывание» метра, однако читатель от начала до конца ощущает ритмико-интонационную цельность стиха.

В первых восьми стихах, однако, форма как бы нащупывает самоё себя: во втором из двустуший – мужские окончания (*нарчѣ – торчѣт*), а стихи 5–8 сгруппированы в четверостишие *abab*; мужские окончания после стихов 3–4 навсегда покидают текст стихотворения, а рифмовка *abab* возвращается в кульминационный момент описания битвы («Он рухнул, как ствол под секирою грубой... ~ ...и, шею набычив, / пошел на косогов») и в финале (во всех редакциях последние четыре стиха отделены от основного массива строкой пробела). Финальное четверостишие переключается с первым (стихи 5–8), образуя неточное композиционное кольцо: вторые их половины тождественны, а первые дают забавную переключку отдаленных неточных рифм: *устойчивей граба – пирует – до храпа*.

Разбивка стиха часто обнажает не концевые, а внутренние рифмы: «Но не ясен, / а красен...», «Из роци, / где ропшет...», «Вы, руссы, / вы – труссы...». Внутренним рифмам предшествует паронимическое сближение; в первом же стихе: «Мстислав пучеглаз и угрюм, как пучина». В современном языке слабо ощущается этимологическая связь между словами *пучеглаз* (*пучеглазый*) и *пучина*, однако оба восходят к общему корню со значением ‘то, что вздымается, лопается’. В первом стихе видится эмбрион сюжетной функции Мстислава: в решающий

момент сражения он как бы «вспучивается»¹⁷: «...и, шею набычив, / пошел на косогов».

Параллелизм стихов 1 и 5 чреват двойственностью облика героя, амбивалентностью высокого и низкого: он *пучеглаз*, и при этом *солнцелик*. Дальнейшие уточнения («...не ясен, / а красен / лицом...») превращают лицо Мстислава в устрашающую боевую маску: *красен*, как *солнце*, и при этом *пучеглаз*. Отмеченные черты Мстислава отсылают к образу его отца Владимира Красное Солнышко – крестителя Руси и великого война (ипостась в образе Мстислава наиболее проявленная).

Сходным образом раздваивается определение *маститый*, но здесь двоякость проецируется на историю языка: в современном словоупотреблении – в первую очередь в парадном советском лексиконе – *маститый* означает ‘заслуживший уважение многолетней деятельностью’ («маститый писатель», «маститый деятель искусства» и проч.). В таком случае употребление слова было бы вопиющим анахронизмом, каковых немало в «древнерусских» стихах Сосноры; однако у слова есть старое, древнерусское значение: ‘жирный, лоснящийся’. Если читатель вспомнил об этом, более органичном для исторической фабулы, значении, слово характеризует внешность, а не социальный статус Мстислава, и вносит дополнительную черту в складывающийся зрительный образ устрашающей маски: *пучеглаз, красен* и при этом блещет (как солнце), лоснится.

Два острых анжамбемана подчеркнуты необычной графикой: в первом случае перенос «спрятан» среди сегментов «лесенки» («Мстислав солнцелик. / Но не ясен, / а красен // лицом, / а плечами / устойчивей граба»), а во втором, строфическом – резко выделен сильным (двойным) сдвигом столбца вправо (образуя при этом отдельное маленькое композиционное кольцо внутри текста): «орлами голодными / перед бранью / с орлами голодными».

Подчеркнутый единообразной графикой параллелизм при описании двух армий (стихи 9–10 и 11–12), кажется, предвосхищает «Куликово поле» Пригова (1976): «Вот этих справа я поставил / Вот этих слева я поставил» [Пригов, 1997, с. 245]. Графика и синтаксис дают у Сосноры близкую к точности параллель, а наличие или отсутствие внутренней рифмы разводят две армии: «Из рощи, / где ропщет...», но «Из бора, / где ели...». Отметим также утяжеление первой стопы и стык двух ударений в трехсложном размере, которых в профессиональной поэзии предпочитают избегать (слово «русых» целиком попадает в междударный интервал): «ведёт рúсых руссов».

Если у Пригова голос, который слышит «внутренним ухом» читатель, принадлежит внеположному описываемой реальности Верховному Существо («Вот ангелов своих наставил» [Там же]), у Сосноры – поэту-рапсоду, вместившему драматургию битвы во время рассказывания о битве. В финальном повторе читатель может расслышать ноту усталости (начало далеко, рассказ был длинным) и ноту удовлетворения: рассказ, как и битва, вышел удачным. Рассказчик здесь тоже внеположен, – но это не сам Бог, а скорее взрослый, описывающий мальчишескую схватку: «Летят в лопухи оборонные латы. <...> / Мечи – в лопухи! / Если драться – то драться!»¹⁸.

¹⁷ Ср. название главы из третьего тома романа Андрея Белого «Москва» («Маски», 1932): «Как тыква, пропучен».

¹⁸ «Летят в лопухи оборонные латы. // Сцепились два князя. / Кулачная схватка!» – композиционный центр стихотворения. Отметим, что только в этом двустишии ни разу не употребляется буква «м», с которой начинается имя Мстислава. Буква «р» единственный

Динамика действия подчеркнута восьмикратным употреблением пунктуационного знака тире: «вы – трусы!», «Ваш князь – недоносок», «Мечи – в лопухи! Если драться – то драться!», «Вот вскрикнул Редедя – и замертво рухнул», «один – против армии в несколько тысяч, / с двумя кулаками – / на полчища стали», «и пирует – до храпа!» (острые анжамбеманы и обилие тире, как известно, – приметы поэтического стиля Марины Цветаевой). Наконец, дополнительную энергию сообщает троекратное – и снова при описании решающих моментов битвы – появление во вторых стихах двустопных тонических стихов на общем амфибрахическом фоне: «орлами голодными перед бранью» (U-UU-UUUU-U), «раскинув черноволосые руки» (U-UUUU-UU-U) и «Смутились косоги и побежали...» (U-UU-UUUU-U). (При первой публикации и в машинописных редакциях в последнем случае, как мы помним, амфибрахий не нарушался: «Смутились косоги и *вспять / вдаль* побежали...» (U-U/U-U/U-U/U-U).)

Четырехстопный амфибрахий – достаточно длинный размер; авторская графика в экспозиции указывает место цезуры, делящей стих на два полустишия. В 16 из 42 стихов цезура приходится на словораздел после пятого слога (по модели «Мстислав солнцелик»), в 19 – после шестого (по модели «Из рощи, где ропщет»). На этом фоне выделяются 6 более энергичных стихов с цезурой после седьмого слога (по модели «И сдвинулись армии»; стихи 13–15, 25–26 и 36) и еще более сильно – стих 30 («раскинув черноволосые руки»¹⁹), где цезурообразующий словораздел единственный раз в стихотворении сильно сдвинут влево, на третий слог.

Множеству динамизирующих факторов противостоит природа четырехстопного амфибрахия, который выступает своего рода остранивающим «замедлителем» в изображении схватки; на протяжении всего стихотворения сохраняется баланс динамики и ретардации.

Особенности в передаче динамики схватки, «выхватывание» отдельных черт внешности персонажей, экспрессивный диалог – все эти художественные приемы придают сцене боя «визуальный», «кинематографический» эффект. Он усиливается, благодаря кольцевой композиции стихотворения. Перебранка главных героев и пир Мстислава в честь победы – события, создающие вокруг сцены боя композиционное кольцо, которое, в свою очередь, подчеркивается еще больше повторами стихов: «Мудрец Ярослав и молва не напрасно / прозвали Мстислава маститого Храбрым».

Благодаря тому, что в приведенных строках названы имена двух сыновей Владимира Красное Солнышко, одного из старших – Ярослава Мудрого и одного из младших – Мстислава Храброго, искушенный читатель может реконструировать историю княжеских междоусобиц, связанных с этими лицами, о чем также можно узнать из летописи.

Что касается прозвищ Храбрый и Мудрый, то в ПВЛ их нет. В некрологе под 6544 (1036) г. содержится этикетный эпитет «храборъ на рати» [ПВЛ, 2012], «храбрым» князь назван и в «Слове о полку Игореве». То, что Ярослав дал прозвище Мстиславу – это вымысел поэта. Не этикетные эпитеты, а именно прозвища Ярослав и Мстислав получили довольно поздно, их нет еще у Н. М. Карамзина

раз не употребляется, когда косоги остались без Редеди: «...с двумя кулаками – / на полчища стали. // Смутились косоги / и побежали...»

¹⁹ Ср. сочетание «лоб простоволосый» в «черноморской легенде» Сосноры «Марина» [Соснора, 1965, с. 146].

в «Истории государства Российского» [1991]. Как пишет А. В. Сиренов, «...в Степенной книге он <Ярослав Мудрый. – Т. К., И. Л.> называется “богомудрым”, а Н. М. Карамзин именуется его “мудрый Ярослав”. В более поздней историографической традиции “мудрый Ярослав” стал “Ярославом Мудрым»» [Сиренов, 2017, с. 189]. Вероятно, после выхода труда Н. М. Карамзина приобрел прозвище и Мстислав Храбрый.

Соснора – поэт литературной парадигмы XX в., свободный от требований литературного этикета, которому подчинено летописное повествование. Опираясь на рассказ ПВЛ, обращаясь также и к другим ее рассказам, и «Слову о полку Игореве», поэт создает собственный поэтический сюжет, как бы предлагая фантастическую реконструкцию песни Бояна.

Список литературы

Гадло А. В. К истории Тмутараканского княжества во второй половине XI в. // Славяно-русские древности. Историко-археологическое изучение Древней Руси: Сб. ст. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. Вып. 1. С. 84–100.

Гаспаров М. Л. «Шут» А. Белого и поэтика графической композиции // Гаспаров М. Л. Собр. соч.: В 6 т. М.: НЛЮ, 2022. Т. 4: Стихovedение. С. 378–388.

Глазков М. Блудопись // Глазков М. И. Кувьрыком с Олимпа: Сатира и юмор. Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1975. С. 77.

Заболоцкий Н. А. Метаморфозы / Сост., подгот. текста и коммент. И. Е. Лощина. М.: ОГИ, 2014. 954 с.

Закруткин В. А. Пушкин и Лермонтов: Исследования и статьи. Ростов н/Д: Ростиздат, 1941. 304 с.

Казаков Г. М., Петров Н. В. Сюжетные функции перебранок в эпической поэзии (саги и былины) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. № 9 (71). С. 84–107.

Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. / Под ред. А. Н. Сахарова. М.: Наука, 1991. Т. 2–3. 832 с.

Кошелев В. А. О замысле Пушкина («Мстислав») // Русская литература. 2003. № 1. С. 86–97.

Лихачев Д. С. Воспоминания о Николае Асееве // Воспоминания о Николае Асееве. М.: Сов. писатель, 1980. С. 240–302.

Михайлов И. На пути в неизвестное: Виктор Соснора. Январский ливень. «Советский писатель», Л., 1962 // Нева. 1963. № 1. С. 188–189.

Орлов А. С. Героические темы древней русской литературы. М.; Л.: АН СССР, 1945. 143 с.

ПВЛ, 1950 – Повесть временных лет: В 2 ч. / Подгот. текста Д. С. Лихачева, пер. Д. С. Лихачева, Б. А. Романова; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Наука, 1950. Ч. 1. 404 с.; Ч. 2. 556 с. (Серия «Литературные памятники»)

ПВЛ, 2012 – Повесть временных лет / Пер. Д. С. Лихачева, О. В. Творогова; коммент. А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова при участии А. М. Введенского, Л. В. Войтовича. СПб.: Вита Нова, 2012. 507 с.

Портнов В. По былинам сего времени [Рец. на: Виктор Соснора. Январский ливень. Стихи. «Советский писатель». М.–Л. 1962. 100 стр.] // Новый мир. 1963. № 2. С. 258–261.

Пригов Д. А. Собрание стихов. Т. 2: 1975–1976. № 154–401 (Wiener slawistischer Almanach, Sonderband 43). Wien: Institut für Slavische Philologie, 1997. 334 с.

- Прокофьев А.* Берегите родники поэзии // Литературная Россия. 1970. № 28 (392), 10 июля. С. 16.
- Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л.: Наука, 1977. Т. 4: Поэмы. Сказки. 448 с.
- Рылеев К.* Думы / Изд. подгот. Л. Г. Фризман. М., 1975. 255 с. (Серия «Литературные памятники»)
- Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц; коммент. Д. С. Лихачева. М.; Л.: АН СССР, 1950. 484 с. (Серия «Литературные памятники»)
- Сиренов А. В.* О прозвищах древнерусских князей // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2 (14). 184–193.
- Соснора В. А.* Январский ливень. М.; Л.: Сов. писатель, 1962. 100 с.
- Соснора В. А.* Триптих. Л.: Лениздат, 1965. 155 с.
- Соснора В. А.* Всадники. Л.: Лениздат, 1969. 112 с.
- Соснора В. А.* Возвращение к морю: Лирика. Л.: Сов. писатель, 1989. 304 с.
- Соснора В. А.* Всадники (По мотивам «Слова о полку Игореве») / Предисл. Д. С. Лихачева. СПб.: Пушкинский фонд, 2003. 112 с.
- Соснора В. А.* Стихотворения. СПб.: Амфора, 2006. 870 с.
- Соснора В. А.* Последняя пуля. СПб.: Азбука-Классика, 2010. 224 с.
- Соснора В. А.* Стихотворения. СПб.; М.: Союз писателей Санкт-Петербурга; РИПОЛ классик; Пальмира, 2018. 910 с.
- Тихомиров М. Н.* Боян и Троянова земля // Слово о полку Игореве: Сб. исследований и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: АН СССР, 1950. С. 175–187.
- Томашевский Б. В.* Пушкин. Кн. 1 (1813–1824). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 744 с.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. Т. 4 (Т – Ящур). 864 с.
- Черняков А.* Январский ливень // В мире книг. 1963. № 3. С. 31.

References

- Chernyakov A. Yanvarskiy liven' [January downpour]. In: *V mire knig* [In the world of books]. 1963, no. 3, p. 31.
- Gadlo A. V. K istorii Tmutarakanskogo knyazhestva vo vtoroy polovine 11 v. [On the history of the Tmutarakan principedom in the second half of the 11th century]. In: *Slavyano-russkie drevnosti. Istoriko-arkheologicheskoe izuchenie Drevney Rusi: Sb. st. art.* [Slavic-Russian antiquities. Historical and archeological study of Ancient Rus: Coll. art.]. Leningrad, LSU Publ., 1988, iss. 1, pp. 84–100.
- Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: In 4 vols.]. O. N. Trubachev (Transl. from German). Moscow, Progress, 1987, vol. 4 (Т – Yashchur), 864 p.
- Gasparov M. L. "Shut" A. Belogo i poetika graficheskoy kompozitsii ["The Jester" by A. Bely and the poetics of graphic composition]. In: Gasparov M. L. *Sobr. soch.: V 6 t.* [Collected works: In 6 vols.]. Moscow, NLO, 2022, vol. 4: Stikhovedenie [Poetical studies], pp. 378–388.
- Glazkov M. Bludopis'. In: Glazkov M. I. *Kuvyrkom s Olimpa: Satira i umor* [Somersault from Olympus: Satire and humor]. Yaroslavl', Verkhne-Volzhskeye. kn. izd., 1975, p. 77.

Karamzin N. M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo: V 12 t.* [History of the Russian state: In 12 vols]. A. N. Saharov (Ed.). Moscow, Nauka, 1991, vols. 2–3, 832 pp.

Kazakov G. M., Petrov N. V. Syuzhetnye funktsii perebranok v epicheskoy poezii (sagi i byliny) [The plot functions of the shuffling in epic poetry (sagas and byliny)]. *RSUH Bulletin. Series: "Literary Teory. Linguistics. Cultural Studies."* 2011, no. 9 (71), pp. 84–107.

Koshelev V. A. O zamysle Pushkina ("Mstislav") [On the idea of Pushkin ("Mstislav")]. *Russkaya Literatura*. 2003, no. 1, pp. 86–97.

Likhachev D. S. Vospominaniya o Nikolae Aseeve [Memories about Nikolai Aseev]. In: *Vospominaniya o Nikolae Aseeve* [Memories about Nikolai Aseev]. Moscow, Sov. pisatel', 1980. pp. 240–302.

Mikhaylov I. Na puti v neizvestnoe: Viktor Sosnora. Yanvarskiy liven'. "Sovetskiy pisatel'", Leningrad, 1962 [On the way to the unknown: Victor Sosnora. January Downpour. "Sovetskiy pisatel'", Leningrad, 1962]. *Neva*. 1963, no. 1, pp. 188–189.

Orlov A. S. Geroicheskie temy drevney russkoy literatury [Heroic themes of Old Russian literature]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1945, 143 p.

Portnov V. Po bylinam sego vremeni [Rets. na: Viktor Sosnora. Yanvarskiy liven' Stikhi. "Sovetskiy pisatel'"] [On the bylinas of this time [Review on: Victor Sosnora. January Downpour. Poems. "Sovetskiy pisatel'"]. Moscow, Leningrad, 1962, 100 p.]. *Novyy mir*. 1963, no. 2, pp. 258–261.

Povest' vremennykh let: V 2 ch. [The Russian Primary Chronicle: In 2 pts.]. D. S. Likhachev (Prep. of the text), D. S. Likhachev, B. A. Romanov (Transl.), V. P. Adrianova-Perets (Ed.). Moscow, Leningrad, Nauka, 1950, 1950, pt. 1, 404 p.; pt. 2, 556 p. (Sereis "Literaturnye pamyatniki" [Literary monuments])

Povest' vremennykh let [The Russian Primary Chronicle]. D. S. Lihachev, O. V. Tvorogov (Transl.), A. G. Bobrov, S. L. Nikolaev, A. Yu. Chernov with the participation of A. M. Vvedensky, L. V. Voitovich (Comments.). St. Petersburg, Vita Nova, 2012, 507 pp.

Prigov D. A. Sobranie stikhov. T. 2, no. 154–401, 1975–1976 [Collection of poems. Vol. 2: no. 154–401, 1975–1976]. In: *Wiener slawistischer Almanach*. Wien, Institut für Slavische Philologie, 1997, Sonderband 43, 334 pp.

Prokof'ev A. Beregite rodniki poezii [Save the springs of poetry]. *Russkaya Literatura*. 1970, no. 28 (392), 10 July, p. 16.

Pushkin A. S. *Poln. sobr. soch.: V 10 t.* [Complete works: In 10 vols.]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1977, vol. 4: Poemy. Skazki [Poems. Fairy tales], 448 p.

Ryleev K. *Dumy* [Dumas]. L. G. Frizman (Ed.). Moscow, Nauka, 1975, 255 p. (Sereis "Literaturnye pamyatniki" [Literary monuments])

Sirenov A. V. O prozvishchakh drevnerusskikh knyazey [On the nicknames of Old Russian princes]. *St. Petersburg Historical Journal*. 2017, no. 2 (14), pp. 184–193.

Slovo o polku Igoreve [The Song of Igor's Campaign]. V. P. Adrianova-Perets (Ed.), D. S. Likhachev (Comm.). Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1950, 484 pp. (Sereis "Literaturnye pamyatniki" [Literary monuments])

Sosnora V. A. *Poslednyaya pulya* [The last bullet]. St. Petersburg, Azbuka-Klassika, 2010, 224 p.

Sosnora V. A. *Stikhotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg, Amfora, 2006, 870 p.

Sosnora V. A. *Stikhotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg, Moscow, Soyuz pisateley Sankt-Peterburga, RIPOL klassik, Pal'mira, 2018, 910 p.

Sosnora V. A. *Triptikh* [Triptych]. Leningrad, Lenizdat, 1965, 155 p.

Sosnora V. A. *Vozvrashchenie k moryu: Lirika* [Return to the Sea: Lyrics]. Leningrad, Sov. pisatel', 1989, 304 p.

Sosnora V. A. *Vsadniki* [Riders]. Leningrad, Lenizdat, 1969, 112 p.

Sosnora V. A. *Vsadniki (Po motivam "Slova o polku Igoreve")* [The riders (Based on "The Tale of Igor's Campaign")]. D. S. Likhachev (Preface). St. Petersburg, Pushkinskiy fond, 2003, 112 p.

Sosnora V. A. *Yanvarskiy liven'* [January downpour]. Moscow, Leningrad, Sov. pisatel', 1962, 100 p.

Tikhomirov M. N. *Boyan i Troyanova zemlya* [Boyan and the Trojan Land]. In: *Slovo o polku Igoreve: Sbornik issledovaniy i statey* [The Song of Igor's Campaign: Collection of researches and articles]. V. P. Adrianova-Perets (Ed.). Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1950, pp. 175–187.

Tomashevskiy B. V. *Pushkin. Kn. 1 (1813–1824)* [Pushkin. Bk. 1 (1813–1824)]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1956, 744 pp.

Zabolotskiy N. A. *Metamorfozy* [Metamorphoses]. I. E. Loshchilov (Ed.). Moscow, OGI, 2014, 954 p.

Zakrutkin V. A. *Pushkin i Lermontov: Issledovaniya i stat'i* [Pushkin and Lermontov: Research and articles]. Rostov on Don, Rostizdat, 1941, 304 pp.

Информация об авторах

Татьяна Ивановна Ковалева, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Игорь Евгеньевич Лоцилов, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Information about the authors

Tatyana I. Kovaleva, Candidate of Philology, Researcher at the Department of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Igor E. Loshchilov, Candidate of Philology, Leading Researcher at the Department of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 09.04.2023;
одобрена после рецензирования 15.04.2023; принята к публикации 10.05.2023
The article was submitted on 09.04.2023;
approved after reviewing on 15.04.2023; accepted for publication on 10.05.2023*

Научная статья

УДК 82-311.1

DOI 10.17223/18137083/83/14

Редукция ностальгии в сознании героев прозы русских младоэмигрантов

Иван Иванович Назаренко

Томский государственный университет
Томск, Россия

Nazarenko42@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9958-244X>

Аннотация

Исследуются проявления ностальгии в наррации и сюжетных ситуациях героев прозы младоэмигрантов 1930-х – начала 1940-х гг. (Б. Поплавский, Г. Газданов, Ю. Фельзен). Доказывается, что, несмотря на редукцию национально направленных ностальгических мифов и переживаний, в прозе младоэмигрантов усиливается экзистенциальная ностальгия – тоска по полноте существования и целостности бытия (М. Хайдеггер), осознание невозможности обретения нового Дома в бытии, где человек «заброшен» и неукоренен. Делается вывод, что в интерпретации ностальгии проза младоэмигрантов ближе не «старшему» поколению русской эмиграции, а западной эмигрантской прозе («Тропик Рака» Г. Миллера, «Триумфальная арка» Э. М. Ремарка).

Ключевые слова

проза младоэмигрантов, Б. Поплавский, Г. Газданов, Ю. Фельзен, редукция ностальгии

Для цитирования

Назаренко И. И. Редукция ностальгии в сознании героев прозы русских младоэмигрантов // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 180–193. DOI 10.17223/18137083/83/14

Nostalgia reduction in the consciousness of the Russian young emigrants' prose heroes

Ivan I. Nazarenko

Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

Nazarenko42@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9958-244X>

Abstract

This paper considers the manifestations of nostalgia in the narrative and plot scenes of the protagonists of Russian young emigrants' fiction of the 1930s – early 1940s. The focus is on the works of B. Poplavsky, G. Gazdanov, and J. Felzen. A reduction of nationally oriented

© Назаренко И. И., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 180–193

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 180–193

nostalgic myths and feelings can be seen in the prose of young emigrants. However, a strengthened existential nostalgia is evident: a longing for the fullness of existence and wholeness of being or awareness of the impossibility of finding a new Home in the reality where one is abandoned and unrooted. The national nostalgia reduction determines the national identity reduction. The internal crisis of the heroes under study proves to be an identity crisis, intensified by an existential crisis. Their situation in an alien world is an existential dead end amid total disorientation. The heroes' attempts to overcome existential nostalgia are different but equally fruitless: the entry into the "paradise of friends" and the Russian women's love ("Apollo Bezobrazov" and "Home from Heaven" of Poplavsky), the myth of the House and the understanding of one's past ("A Tale of One Travel" and "Night Roads" of Gazdanov), an appeal to the poet's work, bringing the feeling of fullness of being in Russia ("Letters about Lermontov" of Felzen). To conclude, when interpreting nostalgia (its reduction), we find the prose of young emigrants to be closer not to the "older" generation of Russian emigration but to the Western emigrant prose ("Tropic of Cancer" by Miller and "Triumphal Arch" by Remarque).

Keywords

prose of young emigrants, B. Poplavsky, G. Gazdanov, Yu. Felzen, reduction of nostalgia

For citation

Nazarenko I. I. Nostalgia reduction in the consciousness of the Russian young emigrants' prose heroes. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 180–193. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/14

Ностальгия (греч. *nostos* 'возвращение домой', *algos* 'боль, страдание') – тоска по прошлому, пережитому, утраченному или никогда не существовавшему. Изначально ностальгия считалась душевной болезнью воевавших вдали от дома наёмных солдат (медицинский термин ввел швейцарский врач И. Хофер). Появление ностальгии связано с ломкой традиционной культуры у некоевых народов. В социальных катаклизмах XX в. феномен ностальгии приобрел особую значимость. Понимание ностальгии стало связываться с национальным (или культурным) сознанием. С одной стороны, философия жизни и психоаналитическая философия (Ф. Ницше, А. Бергсон, К. Юнг) уводят сознание личности от национального к архаическому, универсальному. С другой стороны, философия экзистенциализма выводит сознание личности к бытийному (М. Хайдеггер «Бытие и время», Ж.-П. Сартр «Бытие и ничто»), к тоске по миру как целому и подлинному (для Хайдеггера философия и метафизика – это и есть ностальгия: «стремление быть повсюду дома» [2013, с. 30]). По Хайдеггеру, человек обречен на утрату и постоянный поиск целого.

Экзистенциалисты указывают на значимость прошлого для самоопределения личности в *тут-бытии* (по Хайдеггеру). Для Хайдеггера опыт прошлого ценен для самоопределения *здесь и сейчас*, погружение в прошлое или стремление его повторить в настоящем – свидетельство отказа от самоопределения и проектирования себя в будущем. Экзистенциальное прошлое есть не прошедшее, но бывшее, определяющее как настоящее, так и будущее: «Присутствие "есть" свое прошлое по способу своего бытия, которое, говоря вчерне, всякий раз "сбывается" из его будущего» [Хайдеггер, 1997, с. 36]. Ностальгия не чувство или опыт, но экзистенциальное (онтологическое) расположение – «экзистенциальный способ быть, в каком присутствии предоставляет себя "миру", дает ему себя затронуть» [Там же, с. 139]. Самоопределение «не приходит ни "извне" ни "изнутри", но вырастает как способ бытия-в-мире из него самого» [Там же, с. 136] – (так интерпретирует Хайдеггера И. В. Дёмин [2012, с. 16–25]). Сартр воспринимает прошлое

как груз, который неотменим и неизменим. В «бытии-для-себя» (проекте себя) личность всякий раз отрицает свое прошлое, оно недостижимо и не может ничего дать человеку в тут-бытии, но с этим опытом личность существует и несет ответственность за настоящее [Сартр, 2000, с. 147].

Отталкиваясь от Хайдеггера, современные исследователи акцентируют в ностальгии тоску «по конечному, всегда ограниченному миру, где возможны сосредоточенность и уединенность, по миру, в котором господствует близость» [Иванов, 2007], ностальгия «становится обнаружением порядка в неупорядоченном и неустойчивом (хаотичном) бытии и означает переживание существования как упорядоченного, что и позволяет существующему “находиться” дома» [Суханов, 2011, с. 18]. Ностальгия связывается с самоидентификацией как экзистенциальным самоопределением, она «присутствует на периферии ценностной системы <...> и становится центром в постоянно возникающие моменты <...> переживания неполноты существования, т. е. утраты / обретения идентичности как самоидентичности» [Там же, с. 18–19]. В. А. Суханов выделяет два типа ностальгирования: 1) «наличие личного экзистенциального опыта переживания»; 2) опыт, «опосредованный <...> через миф» [Там же, с. 22].

Социологическое понимание национальной ностальгии – выстраивание мифа об утраченном родном мире [Чикишева, 2009; Бойм, 2013]. Ностальгический миф строится с опорой на отсутствующее (утраченное) в реальной жизни, идеализированное утраченное становится объектом тоски. Ностальгия обращена «к иным пространствам и иным временам», с целью защиты в «переходные периоды истории» «ищет в прошлом той стабильности, которой нет в настоящем» [Бойм, 2013]. С. Бойм выделяет два ностальгических сюжета в культуре: реставрирующий (восстановление мифического Дома прошлого для будущего нации) и рефлексирующий / иронический (рефлексия тоски). Рефлексирующая ностальгия – это «всматривание» в прошлое при трагико-ироническом отношении к нему – осознании невозможности воссоздания утраченного Дома и его неидеальности, что способствует выстраиванию нового будущего [Там же].

Ностальгия – одно из ключевых состояний в эмигрантском сознании первой половины XX в., близкое к экзистенциальному осознанию «заброшенности», более широкому понятию, нежели положение в иной социальной среде. Утрата исконной и вхождение в чужую инонациональную среду катализирует кризис идентичности эмигранта. Ностальгия в жизни эмигранта может играть как позитивную, так и негативную роль, способствуя преодолению кризиса идентичности (когда образ себя прежнего важен для восстановления идентичности) или, напротив, усиливая его (когда этот образ отвергается).

Ю. В. Бабичева указывает на различие интерпретации ностальгии в литературе «старшего» и «младшего» поколений русской эмиграции (на примере «Ночных дорог» Г. Газданова). «Старших» ностальгия заставляла воссоздавать в творчестве «светлый миф о былой России» [Бабичева, 2002]. Назовем в подтверждение слов исследователя «Жизнь Арсеньева» и «Темные аллеи» И. Бунина, «Лето Господне» и «Няню из Москвы» И. Шмелева, «Машеньку» и «Дар» В. Набокова, близкого к «старшим». «Младшие», у которых «не было в памяти сложившегося образа страны», испытывали метафизическую тоску «рано повзрослевшего человека по не случившемуся светлому раю детства» [Там же].

Проявление ностальгии как элемента авторской картины мира в литературе «старшего» поколения русской эмиграции исследовано исчерпывающе (см. работы последних лет [Никулина, 2017; Войтехович, 2019]), в отличие от литературы

младоземigrants. Мы обращаемся к проявлениям ностальгии в наррации и сюжетах прозы Б. Поплавского, Г. Газданова и Ю. Фельзена (фрагментарно и В. Яновского) 1930-х – начала 1940-х гг. Выявление наличия / отсутствия ностальгии персонажей приблизит к определению авторских концепций ностальгии. На наш взгляд, модальность ностальгии в прозе писателей-младоземigrants проявляется в редукции национально направленных ностальгических состояний персонажей и в усилении переживания ими экзистенциальной заброшенности, тоски по целому и подлинному (хайдеггеровское понимание ностальгии).

Как заметила Ю. В. Бабичева [2002], в отличие от «старших», воспринимавших свою ностальгию «благодатным стимулом творческой энергии», младоземigrants считали ностальгию по России душевной болезнью и стремились её преодолеть. В центре прозы Поплавского, Газданова, Фельзена и Яновского – молодой или средних лет одинокий русский эмигрант (эмигрантка) со *спутанной* национальной и личностной идентичностью по причине выброшенности из исконной культуры в юном возрасте. Внутренняя коллизия героя прозы младоземigrants – кризис самоидентичности, усиленный экзистенциальным кризисом. Наррация в прозе младоземigrants за редкими исключениями («Вечер у Клэр» Газданова, 1929) строится не как история-воспоминание героя-эмигранта о пережитом в прошлом, в России, а как история о существовании за пределами национального мира в попытках преодолеть кризис и обрести новую идентичность. Центральные персонажи прозы младоземigrants, как правило, не имеют ни иллюзий о возвращении в Россию, ни ностальгического мифа, спасающего от тягостного настоящего.

Для многих персонажей второго ряда ностальгия по утраченной национальной реальности является своего рода ментальной границей, которую они не способны преодолеть, чтобы интегрироваться в чужой социум или существовать на границе культур, национальных миров. По наблюдению нарратора-персонажа романа Газданова «Ночные дороги» (1941), ностальгия уводит русских эмигрантов от реальности в воображение, заставляет глушить память алкоголем, толкает к разрушению действительной жизни (судьба Федорченко, усомнившегося в частных ценностях и погрузившегося в русскую тоску).

Дореволюционная Россия, идеализированная в сознании ностальгирующих персонажей второго ряда, осознаётся центральными персонажами-нарраторами как миф: «любовь мечтателей к прошлому, к прежней прекрасной жизни в прежней прекрасной России, <...> существовало, чаще всего, только в их воображении» («Ночные дороги» [Газданов, 2009, т. 2, с. 171]), «другую естественную выдумку – о легкой жизни, об утраченной сладости, которых никто в свое время не ощущал» («Пробуждение», 1933 [Фельзен, 2012, т. 2, с. 9]). Несвободны от мифов и центральные персонажи: по причине отсутствия глубокой связи с гомогенным пространством образ родного мира основан не столько на личном опыте, сколько на культурных мифах, помогающих определить смысл национальной катастрофы и своё положение в ней (герои Фельзена, Поплавского, Яновского). Так, в сознании Васеньки («Аполлон Безобразов» Поплавского) «эмиграция – Ноев ковчег»: «Малый свет под кроватью, а на кровати Грушенька наслаждается со Смердяковым. Слышны скрипы, эмиграция молится под кроватью» [Поплавский, 2009, с. 72]. Аллюзии к «Братьям Карамазовым» Достоевского прозрачны: Грушенька – «предавшаяся» разврату, предавшая и выбросившая эмигрантов Россия, Смердяков – собирательный образ большевиков, «завладевших» страной, судьба эмиграции – скрыться, беспомощно ждать «удовлетворения» большевиков,

уповая на высшие силы. Близкий образ блудящей, предавшей и безжалостной к своим «детям» России создается в сознании Шелехова, центрального персонажа романа Яновского «Мир» (1931): «Русь. Мать. Мачеха. Многомужняя жена. Рыдающая причастница. Пляшущая вдова. О, сколько, сколько раз тебе еще складывать окоченевшие трупы твоих детей в штабели дров!» [Яновский, 1931, с. 214].

Мифы исконной культуры, воспринимаемые героями младоэмигрантов иронически, помогают принять европейскую реальность, освоить которую невозможно по причине чуждости. Во вставной главе «Бал» романа Поплавского «Аполлон Безобразов» создается образ «парижской России» как «осколка» родного мира за его пределами: «Шуми, мотор, крути, Гаврила, по Достоевскому проспекту на Толстовскую площадь» [Поплавский, 2009, с. 73]. Мифы Толстого и Достоевского дают приобщиться к исконной культуре вне родного мира, но не дают полноты существования – сцена «бала» у Поплавского показывает игру в русский разгул, за которой следуют усталость и опустошение. Попытки повторения в настоящем утраченного прошлого проявляют отказ от самоопределения в настоящем.

Героям младоэмигрантов ближе не тоска по родине, не возможность восстанавливать идентичность с собой прежним, а тоска по целостности бытия в распавшемся мире без Дома, «зов бытия» и менее – миф о русском Доме.

Устойчивое состояние героев Поплавского, Газданова и Фельзена – метафизическая тоска как реакция на отчуждение от мира и от других: «моя нищета, моя унижительная тоска» («Аполлон Безобразов» [Поплавский, 2009, с. 172]), «страшная, сонная тоска гнетет сердце» («Домой с небес» [Там же, с. 290]), «та же тоска, то же сожаление о неизвестных вещах» («История одного путешествия» [Газданов, 2009, т. 1, с. 269]), «особенную, ни на что не похожую тоску, не исчезающую и не поддающуюся забвению», «с тем же ощущением беспричинной и непреодолимой тоски» («Ночные дороги» [Газданов, 2009, т. 2, с. 211]); «тоска бесповоротности, безутешности, преувеличенно <...> распространяясь на целый мир, где я мучительно живу, где нельзя обольщаться и обманываться, где нет ни опоры, ни союзников, ни друзей» («Возвращение», 1934 [Фельзен, 2012, т. 2, с. 29]), «Отчего в такую погоду всегда так грустно и тоскливо? И чем прекраснее и совершеннее она, тем томительнее и сиротливее!» («Мир» [Яновский, 1931, с. 213]).

Полнота и подлинность существования не обретается в личных воспоминаниях о жизни в России, нет мифа о «рае» детства, характерного для «старших» и для Набокова, в «Даре» воссоздавшего миф о детстве как персональном «рае», уничтоженном катаклизмами социальной истории [Рубинс, 2017, с. 179]. У младоэмигрантов изображение детства «антиутопично» [Там же, с. 183]. Детский мир не защищен не только от катастрофической истории, но и от человеческих отношений. Разрушение юности социальными катаклизмами констатирует герой романа Яновского «Мир» Шелехов: «...у нас не было юности. С детских лет мы вошли в суровую эпоху. Нас вытянуло, как струны. Все соки выжало» [Яновский, 1931, с. 209]. У Поплавского память о детстве и юности в России редуцирована, прорывается лишь в оговорках. Фиксируется травматичность его отношений с деспотическими «полусумасшедшими родителями» [Поплавский, 2009, с. 358], избивавшими и угнетавшими (схожи обстоятельства детства Терезы, француженки с русскими корнями, объекта его любви и духовного ориентира, что подчеркивает кризис поколенческого мифа о «рае» детства, об идеальном прошлом). По-

Поплавский воссоздает образ «перевернутого» мира, где отношения с родителями мучительны для детей, а московская квартира воспринимается героем как «тюрьма». Утрату детского мира и личную эмиграцию героя сопровождает возможность выбросить из своей жизни семью и прошлое (смена имени Васеньки в «Аполлоне Безобразове» на Олега в «Домой с небес»).

Другой вариант – введение фрагментарных воспоминаний о детстве и юности героя («История одного путешествия» (1934) Газданова, «Любовь вторая» (1935) Яновского) или рассказов, примыкающих к романам об эмиграции и объясняющих становление личности героя («Пробуждение» (1933) и «Композиция» (1939) Фельзена). Восприятие детства и юности в таких воспоминаниях не ностальгическое, это время национальной катастрофы, распада семьи и Дома, той же нереализованности, что и в эмиграции (отсутствие любви, творческие неудачи героя Фельзена, отличие лишь в свежести первого опыта). Утраченная жизнь в исконном пространстве не идеализируется, не дает опоры в настоящем. Разрыв связи с «отцами» заставляет искать иные связи, которые могут восполнить отсутствие семьи и дать образец самоидентификации: старший брат, заменивший отца (Газданов «История одного путешествия»), авторитетный приятель-учитель и «рай друзей» (Поплавский «Аполлон Безобразов» и «Домой с небес»), «любовно-дружеский союз» (цикл Фельзена «Повторение пройденного»), «роман с Богом» (Поплавский «Аполлон Безобразов», Яновский «Любовь вторая»). Такие отношения, как правило, имитационны, не заменяют утраченное.

В поиске любви у героев прозы младоэмигрантов проявляется не ностальгия, но следование национальным стереотипам (поиск женщины-жены, матери) и та же тоска по полноте существования. Выбор объектов любви не обусловлен национальной идентичностью женщины (Леля у Фельзена следует образцу европейской свободной женщины). Национальное у героев младоэмигрантов проявляется в идеале метафизической любви: не в эресе, как, например, у героя романа Г. Миллера «Тропик Рака» (1934), а в духовном родстве (француженка Тереза выделена Васенькой не за русские корни, а за метафизические интенции; герой Фельзена пытается воспринимать отношения с неверной Лелей как «любовно-дружеский союз»). Социальная неустроенность определяет и типично «русскую» ситуацию мужчины «на randevu»: скованность в проявлении чувства, неготовность взять ответственность за женщину. Отношения с женщиной компенсируют бездомье и одиночество, но демифологизируют любовь, показывая невозможность духовного сближения с женщиной, обреченность на непонимание и разрыв: неизбежные и постоянные уходы женщины к другим (цикл Фельзена, «История одного путешествия» Газданова), недоступность женщины, в которой видится воплощение Вечной Женственности («Аполлон Безобразов» Поплавского), отказ от отношений в стремлении сохранить себя и свой образ жизни («Домой с небес» Поплавского). Соединение в браке – лишь попытка бежать от страха смерти и измученности саморефлексией («Мир» Яновского).

В «Аполлоне Безобразове» Поплавского ностальгия проявляется в наррации: это воспоминания Васеньки, центрального персонажа, выступающего нарратором, закрепленные в его фрагментарных записках (не дневнике). Однако объект ностальгии – не жизнь в России, а юность в Париже, в «раю друзей». Модальность восприятия прошлого ностальгическая: «То незабываемое время...» [Поплавский, 2009, с. 139]. «Рай друзей» распался, и повзрослевший Васенька-нарратор одинок, он реконструирует утраченное прошлое, когда не был счастлив, но был не одинок, и пытается понять его значение в собственной жизни. В пове-

ствуемой истории недавнего прошлого Васенька испытывает тоску по принадлежности к какой-либо человеческой общности, входит в «нищий рай друзей», который образовывается вокруг мистика и аскета Аполлона Безобразова. Это «духовные» эмигранты из реальности, русские и европейцы: Тихон Богомилов, Тереза, Аверозс. Их объединяет одиночество при устремленности к метафизическому, их индивидуальные мифы о Боге различны. Значимы не блуждания персонажей в поисках пристанища (не Дома: заброшенный дом в пригороде, квартирка Аверозса, замок у озера), а их духовные поиски вовне, а не в себе. Сюжет романа открывает неидеальность прошлого и дисгармоничность «рая друзей»: он разрушен не реальностью, а внутренним несовершенством людей, чьи субъективные мифы ограничены (любимый четырехугольник «метафизиков», претендующих на свободу от «земных» отношений). В финале Васенька приближается к освобождению от прошлого и обретению новой идентичности, к соединению двух способов существования, увиденных в Аполлоне и Терезе: самостояния и упования на волю Бога, мускулинности и аскезы, созерцания и действия.

Во втором романе Поплавского, «Домой с небес», преобразившийся в Олега Васенька, создавший миф о своей богоизбранности, не отказывается от прошлого как бывшего, хотя и воспринимает его и себя прежнего критически. Ностальгия проявляется не в интенции к прошлому, а в притяжении к своему, русскому: женщины, эмигрантки Таня и Катя, выбраны не только как проводники на пути из метафизической реальности в эмпирическую, воплощающие разные проявления реальности (телесно-чувственную и прагматическую), но и как представительницы своего, русского мира, в которых будто бы обнаруживается подлинное в противоположность неподлинному существованию русских эмигрантов-мужчин (они, кроме Безобразова, безлики). Однако в попытках героя жить частной жизнью в эмпирическом потоке проявляется следование европейским стереотипам. Интенция «домой с небес» как возвращение из эмиграции в родной (национальный) мир не реализована, идея возвращения в Россию, внушенная возлюбленной, «советоманкой» Катей, сюжетно оценивается как наваждение, равно как и миф о построении Дома с Таней в Париже. Поплавский показывает, что национальный Дом разрушен, а новый Дом, собственный, возможен только в творчестве, в соединении земного и метафизического. Герой в финале приближается к экзистенциальному сознанию бытия к смерти и проектирует свое будущее писателя-мистика. Однако предчувствие грядущей мировой катастрофы (мировой войны) приводит к осознанию разрушаемости любого Дома, тотальной неукорененности человека, а значит, к непреодолимой тоске.

Ностальгирующим представлен герой Газданова в романах «История одного путешествия» и «Ночные дороги», хотя И. Н. Сухих подчеркивает, что ностальгия газдановского героя подобна «пушкинской хандре» и направлена не на детство, не на утраченную жизнь в России, а на прошлое в целом и не дает опоры в бесконечном «жизни-путешествии» [Сухих, 2003]. Позиция героя Газданова – «постоянный отъезд» [Там же], отстраненность от эмпирического потока мечтателя («История одного путешествия») или «наблюдателя» («Ночные дороги»). Невозможность обрести Дом в гетерогенном пространстве и невозможность возвращения в утраченный национальный Дом определяют новые поиски, новые «путешествия» («История одного путешествия»), заканчивающиеся экзистенциальным тупиком – блужданием по кругу «ночных дорог» чужого мира («Ночные дороги»). Рациональное сознание героя разрушает ностальгические мифы других (второстепенных персонажей), но не собственный, сокровенный, к которому он воз-

вращается, чтобы найти силы для существования в настоящем. Газдановские герои (Володя Рогачев, безымянный таксист) – носители нормы, нравственности, здравого смысла, утраченных в современной релятивной реальности, и главным ностальгическим образом, воплощающим тоску по подлинному бытию, в их сознании является Дом – воображаемый: «Хорошо было бы остановиться – однажды, на берегу светлой реки, в небольшом доме: белое здание, белый песок, белые придорожные камни, белое платье» («История одного путешествия» [Газданов, 2009, т. 1, с. 256]; или реальный, старый, дедовский (значит, по Газданову, поколение дедов, а не отцов, хранило бытийные законы): «старый дом, с одним и тем же крыльцом и той же входной дверью, теми же комнатами, той же мебелью, теми же полками библиотеки, деревьями» («Ночные дороги» [Газданов, 2009, т. 2, с. 152])).

С мифом о Доме связано представление о подчиненности природным циклам, о связи и преемственности поколений, об устойчивом укладе жизни, в котором хранится бытийный закон. Дом дал бы ценностный центр, превращающий скитание в путешествие, из которого можно вернуться, но невозможно обрести полноту существования в чужом Доме (родного брата в «Истории одного путешествия») и невозможно выйти из социального абсурда и устроить собственную жизнь («Ночные дороги»).

Центральный персонаж-нарратор романа «Ночные дороги», как и Васенька в «Аполлоне Безобразове», погружен в воспоминания не о жизни в России (хотя фрагментарно вводятся и они), а о недавнем парижском прошлом. Однако модальность восприятия прошлого иная, не ностальгическая: это не утраченный «рай», а «неутешительный и ненужный опыт» [Там же, с. 7], потребность которого для самоопределения в тут-бытии герой пытается открыть. Смысл прошлого обнаруживается лишь как утрата иллюзий о мире и человеке. «Я»-нарратор, отделенный от «я»-персонажа примерно трехлетней дистанцией, не осознаёт себя изменившимся ни внутренне, ни социально: он по-прежнему водитель ночного такси, хотя и отстранившийся от эмпирической реальности в письме-рефлексии. Возможно, быть ночным таксистом без надежды на будущее и наблюдать за реальностью, а не бежать от нее – и есть самоопределение и экзистенциальный выбор героя в настоящем.

В центре романов Фельзена коллизия любви одних и тех же персонажей, русских эмигрантов Володи Ф. и Лели Герд. Наррация проявляет интенцию нарратора-персонажа Володи к настоящему, а не прошлому: это не воспоминания, а дневник, записи, синхронные пребыванию в эмпирическом потоке («Обман», 1930), и письма к возлюбленной («Счастье» (1932) и «Письма о Лермонтове» (1935)). Спорно утверждение Е. Н. Проскуриной о том, что Володя заменяет утраченный рай родины утраченным раем «взаимной с Лелей Герд любви» [Проскурина, 2014, с. 285–287]: взаимоотношения персонажей изначально дисгармоничны, обманны («Обман»), обладание любимой оказывается иллюзией, оставляя лишь довольствование отблеском счастья («Счастье»). Нет ностальгии по оставленному национальному миру и в обращении героя Фельзена к творчеству Лермонтова («Письма о Лермонтове»). Лермонтовская Россия не видится идеальной, напротив, она близка современной эпохе «бездомья» и «безвременья». Творчество Лермонтова в детстве героя давало ощущение единства мира («и гимназические заботы, и праздничная, ласковая “она”, и лермонтовская грустная яркость, – что жизнь как-то едина или бывает вдохновляюще и выразимо единой» [Фельзен, 2012, т. 1, с. 210], чего не дает искусство современных писателей (Блок, Пруст).

Обращение к творчеству Лермонтова в ином возрасте, в ситуации дезориентации можно объяснить не только потребностью в творческой самоидентификации, но и поиском полноты жизни брошенного возлюбленной и одинокого героя. Однако перечитывание Лермонтова не возвращает ощущение единства жизни, а приближает к открытию ранее не замеченных коллизий экзистенциального одиночества, что дает возможность герою возвысить себя, хотя и открывает собственную несостоятельность в сравнении с идеалом экзистенциального человека – Лермонтовым, мятущимся и ищущим полноты жизни. Ориентиром для героя Фельзена становится Пруст, существовавший в мире собственного сознания. Пруст выразил распад мира в сознании современного человека, не ностальгировавшего, но довоображавшего полноту, собиравшего «утраченное время» в романе о самом себе. Герой Фельзена осознаёт прошлое «безнадежно похороненным» и не реконструируемым, в письме он закрепляет только «отблеск» воспоминаний, но не «жизненную их свежесть» («Пробуждение» [Фельзен, 2012, т. 2, с. 9]). В письме о настоящем он отказывается от самоопределения, приближаясь к экзистенциальному сознанию, но не обретая его. Любые «перемены» («Перемены», 1939) в судьбе героя сменяются «повторением» пройденных жизненных ситуаций («Повторение пройденного», 1938), он оказывается релятивным человеком, преодолев пограничную ситуацию (болезнь и операция в «Переменах»), уклоняется от экзистенциального существования.

Таким образом, при отсутствии (или ослабленности) ностальгических мифов об утраченной национальной реальности, дающих источник национальной и личностной самоидентификации, при невозможности возвращения в национальный Дом и невозможности ощущения мира как целого положение героев младоэмигрантов в чужом мире – экзистенциальный тупик в ситуации тотальной дезориентации: «мы заброшены, одни на земле» («Письма о Лермонтове» [Фельзен, 2012, т. 1, с. 207]), «в пустоте, без собственного облика, без опоры, вне жизни» («Пробуждение» [Фельзен, 2012, т. 2, с. 21]), «без роду, без имени, вне истории, одни на свете» («Домой с небес» [Поплавский, 2009, с. 412]), «Чувствуешь себя только сирым гостем на чужом празднике» («Мир» [Яновский, 1931, с. 213]); «каторжное одиночное заключение, которое и составляло мою жизнь» («Любовь вторая» [Яновский, 2014, с. 76]). В этом младоэмигранты – и метафизическая модернистская (Поплавский, Яновский), и реалистическая линия (Газданов, Фельзен) – приближаются к экзистенциальной картине мира и к исследованию экзистенциального, «голового» человека, существующего не столько в социальной среде, сколько в бытии.

Интерпретация ностальгии младоэмигрантами ближе не русской литературе «старших» эмигрантов, а западноевропейской и американской эмигрантской литературе (Г. Миллер, Э. М. Ремарк). Как замечает В. Б. Земсков, для эмигрантов из Центральной Европы, в том числе Германии, эмиграция была «перемещением из родного пространства в другое, но родственное, принадлежащее общей европейской цивилизационной традиции (например, Швейцария или США)» [Земсков, 2015, с. 288], а для американских эмигрантов встреча с «центром» Европы «означала смену творческих горизонтов, поиск истоков, новой ориентации <...> для построения собственного Дома» [Там же], т. е. ностальгия по утраченному национальному миру редуцирована.

Герой романа Ремарка «Триумфальная арка» (1945), немец Людвиг Фрезенбург, сбежавший из нацистской Германии и скрывающийся в Париже под именем Равик, близок к героям младоэмигрантов как выбросивший из памяти воспомина-

ния о жизни в родном национальном мире. Для персонажей романа Ремарка эмигрант Равик – человек без прошлого, хотя отсутствие воспоминаний можно объяснить нежеланием вспоминать страшное и безвозвратно утраченное, однако из сознания невозможно выбросить травматическое воспоминание о пребывании в гестапо. Редукция ностальгии в романе Ремарка объясняется не выброшенностью из исконной культуры в юном возрасте (Равик – человек средних лет), не принятием положения эмигранта, не имеющего права на собственное имя, а травматичностью воспоминаний: родина захвачена врагами, принадлежащими к той же крови и культуре, что и протагонист романа. Всё, что связывает Равика с прежней Германией, – воспоминания о любимой, но воспоминания заслоняются чувством вины за гибель Сибиллы, доведенной до самоубийства во время следствия в гестапо.

Ремарк показывает бездомность и неукорененность в любом социокультурном пространстве. Ни Франция в преддверии новой мировой катастрофы, ни Америка (где нет войны), которая притягивает эмигрантов, как «рай» (события романа Ремарка «Тени в раю»), не становятся для Равика Домом (он остаётся «тенью»). Невозможно и возвращение в национальный Дом после падения Третьего рейха, поскольку на немцах вина за преступления нацистов; вернуться можно лишь «в чужой мир, к безразличию, к скрытой ненависти и трусости» [Ремарк, 1989, с. 363].

По Миллеру, эмигрант – это добровольный изгнанник, не живущий жизнью, предложенной сообществом (родом, нацией), а самостоятельно ищущий свое ценностное пространство (Генри, герой романа «Тропик Рака», не нашедший место в США, отправляется в Париж как центр авангардного искусства). Тем не менее, герой Миллера, лично сформировавшийся в Америке, не свободен от национально направленной ностальгии, хотя она сводится к тоске по любимой, символизирующей Америку, – жене Моне, возвращение к которой невозможно, поскольку будет означать возвращение к прежнему образу жизни (утрату «я»).

Миллер показывает власть «крови» (не культуры) над человеком массы (американец Филмор возвращается из Парижа в США), но не над творцом собственной жизни, способным преодолеть национальную ностальгию и власть женщины (Генри). Преодоление ностальгии связано не с отказом от национальной идентичности, напротив, Генри к концу романа приближается к открытию своего американского самосознания, к осознанию того, о чем сам Миллер напишет после возвращения из эмиграции в эссе «Книги в моей жизни» (1952): Дом – это не конкретное пространство, а «условие, состояние души. <...> “быть дома” означает быть с Господом» [Миллер, 2001, с. 288] (в контексте романа – быть в центре живой реальности). Роднит героя Миллера с героями младоэмигрантов состояние метафизической тоски по целому, по подлинности бытия и связанности с универсумом: «Это в крови у нас – тоска по раю. Тоска по иррациональному. <...> Перерезают пуповину, дают шлепок по заднице, и – готово! – вы уже в этом мире, плывете по течению, корабль без руля» [Миллер, 2020, с. 288]. Образом, воплощающим единство человека с миром (до рождения и отпадения от целого), в романе Миллера является женское лоно. Сосредоточенность Генри на эросе объясняется не стремлением к телесному наслаждению, но тоской по сопричастности бытию, к которому приближает женщина, хотя соприкосновение с женщинами грозит утратой подлинного «я». Погружение в стихию эроса оборачивается меха-

ническим сексом, в котором можно приблизиться лишь к «отблеску» сверхреального.

Таким образом, ностальгия по родному национальному миру и утраченной жизни редуцирована или ослаблена в прозе младоэмигрантов, зато усилены переживание экзистенциального одиночества и метафизическая тоска по соединенности с другим и миру как целому. Осознание невозможности возвращения Домой и невозможности обретения нового Дома в бытии, где человек «заброшен» и неукоренен, приближает к экзистенциальному сознанию.

Список литературы

Бабичева Ю. В. «Ночные дороги» Гайто Газданова: проблема стиля и жанра // Дарьял. 2002. № 3. URL: http://www.darial-online.ru/2002_3/babitch.shtml (дата обращения 25.08.2022).

Бойм С. Будущее ностальгии // Неприкосновенный запас. 2013. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2013/3/budushhee-nostalgii.html> (дата обращения 27.08.2022).

Войтехович Р. Борьба с ностальгией как поэтический прием в поздней лирике Марины Цветаевой // Studia Rossica Posnaniensia. 2019. № 44 (1). С. 63–72.

Газданов Г. И. История одного путешествия // Газданов Г. И. Собр. соч.: В 5 т. М.: Эллис Лак, 2009. Т. 1: Романы. Рассказы. Литературно-критические эссе. Рецензии и заметки. С. 163–290.

Газданов Г. И. Ночные дороги // Газданов Г. И. Собр. соч.: В 5 т. М.: Эллис Лак, 2009. Т. 2: Роман. Рассказы. Документальная проза. С. 3–217.

Дёмин И. В. Феномен ностальгии в горизонте постметафизической философии истории // Вестник Самар. гуманитар. академии. Серия: Философия. Филология. 2012. № 1 (11). С. 16–25.

Земсков В. Б. Экстерриториальность как фактор творческого сознания (варианты: русский, западноевропейский, восточноевропейский, американский и латиноамериканский) // Земсков В. Б. Образ России в современном мире и иные сюжеты. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Гнозис, 2015. С. 285–292.

Иванов А. Прогрессивная ностальгия? // Художественный журнал. 2007. № 65–66. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/26/article/432> (дата обращения 27.08.2022).

Миллер Г. Книги в моей жизни. Эссе. М.: Б.С.Г.-Пресс, НФ «Пушкинская библиотека», 2001. 540 с.

Миллер Г. Тропик Рака // Миллер Г. Тропик Рака. Черная весна: Романы. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. С. 43–316.

Никулина Н. А. Ностальгический топос в творчестве писателей-эмигрантов: Мережковский и Бунин // Applied and fundamental studies Proceedings of the 12th International Academic Conference. Saint Louis: Publishing House Science and Innovation Center, Ltd., 2017. P. 130–137.

Поплавский Б. Ю. Собр. соч.: В 3 т. М.: Согласие, 2009. Т. 2: Аполлон Безобразов. Домой с небес. Романы. 464 с.

Проскурина Е.Н. Повествовательное пространство прозы Ю. Фельзена // Жанровые и повествовательные стратегии в литературе русской эмиграции: Коллективная монография / Отв. ред. М. А. Хатямова. Томск, 2014. С. 279–294.

Ремарк Э. М. Тени в раю // Ремарк Э. М. Тени в раю. Возвращение. Романы. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. С. 5–364.

Рубинс М. Русский Монпарнас. Парижская проза 1920–1930-х годов в контексте транснационального модернизма. М.: НЛЮ, 2017. 222 с.

Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.

Суханов В. А. Ностальгия и идентичность – лента Мебиуса // Ностальгия по советскому / Отв. ред. З. И. Резанова. Томск, 2011. С. 17–22.

Сухих И. Н. Клэр, Машенька, ностальгия // Звезда. 2003. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2003/4/klер-mashenka-nostalgiya.html> (дата обращения 27.08.2022).

Фельзен Ю. Собр. соч.: В 2 т. М., 2012. Т. 1. 283 с.; Т. 2. 324 с.

Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.

Хайдеггер М. Основные понятия метафизики: Мир – Конечность – Одиночество. СПб.: Владимир Даль, 2013. 592 с.

Чикишева А. С. Феномен ностальгии в постсоветской массовой культуре // Фундаментальные проблемы культурологии: Сб. ст. / Отв. ред. Д. Л. Спивак. М.: Новый хронограф: Эйдос, 2009. Т. 6: Культурное наследие: От прошлого к будущему. С. 267–277.

Яновский В. С. Любовь вторая: Избранная проза. М.: НЛЮ, 2014. С. 51–144.

Яновский В. С. Мир. Берлин: Парабола, 1931. 290 с.

References

Babicheva Yu. V. “Nochnye dorogi” Gajto Gazdanova: problema stilya i zhanra [“Night roads” by Gaito Gazdanov: the problem of style and genre]. *Dar’yal*. 2002, no. 3. URL: http://www.darial-online.ru/2002_3/babitch.shtml (accessed: 25.08.2022).

Boym S. Budushchee nostalgii [The future of nostalgia]. *Neprikosnovenny zapas*. 2013, no. 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2013/3/budushchee-nostalgii.html> (accessed: 27.08.2022).

Chikisheva A. S. Fenomen nostalgii v postsovetsoy massovoy kul’ture [Phenomenon of nostalgia in post-Soviet mass culture]. In: *Fundamental’nye problemy kul’turologii: Sb. st.* [Fundamental problems of cultural studies: Coll. art.]. Moscow, Novyy khronograf, Eydos, 2009, vol. 6: Kul’turnoe nasledie: Ot proshlogo k budushchemu [Cultural heritage: From the past to the future], pp. 267–277.

Demin I. V. Fenomen nostalgii v gorizonte postmetafizicheskoy filosofii istorii [The phenomenon of nostalgia in the horizon of post-metaphysical philosophy of history]. *Vestnik Samar. gumanit. akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya*. 2012, no. 1 (11), pp. 16–25.

Fel’zen Yu. *Sobr. soch.: V 2 t.* [Collected works: In 2 vols]. Moscow, Vodoley, 2012, vol. 1, 283p.; vol. 2, 324 p.

Gazdanov G. I. Istoriya odnogo puteshestviya [The history of one journey]. In: Gazdanov G. I. *Sobr. soch.: V 5 t.* [Collected works: In 5 vols.]. Moscow, Ellis Lak, 2009, vol. 1: Romany. Rasskazy. Literaturno-kriticheskie esse. Retsenzii i zametki [Novels. Stories. Literary and critical essays. Reviews and notes], pp. 163–290.

Gazdanov G. I. Nochnye dorogi [Night roads]. In: Gazdanov G. I. *Sobr. soch.: V 5 t.* [Collected works: In 5 vols.]. Moscow, Ellis Lak, 2009, vol. 2: Roman. Rasskazy. Dokumental’naya proza [Novel. Stories. Documentary prose], pp. 3–217.

Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and time]. Moscow, Ad Marginem, 1997, 452 p.

Heidegger M. *Osnovnye ponyatiya metafiziki: Mir – Konechnost' – Odinochestvo* [Basic concepts of metaphysics: World – Finiteness – Loneliness]. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2013, 592 p.

Ivanov A. Progressivnaya nostal'giya? [Progressive nostalgia?]. *Moscow Art Magazine*. 2007, no. 65–66. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/26/article/432> (accessed: 27.08.2022).

Miller G. *Knigi v moyey zhizni. Esse* [Books in my life. Essay]. Moscow, B.S.G.-Press, NF "Pushkinskaya biblioteka", 2001, 540 p.

Miller G. Tropik Raka [Tropic of Cancer]. In: Miller G. *Tropik Raka. Chernaya vesna: Romany* [Tropic of Cancer, Black spring: novels]. Moscow, Inostranka, Azbuka-Attikus, 2020, pp. 43–316.

Nikulina N. A. Nostal'gicheskiy topos v tvorchestve pisateley-emigrantov: Merezhkovskiy i Bunin [Nostalgic topos in the works of émigré writers: Merezhkovsky and Bunin]. In: *Applied and fundamental studies Proceedings of the 12th International Academic Conference*. Saint-Louis, Publishing House Science and Innovation Center, Ltd. 2017, pp. 130–137.

Poplavskiy B. Yu. *Sobr. soch.: V 3 t.* [Collected works: In 3 vols.]. Moscow, Soglasie, 2009, vol. 2: Apollon Bezobrazov. Domoy s nebes. Romany [Apollon Bezobrazov. Home from heaven. Novels], 464 p.

Proskurina E. N. Povestvovatel'noe prostranstvo prozy Yu. Fel'zena [The narrative space of Y. Felzen's prose]. In: *Zhanrovye i povestvovatel'nye strategii v literature russkoy emigratsii: Kollektivnaya monografiya* [Genre and narrative strategies in the literature of the Russian emigration]. M. A. Khatyamova (Ed. in Ch.). Tomsk, 2014, pp. 279–294.

Remarque E. M. Teni v rayu [Shadows in Paradise]. In: Remark E. M. *Teni v rayu. Vozvrashchenie. Romany* [Shadows in Paradise. Return. Novels]. Barnaul, Alt. kn. izd. 1989, pp. 5–364.

Rubins M. *Russkiy Monparnas. Parizhskaya proza 1920–1930-kh godov v kontekste transnatsional'nogo modernizma* [Russian Montparnasse. Parisian prose of the 1920s–1930s in the context of transnational modernism]. Moscow, NLO, 2017, 222 p.

Sartre Zh.-P. *Bytie i Nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothing: An Experience of Phenomenological Ontology]. Moscow, Respublika, 2000, 639 p.

Suhanov V. A. Nostal'giya i identichnost' – lenta Mebiusa [Nostalgia and Identity – Moebius Strip]. In: *Nostal'giya po sovetскому* [Nostalgia for the Soviet]. Z. I. Reznova (Ed. in Ch.). Tomsk, 2011, pp. 17–22.

Suhii I. N. Kler, Mashen'ka, nostal'giya [Claire, Mashenka, nostalgia]. *Zvezda*. 2003, no. 4. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2003/4/kler-mashenka-nostalgiya.html> (accessed: 27.08.2022).

Voytekhovich R. Bor'ba s nostal'giey kak poeticheskiy priem v pozdney lirike Mariny Tsvetaevoy [Voitekhovich R. The struggle against nostalgia as a poetic device in the late lyrics of Marina Tsvetaeva]. *Studia Rossica Posnaniensia*. 2019, no. 44 (1), pp. 63–72.

Yanovskiy V. S. *Lyubov' vtoraya: Izbrannaya proza* [Second love: Selected prose]. Moscow, NLO, 2014, pp. 51–144.

Yanovskiy V. S. *Mir* [World]. Berlin, Parabola, 1931, 290 p.

Zemskov V. B. Eksterritorial'nost' kak faktor tvorcheskogo soznaniya (varianty: russkiy, zapadnoevropeyskiy, vostochnoevropeyskiy, amerikanskiy i latinoamerikanskiy) [Extraterritoriality as a factor of creative consciousness (options: Russian, Western European, Eastern European, American and Latin American)]. In: Zemskov V. B.

Obraz Rossii v sovremennom mire i inye syuzhety [The image of Russia in the modern world and other subjects]. Moscow, St. Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives, Gnozis, 2015, pp. 285–292.

Информация об авторе

Иван Иванович Назаренко, аспирант кафедры истории русской литературы XX–XXI веков и литературного творчества Томского государственного университета (Томск, Россия)

Information about the author

Ivan I. Nazarenko, Postgraduate Student at the Department of the History of Russian Literature of the 20th – 21st centuries and literary creativity of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 14.09.2022;
одобрена после рецензирования 16.12.2022; принята к публикации 16.12.2022
The article was submitted on 14.09.2022;
approved after reviewing on 16.12.2022; accepted for publication on 16.12.2022*

Языкознание

Научная статья

УДК 811.512.157

DOI 10.17223/18137083/83/15

Диалектные наименования мутовки в якутском языке (на материале лексикографических источников)

Егор Револьевич Николаев

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
Якутск, Россия

1953307@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3782-8402>

Аннотация

Представлены диалектные наименования мутовки, являющиеся частью лексико-тематической микрогруппы «Посуда и утварь» в якутском языке. Проведен сравнительно-сопоставительный, семантический анализ наименований мутовки в тюркских языках. Материалом исследования послужили диалектологические, лексикографические, этнографические источники. В якутском языке сохранились наименования мутовки, которые использовались для приготовления кумыса, других молочных продуктов (блюд) и жидкой пищи, имеющие и тюркские, и монгольские корни. Изучение диалектной лексики позволило выявить общетюркское и собственно якутское значения мутовки как части бытовой лексики якутского языка.

Ключевые слова

тюркские языки, якутский язык, лексика, якутские диалектизмы, наименования мутовки, семантика

Для цитирования

Николаев Е. Р. Диалектные наименования мутовки в якутском языке (на материале лексикографических источников) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 194–207. DOI 10.17223/18137083/83/15

Dialect names of *mutovka* in the Yakut language (a case study of lexicographic sources)

Egor R. Nikolaev

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russian Federation

1953307@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3782-8402>

Abstract

This paper addresses the semantics of dialectal names of *mutovka* (a stick with branches at the end used for mixing or stirring), with all of them belonging to the lexical-thematic micro-group “Utensils” in the Yakut language. Over 40 dialect names of *mutovka* with different

© Николаев Е. Р., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 194–207

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 194–207

connotations have been identified in dialectological, lexicographical, and ethnographic materials. The nomination principles of *mutovka* are determined on the external form and functions. The form and structure of *mutovkas* (round, branched, cross-shaped), material (wood, cow horn) depend on their purpose. *Mutovka* has different functions: for whipping koumiss, cream, or butter, and others, with the movement of the tool also of importance for nomination. The basic characteristic of any *mutovka* is *ytyyy* “mixing, stirring, and churning.” The comparative analysis revealed that the Yakut lexemes *ytyk* and *bhiheyeh* indicate a common Turkic similarity. Most names of *mutovka* are part of the lexical fund of the Yakut language developed in the linguistic landscape of modern Yakuts (Sakha). Also, the dialect names *bilier*, *biriel* “kumys *mutovka*” have been found to have Mongolian roots. A semantic description allowed the origin of *khamnatar* “kumys *mutovka*” to be determined as an apotropaic lexeme with both all-Yakutian and dialectal meaning. The semantics of the *mutovka* names concerned reflects the cattle-breeding culture of Yakuts (Sakha) developed and spread in the subcontinental climate in the vast territory of the North-East of Russia. The findings specify the lexical-semantic micro-groups “Tableware,” “Utensils” to “Kumys ware and utensils,” “Ytyk,” to compile the thematic lists of Yakut household culture.

Keywords

Turkic languages, yakut language, lexic, yakut dialectisms, names of utensils, semantic field

For citation

Nikolaev E. R. Dialect names of *mutovka* in the Yakut language (a case study of lexicographic sources). *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 194–207. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/15

Введение

Исследование различных пластов лексики миноритарных языков обусловлено необходимостью решения проблемы сохранения языка во взаимосвязи с изменяющимися традиционной культурой и бытом. Изучением тематических групп бытовой лексики в свое время занимался Н. К. Антонов [1971], позже они рассматривались в трудах якутских лексикологов [Афанасьева, 2019; Готовцева, 2016; Попов, 2019] и диалектологов [Жоркина, 1992; Иванов, 2017]. Диалектологические исследования опирались прежде всего на данные «Анкеты по изучению говоров якутского языка» (1953 г.), в которой раздел «Лексика» включал 22 тематических вопроса (всего в анкете было 364 вопроса): «Названия месяцев», «Времена года», «Части человеческого тела», «О человеке», «Домашняя утварь, одежда и посуда» и т. д. Несмотря на существующий задел, изучение тематических групп диалектной лексики всё еще остается своеобразной лакуной, так как вследствие изменения культурной среды постепенно вышли из обихода те лексические единицы, сфера функционирования которых частично или полностью утрачена, например: лексика таких тематических групп (ЛТГ), как «Традиционная пища» («Төрүт ас-үөл»), «Национальные игры» («Төрүт оонньуулар»), «Традиционная посуда и утварь» («Төрүт иһит-хомуос»), «Традиционные личные имена» («Төрүт анал ааттар») и др.

Традиционно в лексико-семантическое поле «Наименования пищи» включают и лексические единицы, которые составляют его периферию, в частности наименования посуды и утвари. Диалектная часть ЛТГ «Иһит-хомуос» («Посуда и утварь») ранее не была предметом анализа в языковом аспекте. Мы же предприняли попытку выделить диалектную микрогруппу «Ытык» («Мутовка») и как периферию ЛТГ «Төрүт ас-үөл» («Традиционная пища»), и как неотъемлемую часть ЛТГ «Посуда и утварь».

Целью данной статьи является выявление и описание диалектных наименований традиционной утвари якутов *ытык* ‘мутовка; мешалка’. Решаются следующие задачи: 1) описать как отдельную микрогруппу все выявленные диалектные наименования якутской мутовки; 2) представить лексико-семантические параллели названий мутовки в тюркских языках; 3) определить мотивацию номинаций диалектных наименований мутовки в якутском языке.

Источниками, из которых осуществлена выборка материалов для исследования, являются диалектологические и толковые словари якутского языка, а также этнографические тексты и лексикографические описания.

Результаты исследований и обсуждение

Нормативно-литературная дефиниция родовой лексемы *ытык* ‘мутовка (например, для приготовления взбитых сливок, сбивки сметаны)’ (БТСЯЯ, 2014, с. 556–557) объединяет список слов в алфавитном порядке, более или менее совпадающих по своему основному семантическому содержанию, и тем самым составляющих основу диалектной тематической микрогруппы «Ытык» («Мутовка»):

абааны муммут ытыга, инд., букв. ‘мутовка, от которой сам чёрт пришёл в замешательство’ (ДСЯС, 1995, с. 34);

абыс салаалаах ытык, инд., букв. ‘восьмиветвистая мутовка’ (ДСЯС, 1995, с. 36);

арбаанай ытык, горн. *хааһылыыр, көбүөрдүүр, арыылыыр мас ытык* ‘деревянная мутовка для размешивания муки в жидкости при приготовлении мучных изделий, сбивания масла и т. п.’ (ДСЯС, 1995, с. 41);

арыы ытыга, бод. *муос ытык* ‘роговая мутовка’ (ДСЯС, 1995, с. 43);

бадьаа, сунт. *кымыс хамнатар* ‘мутовка для кумыса’ (ДСЯС, 1995, с. 47);

байака ытыга, сунт. *күөрчэх ытыга* ‘круглая мутовка’ (ДСЯЯ, 1976, с. 58);

бахсах ытык, сунт. *сири иһиккэ туттуллар улахан кымыс хамнатар* ‘большая мутовка для кумыса, хранимого в большой кожаной бадье’ (ДСЯС, 1995, с. 47);

билиэр, устар., вил. *хамнатар*, монг. п. *bylegyr, byligyr* ‘мутовка’ (ДСЯЯ, 1976, с. 62); *бэлиэр, билиир* [Багдарыын Сүлбэ, 2013, с. 275];

бириэл, нюрб. ‘мутовка для кумыса’ (ДСЯС, 1995, с. 50);

биһэйэх, бэһэйэх, горн. ‘мутовка для кумыса’ (ДСЯС, 1995, с. 50); *бэһэйэх*, коб. ‘деревянная втулка, воронка кумысного меха’ (ДСЯЯ, 1976, с. 82); *bäciäjäx, biäciäjäx* ‘мутовка для мешания кумыса’, *ciäp bäciäjäbä* ‘мутовка кумысного меха’ (Пекарский, 1959, т. 1, стб. 445, 476); *биһэйэх*, см. *бадьаа* (ТСЯЯ, 2005, стб. 339); *бичиктээх биһэйэх* ‘узорчатая мутовка кумысного меха’ (Пекарский, 1959, т. 1, стб. 482);

бүлүүр, *кымыһы булкуйар ытык (хамнатар)* ‘кумысная мутовка’, *хамнатар по-другому называют бүлүүр* (ТСЯЯ, 2005, с. 631); ср. *бүтэй бөлүүр, бөлүүр*, устар., сунт. *кымыс тирии иһитэ, көбүөр* ‘кумысный мех’ (ДСЯЯ, 1976, с. 75; 68; Воронкин, 1999, с. 128);

бүрүөһүн ытыга, инд. *бүрүөһүн ытыга ынах муоһунан онгоһуллар* ‘роговая мутовка изготавливается из коровьева рога’ (ДСЯС, 1995, с. 57), от *бүрүү* ‘заквашивать (например, кипяченое остывающее молоко для приготовления суората)’ (ТСЯЯ, 2005, с. 640);

дагда, нам. *күөрчэх ытыга* ‘круглая мутовка’ (ДСЯЯ, 1976, с. 84);

дагдатар, усть-алд. *күөрчэх ытыга* ‘круглая мутовка’ (ДСЯЯ, 1976, с. 84);
дагда ытыга, татт. *күөрчэх ытыга* ‘круглая мутовка’ (ДСЯЯ, 1976, с. 84);
иурдэр, абый., токк. *ытык* ‘мутовка’, букв. ‘взбивающий’ (ДСЯЯ, 1976, с. 104); *сүөгэй ытыга* ‘деревянная мутовка для сбивки сметаны с двумя круглыми дисками – на конце и в середине палочки-рукоятки’ (БТСЯЯ, 2017, с. 557);
иэдэтэр, абый., амг., горн., м.-канг., нюрб., ойм., олекм., сакк., усть-алд., чур. *күөрчэх ытыга* ‘круглая мутовка’, ‘мутовка для взбивания сливок’, ‘кругло-дошатая мутовка’, ‘круглая мутовка для взбивания вида якутских сливок’ (ДСЯЯ, 1976, с. 110; Пекарский, 1959, т. 1, стб. 891, 900; ТСЯЯ, 2006, с. 817); *иэтэтэр*, амг., м.-канг., татт., усть-алд., чур. *күөрчэх ытыга* ‘круглая мутовка’ (ДСЯЯ, 1976, с. 110, 111); *иэдээк*, горн., олекм. *улахан ытык* ‘большая мутовка’ (ДСЯЯ, 1976, с. 110). Возможно от диал. *иэдэй* ‘суетиться, метаться, торопиться’ (ЯРС, 1972, с. 159);
изригэс, эвф., зпвг. *ытык* ‘мутовка’ (ДСЯС, 1995, с. 82);
көйөргө, сакк. *кымыс ытыга*, *хамнатар* ‘кумысная мутовка’ (ДСЯЯ, 1976, с. 116);
көөннөрбө ытыга, устар., инд. (ДСЯС, 1995, с. 85); см. *бадьаа* ‘мутовка для кумыса’;
күөрчэх ‘мутовка для взбивания сливок; кругло-дошатая мутовка’ (Пекарский, 1959, т. 2, стб. 1320);
күөрчэх салаалааба, кол. *күөрчэх ытыга* ‘мутовка для взбивания сливок’ (ДСЯС, 1995, с. 99);
күөрчэх ытыга, лен. ‘мутовка для взбивания сливок – деревянный радиально-ребристый кружок, укрепленный на стержне’ (ДСЯЯ, 1976, с. 256);
күөччэх, верх., нам., татт. *күөрчэх ытыга* ‘круглая мутовка для взбивания сливок’ (ДСЯЯ, 1976, с. 132);
кымыс хамсатар, мутовка с длинной ручкой, сделанная из березы и похожая на перевернутую миску с дырками (используется для взбалтывания кумыса движениями вверх и вниз (БТСЯЯ, 2008, с. 262);
мотуйар, нюрб., ойм., сакк., татт., усть-алд. *муос ытык* ‘роговая мутовка’ (ДСЯЯ, 1976, с. 161; БТСЯЯ, 2017, с. 301);
мотуох, эвф. *мас ытык* ‘деревянная мутовка’, от кол. рус. *мутовь* от *мутувить* ‘взбивать’ (ДСЯЯ, 1976, с. 162; Пекарский, 1959, т. 2, стб. 1596);
муос ытык, мутовка с деревянной палочкой-рукояткой, изготавливаемая из рогов скота (БТСЯЯ, 2017, с. 557);
мутук ‘мутовка для взбалтывания молока, представляющая собой деревянный диск, снабженный отверстиями и насаженный на длинную палку’ (Пекарский, 1959, т. 2, стб. 1643);
салаалаах, ср.-кол., верх.-кол. *мас ытык* ‘деревянная мутовка’ (ДСЯЯ, 1976, с. 201);
салаалаах ытык, лен. *арыыны арылылырга аналлаах мас ытык* ‘деревянная мутовка для пахтанья масла’ (ДСЯЯ, 1976, с. 202);
салбах ытык, усть-алд. *арыы арылылыр мас ытык* ‘деревянная мутовка для пахтанья масла’ (ДСЯЯ, 1976, с. 202; БТСЯЯ, 2008, с. 178);
саргаа ытык, сад. *мас ытык* ‘разновидность деревянной мутовки’ (ДСЯС, 1995, с. 158);
сатабай, усть-янск. *ытык* ‘мутовка для сбивания масла из сметаны’ (ДСЯС, 1995, с. 158);

суорат ытыга, инд. мутовка для взбалтывания кисломолочного продукта суорат (ДСЯС, 1995, с. 166);

сүөгэй ытыга, деревянная мутовка для сбивки сметаны с двумя круглыми дисками – на конце и в середине палочки-рукоятки (БТСЯЯ, 2017, с. 557);

хардаан ытык (ДСЯС, 1995, с. 174); см. *бадьаа*;

тарбах ытык, м.-канг. *ытык арааһа* ‘разновидность мутовки’ (ДСЯЯ, 1976, с. 236); букв. ‘пальцевая мутовка’; **тарбах ытыга** ‘деревянная мутовка для взбалтывания жидкой пищи (например, похлёбки) с восемью лопастями на палочке-рукоятке’ (БТСЯЯ, 2017, с. 557);

туора ытык, устар., жиг. *биир туорайдаах мас ытык* ‘деревянная мутовка на одной поперечине’ (ДСЯС, 1995, с. 195);

туу күөрчэх, венчик для взбивания молока, сшитый волосяными нитками из шерсти и имеющий форму плоского небольшого круга, в середину которого вставлена палочка, служащая ручкой [Саввин, 2005, с. 245];

тлээр ытык, бод. *арыы ытыга* ‘мутовка для сбивания масла’ (ДСЯС, 1995, с. 200);

удьаа, см. *бадьаа* (ДСЯС, 1995, с. 202);

уһуйах, устар., коб. *кымыс ытыга, хамнатар* ‘мутовка для взбалтывания кумыса’ (ДСЯЯ, 1976, с. 264);

хааһы ытыга, инд., букв. ‘мутовка для каши’; *роговой мутовкой размешиваем суп, сорат* (ДСЯС, 1995, с. 212);

хамнатар, мутовка для взбалтывания (мешания) кумыса (*симиир хамнатара*), для чего вставляется в особую деревянную втулку (*көҥкөлөй*); представляет собою длинную деревянную палку, оканчивающуюся колпаком, в коем прорезано несколько отверстий; палка, двигая которую вверх и вниз, взбалтывают находящуюся в симиир-е смесь (закваска, кобылье молоко, теплая вода), сдобренную часто жидкостью из-под отстоявшихся сливок (*сүөгэй анна*) (Пекарский, 1959, т. 3, стб. 3285).

По распространенности отдельных лексем в говорах можно сделать следующие краткие обобщения: наименований с компонентом *ытык* больше всего имеется в индигирском говоре; лексема *мотуйар* ‘роговая мутовка’ показала территориальный разброс по зонам говоров – вилюйская, центральная, северо-восточная зоны, как и *издэтэр* ‘мутовка для взбивания сливок’: северо-восточная, вилюйская, центральная зоны говоров; различные наименования кумысной мутовки сохранились в вилюйских говорах – сунтарский, нюрбинский, кобайский, а также в саккырырском говоре северо-восточной зоны. Распространенность в различных говорах якутского языка, отличающихся территориально, по фонетическим признакам, в первую очередь говорит о том, что эти наименования отчасти указывают на тот период, когда якуты освоили обширную территорию Якутии, развили и создали скотоводческую культуру, высокоорганизованную религию (например, кумысный праздник *ыһыах*), которые объединяет лексика животноводства (молочные продукты, кумысная, молочная посуда и утварь, термины сенокоса и т. д.) без существенных отличий.

В некоторых говорах *күөрчэх* **помимо наименования** мутовки также имеет значение ‘взбитые сливки’ (БТСЯЯ, 2008, с. 67). Исходное значение наименований блюда *күөрчэх* и мутовки *күөрчэх* имеет мотивированность от обозначения движений круглого диска мутовки. Так, в описаниях быта якутов говорится: «...Для сбивания же сливок употребляется мутовка [*күөрчэх*], у которой вместо рога насажен деревянный кружок с вырезами по радиусу на наружной стороне»

[Трошанский, Пекарский, 1909, с. 23]. По мнению С. А. Иванова, «первоначальное значение слова *күөрчэх*, по-видимому, было “мутовка”» (ДАЯЯ, 2010, с. 65). А в случае с *дагда*, скорее всего, первоначальным было значение от *дагдай* ‘всплывать, выплывать на поверхность воды (жидкости)’, что соответствует консистенции взбитых сливок.

В комплексе наименований кумысной утвари – *биһэйэйх*, *бэһэйэйх*, горн. ‘мутовка для кумыса’ = *бэһэйэйх*, коб. ‘деревянная втулка, воронка кумысного меха’; *бадьаа*, сунт. ‘мутовка для кумыса’ = *бадьаа* ‘большой деревянный ковш (для помешивания кумыса)’ (ТСЯЯ, 2005, с. 123); *удьаа* ‘мутовка для кумыса’ = *удьаа* ‘большой деревянный ковш с длинной рукояткой для разливания кумыса’ (БТСЯЯ, 2015, с. 86); *булүүр* ‘кумысная мутовка’ = *бутэй бөлүүр*, *бөлүүр*, сунт. ‘кумысный мех’ – мы видим проявление переноса значений по функции. В приведенных парах функциональные назначения близки между собой: например, ковшом можно так же взбалтывать, как и кумысной мутовкой. Что касается *биһэйэйх*, *бэһэйэйх* = *мутовка / воронка*, то здесь, как нам кажется, полисемия возникла по смежности, так как оба предмета являются неотъемлемой частью целого: кумысная мутовка в кумысном меху по сути «привязана» к воронке.

В преданиях и легендах упоминается утварь *хамнатар*: «деревянный инструмент для взбалтывания кумыса, украшенный конским волосом, узорчатый, с рукояткой, с набалдашником» [Боло, 1994, с. 98]; «(...) Кегуер-ом взбалтывают кумыс. Эвфемистическое название – *хамнатар*. Симиир имеет треугольную форму, имеет одинаковый объем. Налитый кумыс взбалтывают сверху вниз *бэсийэйх*-ом, который похож на средний чорон с приделанной рукояткой» [Федоров, 2011, с. 161]. Противопоставляя общеякутскому *ытык*, *хамнатар* можно рассматривать как эвфемизм. Интересно, что часто упоминаемая в фольклорных текстах лексема *хамнатар* ‘кумысная мутовка; мешалка’, не представлена в современных словарях якутского языка как отдельная лексема. Вероятно, сложный термин *кымыс хамсатар*, где *кымыс* – определяющая часть, свидетельствует о трансформации традиционной культуры, о возникновении необходимости акцентировать связь с сакральным напитком.

На наш взгляд, названия мутовки *кымыс хамнатар* и *кымыс хамсатар* имеют некоторые существенные различия: *хамсаа* ‘изменять положение тела или его частей, приходиться в движение, двигаться, шевелиться’ (БТСЯЯ, 2016, с. 274). Словник глагола *хамнаа* отсылает к *хамсаа* (БТСЯЯ, 2016, с. 268): *хамнат* ‘приводить в движение’; *хамсат* ‘двигать, шевелить’ (КЯРРЯС, 2015, с. 202). В наименовании *хамнатар* ‘кумысная мутовка’ прослеживается расширение семантики, так как, судя по фольклорным данным, в некоторых случаях оно обозначает весь комплекс кумысной утвари и процесс взбалтывания кумыса: *көбүүр* (ср. *хүхүр* ‘мех (сосуд)’) ‘большой кожаный мех или чан для хранения жидкостей’; *симэхтээх көбүүр* = *симэхтээх симиир* = *хамнатар* ‘кожаная посуда для приготовления кумыса’, *симиир* ‘кожаный мех для приготовления кумыса (составные части *симиир*: *көҥкөлөй*, *хабарҕа*, *күөмэй*, *моой*, *тылбыы*, *бисийэйх*, *хамнатар*); *хамнатар симиир* ‘посудина, мех’, *көбүүр хамнатар* ‘мешание кумыса в жбане’ (Пекарский, 1959, т. 2, стб. 2228; т. 3, стб. 3285). Иначе говоря, лексемой *хамнатар* изначально мог обозначаться кожаный кумысный сосуд небольшого объема, который могли таскать, привязав, на лошадях. Разница в семантике лексем вырисовывается в апотропеическом выражении *хамнатан эрэр* ‘начинает вымнеть (о корове, которая раньше уже телилась)’ (Пекарский, 1959, т. 3, стб. 3285), букв. ‘плод уже начинает шевелиться в утробе’. Более чем вероятно, что глагол *хамна-*

тар (*хамныыр*) обозначает движение внутри чего-либо, в каком-то ограниченном пространстве, за пределами которого (в значении 'взбалтывание кумыса мутовкой в сосуде') он не проявляется. Присутствие равнозначных сложных терминов *кымыс хамнатар* и *кымыс хамсатар* можно объяснить нивелированием тонкой грани данной коннотации в современном якутском языке, изменениями в сторону расширения семантики.

Состав данной микрогруппы *ытык* 'мутовка; мешалка' объединяется на основе общей семантики. Несмотря на узколокальность некоторых наименований, внешняя форма наименований мутовок указывает на семантику с одним общим значением. Номинация чаще всего является проекцией внешней формы мутовки: круглая, крестовая, ветвистая. Данный факт был отмечен еще в первых этнографических трудах: «...якутки большие мастерицы сбивать сливки (кёрчях или кюёрчяхъ), для приготовления которых в якутских хозяйствах имеется целый ряд мутовок весьма разнообразных форм» [Маак, 1887, с. 53]. В форме мутовки проецируется скотоводческая культура якутов: «Мутовка обычно делается в форме лошадиного копыта» [Иохельсон, 2015, с. 43–44, 56].

Форма мутовки соответствует и движениям мутовки (взбивание; взбалтывание; сбалтывание; размешивание; смешивание; пахтанье; вспенивание). С учетом дифференциальных семантических признаков можно выделить наименования мутовок по *функции*: для сбалтывания кумыса; для взбивания жидких сливок; для сбивания (пахтанья) масла, сметаны; для приготовления суората; для взбалтывания жидкой пищи; многофункциональная; по *материалу*: деревянные; роговые; волосяные; по *форме*: круглые – ребристый диск в отверстиями (для взбивания жидких сливок); круглые – дискообразные (для взбивания жидких сливок – *түү күүрчэх*); ветвистые, крестообразные (для пахтанья масла, сметаны, для размешивания жидких супов); цилиндрические – по форме рога коровы (для пахтанья масла, сметаны, для приготовления суората).

Отглагольное имя *ытый* + *ыы* выступает как общий знаменатель, но, имея различные коннотации, отличается фонетическим оформлением лексических единиц, близких по значению: *булкуй* 'взбалтывать, размешивать чем-л., что-л., добываясь равномерного смешения состава, мешать' (ТСЯЯ, 2005, с. 498); *ытый* 'круговыми движениями сбивать что-л. (например, сливки, кумыс) мутовкой' (БТСЯЯ, 2017, с. 555–556); *шурт* 'взбивать масло из сливок или сметаны' (ТСЯЯ, 2006, с. 580). Принцип номинации по функции предмета можно отследить в большинстве вариантов наименований мутовки в тюркских языках, где наименования от формы *быш-*, являются не только основой лексемы, но и обозначают движение: 1) существительное с аффиксом *-қақ* в орудийном значении – *биш-кек* кирг.; *бйшкэк*, *башк.*, *пйшкэк*, тат.; *пискек*, ккал.; *пйскек*, казах. в значении 'большая мешалка для взбалтывания масла или кумыса'; ккал. мешалка для взбалтывания кумыса, казах.; пахталка, тат., баш. 2) суц. с аффиксом *-қы* также в орудийном значении – *бышқы*, алт., тув.; *пысхы*, хакас.; мешалка, которою взбалтывают кумыс, алт.; мешалка, которою мешают, взбалтывают айран или сбивают масло, хакас. (Севортыян, 1978, с. 310).

Анализируя материалы словарей тюркских и монгольских языков, можно отметить, что семантическое ядро в значении 'мутовка; мешалка' в некоторых случаях раскрывается с помощью периферийных лексем, обозначающих назначение мутовки и названия продуктов (блюд), которые приготавливаются с помощью мутовки. Тюркские наименования мутовок мы приводим в качестве дополнительного материала, который может быть использован при составлении темати-

ческого справочника наименований мутовок: в алтайском языке: *пышкы* ‘мешалка, которою взбалтывают кумыс’ (Вербицкий, 1884, с. 280); в башкирском языке: *болгауыс, бешкэк*; ‘мутовка’ (РБС, 2005, с. 589); «...кумыс взбалтывался особыми мешалками (бешкэк)... Такой *бешкэк* обычно выделывался из цельного дерева: древко – из его ствола, круга – из корня. Иногда круг заменялся крестовиной» [Руденко, 2006, с. 117, 118]; в казахском языке: *бұлғауыш; піскек* ‘сбивать масло мутовкой; синон. ‘венчик, сбивалка’ *піскек* ‘мутовка’¹; в киргизском языке: *бишкек* ‘мутовка для взбивания кумыса’ (КРС, 1985, с. 137); в татарском языке: *болгаткыч, туглагыч* ‘мутовка (приспособление для взбалтывания)’ (РТС, 1997, с. 274). Существуют диалектные варианты наименований мутовки в татарском языке, схожих с якут. *ытык*: «*аты* в касимовском, *аталавыч / атавыч* в мензелинском, *аталавыч / атлавыч* в нагайбакском, *тықыгыч / тақавыч* в говоре пермских татар (...) мотивационным признаком которых является действие, производимое при выделке масла, *атла-* ‘пахтать’ + афф. *-выч*; *аталауч* ‘мешалка для пахтанья масла’, *атлавыч* ‘пахтальник, пест, пахталка, пахтальная мутовка» (БЛТЯ, 2000, с. 25, 26); *атлавыч, атлагыч* ‘пахтальник, мутовка’ (ТРС, 2002, с. 40, 41); *атла [u]* ‘бить, пахтать маслом’; *атлауыс* ‘пахталка’ (ТРС, 1931, с. 28); в телеутском языке: *қалбуш* ‘мешалка’ [Языковая картина мира телеутов, 2016, с. 31]; в тувинском языке: «Масло (ўс) (...) сбивают... при помощи деревянной мутовки (*пышкы*)» [Потапов, 1969, с. 174]; в хакасском языке: *пысхы* ‘мешалка, которой мешают, взбалтывают айран или сбивают масло’ (ХРС, 1953, с. 171); «Прибором для взбития молока служила специальная длинная палочка, которая и носила название *корчик* (иногда, правда, ее называли “орчих” – веретено)...» [Хоорай ас-тамахтары, 1994, с. 8] и др.

Тюркоязычное семантическое ядро *биһэйэйэх, бэһизэйэх*, вероятно, имеет общую с *биһээл* ‘утомительный, кажущийся бесконечным (о работе, занятии)’ сему *бис-*: перен. ‘много раз говорить, повторять одно и то же’ (ТСЯЯ, 2005, с. 340, 332), что соответствует основам *быш-*, *бус-*, *пыш-* ‘становиться / быть готовым для употребления в пищу’, ‘доходить до состояния пригодности в пищу’ (Севортян, 1978, с. 163).

Названия мутовок в монгольских языках представлены, скорее всего, с основой *бүл-*: *бүлүүр, бүлүр, бүлх, бүлэх, буллһн* и т. д. [Бальжинимаева, 2018, с. 94]. В якутском языке имеются глаголы *булкуй* ‘взбалтывать, размешивать чем-л., что-л., добиваясь равномерного смешения состава, мешать’, *былаа* ‘смешивать что-либо, с чем-либо’ (говорится о смешивании и жидких, и твердых пищевых составов) (ТСЯЯ, 2005, с. 498, 684), также блюда, названия которых указывают на способ их приготовления: *былаабыт*, инд. ‘блюдо из измельченной юколы, залитой рыбьим жиром’ (ДСЯЯ, 1976, с. 76).

Выводы

Диалектные наименования якутской мутовки *биһэйэйэх, бэһизэйэх* во многом восходят к общетюркской семе *быш-* (*биш-*, *пыш-*, *пыс-*), включающей и предметное, и функциональное обозначение, например: якут. *бус-* ‘вариться’; *буһук* или *буһуу арыы, оргуйбут арыы* ‘топленое масло’.

¹ Русско-казахский словарь. URL: <https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/ru/kk/мутовка> (дата обращения 23.04.2020).

Наименования *билиэр, бэлиэр, билиир, бириэл, бұлүүр*, возможно, тяготеют к наименованиям традиционной кумысной мутовки в монгольских языках: *бүлүүр, бүлүр, бүлх, бүлэх, буллһн*. Более чем вероятно, что эти наименования происходят (восходят к глаголам) от глаголов *булкуй* ‘взбалтывать, размешивать чем-л., что-л., добиваясь равномерного смешения состава, мешать’, *былаа* ‘смешивать что-либо, с чем-либо’ (говорится о смешивании и жидких, и твердых пищевых составов) (ТСЯЯ, 2005, с. 498, 684).

Наименования с общей семантикой *взбивать, взбалтывать, смешивать, готовить, вспенивать* имеют единичные случаи схождения в тюркских и монгольских языках, а большинство рассмотренных лексем, скорее всего, сформировалось на якутской почве.

Выявлена полисемия, обусловленная связью по функции (*удьаа, бадьаа*) и по смежности (*бэһизэйэх*).

В качестве описаний группы были выделены микрогруппы с учетом дифференциальных семантических признаков (по форме, функциональные, по материалу).

Дальнейшее изучение данной микрогруппы может раскрыть лексические схождения тюркских и монгольских языков в бытовой лексике (например, в названиях кумысной посуды и утвари), которые еще остаются не до конца изученными.

Список сокращений

абый. – абыйский говор, алт. – алтайский язык, амг. – амгинский говор, афф. – аффикс, баш. – башкирский язык, бод. – говор бодайбинских якутов Иркутской области, букв. – буквально, верх. – верхоянский говор, верх.-кол. – верхнеколымский говор, вил. – вилюйский говор, горн. – горный говор, диал. – диалектное слово, жиг. – жиганский говор, зпвг. – заречный подговор вилюйского говора, инд. – индигирский говор, казах. – казахский язык, ккал. – каракалпакский язык, кирг. – киргизский язык, коб. – кобяйский говор, кол. – колымский говор, кол. рус. – колымский говор русского языка, лен. – ленский говор, м.-канг. – мегино-хангаласский говор, монг. п. – монгольский письменный язык, нам. – намский говор, нюрб. – нюрбинский говор, ойм. – оймяконский говор, олекм. – олекминский говор, перен. – переносное значение, сад. – садынский подговор сунтарского говора, сакк. – саккырырский подговор верхоянского говора, синон. – синоним, ср.-кол. – среднеколымский говор, стб. – столбец, сунт. – сунтарский говор, тат. – татарский язык, татт. – таттинский говор, токк. – токкинский говор, тув. – тувинский язык, тюрк. – тюркский язык, устар. – устаревшее, усть-алд. – усть-алданский говор, усть-янск. – усть-янский говор, хакас. – хакасский язык, чур. – чурапчинский говор, эвф. – эвфемизм, якут. – якутский язык.

Список литературы

Антонов Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1971. 175 с.

Афанасьева Е. Н. Историческое развитие лексического состава якутского языка: Учеб. пособие. Якутск: ИД СВФУ, 2019. 92 с.

Бальжинимаева Б. Д. Традиционная ремесленная лексика в монгольских языках: сравнительно-исторический аспект / Отв. ред. В. И. Рассадин. Элиста: Джангар, 2018. 198 с.

Боло С. И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену: по преданиям якутов бывшего Якутского округа. Якутск: Бичик, 1994. 352 с.

Готовцева Л. М. Лексика традиционной одежды саха в текстах олонхо // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2016. № 3 (16). С. 95–101.

Иванов С. А. Лексические особенности говоров якутского языка. Новосибирск: Наука, 2017. 392 с.

Иохельсон В. И. Кумысный праздник и декоративное оформление кумысных сосудов / Сост. В. Коротов. Якутск: СМИК-Мастер. Полиграфия, 2015. 88 с.

Коркина Е. И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. Новосибирск: Наука, 1992. 270 с.

Маак Р. К. Вилуйский округ Якутской области. СПб.: Тип. и хромолит. А. Граншеля, 1887. Ч. 3. 192 с.

Попов В. Г. Названия видов старинного якутского наступательного холодного оружия как объекта сравнительного исследования // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2019. № 1 (26). С. 106–116.

Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Тув. науч.-исслед. ин-т яз., литературы и истории. М.: Наука, 1969. 402 с.

Руденко С. И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.

Саввин А. А. Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии). Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2005. 376 с.

Троцанский В. В., Пекарский Э. К. Якуты в их домашней обстановке: этнографический очерк. II. Из якутской старины: старые писатели о якутах. СПб.: Тип. Мин-ва пут. сообщ. (тов. И. Н. Кушнерев и К), 1909. 32 с.

Языковая картина мира телеутов: Монография / Л. А. Араева и др.; Кем. гос. ун-т. Кемерово, 2016. 237 с.

Багдарыын Сүлбэ. Аал уоту оттунан (Думы у очага) / Талылыбыт үлэлэр. Дьокуускай: Бичик, 2013. Т. 2. 544 с. (на якут. яз.)

Федоров Е. Е. Өбүгэлэрбит өлбөт-сүппэт үйэлээх үгэстэрэ (Древние традиции наших предков) / Сост. В. В. Илларионов. Дьокуускай: Бичик, 2011. 256 с. (на якут. яз.)

Хоорай ас-тамахтары (Национальные блюда хакасов). Абакан: Хакасия, 1994. 32 с. (на хакас. яз.)

Список словарей

БТСЯЯ, 2008 – Большой толковый словарь якутского языка: В 15 т. / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2008. Т. 5 (Буква К: күөлэһис гын – кээчэрэ). 616 с.

БТСЯЯ, 2012 – Большой толковый словарь якутского языка: В 15 т. / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2012. Т. 9 (Буква С – сөллөй – сээн, буква Ы) 630 с.

БТСЯЯ, 2014 – Большой толковый словарь якутского языка: В 15 т. / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2014. Т. 11 (Буква Т: төтөллөөх – тээтэннээ). 528 с.

- БТСЯЯ, 2015 – Большой толковый словарь якутского языка: В 15 т. / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2015. Т. 15 (Буква Э). 576 с.
- БТСЯЯ, 2016 – Большой толковый словарь якутского языка: В 15 т. / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2016. Т. 9 (Буква Х). 639 с.
- БТСЯЯ, 2017 – Большой толковый словарь якутского языка: В 15 т. / АН Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед.; под общ. ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2017. Т. 14 (Буквы Ч–Ы). 589 с.
- БЛТЯ – Бытовая лексика татарского языка (посуда, утварь, предметы домашнего обихода). Казань: Фикер, 2000. 128 с.
- Вербицкий В. И.* Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань: Православ. миссионер. об-во, 1884. IV. 494 с.
- Воронкин М. С.* Диалектная система языка саха: образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. Новосибирск: Наука, 1999. 197 с.
- ДАЯЯ – Диалектологический атлас якутского языка: сводные карты / Сост. С. А. Иванов; отв. ред. П. А. Слепцов. Новосибирск: Наука, 2010. Ч. 2: Морфология и лексика. 178 с.
- ДСЯС – Диалектологический словарь языка саха: Дополнительный том / Сост. М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. Новосибирск: Наука, 1995. 296 с.
- ДСЯЯ – Диалектологический словарь якутского языка: Содержит свыше 8 500 слов / Сост. П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев; АН СССР, Якут. филиал Сиб. отд-ния, Ин-т яз., литературы и истории. М.: Наука, 1976. 392 с.
- КРС – Киргизско-русский словарь: В 2 кн. Около 40 000 слов / Сост. К. К. Юдахин. Фрунзе: Гл. ред. Кирг. Сов. энциклопедии, 1985. Кн. 1: А–К. 504 с.
- КЯРРЯС – Краткий якутско-русский, русско-якутский словарь: Учеб. словарь / Сост. Т. И. Петрова. Якутск: Бичик, 2015. 576 с.
- Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. 2-е изд. Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 1. 1278 стб.; Т. 2. 2010 стб.; Т. 3. 3858 стб.
- РБС – Русско-башкирский словарь: В 2 т. / Под ред. З. Г. Ураксина. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. Т. 1: А–О. 808 с.
- РТС – Русско-татарский словарь: ок. 47 000 слов / Э. М. Ахунзянов, Р. С. Газизов, Ф. А. Ганиев и др.; под ред. Ф. А. Ганиева. 4-е изд., испр. М.: ИНСАН, 1997. 720 с.
- Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. 349 с.
- ТРС, 2002 – Татарско-русский словарь: 25 000 слов / И. А. Абдуллин, Ф. А. Ганиев, М. Г. Мухамадиев, Р. А. Юналеева; под ред. Ф. А. Ганиева. Казань: Тат. кн. изд-во, 2002. 488 с.
- ТРС, 1931 – Татарско-русский словарь / М. Курбангалеев, Р. Газизов, И. Кулеев. 2-е изд., испр. и доп., снабженное кратким орфогр. и грамMAT. справ. Казань: Татиздат, 1931. 411 с.
- ТСЯЯ, 2005 – Толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2005. 912 с. (Буква Б).
- ТСЯЯ, 2006 – Толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2006. 844 с. (Буквы Г, Д, Дь, И).
- ХРС – Хакасско-русский словарь: около 14 000 слов с прилж. очерка «Хакасский язык» / Сост. Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул; под ред. Н. А. Баскакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. 488 с.
- ЯРС – Якутско-русский словарь: 25 300 слов / Под ред. П. А. Слепцова. М.: Сов. энциклопедия, 1972. 608 с.

References

- Afanas'eva E. N. *Istoricheskoe razvitie leksicheskogo sostava yakutskogo yazyka: Ucheb. posobie* [Historical development of the lexical composition of the Yakut language: Tutorial]. Yakutsk, NIFU Publ. H., 2019, 92 p.
- Antonov N. K. *Materialy po istoricheskoy leksike yakutskogo yazyka* [Materials on the historical vocabulary of the Yakut language]. Yakutsk, Yakut. kn. Izd., 1971, 175 p.
- Bagdaryyn Sylbe. *Aal uotu ottunan: Talylybyt yleler* [Thoughts at the hearth: Selected works]. D'okuuskay, Bichik, 2013, vol. 2, 544 p.
- Bal'zhinimaeva B. D. *Traditsionnaya remeslennaya leksika v mongol'skikh yazykakh: sravnitel'no-istoricheskiy aspekt* [Traditional handicraft vocabulary in Mongolian languages: a comparative historical aspect]. V. I. Rassadin (Ed. in Ch.). Elista, Dzhangar, 2018, 198 p.
- Bolo S. I. *Proshloe yakutov do prikhoda russkikh na Lenu: Po predaniyam yakutov byvshego Yakutskogo okruga* [The past of the Yakuts before the Russians came to the Lena: According to the legends of the Yakuts of the former Yakutsk district]. Yakutsk, Bichik, 1994, 352 p.
- Fedorov E. E. *Obygelerbit elbet-syppet yyeleekh ygestere* [Ancient traditions of our ancestors]. V. V. Illarionov (Comp.). D'okuuskay, Bichik, 2011, 256 p.
- Gotovtseva L. M. *Leksika traditsionnoy odezhdy sakha v tekstakh olonkho* [The vocabulary of traditional Sakha clothing in olonkho texts]. *Severo-vostochnyy gumanitarnyy vestnik*. 2016, no. 3 (16), pp. 95–101.
- Iokhel'son V. I. *Kumysnyy prazdnik i dekorativnoe oformlenie kumysnykh sosudov* [Kumis festival and decorative design of kumis vessels]. V. Korotov (Comp.). Yakutsk, SMIK-Master. Poligrafiya, 2015, 88 p.
- Ivanov S. A. *Leksicheskie osobennosti govorov yakutskogo yazyka* [Lexical features of the dialects of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2017, 392 p.
- Khooray as-tamakhtary* [Khakass national dishes]. Abakan, Khakasiya, 1994, 32 p.
- Korkina E. I. *Severo-vostochnaya dialektnaya zona yakutskogo yazyka* [North-eastern dialectal zone of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 1992, 270 p.
- Maak R. K. *Vilyuyskiy okrug Yakutskoy oblasti* [Vilyui district of the Yakutsk region]. St. Petersburg, Tip. i khromolit. A. Transhelya, 1887, pt. 3, 192 p.
- Popov V. G. *Nazvaniya vidov starinnogo yakutskogo nastupatel'nogo kholodnogo oruzhiya kak ob'ekta sravnitel'nogo issledovaniya* [The names of the types of the old Yakut offensive edged weapons as an object of comparative research]. *Severo-vostochnyy gumanitarnyy vestnik*. 2019, no. 1 (26), pp. 106–116.
- Potapov L. P. *Ocherki narodnogo byta tuvintsev* [Essays on the folk life of Tuvans]. AN SSSR. In-t etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaya. Tuvin. nauch.-issled. in-t yaz., literatury i istorii. Moscow, Nauka, 1969, 402 p.
- Rudenko S. I. *Bashkiry: Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Bashkirs: Historical and ethnographic sketches]. Ufa, Kitap, 2006, 376 p.
- Savvin A. A. *Pishcha yakutov do razvitiya zemledeliya (opyt istoriko-etnograficheskoy monografii)* [Food of the Yakuts before the development of agriculture (the experience of a historical and ethnographic monograph)]. Yakutsk, IGI AN RS (Ya), 2005, 376 p.
- Troshchanskiy V. V., Pekarskiy E. K. *Yakuty v ikh domashney obstanovke: etnograficheskiy ocherk. II. Iz yakutskoy stariny: starye pisateli o yakutakh* [Yakuts in their home environment: an ethnographic sketch. II. From Yakut antiquity: old writers about

the Yakuts]. St. Peterburg, Tip. M-va put. soobshch. (tov. I. N. Kushnerev i K), 1909, 32 p.

Yazykovaya kartina mira teleutov: Monografiya [The linguistic picture of the Teleut world: Monograph]. L. A. Araeva et al. Kem. gos. univ., Kemerovo, 2016, 237 p.

List of dictionaries

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka: V 15 t. [Comprehensive explanatory dictionary of the Yakut language: In 15 vols.]. P. A. Sleptsov (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2008, vol. 5: (Letter K: kyølehis gyn – keechere), 616 p.

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka: V 15 t. [Comprehensive explanatory dictionary of the Yakut language: In 15 vols.]. P. A. Sleptsov (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2012, vol. 9: (Letter S – sөллөй – seen, bukva h), 630 p.

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka: V 15 t. [Comprehensive explanatory dictionary of the Yakut language: In 15 vols.]. P. A. Sleptsov (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2014, vol. 11: (Letter T: tötöllөөkh – teeternee), 528 p.

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka: V 15 t. [Comprehensive explanatory dictionary of the Yakut language: In 15 vols.]. P. A. Sleptsov (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2016, vol. 9: (Letter Kh), 639 p.

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka: V 15 t. [Comprehensive explanatory dictionary of the Yakut language: In 15 vols.]. AN Resp. Sakha (Yakutiya), In-t gumanit. issled. P. A. Sleptsov (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2017, vol. 14 (Letters Ch–Y), 589 p.

Bytovaya leksika tatarskogo yazyka (posuda, utvar', predmety domashnego obikhoda) [Household vocabulary of the Tatar language (dishes, utensils, household items)]. Kazan, Fiker, 2000, 128 p.

Dialektologicheskij atlas yakutskogo yazyka: (svodnye karty) [Dialectological atlas of the Yakut language: (summary maps)]. S. A. Ivanov (Comp.). P. A. Sleptsov (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2010, pt. 2: Morfologiya i leksika [Morphology and vocabulary], 178 p.

Dialektologicheskij slovar' yazyka sakha: Dopolnitel'nyy tom [Sakha dialectological dictionary: Supplementary volume]. M. S. Voronkin, M. P. Alekseev, Yu. I. Vasil'ev (Comps.). Novosibirsk, Nauka, 1995, 296 p.

Dialektologicheskij slovar' yakutskogo yazyka: Soderzhit svyshe 8500 slov [Dialectological dictionary of the Yakut language: Includes more than 8,500 words]. P. S. Afanas'ev, M. S. Voronkin, M. P. Alekseev (Comps.). AN SSSR, Yakut. filial Sib. otdniya, In-t yaz., literatury i istorii. Moscow, Nauka, 1976, 392 p.

Khakassko-russkiy slovar': okolo 14 000 slov s prillzh. ocherka "Khakasskiy yazyk" [Khakass-Russian dictionary: about 14,000 words with the appended essay "Khakassian language"]. N. A. Baskakov, A. I. Inkizhekova-Grekul (Comps.), N. A. Baskakov (Ed.). Moscow, Gos. izd. inostr. i nats. slovarey, 1953, 488 p.

Kirgizsko-russkiy slovar': V 2 kn. Okolo 40 000 slov [Kyrgyz-Russian dictionary: In 2 bks. About 40 000 words]. K. K. Yudakhin (Comp.). Frunze, Gl. red. Kirg. Sov. entsiklopedii, 1985, bk. 1: A–K, 504 p.

Kratkiy yakutsko-russkiy, russko-yakutskiy slovar': Ucheb. Slovar' [Concise Yakut-Russian, Russian-Yakut dictionary: Training dictionary]. T. I. Petrova (Comp.). Yakutsk, Bichik, 2015, 576 p.

Pekarskiy E. K. *Slovar' yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut language]. 2nd ed. Leningrad, AN SSSR, 1959, vol. 1, 1278 stb., vol. 2, 2010 stb., vol. 3, 3858 stb.

Russko-bashkirskiy slovar': V 2 t. [Russian-Bashkir dictionary: In 2 vols.]. Z. G. Uraksin (Ed.). Ufa, Bashkirskaya entsiklopediya, 2005, vol. 1: A–O, 808 p.

Russko-tatarskiy slovar': ok. 47 000 slov [Russian-Tatar dictionary: About 47 000 words]. E. M. Akhunzyanov, R. S. Gazizov, F. A. Ganiev et al., F. A. Ganiev (Ed.). 4th ed. rev. Moscow, INSAN, 1997, 720 p.

Sevortyan E. V. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu "B"* [Etymological Dictionary of Turkic Languages. Common Turkic and inter-Turkic bases with the letter "B"]. Moscow, Nauka, 1978, 349 p.

Tatarsko-russkiy slovar': 25 000 slov [Tatar-Russian dictionary: 25000 words]. I. A. Abdullin, F. A. Ganiev, M. G. Mukhamadiev, R. A. Yunaleeva; F. A. Ganiev (Ed.). Kazan, Tat. kn. izd, 2002, 488 p.

Tatarsko-russkiy slovar' [Tatar-Russian dictionary]. prof. M. Kurbangaleev, R. Gazizov, I. Kuleev (Comps.). 2nd ed., revised and expanded, supplied with a brief orthographic and grammatical reference. Kazan, Tatizdat, 1931, 411 p.

Tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Explanatory dictionary of the Yakut language]. P. A. Sleptsov (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2005, 912 p. (Letter B).

Tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Explanatory dictionary of the Yakut language]. P. A. Sleptsov (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2006, 844 p. (Letters G, D, D', I).

Verbitskiy V. I. *Slovar' altayskogo i aladagskogo narechiy tyurkskogo yazyka* [Dictionary of the Altai and Aladag dialects of the Turkic language]. Kazan, Pravoslav. missioner. ob-vo, 1884, IV, 494 p.

Voronkin M. S. *Dialektnaya sistema yazyka sakha: obrazovanie, vzaimodeystvie s literaturnym yazykom i kharakteristika* [The dialect system of the Sakha language: formation, interaction with the literary language and characterization]. Novosibirsk, Nauka, 1999, 197 p.

Yakutsko-russkiy slovar': 25 300 slov [Yakut-Russian dictionary: 25 300 words]. P. A. Sleptsova (Ed.). Moscow, Sov. entsiklopediya, 1972, 608 p.

Информация об авторе

Egor Revolyevich Nikolaev, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия)

Information about the author

Egor R. Nikolaev, Candidate of Philology, Researcher at the Department of Yakut Language of the Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 06.01.2022;
одобрена после рецензирования 17.05.2022; принята к публикации 17.05.2022
The article was submitted on 06.01.2022;
approved after reviewing on 17.05.2022; accepted for publication on 17.05.2022*

Научная статья

УДК 81'37(=512.36)

DOI 10.17223/18137083/83/16

Значения прилагательного *алаг* / *ала* в бурятском и хакасском языках (на примере эпических произведений)

Екатерина Владимировна Сундуева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Улан-Удэ, Россия

sundueva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2299-3384>

Аннотация

Представлены результаты сопоставительного анализа семантической структуры бурятского прилагательного *алаг* и хакасского *ала* на материале эпических произведений, позволяющих наиболее полно раскрыть семантическое пространство лексических единиц. Особое внимание уделяется межсловным связям в языке эпоса, позволяющим выявить мотив номинации. Новизна исследования видится в установлении таких новых значений прилагательного *алаг*, как 'блестящий', 'беспокойный', 'мутный', не представленных в монголоязычно-русских словарях. Автор останавливается на вопросе первичности и вторичности значения, имеющем большую значимость при изучении семантических переходов внутри полисеманта.

Ключевые слова

бурятский язык, хакасский язык, прилагательное, семантика, эпос, словосочетание, номинация

Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9)

Для цитирования

Сундуева Е. В. Значения прилагательного *алаг* / *ала* в бурятском и хакасском языках (на примере эпических произведений) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 208–220. DOI 10.17223/18137083/83/16

Meanings of adjectives *alag* and *ala* in the Buryat and Khakas languages (a case study of epic works)

Ekaterina V. Sundueva

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

sundueva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2299-3384>

Abstract

This paper presents a comparative analysis of epic works aimed at examining the semantic structures of two adjectives, *alag* in Buryat and *ala* in Khakas. The analysis findings provide

© Сундуева Е. В., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 208–220

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 208–220

a comprehensive picture of the semantic space of the words under study. Special attention is paid to word-to-word connections in the epic language, allowing the nomination motive to be identified. This study has contributed to uncovering the new meanings of the adjective *alag*, namely “brilliant,” “anxious,” and “dulled,” which are not specified in Mongolian-Russian dictionaries. The issue of the primary and secondary meanings is considered to be crucial in studying the semantic transitions within a polysemant. It is suggested that the meaning of “motley” was derived from the meaning “brilliant,” referring to the predominance of light spots or stripes. The word *alag* is assumed to have combined with the synonyms *erēn* “variegated” and *sōhor* “motley” in the epos language after losing the supposed primary meaning “brilliant.” Identifying the common meaning of “shining” in Turkic-Mongolian epic reflects the peculiarities of the national-cultural worldview of related peoples. The language representation of perceptual information is regarded as a result of the primary stage of self-knowledge, reflecting the mental-psychological and national-cultural specificity of Turkic-Mongolian people. Studying the semantic structure of the adjective *alag / ala* is expected to identify some general lines of the perceptual information implementation in Turkic and Mongolian languages.

Keywords

Buryat language, Khakas language, adjective, semantics, epos, phrase, nomination

Acknowledgements

The research was conducted within the state assignment (the project “Man’s World in Mongolian Languages: Analysis of Expressive Means of Emotional Breadth”, no. 121031000258-9)

For citation

Sundueva E. V. Meanings of adjectives *alag* and *ala* in the Buryat and Khakas languages (a case study of epic works). *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 208–220. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/16

Введение

С развитием всесторонних контактов между народами и углублением взаимодействия их языков большое значение приобретает исследование особенностей лексико-семантической системы сопоставляемых языков. Цель данной работы заключается в выявлении семантической структуры прилагательного *алаг / ала* в языке бурятского эпоса «Гэсэр» и хакасских эпосов «Ай-Хуучин» и «Алтын-Арыг», в которых ярко проявляются его значения. Актуальность исследования заключается в отсутствии специальных работ, посвященных выявлению значений прилагательного *алаг / ала* на материале эпических произведений. Рассмотрение в этой статье особенностей сочетания данного слова в бурятском и хакасском языках будет способствовать выявлению стратегии номинации в этих языках, разработке методов перевода фольклорных текстов на русский язык.

В бурятском языке прилагательное *алаг* имеет значения ‘полосатый, белобокий, пегий; неоднородный’ (БРС, I, с. 49), п.-монг. *alay* ‘пестрый, разноцветный, испещренный, полосатый, пегий’ (Kowalewski, 1849, с. 74), монг. *алаг* ‘пегий, пестрый; разномастный; разноцветный, переливающийся всеми цветами; неоднородный’ (БАМРС, I, с. 69), калм. *алг* ‘пестрый, полосатый; белобокий; пегий’ (КРС, 1977, с. 33); ойр. Синьцз. *алаг* ‘пестрый; пегий; мраморный (о мясе); неоднородный’ (СЯОС, 2001, с. 25), орд. *алаг*, мог. *alō*, дагур. *alag, alahe*, баоань. *aləG*, ж.-уйг. *alag*, монгор. *alaG* ‘пестрый’ (EDAL, 2003, р. 291). В хакасском языке прилагательное *ала* означает ‘пегий, пестрый’ (ХРС, 2006, с. 48).

Г. Дёрфер полагает, что монгольские формы были заимствованы из тюркских и восходят к «димиутивной вторичной форме». Эту точку зрения поддерживает И. В. Кормушин: «Возможно, здесь действительно существовала какая-то вторич-

ная тюркская форма на гуттуральный, как показывают дериваты со значением ‘поляна’ и как свидетельствует параллелизм форм узб. *ола кез* ‘выпученные глаза’, кирг. *алак* ‘выпученный (о глазах)’; во всяком случае, отсутствие в монгольском архаичных значений образного характера говорит в пользу признания этого слова тюркским заимствованием, достаточно давним, чтобы оно могло укорениться и в монгольских, и в тунгусо-маньчжурских, куда проникло из монгольских» [Сравнительно-историческая грамматика..., 2001, с. 607]. В «Этимологическом словаре алтайских языков» протомонг. *алау* сопоставляется с прототюрк. **āla* ‘пестрый’ с пометой о том, что «нет причин считать лексему *алаг* тюркским заимствованием (вопреки мнению Г. Дёрфера, А. М. Щербака), еще менее вероятен переход из монгольских в тюркские языки (вопреки У. Розички)» (EDAL, 2003, р. 291). Отметим, что Э. В. Севортян на основании отсутствия в тюркских языках формы с -у считает, что «тюркская и монгольская формы независимы друг от друга, но имеют общий источник» (ЭСТЯ, 1974, с. 130).

В тунгусо-маньчжурских языках представлены эвенк. *ала* ~ *алау* ‘пестрый, пятнистый, пегий, белобокий’, сол. *ал̄у* ‘пегий’, эвен. *ала* ‘пестрый’, ульч. *ал̄а* ‘пестрый’, ороч. *алаха* ‘пестрый’, нан. *ал̄а* ‘пестрый, пегий’, маньчж. *ал̄а*, *ал̄аңга* ‘пестрый’, *ал̄ата* ‘пестрый; пестрота; неровно, не гладко; изредка, иногда» (ССТМЯ, 1975, с. 27). Эти прилагательные большинством исследователей признаются заимствованиями из монгольских языков. Согласно мнению Г. Н. Чимитдоржиевой, тунгусо-маньчжурские, тюркские и монгольские формы относятся к предполагаемому общеалтайскому лексическому пласту [Чимитдоржиева, 2012, с. 26].

На наш взгляд, все формы действительно могли развиваться независимо друг от друга, поскольку идея блеска, свечения передается с помощью сонантов *l / l'* в языках алтайской общности и не только, что представляет собой языковую универсалию. «Акустико-артикуляционные свойства переднеязычного смычно-бокового сонанта *l* подходили для вербализации свечения, блеска в связи с тем, что ровные, непрерывные лучи света соотносились в сознании людей с плавным течением воздуха по обе стороны языка при артикуляции согласного *l*» [Сундуева, 2019, с. 61].

1. Семантика прилагательного бур. *алаг*

1.1. **Значение ‘пестрый’.** Прилагательное *алаг / ала* активно используется в качестве эпитета не только в эпическом, но и в лирическом жанре фольклора тюрко-монгольских народов. Для выявления семантической структуры прилагательного *алаг* в данной работе нами рассмотрены тексты бурятского «Гэсэра». Зачастую оно выступает в сочетании с синонимами *эреэн* ‘пестрый, пестроцветный; неоднородный’, *соохор* ‘пестрый’, также оно сочетается с прилагательными *ехэ* ‘большой’, *хани* ‘диал. царственный, большой’.

В эхирит-булагатском варианте эпоса «Абай Гэсэр-хубун», записанном Ц. Жамсарано у М. Имегенова, прилагательное *алаг* встречается 14 раз в своем основном значении ‘пестрый’, из них с существительным *саархай* ‘бумага’ – 8 раз, с *саазгай* ‘сорока’ – 4 раза, *бэшиг* ‘письмена’ – 1 раз и *үхэр* ‘бык’ – 1 раз. В примечаниях к словосочетанию *алаг эреэн саархай* М. П. Хомонов поясняет, что переводит его как ‘пестрая бумага’, желая «сохранить то понятие, какое вкладывается у бурят в отношении исписанных листов бумаги в противоположность *сагаан саархан* ‘белая бумага» (Абай Гэсэр-хубун, 1961, с. 212). А. Б. Соктоев

отмечает, что здесь имеется в виду образная характеристика исписанного листа бумаги (Абай Гэсэр могучий, 1995, с. 422). В комментариях к эпосу «Аламжи мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гоохон» М. И. Тулохонов пишет, что под *хара эрэн саархан* ‘черно-пестрая бумага’ «подразумевается... разлинованный лист бумаги или почтовая бумага, употреблявшаяся в прошлом для оформления и подачи прошений. Заполненная письменами бумага, пересылаемая по почте или доставляемая нарочным, по улигерному сюжету содержит наказ или весть, имеющие важное, порой решающее значение в разворачивании последующих событий и поворотах эпической биографии богатыря» (Бурятский героический эпос, 1991, с. 288).

В унгинском варианте Пёохона Петрова, записанном И. Н. Мадасоном и переведенном А. И. Улановым, прилагательное *алаг* без синонимов сочетается только с существительным *шаажгай* ‘сорока’ (11 раз) и переводится как ‘белобокая’. Например: *Алаг шаажгай / Гунан гутаар дайдые / Гурба эрьежэ ябана* (Абай Гэсэр, 1960, с. 111) ‘Белобокая сорока / Юную цветущую землю / Трижды облетает’.

В литературном своде Н. Г. Балдано «Абай Гэсэр Богдо хан» наиболее часто прилагательное *алаг* фигурирует в сочетании с существительным *шаазгай* ‘сорока’ (26 раз), далее следуют *нюдэн* ‘глаза’ (8 раз), *зүрхэн* ‘сердце’ (5 раз), *морин* ‘конь, лошадь’ (2 раза), *мэдээн* ‘сознание’ (1 раз). Форма *алаг* (*соохор*) впервые здесь встречается как обозначение масти коня: *Арын абсай хаанай / Алаг соохор морин / Гурбан хараанай газарта / Дуулин харайн ябаба* (Абай Гэсэр Богдо хан, 2007, с. 148) ‘Арын абсай хана / Пегий конь / На расстояние трех видимых пространств / Резво ускакал’.

1.2. Значение ‘блестящий’. В варианте Парамона Дмитриева, записанном Д. Хилтухиным, эпитет *алаг* используется лишь 4 раза в сочетании *алаг эрэн нюдэн*, где *нюдэн* – ‘глаза’, и дважды – в сочетании *алаг хара сааж*, где *сааж* – ‘коса’. В «Большом академическом монгольско-русском словаре» сочетание *алаг нүд* переведено как ‘очи карие’ (БАМРС, I, с. 69), бур. *алагхан нюдэншини* ‘черные глазки твой’ (БРС, I, с. 49). На наш взгляд, словосочетание *алаг нюдэн* следует переводить ‘очи ясные’. Учитывая возможность чередования *al / yal* (например, бур. *алаг ялаг* ‘местами, кое-где’), можно предположить, что *alay* и *yalayar*, *gīlayar* выражают одно и то же значение: ‘блестящий, сияющий’. В целом, значение ‘пестрый’ могло развиваться на основе значений ‘блестящий, сияющий, светлый’. Это подтверждает исследование С. В. Кезиной на материале индоевропейских языков: «Семы “пестрый” и “светлый, блестящий” древние, они, вероятно, присутствуют в семантической структуре цветовой лексемы изначально и указывают на предмет, цвет которого был положен в основу номинации» [Кезина, 2008, с. 231]. Как пишет М. В. Никитин, «производя разграничение значений многозначного слова... мы убеждаемся, что значения связаны друг с другом отношениями семантической деривации, что одно значение возникает из другого по определенным моделям семантического словопроизводства и что все они вместе образуют своими связями семантическую структуру слова» [Никитин, 1988, с. 66].

Бур. *алаг эрэнээр хараха* ‘смотреть сердито или злобно’ соотносимо с рус. *сверкать глазами* ‘выражать взглядом чувство гнева, возмущения’, разг. *зыркать* ‘бросать быстрые взгляды’. Монг. *алаг үзэх* и *алагчлах* ‘быть непостоянным, предвзятым, пристрастным (по отношению к кому-л., чему-л.); различать, дифференцировать’, п.-монг. *alayčilaqu* ‘быть различным, различествовать, разнствовать; быть непостоянну, нетверду’ (Kowalewski, 1849, с. 75), калм. *алгчлх* ‘быть пред-

взятым; быть односторонним в суждении' (КРС, 1977, с. 34), монг. *алуи булуй, алс булс* 'пристрастно, односторонне, из расположения', калм. *кенд болв чигн алг йовдл һарһх* 'выделять кого-л., покровительствовать кому-л. (в ущерб другим)', по сути, развились на основе значения 'смотреть на кого-л., сверкая глазами, т. е. сердито'. В туркменском языке *ала тутмак* означает 'выделять кого-л., покровительствовать кому-л. в ущерб другим' (ТРС, 1968, с. 39). Тот же мотив прослеживается в монг. *ялгах*, бур. *илгаха*, калм. *йилһх*, ойр. Синьцз. *илһаха* 'различать; отдавать, разбирать, сортировать'.

В таком случае отрывок из эпоса можно перевести следующим образом: *Саргал ноён абгынь / Алаг эрезэн нюдэниинь / Эрлзээжэ байба, / Алаг хара саажань / Ёдогоножо байба* (Дмитриев, 1953, с. 95) 'Дядюшки Саргал нойона / Огненно яркие глаза / Бешено сверкали, / Блестящая черная коса / Из стороны в сторону развевалась'.

На наш взгляд, значения 'явный, точный; отличный', выявляемые в якутском прилагательном *ала* 'пестрый', развились на основе этимона 'блестящий, яркий': *ала бааччы* 'особо явно', *ала бэлиэ* 'очень приметный', *ала туйгун* 'отменный, отличный' (ЯРС, 1972, с. 36).

1.3. Значение 'беспокойный'. В словосочетании *алаг зурх* 'досл. пестрое сердце' авторы БАМРС оставляют первый компонент без перевода 'сердечко' (БАМРС, I, с. 69), поскольку здесь действительно не подходит ни перевод 'пестрый', ни перевод 'ясный'. На наш взгляд, в данном случае *алаг* следует рассматривать с позиции внутренних ощущений. Его семантику проясняет сопоставление с корнем **bul*, давшим глагол монг. *булгил-*, бур. *булгил-*, калм. *бульгл-*, ойр. Синьцз. *бульгла-* 'прыгать, подпрыгивать, трепетать, сильно биться (о сердце), трепыхаться, волноваться', ср. также бур. Сел. *болгидо-* 'биться, трепетать (о сердце)'. Случаи чередования *al / bul* представлены в п.-монг. *алау булау* 'пестрый, полосатый' (Kowalewski, 1849, с. 74), монг. *алаг булаг* 'впережку', ойр. Синьцз. *алаг булаг* 'пестрый, разнообразный'. Подобное явление широко встречается в тюркских языках: *ala-bula, alali bulali, alaş bulaş, alabele* 'разноцветный; пегий; пестрый; разномастный' (ЭСТЯ, 1974, с. 130), также в маньчж. *алгари булгари, алха булха* 'пестрый, пятнистый, пегий; разноцветный; травчатый' (ССТМЯ, 1975, с. 27).

Учитывая вышесказанное, *алаг (эрезэн) зурхэн* можно перевести как 'бьющееся, беспокойное сердце', его использование призвано подчеркнуть эмоциональное напряжение эпического героя. Как отмечает С. В. Воронин, «звукосимволическая номинация широко действует не только в сенсорной, но и в эмоциональной сфере. На роль "эмоциональной окраски", "аффективных моментов", "чувственного тона", "эмоциональных факторов" указывают многие исследователи» [Воронин, 1982, с. 84]. Подтверждение этому зачастую звучит и в контексте: *Архан хара шүдхэрэй / Алаг эрезэн зурхэниинь / Баг-баг гэбэ, / Борьбынь сагаан шандааһан / Татаг-татаг гэбэ* (Абай Гэсэр Богдо хан, 2007, с. 250) 'Архан хара шүдхэра / Бешеное сердце / «Тук-тук» застучало, / Сухожилия на ногах / «Раз-раз» потянуло'. Добавление парного компонента *эрезэн* 'пестрый' в *алаг эрезэн зурхэн*, стало возможным благодаря тому, что «способность человека создавать единый образ индивидуального объекта, синтезируя в нем противоречивые впечатления... поистине удивительна» [Беляева, 2009, с. 64].

1.4. Значение 'мутный'. Наконец, рассмотрим использование прилагательного *алаг* как характеристики сознания героя, которая реализуется в форме субстантивного словосочетания *алаг соохор мэдээн*, а также в виде аналитической конст-

рукции *алаг соохор болохо*: *Атай-Улаан тэнгэри / Алаг соохор мэдээндээ / Амдан хүүрлэн захалба* (Абай Гэсэр Богдо хан, 2007, с. 76) ‘Атай-Улан тэнгэри, / Находьсь в полусознании, / Говорить начал’; *Абай Гэсэр хүүбүүн... / Арзын дээжэ амһажа, / Алаг соохор болобо* (Абай Гэсэр Богдо хан, 2007, с. 675) ‘Абай Гэсэр хубун... / Молочной водки когда отведал, / Сознание его помутнело’.

В «Бурятско-русском словаре» приведены формы *алаг соохор мэдээн* ‘полузабытье, полусознание’, *соохор дундаа* ‘в полузабытьи’, *соохорлохо* ‘временами терять сознание от опьянения’ (БРС, I, с. 49; БРС, II, с. 182). В данном случае значение *алаг* контаминирует со значениями форм монг. *балай*, бур. *балай*, калм. *бала* ‘мрачный, темный, беспросветный; помешанный, безумный’; монг. *балар*, бур. *балар*, калм. *балар*, ойр. Синьцз. *балар* ‘темный, мрачный’; монг. *элий балай* ‘бессознательное состояние; расстроенный, смущенный; сильно колеблющийся’. Следует отметить, что именно с данной позиции М. И. Тулохонов рассматривает сочетание *алаг эрээн нюдүүв*: «так описаны глаза героя, когда у него стало туманиться сознание от выпитого. Пример экспрессивной образной характеристики, переносящей ощущение («пестрит в глазах») на внешний вид предмета» (Бурятский героический эпос, 1991, с. 297).

В результате исследования языка вариантов эпоса «Гэсэр», записанных у разных сказителей, можно прийти к выводу, что эпитет *алаг* используется в следующих значениях: ‘пестрый, пегий’, ‘блестящий, сияющий (*о глазах, косе*)’, ‘беспойный (*о сердце*)’, ‘мутный, затуманенный (*о сознании*)’.

2. Семантика прилагательного *хак. ала*

2.1. **Значение ‘пестрый’.** Подавляющее большинство случаев употребления эпитета *ала* в хакасском героическом эпосе «Ай-Хуучин» связано с обозначением мастей лошадей: *Ала хула ат* ‘Пего-саврасый конь’ – имя коня Ай-Хуучин (72 раза), *Ала хула хулун-чабага* ‘Пего-саврасый жеребенок’ – вариант имени коня Ай-Хуучин (12 раз), *Ала хула ши* ‘Пего-саврасая кобылица’ – имя матери Ай-Хуучин и Пего-саврасого коня (20 раз), *Ала хула асхыр* ‘Пего-саврасый жеребец’ – имя отца Ай-Хуучин и Пего-саврасого коня (23 раза). Как отмечает В. Е. Майногашева, «у различных тюркских племен Центральной Азии лошадиная масть *ала* была очень распространена. Пегих (или пестрых) коней разводили, они почитались как священные (*ызых*). Кроме алатов, пегих лошадей разводили “уйгуры, курыканы, хунну, древние тюрки” и, вероятно, кыргызы» (Хакасский героический эпос, 1997, с. 27).

Сравнительно небольшое количество обозначения пегой масти в бурятском эпосе можно объяснить тем, что у монгольских народов разноцветный окрас волосняного покрова лошадей, напротив, не относился к числу почитаемых. Не случайно на лошади пегой масти ездят отрицательные герои эпоса: *Алаг гүүнһээн гараһан / Алаг ехэ азаргаяа / Таар тохомуо тохожи* (Бурятский героический эпос, 1991, с. 120–121) ‘От пегой кобылицы родившегося, / На высокого пегого жеребца / Потник набросив...’. Негативный оттенок имеет и упоминание разношерстной собаки: *Айлхан хүнхэн хэлсэхэл, / Алаг нохой хусахал! / Зонхон буряад хэлсэхэл, / Зольбо нохой хусахал!* (Бурятский героический эпос, 1991, с. 150–151) ‘Народ улусный осудит меня, / Пегий пес облает меня! / Все буряты осудят меня, / Бродячий пес облает меня!’

Прилагательное *хак. ала* также выступает в качестве определения к словам: *торсых* ‘бурдюк, торсук’, *сараа* ‘чаша’: *Азахсар парьп, абахай чаксы / Ала тор-*

сых ас сыгырган, / Ала торсых асты, / Ала сараа урып, үлеен ‘Достойная женщина, / Пестрый торсых вина достала, / Вино из пестрого торсыха / В узорной чаше подавала (Хакасский героический эпос, 1997, с. 412).

2.2. **Значение ‘блестящий’.** В хакасском эпосе адъективная форма *ала* ‘пестрый’ также сочетается с субстантивом *карак* ‘глаза’: *Абахай чахсы орлап турадыр, / Ала харахтың чазы / Аңналып түс турадыр, / Ікі харахтың чазы / Ілінмин, иніп түскен* ‘Благородная женщина рыдает, / Слезы из ее зорких глаз / Скатываются, падают, / Слезы из обоих ее глаз / Безудержно льются’ (Алтын-Арыг, 1988, с. 48).

При этом В. Е. Майногашева пишет: «...пестрые глаза в прямом смысле – это сочетание белого глазного яблока с черной радужной оболочкой и зрачком. Здесь это словосочетание употреблено в переносном смысле: имеется в виду зоркость глаз» (Алтын-Арыг, 1988, с. 545). Однако при переводе эпоса «Ай-Хуучин» ученый заменяет перевод *ала харах* ‘зоркие глаза’ на ‘серые глаза’, отмечая: «древнее значение *ала* у нынешних хакасов утрачено, но сохранилось в ряде тюркских языков, например, в азербайджанском языке *ала göz*, а также в кумыкском *ала кёз* означают ‘сероглазый’» (Хакасский героический эпос, 1997, с. 431).

В хакасско-русском словаре сочетание *ала харах* переводится как ‘игривые глаза’ (ХРС, 2006, с. 48). На наш взгляд, в данном случае, как и в бурятском эпосе, применим перевод ‘очи ясные’. Согласно наблюдениям И. В. Кормушина, тюрк. **ala* «мотивировано не как передающее цветовую окрашенность предметов, но как образ светлых проплешин, пятен и даже полос на поверхности предметов при любой их цветовой гамме... Несомненно, такого рода значения, сохраняющие образно-символическую природу слова, являются наиболее архаичными лексикализациями» [Сравнительно-историческая грамматика..., 2001, с. 607]. Следует отметить, что Б. И. Татаринцев возводит прилагательное *ала* ‘пестрый’ к глагольной основе *ал-* ‘меняться, смешиваться, быть неоднородным’, давшей *алмаш* ‘смена’, *алмаш-* ‘меняться’. Значение же *ала* ‘навыкате, большие, широко открытые (о глазах)’ он дает отдельной статьей, связывая данное значение с глаголами *алараңнат-* ‘смотреть широко открытыми бегающими глазами’, уйг. *алай-* ‘выпучить глаза’ (Татаринцев, 2000, с. 88).

Примечательно, что в киргизском языке словосочетания *алагар көз, алагай көз* переведены как ‘поэт. ясные очи (о красивых, больших глазах)’: *ай кулагы калкандай, алагай көзү Чолпондой, беттеп бенде барабы!* ‘(у богатыря) луновидные уши, что щит, большие глаза, что (звезда) Венера, – кто ж решится к нему подойти!'; *жүрөг сырын алагар көзүнүн жалооруган карашы менен гана билдирет* ‘тайну сердца выдает только просительный взгляд его больших глаз’ (КРС, 1965, с. 44).

2.3. **Значение ‘белый’.** Согласно В. Е. Майногашевой, помимо серого цвета, прилагательное *ала* может указывать и на белый цвет: *Арыг сіліг ала маңыс / Оолах төреен* ‘Прекрасный белолицый / Мальчик родился’. Эпитет *ала маңыс* ‘белолицый’ призван подчеркнуть необыкновенную красоту и белизну ребенка и то, что он отмечен как будущий незаурядный богатырь (Хакасский героический эпос, 1997, с. 216, 443). В данном значении прилагательное *ала* можно сопоставить с прототюрк. *çal* ‘серый, седой’, последнее заимствовано в рус. *чалый* ‘серый, с сероватым оттенком’ (EDAL, 2003, р. 441–442), а также с монг. *цал* ‘белый’, выступающим в паре: монг. *цал буурал* ‘седой, белый как лунь, чалый, светло-сивый’, калм. *цал буурал* ‘совершенно белый’.

Таким образом, в хакасских героических сказаниях «Ай-Хуучин» и «Алтын-Арыг» представлены три значения прилагательного *ала* – ‘пестрый’, ‘сияющий’ и ‘белый, светлый’.

Заключение

Хотя прилагательное *алаг / ала* имеет основное значение ‘пестрый’, рассмотрение его в сочетании с другими словами, не соотносимыми с данным значением, позволило расширить его семантическую сферу, которую можно представить следующим образом:

При этом выявлению семантической структуры слова способствует рассмотрение его значений с точки зрения канала поступления перцептивной информации. Выявленные значения ‘блестящий’, ‘пестрый’, ‘мутный’, ‘белый’ возникли в результате зрительного восприятия объекта. При этом в качестве семантического первоэлемента следует выделить блеск, сияние. Значение же ‘беспокойный’ воспринимается в осязательной модальности, связанной с работой рецепторов, расположенных не только в коже, но и в мышцах, слизистых оболочках. Сочетание же слова *алаг* с синонимами *эрен*, *соохор*, возможно, происходило уже после утраты предполагаемых первичных значений. Ф. П. Филин отмечает, что словарный состав языка – это «открытая система... изменяющаяся и в то же время сохраняющая в себе напластования разных эпох, начиная с древнейших» [1984, с. 46]. А. А. Уфимцева говорит об «иерархической соподчиненности элементов» в структуре слова [1968, с. 265].

Материал эпических произведений позволил выявить в тюркских и монгольских прилагательных *ала / алаг* значения ‘пестрый’ и ‘блестящий (*о глазах*)’, которые свидетельствуют об общих стратегиях номинации в этих языках. Развитие в бур. *алаг* значения ‘беспокойный’, вероятно, связано с желанием передать эмоциональное напряжение эпического героя. Отсутствие значений ‘беспокойный’ в хакасском прилагательном *ала* и ‘белый’ в бурятском прилагательном *алаг* связано с особенностями национального мировидения этих народов.

Таким образом, исследование позволило выявить различия в семантическом объеме соотносимых по основному значению слов бурятского и хакасского языков. В целом исследование показало, что изучение лексических особенностей языка эпических памятников имеет не только историко-лексикологическую, но и историко-культурную значимость как отражение развития духовной культуры монгольских и тюркских народов, их языковых и культурных взаимосвязей.

Список сокращений

Баоань. – баоаньский, бур. – бурятский; бур. Сел. – селенгинский говор бурятского языка; дагур. – дагурский, ж.-уйг. – желто-уйгурский; калм. – калмыцкий; маньчж. – маньчжурский; мог. – могольский; монг. – монгольский; монгор. – монгорский; нан. – нанайский; ойр. Синьцз. – язык ойратов Синьцзяна; орд. – ордосский; ороц. – ороцкий; п.-монг. – старописьменный монгольский; протомонг. – протомонгольские языки; прототюрк. – прототюркские языки; рус. – русский; сол. – солонский; тюрк. – тюркские языки; уйг. – уйгурский; ульч. – ульчский; хак. – хакасский; эвен. – эвенский; эвенк. – эвенкийский.

Список литературы

- Беляева Е. П.* Проблема семантического тождества слова (когнитивный ракурс) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 4. С. 62–66.
- Воронин С. В.* Основы фоносемантики. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 244 с.
- Кезина С. В.* Микросистема цвета с индоевропейским корнем *g^hel̥ g^hol̥ // Изв. Самарского научного центра Российской академии наук. Серия: Педагогика и психология. Филология и искусствоведение. 2008. № 2. С. 230–236.
- Никитин М. В.* Основы лингвистической теории значения. М.: Высш. шк., 1988. 168 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.
- Сундуева Е. В.* Лексическая экспликация значения ‘хитрость’ средствами корневого согласного / в монгольских языках // Языки в полиэтничном государстве: развитие, планирование, прогнозирование. Междунар. конф. (Республика Бурятия, Улан-Удэ – Горячинск, 1–4 июля 2019 г.): Доклады и сообщения. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 61–64.
- Уфимцева А. А.* Слово в лексико-семантической системе языка. М.: Наука, 1968. 272 с.
- Филин Ф. П.* Историческая лексикология русского языка. М.: Наука, 1984. 176 с.
- Чимитдоржиева Г. Н.* Исторические связи бурятского и эвенкийского языков (на примере лексики). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 212 с.

Список словарей

- БАМРС, I – Большой академический монгольско-русский словарь / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 1: А–Г. 486 с.
- БРС, I – *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь: В 2 т. Улан-Удэ: Республ. тип., 2006. Т. 1. 636 с.

- БРС, II – *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь: В 2 т. Улан-Удэ: Республ. тип., 2008. Т. 2. 708 с.
- КРС, 1977 – Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 765 с.
- КРС, 1965 – Киргизско-русский словарь / Сост. К. К. Юдахин. М.: Сов. энциклопедия, 1965. 973 с.
- ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Наука, 1975. Т. 1. 672 с.
- СЯОС – *Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна (По версиям песен «Джангара» и полевым записям автора). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.
- Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. Т. 1: А–Б. 341 с.
- ТРС – Туркменско-русский словарь / Под общ. ред. Н. А. Баскакова, Б. А. Карыева, М. Я. Хамзаева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 832 с.
- ХРС – Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
- ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные / Авт. сл. статей Э. В. Севортян. М.: Наука, 1974. 768 с.
- ЯРС – Якутско-русский словарь / Под ред. П. А. Слепцова. М.: Сов. энциклопедия, 1972. 608 с.
- EDAL – *Starostin S.* Etymological Dictionary of the Altaic Languages / S. Starostin, A. Dybo, O. Mudrak. Leiden; Boston: Brill, 2003. 2096 p.
- Kowalewski J. E.* Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. Vol. 1–3. 2690 с.

Список источников

- Абай Гэсэр / Вступ. ст., подгот. текста, пер. и коммент. к нему А. И. Уланова. Улан-Удэ: БКНИИ СО АН, 1960. 314 с.
- Абай Гэсэр Богдо хан / Сводный текст и лит. обработка Н. Г. Балдано, подстр. пер. А. И. Уланова, пер. М. Липкина. Агинское: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. 696 с.
- Абай Гэсэр могучий. Бурятский героический эпос / Пер. А. Б. Соктоева. М.: Вост. лит. РАН, 1995. 526 с.
- Абай Гэсэр-хубун. Эпопея (эхирит-булагатский вариант) / Подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова. Улан-Удэ: БКНИИ СО АН, 1961. Ч. 1. 230 с.
- Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1988. 592 с. (Эпос народов СССР)
- Бурятский героический эпос / Сост. М. И. Тулохонов. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. 312 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока)
- Дмитриев П. Д.* Гэсэр. Материалы по бурятскому фольклору. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1953. Вып. 1. 161 с.
- Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин / Зап. и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прилож. В. Е. Майногашевой. Новосибирск: Наука, 1997. 479 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока)

References

- Belyaeva E. P. Problema semanticheskogo tozhdestva slova (kognitivnyy rakurs) [The problem of semantic identity of a word (cognitive perspective)]. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*. 2009, no. 4, pp. 62–66.
- Chimitorzhieva G. N. *Istoricheskie svyazi buryatskogo i evenkiyskogo yazykov (na primere leksiki)* [Historical connections of Buryat and Evenk languages (on example of lexis)], Ulan-Ude, BSC SB RAS, 2012, 212 p.
- Filin F. P. *Istoricheskaya leksikologiya russkogo yazyka* [Historical lexicology of Russian language], Moscow, Nauka, 1984, 176 p.
- Kezina S. V. Mikrosistema tsвета s indoevropeskim kornem *gèl gòl [A colour microsystem with an indo-european root *gèl gòl]. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Series: Pedagogy and psychology. Philology and art criticism*. 2008, no. 2, pp. 230–236.
- Nikitin M. V. *Osnovy lingvisticheskoy teorii znacheniya* [Fundamentals of linguistic theory of meaning], Moscow, Vyssh. shk., 1988, 168 p.
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika* [Comparative historical grammar of Turkic languages. Lexis]. 2nd ed., dop., Moscow, Nauka, 2001, 822 p.
- Sundueva E. V. Leksicheskaya eksplikatsiya znacheniya 'khitrost' sredstvami kornevnogo soglasnogo l v mongol'skikh yazykakh [Lexical explication of meaning 'cunning' by means of root consonant l in Mongolian languages]. In: *Yazyki v polietnicheskom gosudarstve: razvitie, planirovanie, prognozirovaniye. Mezhdunar. konf. (Respublika Buryatiya, Ulan-Ude – Goryachinsk, 1–4 iyulya 2019 g.): Doklady i soobshcheniya* [Languages in a multi-ethnic state: development, planning, forecasting. International Conf. (Republic of Buryatia, Ulan-Ude-Goryachinsk, July 1–4, 2019): Papers and reports]. Ulan-Ude, BSC SB RAS, 2019, pp. 61–64.
- Ufimtseva A. A. *Slovo v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [The word in lexical semantic system of the language], Moscow, Nauka, 1968, 272 p.
- Voronin S. V. *Osnovy fonosemantiki* [Fundamentals of phonosemantics]. Leningrad, Izd. Leningr. univ., 1982, 244 p.

List of dictionaries

- Bol'shoy akademicheskiy mongol'sko-russkiy slovar'* [The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary]. G. Ts. Pyurbeyev (Ed. in Ch.). Moscow, Academia, 2001, vol. 1: A–G., 486 p.
- Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye* [Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and interturkic stems starting with vowels]. E. V. Sevortyan (Auth. of dict. art.). Moscow, Nauka, 1974, 768 p.
- Kalmycko-russkiy slovar'* [Kalmyk-Russian dictionary]. B. D. Muniev (Ed.), Moscow, Rus. yaz., 1977, 765 p.
- Khakassko-russkiy slova'* [Khakas-Russian dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p.
- Kirgizsko-russkiy slovar'* [Kirgiz-Russian dictionary]. K. K. Judahin (Comp). Moscow, Sov. entsikl., 1965, 973 p.

- Kowalewski J. E. *Dictionnaire mongol-russe-français*. Kasan, Imprimerie de l'Université, 1849, vols. 1–3, 2690 p.
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryatsko-russkiy slovar': V 2 t.* [Buryat-Russian dictionary: in 2 vols.]. Ulan-Ude, Respubl. tip., 2006, vol. 1, 636 p.
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryatsko-russkiy slovar': V 2 t.* [Buryat-Russian dictionary: in 2 vols.]. Ulan-Ude, Respubl. tip., 2008, vol. 2, 708 p.
- Sravnitel'nyy slova' tunguso-man'chzhurskikh yazykov* [Comparative dictionary of Tungus-Manchu languages]. Leningrad, Nauka, 1975, vol. 1, 672 p.
- Starostin S. *Etymological Dictionary of the Altaic Languages*. S. Starostin, A. Dybo, O. Mudrak. Leiden, Boston, Brill, 2003, 2096 p.
- Tatarintsev B. I. *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo yazyka* [Etymological dictionary of Tuvan language], Novosibirsk, Nauka, 2000, vol. 1, 341 p.
- Todaeva B. Kh. *Slovar' yazyka oyratov Sin'tszyana (Po versiyam pesen "Dzhangara" i polevym zapisyam avtora)* [Dictionary of Xinjiang Oirat's language (on versions of Jangar's songs and field records of author)]. Elista, Kalm. kn. izd., 2001, 493 p.
- Turkmensko-russkiy slovar'* [Turkmen-Russian dictionary]. N. A. Baskakov, B. A. Karryev, M. Ya. Khamzaev (Eds.). Moscow, Sov. entsikl., 1968, 832 p.
- Yakutsko-russkiy slovar'* [Yakut-Russian dictionary]. P. A. Sleptsov (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1972, 608 p.

List of sources

- Abai Geser*. A. I. Ulanov (Introductory article, preparation of the text, translation and commentary). Ulan-Ude, BKNII SO AN, 1960, 314 p.
- Abai Geser Bogdo han*. N. G. Baldano (Compiled text and illustration), A. I. Ulanov (Auxiliary translation), M. Lipkin (Translation), Aginskoe, BSC SB RAS, 2007, 696 p.
- Abai Geser moguchiy. Buryatskiy geroicheskiy epos* [Abai Geser Powerful. Buryat heroic epos]. A. B. Soktoev (Transl.), Moscow, Vost. lit., RAS, 1995, 526 p.
- Abai Geser-hubun. Epopeya (ekhirit-bulagatskiy variant)* [Abai Geser-khubun. Epopoeia (Ekhirit-Bulagat variant)]. M. P. Khomonov (Text, translation and footnote). Ulan-Ude, BKNII SO AN, 1961, pt. 1, 230 p.
- Altyn-Aryg. Khakasskiy geroicheskiy epos* [Altyn-Aryg. Khakas heroic epos]. Moscow, Nauka. Glav. red. vost. lit., 1988, 592 p. (Epos narodov SSSR [The Epic of the Peoples of the USSR]).
- Buryatskiy geroicheskiy epos* [Buryat Heroic Epos]. M. I. Tulohonov (Comp.). Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-nie, 1991, 312 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]).
- Dmitriev P. D. *Geser. Materialy po buryatskomu fol'kloru* [Geser. Materials on the Buryat folklore]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1953, iss. 1, 161 p.
- Khakasskiy geroicheskiy epos: Ay-Khuuchin* [Khakas heroic epos: Ai-Khuuchin]. V. E. Maynogasheva (Transcript and preparation of the text, foreword, notes and comment, appendix). Novosibirsk, Nauka, 1997, 479 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]).

Информация об авторе

Екатерина Владимировна Сундуева, филологических наук, главный научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)
Scopus Author ID 57148187000
WoS Researcher ID AAO-3787-2020
RSCI Author ID 164469

Information about the author

Ekaterina V. Sundueva, Doctor of Philology, Chief Researcher at the Department of Linguistics of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation)
Scopus Author ID 57148187000
WoS Researcher ID AAO-3787-2020
RSCI Author ID 164469

*Статья поступила в редакцию 14.12.2021;
одобрена после рецензирования 08.05.2022; принята к публикации 08.05.2022
The article was submitted on 14.12.2021;
approved after reviewing on 08.05.2022; accepted for publication on 08.05.2022*

Научная статья

УДК 81'36 / 811.161.1

DOI 10.17223/18137083/83/17

**Категория причастодетия
в русском литературном языке XVIII века
(на примере произведений сибирского цикла А. Н. Радищева)**

**Сергей Васильевич Власов ¹
Дмитрий Григорьевич Демидов ²**

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

² Государственный университет Чжэнчжи
Тайбэй, Тайвань

¹ s.vlasov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6639-4928>

² demidoffs@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6202-1411>

Аннотация

Искусственная на первый взгляд и периферийная категория причастодетия (особых именных форм глагола на *-тельн-*) динамично переходит в категорию состояния, в наречия, прилагательные, вводные слова, предлоги, сохраняя свои следы в значении глагольного действия и в обособленном субъекте действия. Причастодетие, открытое М. Смотрицким и описанное Ф. Максимовым, Ф. Поликарповым, Н. Г. Кургановым, Аполлосом (Байбаковым) и В. В. Виноградовым, пережило всплеск своего развития в XVIII в., сопровождавшийся процессом лексикализации наиболее употребительных словоформ. Развитие категории причастодетия в русском языке прослеживается на материале данных Национального корпуса русского языка и произведений сибирского цикла А. Н. Радищева.

Ключевые слова

славянская грамматика, словообразование, суффикс *-тельн-*, причастодетие, «причастодетельные» прилагательные и наречия, русский литературный язык

Для цитирования

Власов С. В., Демидов Д. Г. Категория причастодетия в русском литературном языке XVIII века (на примере произведений сибирского цикла А. Н. Радищева) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 221–234. DOI 10.17223/18137083/83/17

© Власов С. В., Демидов Д. Г., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 221–234
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 221–234

**The category of prichastodetie (Gerundivum)
in the Russian literary language of the 18th century
(a case study of the works of the Siberian cycle
by A. N. Radishchev)**

Sergei V. Vlasov ¹, Dmitrii G. Demidov ²

¹ St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

² Chengchi State University
Taipei, Taiwan

¹ s.vlasov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6639-4928>

² demidoffs@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6202-1411>

Abstract

The artificial, at first glance, and peripheral category of prichastodetie (Gerundivum) (special nominal forms of the verb in *-teln-*) dynamically turns into the category of state, adverbs, adjectives, discursive words, prepositions, preserving its traces in its meaning of verbal action and a separate subject of action. Discovered by M. Smotritsky and described by other scholars, the prichastodetie experienced a boom in its development in the 18th century, accompanied by the lexicalization of the most common word forms. The process of formation and further lexicalization of the grammatical forms in question (“passing to the rank of qualifying adjectives,” according to Vinogradov) is rather similar to how participles are formed from verbs and transformed into adjectives and adverbial participles into adverbs. The difference is not in the quality but in the degree of productivity. The metaphorization of the verb meaning, its transfer from the physical to the emotional, and, more broadly, to the spiritual sphere facilitates the transformation of Russian “gerundives” into qualifying adjectives. The increased use of Russian “gerundives” formed from verbs of specific semantics in scientific and technical language strengthens their direct semantic link with the verb and prevents them from losing the meaning of verbal action. The prichastodetie is on the periphery of the morphological system of the Russian language and interacts with its system of word formation. The development of the category of prichastodetie is analyzed using the National Corpus of the Russian Language and the works of the Siberian cycle of A. N. Radishchev.

Keywords

Slavonic grammar, word formation, suffix *-teln-*, *prichastodetie* (Gerundivum), adjectival and adverbial “prichastodetie”, Russian literary language

For citation

Vlasov S. V., Demidov D. G. The category of prichastodetie (Gerundivum) in the Russian literary language of the 18th century (a case study of the works of the Siberian cycle by A. N. Radishchev). *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 221–234. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/17

Введение

Категория причастодетия, открытая М. Смотрицким, описывается также в славянских и русских грамматиках XVIII в., поэтому необходимо проследить развитие причастодетий в русском литературном языке той эпохи.

Рефлексия грамматистов вполне отражает динамику реального употребления описываемой категории. Исторические процессы в области морфологии и словообразования лучше видны при учете уже сложившейся традиции такого описания. «Церковно-славянский язык» русской редакции расценивается нами, по В. В. Ви-

ноградову, как «русский литературный язык средневековья» [Виноградов, 1982, с. 10], или старшая норма русского литературного языка.

Словоформы на *-тельн-* наследуются из духовной [Keipert, 1977–1985] и, позже, деловой литературы всеми функциональными стилями новейшего периода, чем обеспечивается продолжающееся активное действие церковно-славянской основы русского литературного языка.

В терминах прилагательных, близких к причастиям, образования на *-тельн-* в XVIII в. и другие периоды изучались в работах [Веселитский, 1972, с. 90–91; Земская, 1965, с. 8; Коровин, 1964; Петрова, 1975, с. 210–235].

Именные формы глагола на *-тельн-*, как и на *-я*, *-въ*, обособил Мелетий Смотрицкий (1619, с. 269, 294, 343, 374, 430–431, 434)¹, назвав их, соответственно, причастодетиями и деепричастиями. Начальной формой он считал *-тельно* (ср. р.). Они могут употребляться как самостоятельные безличные предложения (*творительно, глаголательно, носительно, уповательно*), расширяться связкой (*читательно есть, писательно есть*), со связкой – Дательным падежом субъекта (*Ительно ми есть во градъ ко онсици*, т. е. ‘Мне нужно пойти в город к такому-то’), сохранять управление своего производящего глагола (*Нуждѣ нѣсть противостоятельно. Поборительно ми етъ по истиннѣ.*), согласоваться с существительным в роде и числе (*Любителенъ ми есть сынъ твой. Истинное мудрование проразумѣние есть творительныхъ и нетворительныхъ вещей.*) (Смотрицкий, 1619, с. 430).

Опора на греческие и латинские грамматики послужила лишь внешним стимулом, чтобы заметить внутреннюю собственно славяно-русскую категорию, к тому времени распространившуюся в церковных и светских книгах.

Вслед за М. Смотрицким категорию причастодетия описывает Сильвестр Медведев (либо Карион Истомина), выделяя *прилагательное причастодетельное* [Виноградов, 1982, с. 21]. В (Смотрицкий, 1648; 1721) сведения об этой категории полностью сохраняются. Краткие сведения об образовании и значении причастодетий содержатся также в рукописной «Технологии» Ф. Поликарпова (2000, с. 298).

Ф. Максимов удаляет сравнение славянских причастодетий с аналогичными формами греческого и латинского языков и заменяет причастодетие *читательно* на более употребительное *питательно* (Максимов, 1723, с. 46).

В разделе синтаксиса он пишет: «Причастодетия, с глаголом *есть* дателен приемлют, яко: писателно ми естъ писмена. вместо: подобает мне писати писмена. Иногда же самостоятелне полагаема, яко: *творително, глаголателно, упователно*, вместо *подобает творити, глаголати, уповати*» (Максимов, 1723, с. 112–113).

Добавив несколько примеров к тем, что были у Смотрицкого, Ф. Максимов значительно приближает к сложившейся практике и синтаксические правила: опускает все примеры Смотрицкого на употребление причастодетий в разных предложениях, включая искусственную форму *«ително»* от глагола *идти*, но оставляя пример Смотрицкого *«любителен ми естъ сын твой»* и добавляя собственный пример *«писателно ми естъ писмена»*. Более доходчиво, через синтаксическую синонимию, объясняет Максимов и грамматическое значение. Самостоятельное употребление причастодетий без дательного падежа и глагола *есть* он считает редким («Иногда же самостоятелне полагаема...»). По сравнению со Смотрицким, оно

¹ В печатном издании пагинация отсутствует, в электронной публикации пронумерованы страницы. Здесь и далее ссылки даются на страницы электронного издания.

переставлено на второе место и, действительно, больше характерно для русской, чем для славянской грамматики (ср. *Неудивительно, что...*).

Ф. Максимов упоминает причастодетия в числе других согласуемых форм – прилагательных, местоимений, причастий и деепричастий (Максимов, 1723, с. 92). Причастодетия, перешедшие в наречия («надглаголия»), он отличает орфографически через омегу на конце, например, «тщѣтелнw' или скорѣе» (Максимов, 1723, с. 96). К выбору начальной формы на *-телно* прямое отношение имеет и правило об именах существительных среднего рода, заменяющих перифрастические выражения с соответствующими определениями. Судя по примеру *Предстояй настѣрь овчарни, полезно и спасенно есть*, где *полезно и спасенно* вместо *спасительна есть вещь* (Максимов, 1723, с. 97), оно касается прилагательных и причастий, однако его вполне можно распространить и на причастодетия, в которых такая форма среднего рода считается начальной. Ссылки на еврейскую и греческую грамматику (Максимов, 1723, с. 4, 5, 6 предисловия; с. 3, 84, 97, 98, 104, 105, 108, 122, 134, 135 основной части) показывают, что он сознательно отказывается от отсылки к греческому языку при описании причастодетия. Считая полезным указать на греческие параллели в других местах, он воспринимает эту категорию как вполне славянскую, которая не нуждается в греческих или латинских образцах.

Н. Г. Курганов после деепричастия довольно подробно, сообразно Смотрицкому, описывает и синтаксические правила причастодетия, добавляя свои показательные примеры: *чаятельно, наблюдательно, обстоятельно, презрительно, следовательно* – на самостоятельное употребление; *желательно мне услужить моим землякам* – на сохранение глагольного управления (Курганов, 1769, с. 71) (то же во всех переизданиях, например, (Курганов, 1777, с. 69), вплоть до 11-го ²). Он русифицирует церковно-славянские образцы Смотрицкого. В частности впервые показывает возможность употребления причастодетия с инфинитивом: *желательно услужить*. Из источников он оставляет только латинские. Об этом говорится лишь во второй синтаксической части грамматики, предназначенной для тех, кто уже знаком с простейшей первой частью.

Аполлос (Байбаков) показывает согласование в роде и падеже единственного числа причастодетия *читательно* только в кратких формах, отсылая читателя к причастиям за подробностями (Аполлос, 1794, с. 104). В конце обзора глагольных временных словоформ он приводит и «причастодетие, время настоящее. Творительно» (Аполлос, 1794, с. 122).

Таким образом, на протяжении XVII – начала XIX в. можно проследить устойчивую традицию описания особой категории отглагольных форм, называемых причастодетиями. Из церковных памятников она проникает в светские, в том числе в грамоты. Для XVIII в. З. М. Петрова относил суффикс *-тельн-* к числу наиболее активных и продуктивных в отглагольном словообразовании прилагательных [Петрова, 1975, с. 210], что дает основание доверять и описанию словоформ, в лексико-семантическом отношении еще не оторвавшихся от глагола, как особую категорию причастодетия не только до М. Смотрицкого, но и после него.

Сам Смотрицкий ограничивается описанием только пассивного значения «нужды действия» в формах причастодетий, но его последователи уже приводят примеры активного значения и расширяют круг синтаксических возможностей этой категории.

² Первое издание 1768 г. под иным названием; 9-е изд. 1818 г.; 11-е изд. 1837 г.

Введение в славяно-русскую грамматику категории причастодетия позволяет проследить движение этих словоформ от производящего глагола к качественному прилагательному и определительному наречию.

Отглагольные именные производные могут сохранять либо связь с субъектом действия (*певец, пение певца, сон*), либо с объектом действия (*пение песни, спальня*). По этому признаку различаются и употребления причастодетий: *нагревательный* прибор – субъектное, *нагревательная поверхность* – объектное. Значение первых акад. В. В. Виноградов называет активным, вторых – пассивным и выделяет третью разновидность, при которой отношения между определением и определяемым выходят за рамки субъект-объектных и оказываются в поле обстоятельственности, – относительное значение [Виноградов, 2001, с. 181–182]. Причастодетия на *-тельн-* называются Виноградовым «образованиями». Это связано с его особым грамматическим учением о слове, восходящим к античным традициям.

Такие образования рассматриваются в составе качественного разряда прилагательных, однако выделяется еще и их «действенный» разряд с суффиксами причастий. Сюда отглагольные производные попадают через причастия. Включение еще одной возможности перехода из глагола в другие части речи, причастодетия на *-тельн-*, избавило бы описание качественных прилагательных от множества оговорок об их состоянии до «окачествления». Вполне логично было бы ввести в виноградовскую схему (на с. 44) эту третью возможность перехода глагола в прилагательные и наречия, наряду с причастиями и деепричастиями [Виноградов, 2001, с. 44, 178, 181–182].

1. Тенденции в употреблении причастодетий в XVIII в.

Представление о тенденциях в употреблении типов значений активных, пассивных и относительных причастодетий в XVIII в. дает статистика по десятилетиям дат первых употреблений по НКРЯ: первая цифра обозначает количество активных, вторая – пассивных, третья – относительных причастодетий:

нулевые	0 – 0 – 1	50-е	5 – 2 – 4
10-е	0 – 0 – 2	60-е	4 – 3 – 3
20-е	2 – 1 – 4	70-е	4 – 1 – 2
30-е	1 – 1 – 2	80-е	3 – 0 – 2
40-е	1 – 4 – 1	90-е	3 – 0 – 2

Хорошо видно, что с середины XVIII в. усилилась продуктивность активных причастодетий, а к 70-м гг. прекратилось развитие пассивных, зато позже авторы стали предпочитать относительные. Некоторые причастодетия развивают полисемию, ср.: *доказательные письма* – *~ное покривление* (бивня мамонта), *избирательный человек* – *~ное право, исполнительные средства* – *~ная комиссия, чувствительные следствия беспокойства ума* – *~ные нервы*.

Как заметил Смотрицкий, причастодетие действительно сохраняет глагольное управление, ср.: *день во веки белым камнем знаменательный; вольности, другим писцам непростительные; удобь исполнительная в пользу простаго народа средства*.

Благодаря развитию переносных значений причастодетия переходили в качественные прилагательные. С этой лексической точки зрения они изучены гораздо лучше, отчего и создается иллюзия, будто глагольная категория причастодетия отсутствует.

Об «окачествлении» причастодетий свидетельствуют данные МАС и НКРЯ:

Внимательный ‘делающий что-л. со вниманием (в 1 знач.), проявляющий внимание’ > ‘выполняемый со вниманием’ > ‘выражающий внимание’ > ‘проявляющий внимание (во 2 знач.); заботливый, чуткий’.

Возмутительный ‘подстрекающий к возмущению, к беспорядку’ (о письмах) > ‘побуждающий к мятежу, восстанию’ (о листах Пугачева).

Действительный ‘производящий действие’ (о плечах, мышцах, руках) > ‘производящий, оказывающий нужное действие; действенный’ (о лекарстве) > ‘имеющий силу, сохраняющий силу, действующий’ (о пропуске, мандате) > ‘существующий или существовавший на самом деле; реальный’ (о жизни, факте, опасностях, противополож. *мнимый*) > ‘подлинный, настоящий’.

Формальным обоснованием состоявшегося перехода в качественное прилагательное может быть компаратив.

Компаративы от окачествленных причастодетий
пассивного значения по основному подкорпусу НКРЯ
Comparatives from adjectivized qualifying *prichastodeties*
of passive value according to the main subcorpus of the RNC

Компаратив	Число вхождений	Год первого употребления
<i>Чувствительнее</i>	255	1752
<i>Желательнее</i>	54	1700
<i>Уважительнее</i>	23	1775
<i>Простительнее</i>	21	1789
<i>Доказательнее</i>	20	1761
<i>Употребительнее</i>	19	1755
<i>Непростительнее</i>	10	1753

Таблица очень показательна. Довольно четко выделяются следующие группы компаративов на *-тельнее*:

- 1) *уважительнее, простительнее, доказательнее, употребительнее, непростительнее* – все они образовались во второй половине века;
- 2) образованный в самом начале века и хорошо освоенный компаратив *желательнее*;
- 3) компаратив *чувствительнее*, полюбившийся пишущим с 1752 г. и охотно повторяемый поныне.

Первая группа ясно показывает, что тенденция к окачествлению требует существенных оговорок. Она не захватывает все причастодетия, многие попытки придать качественное значение причастодетиям со временем пресекаются. Лишь отдельные культурно и ментально значимые причастодетия, такие как ключевая словоформа сентиментализма *чувствительно*, переживают полноценный переход в определительные наречия и качественные прилагательные, быстро минуя промежуточную стадию «действенных» наречий и прилагательных.

В течение XVIII в. синтаксические возможности причастодетий значительно расширяются. Помимо Дательного субъекта, становится возможен также Датель-

ный адресата: *Всякому бо желательна есть государствовати* (архиепископ Феофан (Прокопович). Слово похвальное в день рождества... великого князя Петра Петровича (1716) – НКРЯ). *Позволительно вам желание свое изъяснить* (архиепископ Платон (Левшин). Увещание к раскольникам (1766) – НКРЯ).

В условиях нераспространенного безличного предложения причастодетия с ментальным значением всё чаще требуют придаточных изъяснительных³: *желательно быше, дабы (чтобы)...* (1709); *(не)удивительно, что (чтоб, как, сколь, коль, если)...* (1718); *не безсумнительно, чтоб...* (1724); *сумнительно, что (чтобы, чтоб)...* (1733); *ощутительно, какое...* (1735); *чаятельно, что...* (1735); *весьма неосновательно, что...* (1738); *(не)уповательно, что (чтобы, чтоб)...* (1755); *слѣдовательно, что...* (1757); *сожалѣтельно, что...* (1755)⁴; *сожалительно, что...* (1782); *примечательно, что...* (1782); *утешительно, что...* (1787); *чувствительно, что...* (1787); *убедительно, что (как)...* (1788); *сомнительно, что (чтоб)...* (1788); *облегчительно, что...* (1789); *замечательно, что...* (1789); *оскорбительно, когда...* (1791, в переводе Мармонтеля); *непростительно, когда...* (1797); *подозрительно, ужели...* (1799); *поразительно, как...* (1799). В отдельных случаях такие предложения переходят во вводные слова: *действительно* (1762), *следовательно*⁵. Это характерно для официально-делового и научного стиля. В разговорной речи на той же безличной основе складываются формульные слова-предложения, близкие к междометиям: *И не удивительно!* (1755); *Сумнительно* (1777); *Извинительно, но справедливо ли?* (Н. М. Карамзин. Юлия (1796)). Известны случаи перехода причастодетий на *-тельно* при Род. п. зависимого сущ. в предлог: *относительно (до)* (1766), *касательно (до)* (1770)⁶.

В семантическом отношении у причастодетий с имплицитным объектом (прямым дополнением), выступающим в то же время и как имплицитный субъект восприятия или состояния, наблюдается перенос значения переходных глаголов из физической сферы в эмоциональную и, шире, духовную. Например, формы *восхитительно* и *возмутительно* образованы от переходных глаголов *восхитить* и *возмутить*. Первый в своем прямом значении означает перемещение вверх, второй – приведение в движение, не выходя за пределы первоначального объема. Другие подобные формы на *-тельно*, *-тельный*, переходящие в определительные наречия и качественные прилагательные: *поразительно(-ый)*, *подозрительно(-ый)*, *решительно(-ый)*. То же наблюдается и среди причастодетий, образованных от непереходных глаголов, например, *блистательно*. Исходный глагол также понимается метафорически: происходит перенос из физической сферы в эмоциональную. В этих условиях причастодетия могут «обгонять» глагол в даль-

³ В скобках приведены годы первых употреблений по НКРЯ.

⁴ От основы инфинитива, с 1782 г. – аналогически *-ительный*.

⁵ По данным НКРЯ, первым это вводное слово стал употреблять Стефан Яворский: «...все же прочия церкви, которыя от того древняго предания отступили, а завели новья, суть церкви от Соборной отщепенныя, *следовательно* и Римская» (митрополит Стефан (Яворский). Проповеди (1700–1722)), вслед за ним – Ломоносов: «*Следовательно*, гексаметры, употребляя вместо спондеев для их малости хорей, тем же образом писал, которым следующие российские сочинены...» (М. В. Ломоносов. Письмо о правилах российского стихотворства (1739)).

⁶ Вплоть до начала XIX в. с этим предлогом конкурировал предлог *касающе (до)*, а с 1890-х гг. до наших дней – еще и *касаемо* (только с Род. п., без *до*): В этой показательной истории характерного канцеляризма важно, что суффикс *-тельно-* вступает в успешную борьбу с двумя суффиксами причастий – *-ющ-* и *-ем-*.

нейших своих переносах вплоть до полного отрыва от него, ср. *решительное повеление*, затем *намерение*, затем *битва* и др.

В оживлении категории причастодетия и в новых тенденциях их синтаксических употреблений в XVIII в. известную роль сыграли переводы, ср. у Третьяковского: *Удивительно*, что варварский обычай биться напоединокъ толь долго пребывалъ во многихъ Государствахъ!; Иногда очень *вредительно* бываетъ, когда кто чинить нѣчто по обыкности, или по пристрастію... (В. К. Третьяковский. Истинная политика знатных и благородных особ [перевод книги Н. Ремона де Кура с французского] (1745)). Некоторые слова на *-тельн-* непосредственно калькированы с французского (*трогательный*, *чувствительный*), но уже сразу в переносном качественном значении, минуя стадию отглагольных причастодетий.

Не всегда в исследовании развития причастодетий помогают словари. Не все словарные дефиниции словоформ на *-тельно*, *-тельнѣ*, *-тельнѣ*, *-тельный* точно выражают их лексическое значение. Иногда приводятся приблизительные современные синонимы для тех контекстов, в которых сохраняется значение производящего глагола, отсылка к которому вполне достаточна для толкований таких словоформ.

Новые качественные значения причастодетий, перешедших в прилагательные, стали настолько актуальными, что лексикографы-синхронисты иногда предпочитают на первое место поставить значение качественного прилагательного, отодвигая исторически исходное производящее значение того или иного причастодетия в конец словарной статьи, а порой и сопровождая его пометой «Устар.». См., например, словарные статьи в МАС на *возмутительный*, *мечтательный*, *пронзительный*, *стремительный*, *соблазнительный*, *уморительный*. Подобное построение семантической структуры словоформы на *-тельн-*, ставящее логические отношения впереди исторических, создает иллюзию, будто связь с глаголом вторична и случайна. Так невольно затемняется или, по крайней мере, переносится на периферию внутренняя форма причастодетия, сыгравшая ключевую роль в таинственном акте зарождения слова. Толкования словоформ *возмутительный* и *мечтательный* в «Словаре русского языка XVIII века» (СлРЯ) лишены этих недостатков.

2. Причастодетия в сочинениях сибирского цикла А. Н. Радищева

Рассмотрим употребление причастодетий на примере цикла сочинений А. Н. Радищева о Сибири. Произведения этого цикла можно отнести к документально-деловой прозе, наиболее удаленной от языка церковных книг. Тем не менее, к концу XVIII в. причастодетия развили свои синтаксические возможности настолько, что прекрасно вписываются в славянизированный радищевский слог.

Радищев продолжает свободно образовывать причастодетия пассивного типа:

Другие статьи Китайских товаров... *нечувствительны* были... (Письмо, с. 28).

...действие таковое *ощутительно* не одним годом... (Письмо, с. 32).

И подлинно доказательство кажется полезности его состоит в двух словах и есть *осязательно* (Письмо, с. 18).

...бумаги есть монета *сократительная*, медная *раздробительная*... (Письмо, с. 16).

Сократительный – ‘обратимый в более простую заместительную форму’.

Вслед за пассивным Радищев развивает и актуальный относительный тип значения:

Расстояние столь дальнее делает заводские работы *отяготительными*... (В Сибирь, с. 259).

Активные значения в деловой «сибирской» речи Радищева также представлены, однако не так широко, как в языке его эпохи и последующих периодов:

...ибо питье сие... полезно и *питательно*... (Письмо, с. 27).

Колико *тщательны* были Российские Военачальники в покорении новых земель державе Царской, толико со своей стороны Цари Российские прилагали старание о безопасности... (Сокращ. пов., с. 163).

Поскольку старинный глагол *тщатися* с разными значениями уже не был на слуху во времена Радищева, он прибегает к глоссе *прилагали старание*, выделяя из всей широкозначной палитры глагола значение ‘стараться’.

М. Смотрицкий исходил из безличного употребления причастодетий, которое в течение XVI–XVII вв. оставалось сравнительно редким, и только в XVIII в. его активность нарастает. Эта тенденция хорошо прослеживается у Радищева:

...есть воры. Весьма *примечательно*, что бурлаки с ними знакомы и водят дружбы... (Из Сибири, с. 289–290) –

пассивный тип значения.

...но *уповательно*, что запрещение сие не весьма строго с обеих сторон наблюдается (Тобольск. нам., с. 139); Юагиры... *уповательно*, Самоядского происхождения (Сокращ. пов., с. 152) –

медиопассив, пример на *уповательно* приводит и Смотрицкий.

Вообще в Тюмени и в округе оного много всякого ремесла, и целая деревня имеет всегда одно. *Неудивительно*: из первых городов в Сибири (Из Сибири, с. 284); ...все другие, пользовавшиеся в оном, скрывали оного богатые прибыли. *Неудивительно!* те, кои были переселенцы Новгородские, боялися поистине, чтобы не постигла их равная участь с их собратиею... (Сокращ. пов., с. 148) ‘Это меня не удивляет’ –

медиопассив.

При полнозначительных глаголах словоформы на *-тельно* становятся причастодетельными наречиями, которые входят в разряд «действенных» наречий, по Виноградову. Такой весьма перспективный тип употреблений развивается и у Радищева на основе активного и пассивного типов значений:

Доходы Государственные положим *гадательно*, но вероятно, в 40 мил. руб. (Письмо, с. 16);

Шелк... вывозить (говорю *гадательно*) стали, может быть, в большем количестве из Персии и Италии (Письмо, с. 28);

...возобновят питье Затурана, будут на нем пропиваться и *сожалительно* оставят траву, которую ныне вместо чая употребляют (Письмо, с. 33).

Если происходит синтаксическая деривация типа *относить* что > *относительно* чего, то причастодетия переходят в предлог:

Относительно Геологии Сибирь имеет... (Сокращ. пов., с. 154); *относительно* истории человека или народов, памятники суть бедны... (Сокращ. пов., с. 154); мнения мои *относительно* многих вещей... (Письмо, с. 5) и т. д.

Причастодетельные прилагательные (адъективно оформленные причастодетия) также свободно образуются Радищевым от глаголов во всех типах значений: *раззорительная рука начальства* (Из Сибири, с. 277); *старое рыцарское всеграбительное мнение* (Письмо, с. 6–7); *сократительная, медная раздробительная монета* (Письмо, с. 16); *числительное(-ые) богатство(-а)* (Письмо, с. 20, 31); *тяготительные напоминовения* (Письмо, с. 34); *глас велительный* (Сокращ. пов., с. 146); *ловительные орудия на зверей* (Сокращ. пов., с. 149); *затруднительный перевоз* (Тобольск. нам., с. 133); *целительные сей реки воды* (Тобольск. нам., с. 135); *доказательство неосновательное* (Тобольск. нам., с. 138–139); *медлительный торг* (Тобольск. нам., с. 140–141); *сообщение водяное между Китаем и Россию... может сделаться непрерывным, хотя медлительным* (Письмо, с. 15); *продолжительный дождь* (Сокращ. пов., с. 152).

Не менее часто ставит Радищев причастодетельные прилагательные в позицию именной части составного именного сказуемого, при этом всегда оформляет их как краткие: *всякие предприятия в обтовом или подобном торгу становятся затруднительны* (Тобольск. нам., с. 141); *путешествие... будет всегда привлекательно для любопытного человека* (Тобольск. нам., с. 142); *собрания общественные в России были употребительны* (Сокращ. пов., с. 145); *хотя они еще употребительны быть могут придерживающимися старинных мод* (Письмо, с. 13); *дороговизна чая чувствительна была с начала закрытия торга на Кяхте...* (Письмо, с. 16); *то позволительно, полезно и нужно* (Письмо, с. 18); *едва ли первая закупка чувствительна* (Письмо, с. 30), *причина тому оцутительна* (Письмо, с. 31).

Заключение

Традиция описания славяно-русской грамматики с учетом причастодетия на *-тельн-* помогает более детально изложить историческую грамматику русского литературного языка, требующую совместного учета действия русской и славянской языковых стихий.

Только в последнее время возрождается интерес к причастодетию и его роли в истории русского формо- и словообразования [Демидов, Камчатнов, 2020].

Причастодетие имеет значение глагольного действия и относится к категории именных форм глагола, сопоставимых с такими периферийными морфологическими категориями, как причастия будущего времени на *-ущий, -ащий, -емый, -имый* от глаголов совершенного вида; русских плюсквамперфектов типа *хаживал*, изъятых из русской грамматики, несмотря на ясный и простой урок Ломоносова; категории счетных форм для выражения значения ‘несколько’ (*шарá, часá*), не относящихся ни к формам единственного, ни к формам множественного числа, Местного падежа на *-у́ (в лесу́)*, формально противопоставленного Сказательному падежу на *-е (о лесе)*, и некоторыми другими. Процесс образования грамматических форм и их дальнейшей лексикализации («окачествления», по Виноградову) проходит примерно так же, как образование от глаголов и переход причастий

в прилагательные, а деепричастий – в наречия. Различие не в его качестве, а в степени продуктивности. Расширение употребления причастодетий, образованных от глаголов конкретной семантики, в языке науки и техники способствует усилению связи причастодетия непосредственно с глаголом и препятствует утрате причастодетиями значения глагольного действия.

Причастодетие находится на периферии морфологической системы русского языка, взаимодействует с его системой словообразовательной, ср. четверки словоформ, употребляющихся с XVIII в.: *исправи/тельный, ~виший, ~в и исправный; мета/тельный, ~ющий, ~я и меткий; отвори/тельный, ~виший, ~в и отворотный; отдели/тельный, ~виший, ~в и отдельный; отличи/тельный, ~виший, ~в и отличный; плава/тельный, ~ющий, ~я и плавный; резательный, режущий, режа* (форма, образующаяся более затруднительно, нежели причастодетие!) и *резной; хвали/тельный, ~ящий, ~я и хвальный; хвата/тельный, ~ющий, ~я и хваткий*.

Отглагольные словоформы на *-тельн-* по своим морфологическим свойствам, первоначальным лексическим значениям и синтаксическим функциям входят в проблематику словоизменения, а по своим дальнейшим семантическим переносам становятся предметом словообразования, поэтому вполне могут быть названы причастодетиями – категорией, переживающей интенсивное развитие в XVIII в. С XVI в. и до наших дней словоформы этой категории образуются от продуктивных глаголов и при дальнейшей лексикализации становятся самостоятельными словами. Будучи первоначально приглагольной категорией, наподобие причастий и деепричастий, причастодетия переходят в категорию состояния, определительное наречие, качественное прилагательное, в редких случаях – во вводное слово или предлог.

В XVIII в. продуктивность образования причастодетий существенно возросла, множество узуальных словоформ легко образуется в разных стилях. Творческий дух языка, к которому был чуток Радищев, и по сей день активно образует словоформы причастодетий – неологизмы.

Список литературы

Веселитский В. В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX в. М.: Наука, 1972. 319 с.

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: Учебник для студентов филол. фак. ун-тов. М.: Высш. шк., 1982. 529 с.

Виноградов В. В. Русский язык. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.

Демидов Д. Г., Камчатнов А. М. Причастодетие и его роль в русском историческом словообразовании // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2. С. 98–111.

Земская Е. А. История словообразования прилагательных в русском литературном языке нового времени: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1965. 28 с.

Коровин Ф. Г. Прилагательные на *-тельн-* в древнерусском языке (по материалам словаря И. И. Срезневского) // Учен. зап. Кирг. ун-та. Фрунзе, 1964. Вып. 10: Слав. сб., № 2. С. 47–57.

Петрова З. М. Новообразования в кругу имен прилагательных // Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Л.: Наука, 1975. С. 146–246.

Keipert H. Die Adjektive auf *-тельнъ*. Studien zu einem Kirchenslavischen Wortbildungstyp. I–II. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1977–1985. 237; XXXII. 337 S.

Список источников

- Аполлос* (Байбаков А. Д.). Грамматика руководствующая к познанию славенороссийского языка. [Киев]: печатана в Тип. Киевопечерския лавры, 1794. [6], 168 с.
- В Сибирь – *Радищев А. Н.* Записки путешествия в Сибирь // Радищев А. Н. Полн. собр. соч.: В 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 3. С. 253–266.
- Из Сибири – *Радищев А. Н.* Записки путешествия из Сибири // Радищев А. Н. Полн. собр. соч.: В 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 3. С. 267–304.
- Курганов Н. Г.* Книга писмовникъ, а въ ней Наука російскаго языка... Новое издание... СПб.: Въ книгопечатнѣ морскаго общества благородныхъ Юношей, 1777. 472 с.
- Курганов Н. Г.* Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие... СПб.: [тип. Морск. кад. корпуса], 1769. [6], 424 с.
- Максимов Федор.* Грамматика славенская въ кратцѣ собранная въ Грекославенской школьѣ таже въ великом Новѣ градѣ при домѣ Архїерейскомѣ, 1723. 1 тит. л., [1], 1–8 с., 1–212 с., [12] = 124 л.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения 04.07.2021).
- Письмо – *Радищев А. Н.* Письмо о Китайском торге // Радищев А. Н. Полн. собр. соч.: В 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. С. 3–35.
- Поликарпов Ф. П.* Технология: Искусство грамматики / Изд. Е. Э. Бабаевой. СПб.: Инапресс, 2000. 373, [1] с.
- Смотрицкий Мелетий.* Грамматика славенския правильное Синтагма / потщанием многогрешного мниха Мелетия Смотрицкого [...]. Евье: Тип. Братская, 1619. [252] л. (486 с. электронной копии) URL: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01008117297?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения 28.08.2021).
- [*Смотрицкий Мелетий.*] Грамматика. М.: Печатный двор, 2 февраля 1648. 1 пустой, 1–63, 74–329, 331–388 = 378 л. URL: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01002424819?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения 28.08.2021).
- [*Смотрицкий Мелетий.*] Грамматика в Царствующем Великом граде Москве, в лето от сотворения мира 7229, от Рождества же во плоти Бога слова 1721, индикта 14 месяца февруария. М., 1721 (изд. Ф. Поликарпова-Орлова). 260 л. (1 тит. л., 1 нн., 5 л., 253 л.)
- Сокращ. пов. – *Радищев А. Н.* Сокращенное повествование о приобретении Сибири // Радищев А. Н. Полн. собр. соч.: В 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. С. 143–163.
- Тобольск. нам. – *Радищев А. Н.* Описание Тобольского наместничества // Радищев А. Н. Полн. собр. соч.: В 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 3. С. 133–142.

Список словарей

- СлРЯ – Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1984–1991. Вып. 1–6; СПб.: Наука, 1992–2019–. Вып. 7–22–.
- МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Рус. яз., 1999.

References

- Demidov D. G., Kamchatnov A. M. Prichastodetie i ego rol' v russkom istoricheskom slovoobrazovanii [Gerundive and its role in Russian historical word formation]. *Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki*. 2020, no. 2, pp. 98–111.

Keipert H. *Die Adjektive auf -tel'n*. Studien zu einem Kirchenslavischen Wortbildungstyp. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1977–1985, 237, XXXII, 337 p.

Korovin F. G. Prilagatel'nye na -tel'n- v drevnerusskom yazyke (po materialam slovarya I. I. Sreznevskogo) [Adjectives in -teln- in the Old Russian language (on the basis of the materials of the dictionary of I. I. Sreznevsky)]. *Uchen. zap. Kirg. un-ta*. 1964, vol. 10: Slav. sb. [Slavic collection], no. 2, pp. 47–57.

Petrova Z. M. Novoobrazovaniya v krugu imen prilagatelnykh [Lexical Innovations (adjectives)]. In: I. M. Maltseva, A. I. Molotkov, Z. M. Petrova. *Leksicheskie novoobrazovaniya v russkom yazyke 18 v.* [Lexical Innovations in the Russian language of the 18th century]. Leningrad, Nauka, 1975, pp. 146–246.

Veselitskii V. V. *Otvlechnaya leksika v russkom literaturnom yazyke 18 – nachala 19 v.* [Abstract vocabulary in the Russian literary language of the 18th – early 19th centuries]. Moscow, Nauka, 1972, 319 p.

Vinogradov V. V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vv.* [Essays on the history of the Russian literary language of the 18–19th centuries: a textbook for students of philology]. Moscow, Vyssh. shk., 1982, 529 p.

Vinogradov V. V. *Russkii yazyk* [Russian language]. Moscow, Rus. yaz., 2001, 720 p.

Zemskaya E. A. *Istoriya slovoobrazovaniya prilagatel'nykh v russkom literaturnom yazyke novogo vremeni* [The history of word formation of adjectives in the Russian literary language of modern times]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Moscow, 1965, 28 p.

List of sources

Apollos (Baibakov A. D.). *Grammatika rukovodstvuyushchaya k poznaniyu slaveno-rossiyskogo yazyka* [A grammar facilitating the learning of the Slavic-Russian language]. Kiev, pechatana v Tip. Kievopecherskiya lavryБ 1794Б [6], 168 p.

Radishchev A. N. *Zapiski puteshestviya v Sibir'* [Travel notes to Siberia]. In: Radishchev A. N. *Poln. sobr. soch.: V 3 t.* [Complete collected works: In 3 vols]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1954, vol. 3 pp. 253–266.

Kurganov N. G. *Rossiyskaya universal'naya grammatika, ili Vseobshchee pismo-slovie...* [A Russian Universal Grammar, or A Universal Writing Manual]. St. Petersburg, tip. Morsk. kad. Korpusa, 1769, [6], 424 p.

Kurganov N. G. *Kniga pismovnik", a v" ney Nauka rossiyskogo yazyka... Novoe izdaniye...* [A Writing Manual, and in it the Science of the Russian Language... New Edition...]. St. Petersburg, V knigopechatnĭ morskago obshchestva blagorodnykh Yunoshey, 1777, 472 p.

Maksimov Fedor. *Grammatika slavenskaya v" krattsĭ sobrannaya v" Grekoslavenskoy shkoly iazhe v" velikom Novĭ gradĭ pri domĭ Arkhiereyskom* [Slavic grammar in short, collected in the Greco-Slavic school, in the great Novgorod at the bishop's house]. Velikiy Novgorod, 1723, 1 tit. l., [1], 1–8 p., 1–212 p., [12] = 124 f.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [National corpus of the Russian language]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (accessed 04.07.2021).

Polikarpov F. P. *Tekhnologia: Iskusstvo grammatiki* [Technology: The art of grammar]. Publ. by E. E. Babaeva. St. Petersburg, Inapress, 2000, 373, [1] p.

Radishchev A. N. *Opisanie Tobolskogo namestnichestva* [Description of the Tobolsk viceroyalty]. In: Radishchev A. N. *Poln. sobr. soch.: V 3 t.* [Complete works: In 3 vols.]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1954, vol. 3, pp. 133–142.

Radishchev A. N. *Pismo o Kitaiskom torge* [Letter on Trade with China]. In: Radishchev A. N. *Poln. sobr. soch.: V 3 t.* [Complete works: In 3 vols.]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1941, vol. 2, pp. 3–35.

Radishchev A. N. Sokrashchennoe povestvovanie o priobrenenii Sibiri // Radishchev A. N. *Poln. sobr. soch.: V 3 t.* [Complete works: In 3 vols.]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1941, vol. 2, pp. 143–163.

Smotritskiy Meletiy. *Grammatiki slavenskiya pravilnoe Sintagma potshchaniem mnogogreshnogo mnikha Meletiya Smotritskogo* [Slavonic grammar with correct syntax by the devotion of the holy man of God Meletios Smotritsky]. Ev'ye, Tip. Bratskaya, 1619, [252] p. lit. (486 p. electronic copy) URL: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01008117297?page=1&rotate=0&theme=white> (accessed 28.08.2021).

Radishchev A. N. Zapiski puteshestviya iz Sibiri [Travel notes from Siberia]. In: Radishchev A. N. *Poln. sobr. soch.: V 3 t.* [Complete collected works: In 3 vols.]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1954, vol. 3 pp. 267–304.

Smotritskiy Meletiy. *Grammatika* [Grammar]. Moscow, Pechatnyy dvor, 2 fevralya 1648. 1 pustoy, 1–63, 74–329, 331–388 = 378 l. URL: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01002424819?page=1&rotate=0&theme=white> (accessed 28.08.2021).

Smotritskiy Meletiy. *Grammatika v Tsarstvuyushchem Velikom grade Moskve, v leto ot sotvoreniya mira 7229, ot Rozhdestva zhe vo ploti Boga slova 1721, indikta 14 mesyatsa fevruariya* [Grammar in the Reigning Great City of Moscow, in the year from the Creation of the World 7229, from the Birth of the Word God in the Flesh 1721, Indictment of the 14th month of Februar]. Moscow, 1721 (Publ. by F. Polikarpova-Orlova). 260 l. (1 tit. l., 1 nn., 5 l., 253 l.)

List of dictionaries

Slovar' russkogo yazyka 18 veka [Dictionary of Russian language of the 18th century]. Leningrad, Nauka, 1984–1991, iss. 1–6; St. Petersburg, Nauka, 1992–2019–, iss. 7–22–.

Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. [Dictionary of the Russian language: In 4 vols.]. A. P. Evgen'eva (Ed. in Ch.). Moscow, Rus. yaz., 1999.

Информация об авторах

Сергей Васильевич Власов, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры французского языка Факультета иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
WoS Researcher ID C-3969-2016

Дмитрий Григорьевич Демидов, доктор филологических наук, доцент Государственного университета Чжэнчжи (Тайвань, Тайбэй)

Information about the authors

Sergei V. Vlasov, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of French Languages of the Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
WoS Researcher ID C-3969-2016

Dmitrii G. Demidov, Doctor of Philology, Associate Professor at the Department of Slavic Languages & Literatures of the Chengchi State University (Taipei, Taiwan)

*Статья поступила в редакцию 05.11.2021;
одобрена после рецензирования 02.02.2022; принята к публикации 02.02.2022
The article was submitted on 05.11.2021;
approved after reviewing on 02.02.2022; accepted for publication on 02.02.2022*

Научная статья

УДК 811.512.153

DOI 10.17223/18137083/83/18

Рефлексив в хакасском языке: структура и семантика

Инга Людвиговна Кызласова

Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова
Абакан, Россия

ikyzasova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0973-4567>

Аннотация

Цель исследования – определить структурные и семантические особенности рефлексива в хакасском языке. Рассмотрены аспекты изучения категории залога в теории языкознания, в том числе в тюркологии, а также представлена дискуссия лингвистов в определении природы рефлексива. Показано, что в хакасском языке рефлексив образуется от переходных и непереходных глаголов агентивного свойства. Показаны процессы полной и частичной генерализации рефлексивного глагола в хакасском языке, определены основные признаки рефлексива: агентивность, абстрактность, непереходность и полупереходность, качественность и процессность. Установлено, что рефлексив обозначает активную деятельность субъекта, что он является источником и/или объектом действия. Выявлены основные семантические типы рефлексива в хакасском языке: медиальные, партитивно-рефлексивные, тотальные, бенефактивные, автокаузативные, декаузативные.

Ключевые слова

хакасский язык, залог, рефлексив, возвратный залог, рефлексивный глагол

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00462

Для цитирования

Кызласова И. Л. Рефлексив в хакасском языке: структура и семантика // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 235–246. DOI 10.17223/18137083/83/18

Reflexive in the Khakass language: structure and semantics

Inga L. Kyzlasova

N. F. Katanov Khakass State University
Abakan, Russian Federation

ikyzasova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0973-4567>

Abstract

This study determines the structural and semantic features of the reflexive (reflexive voice) in Khakass, taking into account the peculiarities of the Turkic conceptualization of the reflexivi-

© Кызласова И. Л., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 235–246
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 235–246

ty semantics in the language. The paper considers the aspects of the study of the voice category in the theory of linguistics and presents the discussion of linguists regarding the nature of the reflexive. It is indicated that a reflexive verb in the Khakass language denotes the active action of its agent, i.e., the source and the object of the action. It is shown that reflexive is formed from transitive and intransitive verbs with agentive semantics. The following basic signs of reflexivity are defined: agentivity, abstractness, intransitivity, and semi-transitivity. The main semantic types of reflexive in the Khakass language have been revealed, including the medial, partitive-reflexive, total, benefactive, autocausative, and decausative. The study results are as follows: 1) the meaning of the reflexive in the Khakass language does not go beyond its semantic limits in other languages; 2) modification of active verbs into the reflexive causes a full or partial generalization of action; 3) a partial generalization maintains the action transitivity to the object that is in a possessive relationship with the subject, creating a reflexive verb of activity; 4) a complete generalization makes the action intransitive, forming a reflexive verb of quality; 5) the reflexive meaning can be supplemented with active one. The work was performed with data from the Electronic Corpus of the Khakass language and personal fieldwork data.

Keywords

Khakass language, voice, reflexive, reflexive voice, reflexive verb

Acknowledgements

The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of the scientific project no. 20-012-00462

For citation

Kyzlasova I. L. Reflexive in the Khakass language: structure and semantics. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 235–246. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/18

Теория залога в истории языкознания претерпевала значительные изменения. Границы залога расширились от формообразующей категории к синтаксической до речевой и текстовой. Эти концепции можно условно обозначить следующим образом:

1) морфолого-синтаксическая – залог определяется через отношение глагольного действия к грамматическому субъекту (Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский, Р. О. Якобсон, *Грамматика-70* и др.);

2) логико-семантическая – залог определяется через отношение глагольного действия к логическому субъекту и объекту (А. А. Потебня, А. А. Шахматов, *Грамматика-80* и др.);

3) универсальная – залог определяется как грамматически маркированная в глаголе диатеза (А. А. Холодович, В. С. Храковский и др.);

4) интерпретационная (прагматическая) – залог объясняется коммуникативными и прагматическими установками говорящего в русле семантических компонентов высказывания – темы и ремы (И. А. Мельчук, В. А. Плунгян, Е. В. Падучева и др.);

5) функционально-семантическая – описываются залоговые отношения, выражаемые разнообразными языковыми средствами (А. В. Бондарко и др.);

б) системная (текстовая) – залог изучается в системной связи с функциональными, субъектными и речевыми характеристиками текста (Г. А. Золотова и др.).

Исследователи тюркских языков залог обычно рассматривают в русле морфолого-синтаксической теории (см. А. А. Юлдашев, Б. А. Серебренников, С. Н. Иванов, Э. В. Севортян, Л. Н. Харитонов, Н. Н. Джанашиа, Н. К. Дмитриев, А. Н. Кононов, К. М. Любимов, М. З. Закиев, А. Х. Фатыхов, А. А. Азер, С. Кудайберген, А. К. Хасенова и др.). Однако спорным в тюркологии является вопрос определения его категориального статуса и места в грамматической системе язы-

ка: одни считают его грамматической категорией (А. М. Щербак, С. Кудайбергенов, А. Н. Кононов, Б. Ч. Чарыяров, Э. В. Севортян, А. Х. Фатыхов, В. Г. Гузев, Н. Э. Гаджихамедов, К. М. Любимов, Н. Д. Алмадакова и др.), другие – словообразовательной (Н. А. Баскаков, Н. К. Дмитриев, Б. А. Серебренников, К. М. Любимов, А. Н. Кононов, А. А. Юлдашев, Ф. А. Ганиев и др.), третьи – лексикограмматической (М. З. Закиев, Л. Н. Харитонов, К. З. Зиннатуллина и др.).

Для общей теории залога разноструктурных языков считают целесообразным под залогом понимать глагольное морфологическое средство передачи только определенной разновидности взаимоотношений действий с предметами: активности, возвратности, взаимности, страдательности, побудительности [Гузев, Телицин, 2019, с. 134].

Дискуссия возникает и в трактовке категории рефлексива (возвратного залога). В русской грамматике его определяют как «действие, направленное на само действующее лицо, которое является одновременно и субъектом и объектом этого действия» [ЛЭС, 1990, с. 160], как «полную или частичную однореферентность объекта действия с его субъектом» [ТФГ, 1991, с. 239]. В исследованиях по тюркским языкам учитывают тождество между объектом и субъектом: «он выражает направленность действия на самого его производителя как на прямой объект...» [Юлдашев, 1988, с. 295]; «действие исходит от субъекта и направлено на него самого» [Щербак, 1981, с. 104].

В последнее время исследователи пытаются конкретизировать и детализировать условия функционирования рефлексива в языке и речи. Так, З. И. Саляхова отмечает способность действия рефлексивного глагола в башкирском языке переходить на объект и считает, что «рефлексив», «возвратный залог» обозначает действие, которое совершается субъектом и направлено на субъект или объект, но для данного же субъекта действия [Саляхова, 2012, с. 6]. Н. Д. Алмадакова строго различает «грамматический» залог и глаголы, имеющие этот показатель, но уже лексикализовавшиеся. По ее мнению, форма возвратного залога $=(\text{B})\text{н}$ не меняет лексического значения исходного глагола и передает такой ракурс субъектно-объектных отношений, при котором действие мыслится направленным на сам субъект, т. е. субъект (агенса) является одновременно и объектом (пациентом) действия [Алмадакова, 2017, с. 226]. Г. И. Берестнев детально прописал характер субъектно-объектных отношений в рефлексиве: «Субъект в данном типе конструкции, выраженный именованным элементом, является источником такого действия, которое вовлекает его в ситуацию в качестве объекта, производя над ним, а точнее – над самим собой, какие-либо преобразования. Таким образом, с одной стороны, сохраняется собственно мыслящее или активное субъектное начало, а с другой – выделяется его пассивная объектная копия, на которую и указывает возвратное местоимение» [Берестнев, 2000, с. 51]. В. М. Телякова отметила процессный и общий характер отношений между субъектом, объектом и действием. Указывает, что глаголы с возвратным аффиксом $-\text{н}$ «выражают общее понятие вовлечения субъекта в действие, которое он производит: субъект и всё, что относится к нему, “втянуты” в процесс. Поэтому шорские возвратные глаголы способны открывать места для актантов, называющих прямой объект» [Телякова, 2021, с. 47].

Как видим, исследователи по-разному определяют суть рефлексива: одни пытаются установить его через субъектно-объектные отношения, другие намеренно избегают термина «объект» и указывают на активное субъектное начало, третьи на материале тюркских языков отмечают способность действия рефлексивного

глагола переходить на объект. Характеристика рефлексива дополняется также такими признаками, как 'преобразовательная семантика', 'агентивный и иной характер', процессный и общий характер отношений между субъектом, объектом и действием. Такое разнообразие определений свидетельствует о неоднозначной и сложной природе рефлексива.

В хакасском языке залог признан лексико-грамматической категорией глагола, которая выражает отношение действия к субъекту и объекту [Карпов, 2007, с. 77]. В семантике возвратного залога отмечены признаки собственно-возвратного, общезовратного и косвенно-возвратного значений [ГХЯ, 1975, с. 177]. В данной статье мы, ориентируясь на формальное наличие рефлексивного показателя *-ын / -ин, -н* в структуре глагола, попытались определить инвариантное и частные значения рефлексива. В нашем списке оказалось 211 глаголов с показателем *-н* и свыше 700 примеров их использования в хакасском языке.

Образуется рефлексив путем присоединения к основе глагола аффикса *-ын / -ин, -н*, например: *хыр-* 'брить' – *хырын-* 'бриться', *көр-* 'смотреть' – *көрин-* 'смотреться', 'виднеться', *тимне-* 'готовить' – *тимнен-* 'готовиться'. При присоединении к основам на *г, з, ң* в интервокальной позиции происходит выпадение заднеязычного согласного, стяжение слогов и образование долгого гласного: *чуг-* 'мыть' – *чуун-* (< *чуг + ын*) 'мыться', *чыг-* 'собирать' – *чыын-* (< *чыг + ын*) 'собираться'.

Словообразовательные аффиксы *-лан / -лен* и *-сын / -син* исторически сложились из двух морфем – глаголообразующей и залоговой. Например: *пүр* 'лист' – *пүрлен-* 'почковаться (о деревьях)', *улуг* 'большой, взрослый' – *улуглан-* 'взрослеть', *өң* 'цвет' – *өңнен-* 'расцветать', *өкер* 'красивый, прекрасный' – *өкерсин-* 'любоваться; чувствовать красоту', *аар* 'тяжелый' – *аарсын-* 'тяготиться; ощущать тяготы' и т. п.

Имеются также реликтовые рефлексивы, у которых в современном языке утрачен первоначальный корень: *өрін-* 'радоваться', *тарын-* 'сердиться', *тонан-* 'одеваться', *айлан-* 'возвращаться', *аарын-* 'стесняться', *хылын-* 'делать что-л. для себя', *пиртин-* 'изувечиться, травмироваться', *тирин-* 'вооружаться', *тайан-* 'опираться', *алын-* 'сходить с ума, дурачиться', *сылтан-* 'ссылаться, оправдываться', *чазын-* 'прятаться', *усхун-* 'просыпаться', *чапсын-* 'приклеиваться, прилепляться, прицепляться', *үгрэн-* 'учиться' и др.

Образуются рефлексивы как от переходных, так и от непереходных глаголов. Среди переходных глаголов встречаются предикаты со следующей интегральной семой:

а) [созидание]: *ит-* 'делать' – *идін-* 'делать себе', *пүдip-* 'строить' – *пүдipин-* 'строить себе', *тимне-* 'готовить' – *тимнен-* 'готовиться', *пас-* 'писать' – *пазын-* 'выписывать (себе)';

б) [изменение]: *хас-* 'копать' – *хазын-* '1) копать (в себе); 2) окопаться', *чуг-* 'мыть' – *чуун-* 'мыться', *сырла-* 'красить' – *сырлан-* 'краситься', *имне-* 'лечить' – *имнен-* 'лечиться', *көдip-* 'поднимать' – *көдipин-* 'подниматься';

в) [разрушение]: *кис-* 'резать' – *кизін-* 'резаться', *ат-* 'стрелять' – *атын-* 'застрелиться', *өрте-* 'жечь' – *өртен-* 'прижечь себе', *пог-* 'душить' – *поон-* 'задушиться';

г) [говорение]: *чоохта-* 'говорить что-л. кому-л.' – *чоохтан-* 'говорить что-л. (вообще); приговаривать', *сыбыхта-* 'шептать что-л. кому-л.' – *сыбыхтан-* 'шептать что-л.';

д) [восприятие, умственная операция]: *сис-* ‘предчувствовать; разгадывать, отгадывать’ – *сизін-* ‘догадываться’, *көр-* ‘смотреть’ – *көрін-* ‘показывать себя; смотреться’, *тыңна-* ‘слушать’ – *тыңнан-* ‘прислушиваться’, *сур-* ‘спрашивать; просить’ – *сурын-* ‘проситься’, *сыныхта-* ‘проверять’ – *сыныхтан-* ‘проверяться; обследоваться’, *сана-* ‘считать’ – *санан-* ‘считать себя’.

Круг непереходных глаголов, образующих рефлексив, не обширный. Это глаголы движения и перемещения, позиции, процесса: *чөр-* ‘ходить’, *пас-* ‘шагать’, *чүгүр-* ‘бежать’, *төдірле-* ‘пятиться’, *хыймыра-* ‘шевелиться’, *тибіре-* ‘двигаться’, *маңзыра-* ‘торопиться’, *одыр-* ‘сидеть’, *чат-* ‘лежать’, *өл-* ‘умирать’, *изір-* ‘пьянеть’, *симір-* ‘полнеть’, *чалбыра-* ‘сверкать’ и др.

При модификации активных глаголов в рефлексивные происходит генерализация действия, его абстрагирование, проявляющееся в значениях длительности, узуальности, итеративности, обобщенности, неконкретности, неопределенности и т. п. Ср. с активом: *чочы-* ‘пугаться кого-л., вздрагивать от чего-л.’ – *чочын-* ‘побаиваться, бояться, опасаться’; *чоохта-* ‘говорить кому-л.’ – *чоохтан-* ‘говорить (вообще), приговаривать’; *маңзыра-* ‘торопиться (сейчас)’ – *маңзыран-* ‘поторапливаться, торопиться (вообще)’.

Рефлексивные глаголы являются агентивными и делятся на два класса предикатов: качества (в широком смысле, включая предикаты состояния и поведения) и деятельности (в широком смысле, включая предикаты занятия). «Качество» – это относительно независимая от течения времени характеристика предмета [Булыгина, Шмелев, 1997, с. 53]. В предикатах качества объектного актанта нет. Они непереходны. «Деятельность» – это процесс, осуществляемый субъектом над объектом для удовлетворения собственных потребностей. Предикаты деятельности с возвратным значением в тюркских языках сохраняют переходность. Однако говорить о переходности в ее полном смысле не приходится, так как она связана лишь с таким объектом, который находится с субъектом в посессивных отношениях. Поэтому применительно к тюркским языкам здесь был бы уместен термин «полупереходность». В «полупереходных» глаголах субъект охватывает свой объект (Я + мое) и вместе с ним замыкается; субъектная сфера здесь свернутая, закрытая (в русле интерпретаций Г. А. Золотовой [Золотова и др., 1998, с. 330–331]).

См. примеры хакасского языка: *Ол пазын чуунча* ‘Он моет голову’ (актив) – *Ол пазын чуунча* ‘Он моет свою голову’ (рефлексив с предикатом деятельности) – *Ол чуунча* ‘Он моется; умывается’ (рефлексив с предикатом качества); *Ол хазыгын хайралланча* ‘Он бережет свое здоровье (сейчас)’ (актив) – *Ол хазыгын хайралланча* ‘Он бережет свое здоровье (вообще)’ (рефлексив с предикатом деятельности) – *Ол хайралланча* ‘Он бережется’ (рефлексив с предикатом качества).

Из вышесказанного следует, что в хакасском языке характерными признаками рефлексива являются: агентивность, абстрактность, непереходность или «полупереходность», качественный и процессный характер рефлексивных предикатов.

Рефлексив обозначает действие, источником и объектом которого является сам субъект. Так, в примере *Чуун, – тидір, – азыранарбыс* ‘ – Умывайся, – говорит, – есть будем’ глагол *чуун-* ‘умываться’ означает [умывать самому себя] – и источником и объектом действия является субъект. В примере *мөкейиң алып, сырай-холың чуунган* ‘наклонившись, мыла лицо-руки’ глагол *чуун-* ‘мыться, мыть’ означает [мыть самому свои...] – источником действия является субъект, объектом – его тело. В примере *Палаларны чыртарга чарабас, улам чоохтангалах таа кічіг паланы* ‘Нельзя бить детей, особенно тех, которые ещё не умеют говорить’ глагол

чоохтан- 'говорить' означает [говорить самому] – источником действия является субъект, объект отсутствует.

В целом рефлексив в хакасском языке обозначает активную деятельность субъекта, направленную на удовлетворение собственных потребностей, ценностей, эмоций и идеалов. Выражает следующие рефлексивные значения: медиальные, партиитивно-рефлексивные, тотальные, бенефактивные, автокаузативные, декаузативные. Рассмотрим их.

1. Медиальные рефлексивы

Другие названия: средне-возвратные, абсолютивные, активно-безобъектные. Обозначают действие, сосредоточенное в субъекте; действие, источником которого является сам субъект. Объект этого действия неважен, он отсутствует и формально, и семантически. Например: *паланы махта* 'хвалить ребенка' – *махтан* 'хвалиться (самому)'; *паланы азыра* 'кормить ребенка' – *азыран* 'кушать (самому)'.¹

Образуются от переходных и непереходных глаголов, обозначающих говорение, волевое, эмоциональное, речевое воздействие и отношение, ментальное, эмоциональное и физическое действие: *чоохта*- 'говорить кому-л.' – *чоохтан*- 'говорить, высказывать свои мысли (вообще)', *хырыс*- 'ругать кого-л.' – *хырызын*- 'ругаться (вообще)', *күсте*- 'заставлять кого-л.' – *күстен*- 'стараться', *тимне*- 'готовить, собирать кого-что-л.' – *тимнен*- 'готовиться, собираться', *сабла*- 'славить кого-л.' – *саблан*- 'славиться', *ирееле*- 'мучить кого-л.' – *иреелен*- 'мучиться, страдать', *сис*- 'предчувствовать; отгадывать что-л.' – *сизин*- 'чувствовать; понимать; замечать (самому)', *пил*- 'знать что-л. или вообще' – *пилин*- 'ощущать; понимать, осознавать (самому)', *пичееле*- 'переживать за кого-л.' – *пичеелен*- 'переживать; расстраиваться; печалиться, горевать', *чүрексі*- 'волноваться за кого-л.' – *чүрексин*- 'волноваться', *хас*- 'копать, рыть что-л.' – *хазын*- 'копаться, рыться, ковыряться', *сыда*- 'терпеть, выдержать, осилить, побороть' – *сыдан*- 'справляться, быть способным сделать'; *чыста*- 'нюхать что-л.' – *чыстан*- 'пахнуть (самому), издавать запах, источать запах', *тыңна*- 'слушать кого-что-л.' – *тыңнан*- 'прислушиваться' и т. п.

Эти рефлексивные глаголы обозначают:

1) речевое поведение субъекта: *чоохтан*- 'говорить, высказывать свои мысли', *сөклен*- 'браниться, ругаться', *хырызын*- 'ругаться', *хоптан*- 'жаловаться, сетовать', *тилен*- 'повторять, причитать', *сыбыран*- 'шептать, бормотать', *сыбыхтан*- 'шептать', *нахлан*- 'ворчать', *пыролан*- 'извиняться' и т. п.;

2) волевое, ментальное, эмоциональное, физическое состояние субъекта: *күстен*- 'стараться', *сыдан*- 'справляться, быть способным', *тыхтан*- 'собираться', *тимнен*- 'готовиться'; *сизин*- 'чувствовать; понимать; замечать', *хабын*- 'спохватиться; догадаться', *пилин*- 'ощущать; понимать, осознавать', *санан*- 'просчитывать, рассчитывать, подсчитывать'; *иреелен*- 'мучиться, страдать', *пичеелен*- 'переживать; расстраиваться; печалиться, горевать', *чүрексин*- 'волноваться', *хомайлан*- 'ухудшаться; слабеть, чахнуть', *улуглан*- 'взрослеть, стариться' и т. п.;

3) действия, связанные с социальной, профессиональной, физиологической деятельностью субъекта: *суурын*- 'увольняться; сниматься; фотографироваться', *үгрэн*- 'учиться', *азыран*- 'кушать, питаться', *күлін*- 'улыбаться', *саблан*- 'славиться', *худалан*- 'заниматься сватовством' и т. п.;

4) кратные, длительные, усиленные действия субъекта: *хасхлан*- 'копаться', *чухчулан*- 'копошиться', *сүсклен*- 'бодаться', *табын*- 'приискивать, искать (активно)', *хазын*- 'копаться, рыться, ковыряться', *чочын*- 'побаиваться, опасаться',

маңзыран- 'поспешать, поторапливаться', *пазырын*- 'кланяться, прислуживать, поклоняться, божиться', *чыстан*- 'пахнуть, источать запах', *тыңнан*- 'прислушаться' и т. п.

2. Партитивно-рефлексивные рефлексивы

В отличие от медиальных рефлексивов, для них важен объект; они «описывают ситуации с объектом, являющимся частью субъекта» [ТФГ, 1991, с. 256]. Этот объект в рефлексивных конструкциях может сохраняться или не сохраняться: *холын чуунча* 'умывает свои руки' – *чуунча* 'моется, умывается'; *пазын имненче* 'лечит свою голову; лечится от головной боли' – *имненче* 'лечится'. Тестируется одновременно двумя местоимениями: *позының* 'свой' и *позын* 'себя'.

Образуются от переходных глаголов, обозначающих перемещение, физическое и психическое воздействие, разрушение, соединение, разъединение, термический процесс, знание, оценку, учет: *тут*- 'держат, брать' – *тудын*- 'держат(ся)'; пользоваться; хватать(ся); обнимать(ся); сдерживать(ся); тратить, расходовать, растрчивать; придерживаться, следовать; растить, воспитывать своего...'; *сыгар*- 'вытаскивать' – *сыгарын*- 'признавать(ся), раскрывать(ся)', *пир*- 'давать' – *пирин*- 'отдавать(ся)', *хычы*- 'чесать' – *хычын*- 'чесать(ся)', *хахта*- 'трясти' – *хахтан*- 'отряхивать(ся), стряхивать(ся)'; *чуг*- 'мыть' – *чуун*- 'мыть(ся)'; умывать(ся), *тара*- 'причесывать' – *таран*- 'причесывать(ся)', *хыр*- 'скоблить, брить' – *хырын*- 'брить(ся)', *сырла*- 'красить' – *сырлан*- 'красить(ся)', *арыгла*- 'чистить' – *арыглан*- 'чистить(ся), очищать(ся)', *арачыла*- 'спасать, беречь' – *арачылан*- 'спасать(ся), беречь(ся)', *хайралла*- 'беречь' – *хайраллан*- 'беречь(ся)'; *айа*- 'жалеть' – *айан*- 'жалеть свой... / себя'; *кис*- 'резать' – *кизин*- 'порезать(ся); зарезаться', *өрте*- 'жечь' – *өртен*- 'обжечь(ся); сжечь(ся)', *ат*- 'стрелять' – *атын*- 'пристрелить(ся); застрелиться', *чап*- 'закрывать' – *чабын*- 'закрывать(ся)'; покрывать(ся); укрывать(ся); накрывать(ся), *ас*- 'открывать' – *азын*- 'открывать(ся)'; раскрывать(ся), *соот*- 'охлаждать' – *соодын*- 'охлаждать(ся)', *изит*- 'греть' – *изидин*- 'греть(ся)', *чылыт*- 'греть' – *чылыдын*- 'греть(ся)', *сыныхта*- 'проверять' – *сыныхтан*- 'проверять(ся), обследовать(ся)', *имне*- 'лечить' – *имнен*- 'лечить(ся)' и т. п.

Эти рефлексивные глаголы обозначают:

1) уход за внешностью: *чуун*- 'мыть; мыть(ся)'; умывать(ся), *таран*- 'причесывать(ся)', *хырын*- 'брить(ся)', *сүртін*- 'мазать(ся); натирать(ся)', *чызын*- 'вытирать(ся)', *сырлан*- 'красить(ся)', *арыглан*- 'чистить(ся), очищать(ся)'; мыть(ся), *чазан*- 'украшать(ся), наряжать(ся)', *сіліглен*- 'прихорашивать(ся)' и т. п.;

2) воздействие на тело, часть тела: *тудын*- 'в значении: держать(ся)'; *хычын*- 'чесать(ся)', *кизин*- 'порезать(ся); зарезаться', *өртен*- 'обжечь(ся)', *атын*- 'пристрелить(ся); застрелиться', *азын*- 'открывать(ся)'; раскрывать(ся), *ораан*- 'укутывать(ся)'; *хурчан*- 'подпоясывать(ся)', *соодын*- 'охлаждать(ся)', *изидин*- 'греть(ся)', *чылыдын*- 'греть(ся)', *хурудын*- 'сушить(ся)', *иптен*- 'приводить свой... / себя в порядок', *көрін*- 'смотреть(ся), осматривать(ся); показывать(ся)' и т. п.;

3) использование своего имущества, собственности: *тудын*- 'в значении: пользоваться; хватать(ся)'; тратить, расходовать, растрчивать; растить, воспитывать', *арыглан*- 'чистить(ся), очищать(ся)'; *хахтан*- 'отряхивать(ся), стряхивать(ся)', *арачылан*- 'спасать(ся), беречь(ся)', *хайраллан*- 'беречь(ся)', *хорадын*- 'тратить(ся)', *пиктен*- 'закрывать(ся)', *иптен*- 'приводить в порядок' и т. п.;

4) двигательные функции тела: *тебін*- 'дрыгать(ся), двигать(ся)', *сабын*- 'хлопать, махать (руками, крыльями); обмахивать(ся)', *сыгын*- 'подмигивать', *тайнан*- 'жевать', *тудын*- 'брать, держать, обхватывать', *хучахтан*- 'обнимать' и т. п.;

5) управление своими психическими и другими свойствами: *тудын*- 'в значении: сдерживать(ся)'; *сыгарын*- 'признавать(ся), раскрывать(ся)', *салын*- 'прилагать усилия', *пирін*- 'отдавать(ся)', *садын*- 'предавать, продавать(ся)', *пазын*- 'подавлять(ся); закрывать(ся)', *тызын*- 'сдерживать(ся), терпеть', *хорадын*- 'тратить(ся)', *пиктен*- 'закрывать(ся)', *тыыдын*- 'крепиться, держаться', *паалан*- 'оценивать, ценить свой... / себя' и т. п.;

б) следование традициям, обычаям своего народа: *тудын*- 'в значении: придерживаться, следовать' и т. п.

3. Смысловые (тотальные) рефлексивы

Означают полную однореферентность субъекта и объекта. Тестируется местоимением *позыңны* 'сам себя'. В хакасском языке это такие глаголы, как *тонан*- 'одеваться', *чаластан*- 'раздеваться', *пирін*- 'в значении: сдаваться, покоряться', *өдірін*- 'убить себя; наложить на себя руки; совершить самоубийство', *өлін*- 'совершить самоубийство', *поон*- 'задушить себя; повеситься'.

4. Бенефактивные рефлексивы (антипассив)

Обозначают 'самодостаточное' действие субъекта или состояние субъекта, наступающее в результате такого действия, на котором и сфокусировано внимание. Означают однореферентность субъекта и бенефактива. Тестируется местоимением *позына* 'себе, на себя' и *позыңың үчүн* 'для себя, ради себя'. Желаемый объект может сохраняться или не сохраняться: *ахча сугынарга* 'засовывать себе деньги' – *сугынарга* 'набить себе (= наворовать, нажиться, переест)'.
Образуются от переходных и непереходных глаголов, обозначающих взятие, перемещение, создание, наделение, физиологическое действие, изменение состояния, просьбу, разрушение, получение услуг и увечий, движение и позицию: *сух*- 'вкладывать, засовывать, класть' – *сугын*- 'засовывать, набивать, взять, набрать, набивать себе'; *ал*- 'брать, принимать, получать, покупать' – *алын*- 'набирать, приобретать себе; принимать, воспринимать на свой счет'; *тарт*- 'тянуть' – *тартын*- 'в значении: присваивать'; *ит*- 'делать, строить' – *идін*- 'делать, изготавливать, шить, мастерить, строить себе; наделать; жениться, усыновлять, удочерять, поработать *кого-л.*'; *пүдір*- 'строить' – *пүдірін*- 'строить себе, строиться для себя'; *кис*- 'надевать' – *кизін*- 'одеваться, надевать на себя'; *ис*- 'пить' – *изін*- 'напиваться'; *чи*- 'есть, поедать' – *чин*- 'наедаться'; *изір*- 'пьянеть' – *изірін*- 'опьянеть сверх меры'; *симір*- 'полнеть' – *симірін*- 'ожиреть'; *сур*- 'спрашивать' – *сурын*- 'просить'; *алда*- 'утешать, уговаривать' – *алдан*- 'молить, умолять'; *кис*- 'резать' – *кизін*- 'порезаться, порезать себе'; *сындыр*- 'ломать' – *сындырын*- 'сломать себе'; *хырыхтыр*- 'в хак. яз. *перех.* постригаться' – *хырыхтырын*- 'взять да постричься'; *утыр*- 'проигрывать' – *утырын*- 'взять да проиграть'; *одыр*- 'сидеть' – *одырын*- 'усесться'; *чат*- 'лежать' – *чадын*- 'улечься'; *тур*- 'стоять' – *турын*- 'стоять себе'; *чөр*- 'ходить, двигаться' – *чөрін*- 'хлопотать для себя'; *чүгүр*- 'бегать, бежать' – *чүгүрін*- 'бегать за себя'.

Эти рефлексивные глаголы обозначают:

1) рефлексивно-кумулятивное (накопительное) действие: *сугын*- 'насовать, набить, набрать себе'; *алын*- 'набрать, закупить себе; воспринимать на свой счет'; *тазын*- 'натаскать себе';

2) пантивное (постепенное) действие, направленное на овладение желаемым объектом: *идін*- 'делать, изготавливать, шить, мастерить, строить себе; наделать; жениться, усыновлять, удочерять, поработать *кого-л.*'; *пүдірін*- 'строить себе,

строиться для себя»; *пилетен-* 'приготовить, заготовливать себе'; *пазын-* 'выписывать себе, записываться, подписывать себе'; *үрін-* 'плести себе';

3) кратные целенаправленные действия субъекта: *урын-* 'обливаться, наливать себе чрезмерно'; *төгін-* 'обливаться, объедаться, упиваться'; *кизін-* 'одеваться, надевать на себя'; *чабын-* 'накинуть на себя; накрываться', *таарлан-* 'нагрузиться, нагрузить на себя'; *артын-* 'вешать, взваливать, навьючивать, нагружать на себя', *чөрін-* 'хлопотать активно за себя'; *чүгүрін-* 'бегать (по инстанциям) за себя';

4) чрезмерно продолжительное действие, выражающее «чрезмерную частотность или продолжительность воздействующего действия» [Шелякин, 2008, с. 149], и состояние субъекта, наступающее в результате такого действия: *ізін-* 'напиваться'; *чин-* 'наестся'; *тыгын-* 'обжираться, упиваться'; *изірін-* 'опьянеть сверх меры'; *одырын-* 'усесться'; *симірін-* 'ожиреть', *чадын-* 'улечься'; *турын-* 'стоять себе';

5) самообслуживание, намеренное нанесение себе увечий, ран: *чарын-* 'расколоть, разбить себе'; *кизін-* 'порезать себе'; *сындырын-* 'сломать себе', *ызырын-* 'кусать себе...'; *хазан-* 'приколоть себе...', *палган-* 'повязать себе...';

б) пермиссивное действие субъекта, результат которого оказался неожиданным, непредвиденным для субъекта наблюдения: *хырыхтырын-* 'взять да постричься у кого-л.'; *утырын-* 'взять да проиграть', *пастырын-* 'взять да записать на себя / на свое имя', *кистірін-* 'взять да постричься у кого-л.', *сахтырын-* 'взять да ужалиться чем-л.', *чаптырын-* 'взять да закрыться из-за чего-л.', *пайыдын-* 'взять да разбогатеть';

7) просьбу: *сурын-* 'просить(ся); молить(ся); отпрашиваться; упрашивать; испрашивать', *алдан-* 'умолять; упрашивать; просить прощения, пощады', *кілен-* 'попрошайничать; просить', *нымзан-* 'просить, поручать'.

5. Автокаузативные рефлексивы

Обозначают действие субъекта, изменяющего собственное перемещение или состояние. Образуется от переходных и непереходных глаголов движения, перемещения, физического воздействия: *пас-* 'шагать; ступать' – *пазын-* 'отступать; пятиться; откаться', *хыймыра-* 'шататься, шевелиться' – *хыймыран-* 'двигаться; шевелиться', *тарт-* 'тянуть' – *тартын-* 'подтягиваться, тянуться', *көдір-* 'поднимать' – *көдірін-* 'подниматься', *чыгыр-* 'сжимать' – *чыырын-* 'сжиматься', *ит-* 'толкать' – *ідін-* 'отталкиваться, придвинуться', *чайха-* 'раскачивать' – *чайхан-* 'качаться, раскачиваться' и т. п.

Эти рефлексивные глаголы обозначают:

1) изменение собственного движения, перемещения, положения тела: *Ласазар пастырча, анзы нандыра пазынча* 'Наступает на Ласу, та пятится назад'; *Сортан сугзар тартынча* 'Щука тянет в воду'; *Уклинча ууча, азахтарын алтына тартына, харчахти одыр салды чийт хорба тирек хыринда* 'Бабушка Уклинча, подвернув ноги под себя, села со скрещенными ногами около молодого тополя';

2) двигательные возможности субъекта: *Чагын даа парзалар, хыймыранминча* 'Даже когда близко подошли, не шевелится';

3) проявление социальной активности субъекта: *Улуг частыга теере тогын, көп хыймыран, өткін пол паза иптiг тонан салып чөр* 'Пока живёшь, сохраняй работоспособность, больше двигайся, будь активным';

4) физическую, поведенческую, речевую реакцию организма человека: *Чилге чыырынчалар, че, электричестваа кізі саптыр парбазын тіп, хадарчалар* 'Ёжятся под ветром, караулят, чтобы никто не попал под высокое напряжение'; *Питук*

тапсаанча, син үс хати Миннең төдөр пазынарзың ‘прежде нежели пропоёт петух, трижды отречёшься от Меня’.

6. Декаузативные рефлексивы

«Здесь рефлексивный показатель имеет антикаузативную функцию, маркируя вычитание каузативного компонента из исходного глагола» [ТФГ, 1991, с. 262]. Субъектами действия являются неодушевленные предметы, части тела человека и явления природы. Участвуют глаголы вращения, движения, результатов перемещения, трансмутативы: *айлахтан-* ‘раскружиться; развертеться’, *айлан-* ‘кружиться; вертеться, вращаться’, *чайхан-* ‘качаться’, *тогылахтан-* ‘кружить; кружиться; катиться; перекачиваться; сворачиваться’, *суурын-* ‘сниматься, соскальзывать’, *ілін-* ‘повиснуть, висеть’, *оңнен-* ‘расцветать, цвести’, *пүрлен-* ‘распускаться (о листьях)’, *харасхылан-* ‘темнеть’, *чалбыран-* ‘воспламеняться, возгораться’ и т. п.

Эти рефлексивные глаголы обозначают:

1) динамическое состояние предмета, объектов природы: *Чалама чалбастанча* ‘Знамя развеивается’; *Тегілектер көблөчө айланча* ‘Колеса медленно вращаются’; *Агастар чайхан турча* ‘Деревья раскачиваются’; *Алтын пүрлер, айлахтанып, чирге тооланчалар* ‘Золотые листья, кружась, падают на землю’;

2) симптоматическое состояние человека: *Хараам чохырланча* ‘В глазах рябит’; *Пазым айланча* ‘Голова кружится’;

3) смещение, перемещение предмета: *Моол ханның хызы тас тастаанда, хольнаң чүстүгі суурынып, түс парган* ‘Когда дочь Моол-хана камень бросила, перстень с пальца [её] соскользнул, упал’.

Таким образом, можно заметить, что все выделенные значения связаны с активной деятельностью субъекта, его действия – с осуществлением социальной, физиологической, ментальной, волевой, эмоциональной деятельности; проявлением заботы о собственной внешности, здоровье, имуществе, народе; управлением своего физического и психоэмоционального состояния. Энергетическая активность может быть перенесена на действия неодушевленных предметов.

Форма возвратности употребляется с глаголами эмоционального действия, говорения, перемещения, вращения, восприятия, волитивного действия, деятельности, занятия и поведения, процессов и с некоторыми глаголами инактивного процесса. Не сочетается с глаголами интерсубъектного действия, неагентивными и произвольными глаголами, с глаголами длительного состояния и поведения.

Список литературы

Алмадакова Н. Д. Аффиксы залогового типа и залог как грамматическая категория // Грамматика современного алтайского языка. Морфология. Горно-Алтайск, 2017. С. 225–242.

Берестнев Г. И. Проблема самосознания с языковой точки зрения: когнитивные основания возвратного местоимения *себя* // Филологические науки. 2000. № 1. С. 50–58.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.

ГХЯ – Грамматика хакасского языка. М.: Наука, 1975. 418 с.

Гузев В. Г., Телицин Н. Н. Турецкие залоговые конструкции и понятие ‘залог’ // Слова мои останутся, а сам я ухожу... Scriptainmemoriam D. M. Nasilov. М.: Изд-во МБА, 2019. С. 134–144.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под общ. ред. Г. А. Золотовой. М., 1998. 528 с.

Карпов В. Г. Хакасский язык: проблемы и перспективы развития. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2007. 260 с.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. 2-е изд., доп. М.: Большая рос. энцикл., 2002. 709 с.

Салыхова З. И. Функционально-семантическая категория залоговости в башкирском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2012. 50 с.

Телякова В. П. Рефлексивные глаголы в шорском языке // Язык. Культура. Этнос. Чтения памяти Э. Ф. и Ф. Г. Чиспияковых: Сб. науч. ст. Новокузнецк: КГПИКемГУ; Красноярск: Sitall, 2021. С. 45–49.

ТФГ – Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1991. 370 с.

Шелякин М. А. Категория аспектуальности русского глагола. М.: ЛКИ, 2008. 272 с.

Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). Л.: Наука, 1981. 184 с.

Юлдашев А. А. Категория залога // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988. С. 269–324.

References

Almadakova N. D. Affiksy zalogovogo tipa i zalog kak grammaticheskaya kategoriya [Collateral type affixes and collateral as grammatical category]. In: *Grammatika sovremennoego altayskogo yazyka. Morfologiya* [Grammar of the modern Altai language. Morphology]. Gorno-Altaysk, 2017, pp. 225–242.

Berestnev G. I. Problema samosoznaniya s yazykovoy tochki zreniya: kognitivnye osnovaniya vozvratnogo mestoimeniya sebya [The problem of self-consciousness from a linguistic point of view: the cognitive grounds of the return pronoun itself]. *Philological sciences*. 2000, no. 1, pp. 50–58.

Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)* [Linguistic conceptualization of the world (based on Russian grammar)]. Moscow, LRC Publishing House, 1997, 576 p.

Grammatika khakasskogo yazyka [Grammar of the Khakass language]. Moscow, Nauka, 1975, 418 p.

Guzev V. G., Telitsin N. N. Turetskie zalogi i ponyatie ‘zalog’ [Turkish collateral and the concept of ‘collateral’]. In: *Slova moi ostanutsya, a sam ya ukhozhu... Scripta in memoriam D. M. Nasilov* [My words will remain, and I myself will leave... Scripta in memoriam D. M. Nasilov]. Moscow, MBA Publ., 2019, pp. 134–144.

Karpov V. G. *Khakasskiy yazyk: problemy i perspektivy razvitiya* [Khakass language: problems and development prospects]. Aбакан, Katanov Khakass State Univ. Publ., 2007, 260 p.

Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar’ [Linguistic encyclopedic dictionary]. 2nd ed., Moscow, Bol’shaya ros. entsikl., 2002, 709 p.

Salyakhova Z. I. *Funktional’no-semanticheskaya kategoriya zalogovosti v bashkirskom yazyke* [Functional-semantic category of voice in the Bashkir language]. Ufa, Abstract of Dr. philol. sci. diss., 2012, 50 p.

Shcherbak A. M. *Ocherki po sravnitel'noy morfologii tyurkskikh yazykov (Glagol)* [Essays on the comparative morphology of the Turkic languages (Verb)]. Leningrad, Nauka, 1981, 184 p.

Shelyakin M. A. *Kategoriya aspektual'nosti russkogo glagola* [The category of aspectuality of the Russian verb]. Moscow, LKI, 2008, 272 p.

Telyakova V. P. Refleksivnye glagoly v shorskom yazyke [Reflexive verbs in the Shor language]. In: *Yazyk. Kul'tura. Etnos. Chteniya pamyati E. F. i F. G. Chispiyakovykh: Sb. nauch. st.* [Language. Culture. Ethnic Group. Readings in memory of E. F. and F. G. Chispiyakov: coll. of sci. art.]. Novokuznetsk, KGPI KemGU, Krasnoyarsk, Sitall, 2021, pp. 45–49.

Teoriya funktsional'noy grammatiki: Personal'nost'. Zalogovost' [Functional grammar theory: Personality. Voice]. A. V. Bondarko (Ed. in Ch.). St. Petersburg, Nauka, 1991, 370 p.

Yuldashev A. A. Kategoriya zaloga [Voice category]. In: *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Morfologiya* [Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Morphology]. Moscow, Nauka, 1988, pp. 269–324.

Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. G. A. Zolotov (Ed.). Moscow, 1998, 528 p.

Информация об авторе

Инга Людовиковна Кызласова, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой хакасской филологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия)

Information about the author

Inga L. Kyzlasova, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Khakass Philology of the Khakass State University named after N. F. Katanova (Abakan, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 12.01.2021;
одобрена после рецензирования 28.05.2022; принята к публикации 28.05.2022
The article was submitted on 12.01.2021;
approved after reviewing on 28.05.2022; accepted for publication on 28.05.2022*

Научная статья

УДК 811.512.156: 81'37 + 81'367.6

DOI 10.17223/18137083/83/19

Тувинские глагольные конструкции с фрустративной семантикой

Азияна Витальевна Байыр-оол

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

azikoa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2844-2700>

Аннотация

Исследуются три глагольные конструкции тувинского языка, выражающие фрустративное значение. Первый компонент выражен в двух конструкциях причастной формой настоящего времени на =*ар*. В роли второго компонента, в одной из них, выступает полифункциональное служебное слово *чүве* 'вещь', в другой – частица *кай*. Третья конструкция – причастная аналитическая конструкция со вспомогательным глаголом *тур* 'стоять', 'быть' – приобретает фрустративную семантику в определенных контекстах. Различаются эти конструкции оттенками и интенсивностью выражаемого значения. Две из этих конструкций имеют полные лично-числовые парадигмы. Общим компонентом семантики этих грамматикализованных конструкций является выражение говорящим негативных эмоций по поводу совершенных или несовершенных в прошлом действий.

Ключевые слова

тувинский язык, фрустративная семантика, глагольная конструкция, причастие, частица, служебное слово

Для цитирования

Байыр-оол А. В. Тувинские глагольные конструкции с фрустративной семантикой // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 247–257. DOI 10.17223/18137083/83/19

Tuvan verb constructions with frustrative semantics

Aziyana V. Bayyr-ool

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

azikoa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2844-2700>

Abstract

In linguistics, the frustrative denotes the categories with different semantics. However, researchers agree that frustrative is associated with the expression of negative emotions resulting from the disruption of the normal course of events. This paper explores three verbal constructions of the Tuvan language expressing a frustrative meaning. The first component is

© Байыр-оол А. В., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 247–257
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 247–257

expressed in two constructions by the present participle form in *=ar*. The second component, in one of the three constructions concerned, is the multifunctional function word *čüve* “thing,” in the other construction it is the *kay* particle. The third construction is a participial analytical construction with an auxiliary verb *tur=* “stand,” “be” acquires a frustrative semantics in certain contexts. All these constructions are grammaticalized due to their established semantics and regular character. Two of them have complete personal-numerical paradigms, except for the participial form with the function word *čüve* ‘thing’ (3 person singular and plural is absent). These constructions differ in the shades and intensity of the expressed meaning. The construction with the function word *čüve* has a common and universal character. It can express the whole spectrum of negative emotions, from a feeling of mild discontent or annoyance to strong regret. The semantics of the construction with the *kay* particle is complicated by a shade of very strong regret, remorse of the speaker about the events that happened or did not happen. A common component of the semantics of these constructions expresses negative emotions of the speaker about the actions committed or not committed in the past.

Keywords

Tuvan language, frustrative semantics, verbal construction, participle particle, function word

For citation

Bayyr-ool A. V. Tuvan verb constructions with frustrative semantics. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 247–257. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/19

В грамматических работах, посвященных описанию разных языков, термин *фрустратив* употребляется для обозначения категорий с разной семантикой. *Фрустративом* описываются ситуации, в которых субъект намеревается или хочет совершить действие, но терпит неудачу из-за какой-либо ситуации, которая препятствовала его осуществлению [Sparing-Chávez, 2003]. В некоторых работах фрустративную семантику связывают со значением антирезультатива, когда предельная ситуация прерывается в своей срединной фазе на пороге достижения (финала) из-за нарушения нормального хода событий [Плунгян, 2001; Кузнецова, 2006; Буторин, 2006]. Этим термином также обозначаются маркеры со значениями ‘неожиданный исход событий’ и ‘напрасность совершенного действия’ [Aikhenvald, 2003]¹. Однако все исследователи сходятся на том, что *фрустратив* связан с выражением негативных эмоций из-за того, что нарушился нормальный ход событий.

Наше исследование посвящено описанию тувинских глагольных конструкций, выражающих фрустративное значение. Нами выделены три конструкции:

а) $Tv=ap / =bac + čüve=POSS=ACC$

причастная форма настоящего-будущего времени на *=ap* (также его отрицательная форма *=bac*) в сочетании со служебным словом *čüve*;

б) $Tv=ap / =bac + tur=gan$

причастная аналитическая конструкция со вспомогательным бытийным глаголом *tur=* ‘стоять’, ‘быть’ в форме причастия прошедшего времени на *=gan*;

а) $Tv=ap / =bac=POSS + kai$

причастная форма настоящего-будущего времени на *=ap* (также его отрицательная форма *=bac*) в сочетании с частицей *kai*.

Они различаются оттенками значений и интенсивностью выражаемой семантики.

Материалом нашего исследования послужили предложения (около 200 примеров), собранные из словарей, художественной литературы, а также фольк-

¹ См. также: Carlin E. The Mawayana ‘Frog People’ in Suriname, South America. Unpublished fieldwork report. 2002.

лорных текстов на тувинском языке. К исследованию привлекались и наши субъективные наблюдения над тувинской разговорной речью.

Глагольная конструкция $Tv=ap / =bac + чүве=POSS=ACC$

В данной конструкции к глаголу или вспомогательному глаголу в причастной форме на $=ap$ присоединяется полифункциональное служебное слово *чүве* ‘вещь’ в притяжательной форме и винительном падеже². Притяжательная форма указывает на субъект действия. Этой формой выражаются негативные эмоции по поводу действия, которое субъект в прошлом совершил или не совершил. Семантика, передаваемая данной конструкцией: ‘надо / нужно было мне / тебе / нам / вам сделать что-то...’.

- (1) *Орук-чириин билбес эвес мен, мындаа-ла хап чана бээр чүвемни* (Кудажы, 2002, с. 191)

орук-чирии=н		бил=бес		эвес	мен
дорога.POSS3=ACC		знать=NEG.PrP		не	1Sg
мындаа-ла	хап	чан-а		бээр	
тогда-PTCL	ударять.CV	возвращаться=CV		давать=PrP	
		чүве=м=ни			
		чүве=POSS1Sg=ACC			

‘Разве я не знаю дорогу, надо было мне еще тогда поскакать домой.’

Данная конструкция употребляется для выражения говорящим различных эмоций (недовольство, досада, сожаление, печаль, огорчение, раскаяние и др.), возникших в результате совершения или несорвершения какого-либо действия в прошлом. Эта форма имеет лично-числовую парадигму для 1 и 2 л. в ед. и мн. ч. (см. примеры (2)–(5)). Конструкция $Tv=ap / =bac + чүве=POSS=ACC$ может оформлять не только аналитические формы (см. (1)), но и простые глаголы (см. (2), (3), (5), (6)):

- (2) *Шагдан тура кедээр чүвемни – деп, Херик чейзең халак-тилээн төккен орган.* (Кудажы, 2002, с. 172)

шагдан тура	кедэ=эр		чүве=м=ни	деп
давно еще	выслеживать=PrP		чүве=POSS1Sg=ACC	так
Херик чейзең		халак-тилээ=н		төк=кен
Херик зайсан		раскаивание.POSS3=ACC		выливать=PrP
ор=ган				
сидеть=PP				

‘Давно еще надо было мне выследить, – так зайсан³ Херик сильно сожалел.’

² Служебное слово *чүве* ‘вещь’ в данной конструкции принимает показатель винительного падежа $=ны$, значение которого, на наш взгляд, не мотивировано. Нам кажется, что в данном случае показатель $=ны$ не имеет значения экспрессивности, которое иногда актуализируется у отдельных имен и именных сказуемых, например, *Ачазынга дөмейи=н* ‘Как похож на отца! [Шамина, 2005, с. 48–49; 2022, с. 39].

³ Зайсан (тув. *чейзең*) ‘чиновник’.

(3) *Ооң орнунга өскээр аннаар чүвевисти.* (Кудажы, 1984, с. 126)

ооң орнунга өскээр **анна=ар** **чүве=вис=ти**
 вместо этого не туда **охотиться=PrP** **чүве=POSS1Pl=ACC**
 ‘Вместо этого надо было нам в другом месте охотиться.’

В состав аналитической конструкции могут входить частицы, например, утвердительная частица *але* ‘не так ли, так ведь’.

(4) *Эх, кысчыгажым, улуг херекче баарының мурнунда, баштай ада-иеңни сөөлгү катап көрүп аар чүвеңни але!* (Ирбижей, 2008, с. 31)

эх кысчыгаж=ым улуг херек=че
 эх девочка=POSS1Sg большой дело=LAT
 баар=ы=нын мурнунда баштай
 идти.PrP=POSS3=GEN перед сначала
 ада-ие=ң=ни сөөлгү катап **көр=үп**
 родители=POSS2Sg=ACC последний раз **видеть=CV**
аар **чүве=ң=ни** **але**
брать.PrP **чүве=POSS2Sg=ACC** **ведь**

‘Эх, перед тем, как идти на большое дело, надо было ведь тебе в последний раз увидеться с родителями!’

В примерах (4), (5) служебное слово *чүве* принимает форму притяжания 2 л. ед. и мн. ч. (=ң, =ңар), в этих предложениях выражается сожаление говорящего относительно неосуществленного 2-м лицом действия в прошлом.

(5) *Ус-кушкаш уязы тып алган кижги аас-кежиктиг болур дээр чүве, эккээр чүвеңерни...* (Куулар, 1985, с. 122)

ус-кушкаш уя=зы ты=п ал=ган
 ремез гнездо=POSS3Sg найти=CV брать=PP
 кижги аас-кежиктиг бол=ур дэ=эр чүве
 человек счастливый быть=PrP говорить=PrP ведь
эккээр **чүве=нер=ни**
приносить.PrP **чүве=2Pl=ACC**

‘Говорят ведь, человек, нашедший гнездо ремеза, будет счастливым, надо было вам принести...’.

В нашей выборке примеров из художественной литературы не было обнаружено предложений с показателем отрицательного причастия =*бас* / =*бес*, однако такие примеры встречаются в устной разговорной речи, например:

(6) *Аңаа бүзүревес чүвемни!*

аңаа **бүзүре=вес** **чүве=м=ни**
 он.DAT **верить=NEG.PrP** **чүве=POSS1Sg=ACC**
 ‘Не надо было мне ему верить!’

Данная конструкция широко употребляется в устных и письменных текстах, носит регулярный характер. У этой формы отсутствует форма 3 л. ед. и мн. ч. Однако данное значение для 3 л. можно выразить причастной аналитической конструкцией со вспомогательным глаголом *тур*= ‘стоять’, ‘быть’ в форме прошедшего времени на =*ган*.

Конструкция $Tv=ap / =бас= + турган$

Причастные аналитические конструкции со вспомогательным глаголом *тур=* ‘стоять’, ‘быть’ в форме прошедшего времени на *=ган* также могут выражать фрустративное значение. Эти конструкции были подробно описаны в работе Л. А. Шаминой и Ч. С. Ондар среди форм со значением ирреальной модальности [Шамина, Ондар, 2003, с. 115–117]. Выражают они общую семантику долженствования или недолженствования с различными оттенками: «оттенок мягкого укора, замечания или выговора преимущественно по поводу целесообразности, с точки зрения говорящего, совершенных действий», также они могут употребляться в значении одобрения, с оттенком удовлетворения, что действие (событие) наконец-то совершилось [Там же, с. 116–117].

На наш взгляд, в определенных контекстах причастная конструкция $Tv=ap / =бас + турган$ может приобретать и фрустративное значение. На усиление этого значения, как правило, указывает употребление в контекстах различных междометий, наречий, вводных слов, а также предложений, указывающих на определенные эмоции говорящего или на обстоятельства, вызывающих их.

- (7) *Эх! Билдириишкин биживес турган мен...* (Серен-оол, 1995, с. 100)

эх	билдириишкин	бижи=вес	тур=ган	мен
INTJ	заявление	писать=NEG.PrP	стоять=PP	1Sg

‘Эх! Не надо было мне писать заявление!’

- (8) *Хайлыг, шагда-ла боже кээр турган-дыр бис* (Көк-оол, 1976, с. 65)

хайлыг	шагда-ла	бо=же	кээр
к сожалению	давно-PTCL	это=LAT	приходить.PrP
тур=ган-дыр	бис		
стоять=PP-PTCL	1Pl		

‘К сожалению, давно надо было нам сюда прийти.’

- (9) *Бржым-шөлээн ырак дагларже чоруй баар турган-дыр бис ийин.* {Ох, то-ожок-ла болду!} (Серен-оол 1995, с. 129)

ыржым-шөлээн	ырак	даг=лар=же	чор=уй
тихий-спокойный	далекий	гора=PL=LAT	уходить=CV
баар	тур=ган-дыр	бис	ийин
идти.PrP	стоять=PP-PTCL	1Pl	PTCL

‘Надо было нам уехать в спокойные далекие горы’ {Ох, его не стало!}

Вхождение в состав данной аналитической конструкции междометий и частиц (-дыр, см. (8); ийин, см. (9)) усиливает выражаемое значение.

$Tv=ap / =бас + турган$ может употребляться и без выраженных показателей лица (формально это 3 л. ед. ч.), значение сожаления или других отрицательных эмоций может быть адресовано не только другому лицу, но и самому себе (см. (10)).

- (10) *Дораан-на сывырар, чоокшулатпас турган!* (Серен-оол, 1995, с. 100)

дораан-на	сывыр=ар	чоокшула=т=пас
сразу-PTCL	гнать=PrP	приблизиться=CAUS=NEG.PrP
тур=ган		
стоять=PP		

‘Сразу же надо было гнать, не подпускать (к себе)’.

Конструкция $Tv=ap / =bac=POSS + кай$

Данную конструкцию составляет глагол в форме причастия настоящего-будущего времени на $=ap / =bac$ в притяжательных формах + многозначная частица *кай*.

У частицы *кай* в толковом словаре тувинского языка выделяется четыре значения, исследуемое нами значение описывается следующим образом: «в сочетании с причастием будущего времени, снабжённым аффиксом принадлежности, выражает сожаление по поводу неосуществлённого в прошлом действия» [ТСТЯ, 2011, с. 39].

- (11) *Куруг кабинетке аймаарап олурбайн, дем-не келирим кай* (Кенин-Лопсан, 1976, с. 191)

куруг	кабинет=ке	аймаара=п	олур=байн
пустой	кабинет=DAT	растеряться=CV	сидеть=NEG.CV
дем-не		кел=ир=им	кай
недавно-PTCL		приходить=PrP=POSS1Sg	PTCL

‘(Вместо того, что бы) растерянно сидеть в пустом кабинете, эх, что же я не пришел некоторое время назад.’

Данная форма передает значение очень сильного сожаления говорящего по поводу неосуществленного или осуществленного в прошлом действия (‘эх, надо было мне...’, ‘эх, что же я не...’).

- (12) *Авай, оода-ла сен мени ол машинаже олуртпазың кай!* (Серен-оол 1995, с. 129)

ава=й	оода-ла	сен	мени	ол	машинаже
мать=PTCL	хотя бы-PTCL	ты	я.ACC	тот	машина=LAT
					кай
					сидеть=CAUS.=NEG-PrP=POSS2Sg
					PTCL

‘Мама моя, лучше бы ты не посадила меня в ту машину!’

В примере (12) говорящий имеет в виду, что лучше было бы, если бы его не посадили в машину, однако все-таки его посадили, далее произошли события, о которых он горько сожалеет.

Форма $=ap / =bac$ в формах принадлежности + частица *кай* имеет полную лично-числовую парадигму (см. (13)–(16)).

- (13) *Эх, арай эрте кээриң кай!* (Кенин-Лопсан, 1976, с. 155)

эх	арай	эрте	кээр=ин	кай
эх	немного	рано	приходить.PrP=POSS2Sg	PTCL

‘Эх, что же ты не пришел чуть пораньше!’

Сочетание причастия на $=ap$ в формах принадлежности с частицей *кай* может оформлять сказуемое как глагольных, так и именных предложений (9), (10)).

- (14) *Авам болган авам силер. Оода карактыг бооруңар кай* (Кенин-Лопсан, 2000, с. 74)

ава=м	бол=ган	ава=м	силер	оода
мать=POSS1Sg	быть=PP	мать=POSS1Sg	вы	хотя бы
				кай
				глаз=POSSV
				быть.PrP=POSS2PI
				PTCL

‘Ставшая мне матерью вы – мать моя. Эх, были бы вы зрячей.’

(15) *Бо үгүнү боолап кааптар эр кижги тураары кай...* (Кенин-Лопсан, 2000, с. 104)

бо	үгү=нү	боола=п	каапт=ар	
бо	филин=АСС	стрелять=CV	класть.PFV=PrP	
эр	кижи	тур=ар=ы	кай	
мужчина	человек	стоять=PrP=POSS3Sg	PTCL	

‘Эх, был бы мужчина, который застрелит этого филина.’

В примере (16) формально множественное число у глагола *өлү бээри* не выражено. Но на множество субъектов действия указывают слово *чүвелер* и возвратное местоимение *бот* ‘сам’ в форме множественного числа: *чүвелер* ‘типы’ *боттары* ‘сами (они)’:

(16) *Аът өлүрүнүң орнунга бо калчаа чүвелер боттары өлү бээри кай* (Кенин-Лопсан, 2000, с. 175)

аът	өл=үр=ү=нүң	орн=ун=га	
конь	умереть=PrP=POSS3Sg=GEN	место=POSS3Sg=DAT	
бо	калчаа	чүве=лер	бот=тар=ы
это	бешенный	тип=PL	сам=PL=POSS3Sg
өл=ү	бээр=и	кай	
умереть=CV	давать.PrP=POSS3Sg	PTCL	

‘Вместо гибели коня, эх, что же эти бешенные типы сами не умерли.’

Форма =ар / =бас + частица *кай* может оформлять аналитические конструкции деепричастного и причастного типа.

(17) *Сээң орнуңга, хөйну көрүп көгөрөөн кижги мен өлү бээрим кай?* (Кудажы, 1989, с. 95)

сээң	орнуң=га	хөй=нү	көр=үп
ты.GEN	место.POSS2Sg=DAT	много=АСС	видеть=CV
көгөрөөн	кижи	мен	өл=ү
закаляться.PP	человек	я	умереть=CV
кай			давать.PrP=1Sg
PTCL			

‘Эх, что же не умер я, человек, выдавший многое, закаленный.’

По материалам нашей выборки данная конструкция (около 60 примеров) в подавляющем большинстве случаев оформляет сказуемое простого предложения. Однако встречаются также примеры сложных предложений с придаточными времени и условия, в которых она оформляет сказуемое главного предложения (см. примеры (18), (19)). Эти примеры составляют около 25 % (15 примеров) всех предложений с данной конструкцией.

(18) *Оода мен өлү бээримге, мени соктап чип олурган бооруң кай, але?* (Кенин-Лопсан, 2000, с. 237)

оода	мен	өл=ү	бээр=им=ге
хотя бы	я	умереть=CV	давать.PrP=POSS1Sg=DAT
мени	сокта=п	чи=п	олур=ган
я.АСС	клевать=CV	есть=CV	сидеть=PP
бооруң	кай	але	
быть.PrP=2Sg	PTCL	PTCL	

‘Лучше бы ты клевал меня, когда я умру?’

(19) *Азыраан ием дириг олурган болза, бызаанчылап бээрим кай* (Кенин-Лопсан, 2000, с. 130)

азыраан	ие=м	дириг	олур=ган
воспитывать.PP	мать=POSS1Sg	живой	сидеть=PP
бол=за	бызаанчыла=п	бээр=им	
быть=COND	играть на бызаанчы⁴=CV	давать.PrP=1Sg	

кай

PTCL

‘Если бы была жива выросившая меня моя мама, эх, что же я не сыграл на бызаанчы (ей)’.

Отличительной особенностью конструкции $Tv=ap=POSS + кай$ является ее ярко выраженная эмоциональность и экспрессивность. Часто она используется для выражения очень сильного сожаления говорящего, например, в ситуациях, описывающих необратимые события, потери и утраты. Встречается она в тувинском песенном фольклоре, в тематической группе народных песен *өскүстүң ырызы* ‘песни сироты’, которые характеризуются особым эмоциональным накалом. Например, в одной из таких песен поется об отчаянном одиночестве человека и о его сильном сожалении, что он мог бы, как орел и сокол, свить свое гнездо [Тирон, Байыр-оол, 2022, с. 40] (см. (20)):

Өскүстүң ырызы ‘Песня сироты’⁵

(20) *Эр-ле чаңгыс болурумда,
Эзир-ле төрээн болурум кай!
Эңмек хаяа уя тудар
Эзир куш дег болурум кай!*

Рожденный одиноким я,
Что же я орлом не родился!
В скалистых местах гнездо свивающая,
Орел-птица словно, что же я не стал!

*Кара чаңгыс болурумда,
Хартыга төрээн болурум кай!
Калбак хаяа уя тудар
Хартыга дег-ле болурум кай!*

Рожденный одиноким я,
Что же я соколом не родился!
В широких скалах гнездо свивающий,
Ястреб словно, что же я не стал!

Рассмотренные конструкции тувинского языка объединяются тем, что они выражают негативные эмоции по поводу совершенных или несовершенных в прошлом действий. Две их них имеют полные лично-числовые парадигмы, кроме причастной формы со служебным словом *чүве* (отсутствует 3 л. ед. и мн. ч.). Все эти конструкции являются грамматикализованными, поскольку они имеют определенную устоявшуюся семантику и регулярный характер.

Появление фрустративной семантики у конструкции $Tv=ap / =бас= + турган$, основное значение которой долженствование / недолженствование, контекстуально обусловлено.

Грамматикализованные причастные конструкции со служебным словом *чүве* и частицей *кай* различаются оттенками и интенсивностью выражаемого значения.

⁴ *Бызаанчы* – смычковый музыкальный инструмент.

⁵ Исп. Далай Кыргызович Бады-Суур (род. в 1966 г. в с. Дус-Даг). Зап. в 2009 г. в с. Дус-Даг Овюрского района Республики Тыва. Расшифровка М. М. Бадыргы.

Конструкция $Tv=ap / =бас + чувe=POSS=ACC$ является общеупотребительной и носит универсальный характер. Ею можно выразить весь спектр негативных эмоций: от чувства легкого недовольства, досады до сильного сожаления.

Семантика конструкции $Tv=ap / =бас +$ частица *kaj* осложнена оттенком очень сильного сожаления, раскаяния говорящего по поводу произошедших или не произошедших событий.

Список условных сокращений

1 – 1-е лицо деятеля ('я', 'мы'); **2** – 2-е лицо деятеля ('ты', 'вы'); **3** – 3-е лицо деятеля ('он', 'она', 'оно', 'они'); **ACC** – винительный падеж; **CAUS** – показатель понудительного залога; **CV** – деепричастие; **COND** – форма условного наклонения; **DAT** – дательный падеж; **INTJ** – междометие; **GEN** – родительный падеж; **LAT** – направительный падеж; **NEG** – отрицательная форма глагола; **NEG.CV** – форма отрицательного деепричастия на *=байн*; **PFV** – совершенный вид; **PL, PL** – множественное число; **POSS** – посессивный показатель; **POSSV** – показатель обладания; **PP** – форма прошедшего времени на *=ган*; **PrP** – форма причастия настоящего-будущего времени на *=ар*; **PTCL** – частица; **Sg** – единственное число; **Tv** – глагольная основа; **V** – глагол

Список литературы

Буторин С. С. О фрустративном компоненте частицы *kaj* в кетском языке // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 4. С. 23–27.

Кузнецова Ю. Фрустратив как недостающий элемент антирезультативной парадигмы // International Symposium on the Grammar and Pragmatics of Complex Sentences (Subordination and Coordination) in Languages Spoken in Europe and North and Central Asia (LENCA III). Tomsk State Pedagogical University, Tomsk Region, Russia, on June 27–30, 2006. URL: <http://www.ling.helsinki.fi/uhlcs/LENCA/LENCA-3/information/abstracts.html> (дата обращения 24.03.2023).

Плунгян В. А. Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. Грамматические категории. М., 2001. Вып. 1. С. 50–88.

Тирон Е. Л., Байыр-оол А. В. Жанровое своеобразие песенной традиции тувинцев Овюрского района Республики Тыва // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 34–48. DOI 10.17223/18137083/81/3

ТСТЯ – Толковый словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2011. Т. 2: К–С. 798 с.

Шамина Л. А., Ондар Ч. С. Глагольные аналитические конструкции с первым причастным компонентом в тувинском языке. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2003. 242 с.

Шамина Л. А. Экспрессивно-оценочные аналитические конструкции сказуемого в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2005. Вып. 16. С. 47–61.

Шамина Л. А. Стратегия маркирования компаративной семантики в тувинских текстах // Вестник Тув. гос. ун-та. 2022. № 1 (88), вып. 1. С. 35–46.

Aikhenvald A. Y. A Grammar of Tariana. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2003.

Sparing-Chávez M. I Want to but I Can't: The Frustrative in Amahuaca // SIL International Publications. 2003. URL: <https://www.sil.org/system/files/rapdata/47/40/61/>

47406149823286207459604779235126251103/silewp2003_002.pdf (дата обращения 24.03.2023).

Список текстовых источников на тувинском языке

- Ирбижей Ч. Б.-К.* Ноян таңмазы. Кызыл: ТывНУЧ., 2008. 184 ар.
Кенин-Лопсан М. Б. Тениң самы: роман. Кызыл: ТывНУЧ, 1976. 316 ар.
Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг. Кызыл: ТывНУЧ., 2000. 416 ар.
Кудажы К.-Э. К. Уйгу чок Улуг-Хем: Роман. Кызыл: ТывНУЧ, 2002. Т. 2. 376 ар.
Кудажы К.-Э. К. Таңды кежи: чугаалар. Кызыл: ТывНУЧ, 1984. 217 ар.
Кудажы К.-Э. К. Уйгу чок Улуг-Хем: роман. Кызыл: ТывНУЧ. 1989. 328 ар.
Көк-оол В. III. Чогаалдар чыындызы: шии чогаалдары. Кызыл: ТывНУЧ, 1976. 184 ар.
Куулар Ч. Ч. Даглар аялгазы. Кызыл: ТывНУЧ., 1985. 145 ар.
Серен-оол В. С. Сөөскеннер чечектелип турда. Кызыл: ТывНУЧ., 1995. 240 ар.

References

- Aikhenvald A. Y. *A Grammar of Tariana*. Cambridge, Cambridge Uni. Press. Cambridge, 2003.
- Butorin S. S. О frustrativnom компоненте chastitsy kaj v ketskom yazyke [On the frustrative component of the particle kaj in the Ket language]. *Humanitarian sciences in Siberia*. 2006, no. 4, pp. 23–27.
- Carlin E. 2002. The Mawayana ‘Frog People’ in Suriname, South America. Unpublished fieldwork report.
- Kuznetsova Yu. Frustrativ kak nedostayushchiy element antirezul'tativnoy paradigmy [Frustrative as a missing element of the antiresultative paradigm]. In: *International Symposium on the Grammar and Pragmatics of Complex Sentences (Subordination and Coordination) in Languages Spoken in Europe and North and Central Asia (LENCA III)*. Tomsk State Pedagogical University, Tomsk Region, Russia, on June 27–30, 2006. URL: <http://www.ling.helsinki.fi/uhlcs/LENCA/LENCA-3/information/abstracts.html> (accessed 24.03.2023).
- Plungyan V. A. Antirezul'tativ: do i posle rezul'tata [Antiresultative: before and after the result]. In: *Issledovaniya po teorii grammatiki. Grammaticheskiye kategorii* [Research on the theory of Grammar. Grammatical categories]. Moscow, 2001, iss. 1, pp. 50–88.
- Shamina L. A. Ekspressivno-otsenochnye analiticheskie konstruksii skazuemogo v tuvinskom yazyke [Languages of indigenous peoples of Siberia]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* []. Novosibirsk, 2005, iss. 16, p. 47–61.
- Shamina L. A., Ondar Ch. S. *Glagol'nye analiticheskie konstruksii c pervym prichastnym komponentom v tuvinskom yazyke* [Verbal analytical constructions with the first participial component in the Tuvan language] Novosibirsk. NSU PUBL., 2003, 242 p.
- Shamina L. A. Strategiya markirovaniya komparativnoy semantiki v tuvinskikh tekstakh [Strategy for marking comparative semantics in Tuvan texts]. *Vestnik of Tuvan State University Journal. Issue 1. Social sciences and humanities*. 2022, no. 1 (88), pp. 35–46.

Sparing-Chávez M. I Want to but I Can't: The Frustrative in Amahuaca. In: *SIL International Publications*. 2003. URL: https://www.sil.org/system/files/rapdata/47/40/61/47406149823286207459604779235126251103/silewp2003_002.pdf (accessed 24.03.2023).

Tiron E. L., Bayyr-ool A. V. Zhanrovoye svoyeobraziye pesennoy traditsii tuvintsev Ovyurskogo rayona Respubliki Tyva [Genre traits of the song tradition of the Tuvans of the Ovyur district of the Republic of Tuva]. *Siberian Journal of Philology*. 2022, no. 4, pp. 34–48.

Tolkovyy slovar' tuvinskogo yazyka [Explanatory dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk, Nauka, 2011, vol. 2: K–S, 798 p.

List of sources

Irbizhey Ć. B-K. *Noyan tamgazi* [The tamga of noyan]. Kyzyl, TivNÜĆ, 2008, 184 p.
Kenin-Lopsan M. B. *Tenij sami: roman* [Capricorn dance: novel]. Kyzyl, TivNÜĆ, 1976, 316 p.

Kenin-Lopsan M. B. *Ćitken urug* [Missing girl]. Kyzyl, TivNÜĆ, 2000, 416 p.

Kök-ool V. Š. *Ćogaaldar Ćiindizi: ši Ćogaaldari* [Collected works: plays]. Kyzyl, TivNÜĆ, 1976, 184 p.

Kudaži K-E. K. *Tajdi keži: Ćugaalar* [Taiga gifts: stories]. Kyzyl, TivNÜĆ, 1984, 217 p.

Kudaži K-E. K. *Uygu Ćok Ulug-Xem* [Restless Ulug-Khem: novel] Kyzyl, TivNÜĆ, 2002, vol. 2, 376 p.

Kudaži K-E. K. *Uygu Ćok Ulug-Xem* [Restless Ulug-Khem: novel] Kyzyl, TivNÜĆ, 1989, 328 p.

Kuular Ć. Ć. *Daglar ayalgazi* [Melody of the mountains]. Kyzyl, TivNÜĆ, 1985, 145 p.

Seren-ool V. S. *Söskenner ĆeĆektelip turda* [When meadowsweet blooms]. Kyzyl, TivNÜĆ, 1995, 240 p.

Информация об авторе

Байыр-оол Азияна Витальевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
Author ID 538739

Information about author

Aziyana V. Bayyr-ool, Candidate of Philology, Senior Researcher at the Department of Siberian Ethnoses' Languages, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
Author ID 538739

*Статья поступила в редакцию 27.04.2023;
одобрена после рецензирования 08.05.2023; принята к публикации 10.05.2023
The article was submitted on 27.04.2023;
approved after reviewing on 08.05.2023; accepted for publication on 10.05.2023*

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 2
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2

Научная статья

УДК 811.161.1 + 81'367.332.2 + 81'371
DOI 10.17223/18137083/83/20

**Парадигма неизосемических высказываний
с семантикой качественной характеристики
как пример асимметрии синтаксического знака**

**Наталья Борисовна Кошкарева¹
Игорь Игоревич Бакайтис²**

¹ Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

^{1,2} Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ koshkar_nb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4578-6591>
² igor.bakajtis@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-8339-7846>

Аннотация

Одним из средств экспрессивного выражения значения качественной характеристики является неизосемическая конструкция, по форме совпадающая с бытийным предложением. В отличие от изосемической бытийной конструкции, в ней отсутствует варьирование по категориям лица и числа, обязательной является глагольная позиция, структура имеет устойчивый вид **в ком / в чем есть что-то какое**. По сравнению с изосемической структурой качественной характеристики при неизосемическом выражении происходит изменение семантики: снижается категоричность обозначения признака, проявляется неуверенность автора высказывания насчет даваемой им характеристики предмета, возникает дополнительный смысл «степень проявления признака». При определенных ограничениях на заполнение позиций субъекта и предиката неизосемическая конструкция характеризуется наличием дополнительных смыслов: модусных, оценочных, экспрессивных, значения интенсивности и др.

Ключевые слова

элементарное простое предложение, типовая синтаксическая структура, пропозиция, синтаксическая парадигма, характеристика, изосемический и неизосемический способы выражения пропозиции характеристики, асимметрия языкового знака

Для цитирования

Кошкарева Н. Б., Бакайтис И. И. Парадигма неизосемических высказываний с семантикой качественной характеристики как пример асимметрии синтаксического знака // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 258–268. DOI 10.17223/18137083/83/20

© Кошкарева Н. Б., Бакайтис И. И., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 258–268
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 258–268

The paradigm of non-isodemic utterances with the semantics of qualitative characterization as an example of the asymmetry of the syntactic sign

Natalia B. Koshkareva¹
Igor I. Bakaitis²

¹ Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

^{1,2} Novosibirsk National Research State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ koshkar_nb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4578-6591>
² igor.bakaitis@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-8339-7846>

Abstract

Expressive expressions of qualitative characterization as non-isodemic constructions coincide in form with existential sentences. Existential construction is used metaphorically: *gde est' chto* (existence) → *v kom / chem est' kakoy-to priznak* (qualitative characterization), formed by non-isodemic filling of its positions. Thus, the lexeme of locative semantics is replaced by a combination *v kom / v chem* (in whom/in what), with the possible choice of prepositional-case forms limited to the only form of the prepositional case with the preposition *v* (in). The subject and predicate positions in isodemic and non-isodemic existential structures are replaced by words of different denotative classes. In the sentences of existence, the subject is expressed by nouns, denoting objects of an external, sensually perceived world. The sentences of qualitative characterization have their subject position occupied by words of qualitative semantics denoting distinctive, permanent qualities, resulting in the semantics of existence drifting towards qualitative characterization. Thus, the verb *est'* (to be) as the predicate of existence does not literally express existence but performs a service function. Unlike the isodemic existential constructions, non-isodemic constructions of qualitative characterization lack variation in person and number, with the isodemic verb position being obligatory and the structure having a non-variative form. Non-isodemic expressions have additional semantic components: non-categorical designation of a feature, uncertainty of the author of the statement about the characteristics of the subject, and low trait manifestation degree. With certain restrictions on how the subject and predicate positions are filled, the non-isodemic structure features additional meanings: modus, evaluative, expressive, intensity values, etc.

Keywords

elementary simple sentence, typical syntactic structure, proposition, syntactic paradigm, characterization, isodemic and non-isodemic way of expressing the characterization proposition, asymmetry of the linguistic sign

For citation

Koshkareva N. B., Bakaitis I. I. The paradigm of non-isodemic statements with the semantics of qualitative characterization as an example of the asymmetry of a syntactic sign. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 258–268. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/20

Пропозиция качественной характеристики, посредством которой предмету, явлению или событию приписывается некий признак, выражается при помощи изосемической типовой синтаксической структуры (ТСС) $N_1^{Descr} [(cop) Adj_{1/5}]^{QLT}$ («кто / что каков») и неизосемической ТСС $v N_6^{Descr} [V_{cop} что-то Adj]^{QLT}$ («в ком / в чем есть что-то какое»), которая по структуре совпадает с одним из вариантов бытийной модели элементарного простого предложения $LEX^{Loc} V_f^{Ex} N_1^{Ex}$ («где

есть что» – *На траве лежали яблоки*), но передает отношения качественной характеристики в специфическом преломлении, ср.: *Что-то есть в этом человеке скромное и сурово-храброе* (С. А. Дангулов. Гамзатов (1981)) → Этот человек до определенной степени скромный и сурово-храбрый (о различиях в структуре и семантике изосемических и неизосемических предложений качественной характеристики см. [Кошкарева, Бакайтис, 2021]).

Цель данной статьи – охарактеризовать различия в объеме синтаксических парадигм изосемических и неизосемических высказываний и обосновать причины различий в наборе предикативных категорий и ограничений на возможности заполнения позиций в структуре высказываний.

В рамках данного исследования вслед за М. И. Черемисиной парадигма предложения определяется как система грамматических мест, в которой сохраняется тождество языковой единицы данного грамматического класса самой себе. Объектом синтаксической парадигмы является элементарное простое предложение как единица языка, в единстве плана выражения и плана содержания. При этом разным типам синтаксических единиц соответствуют разные парадигмы [Черемисина, 2003] (подробнее об истории формирования синтаксической парадигматики см. [Кошкарева, 2019]).

Варьирование может охватывать все компоненты предложения: грамматическое варьирование предиката опирается на лексико-грамматические категории (лицо-число, время-наклонение, аспектуальность, модальность, эвиденциальность и пр.) при сохранении системы валентностей; варьирование именных компонентов зависит от валентностных свойств предиката – состава актантов и способа их падежного оформления.

Материалом для анализа послужили примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ; www.ruscorpora.ru), из которого методом сплошной выборки отобрано 600 предложений с разным порядком слов: **в ком / в чем есть что-то какое** и **что-то какое есть в ком / в чем**.

При изосемической (стандартной) репрезентации пропозиции качественной характеристики при помощи ТСС N_1^{Descr} [(cop) $Adj_{1/5}$]^{QLT} ограничений на замещение позиций не накладывается. В позиции субъекта-дескриптива N_1^{Descr} могут стоять имена существительные или их эквиваленты разных семантических групп, они могут называть одушевленные и неодушевленные предметы, выражаться абстрактными именами и т. п. Позицию факультативной связки (cop) могут занимать глаголы *быть, являться, казаться, становиться* и мн. др. Предикат-квалитатив $Adj_{1/5}^{Qual}$ выражается полным прилагательным в именительном или творительном падеже или в краткой форме и обозначает широкий спектр признаков, которые могут быть приписаны субъекту (например, *Цветы великолепны; Голоса казались резкими; Твое поведение становится вызывающим* и т. п.).

При неизосемическом выражении качественной характеристики высказываниями, построенными на основе бытийной ТСС, наблюдается сдвиг в семантике, ср.: *Его поведение было вызывающим – В его поведении было что-то вызывающее*. Неизосемические построения являются экспрессивными синонимами изосемических высказываний: автор не вполне уверен в том, что он составил объективное представление о свойствах и качествах описываемого предмета, степень проявления отличительных свойств и качеств предмета снижается.

Структура неизосемических высказываний совпадает по форме с бытийной ТСС, ср.: *Кажется, у нее самой в жизни было что-то похожее...* (И. Ефимов. Суд да дело // «Звезда», 2001), которая имеет структуру $LEX^{Loc} V_f^{Ex} N_1^{Ex}$, где

LEX^{Loc} – локатив (лексема локативной семантики), название географического пространства, как правило выражаемое наречием или существительным либо его аналогом в косвенном падеже с предлогом; при реализации в социальной сфере данная позиция может замещаться также абстрактными существительными (например, *у нее в жизни*);

V_f^{Ex} – предикаты существования (глаголы *быть, существовать*), местоположения в пространстве (*находиться, висеть, стоять, лежать* и др.), проявления себя свечением (*блестеть, сверкать* и др.), звучанием (*чирикать, грохотать* и др.), цветом (*белеть, чернеть* и др.). Особенностью данной ТСС в русском языке является возможность заполнения позиции предиката глаголами разных ЛСГ и компрессия пропозиций. Например, высказывание *Под крышей курлыкали голуби* репрезентирует две пропозиции – бытийную, которая предопределяется структурой самого предложения, наличием в его составе обязательной позиции локализатора, и статальной, которая передается лексическим значением глагола *курлыкать*; высказывание *За рекой зеленели леса* является средством компрессии бытийной пропозиции и пропозиции качественной характеристики: *за рекой находились леса + они были зелеными*;

N₁^{Ex} – субъект существования (экзистенс), чаще всего существительное или его эквивалент в именительном падеже.

Конструкция **в ком / в чем есть что-то какое** представляет собой одну из реализаций бытийной ТСС, хотя передает отношения характеристики.

Рассмотрим парадигму неизосемической ТСС качественной характеристики и специфику выражения семантических ролей на примере предложения *В этой бухте есть что-то странное*. [*Вода здесь, например, теплее на пару градусов, чем на других пляжах, и на удивление чистая*] (А. Мокроусов. В тени Эпомео (2002) // «Домовой», 2002.08.04) → Эта бухта в какой-то степени / в чем-то странная.

Субъект характеристики выражается неизосемически – сочетанием предлога *в* с существительным или его эквивалентом в предложном падеже в **N₆^{Descr}**; формально сочетание *в этой бухте* занимает в предложении место обстоятельства, но выполняет семантическую роль субъекта-дескриптива. Ср. сдвиг в семантике, который обусловлен фиксированной формой семантического субъекта: *у нее в жизни было что-то похожее* (бытийное высказывание) – *в ее жизни было что-то странное* (высказывание со значением характеристики, ср. *ее жизнь в какой-то степени странная*).

Данную позицию регулярно занимают имена с конкретной референцией: обозначения лиц – одушевленные имена существительные и личные местоимения, а также любые другие имена, обозначающие предмет характеристики, в том числе пропозициональной семантики, ср.: **В ней / в этом человеке / в этом городе / в ее словах / в этом есть что-то странное**. Например:

[*Он верил, что*] **в каждом человеке есть что-то хорошее** (В. Войнович. Монументальная пропаганда // «Знамя», 2000) ≈ Каждый человек хороший;

Но есть в нем что-то неизъяснимо мужественное (Е. Пищикова. Город после мифа // «Русская жизнь», 2012) ≈ Он мужественный;

Есть что-то родственное в наших именах (О. Тихомиров. Без репетиции // «Мурзилка», 2001) ≈ Наши имена родственные.

Если позицию в N_6^{Descr} занимают имена пропозитивной семантики или указательные местоимения, в высказывании передаются модус-диктумные отношения, при этом прилагательное приобретает оценочный смысл, даже если в прямом значении оно его не имеет:

И всё-таки в вашем участии в этом деле есть что-то не вполне понятное (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2 (1978)) \approx Ваше участие в этом деле до некоторой степени непонятное > [Вы участвуете в этом деле]^{DICTUM} [непонятно]^{MODUS};

Но черная вода, вспухающая поздней осенью, – в этом есть что-то адское (А. Ефремов. Любовь и доблесть Иоахима Гишбейна // «Октябрь», 2002) \approx В том, как поздней осенью вспухает черная вода, есть что-то адское > [Поздней осенью вспухает черная вода]^{DICTUM} [адское ('ужасное')]^{MODUS};

Есть что-то противоестественное в том, что тринадцать миллионов человек живут вместе бок о бок (Н. Дежнев. Год бродячей собаки (2002)) \approx Противоестественно, что тринадцать миллионов человек живут вместе бок о бок > [Тринадцать миллионов человек живут вместе бок о бок]^{DICTUM} [противоестественно]^{MODUS};

Юный сын подруги, кстати, непьющий, вдруг является безо всякого предупреждения, с диким взором и просит водки... Согласитесь, тут есть что-то нестандартное! (В. Белоусова. Второй выстрел (2000)) \approx Нестандартно, что юный непьющий сын подруги является без предупреждения и просит водки > [Юный непьющий сын подруги является без предупреждения и просит водки]^{DICTUM} [нестандартно]^{MODUS}.

Соответственно, при заполнении позиции семантического субъекта именами пропозитивной семантики ТСС в N_6^{Descr} [V_{cop} что-то Adj₁]^{QLT} является средством выражения оценки события или явления, которое может быть представлено в свернутом виде, в виде номинализации, как зависимая предикативная единица или как фрагмент предшествующего текста.

Позицию семантического предиката-квалитатива [V_{cop} что-то Adj₁]^{QLT} занимает сочетание сказуемого V_{cop} и формального подлежащего **что-то Adj₁**, выраженного семантически неделимым сочетанием неопределенного местоимения с прилагательным среднего рода в именительном падеже.

Самым частотным является местоимение *что-то*, возможны и другие неопределенные местоимения с конкретной референцией (*кое-что, нечто*), например:

Да и в самой дороге есть что-то непривычное (В. В. Овчинников. Своими глазами (2006));

В ней было нечто уродливое, как будто смеялось лицо, посеченное шрамами (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001);

А между тем, в нем бывало и кое-что хорошее (Б. Ефимов. Десять десятилетий (2000)).

Неопределенные местоимения *что-нибудь* или *что-либо*, указывающие на неконкретный, нефиксированный объект, возможны только в вопросительных контекстах типа *Было ли в ней что-нибудь хорошее?*

Семантика неопределенных местоимений *что-то / нечто / кое-что* формирует значение невысокой интенсивности проявления признака ('в некоторой степени, слегка, отчасти') или персуазивности – неуверенности в точности приписываемой характеристики ('почему-то, неясно как или почему?').

В отличие от изосемической конструкции N_1^{Descr} (**cop**) $Adj_{1/5}^{Qual}$, в которой прилагательное принимает форму именительного или творительного падежа в зависимости от категории темпоральности, в неизосемической конструкции возможна форма только именительного падежа.

Качественные прилагательные в позиции Adj_1 передают отношения характеристики в разных сферах:

В тебе есть что-то несимпатичное, поверь мне! (М. А. Булгаков. Записки покойника (Театральный роман) (1936–1937)) → Ты в некоторой степени несимпатичный;

Значит, в ней есть что-то особенное, раз она не боится выглядеть не как все (М. Трауб. Плохая мать (2010)) → Она в некоторой степени особенная;

В последнее время он мало трогал краски, ему стало казаться, что в красках есть что-то лживое, фальшивое, продажное (М. Гиголашвили. Экобаба и дикарь (1998–2007) // «Зарубежные записки», 2009) → Краски в какой-то степени лживые, фальшивые, продажные.

В этой позиции возможны также относительные и притяжательные прилагательные, которые не употребляются в изосемической конструкции для непосредственной характеристики лица, ср.:

А у вас в фигуре в самом деле есть что-то лошадиное (А. П. Чехов. Вишневы сад (1904)) → *фигура лошадиная;

Длинный тонкий нос, выступающая верхняя челюсть – было в нем что-то лисье, хитрое (Д. Корецкий. Менты не ангелы, но... (2011)) → *он лисий;

Ольга Матвеева ниже его на полголовы, она немного сутулится, есть что-то птичье в ее выражении лица (С. Носов. Фигурные скобки (2015)) → *выражение ее лица птичье;

В этом белом храме и впрямь есть что-то лебединое... (В. Бегичева. Угличе поле // «Наука и религия», 2007) → *храм лебединый.

Употребление относительных прилагательных является средством выражения сравнительных отношений: *некто похож на лошадь, птицу, лису, храм напоминает лебедя.

В таком употреблении подобные высказывания синонимичны конструкциям типа **в ком / в чем есть что-то от кого-то / чего-то**, в которых устанавливается подобие, неполное сходство между сравниваемыми предметами, ср.:

Вообще, в Аксенове есть что-то от Гиляровского (В. Молчанов, Консуэло Сегура. И дальше века... (1999–2003)) → Аксенов чем-то похож на Гиляровского, но сходство это неполное;

В нем есть что-то от екатерининских вельмож (А. Проханов. Господин Гексоген (2001)) → Он чем-то напоминает екатерининских вельмож;

В орнаменте ковра есть **что-то от арабской книжной вязи** (Зеленая музыка ночи (2001) // «Жизнь национальностей», 2001.03.16) → Орнамент ковра чем-то напоминает арабскую книжную вязь;

Из-за отца в атмосфере дома есть **что-то от атмосферы хосписа** (П. Мейлахс. Отступник // «Звезда», 2002) → Атмосфера дома похожа на атмосферу хосписа.

На месте прилагательного может стоять:

- предикативная единица: [*Вообще-то рассуждать на эту тему совершенно бессмысленно,*] тут есть **что-то, чего словами не опишешь** (В. Белоусова. Второй выстрел (2000)) → Это непонятное, неопишемое;

- причастный оборот: *А вместе с тем было в нем что-то тайно располагающее к его особе, вызывающее на исключительное доверие* (А. Д. Скалдин. Странствия и приключения Никодима Старшего (1917)) → Он располагает к себе, вызывает доверие;

- указательное местоимение, семантика которого раскрывается в зависимой части: *Хлестаков уверен, что в его глазах «есть что-то такое, что внушает робость»* (И. Золотусский. «Записки сумасшедшего» и «Записки из подполья» // «Октябрь», 2002) → Его глаза внушают робость.

Такие неэлементарные высказывания являются средством рематизации глагольного предиката, выражающего характеристику, ср.: Он каков? – Он ^{T/R} располагает к себе, вызывает доверие; Какие у него глаза? – Его глаза ^{T/R} внушают робость.

В состав предиката входит также V_{cop} – глагол-связка *быть* в форме 3-го л. ед. ч. настоящего (*есть*) или прошедшего (*было*) времени; форма будущего времени (*будет*) возможна, однако практически не встречается, ср.: *В этой бухте **есть / было / будет что-то странное.***

В предложениях данного типа глагол употребляется регулярно, поэтому в записи модели его позиция указывается как обязательная. В этом состоит его отличие, с одной стороны, от глагола *быть* в роли бытийного предиката, который в предложениях бытийно-пространственной семантики чаще всего отсутствует, и, с другой стороны, от связки *быть* в именных предложениях качественной характеристики, где этот глагол также является связочным, но в настоящем времени регулярно опускается. В НКРЯ в заданном нами подкорпусе зарегистрировано только два примера без связки, которые воспринимаются как не вполне безупречные стилистически:

[*У школьника Гоголя превосходнейшие задатки рачительного и прижимистого хозяина-помещика, знающего цену копейке и умеющего наживать рубль на рубль: расчетлив он и дотошен.*] Несомненно, **в нем – что-то сродное Чичикову** (А. Воронский. Гоголь (1934)). Отсутствие связки в предложении (24) компенсируется постановкой тире;

*«Ты сойдишь с Лопатиным, Володя... Он, кажется, прекрасный молодой человек... **В нем что-то прямое и открытое**», – говорила сыну мать, когда, посидев в кают-компании, они вышли все наверх и уединились на юте, у самой кормы... (К. М. Станюкович. Вокруг света на Коршуне (1895)).* В данном предложении имитируется устная речь со свойственной ей неполнотой и отрывочностью.

Парадигматическое варьирование сказуемого ограничено формой 3-го л. ед. ч., которая согласуется с подлежащим *что-то* какое. Варьирование по категории лица отсутствует.

На основе литературного примера из НКРЯ выстроим парадигму сказуемого:

Но есть в нем что-то неизъяснимо мужественное (Е. Пищикова. Город после мифа // «Русская жизнь», 2012) ≈ Он мужественный:

а) варьирование по категории утвердительности / отрицательности: *в нем есть что-то мужественное / в нем нет ничего мужественного*;

б) варьирование по категории темпоральности: *в нем **есть** / **было** / **будет** что-то мужественное*;

в) варьирование по категории модальности: *в нем **было бы** / **должно быть** / **пусть будет** что-то мужественное*, например:

*Обаятельная улыбка, курносый нос, вихор на макушке – вообще весь облик этого случайного парнишки так понравился кукольнику, что он решил: таким будет его новое творение. Смехов натянул на машину кожу, как чулок на ногу, заперся в мастерской и не пускал туда никого, пока однажды не вынес настоящего мальчишку. Оставалось придумать имя. Помощник Пумпонов на правах старшего сказал: «**Должно быть** в нем что-то современное и что-то старинное, древнегреческое». Думали, гадали, как вдруг кто-то сказал: «Электроник». Хорошая находка! И отдана дань уважения родителям Электроника, и по-древнегречески звучит красиво: электрон – это янтарь (Е. Велтистов. Электроник – мальчик из чемодана (1964));*

г) варьирование по категории аспектуальности понимается широко – как наличие дополнительных смыслов фазисности, продолжительности, интенсивности проявления признака и т. п. Эти значения выражаются лексически: *В нем **сохранилось** / **оставалось** / **появилось** что-то мужественное*. Например:

***Явилось** в нем что-то надломленное* (П. А. Висковатов. Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова (1891));

*А вчера **проявилось** в нем что-то человеческое* (Ю. Азаров. Подозреваемый (2002));

*Что-то жалкое и неуверенное **начало проявляться** в нем, что-то заурядное* (Б. Окуджава. Упраздненный театр (1989-1993));

*...**проснулось** в нем что-то такое, чему и названия нет* (Л. Г. Матвеева. Продлёнка (1987));

*...**закипает** в нем что-то ужасное* (И. А. Бунин. Я все молчу (1913));

д) осложнение модусными смыслами. На месте глагола-связки *быть* возможны модусные глаголы, обозначающие разные способы чувственного восприятия признака – зрительного, слухового, общего чувственного восприятия, сопровождающегося разной степенью уверенности. Часто глаголы зрительного и слухового восприятия используются для обозначения общего чувственного или интеллектуального восприятия. Такие предложения являются неэлементарными, в них передаются модус-диктумные отношения:

- зрительное восприятие признака:

*Она **видела** в нем что-то новое, с чем ей не случалось встретиться...* (И. С. Тургенев. Отцы и дети (1862)) → Она видела (понимала), что в нем есть что-то новое;

*Однако Ира **увидела** в нем что-то другое – сильное* (А. Мельник. Авторитет (2000)) → Ира увидела (поняла, распознала), что в нем есть что-то сильное;

*[Оленегонка взял перо из рук Хэтанзи и рассматривал его, будто] **надеялся увидеть** в нем что-то неведомое другим* (А. Григоренко. Ильгет. Три имени судьбы // Урал, 2013) → Оленегонка надеялся, что он увидит, что в нем есть что-то неведомое другим;

*Вглядываясь в черты ее лица, Алексей **замечал** в нем что-то терпкое, темное...* (А. В. Чаянов. Венецианское зеркало, или Диковинные похождения стеклянного человека (1923)) → Алексей замечал, что в чертах ее лица есть что-то терпкое, темное;

*По крайней мере каждый раз **замечается** в нем что-то неловкое при достижении подобных целей* (Ф. М. Достоевский. Записки из подполья (1864)) → Замечается, что в нем есть что-то неловкое;

- слуховое восприятие признака:

*...последний стих я и теперь произношу с удовольствием и **слышу** в нем что-то крепкое и стремительное* (С. Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением семейной хроники (1858)) → Я слышу (осознаю, понимаю), что в последнем стихе есть что-то крепкое и стремительное;

*[Марии очень нравилось само слово «сирокко»] – ей **слышалось** в нем что-то мистическое, вечное...* (В. Михальский. Весна в Карфагене (2001)) → Марии слышалось (казалось), что в слове *сирокко* есть что мистическое, вечное;

- общее чувственное восприятие:

*Я **почувствовала** в нем что-то чужое* (Э. Герштейн. Вблизи поэта (1985–1999)) → Я почувствовала, что в нем есть что-то чужое;

*[Никита медленно ступал по спирали лабиринта, иногда останавливался, наклонялся и прижимал ладонь к камню, будто] **хотел почувствовать** в нем что-то живое* (В. Бурлак. Хранители древних тайн (2001)) → Никита хотел почувствовать, что в камне есть что-то живое;

*...родное в нем что-то **чувствуется*** (Р. Ибрагимбеков. Забытый август // «Юность», 1972) → Чувствуется, что в нем есть что-то родное;

*Козелков тоже **провидел** в нем что-то таинственное* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Помпадурсы и помпадурши (1863–1874)) → Козелков чувствовал, что в нем есть что-то таинственное;

- интеллектуальное восприятие:

*Где-то, когда-то слышал он его и теперь **узнавал** в нем что-то родное* (П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга вторая (1871–1874));

Каждый раз я **открывал** в нем что-то новое (Н. Волков. Как мы работали (1990–2000));

...он встретил ее взгляд и **прочел** в нем что-то такое страшное и грубое, отталкивающее, что не мог договорить (Л. Н. Толстой. Воскресение (1899));

Я **подозревал** в нем что-то... своеобразное. Ничего нет... (М. Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 3 (1928));

- персуазивность – уверенность / неуверенность в достоверности признака:

Саше всегда **чудилось** в нем что-то нездоровое (З. Прилепин. Санька (2006)) → Саше чудилось, что в нем есть что-то нездоровое;

Кате **мелькнуло** в нем что-то ребяческое (Е. Скобцова (Кузьмина-Караваева). Равнина Русская (хроника наших дней) (1924)) → Кате показалось, что в нем есть что-то ребяческое;

...ей постоянно **мерещится** в нем что-то темное, что-то идущее вразрез с последним словом, которое слышала она от умирающего отца (И. В. Омулевский. Шаг за шагом (1870)) → Ей мерещится, что в нем есть что-то темное.

Таким образом, парадигма неизосемической ТСС качественной характеристики в $N_6^{Descr} [V_{cop} \text{ что-то Adj}_1]^{QLT}$ имеет некоторые ограничения по сравнению с изосемической ТСС: отсутствует варьирование по категориям лица и числа, обязательной является глагольная позиция.

Бытийная конструкция **где есть что** используется в метафорическом значении, происходит перенос значения: *где-то есть что-то* (существование) → *в ком / в чем есть какой-то признак* (качественная характеристика), которое формируется за счет неизосемического заполнения ее позиций: лексема локативной семантики заменяется сочетанием **в ком / в чем** ($LEX^{Loc} \rightarrow N_6^{Descr}$), сужается возможный выбор предложно-падежных форм, он ограничивается единственной формой предложного падежа с предлогом *в*. На месте субъекта-экзисциенса употребляется сочетание неопределенного местоимения *что-то* с прилагательным ($N_1^{Ex} \rightarrow [что-то Adj_1]^{QLT}$). Неизосемичность такого заполнения состоит в том, что в ТСС существования в позиции экзисциенса, как правило, стоит существительное предметной семантики, обозначающее предметы внешнего, чувственно воспринимаемого мира, например: *В доме есть собака*. Качественные же понятия, обозначающие отличительные, постоянные признаки чего-либо, выраженные сочетаниями типа *что-то странное*, содержат описательную характеристику объекта (например, *бухта странная*). В результате этого в предложении происходит сдвиг семантики в сторону качественной характеристики. Глагол *есть* в позиции предиката существования (V_f^{Ex}), таким образом, не выражает существования в прямом значении, а выполняет служебную функцию.

Список литературы

Кошкарева Н. Б. Парадигма акциональных предложений в хантыйском и немецком языках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология. С. 102–126. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-102-126

Кошкарева Н. Б., Бакайтис И. И. Изосемические высказывания с семантикой качественной характеристики и их неизосемические экспрессивные синонимы //

Сибирский филологический журнал. 2021. № 1. С. 293–307. DOI 10.17223/1813 7083/74/22

Черемисина М. И. Парадигма элементарного простого предложения как единица языка // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2003. Вып. 11. С. 3–29.

References

Cheremisina M. I. Paradigma elementarnogo prostogo predlozheniya kak edinica yazyka [Paradigm of an elementary simple sentence as a language unit]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of Indigenous Peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2003, iss. 11, pp. 3–29.

Koshkareva N. B., Bakaytis I. I. Izosemicheskie vyskazyvaniya s semantikoy kachestvennoy kharakterizatsii i ikh neizosemicheskie ekspressivnye sinonimy [Isosemic utterances with semantics of qualitative characterization and their non-isosemic expressive synonyms]. *Siberian Journal of Philology*. 2021, no. 1, pp. 293–307. DOI 10.17223/1813 7083/74/22

Koshkareva N. B. Paradigma aktsional'nykh predlozheniy v khantyyskom i nenetskom yazykakh [Paradigm of Actional Sentences in Khanty and Nenets]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History and Philology*. 2019, vol. 18, no. 9: Philology, pp. 102–126.

Информация об авторах

Кошкарёва Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия); заведующая кафедрой общего и русского языкознания Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Бакайтис Игорь Игоревич, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общего и русского языкознания Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Information about the authors

Natalia B. Koshkareva, Doctor of Philology, Professor, Principal Researcher of the Department of the Siberian Languages of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Head of the Department of General and Russian Linguistics of the Institute of Humanities of the Novosibirsk National Research State University (Novosibirsk, Russian Federation)

Igor I. Bakaytis, Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Department of General and Russian Linguistics of the Institute of Humanities of Novosibirsk National Research State University (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 28.04.2023;

одобрена после рецензирования 07.05.2023; принята к публикации 13.05.2023

The article was submitted on 28.04.2023;

approved after reviewing on 07.05.2023; accepted for publication on 13.05.2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 2
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2

Научная статья

УДК 811.511.142:81'367

DOI 10.17223/18137083/83/21

**Коммуникативная вариативность
бытийной типовой синтаксической структуры
в сургутском диалекте хантыйского языка**

Илья Михайлович Плотников

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

iliaplotnikov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6416-689X>

Аннотация

Рассматривается коммуникативная парадигма бытийной типовой синтаксической структуры сургутского диалекта хантыйского языка на материале 200 реализаций в текстах разных жанров. С учетом порядка составляющих и интонации выявлены четыре основных коммуникативных варианта. Выделено несколько наиболее частотных ситуаций употребления бытийной структуры, каждая из них проанализирована с точки зрения коммуникативного статуса ее компонентов. Продемонстрировано соответствие между ситуациями и используемыми в них коммуникативными вариантами. В ситуации существования при заполнении позиции локализатора местоименным наречием порядок составляющих вариативен, причем выбор конкретного варианта не обусловлен коммуникативными факторами, но может зависеть от индивидуальных свойств каждого конкретного источника.

Ключевые слова

хантыйский язык, сургутский диалект, бытийная типовая синтаксическая структура, коммуникативная парадигма, порядок составляющих

Для цитирования

Плотников И. М. Коммуникативная вариативность бытийной типовой синтаксической структуры в сургутском диалекте хантыйского языка // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 269–285. DOI 10.17223/18137083/83/21

© Плотников И. М., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 269–285
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 269–285

Communicative variation of the typical existential syntactic structure in the Surgut dialect of Khanty

Ilya M. Plotnikov

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
iliaplotnikov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6416-689X>

Abstract

This paper considers the communicative variation in the Surgut dialect of Khanty, one of the indigenous languages of Siberia. A typical existential syntactic structure comprises three elements, to be referred to here as “subject,” “localizer,” and “predicate.” The prototypical meaning of this structure can be represented by simple existential sentences. The analysis covers 200 realizations of this structure sampled from a collection of texts representing different genres and idioms of the Surgut dialect. Four main variants of the structure are identified, taking into account both the constituent order and intonation structure. The realizations are grouped under the context in which they are used and their function in the text. These groups represent several distinct communicative situations in which the structure concerned is commonly used: discovering an object when observing a visible area, establishing the time, place, and main characters at the beginning of a text, switching attention to a new object, and others. These situations are grouped into three main situations determined by the position of the main focus on the subject, localizer, or predicate. Each main situation is associated with a specific communicative variant, in which the focal element is placed in such a way as to be emphasized intonationally. The realizations with pronominal adverbs in the localizer position are considered separately. It is in these cases that the focal subject causes two communicative variants that appear to be interchangeable, as no direct correlation between these communicative variants and the types of communicative situations has been found.

Keywords

Khanty language, typical existential syntactic structure, communicative paradigm, constituent order

For citation

Plotnikov I. M. Communicative variation of the typical existential syntactic structure in the Surgut dialect of Khanty. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 269–285. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/21

Введение

Типовые синтаксические структуры (ТСС) представляют собой устойчивые синтаксические построения с прототипическими значениями [Кошкарёва, 2015, с. 15]. Понятие ТСС позволяет рассматривать ряд различных по формальному устройству и семантике синтаксических структур как единое поле, в котором свойства каждого отдельного элемента определяются через его противопоставление свойствам других элементов поля.

Одним из ключевых свойств ТСС как поля является функционирование в нем общих механизмов синтаксического варьирования. Все направления парадигматики элементарного простого предложения (ЭПП) [Кошкарёва, 2006, с. 67] находят отражение в парадигматике соответствующих им ТСС. В то же время пара-

дигматические свойства разных структур, входящих в ТСС, могут существенно различаться, так как потенциально конструируемые варианты синтаксической структуры оказываются в силу каких-либо причин нереализованными.

Целью настоящей статьи является описание коммуникативной парадигмы бытийной ТСС в сургутском диалекте хантыйского языка. Коммуникативная парадигма ТСС состоит из коммуникативных вариантов (КВ) – разновидностей ТСС, выбор между которыми обусловлен контекстом каждой конкретной реализации. При формировании КВ может быть задействован комплекс разных средств. В исследованиях коммуникативной системы сургутского диалекта хантыйского языка в качестве основной группы средств выражения коммуникативных значений рассматриваются морфосинтаксические, включающие падежное и залоговое варьирования [Кошкарёва, 2007, с. 40]. Так как эти явления для бытийной ТСС не характерны, то в ней коммуникативное варьирование обеспечивается другими средствами, в первую очередь варьированием порядка составляющих и интонационной структуры.

Ядром бытийной ТСС в сургутском диалекте хантыйского языка, как и во многих других, является бытийное ЭПП, репрезентируемое моделью $N_{\text{НОМ}}^{\text{Ex}} \text{LEX}^{\text{Loc}} V_f^{\text{Ex}}$, где $N_{\text{НОМ}}^{\text{Ex}}$ – субъект-экзистенс, выраженный существительным в форме именительного падежа, LEX^{Loc} – локализатор, который может быть выражен разными способами, V_f^{Ex} – экзистенциальный предикат, выраженный личной формой глагола. Бытийная ТСС состоит из трёх компонентов, соответствующих компонентам бытийной ЭПП, но, в отличие от них, не обозначающих конкретные семантические роли, составляющие бытийную пропозицию. В рамках настоящей статьи необходимо, чтобы все реализации одного и того же компонента ТСС могли рассматриваться единообразно, вне зависимости от их плана выражения или плана содержания, поэтому мы условно называем эти компоненты по семантическим ролям, выполняемым соответствующими компонентами бытийной ЭПП: субъект (S), локализатор (LOC) и предикат (PR). Эти термины охватывают несколько аспектов существования компонента ТСС и, таким образом, многозначны. Так, «локализатор» употребляется в данной статье в трех значениях: 1) одна из составляющих бытийной ТСС, соответствующая локализатору в бытийном ЭПП, 2) соответствующая ей часть конкретной реализации ТСС, 3) ментальная репрезентация референта части конкретной реализации ТСС.

Материалы и методы

Для проведения исследования использован корпус, включающий фольклорные и художественные тексты, а также образцы разговорной речи на нескольких говорах сургутского диалекта хантыйского языка из опубликованных источников (Айпин, 2003а; 2003б; Нюгломкина, 2020; Чепреги, 2015; Димэни йёвтэм моньтэят, ясэят, 2013; Ob-Ugric database) и личного архива Н. Б. Кошкарёвой. Из корпуса выбраны реализации бытийной ТСС в виде развернутой предикативной единицы, в которых эксплицитно выражены субъект и локализатор независимо от выраженности предиката. Всего собрано и проанализировано 200 таких реализаций.

В рамках коммуникативного анализа рассматриваемые реализации объединены в несколько групп, которые соответствуют наиболее частотным ситуациям употребления бытийной ТСС. В то время как реализации бытийной ТСС обычно

описывают конкретные факты действительности, их коммуникативное устройство учитывает три внешних по отношению к сообщаемым фактам компонента:

- адресант – лицо, организующее текст;
- адресат – лицо, воспринимающее текст;
- наблюдатель – лицо, которое описывается в тексте как воспринимающее сообщаемые факты.

Образ каждого из этих компонентов в зависимости от типа текста может быть конкретным, собирательным или условным. При построении текста адресант выбирает средства языка таким образом, чтобы наиболее точным и ёмким образом обозначить связь предметов и явлений действительности как в содержательном, так и в коммуникативном плане. При этом он опирается на свои предположения о предшествующих знаниях адресата об описываемой ситуации и участвующих в ней предметах. С другой стороны, одной из функций текста является выражение отношения наблюдателя к информации. Большинство рассматриваемых текстов построены так, чтобы по отношению к сообщаемой в тексте информации адресат находился в той же позиции, что и наблюдатель, т. е. таким образом, чтобы информация, являющаяся новой для наблюдателя, была новой и для адресата.

С точки зрения знаний адресата обо всей описываемой ситуации различаются информативные высказывания, в которых сообщается новая для адресата вещественная информация, и верификативные высказывания, в которых утверждается реальность или нереальность уже известной адресату информации [Адамец, 1966, с. 26–28]. Одна из основных функций информативных высказываний – введение в дискурс и актуализация предметов, являющихся участниками описываемой ситуации (в бытийной ТСС это обычно субъект и локализатор), что требует анализа как фоновых, так и обусловленных контекстом знаний адресата об этих предметах. Основным методом анализа коммуникативной структуры реализаций является актуальное членение – выделение в высказывании двух коммуникативных составляющих, называемых темой и ремой.

Для выявления корреляций между разными аспектами коммуникативных ситуаций и коммуникативными вариантами каждая реализация рассматривается с точки зрения порядка составляющих и интонационной структуры. Так как не все рассматриваемые тексты являются озвученными, то в случае анализа реализаций неозвученных текстов выводы об их интонационном устройстве делаются на основе аналогичных реализаций озвученных текстов.

Результаты и обсуждение

1. Основные коммуникативные варианты бытийной ТСС

Как показано в [Плотников, 2021], интонация в сургутском диалекте хантыйского языка обеспечивает противопоставление между тематической и рематической частями высказывания за счет выделения центра ремы мелодическим пиком, являющимся компонентом соответствующей интонационной конструкции (ИК-1). Этот факт позволяет классифицировать реализации бытийной ТСС в соответствии с позицией центра ремы и пика ИК-1, которую мы обозначим символом «звёздочка» (*).

Анализ выборки показал, что из шести порядков составляющих, которые могут быть построены для синтаксической структуры из трёх компонентов, частотными являются только два: S LOC [PR] (106 реализаций) и LOC S [PR] (94 реализации). Заключение PR в квадратные скобки означает, что компонент PR может быть опущен. В то же время наблюдаются не все возможные в них позиции инто-

национального пика, вследствие чего мы выделяем четыре основных KB бытийной ТСС (см. табл. 1).

Таблица 1
Основные коммуникативные варианты
бытийной ТСС

Table 1
Main communicative variants
of the typical existential syntactic structure

KB	Схема KB	Центр ремы
KB ₁	LOC S* [PR]	S
KB ₂	S* LOC PR	S
KB ₃	S LOC* [PR]	LOC
KB ₄	S LOC PR*	PR

2. Основные ситуации употребления бытийной ТСС

В хантыйском языке выделяются два типа реализаций бытийной ТСС, противопоставленные порядком компонентов – существование и местонахождение [Кошкарёва, 2015, с. 16; 2018, с. 56]. Наравне с ними также рассматривается третий тип – наличие / отсутствие. Мы используем эти термины как обозначения основных групп коммуникативных ситуаций, в которых употребляется бытийная ТСС. Выделение этих групп носит условный характер, так как в некоторых случаях границы между ними размыты, и не все ситуации могут быть однозначно отнесены к одной из групп. Каждая группа представляет собой поле, в центре которого находятся наиболее коммуникативно простые и частотные ситуации, характерные для реализаций бытийного ЭПП. К периферии относятся ситуации, сопровождающиеся увеличением сложности коммуникативной структуры высказываний и структурно-семантическим варьированием ТСС.

2.1. Обнаружение как разновидность существования

В качестве прототипической ситуации существования мы рассматриваем частотную для анализируемых текстов ситуацию **обнаружения** предмета (S) при осмотре пространства (LOC) наблюдателем. Эта ситуация имеет модус-диктумную структуру, которая может быть выражена в тексте эксплицитно:

- (1) <...> сарнам лэйэйл, тьа́жа ай хот тёт омэсл (Чепреги, 2015, с. 10) ¹
сарнам	лэйэйл=∅	чя́жа	ай	хот=∅
вперёд	смотреть=SUBJ.3SG	ПРТCL	один	дом=NOM
тёт	омэс=л=∅			
там	сидеть=NPST=SUBJ.3SG			
- ‘Посмотрела вперед: там стоит один дом.’

Мы выделяем два подтипа этой ситуации.

Обнаружение-1: наблюдатель произвольно обнаружил S в LOC. Наиболее характерный для рассматриваемых текстов пример этой ситуации представлен

¹ В первой строке пример приводится в том виде, в котором он представлен в первоисточнике. При глоссировании используется унифицированное графическое представление, соответствующее фонематическому принципу письма. В последней строке дается буквальный перевод, наиболее точно отражающий структуру исходного высказывания.

в (2): персонаж-наблюдатель (птичка) прибывает в некоторое новое место (дом Менк-ики²) и обнаруживает в нём предмет (горшок с жиром):

(2) *Кэр ёвтына пёльчи путэли омэс* (Чепреги, 2015, с. 6).

кэр ёвты=нэ пёльчи пут=эли=∅
печь верх=ЛОС жир горшок=DIM=NOM
омэс=л=∅
сидеть=NPST=SUBJ.3SG
'На печке стоит горшок с жиром.'

В ситуации обнаружения локализатор может выступать в виде всего осматриваемого пространства (LOC₁) или некоторого подпространства, определяемого относительно существующих внутри пространства предметов (LOC₂). В данном случае *кэр ёвтына* 'на печке' – это LOC₂, указывающий на конкретное расположение предмета в пространстве LOC₁ (дом Менк-ики). LOC₂, в свою очередь, выступает в роли субъекта в подразумеваемом бытийном утверждении «в LOC₁ есть LOC₂», от предсказуемости которого зависит коммуникативный статус LOC₂. В данном случае печка рассматривается как неотъемлемая часть структуры дома и поэтому является темой высказывания.

Известность субъекта также может варьироваться, причем как с точки зрения наблюдателя, так и с точки зрения адресата. Например, сказка «Орёл *Карэс ики*» состоит из двух частей: из первой части адресат узнаёт о Карс-ики, а во второй части в роли наблюдателя выступает человек, с точки зрения которого Карс-ики представляет собой неизвестный предмет. Несмотря на это, Карс-ики маркируется как известный местоимением *чу* 'тот':

(3) *Вултэх: тэми йухна омэс тьу карэс-ики* (Чепреги, 2015, с. 50).

ву=л=тэх тэми йух=нэ
видеть=NPST=OBJ.SG.SUBJ.3SG PRTCL дерево=ЛОС
омэс=л=∅ чу карэс-ики=∅
сидеть=NPST=SUBJ.3SG тот Карс-ики=NOM
'Видит: вот на дереве сидит тот Карс-ики.'

Обнаружение-2: наблюдатель искал и обнаружил S в LOC. Для возникновения ситуации обнаружения-2 необходим контекст, формирующий ожидания наблюдателя и адресата. Например, в сказке «Две женщины» старая женщина перечисляет действия, которые нужно выполнить главным действующим персонажам. При выполнении этих действий они находят предметы, описанные старой женщиной, тем самым получая подтверждение сообщаемой информации:

(4) [*Тьайца тёт кирэхлэл, чопэнка*] – *йэмси цот пэлэкна булэу-парэу чэмотанэт омсиэт* (Чепреги, 2015, с. 11).

йэмси цот пэлэк=нэ булэ=у-пар=эу
правый дом сторона=ЛОС грязь=ADJ-пепел=ADJ
чэмотан=эт=∅ омс=л=эт
чемодан=PL=NOM сидеть=NPST=SUBJ.3PL
'[Вот там осматривается, и правда] – на правой стороне дома стоят грязные чемоданы.'

² Менк-ики (*Мәүк Ики*) – персонаж хантыйского фольклора, сказочный великан (Чепреги, 2015, с. 59).

Аналогичная ситуация возникает в результате повторяющихся сюжетных ходов, которые могут принимать форму как ряда похожих событий (5), так и полного воспроизведения ситуации с теми же предметами (6):

(5) *Эчэ эй ими тут вѣл* (Айпин, 2003б, с. 87).

эчэ эй ими=∅ тѣт вѣл=∅
тоже один женщина=NOM там жить=SUBJ.3SG
'Там (в доме) тоже жила одна женщина.'

(6) [*Өс зөжэмэтхэ мэн, пэрхунам аңкратхэ*], *өс карэс-ики тѣт омэс* (Че-преги, 2015, с. 50).

өс карэс-ики=∅ тѣт омэс=л=∅
снова Карс-ики=NOM там сидеть=NPST=SUBJ.3SG
'[Снова в третий раз пошёл, обратно взглянул], снова Карс-ики там сидит.'

Так как обнаружение-2 основано на установлении соответствия между предполагаемым и реальным положением дел, то оно может быть классифицировано как разновидность верификации. Однако большинство подобных примеров выходит за рамки традиционного определения верификации, которое предполагает, что говорящий исправляет или подтверждает суждения собеседника, основанные на его убежденности в истинности или неистинности некоторого положения дел [Адамец, 1966, с. 27–28]. Ситуации, в которых некоторое положение дел рассматривается как вероятное на основании общих фоновых знаний, косвенных свидетельств и представлении о типичных принципах организации повествования, следует рассматривать как периферийное явление, занимающее пограничное положение между собственно верификацией и информативностью.

С коммуникативной точки зрения обнаружение-1 и обнаружение-2 однородны. В обоих случаях темой высказывания является контекстуально заданный LOC (пространство, к которому обращено внимание наблюдателя), а ремой – S (обнаруженный в нём предмет). С точки зрения организации текста S выступает как предмет, введение которого в текст обеспечивает возможность перехода к новому этапу повествования, который определяется знанием персонажа о предмете (например, в (2) птичка съедает жир и этим злит Менк-ики).

В обоих случаях употребляются два KB, характеризующихся рематичностью S (KB₁ и KB₂). Это свидетельствует о том, что в коммуникативной системе хантыйского языка эти типы ситуаций дифференцируются не через противопоставление KB, а лексическими средствами со значением соответствия или несоответствия ожиданию: в (4) это слово *чопанка* 'действительно', в (5) и (6) – слова, указывающие на повторяемость ситуации (*өс* 'снова' и *эчэ* 'тоже').

2.2. Зачин как разновидность существования

Определяющим свойством ситуации обнаружения является то, что она опирается на заданное контекстом представление о наблюдателе и пространстве, в котором он существует. В фольклорных текстах основным средством формирования этого контекста является зачин – устойчивая формула, которая обычно появляется в начале текста или его значимого раздела и предназначена как для введения в дискурс предметов, необходимых для начала повествования (чаще всего центральных персонажей), так и для указания на время и место действия [Дядюн, 2013, с. 26].

В. Матезиус на материале чешского языка выделяет два типа зачинов. Первый тип с неопределенным временным локализатором (*jednou* 'когда-то') рассматривается как коммуникативно нерасчлененное высказывание, в котором отсутствует

тема. Во втором типе в роли темы выступает локализатор, предвосхищающий еще не раскрытую предметную ситуацию (*v jedné zemi* ‘в одной стране’, *v jednom městě* ‘в одном городе’, *daleko, až tamhle někde za červeným mořem* ‘далеко, где-то там, за красным морем’) [Матезиус, 1967, с. 240–241].

Оба типа зачинов встречаются в сургутском диалекте хантыйского языка. Наиболее частотным является зачин с неопределенным временным локализатором *эй мэта латнэ* ‘когда-то’ (7), но встречаются и пространственные локализаторы (8), (9), иногда в сочетании с временными (10).

(7) *Эй мэта латнэ йох вӓлӓт* (Нюгломкина, 2020, с. 10).

эй мэта латнэ йох=∅ вӓл=л=эт
когда-то люди=NOM жить=NPST=SUBJ.3PL
‘Когда-то жили люди.’

(8) *Эй вочнэ тӓџа Пэтэр вӓлӓл* (Чепреги, 2015, с. 14).

эй воч=нэ чӓџа Пэтэр=∅ вӓл=эл=∅
один город=LOC PRTCL PN=NOM жить=NPST=SUBJ.3SG
‘Вот в одном городе живёт Пётр.’

(9) *Иӓксэу йӓвэннэ, Мӓккэу йӓвэннэ кат имихэн вӓлӓлӓхэн* (Чепреги, 2015, с. 10).

Иӓксэу йӓвэн=нэ Мӓккэу йӓвэн=нэ кат
PN река=LOC PN река=LOC два
ими=хэн=∅ вӓл=л=ӓхэн
женщина=DU=NOM жить=NPST=SUBJ.3DU
‘На берегу реки *Иӓксэу йӓвэн* *Мӓккэу йӓвэн* живут две женщины.’

(10) *Эй мэта латнэ йӓвэн тӓмпинэ кат имихэн-икихэн вӓлӓлӓхэн* (Нюгломкина, 2020, с. 3).

эй мэта латнэ йӓвэн тӓмпинэ кат
когда-то река за=LOC два
ими=хэн-ики=хэн=∅ вӓл=хэн
женщина=DU-мужчина=DU=NOM жить=SUBJ.3DU
‘Когда-то на том берегу Югана жили муж с женой.’

В отличие от контекстуально ориентированной ситуации обнаружения, зачин обращается к общим знаниям адресата об устройстве мира для того, чтобы сформировать образ пространства, в котором будет развиваться повествование. В то время как в (8) помещение действия в город действительно формирует определенный предметный контекст, в большинстве других случаев этот контекст условен. Так, в (9) употребленные названия рек локализуют действие не в реальном, а в сказочном пространстве (Чепреги, 2015, с. 10). Локализаторы типа *эй мэта латнэ* ‘когда-то’ также указывают на условный временной и пространственный контекст, характерный для сказочного повествования, поэтому мы, в отличие от В. Матезиуса, рассматриваем их как значимый коммуникативный компонент высказывания.

По функции в тексте к зачину приближаются случаи, в которых при наличии конкретного пространственного локализатора (*тэт* ‘здесь’) употреблен временной локализатор, относящий повествование к прошлому. Такие примеры встречаются в текстах Е. Д. Айпина:

(11) *Маџи нѣпэтнэ тэт үүэр кјүрэн войхэт вјүлэт* (Айпин, 2003а, с. 41).

маџи нѣпэт=нэ тэт ъхэр кјүр=эп
прошлый век=LOC здесь высокий нога=ADJ
войх=эт=∅ вјүл=эт
зверь=PL=NOM быть=SUBJ.3PL
'В давние времена здесь водились волки.'

Все типы зачинов имеют одинаковую коммуникативную структуру, в которой субъект является центром ремы, а локализатор – темой. Несмотря на то, что информация, передаваемая локализатором, является новой, она рассматривается как фоновая по отношению к существованию субъекта. Эта точка зрения подтверждается также тем, что все зачины в рассмотренных текстах строятся в соответствии с KB₁ (LOC S* PR).

2.3. Другие типы существования

Обнаружение и зачин составляют ядро существования. Их объединяют, с одной стороны, общность используемых вариантов бытийной ТСС (KB₁ и KB₂) и, с другой стороны, одинаковая тема-рематическая организация (локализатор – тема, субъект – рема).

Для художественных текстов Е. Д. Айпина и примеров разговорной речи характерно употребление бытийной ТСС, которое, как и зачин, представляет собой результат абстрагирования от модус-диктумого устройства ситуации существования. Мы будем называть эту ситуацию **переключением**. В ней нет эксплицитного наблюдателя, который получает информацию параллельно с адресатом и может как-то на нее реагировать, наблюдатель представляет собой повествователя, переключаящего внимание с одного аспекта пространства на другой, выстраивая таким образом изложение в соответствии со своим представлением о знаниях адресата. Бытийная ТСС в таком случае фиксирует переход от пространства к мысленно выделяемому в нём предмету. Такие реализации бытийной ТСС могут образовывать цепочку, в которой последовательно рассматриваются предметы разной степени приближения:

(12) *Тут цамэц киврит вјүлэт* (Айпин, 2003б, с. 47).

тѣт цамэц киври=т=∅ вјүл=эт
там мох колодец=PL=NOM быть=SUBJ.3PL
'Там (у подножия горы) были колодцы.'

(13) *Киври џотнэ чуминт тјунтэх, юх вјйэл, кевэл вјүл* (Айпин, 2003б, с. 48).

киври џот=нэ чуминт тѣнтэх йух вјй=эп
колодец дом=LOC такой береста дерево ручка=ADJ
кэвэл=∅ вјл=∅
ковш=NOM быть=SUBJ.3SG
'В домике над колодцем был такой берестяной ковш с деревянной ручкой.'

В рамках этой ситуации возможно введение в дискурс не только неизвестных, но и известных адресату предметов. Например, в (14) субъект бытийной ТСС предполагается известным читателю, так как уже фигурировал в тексте произведения, но еще не упоминался в рассматриваемой главе:

(14) *Тут ма Ефрем-ики пукликем вӱл* (Айпин, 2003б, с. 77).

тӱт ма Ефрем-ики пуклик=эм=∅
там я PN-мужчина крёстный отец=POSSR.1SG=NOM
вӱл=∅
жить=SUBJ.3SG
'Там жил мой крестный отец Ефрем.'

В примере (15) говорящий просит собеседника произнести хантыйское название известной им обоим реки. Бытийная ТСС используется для конкретизации предмета через пространственную связь с другим известным предметом:

(15) *Воч ҫонәннә йәмат әнәл йӱвән вәлэ <...>* (Личный архив Н. Б. Кошкарёвой).

воч ҫонән=нә йәмат әнәл йӱвән=∅ вәлэ
город возле=LOC очень большой река=NOM PRCL
'Возле Сургута ведь очень большая река.'

Использование дейктических средств формирует ситуацию **указания**. Такие ситуации возникают в диалоге (16) или внутренней речи (17), когда говорящий указывает на конкретный наблюдаемый им LOC как на место, в котором существует S. Указание приобретает свойства переключения, если используется говорящим для введения в дискурс новых предметов, как в (16), или обнаружения, если является вербализацией процесса нахождения в пространстве предметов, как в (17).

(16) *Тэм тахинә ҫот мәх* (Айпин, 2003а, с. 6б).

тэм тахи=нә ҫот мәх=∅
этот место=LOC дом земля=NOM
'В этом месте священная земля.'

(17) *Тәт Күрән Войәх* (Айпин, 2003б, с. 102).

тәт күр=ән войәх=∅
здесь нога=ADJ зверь=NOM
'Вот Лось (букв. Ногастый зверь; здесь – название Большой Медведицы).'

Все рассмотренные ситуации существования объединяются тем, что LOC служит в них отправной точкой, которая используется для перехода к S, но не является собственно предметом мысли, о котором сообщается новая информация. Свойство быть тем, чему «посвящено» высказывание, часто рассматривается как одно из основных свойств темы высказывания [Lambrecht, 1994, p. 119]. В нашей выборке есть несколько случаев реализации бытийной ТСС, в которых LOC обладает этим свойством: в (18) описывается целостный образ, который характеризует место дерева в формируемой текстом картине мира, а (19) характеризует предмет, который выступает в роли LOC. Эти примеры относятся к периферии существования.

(18) *Җӱтлин сорньән нӱхӱл-кӱтӱлнә тӱрәм вӱх ӱлӱл* (Айпин, 2003а, с. 67).

Җӱтлин сорньән нӱх=л=ӱл-
днём золотой ветка=POSSM.PL=POSSR.3SG-
кӱт=л=ӱл=нә тӱрәм вӱх=∅
рука=POSSM.PL=POSSR.3SG=LOC небо=NOM

өҗ=аҗ=∅

лежать=NPST=SUBJ.3SG

‘Днём на её золотых ветвях-руках лежит небо.’

(19) <...> *кацәү җәнә йәм пан атәм вәҗ* <...> (Айпин, 2003б, с. 90).

кацәү җәнә йәм пан[ә] атәм
каждый человек=LOC хороший и плохой

вөҗ=л=∅

быть=NPST=SUBJ.3SG

‘в каждом человеке есть хорошее и плохое.’

2.4. Местонахождение

Для местонахождения характерна противоположная существованию тема-ре-матическая организация (субъект – тема, локализатор – рема) и использование KB₃ (S LOC* [PR]).

В отличие от обнаружения, в случае местонахождения эксплицитная модус-диктумная структура возникает при построении суждений о предмете, существование которого уже было установлено в контексте или считается очевидным, что позволяет сместить внимание с предмета (S) на его пространственные отношения (LOC). Примерами такой ситуации являются высказывания, в которых описывается положение в пространстве персонажа-наблюдателя (**самонаблюдение**):

(20) *Пәнәҗнә лэйләхәҗ – тәми пухәҗ җәринә омәс* (Чепреги, 2015, с. 35).

пәнәҗнә лэйләхәҗ=әл=∅ тәми пухәҗ
сторона=LOC смотреть=NPST=SUBJ.3SG PRTCL селение

җәри=нә омәс=л=∅

двор=LOC сидеть=NPST=SUBJ.3SG

‘По сторонам смотрит – видит: он сидит во дворе селения.’

(21) *Мин түвәт кучәүнә умәсмән* (Айпин, 2003б, с. 111).

мин түвәт җучәүнә умәс=мән
мы огонь возле=LOC сидеть=SUBJ.1DU

‘Мы сидели возле костра.’

Метатекстовую функцию, аналогичную зачину, выполняет тип местонахождения, который может быть назван **раскладом**. Расклад возникает в начале повествования или его значимой части и формирует фон для дальнейших событий повествования, указывая на то, где находятся его персонажи. Если в тексте несколько персонажей, то может противопоставляться их положение относительно одного и того же локализатора, как в (22) и (23). Значимость этой информации в тексте обеспечивается тем, что местонахождение персонажа определяет возможность осуществления им каких-либо действий: например, в (22), (23) отец не может остановить нападение волков на оленей, а в (24) мужчине требуется много времени для того, чтобы дойти до города, из-за чего он подслушивает разговор.

(22) *Мин аҗкемнат йәҗун вәҗмән* (Айпин, 2003а, с. 41).

мин=∅ аҗк=эм=нат йәҗән вәҗ=мән
мы=NOM мать=POSSR.1SG=COM дома быть=SUBJ.1DU

‘Мы с матерью были дома.’

(23) *Ачѐм илѐн вѝл* (Айпин, 2003а, с. 41).

ач=эм=∅ илѐн вѝл=∅
отец=POSSR.1SG далеко быть=SUBJ.3SG
'Отец был далеко [от дома].'

(24) *Өс кѐнар ɟѐ воч поч ɟотнѐ тѐт ɟыч <...>* (Нюгломкина, 2020, с. 5).

өс кѐнар ɟѐ=∅ воч поч ɟот=нѐ
а бедный мужчина=NOM город край дом=LOC
тѐт ɟыч=∅
там остаться=SUBJ.3SG
'А бедняк остался там, в доме на краю города.'

С точки зрения роли в тексте местонахождение не симметрично прототипическому существованию. Положение предмета (S) в пространстве обычно рассматривается как информация, расширяющая знания адресата о предмете (т. е. высказывание посвящено предмету), а пространство (LOC) имеет значение только в связке с предметом и не становится самостоятельным участником текста.

2.5. Наличие / отсутствие

Ситуация **наличия / отсутствия** предполагает верификацию, т. е. подтверждение или опровержение суждений, эксплицитно или имплицитно содержащихся в тексте. Например, в (25) наблюдатель осматривает себя и проверяет целостность своих частей тела, исходя из предположения, что они могли пострадать:

(25) [*Панѐ лѝват кѐлхѝлѝтѝл: кѝтам – та-а*], *кѝтам тѝтты* (Нюгломкина, 2020, с. 11).

кѝт=ам=∅ тѝтты
рука=POSSR.1SG=NOM здесь
'[Ощупывает себя: рука – вот], рука на месте.'

При отрицании возникает ситуация **необнаружения**, близкая к обнаружению-2, так как ее возникновение также обусловлено ожиданиями наблюдателя или адресата. Уровень обоснованности этих ожиданий может значительно варьироваться. Например, в (26) герой совершенно уверен, что бабушка не уплывет без него домой, а в (27) основанием для отрицаемого суждения служит только связь между домом и его хозяином.

(26) [*Ай пѝхѝли нык иѝвѝтмаѝла*], *та, чѝчил ɟѝтта пѝ ѐнтѝм* (Нюгломкина, 2020, с. 11).

та чѝчи=л=∅ ɟѝтта пѝ ѐнтѝм
INTERJ бабушка=POSSR.3SG=NOM нигде нет
'Мальчик на берег пришел, а бабушки, оказывается, нигде нет.'

(27) [*Мѝнк Ики ɟѝта иѝвѝт, ɟѝт ɟѝны иѝɟѝнам лѝй.лѝл*], *Мѝнк Ики иѝɟѝн ѐнтѝм* (Чепреги, 2015, с. 6).

Мѝнк Ики=∅ иѝɟѝн ѐнтѝм
Менк-ики=NOM в доме нет
'[Пришла к дому Менк-ики, заглянула внутрь дома], Менк-ики в доме нет.'

Эта группа ситуаций представлена в выборке небольшим количеством примеров и наименее однородна с точки зрения используемых КВ. В то время как для отрицательных высказываний характерно употребление КВ₄ с выделением в рему

предиката *энтэм*, во всех выявленных примерах утвердительных высказываний предикат опущен, а функция выделяемого в рему показателя истинности переходит к локализатору.

3. Реализации с местоименным наречием в позиции локализатора

Класс местоименных наречий представлен в сургутском диалекте хантыйского языка указательными местоимениями *тэт* 'здесь' и *тёт* 'там' и их вариантами *тэтты* и *тётты*, употребляемыми в роли сказуемого [Чепреги, 2017, с. 115]. Ситуации их употребления различаются в зависимости от выраженности PR.

В высказываниях с опущенным PR реализуются два KB в усеченном виде, который мы обозначим символом «штрих» ('). В ситуациях существования (см. пример 6) используется KB₁' (*тэт / тёт S**). В ситуациях местонахождения и наличия / отсутствия (см. пример 25) употребляется KB₃' (*S тэтты* / тётты**). Таким образом, формы *тётты* и *тэтты* употребляются в контекстах, в которых LOC является ремой, и могут рассматриваться как рематические варианты этих местоимений.

Множество реализаций с выраженным PR и *тэт / тёт* в позиции LOC отличаются от других тем, что только в нём в ситуации существования общеупотребительному KB₁ противопоставляется KB₂. В то время как во всех других случаях противопоставления KB носят коммуникативный характер, нам не удалось установить критерии, которые позволили бы однозначно связать это противопоставление с конкретными характеристиками ситуации. Отсутствие такой связи доказывается существованием групп примеров, репрезентирующих один и тот же тип ситуации, например, обнаружение-1:

(28) <...> [*сарнам лэйгэ], тьяҕа ай ҕот тёт омэс*] (Чепреги, 2015, с. 10).

чяҕа ай ҕот=∅ тёт омэс=л=∅
PRTCL один дом=NOM там сидеть=NPST=SUBJ.3SG
'[Посмотрела вперед]: там стоял один дом.'

(29) [*Ҕота йаҕа дйң], тэми тёт ай пырэс ики омэс*] (Димэни йёвтэм моньтээт, ясээт, 2013, с. 194).

тэми тёт ай пырэс ики=∅
PRTCL там один старый мужчина=NOM
омэс=л=∅
сидеть=NPST=SUBJ.3SG
'[Внутри дома вошёл], там сидит один старый мужчина.'

Так как в KB₂ рема помещается в начало реализации ТСС, то противопоставление между KB₁ и KB₂ может трактоваться как противопоставление между нейтральным и экспрессивным вариантами высказывания, которое носит стилистический характер [Ковтунова, 1976, с. 98–101]. Однако в этом случае необъясним тот факт, что употребление экспрессивного варианта ограничено реализациями с местоименным наречием.

Несмотря на описанные системные различия между реализациями бытийной ТСС с выраженной и невыраженной позицией PR, наблюдается зависимость между употреблением KB₁ и KB₁', которым соответствует порядок LOC S: большинство случаев употребления LOC S приходится на две группы источников, в то время как в двух других такие примеры отсутствуют (табл. 2). Одним из возможных объяснений такого распределения может быть существование некоторого правила, ограничивающего употребление местоименных наречий *тэт* и *тёт* в позиции

начала реализации бытийной ТСС, действие которого распространяется только на часть источников. Относительно небольшое количество примеров в рассматриваемых источниках не позволяет сделать выводов о том, какими характеристиками источников (говором, жанром или стилистическими факторами) обусловлено это явление.

Таблица 2

Распределение порядка составляющих в высказываниях с местоименными наречиями в позиции локализатора

Table 2

Distribution of constituent order in utterances with pronominal adverbs in the position of localizer

Источник	Говор	LOC S	S LOC
Айпин, 2003а, 2003б	аганский	13	4
Сказки, рассказы с реки Лямы, 2013	пимский	8	9
Нюгломкина, 2020	юганский	3	7
Чепреги, 2015	тромаганский, аганский, большеюганский	0	7
Личный архив Н. Б. Кошкарёвой	тромаганский	0	7
Общее количество		24	34

Противодействующим фактором является то, что KB_1 и KB_1' соответствуют общей парадигме бытийной ТСС, выстраиваемой на основе ее реализаций с именными группами в позиции LOC. Это может обуславливать тенденцию к употреблению KB_1 и KB_1' под действием принципа аналогии. Такое выравнивание парадигмы может развиваться под влиянием русского языка, в котором в аналогичных ситуациях используется один и тот же KB (ср. *В доме сидел один мужчина* и *Там сидел один мужчина*).

Заключение

В рассмотренных текстах бытийная ТСС выполняет целый ряд значимых функций: служит отправной точкой для повествования, формирует контекст, в котором разворачивается действие, обеспечивает возможность введения в текст новых лиц и предметов, характеризует и конкретизирует их. Это множество функций обслуживается небольшим количеством коммуникативных вариантов, которые с точки зрения плана выражения противопоставляются как порядком составляющих, так и интонацией, а в коммуникативном плане соответствуют группе коммуникативных ситуаций с одним и тем же компонентом в позиции центра ремы:

- S – KB_1 и KB_2 (существование);
- LOC – KB_3 (местонахождение);
- PR – KB_4 (наличие / отсутствие).

Осложняющим систему фактором является вариативное употребление KB_1 и KB_2 в ситуации существования при заполнении позиции локализатора местоименным наречием. Тот факт, что эта вариативность не мотивирована различиями

в коммуникативной структуре высказывания, может свидетельствовать о существовании неустойчивости в рассматриваемой парадигме.

Настоящее исследование не претендует на полное описание парадигмы бытийной ТСС, так как в него не вошло описание менее частотных ситуаций ее употребления и коммуникативных вариантов, а также наблюдения о функционировании выявленной системы на материале некоторых структурно-семантических вариантов бытийной ТСС.

Список сокращений и условных обозначений

Сокращения: ИК – интонационная конструкция; КВ – коммуникативный вариант; ТСС – типовая синтаксическая структура; ЭПП – элементарное простое предложение.

Условные обозначения компонентов бытийной ТСС: LOC – локализатор; PR – предикат; S – субъект.

Условные обозначения, используемые в глоссировании: 1 – 1-е лицо; 3 – 3-е лицо; ADJ – словообразовательный аффикс прилагательного; DIM – диминутив; DU – двойственное число; INTERJ – междометие; LOC – местный падеж; NOM – основной падеж; NPST – непрошедшее время; OBJ – объектное спряжение; PL – множественное число; PN – имя собственное; POSSM – посессум; POSSR – посессор; PRTCL – частица; SG – единственное число; SUBJ – субъектное спряжение; Ø – нулевой аффикс.

Список литературы

Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Прага: Academia, 1966. 101 с.

Дядюн С. Д. Зачины и концовки в хантыйских сказках // Вестник угроведения. 2013. № 4 (15). С. 24–30.

Ковтунова И. И. Современный русский язык: порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976. 240 с.

Кошкарёва Н. Б. Метод моделирования структуры и семантики элементарного простого предложения как единицы языка // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. Т. 4, № 2. С. 64–76.

Кошкарёва Н. Б. Средства выражения актуального членения в сургутском диалекте хантыйского языка (в сопоставлении с другими уральскими языками и диалектами хантыйского языка) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, вып. 2. С. 34–43.

Кошкарёва Н. Б. Типовые синтаксические структуры в языках разных систем как отражение единиц языка и речи // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 14–26.

Кошкарёва Н. Б. Бытийно-пространственные типовые синтаксические структуры и их семантика в хантыйском и ненецком языках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9. С. 53–65. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-53-65.

Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок: Сб. ст. М.: Прогресс, 1967. С. 239–245.

Плотников И. М. Интонационная система сургутского диалекта хантыйского языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2. С. 25–43. DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-95-106

Чепреги М. Сургутский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2017. 275 с.

Lambrecht K. Information structure and sentence form. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 388 p.

Список источников

Айтин Е. Д. В тени старого кедра. СПб.: Просвещение, 2003а. 71 с.

Айтин Е. Д. Я слушаю землю. СПб.: Просвещение, 2003б. 111 с.

Нюгломкина – Три мудрых совета: сказки Полины Иудовны Нюгломкиной. На сургутском диалекте хантыйского языка с переводом на русский язык. Новосибирск: Гео, 2020. 24 с.

Чепреги М. Сказки и рассказы сургутских ханты: фольклорный сборник. Тюмень: Формат, 2015. 118 с.

Димэни йбвтэм моньтэт, ясэт (Сказки, рассказы с реки Лямы): фольклорный сборник на языке сургутских ханты. Ханты-Мансийск: Юграфика, 2013. 328 с.

Ob-Ugric database: analyzed text corpora and dictionaries for less described Ob-Ugric dialects. URL: www.oudb.gwi.uni-muenchen.de (дата обращения 15.04.2023).

References

Adamets P. *Poryadok slov v sovremennom russkom yazyke* [Word order in modern Russian language]. Prague, Academia, 1966, 101 p.

Csepregi M. *Surgutskiy dialekt khantyyskogo yazyka* [The Surgut dialect of the Khanty language]. Khanty-Mansiysk, Pechatnyy mir g. Khanty-Mansiysk, 2017, 275 p.

Dyadyun S. D. Zachiny i kontsovki v khantyyskikh skazkakh [Introductions and endings in the Khanty fairy tales]. *Bulletin of Ugric Studies*. 2013, no. 4 (15), pp. 24–30.

Koshkareva N. B. Bytiyno-prostranstvennyye tipovye sintaksicheskie struktury i ikh semantika v khantyyskom i nenetskom yazykakh [Typical existential-spatial syntactic structures and their semantics in the Khanty and Nenets languages]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2018, vol. 17, no. 9, pp. 53–65. DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-9-53-65

Koshkareva N. B. Metod modelirovaniya struktury i semantiki elementarnogo prostogo predlozheniya kak edinitsy yazyka [The method of modeling structure and semantics of elementary simple sentence as a language sign]. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2006, no. 2, pp. 64–76.

Koshkareva N. B. Sredstva vyrazheniya aktual'nogo chleneniya v surgutskom dialekte khantyyskogo yazyka (v sopostavlenii s drugimi ural'skimi yazykami i dialektami khantyyskogo yazyka) [Means of expressing the actual articulation in the Surgut dialect of the Khanty language (in comparison with other Uralic languages and dialects of the Khanty language)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2007, vol. 6, iss. 2, pp. 34–43.

Koshkareva N. B. Tipovye sintaksicheskie struktury v yazykakh raznykh sistem kak otrazhenie edinitsy yazyka i rechi [Typical syntactic structure in languages of different systems as reflection of language and speech units]. *Siberian Journal of Philology*. 2015, no. 2, pp. 14–26.

Kovtunova I. I. *Sovremennyy russkiy yazyk: Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya* [Modern Russian: word order and actual articulation of a sentence]. Moscow, Prosveshchenie, 1976, 240 p.

Lambrecht K. *Information structure and sentence form*. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1994, 388 p.

Mathesius V. O tak nazyvaemom aktual'nom chlenenii predlozheniya [On so-called actual division of sentence]. In: *Prazhskiy lingvisticheskiy kruzhok: Sb. st.* [Prague linguistic circle: Collection of papers]. Moscow, Progress, 1967, pp. 239–245.

Plotnikov I. M. Intonatsionnaya sistema surgutskogo dialekta khantyyskogo yazyka [Intonation system of the Surgut dialect of Khanty]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2021, no. 2, pp. 25–43. DOI: 10.25205/2312-6337-2021-2-95-106

List of sources

Aypin E. D. *V teni starogo kedra* [In the shadow of the old cedar]. St. Petersburg, Prosveshchenie, 2003a, 71 p.

Aypin E. D. *Ya slushayu zemlyu* [I am listening to the Earth]. St. Petersburg, Prosveshchenie, 2003b, 111 p.

Csepregi M. *Skazki i rasskazy surgutskikh khanty: fol'klornyy sbornik* [Fairy tales and stories of the Surgut Khanty: a collection of folklore]. Tyumen, Format, 2015, 118 p.

Ob-Ugric database: analysed text corpora and dictionaries for less described Ob-Ugric dialects. URL: www.oudb.gwi.uni-muenchen.de (accessed 15.04.2023).

Skazki, rasskazy s reki Lyamy: fol'klornyy sbornik na yazyke surgutskikh khanty [Fairy tales, stories from the Lyama River: a collection of folklore in the language of Surgut Khanty]. Khanty-Mansiysk, Yugrafika, 2013, 328 p.

Tri mudrykh soveta: skazki Poliny Iudovny Nyuglomkinoy. Na surgutskom dialekte khantyyskogo yazyka s perevodom na russkiy yazyk [Three wise advice: the tales of Polina Yudovna Nyuglomkina. In the Surgut dialect of the Khanty language with translation into Russian]. Novosibirsk, Geo, 2020, 24 p.

Информация об авторе

Плотников Илья Михайлович, младший научный сотрудник Сектора языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук,

Scopus Author ID 57219696107

WoS Researcher ID HTT-0308-2023

Information about the author

Ilya M. Plotnikov, Junior Researcher at the at the Department of Siberian Ethnoses' Languages, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Scopus Author ID 57219696107

WoS Researcher ID HTT-0308-2023

Статья поступила в редакцию 26.04.2023;

одобрена после рецензирования 03.05.2023; принята к публикации 11.05.2023

The article was submitted on 26.04.2023;

approved after reviewing on 03.05.2023; accepted for publication on 11.05.2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 2
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2

Научная статья

УДК 81.2.2

DOI 10.17223/18137083/83/22

Способы выражения сравнения в ульчском языке

Виктория Александровна Горбунова

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

vicgor89@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2968-236X>

Аннотация

Рассматриваются средства выражения сравнения, представленные в ульчском языке. Выделяются четыре типа сравнительных отношений (компаративные, суперлативные, симилятивные и эквативные), определяются основные компоненты сравнительной ситуации (предмет сравнения, стандарт, показатель стандарта, параметр, показатель параметра), описываются способы вербализации каждой разновидности отношений в ульчских фольклорных памятниках. Система сравнительных средств включает в себя синтетические (частицы-суффиксы *-ачи* / *-мач(и)* / *-мэч(и)*, *-мат* / *-мот* / *-мэт*, *-үасі*, падежные суффиксы *-зи*, *-дулэ*) и аналитические (наречия меры и степени *чү* 'очень', *тэс* 'совсем', *бәди* 'сильно, слишком', *зин-зин* 'совсем', *маңга* 'сильно', *кэт* 'очень') средства и отличается экономичностью: способы выражения разных типов сравнительных отношений не всегда оказываются специфичны и в значительной степени повторяют друг друга.

Ключевые слова

ульчский язык, ульчская грамматика, сравнение, сравнительные конструкции, показатели сравнения, компаративы, суперлативы, эквативы, симилятивы

Для цитирования

Горбунова В. А. Способы выражения сравнения в ульчском языке // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 286–299. DOI 10.17223/18137083/83/22

Ways of expressing comparison in the Ulch language

Viktoriya A. Gorbunova

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

vicgor89@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2968-236X>

Abstract

The paper summarizes the mechanisms used in the Ulch language to denote comparison as a broad cognitive category. Referring to numerous studies of various languages, the author examines a variety of possible comparative relations between objects and events and divides

© Горбунова В. А., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 286–299

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 286–299

them into four types: comparative and superlative (inequality group), equative and simulative (equality group). Each type features a set of linguistic means used to verbalize a specific degree of similarity or superiority, including syntactic constructions, grammatical markers, and lexical units. The analysis has revealed that all four types can be found in the Ulch folklore texts. A conclusion is drawn that the Ulch language lacks a holistic grammatical category of comparison of adjectives or adverbs, resulting in a diverse but economic set of means of expressing comparison. Overall, the comparative mechanisms in Ulch cover the syntactic (two-noun constructions in nominative and instrumental cases in comparative structures or the conjunction *umutu/omoto* in simulative ones), grammatical (suffixes *-achi/machi* and *mat/mot/meti*), and lexical (adverbs of degree: *ch̄y*, *tes*, *badi*, *zin-zin*, and others) levels. Considerable overlap between equative and simulative subtypes has been identified. In addition, the adverbs of degree typically describing superlative relations can also be used in comparative constructions and, in some cases, in constructions describing equality relations. Consideration is also given to the basic components of various comparative structures (objects of comparison, standards, parameters, etc.) for each subtype, highlighting the elements essential for modeling a comparative situation and those that may be included or omitted depending on the context.

Keywords

Ulch language, Ulch grammar, comparison, comparative structures, comparative markers, comparatives, superlatives, equatives, simulative

For citation

Gorbunova V. A. Ways of expressing comparison in the Ulch language. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 286–299. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/22

Ульчский относится к малоизученным языкам, получившим только первичное, неполное описание в научных работах. В немногочисленных обзорных трудах, посвященных ульчскому языку [Суник, 1985; Петрова, 1936], анализ языковых фактов проводился согласно поуровневому принципу. Описание комплексных явлений, которые реализуются средствами нескольких ярусов, оставалось за пределами исследовательских задач.

Целью данной статьи является описание одного из таких явлений – сравнения – во всем многообразии его языковых проявлений. До сих пор сравнение освещалось ульчеведами фрагментарно, описывалось преимущественно как принадлежность морфологического уровня языка. Анализ средств выражения категории сравнения на уровне конструкций, каталогизация лексических и грамматических единиц, участвующих в их построении, обеспечит более глубокое понимание механизмов вербализации мыслительных операций данного класса и заложит основу для сравнительного анализа в будущем.

Теоретическая база для описания категории сравнения активно разрабатывалась на протяжении второй половины XX – начала XXI в. [Ultan, 1972; Черемисина, 2006; Stassen, 1984; Haspelmath, Buchholz, 1998; Dixon, 2005; 2008; Henkelmann, 2006; Treis, 2018]. В отечественной лингвистике принципы описания сравнительных конструкций формировались в том числе и на материале сибирских языков [Васильев, 1986; Тыбыкова, 1988; Черемисина, Соловар, 1995; Черемисина, Шамина, 1996; Ескельдиева, 2016; 2017; Невская, 2022; Сагайдачная, 2022]. В данном исследовании при описании сравнительных конструкций мы опираемся на общепринятую классификацию, согласно которой сравнительные отношения подразделяются на отношения равенства с **эквативным** (полное сходство) и **симилятивным** (неполное сходство, подобие) подтипами и отношения неравенства с **компаративным** (превосходство одной сущности над другой) и **суперлативным** (превосходство одной сущности среди группы других) подти-

пами. При описании структуры сравнительной ситуации для выделяемых большей частью исследователей пяти позиций¹ используются следующие термины:

- **предмет сравнения (CMPR)** – лицо, объект или явление, характеристика которых является коммуникативной целью сравнения;
- **стандарт сравнения (STAND)** – лицо, объект или ситуация, относительно которых оценивается предмет сравнения;
- **показатель стандарта сравнения (STM)** – особый элемент, который указывает на то, что та или иная лексема выступает в конструкции в роли стандарта сравнения;
- **параметр сравнения (PRM)** – признак или качество, которым предмет и стандарт обладают в равной или неравной мере и который служит основанием для сравнения;
- **показатель параметра (PRMM)** – особый элемент, который указывает на то, что та или иная лексема выступает в конструкции в роли параметра сравнения.

Исследование проводилось на материале выборки из опубликованных фольклорных текстов [Суник, 1985; Петрова, 1936], а также русско-ульчского разговорника [Ангина, 1993] с привлечением словарных данных.

Анализ памятников ульчского фольклора из перечисленных источников показывает весьма ограниченное использование сравнения как выразительного средства: сравнительные конструкции немногочисленны, структурно просты, сопоставление происходит в них чаще всего по ограниченному кругу признаков (возраст, размер, количество, способ действия). В рассмотренных текстах отсутствуют устойчивые формулы, регулярно используемые для образного описания ключевых персонажей или артефактов, сложные метафоры, насыщенные этнокультурными смыслами. Тем не менее сравнение как универсальная когнитивная категория получает регулярное отражение в речи носителей, принимая различные языковые формы в зависимости от специфики передаваемых отношений. Ниже мы последовательно рассмотрим способы выражения четырех разновидностей сравнительных конструкций, соответствующих разным типам отношений, иллюстрируя их контекстами из выборки.

Компаративные отношения в ульчском языке описываются конструкциями, в которых обязательно присутствуют четыре компонента: предмет (существительное или местоимение в форме именительного падежа), стандарт в сочетании с показателем стандарта (существительное или местоимение в форме инструментального падежа) и параметр сравнения, в роли которого может выступать прилагательное, если сравниваются лица или объекты (примеры 1, 2), или наречие, если сравниваются ситуации (пример 3).

(1) *Си минзи дāи, си минзи сагди н'и, зулэси дāраву.* [Суник, 1985, с. 87]

си	мин=зи	дāи	си	мин=зи
ты	я=INSTR	большой	ты	я=INSTR
сагди	н'и	зулэси	дāра=ву	
старый	человек	вперед	пробовать=INF	

‘Ты меня больше, ты меня старше, первым должен попробовать.’

¹ Шестая позиция, индекс сравнения, которая также выделяется исследователями, по всей видимости, не актуальна для сравнительных конструкций ульчского языка: контексты, где она была бы представлена, полностью отсутствуют в выборке.

(2) *Guci ti tailani tizi-də dain uin bikini.* [Петрова, 1936, с. 92]

guci ti tailani ti=zi=də dain uin
еще после этого тот=INSTR=PRTCL большая протока
bi=ki=ni

быть=PAST=3SG

‘На той стороне еще больше этой протока была.’

(3) *Haila-da ɲənəhən-də nizi puləzi wāhati.* [Петрова, 1936, с. 96]

хайла-да нэнэ=хэн-дэ ни=зи пулэзи
докуда-PRTCL уйти=PP-PRTCL люди=INSTR с излишком
wā=xa=ti

добывать=PAST=3PL

‘Куда бы ни пошли, по сравнению с людьми больше убивали.’

Если наречия в подобных конструкциях всегда имеют базовый вид, без осложнения какими-либо дополнительными элементами, то необходимость особого оформления прилагательных при описании компаративных отношений является дискуссионной темой, напрямую связанной с вопросом о наличии категории сравнения в ульчской грамматической системе.

О. П. Суник, описывая компаративные конструкции, относит к их составляющим, помимо предмета и стандарта сравнения, прилагательное в форме той или иной степени проявления качества [Суник, 1985, с. 38]. К синтетическим средствам, передающим степени проявления качества, он относит суффикс *-ла / -лэ* и суффикс *-дума / -думэ*, образующий «особую форму выделительности» [Там же]. Т. И. Петрова также подчеркивает употребительность выделительного суффикса *-дума / -думэ* в компаративных конструкциях [Петрова, 1936, с. 40].

На наш взгляд, при определении места этих элементов в ульчской грамматической системе необходимо принимать во внимание ряд их специфических характеристик и особенностей функционирования:

1) нерегулярность появления. В большинстве рассмотренных нами примеров прилагательные-параметры выступают в словарной форме, без особых показателей, которые маркировали бы их как членов сравнительных конструкций (см. примеры 1, 2). Основным средством выражения компаративных сравнительных отношений становится сама синтаксическая структура вида $N_{Nom}^{CMPR} V_f^{PRM}$ N_{Instr}^{STAN} или $N_{Nom}^{CMPR} V_f^{PRM} N_{Instr}^{STAN}$;

2) взаимозаменяемость элементов. Исследователи выделяют несколько эквивалентных показателей, которые могут использоваться в компаративных конструкциях с прилагательными; в их числе представлены как синтетические (суффиксы *-дума / -думэ*, *-ла / -лэ*), так и аналитические (наречия меры и степени – см. ниже) разновидности. Отсутствие единообразного оформления в сочетании с нерегулярностью появления маркеров указывает на то, что ни один из них не может считаться носителем грамматического значения, формирующим парадигму;

3) смысловая наполненность. Оба суффикса, которые рассматривались в качестве показателей компаративных отношений, обладают семантикой, которую невозможно свести к элементарному значению компаративности. Суффикс *-ла / -лэ*, присоединяясь к адъективным основам, может вносить в их семантику не только представление о степени проявления, но также и оценочный компонент [Горбуно-

ва, 2020, с. 190] ². Выделительный суффикс *-дума / -думэ* выражает идею обладания признаком в максимальной степени по сравнению с окружающими предметами или явлениями, при этом определяемый объект может выделяться как из пары, так и из группы (см, например, лексемы *дүвэдүмэ / дүэдүмэ* ‘конечный, крайний’, *заңгидума* ‘самый старший из числа начальствующих лиц’) – соответственно, суперлативное значение характерно для суффикса в той же мере, что и компаративное. К сравнительной семантике *-дума / -думэ* примыкает также значение ‘обладающий признаком, который выделяет его из ряда’ (*дулиндума* ‘средний (о ребенке – сыне, дочери)’; *умундума* ‘один из нескольких’; прилагательные-числительные *тун’задума* ‘пятый’, *таңгудума* ‘сотый’ и др.);

4) широкая синтаксическая сочетаемость адъективных основ, осложненных указанными суффиксами. Как отмечают оба исследователя, прилагательные с компонентом *-дума / -думэ* регулярно используются в стандартных определительных конструкциях [Суник, 1985, с. 38; Петрова, 1936, с. 41], например: *Тамди ти н’үчидүмэ буйу изухэни* ‘Потом и младший медведь вошел’ [Суник, 1985, с. 79]. Аналогичным образом прилагательные с суффиксами *-ла / -лэ* обнаруживают способность заполнять различные синтаксические позиции (определения, именного компонента сказуемого, подлежащего или дополнения при субстантивации). Таким образом, употребление этих структурных элементов не ограничено рамками сравнительных конструкций.

Таким образом, перечисленные показатели параметра следует считать не обязательной принадлежностью компаративных конструкций, закрепленной на уровне адъективной парадигмы, а факультативным элементом, который может вводиться, если говорящий хочет дополнительно эксплицировать превосходство по признаку. Грамматическая категория степени сравнения не представлена в ульчском языке, в том числе и для прилагательных, способы выражения компаративности не формализованы в виде аффиксов, и любые морфологические маркеры в составе параметра в подобных конструкциях, по всей видимости, выполняют вспомогательную функцию при основном носителе сравнительной семантики – четырехчленной синтаксической структуре.

Суперлативные отношения в ульчских памятниках представлены, по всей видимости, одной, супериорной разновидностью (‘предмет сравнения обладает признаком-параметром в наибольшей степени’). Контексты, описывающие отношения инфериорности (‘предмет сравнения обладает признаком-параметром в наименьшей степени’), исследователями не зафиксированы. Супериорные суперлативные конструкции, как правило, трехкомпоненты: они включают предмет сравнения (существительное или местоимение), параметр сравнения (прилагательное при сравнении объектов или глагол при сравнении ситуаций), а также показатель параметра, который представляет собой автономную лексическую единицу, стоящую в препозиции к последнему. В качестве показателей используется ряд наречий, которые в исходном значении передают высокую степень проявления признака: *чү* ‘очень’, *тэс* ‘совсем’, *бади* ‘сильно, слишком’, *зин-зин* ‘со-

² Наряду с суффиксом *-ла / -лэ*, означающим высокую степень проявления признака, в ульчском языке функционирует омонимичный усилительный суффикс-частица, который sporadически употребляется в сравнительных конструкциях других типов: *Хурэ, Аур золон-мачила, оповандин-тани* ‘В гору, как Ауринский утес, превращает (тот брусочек)’; *Тамди ти н’үчидүмэ буйу изухэни, н’и-мэчилэ изухэ* ‘Потом и младший медведь вошел, как человек вошел’. Это обстоятельство требует внимательного изучения контекстов, где являются членами с такими элементами для корректной их интерпретации.

всем’, *маңга* ‘сильно’, *кэт* ‘очень’. Актуализация суперлативной семантики у этих единиц происходит ситуативно; нередко определить конструкцию как сравнительную представляется возможным только с опорой на широкий контекст и с учетом коммуникативных намерений говорящего.

(4) *Мэргэ ти хотонду чү дāи заңги очин.* [Суник, 1985, с. 88]

мэргэ ти хотон=ду **чү** дāи
 молодец тот город=DAT **самый** большой
 заңги о=чи=н
 начальник статья=PAST=3SG
 ‘Молодец в том городе самым большим начальником стал.’

(5) *Хамата уроксалба нан тэс улэсини?* [Ангина, 1993, с. 8]

хамата урок=сал=ба нан **тэс**
 какой урок=PL=ACC он **очень / больше всего**
 улэси=ни
 любить=PRES.3SG
 ‘Какие уроки он больше всего любит?’

(6) *Када хэвэн тэс ларги (улэ) ба седехувэ-дэ гаву, сугдатава-дэ бутаву.* [Ангина, 1993, с. 12]

Када хэвэн **тэс** ларги (улэ) ба
 Кади озеро **очень / самый** хороший место
 седеху=вэ-дэ га=ву сугдата=ва-дэ буга=ву
 ягоды=ACC-PRТCL собирать=INF рыба=ACC-PRТCL ловить=INF
 ‘Озеро Кади считается у нас самым замечательным местом и для сбора ягод, и для ловли рыбы.’

Наречия меры и степени являются основным средством передачи суперлативных отношений, однако периферия их семантического поля охватывает также семантику компаративности. О. П. Суник говорит о том, что наречия этой группы (*кэт* ‘очень’ и др.) появляются в стандартных компаративных конструкциях, включающих наименование предмета сравнения в именительном падеже и стандарта в инструментальном, как вспомогательный элемент при параметре [Суник, 1985, с. 38]. Кроме того, нами выделен небольшой круг примеров компаративных конструкций, имеющих трехкомпонентную структуру, идентичную суперлативной:

(7) *Tidu энэ badi tagdahan.* [Петрова, 1936, с. 92]

tidu энэ **badi** tagda=ha=n
 тогда мать **очень / еще больше** сердиться=PAST=3SG
 ‘Тогда мать еще больше рассердилась.’

(8) *[И, даи тахандэ гучи] бадидаи школава гэлипу.* [Ангина, 1993, с. 8]

гучи **бади** даи школа=ва
 еще **очень / более** большой школа=ACC
 гэли=пу
 желать=PRES.1PL
 ‘[Да, большая, светлая], но нам нужна еще большая школа.’

В отдельных контекстах отмечается использование наречий с исходной семантикой высокой степени проявления признака и для обозначения отношений равенства:

(9) *Эмдэ хэрэкэ тулитин ум буйу эвхэн – зин-зин такту дайлан буйу.* [Суник, 1985, с. 89]

эмдэ хэрэкэ тулии=ги=н ум буйу
однажды лягушка двор=LAT=POSS.3SG один лось
эв=хэ=н зин-зин такту дайла=н буйу
прийти=PAST=3SG совсем амбар величина=POSS.3SG лось
'Однажды во двор лягушки один лось пришел – величиной с большой амбар лось.'

Таким образом, наречия меры и степени в ульчском языке являются одним из ключевых средств выражения сравнительных отношений и обнаруживают глубокие, разветвленные связи сразу с несколькими разновидностями последних. Сложное сочетание окказионально проявляющихся элативных, суперлативных и компаративных смысловых элементов в семантике этих лексем существенно затрудняет их лексикографическое описание, приводя к фрагментарному или непоследовательному перечислению представленных значений:

чү 'весьма, очень' [Петрова, 1936, с. 116], 'очень, самый' [Суник, 1985, с. 259];
тэс 'совершенно, совсем' [ССТМЯ, 1977, с. 240], 'вдребезги' [Суник, 1985, с. 245];

бади 'слишком, сильно' [Петрова, 1936, с. 113], 'слишком сильно', 'еще сильнее' [Суник, 1985, с. 175];

зин-зин 'совсем, очень-очень' [Суник, 1985, с. 195], 'ни на что не годный' [Петрова, 1936, с. 120];

маңга 'сильно, чрезвычайно' [Петрова, 1936, с. 40], 'трудно, тяжело', 'очень сильно' [Суник, 1985, с. 212];

кэт 'очень' [Петрова, 1936, с. 40; Суник, 1985, с. 208].

Как показывают приведенные выше словарные описания, суперлативные и компаративные значения отражены только у отдельных наречий меры и степени (*чү*, *бади*), причем не в полной мере, без указания на возможность сочетания с разными видами модулей – адъективными и глагольными. Соответственно, важной исследовательской задачей представляется определение полного круга актуальных сравнительных значений для каждого из наречий на основе расширенного набора контекстов и создание упорядоченного их перечня. Кроме того, необходимо углубленное изучение возможностей применения данной группы наречий для передачи эквативной или симилятивной семантики на дополнительном материале.

Для ульчских суперлативных конструкций Т. И. Петрова выделяет в качестве опциональной также позицию стандарта сравнения – группы однородных предметов, из которых предмет выделяется по высшей степени проявления качества; существительное – наименование группы в таких примерах принимает форму местного падежа, например:

(10) *Gəgən tatuci ŋɨcɨkəŋzuəsəldulə Momi cu ŋɨci.* [Петрова, 1936, с. 40]

gəgən tatuci ŋɨcɨkəŋzuəsəl=dulə Momi cu ŋɨci
многий изучать.PART малыш=PL=LOC Моми очень маленький
'Из всех учащихся малышей Моми самый маленький.'

Данные выборки, однако, указывают на практически полное отсутствие подобных примеров в устных памятниках, из чего мы можем заключить, что появление стандарта сравнения в суперлативной конструкции допустимо на языковом

уровне, но в узусе информация об этом участнике ситуации расценивается как нерелевантная.

Отношения равенства по большей части получают одинаковое выражение в обеих своих разновидностях – эквативной и симилятивной. Основным способом выражения для них являются синтетические показатели, представленные в ульчском языке рядом омонимичных уподобительных частиц-суффиксов: *-ачи / -мач(и) / -мэч(и)*, *-мат / -мот / -мэт*, *-үасі*. Эти маркеры присоединяются к стандарту сравнения (или одной из его составляющих) независимо от частеречной принадлежности последнего. В случаях, когда опциональная позиция параметра оказывается заполненной прилагательным или наречием, специальные показатели у этих лексем отсутствуют.

Эквативные отношения в основном устанавливаются между двумя ситуациями, которые описываются предикативными единицами. В общем случае суффикс-частица, отмечающий стандарт сравнения, прикрепляется к предикату. Так как подразумевается полное сходство между объектом и стандартом, позиция параметра, как правило, остается незамещенной:

- (11) [*Tara ti niwə tes zəpəchəni.*] *Ti ni baŋ balana bicin-məc bozohoni.* [Петрова, 1936, с. 99]

ти	н'и	баң	балана	би=чи=н-мэч
тот	человек	временно	раньше	быть=PAST=3SG-ASSIM
бозо=хо=ни				
жиреть=PAST=3SG				
'[Того человека старуха снова и снова кормила], пока он таким, каким раньше был, не отжирел.'				

- (12) *Tara, ti mama wəncin-məc bi orombo gələkəcumər zombulhati.* [Петрова, 1936, с. 99]

tara	tí	mama	wənci=n-məc
потом	такой	старуха	сказать=PAST=3SG-ASSIM
bi	orombo	gələkəcu=mər	
быть.PRES.3SG	олень	разыскивать=PART.PL	
zombul=ha=tí			
задумать=PAST=3PL			
'Потом такого оленя, как сказала старуха, задумали разыскивать.'			

Предикативная единица, выступающая в роли стандарта, нередко предстает в эквативных конструкциях в редуцированном виде: например, может опускаться предикат, выраженный тем же глаголом, что и предикат ситуации-предмета сравнения. В подобных случаях уподобительная частица-суффикс, не имея ограничений в сочетаемости, переходит на субъект, выраженный именем (существительным или местоимением):

- (13) *H'i xərchun osin-da, min-məc zaralira.* [Суник, 1985, с. 74]

н'и	хэрчу=н	осин-да	мин=мэч
человек	звать=PRES.3SG	если-PRTCL	я=ASSIM
зарали=ра			
отвечать=IMP.PRES.2SG			
'Люди если зовут, как я (говорю), отвечай.'			

Конструкции, выражающие **симилятивные** отношения, отличаются большей вариативностью в заполнении позиций: в ролях предмета и стандарта могут вы-

ступать как объекты или лица, обозначаемые существительными, так и ситуации, которые находят выражение в предикативных единицах. Параметр может указываться, если сравнение производится по определенному признаку, или опускаться, если подразумевается сходство по комплексу признаков или же основание сравнения восстанавливается из пресуппозиции.

(14) *Такту-ачи би дāи золо.* [Суник, 1985, с. 69]

такту-ачи би дāи золо
амбар-ASSIM быть.PRES.3SG большой камень
'Как амбар, большой камень.'

(15) *Ти баргазиха, хусэ н'и-мэч очоха.* [Суник, 1985, с. 69]

ти баргази=ха хусэ н'и=мэч
так одеться=PAST.3SG мужского пола человек=ASSIM
очо=ха
статья=PAST.3SG
'Так нарядилась, словно мужчиной стала.'

(16) *Ти мболо-гда куи хэду-мэч ти цэнэхэн.* [Суник, 1985, с. 69]

ти мболо=гда куи хэду=мэч ти
так лес=LOC со свистом ветер=ASSIM тот
цэнэ=хэ=н
пройти=PAST=3SG
'По тому лесу как ветер пронесли.'

Возможно также заполнение позиции стандарта указательным местоимением: ситуация, с которой устанавливается сходство, оказывается представленной не в виде конкретной синтаксической единицы, а диффузно, в пределах предшествующего фрагмента текста:

(17) *Ti-yaci hasulta inəŋi taunduni wāhani.* [Петрова, 1936, с. 94]

ti-yaci hasulta inəŋi taunduni wā=ha=ni
так-ASSIM несколько день ежедневно убивать=PAST=3SG
'Подобно этому несколько дней ежедневно убивал.'

В отдельных случаях исходная сравнительная семантика, которую выражает суффикс *-ачи / -мачи / -мэч(и)*, замещается модусным значением персуазивности. В подобных контекстах появление сравнительного суффикса у глагола указывает на низкую степень достоверности в описании ситуации – неполную точность обозначения действия, возможность альтернативной интерпретации. Позиции стандарта и параметра сравнения при этом утрачиваются.

(18) *Ти хэрэкэнгун ачапти заралзуй-мачила, гучи – куэ-куэ тин.* [Суник, 1985, с. 90]

ти хэрэкэнгу=н ачапти
тот лягушонок=POSS.3SG навстречу
заралзу=й-мачи=ла гучи куэ-куэ
говорить=PRES.3SG-ASSIM=PRTCL снова ква-ква
ти=н
делать=PRES.3SG
'Тот ее лягушонок как будто отвечает, квакает (букв.: ква-ква делает).'

На наш взгляд, в контексте (17) глагольная группа *куэ-куэ тин* является не членом сравнительной конструкции – предметом сравнения, а предикатом, представляющим достоверное описание ситуации, в противоположность маловероятной ее интерпретации глаголом *заралзуву* ‘как будто отвечает’, маркированным суффиксом *-мачила*. На уход от канонической сравнительной конструкции здесь указывает особый интонационный рисунок, который находит отражение в пунктуационном оформлении. Использование одинаковых элементов как для выражения сравнительных отношений, так и для передачи семантики неопределенности отмечается и в других языках, например в русском [Ескельдиева, 2017, с. 18], на основании чего можно предположить, что в их корне лежит органическая связь между двумя ментальными пространствами, порождающая идентичные процессы смыслового переноса в неродственных языках.

Помимо суффиксального оформления стандарта, симилятивные отношения передаются также еще одним, значительно менее распространенным способом – трехчленными конструкциями с лексемой *омото / умуту*, которые можно интерпретировать двояко. Лексема *омото / умуту* в исходном виде представляет собой синкретичную основу со значениями ‘подобный, сходный; подобно, одинаково’³. В сравнительных конструкциях с ее участием позиция показателя стандарта отсутствует; оба существительных, предмет и стандарт сравнения, принимают одинаковую форму именительного падежа, и роль каждого из них в сравнительной ситуации определяется только исходя из порядка следования в тексте:

(19) *Нәлани куйтэл умуту, исални ихэрэ умуту.* [Суник, 1985, с. 82]

нәла=ни	куйтэл	умуту
рука=POSS.3SG	крюк	подобный / подобно
исал=ни	ихэрэ	умуту
глаза=POSS.3SG	лампа	подобный / подобно

‘Руки ее подобны крючьям, глаза ее словно лампы.’

Значение симилятивного отношения, таким образом, в подобных контекстах сосредоточено в слове *омото / умуту*; неоднозначным, однако, предстает вопрос о том, появляется ли основа здесь в качестве семантически полноценной адъективной единицы или же десемантизируется и выступает в союзной функции. Два обстоятельства свидетельствуют в пользу последнего: во-первых, форма именительного падежа у стандарта, входящая в противоречие с его положением зависимого члена в подчинительной связи, во-вторых, нехарактерный для тунгусо-маньчжурских языков порядок слов, при котором прилагательное оказывается в постпозиции к существительному.

Конструкции со сравнительными суффиксами *-ачи / -мач(и) / -мэч(и)*, *-мат / -мот / -мэт*, *-үасі* и лексемой *омото / умуту*, по всей видимости, следует считать

³ В имеющихся словарях ульчского языка не отражается ее полный лексико-грамматический спектр, описание семантики ограничивается преимущественно наречными значениями ‘подобно, одинаково, всё равно’ [Петрова, 1936, с. 141; ССТМЯ, 1977, с. 271; Суник, 1985, с. 222]. Однако функционирование в языке омонимичного прилагательного подтверждается контекстами, в которых лексема *омото / умуту* встречается в позиции определения, например: *Зулэхинзи хайс умуту амба зизуйни* ‘С востока такой же злой дух возвращается’ [Суник, 1985, с. 84], а также данными близкородственных тунгусо-маньчжурских языков, ср.: орокский *умуту / эмуту* ‘одинаковый’; ороцкий *омонти* ‘одинаковый, тот же самый, такой же’; удэгейский *омоти* ‘одинаковый, такой же’ [ССТМЯ, 1977, с. 271].

взаимозаменяемыми способами передачи симилятивных отношений, не несущими в себе дифференцирующих смысловых оттенков. На это указывает наличие контекстов, в которых они используются параллельно, для описания двух идентичных сравнительных ситуаций:

(20) *Каңгул-мачи, дэгди каса умуту, даури гурсэли нэнэхэти.* [Суник, 1985, с. 110]

каңгул= мачи	дэгди	каса	
утка-крохаль= ASSIM	лететь.PART	утка-крохаль	
умуту	даури	гур=сэли	
подобный / подобно	переплывать (море).PART	человек=PL	
нэнэ=хэ=ти			
ехать=PAST=3PL			

‘Подобно утке-крохалю, подобно летящей утке, переплывающие (море) люди поехали.’

Список выявленных сравнительных конструкций с указанием на подтипы отношений, которые они передают, приводится в таблице ниже.

Сравнительные конструкции в ульчском языке
Comparative constructions in the Ulch language

Тип сравнительных отношений	Структуры, передающие соответствующую семантику (в порядке убывания частотности)
Компаративные	$N_{Nom}^{CMPR} Adj^{PRM} N_{Instr}^{STAN} V_f$ $N_{Nom}^{CMPR} Adv^{PRM} N_{Instr}^{STAN} V_f$ $N_{Nom}^{CMPR} Adv^{PRMM} Adj^{PRM} V_f$ $N_{Nom}^{CMPR} Adv^{PRMM} V_f$
Суперлативные	$N_{Nom}^{CMPR} Adv^{PRMM} Adj^{PRM} V_f$ $N_{Nom}^{CMPR} Adv^{PRMM} V_f$
Симилятивные	$N_{Nom}^{CMPR} Adj^{PRM} N_{Nom}^{STAN} -Prtcl^{STM} V_f$ $(N_{Nom} V_f)^{CMPR} (N_{Nom} -Prtcl^{STM} V_f)^{STAN}$ $N_{Nom}^{CMPR} Conj N_{Nom}^{STAN} V_f$
Эквативные	$(N_{Nom} V_f)^{CMPR} (N_{Nom} V_f -Prtcl^{STM})^{STAN}$ $N_{Nom}^{CMPR} Adv^{PRMM} N_{Nom}^{STAN} V_f$

Система средств выражения сравнительной семантики в ульчском языке складывается из специфичных конструкций, характерных для определенного подтипа отношений (например, $N_{Nom}^{CMPR} Adj^{PRM} N_{Instr}^{STAN} V_f$, $N_{Nom}^{CMPR} Adv^{PRM} N_{Instr}^{STAN} V_f$ – компаративные конструкции, $N_{Nom}^{CMPR} Conj N_{Nom}^{STAN} V_f$ – симилятивная), и неспецифичных, которые выражают два и более типа сравнительной семантики. Среди последних некоторые с равной степенью регулярности используются для описания различных типов отношений (например, $N_{Nom}^{CMPR} Adj^{PRM} N_{Nom}^{STAN} -Prtcl^{STM} V_f$, $(N_{Nom} V_f)^{CMPR} (N_{Nom} -Prtcl^{STM} V_f)^{STAN}$ – для симилятивных и эквативных), у других же один из передаваемых типов является основным, а прочие побочными (так, для структуры $N_{Nom}^{CMPR} Adv^{PRMM} V_f$ базовой следует считать суперлативную семантику, в то время как компаративная и эквативная представляются периферийными). В одноструктурных конструкциях с разными типами отношений не наблюдается дифференциации по показателям: так, в моделях

$N_{Nom}^{CMPR} V_f Adv^{PRMM} Adj^{PRM}$, $N_{Nom}^{CMPR} Adv^{PRMM} V_f$ в качестве показателя параметра выступают наречия высокой степени проявления признака независимо от разновидности передаваемых отношений (суперлативных, компаративных или эквативных); для выражения эквативных или симилятивных отношений используется одинаковый набор частиц-суффиксов (-ачи / -мач(и) / -мэч(и), -мат / -мот / -мэт, -уаси).

Значительное пересечение в способах выражения между компаративными и суперлативными, эквативными и симилятивными подтипами (в отдельных случаях – между подтипами равенства и неравенства) требует дальнейшего детального изучения их системы на дополнительном материале, возможно, с применением метода анкетирования.

Список условных обозначений

3 – 3-е лицо; ACC – аффикс винительного падежа; Adj – прилагательное; Adv – наречие; ASSIM – уподобительный аффикс; CMPR – предмет сравнения; Conj – союз; DAT – аффикс дательного падежа; INF – аффикс инфинитива; Instr – инструментальный падеж; INSTR – аффикс инструментального падежа; LAT – аффикс направительного падежа; Loc – местный падеж; LOC – аффикс местного падежа; N – имя существительное; Nom – именительный падеж; PART – аффикс причастия; PAST – аффикс прошедшего времени; PL – аффикс множественного числа; POSS – посессивный аффикс; PP – аффикс причастия прошедшего времени; PRES – аффикс настоящего времени; PRM – параметр сравнения; PRMM – показатель параметра; PRTCL – частица; SG – показатель единственного числа; STAN – стандарт сравнения; STM – показатель стандарта сравнения; V_f – глагол в личной форме

Список литературы

- Ангина С. В. Русско-ульчский разговорник. Богородское, 1993. 38 с.
- Васильев Ю. И. Способы выражения сравнения в якутском языке. Новосибирск: Наука, 1986. 111 с.
- Горбунова В. А. Словообразование имени существительного в ульчском языке (в сопоставлении с нанайским и орокским) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 2. С. 185–192. DOI 10.17223/18137083/71/15
- Ескельдиева Б. Е. Эквативные и симилятивные типы – отношения равенства в языках разных систем // Вестник ЕНУ им. Л. Н. Гумилева. 2016. № 1 (110). С. 220–225.
- Ескельдиева Б. Е. Сравнительные конструкции в казахском и тюркских языках Сибири: Дис. ... PhD. Астана: ЕНУ, 2017. 320 с.
- Невская И. А. Типологические особенности шорских эквативных и симилятивных конструкций // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 286–299. DOI 10.17223/18137083/81/22
- Петрова Т. И. Ульчский диалект нанайского языка. М.; Л.: Учпедгиз, 1936. 154 с.
- Сагайдачная А. О. Способы выражения сравнительных отношений в удэгейском языке. // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2022. № 2 (39). С. 88–97. DOI 10.25693/SVGV.2022.39.2.008

ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю: В 2 т. / Под ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1977. Т. 2. 992 с.

Суник О. П. Ульчский язык: исследования и материалы. Л.: Наука, 1985. 264 с.

Тыбыкова Л. Н. Способы выражения сравнения в алтайском языке // Вопросы алтайского языкознания. Горно-Алтайск, 1988. С. 111–125.

Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. М.: КомКнига. 2006. 272 с.

Черемисина М. И., Соловар В. Н. Выражение сравнения в хантыйском языке // Народы Северо-Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. Вып. 5. С. 23–39.

Черемисина М. И., Шамина Л. А. Выражение сравнения в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 1996. Вып. 3. С. 65–84.

Dixon R. M. W. Comparative constructions in English // *Studia Anglica Posnaniensia: international review of English Studies*. Adam Mickiewicz University, 2005. Vol. 41. P. 6–27.

Dixon R. M. W. Comparative constructions: a cross-linguistic typology // *Studies in Language*. 2008. Vol. 32 (4). P. 787–817.

Haspelmath M., Buchholz O. Equative and similative constructions in the languages of Europe // *Adverbial constructions in the languages of Europe* / Ed. by Johan van der Auwera. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 277–334.

Henkelmann P. Constructions of equative comparison // *Sprachtypol. Uni. Forsch. (STUF)*. 2006. No. 4/59. P. 370–398.

Stassen L. The Comparative Compared // *Journal of Semantics*. 1984. Vol. 3. P. 143–182.

Treis Y. Comparative Constructions: An Introduction // *Linguistic Discovery*. 2018. Vol. 16, iss 1. DOI 10.1349/PS1.1537-0852.A.492

Ullman R. Some Features of Basic Comparative Constructions // *Working Papers on Language Universals* 9. Stanford, 1972. P. 117–162.

References

Angina S. V. *Russko-ulchskiy razgovornik* [The Russian-Ulch phrasebook]. Bogorodskoye, 1993, 38 p.

Cheremisina M. I., Shamina L. A. Vyrazhenie sravneniya v tuvinskom yazyke [Expressions of comparison in the Tuvan language]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of ingenious people of Siberia]. Novosibirsk, 1996, iss. 3, pp. 65–84.

Cheremisina M. I., Solovar V. N. Vyrazhenie sravneniya v khantyskom yazyke [Expression of comparison in the Khanty language]. In: *Narody Severo-Zapadnoy Sibiri* [Peoples of North-Western Siberia]. Tomsk, TSU Publ., 1995, iss. 5. pp. 23–39.

Cheremisina M. I. *Sravnitel'nye konstruktsii russkogo yazyka* [Comparative structures in Russian language]. Moscow, KomKniga. 2006, 272 p.

Dixon R. M. W. Comparative constructions: a cross-linguistic typology. *Studies in Language*. 2008, vol. 32 (4), pp. 787–817.

Dixon R. M. W. Comparative constructions in English. *Studia Anglica Posnaniensia: international review of English Studies*. Adam Mickiewicz University, 2005, vol. 41, pp. 6–27.

Gorbunova V. A. Slovoobrazovanie imeni sushchestvitel'nogo v ul'chskom yazyke (v sopostavlenii s nanayskim i orokskim) [Word formation of a noun in the Ulch lan-

guage (in comparison with Nanai and Orok)]. *Siberian Journal of Philology*. 2020, no. 2, pp. 185–192. DOI 10.17223/18137083/71/15

Haspelmath M., Buchholz O. Equative and similative constructions in the languages of Europe. In: *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Johan van der Auwera (Ed.). Berlin, Mouton de Gruyter, 1998, pp. 277–334.

Henkelmann P. Constructions of equative comparison. *Sprachtypol. Uni. Forsch. (STUF)*. 2006, no. 4/59, pp. 370–398.

Nevskaya I. A. Tipologicheskie osobennosti shorskikh ekvativnykh i similyativnykh konstruktivnykh [Typological features of Shor equative and similative constructions]. *Siberian Journal of Philology*. 2022, no. 4, pp. 286–299. DOI 10.17223/18137083/81/22

Petrova T. I. *Ul'chskiy dialekt nanayskogo yazyka* [The Ulch dialect of the Nanai language]. Moscow, Leningrad, Uchpedgiz, 1936, 154 p.

Sagaydachnaya A. O. Sposoby vyrazheniya sravnitel'nykh otnosheniy v udegeyskom yazyke [Ways of expressing comparative relations in the Udegean language]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*. 2022, no. 2 (39), pp. 88–97. DOI 10.25693/SVG.V.2022.39.2.008

Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov. Materialy k etimologicheskoy slovaryu: V 2 t. [Comparative dictionary of Manchu-Tungus languages. Materials for the etymological dictionary]. Tsintsius V. I (Ed.) Leningrad, Nauka, 1977, vol. 2, 992 p.

Sunik O. P. *Ul'chskiy yazyk: issledovaniya i materialy* [The Ulch language: studies and materials]. Leningrad, Nauka, 1985, 264 p.

Tybykova L. N. Sposoby vyrazheniya sravneniya v altayskom yazyke [Methods of comparison in the Altai language]. In: *Voprosy altayskogo yazykoznanija* [Problems of the Altai linguistics]. Gorno-Altaysk, 1988, pp. 111–125.

Stassen L. The Comparative Compared. *Journal of Semantics*. 1984, vol. 3, pp. 143–182.

Treis Y. Comparative Constructions: An Introduction. *Linguistic Discovery*. 2018, vol. 16, iss 1. DOI 10.1349/PS1.1537-0852.A.492

Ultan R. Some Features of Basic Comparative Constructions. *Working Papers on Language Universals* 9. Stanford, 1972, pp. 117–162.

Vasil'ev Yu. I. *Sposoby vyrazheniya sravneniya v yakutskom yazyke* [The ways of expressing comparison in the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 1986, 111 p.

Информация об авторе

Виктория Александровна Горбунова, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Viktoriya A. Gorbunova, Candidate of Philology, Researcher at the Department of Siberian Languages, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 21.04.2023;
одобрена после рецензирования 19.05.2023; принята к публикации 19.05.2023
The article was submitted on 21.04.2023;
approved after reviewing on 19.05.2023; accepted for publication on 19.05.2023*

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 2
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2

Научная статья

УДК 81'23, 81'27, 81'33

DOI 10.17223/18137083/83/23

**Отражение этнополитических концепций
и сценариев межэтнических отношений
в психологических значениях абстрактных лексем**

Ирина Владимировна Шапошникова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

i.shaposhnickowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>

Аннотация

Этнополитические концепции и сценарии межэтнических отношений у представителей разных контактирующих суперэтнических систем находят отражение в психологических значениях вербальных единиц. Проводится анализ ассоциативных полей (АП) абстрактных слов, значения которых служат операторами при экспликации этнополитических установок акторов межэтнического взаимодействия в контексте их воздействия на массовое сознание российской молодежи в актуальной диахронии (в пределах 40 последних лет). Используются новейшие базы данных, полученные в азиатских регионах РФ с 2008 по 2021 г., а также более ранние материалы из других источников. Психолингвистические приемы позволяют отследить способы встраивания смысловых компонентов идущих извне этнополитических концепций в образ мира русской языковой личности; полученные таким образом знания нужны в лексикографической практике при описании формирующихся значений относительно недавно заимствованных слов.

Ключевые слова

движение абстрактных значений в актуальной диахронии, этнополитические концепции и сценарии межэтнического взаимодействия, образ мира русской языковой личности

Для цитирования

Шапошникова И. В. Отражение этнополитических концепций и сценариев межэтнических отношений в психологических значениях абстрактных лексем // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 300–311. DOI 10.17223/18137083/83/23

© Шапошникова И. В., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 300–311

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 300–311

Reflection of ethnopolitical concepts and scenarios of interethnic relations in the psychological meanings of abstract lexemes

Irina V. Shaposhnikova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

i.shaposhnickowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>

Abstract

Ethnopolitical concepts and scenarios of interethnic relations among representatives of different interacting superethnic systems are reflected in the psychological meanings of words. The semantic structures of the associative fields (AF) of abstract nouns provide relevant, experimentally obtained data representing the psychological realia. The associative-verbal profiles can be regarded as statistical models of the psychological meanings behind the sound bodies of the analyzed lexemes. This study examines the associative fields of two abstract lexemes operating as explicators of dominating ethnopolitical attitudes in the contexts of interethnic relations to trace the semantic aspects of westernization of the young Russian students' consciousness in the current diachrony (within the last 40–50 years). The analysis covers the latest databases obtained in the Asian regions (Siberia and the Far East) of the Russian Federation: SIBAS 1 (2008–2013) and SIBAS 2 (2014–2021), along with earlier materials: RAS (1988–1997). Psycholinguistic techniques allow us to trace the ways of embedding semantic components of ethnopolitical concepts coming from outside into the image of the world of the Russian language personality. The entries of newly coined or recently borrowed words in the explanatory dictionaries often fail to reflect the emerging lexicosemantic variants of their meanings. Hence, lexicographers can apply the knowledge obtained with the psycholinguistic toolkit as a complementary technique when describing the emerging meanings of recently borrowed words. The psychoglossic and vector analysis of the associative verbal fields allows the researcher to evaluate the dynamics and psychologically relevant trends in their meaning formation.

Keywords

abstract meanings in the actual diachrony; interaction of ethnopolitical concepts, scenarios of interethnic relations, the Russian language personality's image of the world

For citation

Shaposhnikova I. V. Reflection of ethnopolitical concepts and scenarios of interethnic relations in the psychological meanings of abstract lexemes. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 300–311. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/23

Введение

В этнополитических и военных конфликтах активируются историко-культурные детерминанты и сценарии межэтнических отношений. Материалы, которыми располагают российские психолингвисты, позволяют (в определенной мере) изучать смысловую структуру межэтнического дискурса не только на основе текстов, но и на основе экспликации психически актуальных значений этнополитически маркированных лексем.

В оценке сценариев межэтнического взаимодействия у россиян мы будем опираться на фундаментальные работы С. В. Лурье, в особенности на выводы, полученные ею в ходе изучения межэтнических браков [Лурье, 2018; 2019; 2020].

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 2
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2

Для анализа элементов этнополитической системы Л. Л. Хопёрская вводит понятие *этнополитической концепции* как основы мобилизации участников конфликта на достижение определенной цели [2011, с. 48–49]. Выдвигаемые участниками межэтнического взаимодействия этнополитические концепции имеют адресата, формируются на смысловой основе во внутри- и межэтническом дискурсе, поэтому их компоненты могут встраиваться в структуру психически актуальных значений вербальных единиц. В статье на материалах ассоциативных баз данных СИБАС (2008–2021) и РАС (1988–1997) в актуальной диахронии изучается смысловая структура значений абстрактных лексем, функционирующих как операторы экспликации этнополитических концепций, включая способы «встраивания» потенциально антисистемных, разрушающих исконную традицию установок в образ мира молодых россиян.

Этнополитические концепции и сценарии межэтнического взаимодействия в российском суперэтноре

Изучая опыт межэтнических браков в СССР на фоне США и Западной Европы, где довольно долго господствовало неприятие смешанных браков, а вопрос расы и расизма был и остается одной из центральных тем выдвигаемых в США этнополитических концепций, С. В. Лурье обнаружила, что «в советском дискурсе практически отсутствовало понятие расы, особенно в первые десятилетия советской власти. Государство распределяло граждан по “народностям” или “национальностям”, а не по расовым признакам. Более того, эти категории воспринимались главным образом в культурно-историческом плане, а не в биологическом или генетическом» [Лурье, 2018, с. 136]. В обыденном сознании русских бытует понятие *национальность*, а советское понимание термина *нация* «можно истолковать скорее как организационно оформленный этнос» [Там же] (ср. анализ АП *нация* в [Шапошникова, 2022, с. 276–277]). Государство проводило политику институционализации народностей через создание национальных республик и поддержку их языков и культур [Лурье, 2018, с. 137]. В табл. 1 приводим наше резюме сценариев межэтнических отношений в СССР на основе аппарата описания, который в разных своих работах использовала С. В. Лурье. Подробное толкование терминов и развернутую логику ее теоретических построений читатель найдет на ее личном сайте¹.

Проблемы межнациональных отношений в СССР эпохи распада во многом связаны с политической мобилизацией этничности при опоре на образ национальности у людей, утративших гражданскую советскую идентичность. Наличие же «высокой комплементарности» у русской молодежи в межнациональных отношениях «не объясняется отсутствием у них собственных национальных чувств, а показывает определенную особенность этих чувств» [Лурье, 2019, с. 72]. На поведенческом уровне они продолжают следовать сценарию «дружба народов», сохраняя связи и на личностном уровне.

¹ <http://www.svlourie.ru/>

Interethnic relations of the Soviet superethnos

Свои (советские)		
Общество	Сценарии	Личность
<p>Высшая ценность: единый советский народ = наднациональная общность = совокупность наций (народностей).</p> <p>Будущее: через смешанные браки слияние наций в единый советский народ.</p>	<p>Центральная культурная тема: государственность.</p> <p>Сценарий 1: «дружба народов» (модель сосуществования и взаимодополняющего развития); сценарий 2: «вперед планеты всей».</p>	<p>Неэтноцентричное самовосприятие в контексте других дружественных народов.</p> <p>Идентичность личности: советский человек (роль) + национальная принадлежность (этническая).</p>
<i>Навык</i>		
<p>Русский (советский) человек – роль харизматического лидера в соединении двух сценариев. Советский человек = хороший человек = не выпячивает свою национальность, кроме определенных моментов. Высокая комплементарность в межнациональных отношениях. Культурные различия не препятствуют ощущению единства.</p>		

Исследования общегражданских ценностей российской молодежи показали, что разгром гитлеровской Германии, победа Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., запуск первого в мире спутника и первый полет человека в космос актуальны в высокой степени, вплоть до единодушия [Мартынова и др., 2023, с. 112]. Это означает, что исторический опыт преодоления *фашизма* и *нацизма* присутствует в сознании молодежи (ср. анализ АП этих существительных в [Шапошникова, 2022], раскрывающий отношение к данным этнополитическим реалиям). Чувствительность к этнической тематике мала по сравнению с другими акцентами, а вот «очевидна тенденция возрастания роли идентификации себя с государством» [Мартынова и др., 2023, с. 108].

Возможность практического переноса на российскую почву идеологием западноевропейских этнополитических концепций этнорасового единения С. В. Лурье оценивает пессимистично. «Толерантность, если ее переносить на российскую почву, слишком бесструктурная и малосодержательная модель, поскольку суть специфики межэтнических отношений, характерных для России, не отражает. Для них свойственны более интенсивные и имеющие сценарные, диалоговые черты отношения: взаимодействие, а не одна только терпимость» [2019, с. 73]. С. В. Лурье отмечает, что вопрос о семье и межэтнической брачности не встраивается современными молодыми людьми в систему межэтнических отношений [Там же, с. 78]. Он скорее связан с личностным выбором, главное, чтобы человеческие качества соответствовали запросам, национальность не имеет значения.

Подобные сценарии осуществляются, несмотря на перестроечную пропаганду на постсоветском пространстве, внушавшую мысль о том, что народы СССР терпели несправедливое отношение от русских и относились к ним плохо. Как отмечает С. В. Лурье, особую роль играет «способ, порядок включения определенной вненациональной ценностной доминанты в этническую картину мира». Многие

зависит от того, «к какой сфере своей реальности данный этнос отнесет предложенную ему категорию, атрибутом чего она окажется в его картине мира»². С. В. Лурье оставила в своих работах прогноз на возрождение российского суперэтноса в связи с психологически комфортной для русских культурной моделью «дружбы народов», сохраняющей свою пригодность для межэтнического взаимодействия как модель сосуществования и взаимодополняющего развития. На основании русской культуры сформируется новый принцип действия, который станет основой для новой русской идентичности. Это будет модель поведения, в которой само понятие «русский» может быть перенесено и на нерусское население, это понятие станет не столько национальным, сколько культурно-государственным. Русский (российский) утвердится как суперэтническое понятие³.

Прогноз С. В. Лурье подтверждается на Украине в столкновении двух противоположных сценариев межэтнического взаимодействия, в поступках представителей разных народов в пределах общероссийского суперэтнического сценария. События на Украине и высвечивают суть этого сценария, и *закрепляют его*.

Ассоциативный профиль существительного *расизм*

Слову «расизм» СИС дает академическое определение: «антинаучные концепции, основу которых составляют положения о разделении человечества на высшие и низшие *расы*, а также связанная с такими представлениями политика господства высших, полноценных рас над низшими, неполноценными расами; в фашистской Германии расизм был официальной идеологией» [СИС, 1994, с. 511].

«В русском языке слово *раса* известно с середины XIX в.: *раса* – “племя”, “порода”. Позднее в XX веке появляются слова: расовый, расизм, расист. Ср. франц. (с XVI в.) *race*, f.; англ. (с XVI в.) *race*; нем. (XVII–XVIII вв.) *Rasse*, f. Ср. ит. *razza*; исп. *raza*. Первоисточник этого слова неясен» [Черных, 1994, с. 99–100]. Таким образом, слово «раса» вошло в русский язык, когда в евро-американском контексте расовая дифференциация уже пустила глубокие корни, переплетаясь с черно-белым радикализмом и религиозными этнополитическими концепциями.

И в РАС, и в СИБАС 2 *расизм* ассоциируется с людьми, их *национальностью, нацией*, особенно с *неграми*. Его акторы – *партия, фанаты, Гитлер*. Акценты усилены морфологической вариативностью. В СИБАС 2 к тем же компонентам добавляются: *евреи, нерусские, русские* и др., как *черные*, так и *белые* по цвету кожи люди, а также *Ку-клукс-клан, скинхеды*. По сравнению с РАС отмечается некое усиление националистического акцента за счет словообразовательной модели (*нация, нацист*). Отражен новый опыт бунтов в Америке (парадоксальный ассоциат-оксюморон: *белый негр*), иммиграции в западных странах (*мечеть*). Опозиция *русский – нерусский (хач)*, а также знак сопричастности *наш* – точки входа для примеривания расизма к российской действительности. Зона 2 в обоих источниках локализует расизм преимущественно в *Америке, США, Африке, ЮАР*; активизируется историческая связь с конфедеративными штатами (табл. 2).

² Лурье С. В. Лекции по исторической этнологии. С. 19. URL: <http://www.svlourie.ru/>.

³ Лурье С. В. Национальная политика России: анамнез, диагноз, курс лечения... URL: <http://www.svlourie.ru/>.

Таблица 2

Ассоциативный профиль слова *расизм* *

Table 2

The associative profile of the word *racism*

1988–1997: РАС (103 + 53 + 3 + 41)	2014–2021: СИБАС2 (142, 78, 5, 58)
Зона 1. Субъекты и мишени. Лица и персоналии, их организованные группы (кто воплощает и против кого направлен)	
негр 19; негры 8; нация 2; Гитлер; люди; национальность; негров; партия; раса; фанат; черные; черный. Итого: 38; 12.	негр 12; негры 5; черный 5; раса 3; Гитлер 2; еврей 2; афроамериканец 2; белый 2; нация 2; нигер 2; белый негр; еврей; Ку-клукс-клан; нацист; нерусские; русский; скинхед; хач; и пр. Итого: 50; 23
Зона 2. Локации (пространство и время) Где? Когда?	
ЮАР 3; в Америке 2; в Африке 2; Америка; в США; конфедерация; международный, наш, немецкий. Итого: 13; 9	Америка 2; Германия; иногда; мечеть; нерусский; русский; США. Итого: 8; 7
Зона 3. Номинации (синонимы, оппозиции, толкования)	
Фашизм 7; нацизм 3; политика 3; проблема 2; дарвинизм; движение; национализм; не коммунизм; разделение; строй; шовинизм. Итого: 22; 11.	национализм 5; нацизм 4; неравенство 3; сексизм 2; дискриминация; не преступление; отбор; политкорректность; пропаганда; субкультура; терроризм; фашизм и пр. Итого: 23; 13.
Зона 4. Действия и намерения; последствия и оценки	
плохо 6; война 2; гнусный; голый; жестокий; здоровый; зло; изжить; крутой; наступает; невозможен; неизбежен; нельзя; разделение; трагедия; убийство; угнетение; унижение; это плохо. Итого: 25; 19.	плохо 15; глупость 5; вражда 2; ненависть 2; нет 2; абсурд; болезнь; война; геноцид; грязь; зло; злость; идиотизм; не для меня; не преступление; неприемлемо; неприятие; неприязнь; отменить; пренебрежение; свинство; я нормально отношусь к черным; и пр. Итого: 52; 31.
Зона 5. Символы и аналогии	
Цвет кожи; гнедой; пир. Итого: 3; 3.	Афоризм; кукла; лысый; скинхед; след; черное; чернокнижие; ярлык. Итого: 8; 8.
Психоглоссы интенсивности	
Расизм 1988–1997	Расизм 2014–2021
Зона 1 (37 %) субъекты и мишени → Зона 4 (24 %) действия, последствия, оценки → Зона 3 (21 %) номинации → Зона 2 (13 %) локации → Зона 5 (3 %) символы и аналогии	Зона 4 (37 %) действия, последствия, оценки → Зона 1 (35,2 %) субъекты и мишени → Зона 3 (16,2 %) номинации → Зона 2 (5,6 %) локации = Зона 5 (5,6 %) символы и аналогии
Психоглоссы экстенсивности	
Зона 1 (27 %) → Зона 3 (21 %) → Зона 4 (18 %) → Зона 2 (17 %) → Зона 5 (6 %)	Зона 4 (39,7 %) → Зона 1 (29,5 %) → Зона 3 (16,7 %) → Зона 5 (10 %) → Зона 2 (9 %)

* Здесь и в табл. 3 зонирование АП проводится по прямым словарям; морфологические парадигмы читатель найдет в обратных словарях. В первой строке таблиц показаны даты сбора экспериментального материала, название базы данных и статистика АП. Первая цифра – общее число реакций; вторая – число ответов разными словами; третья – количество отказов от ответа; четвертая – число единичных реакций. В последних строках выводятся психоглоссы (векторы смысловых акцентуаций АП) в соответствии с убыванием веса смысловых зон по показателю интенсивности (число ассоциатов в каждой зоне в процентах от общего их количества в АП) и экстенсивности (число разных ассоциатов в процентах от

общего числа разных в АП). В каждой зоне есть примеры характерных для нее ассоциатов и данные о ее наполняемости. Например: 38; 12, где 38 – общее количество реакций; 12 – количество разных словоформ. В целях экономии АП обратных словарей в таблицах не приводятся.

Зона 3 в обоих словарях толкует расизм как *политическое явление, движение, строй, проблему* в одном ряду с *фашизмом, нацизмом, дарвинизмом* и пр. идеологиями *разделения*. Связи с политико-идеологическим доменом усилены словообразовательной моделью *-изм*; *фашизм* и *нацизм* особо интенсивны. В СИБАС 2 к этому набору добавляются *терроризм, рабство*, идеологии и *пропаганда дискриминации, отбора людей*, а также *пропаганда политкорректности* и повышение статуса расизма в облике *субкультуры* в одном ряду с *сексизмом* и пр. Это точка потенциальной концентрации толерантности к расизму.

Ядро зоны 4 составляют единицы, негативной оценочности. Негатив интенсивен (почти 100 %), в прямых оценках (*плохо, зло*), усилен компонентом *не*- и транскатегориально – разными частями речи. Зона содержит прямые констатации запрета и опасности, идущей от этого явления. Позитивная акцентуация не сформировалась, но есть единичные всплески, идущие от разных оценочных установок: толерантное включение в статус кво – *неизбежен*, позитивная оценка принятия – *здоровый* и *крутой*. В СИБАС 2 отмечается резкий рост экстенсивности по отношению к данным РАС, появляются новые единицы идентификационного плана (*не для меня*). Негатив усиливается прямыми оценками (*идиотизм, свинство* и пр.) и запретом (*отменить*). Акценты усилены словообразовательными моделями *-ость, не-, -изм, -ние* и пр.

Психоглоссы АП *расизм* и в РАС, и в СИБАС 2 показывают четкие границы стоящего за ним образа у РЯЛ, внятное представление об акторах и мишенях этой концепции (признаках мишеней по цвету кожи и национальному происхождению), которое сложилось преимущественно на историко-культурном и академическом опыте познания межэтнических отношений и соответствующей им идеологии в Америке. Отсюда и вполне определенная локализация расизма, осознание последствий его практики, онтологической связи с (гитлеровским) фашизмом и нацизмом, несостоятельности и недопустимости этой этнополитической концепции. В 80-е и 90-е гг. в советской прессе довольно широко освещались события расового порядка в мире (в основном идущие из США как транслятора расистских идеологий), осуждение расизма было поддержано интернационалистическими (нацеленными на борьбу с колониализмом) установками СССР. В XXI в. (СИБАС 2) оценка вышла на первый план, укрепилась связь с *национализмом* и *нацизмом*. Ср. с нашими данными по усилению смысловых узлов *фашизм, нацизм, расизм* в АП аффикса *-изм* [Шапошникова, 2022, с. 272]. Активизация этих смысловых узлов очевидно связана с повышением градуса напряженности в межэтнических отношениях, приближением горячей военной фазы, уточнением установок и намерений противника в этнополитическом плане, прояснением смыслов, стоящих за его и своими собственными сценариями. Однако точки входа толерантного отношения к расизму были активированы в этнополитических концепциях противника в Перестройку. В сознание РЯЛ они вошли через идеологические вбросы дискурсов перестроечного времени о *шовинизме* и *тоталитаризме* (применительно к СССР и Российской империи), в АП *расизм* они представлены периферийно. Во всех АП *расизм* в обратных словарях активируются те же связи внутри когнитивного домена *нации* и *нацизма* (*национализма*). Ассоциаты с *ком-*

мунизмом и *патриотизмом* могут расцениваться как амбивалентные – то, что противостоит расизму, с одной стороны, и то, что втаскивает расизм в российский контекст через толкование концепций коммунизма и патриотизма сквозь призму расизма. Ассоциирование по словообразовательной структуре подчеркивает их локализацию в одном и том же когнитивном домене.

Ассоциативный профиль существительного *толерантность*

СИС возводит слово *толерантность* к латинскому *tolerantia* (терпение) и толкует его академически как медико-биологический термин, а также как «терпимость, снисходительность к кому-, чему-л.» [СИС, 1994, с. 610]. Т. Ф. Ефремова выделяет два значения у этого слова: «**Толерантность 1** ж. 1. Отсутствие или ослабление реакции на какой-л. неблагоприятный фактор, объясняющееся снижением чувствительности к его воздействию. **Толерантность 2** ж. 1. Снисходительная терпимость к кому-л. или к чему-л. (чужому мнению, иному верованию и т. п.) как обязательное условие политического плюрализма» [Ефремова, 2006, с. 525].

Во второй версии слово *толерантность* относительно недавно стало входить в оборот. В нем сосредоточен смысл восприятия русскими этнополитической концепции англосаксов, которую в период Перестройки примеряли не только на покоренные ранее народы, но и на русских. В СССР использовался термин *толерантность 1*; можно предположить, что его значение усилило негативную составляющую *толерантность 2* как результат опыта нашего взаимодействия с акторами толерантности на суперэтническом уровне.

Структура АП примерно однородна и по интенсивности, и по экстенсивности связей (табл. 3). Высокий индекс отказов в реакциях (14) может быть проявлением характерной для абстрактных существительных особенности, играет роль и статус недавнего заимствования. Ядро АП связано с помещением семантики *толерантность* в домен русского эквивалента *терпимость*, значение которого пересекается в русском языке с *терпением* и несет в себе доминантно положительный смысловой акцент, который, вероятно, распространился и на заимствованное слово. Нейтральные терминологические смыслы фиксируются в зоне 1: *иммунитет, тест, устойчивость*. В этом же ряду атрибуция толерантности к психическим качествам человека и аспектам социального поведения (*качество, черта характера, роль* и пр.). Связь с парадигмой *терпимость, терпение, терпеливость* и *терпеть* доминантна, активируется 31 раз и представлена 4 разными единицами, из которых *терпимость* и *терпение* наиболее частотны. Видимо, влиянием русских эквивалентов обусловлено наличие в этой зоне весомого полюса названий положительных качеств человека: они представлены 18 единицами, которые совокупно активированы 33 раза. Это: *уважение, вежливость, доброта* и мн. др., создающие кумулятивный эффект укорененности положительных оценок толерантности. Отмечено всего 7 единичных реакций с сильными негативными коннотациями: *глупость, лицемерие, ненависть* и пр. Смысловая противоречивость зоны 2 проявляется себя в двухполюсности: констатация самого факта наличия (отсутствия) и степени присутствия толерантности как явления. Оно устойчиво локализуется в *Европе, Америке, США*, периферийно – *во всем мире* и в *Германии*, в контексте *войны* и *мира*. Толерантности скорее *нет*, чем она есть (но *была*). В зоне 3 очевидна связь с американскими этнополитическими концепциями: *ЛГБТ, геи, негры, американец, белый, ниггер, черный, раса* и пр. Нейтраль-

ные идентификаторы: *люди, я*; этнические таксоны: *раса, нация, национальность, народы*; единицы русского плана: *русский, русский язык*. Зона 4 наполнена маркерами положительных и нейтральных оценок. Толерантность здесь выступает как некая социально обусловленная (*правильный*) потребность, которая не всегда должным образом удовлетворена. Во всех обратных словарях толерантность активизируется как эквивалент *терпимости* с позитивными сопутствующими стимулами: *доброта, мирный* и пр.; в СИБАС 2 появились негативные дериваты, создающие парадигму наименований носителей толерантности с явными импликациями западных этнополитических концептов. Примечательно, что АП прилагательного *толерантный* насыщено ассоциатами с внешними манерами поведения (*элегантный, галантный, обходительный, с хорошими манерами*), структура связей с другими положительными качествами повторяет набор отмеченных у существительного, есть связь с *национальностью*.

Таблица 3

Ассоциативный профиль слова *Толерантность*

Table 3

The Associative Profile of the word *Tolerance*

2014–2021: Прямой словарь СИБАС 2 Толерантность (155, 89, 14, 72)
Зона 1. Номинации (синонимы, оппозицы, толкования-дефиниции, атрибуция)
Терпимость 18; терпение 10; уважение 6; вежливость 5; доброта 3; человечность 3; гуманность 2; качество 2; понимание 2; черта характера 2; чувство 2; благородство; воспитанность; глупость; допущение; иммунитет; культура; лицемерие; мода; мудрость; надежность; ненависть; нетолерантность; общительность; помощь; пофигизм; принятие; равенство; равнодушие; роль; смелость; спокойствие; счастье; тенденция; терпеливость; терпимость, открытость; терпеть; тест; то, чего нам всем не хватает; тщеславие; устойчивость; характер; честность; что. Итого: 88; 44
Зона 2. Локации (фиксации) в пространстве и времени
Европа 2; есть 2; Америка; было; во всем мире; война; где?; ген; Германия; мир; нет; не всегда; отсутствие; редка; США. Итого: 17; 15.
Зона 3. На кого направлена, кем и по отношению к кому применяется
ЛГБТ 4; Негры 2; человек 2; белый; американец; геи; к ЛГБТ; людей; люди; мигранты; мужчины; народы; национальность; нация; ниггер; раса; русский; русский язык; черный; я; и пр. Итого: 26; 21
Зона 4. Какой? Как оценивается
Хорошо 2; вежливо; вежливый; добро; криво; молодец; нет; не знаю; нужна; правильный; терпеливый; то, чего нам всем не хватает; уникам. Итого: 14; 13
Психоглоссы интенсивности
Зона 1 (56,8 %) номинации → зона 3 (17 %) направленность (субъект-объект) → зона 2 (11 %) локации → зона 4 (9 %) какой
Психоглоссы экстенсивности
Зона 1 (49,4 %) → зона 3 (23,6 %) → зона 2 (17 %) → зона 4 (14,6 %).

Таким образом, ассоциации с парадигмой *терпение, терпеть и терпеливость*, имеющей глубокие корни в русском языке и культуре (в древнерусском с XI в.

[Черных, 1994, с. 239]) и нагруженной положительными смыслами труда и нравственно оправданного преодоления тягот ради жизни, исторически связанной с веротерпимостью, умением уважать чужое мнение, в значительной степени переносятся и на вербальные маркеры толерантности, что, впрочем, не нашло должного отражения в лексикографических толкованиях этого слова. При этом *толерантность* сохраняет смысловую противоречивость под влиянием этнополитического концептуального «шлейфа» слов этой парадигмы в современных европейских языках. Это можно увидеть и в ассоциативных инновациях: *толеранстия*. Возможно, мы имеем дело с формированием фокуса *терпение* как активное и творческое пребывание в роли «харизматического лидера» российского мира в противовес потребной, но статичной, даже манерной *толерантности* в языковом сознании русского человека.

Заключение

Социокоммуникативные установки русской языковой личности, отразившиеся в смысловых акцентуациях АП этнополитически маркированных слов *расизм* и *толерантность* дают косвенное свидетельство сохранности базовой структуры сценария межэтнического взаимодействия русских, а именно: высокая комплементарность в межэтнических отношениях, предрасположенность к активному межэтническому взаимодействию с ориентацией на незначимость этнических и расовых различий. Такое положение дел отмечено на фоне повышения веса смыслового узла *расизм*, укрепления его связей с доменом *нации*, *национальности* и *народности* в актуальной диахронии. Образ *расизма* сложился преимущественно на историко-культурном и академическом опыте познания межэтнических отношений и соответствующей им идеологии в Америке, однако в нем сохранена онтологическая связь с (гитлеровским) фашизмом-нацизмом, осознанием несостоятельности и недопустимости этой этнополитической концепции. Данный негативно-оценочный акцент вышел на первый план в структуре АП *расизм* в XXI в., укрепив связь с *национализмом* и *нацизмом*. Точки входа толерантного отношения к *расизму* как следы вестернизации отмечаются в наличии ряда противоречивых смысловых акцентов, помещающих расизм в домен *патриотизма* и оппозиции *нерусскость* – *русскость*. Психологическое значение слова *толерантность* содержит два полюса смыслов: негативный, локализующийся в домене реалий американской колонизации, в таком виде значение *толерантность* зафиксировано в толковых словарях как концептуально-идеологическое заимствование; доминантный полюс позитивных смыслов сложился на основе установления прочной связи с парадигмой *терпимость* (*терпение*), которая несет в русской культуре положительную оценочность, включая советский сценарий межкультурного взаимодействия. Этот компонент значения *толерантность* пока не нашел системного отражения в толковых словарях.

Список литературы

- Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т.: ок. 160 000 слов. М.: АСТ: Астрель, 2006. Т. 3: Р–Я. 973 с.
- Лурье С. В. Межэтнические браки в современном российском национальном сценарии // Петербургская социология сегодня. 2018. № 10. С. 122–148. DOI 10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077

Лурье С. В. Отношение к межэтническим бракам как симптом формирования российской идентичности // Петербургская социология сегодня. 2019. № 11. С. 68–80. DOI 10.25990/socinstras.pss-11.20j9-ge83

Лурье С. В. «Многокровки»: особенность формирования этнической идентичности «Тягубя» – потомков от межэтнических браков российских корейцев // Петербургская социология сегодня. 2020. № 13/14. С. 61–85. DOI 10.25990/socinstras.pss-13-14.40cc-vy24

Мартынова М. Ю., Белова Н. А., Зыкина О. А., Кляус М. П. Общегражданские и социокультурные ценности в восприятии российской молодежи // Вестник антропологии. 2023. № 1. С. 102–124.

СИС – Современный словарь иностранных слов: Ок. 20000 слов. СПб.: Дуэт, 1994. 752 с.

Хопёрская Л. Л. Аксиологический аспект анализа этнополитических конфликтов // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 46–56.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: 13 560 слов: 2-е изд., стереот. М.: Рус. яз., 1994. Т. 2: Панцирь – Ящур. 560 с.

Шапошникова И. В. Ассоциативная грамматика и смысл (на примере имени существительного) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 268–284. DOI 10.17223/18137083/78/19

Список источников

РАС – Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Сост. Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: Астрель: АСТ, 2002. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения 13.04.2023).

СИБАС 1 и СИБАС 2 – Русская региональная ассоциативная база данных. Сибирь и Дальний Восток – 2008–2022 / Авт.-сост. И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. URL: <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения 13.04.2023).

References

Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: 13 560 slov* [Historico-etymological dictionary of the Russian language: 13 560 words]. 2nd ed., stereot. Moscow, Rus. yaz., 1994, vol. 2: *Pantsir' – Yashchur*, 560 p.

Efremova T. F. *Sovremennyye tolkovyye slovar' russkogo yazyka. V 3 t.: ok. 160 000 slov* [Modern explanatory dictionary of the Russian language. In 3 vols.: approx. 160 000 words]. Moscow, AST, Astrel', 2006, vol. 3: *R – Ya*, 973 p.

Khoperskaya L. L. *Aksiologicheskii aspekt analiza etnopoliticheskikh konfliktov* [Axiological aspect of the analysis of ethno-political conflicts]. In: *Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossii i soprede'nykh gosudarstvakh v 2010 godu. Ezhegodnyy doklad Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov* [Ethnopolitical situation in Russia and neighboring states. The ethno-political situation in Russia and neighboring states in 2010. Annual report of the Ethnological Monitoring and Early Conflict Prevention Network]. V. A. Tishkov, V. V. Stepanov (Eds.). Moscow, IEA RAN, 2011, pp. 46–56.

Lur'e S. V. *Mezhetnicheskie braki v sovremennom rossiyskom natsional'nom stsenarii* [Interethnic marriage in the Modern Russian national scenario]. *St. Petersburg*

Sociology Today. 2018, no. 10, pp. 122–148. DOI 10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077

Lur'e S. V. "Mnogokrovki": osobennost' formirovaniya etnicheskoy identichnosti "Tyagubya" – potomkov ot mezhetnicheskikh brakov rossiyskikh koreytsev ["Multibloods": a Feature of the Formation Ethnic Identity "Tyagugya" – Descendants from Interethnic Marriages of Russian Koreans]. *St. Petersburg Sociology Today*. 2020, no. 13/14, pp. 61–85. DOI 10.25990/socinstras.pss-13-14.40cc-vy24

Lur'e S. V. Otnoshenie k mezhetnicheskim brakam kak simptom formirovaniya rossiyskoy identichnosti [Attitude to Interethnic marriages as a symptom of the Formation of Russian Identity]. *St. Petersburg Sociology Today*. 2019, no. 11, pp. 68–80. DOI 10.25990/socinstras.pss-11.20j9-ge83

Martynova M. Yu., Belova N. A., Zykina O. A., Klyaus M. P. Obshchegrazhdanskie i sotsiokul'turnye tsennosti v vospriyatii rossiyskoy molodezhi [National and Socio-Cultural Values in the Perception of Russian Youth]. *Herald of Anthropology*. 2023, no. 1, pp. 102–124.

Shaposhnikova I. V. Assotsiativnaya grammatika i smysl (na primere imeni sushchestvitel'nogo) [Associative Grammar and Meaning (on the example of nouns)]. *Siberian Journal of philology*. 2022, no. 1, pp. 268–284. DOI 10.17223/18137083/78/19

Sovremennyy slovar' inostrannykh slov: Ok. 20000 slov [Modern dictionary of foreign words: Approx. 20,000 words]. St. Petersburg, Duet, 1994, 752 p.

List of sources

Russkiy assotsiativnyy slovar': V 2 t. [Russian associative dictionary: In 2 vols.]. Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov (Comps). Moscow, Astrel', AST, 2002. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (accessed 13.04.2023).

Russkaya regional'naya assotsiativnaya baza dannykh. Sibir' i Dal'niy Vostok – 2008–2022 [Russian regional associative database]. I. V. Shaposhnikova, A. A. Romanenko (Comps.). URL: <http://adictru.nsu.ru> (accessed 13.04.2023).

Информация об авторе

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Chief Researcher at the Department of the Russian language in Siberia, Institute of Philology SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 27.04.2023;
одобрена после рецензирования 08.05.2023; принята к публикации 10.05.2023
The article was submitted on 27.04.2023;
approved after reviewing on 08.05.2023; accepted for publication on 10.05.2023*

Научная статья

УДК 811.161.1'42

DOI 10.17223/18137083/83/24

**Креолизованность как жанрообразующий признак
текстов естественной письменной речи
(на материале жанра девичьего альбома)**

**Татьяна Геннадьевна Рабенко¹
Яна Олеговна Горовая²**

^{1,2} Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия

¹ rabenko@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3434-8542>

² sinkina20@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6394-1738>

Аннотация

Исследуется вопрос о креолизованности как жанрообразующем свойстве текстов естественной письменной речи. Естественное-письменное речевое сообщение, обладающее признаком креолизованности, представляется в виде конфигурации графем и средств иных семиотических систем (графематики, супраграфематики, хромографематики, топографематики), зафиксированных с помощью маркирующего инструмента на отдельном носителе. На примере жанра девичьего альбома рассматриваются средства, участвующие в создании креолизованного текста; определяются его функции (презентационная, аксиологическая, игровая); прослеживаются комбинации элементов различных семиотических систем, способствующих созданию субстанциональной метаграфематики текста; выявляются виды текстов (тексты с частичной и полной креолизованностью) с учетом характера соотношения между графематическими средствами и кодами других семиотических систем (синсемантические и автосемантические отношения).

Ключевые слова

естественная письменная речь, девичий альбом, креолизованность, креолизованный текст

Для цитирования

Рабенко Т. Г., Горовая Я. О. Креолизованность как жанрообразующий признак текстов естественной письменной речи (на материале жанра девичьего альбома) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 312–326. DOI 10.17223/18137083/83/24

© Рабенко Т. Г., Горовая Я. О., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 312–326

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 312–326

Creolization as a genre-forming feature of the texts of natural written speech (a case study of a girl's album genre)

Tatyana G. Rabenko¹, Yana O. Gorovaya²

^{1,2} Kemerovo State University
Kemerovo, Russian Federation

¹ rabenko@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3434-8542>

² sinkina20@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6394-1738>

Abstract

The paper aims at studying the external (technical) aspect of natural written speech text as a characteristic contributing to the materialization of the text as a sign and, at the same time, to its genre identification. The analysis of a girl's diary genre reveals the heuristic possibilities of creolization as a genre-relevant property of the formal organization of the text, with its texture synthesized by various semiotic systems. Given the relationship between the graphematic means and the codes of other semiotic systems, two types of texts are identified. These are (1) partially creolized texts with autosemantic relations between the verbal and visual components based on the autonomy of structural elements of the text and (2) completely creolized texts with synsemantic relations between the graphematic means and the elements of other semiotic systems. The functions of a girl's diary as a creolized text are determined: presentational function, contributing to the author's self-expression; axiological function, aimed at representing the value dominants of a teenage girl; and gaming, determined by the phatic and dialogical components of the text. The combinations of elements of various semiotic systems contributing to the creation of substantial metagraphemics of the text are investigated. Graphematic means are seen to synthesize with various elements of supragraphemics, making it possible to transform the text contents (variation of font, intensity of graphemes); topographemics, associated with the planar variation of the text (paper constructions that change the spatial design of the text); and chromographemics, associated with the color design of the text.

Keywords

natural written speech, girlish album, creolization, creolized text

For citation

Rabenko T. G., Gorovaya Ya. O. Creolization as a genre-forming feature of the texts of natural written speech (a case study of a girl's album genre). *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 312–326. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/24

Введение

Отмеченная антропоцентрической направленностью, современная лингвистика выдвигает на первый план получение знаний о мире, зафиксированных в языке, и языковой компетенции носителя языка, ибо «язык, будучи человеческим установлением, не может быть понят и объяснен вне связи с его создателем и пользователем» [Кравченко, 1996, с. 6]. Рассмотрение языка в тесной взаимосвязи с мышлением, культурой и духовной жизнью человека способствует осознанию необходимости исследования не только подготовленных, профессионально создаваемых текстов, но и письменно-речевых репрезентаций рядового носителя языка, рожденных в условиях естественной коммуникации.

Письменно-речевая деятельность и ее результаты – тексты, характеризующиеся спонтанностью, непринужденностью, отсутствием промежуточных инстанций (корректоров, редакторов), сопрягаются с понятием естественной письменной речи (далее – ЕПР), которая уверенно заняла позицию самостоятельного объекта лингвистики [Лебедева, 2001, с. 6]. Находясь на этапе активного развития, теория естественной письменной речи включается в решение проблем пограничных с нею отраслей научных знаний. Одной из таковых является проблема речезанровой параметризации, которая имеет давнюю лингвистическую традицию, восходящую к работам М. М. Бахтина [1986] и развиваемую Н. Д. Арутюновой [1992], В. В. Дементьевым [2010], К. Ф. Седовым [1999], Т. В. Шмелевой [1997], где диагностируются эвристические возможности жанровой идентификации различных коммуникативно-прагматических (коммуникативная цель, или замысел, по М. М. Бахтину [1986]) и формально-структурных [Лебедева и др., 2021; Лебедева, Рабенко, 2022; Шмелева, 1997] признаков жанров, представленных в разных речевых сферах.

Научной гипотезой настоящего исследования является положение, согласно которому для текстов ЕПР формальная сторона знака (внешняя, «техническая» сторона речевого сообщения) может играть жанрообразующую и коммуникативно-релевантную роль.

Цель настоящего исследования – рассмотрение креолизованности текста как жанрообразующего свойства текстов ЕПР, взятой в одной из ее жанровых реализаций.

Фактологическая база и методы исследования

Фактологическая база исследования представлена архивными материалами Лаборатории естественной письменной речи Кемеровского государственного университета – девичьими альбомами, созданными девочками-подростками 12–15 лет в 2000-х гг. (всего 27 рукописных девичьих альбомов); фотографиями страниц рукописных альбомов, размещенных в социальной сети «ВКонтакте» в группе «Мам, ну не читай»¹ (104 страницы).

В качестве методов исследования в работе задействованы метод дискурсивного анализа, направленный на изучение речевого произведения в контексте экстралингвистических факторов [Арутюнова, 1990, с. 136–137]; и доминантно-детерминантный метод. Согласно последнему к «внешней детерминации» относится обусловленность речевого жанра внешней (экстралингвистической) средой, а к внутренней детерминации – направленная зависимость признаков и элементов, причинно-следственных отношений между признаками и явлениями внутри объекта – речевого произведения [Рабенко, Лебедева, 2017, с. 29].

Обсуждение и результаты

В современной лингвистике существенно возросло число исследований, посвященных описанию способов визуализации текста средствами алфавитного письма в их конвергенции с элементами других семиотических систем, что обусловлено общей склонностью человека к «совершенствованию изобразительной техники при стабильности вербальных средств информации» [Горелов, Седов,

¹ <https://vk.com/momdontread/>.

1998, с. 35]. Выбирая в процессе речемыслительной деятельности способы «транспортировки» мыслей, отправитель осуществляет выбор и их «упаковки» [Чейф, 1975]. Метаграфическое оформление текста становится таким «способом упаковки смысла, который отправитель включает в акт коммуникации» [Шубина, 2009, с. 186]. «Успех коммуникации во многом зависит от ее семиотического воплощения» [Мечковская, 2008, с. 3].

Актуализируя тезис о том, что «естественно-языковая коммуникация в обществе, взятая как целостный феномен, является мультимодальной и поликодовой всегда» [Баранов, Паршин, 2018, с. 7], мы исходим из признания иерархического характера распределения коммуникативных средств передачи информации – доминирующей роли языка как первичного средства коммуникации и вторичности иных типов сообщений, передаваемых человеком, о чем в свое время писал Р. О. Якобсон [1985, с. 319]. Постулат о двуплановости текста как сложного языкового знака, имеющего означаемое и означающее, применительно к креолизованному тексту конкретизируется за счет положения о «возможном влиянии технической стороны передачи речи на ее семантику» [Баранов, Паршин, 2018, с. 7]. Тексты подобного типа, чья «фактура состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов, 1990, с. 180], называются также «поликодовыми» [Ейгер, Юхт, 1974, с. 107; Сонин, 2006, с. 10], «видеовербальными» [Пойманова, 1997], «изовербальными» [Бернацкая, 2000] и пр. Данные понятия не всегда оцениваются как тождественные, см. [Ворошилова, 2013, с. 15–17; Максименко, 2012].

Описание креолизованного потенциала текста включается в описание формальной стороны жанров ЕПР и, в конечном счете, моделирование «оптического образа» текста. Естественно-письменное речевое сообщение (как и любое визуальное языковое сообщение, обладающее свойством креолизованности) предстает в виде некоторой конфигурации графем и средств иных семиотических систем, зафиксированных на отдельном носителе (в случае девичьего альбома – в общей тетради) с использованием маркирующего инструмента. Последние формируют субстанциональную метаграфимику текста ЕПР [Баранов, Паршин, 2018, с. 8]. В моделировании метаграфимики текста ЕПР значимы цветное оформление графем (хромографемика), вариативность их шрифтового выделения (супраграфемика), привлечение выразительных возможностей знаков препинания (синграфемика), использование изображений (иконическая супраграфемика), а также «пространственное измерение графемной конфигурации» (топографемика) [Там же, с. 9].

Метаграфематические средства позволяют перевести «абстрактную графемную конфигурацию в конкретный материальный вид – письменную оболочку речевой формы» [Там же], представляя тем самым один из возможных вариантов формальной интерпретации текста. Вместе с тем метаграфематические средства «как инструменты (и результат) формального варьирования текста [...] получают некоторую семантическую интерпретацию, формируя дополнительный канал передачи смысла, его усложнения, обогащения и дифференциации» [Там же].

Свойство креолизованности как один из качественных признаков формальной стороны текста в разной мере характеризует речевые произведения ЕПР. По степени представленности текстов с использованием того или иного типа креолизованности речевые жанры ЕПР делятся на три группы [Тюкаева, 2005, с. 66].

Для первой группы жанров изобразительный элемент является факультативным и сопровождает вербальную часть. Примером данной группы являются тюремное письмо, открытка, дембельский альбом, где паралингвистические средства реализуют преимущественно функцию эстетического оформления.

Вторую группу образуют жанры, в которых паралингвистические средства становятся значимым типобразующим признаком. Среди них граффити [Тюкаева, 2005], чат [Алтухова, 2012], девичий альбом [Ермакова, 2014; Горовая, 2022; Рабенко, Горовая 2021].

В третью группу включаются жанры, в рамках которых креолизованность не является жанрообразующим признаком и носит попутный характер. К подобному типу жанров относятся автокоммуникативные жанры ЕПР (личный дневник [Рабенко, Лебедева, 2017], ежедневник [Юркевич, 2011], маргинальные страницы тетрадей [Плаксина, 2008]).

Границы между данными группами условны в силу жанрово-континуальной природы речевых произведений и, как следствие, наличия некоторой свободы в оформлении текста (хотя, безусловно, обнаруживается стремление автора к соблюдению определенных жанровых канонов).

Сочетание графем и элементов иных семиотических систем в тексте девичьего альбома, будучи одним из его жанроворелевантных признаков, несет в себе определенную смысловую нагрузку, вербальное выражение смысла компенсируется посредством зрительных образов. Установлено, что объем информации, выводимый из креолизованных текстов при визуальном восприятии, обусловлен степенью смысловой связи изображения и словесной составляющей.

В зависимости от характера соотношения графематических средств и элементов иных семиотических систем, задействованных в организации альбомного текста, обнаруживаются тексты двух видов [Анисимова, 1996]².

1. Тексты с частичной креолизованностью, в которых между вербальным и изобразительными компонентами устанавливаются автосемантические отношения, предполагающие автономность структурных элементов креолизованного текста. Основная идея такого текста выражена в его вербальном компоненте, невербальные элементы текста факультативны.

В рамках данной группы выделяются тексты двух подвидов:

а) тексты, где задействованы супраграфические (варьирование шрифта, насыщенности графем, подчеркивание, зачеркивание графем, фигурное расположение графем в виде елочки, лесенки) и хромографические (цветовая подача графем) средства, которые позволяют акцентировать внимание адресата на определенных, особо значимых фрагментах текста (это преимущественно названия разделов, заголовков стихотворных и песенных текстов)³;

б) тексты, включающие, помимо вышеназванных, элементы иконической супраграфемии. Подобного рода тексты присутствуют прежде всего в разделах «Любимые стихи» «Любимые песни», «Любимые цитаты», «Пожелания хозяйке

² Е. Е. Анисимова выделяет тексты с нулевой креолизованностью, в которых отсутствует один из компонентов: текст включает только вербальные или только визуальные средства [Анисимова, 1996]. Девичий альбом как креолизованный текст не может быть оценен с позиции нулевой креолизованности, ибо включенность в его структуру элементов различных семиотических систем составляет самую суть этого жанра, является его онтологическим свойством.

³ О смысловыделительной функции метаграфемии см. [Ермакова, 2014, с. 44].

альбома» и служат иллюстрацией к содержанию представленных речевых произведений.

- (1) Мой щенок похож немного
На бульдога и на дога
На собаку водолаза,
И на всех овчарок сразу...⁴

Отрывок из песни сопровождается вклеенной вырезкой из журнала, на которой изображен черный щенок.

- (2) АНЮТА!
Пусть этот крест тебя венчает,
Пусть сердце любит и хранит,
Стрела пучину разгоняет,
А чайка над тобой парит!!!

Пожелание владелице альбома сопровождается изображением креста на фоне двух сердец, пронзенных стрелой, и изображением летящей птицы.

2. Тексты с полной креолизованностью, где между графематическими средствами и элементами иных семиотических систем (прежде всего иконических элементов) наблюдаются синсемантические отношения. Понимание текста не представляется возможным без визуального восприятия иконического элемента. Так, на вопрос анкеты «Какое твое любимое время года?» респондент оставил рисунок в виде россыпи осенних листьев. На странице «Мои интересы» хозяйка альбома сообщает о своих интересах посредством размещения вклеенных вырезок (ноты, видеокамера, игрушечный мишка) и рисунков (изображение кота). Еще пример, на первой странице альбома автор пишет: «Прошу ошибки считать за (изображение улыбающихся губ)», слово «улыбки» опущено; «Писал не князь, прости за (изображение кляксы)», слово «грязь» опущено. «Словесный текст и изображение находятся здесь в комплементарных отношениях», что обеспечивает «единство сообщения» [Бард, 1989, с. 307].

Степень креолизованности альбомного текста определяется типом языковой личности автора. Можно предположить, что использование большего объема изобразительных элементов характерно для подростков с выраженной экстраверсией, где рисунок позволяет проявить эмоциональность и открытость характера. В свою очередь, альбому, чей автор – подросток, основной характеристикой личности которого является выраженная интроверсия, присуще менее креолизованное оформление текста [Фокина, 2013]. О типах авторов девичьего альбома см. [Горова, 2022, с. 406].

Полагаем, что на степени проявленности креолизованности при визуально-эстетическом оформлении альбома сказывается и личная увлеченность автора альбома рисованием (рисунок как хобби или специализированное обучение в художественной школе). Автор заявляет о своих интересах, как правило, в разделах «Анкета» или «О себе» и оттачивает свой навык художника в декорировании альбомных страниц.

Жанр девичьего альбома является эффективным механизмом воспроизводства «женско-девичьей культуры» [Борисов, 2002], направленной на формирование у девушек-подростков устойчивых моделей гендерного и социального поведения.

⁴ Здесь и далее сохраняется авторская орфография и пунктуация.

Постижение основ девичей культуры происходит в тесной взаимосвязи с процессами личной самореализации, определения своего места в коллективе сверстников, посредством письменного альбомного общения. Возможность проявления личностных качеств, интересов, эмоционального состояния в условиях альбомной коммуникации во многом детерминирована спецификой письменного общения, связанной с отсутствием непосредственного контакта между говорящим и слушающим, порождающей ограниченность в использовании невербальных средств, присущих устной коммуникации (мимика, жесты, интонация и т. д.). Потребность в преодолении границ между автором и адресатом становится импульсом для активизации творческого потенциала девушек-подростков, способствующего привлечению в качестве дополнительного способа общения графических средств визуализации информации. Их функции обуславливаются жанровой спецификой речевого произведения.

1. Презентационная функция. Рассматривая девичий альбом как явление социальное, следует говорить о возможности авторского самовыражения посредством создания альбома. Оформление альбома не только отражает обобщенное мировосприятие, присущее единой половозрастной группе, но и позволяет автору заявить миру о себе, эксплицировать свои индивидуальные особенности, потребности и интересы, поэтому по внешнему виду альбома сверстницы, вовлеченные в альбомное общение, формируют представление о хозяйке альбома. В связи с этим на страницах альбома размещаются личные фотографии автора с друзьями, родителями или домашними питомцами. Такие фотографии сопровождают заполнение разделов «О себе», «Моя семья», «Мои питомцы».

Разделы «Любимая музыка», «Любимый актер» информируют о вкусовых предпочтениях участников альбомного диалога. Здесь появляются вырезки из журналов с изображением кумиров хозяйки альбома, которые служат тематическим украшением соответствующих разделов, а также эксплицитно формируют у читателей представление о личных вкусах автора альбома. Заметим, что выбор изображений, размещенных в альбоме, напрямую зависит от модных тенденций массовой культуры, существующих на момент заполнения альбома, их состав варьируется в зависимости от временного промежутка бытования альбома.

2. Аксиологическая функция. Будучи речежанровым проявлением субкультуры девичества, девичий альбом отражает аксиологический аспект взаимоотношения личности с самой собой и окружающей ее реальностью. В центре аксиологической картины мира подростка – автора альбома – любовь как ценностная доминанта, романтическое чувство, которое во многом определяет содержание эстетических элементов альбома.

Реализация любовной тематики осуществляется посредством использования соответствующих символических изображений:

- сердца, символизирующего романтические отношения и, как правило, сопровождающего тексты о любви; нередко сердца, пронзенного стрелой, розовыми шипами, кинжалом и дополняющего тексты о предательстве или неразделенной любви [Энциклопедия, 2008, с. 325];

- цветов (красных роз, лилий), являющихся общепризнанными символами любви [Там же, с. 148, 150];

- «щита и копья Марса» / «зеркала Венеры» как символов мужского / женского начал [Князькина, 2017, с. 41];

- бабочек [Энциклопедия, 2008, с. 267], бантиков [Там же, с. 498], звезд [Там же, с. 54], смайлов с любовной тематикой (красное сердце ♥, разбитое сердце ♡,

лицо, посылающее воздушный поцелуй ☺ и пр.), которые, декорируя альбомное повествование, создают его уникальный дизайн.

Значимым инструментом воплощения любовной тематики в альбоме становится хромографемика альбомного текста: изображения на страницах альбома выполнены преимущественно в красных и розовых тонах, традиционно ассоциирующихся с любовными чувствами [Энциклопедия, 2008, с. 150].

3. Игровая функция. Существование альбомной традиции возможно при наличии устойчивого коллектива (носителя традиции), формирование которого осуществляется на основании общности социокультурных потребностей: противопоставление себя миру взрослых; необходимость быть признанным коллективом сверстников; реализация интереса к реалиям, запретным в силу возрастных ограничений. Альбомная традиция выполняет роль особого инструмента, способствующего созданию игрового пространства альбома, поддерживающего стабильный состав «альбомного социума» и постоянный интерес к альбомной коммуникации. Знакомство с миром «запретных чувств», осуществляемое посредством альбомного диалога между сверстницами, разворачивается в условиях особого игрового пространства, настраивающего на «условно-реальную деятельность» при соблюдении определенных правил [Хэйзинга, 1992, с. 17]. Игровой регистр альбомной коммуникации способствует «удвоению мира, построению иллюзорной реальности» [Коновалова, 2008, с. 9], которая позволяет «примерить множество костюмов, масок, попробовать те или иные роли, предпочитая понравившиеся и отбрасывая то, что оказалось не по вкусу» [Попова, 2010, с. 80].

Организация игрового пространства альбома осуществляется, помимо прочего, посредством использования элементов ряда семиотических систем. Обозначим их.

*Графематические и супраграфематические средства
креализованности*

1. Создание искусственного алфавита, знаковая система которого разрабатывается хозяйкой альбома или представляет собой коллективную деятельность в пределах группы сверстниц, находящихся в дружеских отношениях. Оформление отдельных отрезков текста альбома знаками такого алфавита демонстрирует избранность и изолированность представительниц группы, владеющих расшифровкой знаков данного алфавита, так как содержание такого текста понятно не всем. См. фрагмент искусственного алфавита.

А – у, Б – □, В – И, Г – ▲, Д – ☼, Е – 3, Ж – Е, И – ŷ, К – R,
Л – £, М – ~, Н – (=), О – (o), П – ≡, Р – A, С – §, Т – <

2. Кодирование личных данных автора альбома либо номинаций запретных для подросткового возраста реалий.

(1) На столе стоит стакан,
а в стакане лилия,
а зовут меня на Ю,
а на Е фамилия.

(2) Л – эти
Ю – шесть
Б – букв
О – приносят

В – много
Б – мук.

Графематические и топографические средства креализованности

Данные средства предполагают плоскостное (пространственное) варьирование текста.

«Секретик» – бумажная конструкция, состоящая из свернутого листа (в виде треугольника, гармошки и т. д.) или вклеенного в основную тетрадь конверта с текстом, будоражащим интерес читателя к его скрытому содержанию (совету, шутке, стихотворению, игре и т. п.).

- (1) «СЕКРЕТ. НИКОМУ НЕ ОТКРЫВАТЬ!» (на сгибе страницы)

«Кто боится поцелуя
Тот не может полюбить,
А любовь без поцелуя
Никогда не может быть» (на развороте страницы).

- (2) «Разверни листочек» (на сгибе страницы)

«Ну еще разочек» (первый разворот страницы)
«Что же ты стесняешься» (второй разворот страницы)
«Может догадаешься» (третий разворот страницы)
«Что ты мне очень нравишься» (четвертый разворот страницы).

«Объявление» – бумажная конструкция, оформленная в виде объявления с отрывными листами. В содержании объявления располагается призыв или просьба к участникам альбомного общения.

- (1) «Возьми совесть, чтобы не читать мой дневник» (содержание объявления).

«Совесть» (содержание отрывной части).

- (2) «Возьми улыбку (они бесплатные)» (содержание объявления).

«☺» (содержание отрывной части).

«Страничка посещаемости» («бутылочка посещаемости») – бумажная конструкция, состоящая из двух конвертов: один из них выполнен в виде бутылочки с прозрачной верхней частью, второй – в виде конверта, в котором хранятся бумажные цветные сердечки. Такую конструкцию предваряет просьба хозяйки альбома: «Посетил страничку – брось сердечко в баночку!».

Использование вышеназванных тактильных способов взаимодействия с адресатом служит средством привлечения внимания сверстниц к альбому, а также позволяют провести мониторинг активности девичьего сообщества относительно данного альбома.

Заключение

Таким образом, креализованность, будучи жанворелевантным признаком ряда жанров ЕПР, обеспечивает визуальное распознавание жанра. Степень креализованности текста и конфигурация компонентов различных семиотических систем детерминированы жанровой спецификой речевых произведений, располагающихся на оси «тексты с нулевой креализацией – тексты с частичной креализацией – тексты с полной креализацией».

В жанре девичьего альбома функциональная значимость креолизованности текста коррелирует с коммуникативной целью жанра – осуществление гендерной инкультурации подростка. В ходе создания семиотически осложненного текста девичьего альбома формируется игровое пространство, являющееся виртуальной проекцией реального бытия.

Креолизованность альбомного повествования характеризуется полифункциональностью, реализуемой в ряде функций: эстетической, направленной на внешнюю, техническую организацию текста, центрируемого любовной тематикой; презентационной, нацеленной на маркирование индивидуального начала автора, формирование имиджа последнего; игровой, сопряженной с моделированием особого коммуникативного пространства, где можно обсудить «взрослые» темы со сверстницами.

Объем и характер креолизованных текстов в структуре девичьего альбома вариативен и продиктован содержанием разделов альбома и индивидуальными характеристиками автора.

Список литературы

- Алтухова Т. В.* Коммуникация в социальной компьютерной сети «В Контакте»: жанроведческий аспект: Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012. 215 с.
- Анисимова Е. Е.* О целостности и связности креолизованного текста (к постановке проблемы) // Филол. науки. 1996. № 5. С. 74–85.
- Арутюнова Н. Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136–137.
- Арутюнова Н. Д.* Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис // Жанры общения. М., 1992. С. 5–137.
- Баранов А. Н., Паршин П. Б.* О метаязыке описания визуализаций текста // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2018. Т. 17, № 3. С. 6–15.
- Бард Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
- Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 250–296.
- Бернацкая А. А.* К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: Специализированный вестник. 2000. Вып. 3 (11). С. 104–110.
- Борисов С. Б.* Мир русского девичества: 70–90 годы XX в. М.: Ладомир, 2002. 342 с.
- Ворошилова М. Б.* Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 194 с.
- Горелов И. Н., Седов К. Ф.* Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 1998. 256 с.
- Горовая Я. О.* Образ автора в жанре девичьего альбома // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 6 (97). С. 404–407.
- Дементьев В. В.* Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
- Ейгер Г. В., Юхт В. Л.* К построению типологии текстов // Лингвистика текста: Материалы науч. конф. при МГПИИЯ им. М. Горького. М., 1974. Ч. 1. С. 103–109.
- Ермакова Н. В.* Особенности креолизованных текстов в речевом жанре «девичий альбом» // Русская филология: Вестник Харьков. нац. пед. ун-та им. Г. С. Сковороды. 2014. № 1–2 (51). С. 41–46.

- Князькина Л. Е.* Знаковое многообразие как отражение концептосферы анатомии // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 42 (58). С. 40–42.
- Коновалова Ю. О.* Языковая игра в современной русской разговорной речи: Монография. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2008. 196 с.
- Кравченко А. В.* Когнитивные структуры пространства и времени в естественных языках // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1996. Т. 55, № 3. С. 3–24.
- Лебедева Н. Б.* Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестник БГПУ. Серия: Гуманитарные науки. 2001. № 1. С. 6–12.
- Лебедева Н. Б., Зырянова Е. Г., Максимова (Плаксина) Н. Ю., Тюкаева Н. И.* Жанры естественной письменной речи: студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка: Монография. М.: КРАСАНД, 2021. 256 с.
- Лебедева Н. Б., Рабенко Т. Г.* Субстрат текстов естественной письменной речи в аспекте жанровой релевантности // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 300–311. DOI 10.17223/18137083/81/23
- Максименко О. И.* Поликодовый vs креолизованный текст // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 2. С. 93–102.
- Мечковская Н. Б.* Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций. М.: Академия, 2008. 432 с.
- Плаксина Н. Ю.* Маргинальные страницы тетрадей в жанроведческом аспекте: Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 219 с.
- Пойманова О. В.* Семантическое пространство видеовербального текста: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 237 с.
- Попова Е. А.* Игра как способ самоидентификации человека: философско-культурологический аспект // Вестник Челяб. гос. ун-та. Философия. Социология. Культурология. 2010. № 1 (182). С. 79–84.
- Рабенко Т. Г., Горовая Я. О.* Типы диалогичности в жанровой структуре девичьего альбома // Культура и текст. 2021. № 1 (44). С. 262–275.
- Рабенко Т. Г., Лебедева Н. Б.* Речевой жанр в парадигме лингвистической вариантологии (на материале жанра «личный дневник») // Вестник Том. гос. ун-та. 2017. № 425. С. 26–31.
- Седов К. Ф.* О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1999. Вып. 2. С. 13–26.
- Сонин А. Г.* Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 323 с.
- Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Высш. шк., 1990. С. 180–186.
- Тюкаева Н. И.* Студенческое граффити как жанр естественной письменной русской речи: Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005. 214 с.
- Фокина И. В.* Связь творческого мышления и показателя экстраверсии-интроверсии у подростков // Перспективы науки и образования. 2013. № 6 (6). С. 161–165.
- Хёйзинга Й.* Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 1992. 464 с.
- Чейф У. Л.* Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975. 432 с.
- Шмелева Т. В.* Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1. С. 88–99.

Шубина Н. Л. Невербальная семиотика печатного текста как область лингвистического знания // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. № 97. С. 184–192.

Энциклопедия знаков и символов / Сост. О. В. Вовк. М.: ВЕЧЕ, 2008. 528 с.

Юркевич А. С. Ежедневник как жанр естественной письменной русской речи: Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2011. 230 с.

Якобсон Р. О. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Якобсон Р. О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 319–330.

References

Altukhova T. V. *Kommunikatsiya v sotsial'noy komp'yuternoy seti "VKontakte": zhanrovedcheskiy aspekt* [Communication in the social computer network "VKontakte": genre aspect]. Cand. philol. sci. diss. Kemerovo, 2012, 215 p.

Anisimova E. E. O tselostnosti i svyaznosti kreolizovannogo teksta (k postanovke problemy) [On the integrity and coherence of the creolized text (to the formulation of the problem)]. *Philological sciences*. 1996, no. 5, pp. 74–85.

Arutyunova N. D. Diskurs [Discourse]. In: *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sov. entsikl., 1990, pp. 136–137.

Arutyunova N. D. Chelovecheskiy faktor v yazyke. Kommunikatsiya, modal'nost', deysis [The human factor in language. Communication, modality, deixis]. In: *Zhanry obshcheniya* [Genres of communication]. Moscow, 1992, pp. 5–137.

Baranov A. N., Parshin P. B. O metazyazyke opisaniya vizualizatsiy teksta [About the metalanguage of the description of text visualizations]. *Science Journal of VolSU. Linguistics*. 2018, vol. 17, no. 3, pp. 6–15.

Bard R. *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress, 1989, 616 p.

Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. In: *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo, 1986, pp. 250–296.

Bernatskaya A. A. K probleme "kreolizatsii" teksta: istoriya i sovremennoe sostoyanie [On the problem of "creolization" of the text: history and current state]. In: *Rechevoe obshchenie: Spetsializirovannyi vestnik* [Speech communication]. A. P. Skovorodnikov. (Ed.). Krasnoyarsk, Siberian Federal University, 2000, iss. 3 (11), pp. 104–110.

Borisov S. B. *Mir russkogo devichestva: 70–90 gody 20 v.* [The world of Russian girlhood: 70–90 years of the 20th century]. Moscow, Lodomir, 2002, 343 p.

Cheyf U. L. *Znachenie i struktura yazyka* [Meaning and structure of the language]. Moscow, Progress, 1975, 432 p.

Dement'ev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak, 2010, 600 p.

Entsiklopediya znakov i simvolov [Encyclopedia of Signs and Symbols]. O. V. Vovk (Comp.). Moscow, VEChE, 2008, 528 p.

Ermakova N. V. Osobennosti kreolizovannykh tekstov v rechevom zhanre "devichiy al'bom" [Features of creolized texts in the speech genre "maiden album"]. *Russkaya filologiya: Vestnik Khar'kov. nats. ped. un-ta im. G. S. Skovorody*. 2014, no.1–2 (51), pp. 41–46.

Eyger G. V., Yukht V. L. K postroeniyu tipologii tekstov [Towards the construction of a typology of texts]. In: *Lingvistika teksta: Materialy nauch. konf. pri MGPIIYa im. M. Toreza* [Linguistics of the text: Proceedings of the scientific conf. M. Torez]. Moscow, 1974, pt. 1, pp. 103–110.

Fokina I. V. Svyaz' tvorcheskogo myshleniya i pokazatelya ekstra-versii-introversii u podrostkov [The connection of creative thinking and the indicator of extraversion-introversion in adolescents]. *Perspectives of Science and Education*. 2013, no. 6 (6), pp. 161–165.

Gorelov I. N., Sedov K. F. *Osnovy psiholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow, Labirint, 1998, 256 p.

Gorovaya Ya. O. Obraz avtora v zhanre devich'ego al'boma [The image of the author in the genre of a girl's album]. *The world of science, culture and education*. 2022, no. 6 (97), pp. 404–407.

Kheyzinga Y. *Homo Ludens. V teni zavtrashnego dnya* [Homo Ludens. In the shadow of tomorrow]. Moscow, Progress, 1992, 464 p.

Knyaz'kina L. E. Znakovoe mnogoobrazie kak otrazhenie kontsepto-sfery anatomii [Symbolic diversity as a reflection of the concept sphere of anatomy]. *International Research Journal*. 2017, no. 42, pp. 40–42.

Konovalova Yu. O. *Yazykovaya igra v sovremennoy russkoy razgo-vornoy rechi* [Language game in modern Russian colloquial speech]. Vladivostok, VVSU Publ., 2008, 196 p.

Kravchenko A. V. Kognitivnye struktury prostranstva i vremeni v estestvennykh yazykakh [Cognitive structures of space and time in natural languages]. *The Bulletin of the Academy of Sciences USSR: Studies in Literature and Language*. 1996, vol. 55, no. 3, pp. 3–24.

Lebedeva N. B. Estestvennaya pis'mennaya russkaya rech' kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Natural written Russian speech as an object of linguistic research]. *Vestnik BGPU. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2001, no. 1, pp. 6–12.

Lebedeva N. B., Rabenko T. G. Substrat tekstov estestvennoy pis'mennoy rechi v aspekte zhanrovoy relevantnosti [The substratum of natural written speech in the aspect of genre relevance]. *Siberian Journal of Philology*. 2022, no. 4, pp. 300–311. DOI 10.17223/18137083/81/23

Lebedeva N. B., Zyryanova E. G., Maksimova (Plaksina) N. Yu., Tyukaeva N. I. *Zhanry estestvennoy pis'mennoy rechi: Studencheskoe graffiti, marginal'nye stranitsy tetradey, chastnaya zapiska: Monografiya* [Genres of natural writing: Student graffiti, marginal pages of notebooks, private note: Monograph]. Moscow, KRASAND, 2021, 236 p.

Maksimenko O. I. Polikodovyy vs. kreolizovanny tekst [Polycode vs. creolized text]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2012, no. 2, pp. 93–102.

Mechkovskaya N. B. *Semiotika: Yazyk. Priroda. Ku'tura* [Semiotics. Language. Nature. Culture]. Moscow, Akademiya, 2008, 432 p.

Plaksina N. Yu. *Marginal'nye stranitsy tetradey v zhanrovedcheskom aspekte* [Marginal pages of notebooks in the genre aspect]. Cand. philol. sci. diss. Kemerovo, 2009, 222 p.

Popova E. A. Igra kak sposob samoidentifikatsii cheloveka: filosofsko-kul'turologicheskiy aspekt [The game as a way of self-identification of a person: philosophical and cultural aspect]. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philosophy. Sociology. Culture*. 2010, no.1 (182), pp. 79–84.

Poymanova O. V. *Semanticheskoe prostranstvo videoverbal'nogo teksta* [Semantic space of the video verbal text]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1997, 237 p.

Rabenko T. G., Gorovaya Ya. O. Tipy dialogichnosti v zhanrovoy strukture devich'ego al'boma [Types of dialogicality in the genre structure of a girl's album]. *Culture and text*. 2021, no. 1 (44), pp. 262–275.

Rabenko T. G., Lebedeva N. B. Rechevoy zhanr v paradigme lingvi-sticheskoj variantologii (na materiale zhanra "lichnyj dnevnik") [Speech genre in the paradigm of linguistic variantology (based on the material of the genre "personal diary")]. *Tomsk State University Journal*. 2017, no. 425, pp. 26–31.

Sedov K. F. O zhanrovoy prirode diskursivnogo myshleniya yazykovoy lichnosti [On the genre nature of discursive thinking of a linguistic personality]. In: *Zhanry rechi* [Genres of speech]. Saratov, Kolledzh, 1999, iss. 2, pp. 13–26.

Sonin A. G. *Modelirovanie mekhanizmov ponimaniya polikodovykh tekstov* [Modeling of mechanisms for understanding polycode texts]. Doct. philol. sci. diss. Moscow, 2006, 323 p.

Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya [Creolized texts and their communicative function]. In: *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya* [Optimization of speech impact]. Moscow, Vyssh. shk., 1990, pp. 180–186.

Tyukaeva N. I. *Studencheskoe graffiti kak zhanr estestvennoy pis'mennoy russkoy rechi* [Student graffiti as a genre of natural written Russian speech]. Cand. philol. sci. diss. Barnaul, 2005, 227 p.

Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra [A model of the speech genre]. In: *Zhanry rechi* [Genres of speech]. Saratov, Kolledzh, 1997, iss. 1, pp. 88–99.

Shubina N. L. Neverbal'naya semiotika pechatnogo teksta kak oblast' lingvisticheskogo znaniya [Nonverbal semiotics of printed text as a field of linguistic knowledge]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2009, no. 97, pp. 184–192.

Voroshilova M. B. *Politicheskij kreolizovannyj tekst: klyuchi k prochteniyu* [Political creolized text: the keys to reading]. Ekaterinburg, UrSPU, 2013, 194 p.

Yakobson R. O. Yazyk v otnoshenii k drugim sistemam kommunikatsii [Language in relation to other communication systems]. In: Yakobson R. O. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow, Progress, 1985, pp. 319–330.

Yurkevich A. S. *Ezhednevnik kak zhanr estestvennoy pis'mennoy russkoy rechi* [Diary as a genre of natural writing]. Cand. philol. sci. diss. Kemerovo, 2011, 198 p.

Информация об авторах

Татьяна Геннадьевна Рабенко, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия)

Яна Олеговна Горовая, аспирант кафедры стилистики и риторики Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия)

Information about the authors

Tatyana G. Rabenko, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor at the Department of stylistics and rhetoric of the Institute of Philology, foreign languages and media communications of Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation)

Yana O. Gorovaya, Postgraduate student at the Department of stylistics and rhetoric of the Institute of Philology, foreign languages and media communications of Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

*Статья поступила в редакцию 17.01.2023;
одобрена после рецензирования 12.02.2023; принята к публикации 12.02.2023
The article was submitted on 17.01.2023;
approved after reviewing on 12.02.2023; accepted for publication on 12.02.2023*

Рецензии

Рецензия

УДК 811.511.151

DOI 10.17223/18137083/83/25

Марийский язык в памятниках письменности: новые интерпретации и реконструкции

Рецензия на книгу:

**Сергеев О. А. Язык памятников письменности
марийского языка (конец XVII – XVIII вв.).
Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. 422 с.**

Алевтина Васильевна Камитова

Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук
Ижевск, Россия

akamitova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7119-1797>

Аннотация

Представлен обзор монографии О. А. Сергеева, в которой описывается широкий спектр языковых явлений, отраженных в памятниках письменности марийского языка конца XVII – XVIII в. В книге особое внимание уделяется выявлению всех существующих памятников письменности данного периода, зафиксировавших марийские слова и связанные тексты. Представлено подробное и целостное описание ранних в хронологическом отношении памятников письменности с сопровождением историко-лингвистической и палеографической интерпретации лексических материалов, которые представляют особый интерес для лингвистической типологии и объективной реконструкции истории марийского языка.

Ключевые слова

марийский язык, письменный памятник, лексические единицы, рукописные материалы, языковые особенности, первая марийская грамматика

Для цитирования

Камитова А. В. Марийский язык в памятниках письменности: новые интерпретации и реконструкции. Рецензия на книгу: Сергеев О. А. Язык памятников письменности марийского языка (конец XVII – XVIII вв.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. 422 с. // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 327–330. DOI 10.17223/18137083/83/25

© Камитова А. В., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 327–330
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 327–330

**The Mari language in the monuments of writing:
new interpretations and reconstructions**

The book review:

**Sergeev O. A. The language of written monuments
of the Mari language (late 17th – 18th centuries).
Yoshkar-Ola, MarNIIYALI, 2021, 422 p.**

Alevtina V. Kamitova

Udmurt Federal Research Center
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Izhevsk, Russian Federation
akamitova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7119-1797>

Abstract

The paper presents a review of one of the latest monographs of O. A. Sergeev. The work under consideration describes a wide range of linguistic phenomena reflected in the monuments of the written Mari language of the late 17th and 18th centuries. Special attention is paid to identifying all existing monuments of writing of that period, in which the Mari words and coherent texts are recorded. A detailed and holistic description of the chronologically earliest written monuments is presented, supplemented by a historical-linguistic and paleographic interpretation of lexical materials that are of particular interest for linguistic typology and objective reconstruction of the history of the Mari language. Every description of the phenomenon is followed by an extensive illustrative material. This review provides a brief summary of every chapter, highlighting the dominant topics that are of special significance not only for Mari linguistics but also for Finno-Ugric linguistics.

Keywords

Mari language, written monument, lexical units, handwritten materials, language features, the first Mari grammar

For citation

Kamitova A. V. The Mari language in the monuments of writing: new interpretations and reconstructions. The book review: Sergeev O. A. The language of written monuments of the Mari language (late 17th – 18th centuries). Yoshkar-Ola, MarNIIYALI, 2021, 422 p. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 327–330. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/25

Памятники письменности – бесценное наследие народа. Вопросы, связанные с их выявлением и изучением, входят в сферу активно развивающихся направлений в современной российской гуманитарной науке. В этом русле написана монографическая работа О. А. Сергеева «Язык памятников письменности марийского языка (конец XVII – XVIII вв.)» (2021). В данном труде отражен опыт многолетних кропотливых научных исследований автора в области изучения лингвистических особенностей ранних письменных памятников на марийском языке.

В целях получения объективной картины истории развития марийского языка в период XVII–XVIII вв. О. А. Сергеевым привлечены разнообразные методы и подходы современной гуманитаристики вкупе с традиционными разработками. Основной упор сделан на таких подходах, как лингвистический, системный, сравнительно-сопоставительный, лексико-семантический анализ, палеографический метод, приемы наблюдения, обобщения, систематизации и классификации исследуемых объектов.

дуемого материала. Весомое место в исследовательском процессе О. А. Сергеева занял поисковый метод в региональных и центральных архивах и библиотеках, а также в электронных каталогах.

Структурно работа состоит из введения и четырех глав: описание впервые зафиксированных лексических единиц в опубликованных и рукописных трудах, анкетах и в эпистолярном наследии зарубежных и отечественных ученых; выявление языковых особенностей первых печатных текстов на марийском языке; анализ первой марийской грамматики.

Во введении, отражающем общую характеристику работы и ключевые моменты истории изучения и выявления ранних памятников письменности марийского языка, также изложены принципы достижения объективных результатов, основанных на глубокой проработке внушительного объема архивных документов, редких публикаций, что, несомненно, вызывает глубокое уважение.

В первой главе представлены результаты работы по обработке опубликованных и рукописных источников с целью выявления в них лексических единиц марийского языка. Всесторонний анализ марийских слов, зафиксированных в переписках и письмах, в научных трудах и материалах анкет зарубежных и отечественных ученых, проводится с обращением к последовательно-хронологическому и логическому методам рассмотрения материала. Хронологические границы исследования продиктованы историко-культурным контекстом и спецификой развития марийской письменности и охватывают период конца XVII – XVIII в. Опираясь на анализ документальных материалов, О. А. Сергеев аргументированно обосновывает, что первая фиксация марийских лексических единиц «сделана не в 1705 г. голландцем Н. К. Витсенем, а на восемь лет раньше – в 1697 г. шведским дипломатом Г. Бреннером» (с. 87).

Во второй главе представлен развернутый обзор лингвистических материалов по марийскому языку, собранных различными учеными во время научных экспедиций в Поволжье, на Урал и в Сибирь. Сравнительно-сопоставительный анализ лексических единиц, отраженных в трудах ученых-путешественников, позволил автору выявить схожие и отличительные черты.

В этой же главе исследователь подробно останавливается на роли участников Камчатских экспедиций в собирании лексических материалов по марийскому языку, в числе которых были Г. Ф. Миллер и И. Э. Фишер. По констатации О. С. Арсеньева, из четырех рукописных глоссариев Г. Ф. Миллера из Архива Санкт-Петербургского отделения РАН только один был собран в процессе полевой работы, остальные три составлены в Казани, где он остановился, возвращаясь из путешествия по Сибири (с. 122). На основе анализа всех четырех миллеровских словников делается вывод о том, что его рукопись «Собрание речей» является «первым марийским памятником, где лексические единицы маркированы ударением», «первым диалектологическим словарем марийского языка» (с. 122), «первым историческим источником, где дается спряжение марийских глаголов» (с. 130).

Отдельное внимание уделено изучению материалов полевых исследований по языкам народов Сибири, находящихся в рукописном фонде И. Э. Фишера Архива Санкт-Петербургского отделения РАН. Содержащиеся в данном фонде материалы одни ученые приписывают самому И. Э. Фишеру, другие – Г. Ф. Миллеру. Скрупулезно анализируя марийский словник, О. А. Сергеев выявляет подлинную суть полярных мнений и говорит о принадлежности лексикографического материала

Г. Ф. Миллеру, которым И. Э. Фишер воспользовался в немецкой транскрипции (с. 138).

В этой же главе уделено внимание роли «академических» экспедиций в собирании лексических материалов по марийскому языку. Изложен весомый вклад «команды Палласа» и результаты полевых работ участников экспедиции.

Предметом отдельного рассмотрения данной главы стали рукописные словари марийского языка второй половины XVIII в. Письменные памятники изучены с точки зрения орфографии: представлены система гласных и согласных, особенности лексики, морфологии и грамматики. Приводятся гипотетические рассуждения о возможных «соавторах» и «соучастниках», имевших отношение к составлению вышеперечисленных словарей.

В третьей главе исследовательское внимание автора сфокусировано на первых связных текстах на марийском языке, представлен лингвистический анализ трех памятников конца XVIII – начала XIX в. (2 стихотворных и 1 прозаического) на марийском языке вкупе с их объективной литературно-критической оценкой. Данные сочинения О. А. Сергеевым выведены на новый рубеж осмысления. На основе проведенного «экспертного» лингвистического исследования, автор предлагает свои варианты прочтения текстов, оформленных по требованиям современной графической системы.

В последней главе автор монографии делится развернутыми наблюдениями над историей создания первой марийской грамматики, выражает свое мнение по поводу причастности В. Пуцек-Григоровича к подготовке данного сочинения, высказывает мысль о наличии в данном труде различных диалектных стихий. На основе тщательного анализа лексического материала грамматики делается вывод о том, что «почти все буквы заимствованы из кириллицы, которые и послужили основой для современного марийского алфавита» (с. 348).

В монографии О. А. Сергеева представлено собрание памятников письменности марийского языка конца XVII – XVIII в., ярко отражающих особенности развития марийского языка обозначенного исторического периода. Письменные памятники представлены в монографии не только как объекты лингвистического (шире – филологического) изучения, но и как документы большого культурно-исторического значения.

Информация об авторе

Алевтина Васильевна Камитова, кандидат филологических наук, научный сотрудник Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск, Россия)

Information about the author

Alevtina V. Kamitova, Candidate of Philology, Researcher, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. (Izhevsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 25.10.2022;
одобрена после рецензирования 02.11.2022; принята к публикации 11.05.2023
The article was submitted on 25.10.2022;
approved after reviewing on 02.11.2022; accepted for publication on 11.05.2023*

Научная жизнь

Краткое сообщение

УДК 83'3

DOI 10.17223/18137083/83/26

Михайловские пушкинские чтения – 2022: «История народа принадлежит поэту»

Олег Викторович Никитин ¹
Владимир Владимирович Турчаненко ²

¹ Государственный университет просвещения
Мытищи, Россия

² Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

¹ olnikitin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

² vladimir.turchanenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0573-4583>

Аннотация

Рассматриваются итоги Всероссийской научной конференции «Михайловские Пушкинские чтения» (21–22 августа 2022 г.), посвященной 198-й годовщине приезда А. С. Пушкина в северную ссылку и 350-летию со дня рождения Петра Великого. Подчеркивается актуальность и новаторство обсуждавшихся идей в русле развития современного пушкиноведения: Петр I и отражение его эпохи в культуре и литературе, пушкинские тексты как лексикографический источник, вопросы текстологии и издания произведений поэта, рецепция его творчества в современной литературе и др. Делается краткий обзор новых изданий о Пушкине, подаренных музеем-заповеднику «Михайловское».

Ключевые слова

история литературы, поэтика, пушкиноведение, филологическая культура, текстология

Для цитирования

Никитин О. В., Турчаненко В. В. Михайловские Пушкинские чтения – 2022: «История народа принадлежит поэту» // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 331–334. DOI 10.17223/18137083/83/26

© Никитин О. В., Турчаненко В. В., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 331–334
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 331–334

Mikhailovskoe Pushkin Readings – 2022: “The history of the people belongs to the poet”

Oleg V. Nikitin¹, Vladimir V. Turchanenko²

¹ State University of Education
Mytishchi, Russian Federation

² Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

¹ olnikitin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

² vladimir.turchanenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0573-4583>

Abstract

This paper discusses the results of the national scientific conference Mikhailovskoe Pushkin Readings (August 21–22, 2022). The conference was dedicated to the 198th anniversary of Pushkin’s arrival in northern exile and the 350th anniversary of the birth of Peter the Great. The speakers paid special attention to interdisciplinary problems: philosophy of culture and literature, Pushkin as a historiographer, pedigree of the poet. Of great interest to the audience was a new project, the “The dictionary of popular expressions” prepared on the basis of the novel “Eugene Onegin”. Presented at the Readings was an analysis of the composition and structure of the Pushkin Library, stored at the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences. New archival documents have been put on public display dealing with the history of how the texts of Pushkin’s critical-publicist prose were prepared for publication in Soviet academic edition. Of great relevance are the ideas discussed at the Readings regarding the development of modern Pushkin studies: Peter the Great and the reflection of his era in culture and literature, Pushkin texts as a lexicographic source, problems of publishing the poet’s works, the reception of his work in contemporary literature.

Keywords

literary history, poetics, Pushkin studies, philological culture, textual criticism

For citation

Nikitin O. V., Turchanenko V. V. Mikhailovskoe Pushkin Readings – 2022: “The history of the people belongs to the poet”. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 331–334. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/26

21–22 августа 2022 г. в Пушкинском Заповеднике (Псковская область) состоялись традиционные «Михайловские Пушкинские чтения», приуроченные к 198-й годовщине приезда поэта в северную ссылку и 350-летию со дня рождения Петра I. Их лейтмотивом стали строки А. С. Пушкина из письма Н. И. Гнедичу от 23 февраля 1825 г.: «История народа принадлежит поэту».

Августовские чтения широко известны как историко-культурная интеллектуальная площадка для научного диалога представителей самых разных сфер: филологов, философов, искусствоведов, музейных работников. Междисциплинарность конференции отразила содержательную и методологическую многогранность изучения биографии и наследия А. С. Пушкина. В этом состояла немалая заслуга заместителя директора по музейной, научной и экскурсионной работе Пушкинского Заповедника **Л. П. Тихоновой** и ведущего **Ю. А. Соколова** (Санкт-Петербург).

В чтениях прозвучали доклады, связанные с изучением личности Петра I и отражения его эпохи в литературе, анализом пушкинских текстов как лексикогра-

фического источника, исследованием текстологии, спецификой издания произведений поэта, рефлексией его творчества в современной литературе и др.

Чтения открылись докладом **О. В. Никитина** (Мытищи) «“А Петр Великий... один есть целая история” (Петр I в письмах А. С. Пушкина)». Ученый прокомментировал наиболее показательные сюжеты в переписке поэта с друзьями, в которых обсуждалась идея подготовки нового труда «История Петра I».

Двухсотлетие со времени начала работы Пушкина над романом «Евгений Онегин» было отмечено **В. М. Мокиенко** (Санкт-Петербург), представившим проект «Словаря крылатых выражений», подготовленный совместно с **К. П. Сидоренко** (Санкт-Петербург). Наблюдения над функционированием фразеологизмов из «Евгения Онегина» в повседневной письменной и устной речи дали ценные дополнения, которые будут отражены в новом словаре.

Об уникальном книжном собрании – Пушкинском кабинете в библиотеке Пушкинского Дома – рассказала главный библиотекарь Библиотеки Академии наук **Л. А. Тимофеева** (Санкт-Петербург). Она проанализировала этапы работы кабинета, начиная со времени его создания (1934), подчеркнув, что на сегодняшний день он насчитывает более 25 тысяч наименований. В Пушкинском кабинете силами нескольких поколений библиографов созданы каталоги, значительно облегчающие работу исследователей.

История подготовки к публикации текстов критико-публицистической прозы Пушкина в советском академическом издании была представлена сотрудником Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН **В. В. Турчаненко** (Санкт-Петербург). Опираясь на архивные источники, докладчик проанализировал «биографию» XI тома «Полного собрания сочинений», выделил роль редакторов критической прозы – В. В. Гиппиуса и Б. М. Эйхенбаума, а также контрольного рецензента тома В. В. Виноградова. Введенные в научный оборот архивные документы станут серьезным подспорьем в работе над новым академическим собранием сочинений, выпускаемым Пушкинским Домом в настоящее время.

О поэтике книги стихов знаменитого барда Александра Городницкого «Дорога к Пушкину» рассказала **Э. М. Афанасьева** (Москва). Доклад стал связующим звеном между историей и современностью, продемонстрировал актуальность пушкинского наследия в современной литературе. Доклад **М. А. Жирковой** (Санкт-Петербург) был посвящен сохранению русской культуры в эмиграции (на примере произведений Саши Черного). **А. С. Петрова** (Невель) осветила проблему изучения творчества А. С. Пушкина в системе семейного образования. **П. В. Крапошин** (Москва) поделился наблюдениями об отражении судебной системы России в повести А. С. Пушкина «Дубровский».

История, получившая особое место в программе чтений этого года, нашла отражение в выступлении **Б. К. Ганнибала** (Санкт-Петербург) о предке Пушкина – генерале А. П. Ганнибале, и докладе **А. В. Кондратени** (Опочка) о потомках Ганнибалов – Коротовых, фотографии которых сохранились в фондах Опочецкого краеведческого музея. Содержательными были заметки **Д. А. Пикулы** (Пушкинские Горы), посвященные Вороничскому уезду и пребыванию Ивана Грозного в тех местах.

Организаторы чтений предложили участникам насыщенную экскурсионную программу: посещение музейных экспозиций; участие в открытии выставки из собрания Государственного музея А. С. Пушкина «Ба! Знакомые всё лица! Загадки псковского альбома 1820-х годов»; филологические прогулки по реликтовым паркам, где можно было услышать чтение стихов А. С. Пушкина в исполнении

актера театра «Русская антреприза» им. А. Миронова М. Драгунова, олицетворявшего собой ту эпоху в ее непревзойденной эстетике слова и провинциального быта; поездка в г. Опочку.

Хорошей традицией проведения «Михайловских Пушкинских чтений» стали представления новых изданий и подарки библиотеке Пушкинского Заповедника. В этот раз она пополнилась интересными книгами: В. М. Мокиенко преподнес «Школьный словарь крылатых выражений Александра Пушкина» (2005), В. В. Турчаненко передал «Пушкинскую энциклопедию» (серия «Произведения». Вып. 4: П–Р. 2020) и «Временники Пушкинской комиссии» (вып. 31, 33–36), Л. А. Тимофеева – «Библиографию произведений А. С. Пушкина и литературы о нем» (2019), Г. Н. Антонов сделал презентацию своей книги «Пушкин и война» (2022), постоянный участник чтений Б. К. Ганнибал подарил библиотеке «Гербарий Роберта Арескина, лейб-медика Петра Великого, архиатра» (2022).

Многое в чтениях было полезным широкому кругу пушкиноведов: знакомство с новыми публикациями об А. С. Пушкине и Пушкинском Заповеднике, издаваемыми в серии «Михайловская пушкиниана» (были представлены 87 и 89 выпуски 2022 г.), литературно-художественные экспозиции в залах Научно-культурного центра, посещение могилы поэта в Святогорском монастыре, рассказы сотрудников музея о его столетней истории, память о легендарном директоре С. С. Гейченко, о тех литераторах и ученых, которые оставили здесь частичку своей души, – вся атмосфера этих мест словно оживала в природной и словесной гармонии нетронутого духа времени.

Информация об авторах

Олег Викторович Никитин, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Государственного университета просвещения (Мытищи, Российская Федерация)

Владимир Владимирович Турчаненко, аспирант, младший научный сотрудник Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Information about the authors

Oleg V. Nikitin, Doctor of Philology, Professor, Professor at the Department of History of Russian and General Linguistics at the State University of Education (Mytishchi, Russian Federation)

Vladimir V. Turchanenko, Postgraduate student, Junior Researcher at the Department of Manuscripts of the Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 12.10.2022;
одобрена после рецензирования 18.10.2022; принята к публикации 18.10.2022
The article was submitted on 12.10.2022;
approved after reviewing on 18.10.2022; accepted for publication on 18.10.2022*